This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07919835 8

Digitized by Google

Digitized by Google

#2

pp 807–14
mixed up by the
bookbinder

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПЕРЕЖЕЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

511136 85

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

1870

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ. Психо-физіологическое изслѣдованіе. Г. Струве.

II. МЮНХЕНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА. (Окончаніе.) А. М. Матушинскаго.

III. ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Гл. VII—IX. Барона Ѳ. А. Бюлера.

IV. ТЮРЕМНЫЙ МІРЪ. Гл. I—III. Н. Реутскаго.

V. ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая. Гл. I—VII. Н. А. Чаева.

VI. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Сцена первая. Гл. I—VI.

VII. ЦАРСКІЙ СОКОЛЬНИКЪ. Историческая повѣсть. Часть вторая. Н. Бицына.

VIII. СОБЫТІЕ ВЪ НИГИЛИСТИЧЕСКОМЪ МІРѢ. Домашній разговоръ. Вареоломея Кочнева.

IX. ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛЬЁ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. VI—X.

Digitized by Google

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L
INDEXED

ОБЪ ИЗДАНІИ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ВЪ 1870 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы, оказывается возможнымъ возстановить прежнія, для подпищиковъ болѣе выгодныя условія подписки:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП. съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

Digitized by Google

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
За доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію	17	—
Во Францію и Данію	18	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію	20	—
Въ Швейцарію	21	—
Въ Италію	22	—

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО

ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ

ПСИХО-ФИЗІОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій, или, какъ обыкновенно говорятъ, о существованіи души, безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ самымъ важнымъ вопросамъ настоящаго времени. Правда, въ послѣднія десять лѣтъ появилось значительное число, разнородныхъ, по большей части популярныхъ сочиненій, которыя разбираютъ этотъ вопросъ со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Цѣль однихъ изъ этихъ сочиненій — отвергнуть положительное рѣшеніе этого вопроса; другихъ же—защитить самостоятельность духовнаго бытія человѣка отъ нападокъ новѣйшаго матеріализма, ссылающагося на очевидные успѣхи естественныхъ наукъ. Но при всемъ томъ нельзя сказать чтобъ обиліе помянутыхъ сочиненій дѣлало совершенно излишними безпристрастное изслѣдованіе этого вопроса и попытку его критическаго рѣшенія. Различіе мнѣній по этому вопросу до сихъ поръ еще такъ велико и недоразумѣнія между борющимися сторонами такъ многочисленны что каждый, кто безпристрастно понимаетъ трудности предмета, охотно встрѣтитъ всякую попытку внести сюда ясность и точность, и въ подобномъ стремленіи усмотритъ полезное подготовленіе къ окончательному рѣшенію вопроса. И хотя, естественно, мы не будемъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ такимъ ожиданіямъ; однакоже критическое изслѣдованіе этого вопроса,

Digitized by Google

опредѣленіе степени его важности и отысканіе соотвѣтственныхъ началъ для его окончательнаго рѣшенія, мы полагаемъ, вполнѣ достойны основательнаго и добросовѣстнаго труда.

Чтобы путемъ систематическаго изслѣдованія достигнуть этой цѣли, яснаго и точнаго изученія нашего вопроса, мы весь нашъ трудъ расположимъ слѣдующимъ образомъ. Сначала мы обратимъ вниманіе на общія основанія нашего вопроса, на его значеніе для развитія современныхъ нравственныхъ и общественныхъ понятій и для самой философіи; затѣмъ разсмотримъ разные методы которые были употребляемы для рѣшенія этого вопроса, и изберемъ методъ которымъ слѣдуетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ; наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на литературу представляющую попытки окончательнаго рѣшенія вопроса. Послѣ такого подготовленія мы приступимъ къ главной задачѣ нашего сочиненія, требующей критическаго изслѣдованія физіологическихъ и психологическихъ основаній вопроса о существованіи самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души, и вывода началъ разрѣшающихъ, если возможно, окончательно всѣ сомнѣнія относительно этого предмета.

ГЛАВА I.

Значеніе вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

Вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій находится въ тѣснѣйшей связи со многими другими, имѣющими строжное вліяніе на общее развитіе человѣческихъ отношеній. Отъ положительнаго или отрицательнаго рѣшенія этого вопроса зависятъ два разныя міровоззрѣнія, которыя заключаютъ въ себѣ враждебныя другъ другу практическія стремленія во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

I.

Такъ, прежде всего, рѣшеніе нашего вопроса имѣетъ самое важное вліяніе на *религіозныя* и *нравственныя* понятія настоящаго времени.

Существующій порядокъ церкви и государства, всѣ вѣрованія касающіяся связи человѣка съ Богомъ, всѣ нравственныя

Digitized by Google

отношенія людей между собою, зависятъ въ своемъ началѣ отъ того убѣжденія что духовная жизнь человѣка основывается на самостоятельномъ началѣ, которое подлежитъ особеннымъ законамъ, независимымъ отъ физическаго закона перемѣны и необходимости; что человѣкъ не есть исключительно физическое существо, которое не въ состояніи сопротивляться неизмѣняемымъ процессамъ матеріальнаго бытія, но что онъ въ сущности своей одаренъ силами особаго рода, при помощи которыхъ можетъ владѣть собою, быть свободнымъ и самостоятельнымъ, а вслѣдствіе того и отвѣтственнымъ за свои дѣйствія предъ самимъ собою, предъ обществомъ и государствомъ.

Эту зависимость всѣхъ нашихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій отъ рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій очень легко доказать порознь въ отдѣльныхъ отношеніяхъ.

1. Такъ, вопервыхъ, что касается *религіозныхъ* понятій, то очевидно что принятіе существованія души, какъ особеннаго самостоятельнаго, отъ физическихъ законовъ независимаго начала, соединяется тѣснѣйшимъ образомъ съ вѣрою въ существованіе Бога. Кто отвергаетъ существованіе самостоятельнаго душевнаго начала въ физическомъ бытіи человѣка, тотъ никоимъ образомъ не можетъ вѣрить въ существованіе подобнаго самостоятельнаго начала въ бытіи вообще. Понятіе о Богѣ покажется ему столь же лишнимъ для объясненія общаго бытія природы и ея явленій, сколько лишнимъ считаетъ онъ понятіе о душѣ при изслѣдованіи явленій человѣческой жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ физическое начало матеріи служитъ единственнымъ основаніемъ для изъясненія всѣхъ вообще явленій бытія. Матеріалистическое воззрѣніе въ области психологіи влечетъ за собою необходимо атеизмъ въ общемъ воззрѣніи на міръ.

Этотъ выводъ мы и дѣйствительно встрѣчаемъ у всѣхъ матеріалистовъ, которые логически развиваютъ основныя начала своего воззрѣнія. По ихъ мнѣнію, все происходитъ изъ матеріи, изъ физическихъ силъ, и поэтому они и въ понятіяхъ о душѣ, о Богѣ и т. п. не видятъ ничего другаго кромѣ произвола фантазіи и идеализма.

Напротивъ того люди религіозные, вѣрующіе въ Бога и Его отношеніе къ человѣку, защищаютъ существованіе

Digitized by Google

самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души, какъ основаніе необходимое для поддержанія высшихъ религіозныхъ стремленій человѣческаго рода. Всѣ вопросы о религіи, о ея правѣ или неправѣ, о ея благодѣтельномъ или вредномъ вліяніи на развитіе человѣческаго рода, о положеніи какое она должна занимать въ разумно-устроенномъ обществѣ, могутъ быть рѣшены только на основаніи глубокихъ психологическихъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ такъ-называемыя религіозныя нужды и чувствованія человѣка. Рѣшеніе же всѣхъ этихъ вопросовъ, въ смыслѣ религіознаго міровоззрѣнія, требуетъ предварительнаго доказательства самостоятельнаго существованія души, то-есть независимости душевныхъ явленій отъ слѣпаго дѣйствія физическихъ силъ.

Такимъ образомъ мы видимъ что рѣшеніе нашего вопроса не только находится въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ самыхъ важныхъ религіозныхъ вопросовъ настоящаго времени, но и составляетъ необходимое научное основаніе для критическаго изученія всѣхъ этихъ вопросовъ.

2. Такую же силу имѣетъ вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій и для *общественныхъ* отношеній людей между собою. Весь нравственный и законный порядокъ общества и государства основывается доселѣ на предположеніи что человѣкъ одаренъ свободною волею, что онъ самостоятельно распоряжается своими дѣйствіями, а вслѣдствіе того и въ состояніи отвѣчать за нихъ. На основаніи этого предположенія, мы призываемъ преступника къ судебной отвѣтственности и наказываемъ съ человѣколюбивою цѣлью улучшить его и возвратить обществу исправленнымъ. Точно такъ и вся вѣра въ возможность усовершенствованія человѣческаго рода, вся дѣятельность относительно воспитанія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, всѣ общественныя и государственныя учрежденія, имѣющія нравственный характеръ, условливаются предположеніемъ свободы человѣка, условливаются мнѣніемъ что человѣкъ силою своей воли въ состояніи перемѣнить какъ свою собственную дѣятельность, такъ и разныя отношенія среди которыхъ онъ живетъ и дѣйствуетъ.

Еслибы психологическія изслѣдованія въ духѣ матеріалистической теоріи, отвергающей существованіе души, привели образованные народы къ убѣжденію что вышепомянутое предположеніе о свободной волѣ не имѣетъ соотвѣт-

Digitized by Google

ственнаго основанія въ дѣйствительной жизни человѣка, что такъ-называемая свободная воля есть не что иное какъ вымыселъ фантазіи минувшихъ временъ, то вслѣдъ за уничтоженіемъ такого предположенія, основаннаго на принятіи самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, измѣнились бы и всѣ общественныя и государственныя отношенія. Тогда общество уже не имѣло бы никакого основанія наказывать преступника; оно сказало бы себѣ что въ сущности преступники не отвѣтственны за свои дѣйствія и, какъ физическія существа не имѣющія ни души, ни свободной воли, совершаютъ ихъ безъ истиннаго сознанія, безъ возможности противиться силамъ побуждающимъ къ нимъ вслѣдствіе физической необходимости. Въ такомъ случаѣ общество признавало бы право принимать противъ преступниковъ только такія охранительныя мѣры какія принимаются противъ другихъ вредныхъ физическихъ явленій, напримѣръ, противъ эпидеміи, наводненія, пожаровъ и пр. Но никогда не могло бы оно основываться на какомъ-либо нравственномъ началѣ; никогда не могло бы думать объ улучшеніи и усовершенствованіи людей посредствомъ нравственныхъ мѣръ, закона и наказанія. Вообще люди несвободные никогда не были бы въ состояніи совершать какое-нибудь дѣйствіе съ ясною, обдуманною цѣлью, и общество такихъ существъ оставалось бы всегда въ подчиненіи слѣпому дѣйствію физическихъ силъ и ихъ неизмѣняемымъ законамъ. Такое общество никогда не могло бы и думать объ обладаніи этими физическими пружинами общественнаго развитія при помощи разума и воли, потому что эти послѣднія душевныя явленія были бы не что иное какъ только послѣдствія тѣхъ же физическихъ силъ.

Словомъ, отрицаніе самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души, измѣнило бы всѣ наши нравственныя понятія, которыми донынѣ руководились образованные народы. Потому-то научное оправданіе всѣхъ этихъ, матеріализмомъ отвергаемыхъ, нравственныхъ понятій есть существенная необходимость; но оно требуетъ прежде всего критическаго изслѣдованія вопроса о существованіи души. *

* Матеріалистическіе выводы которые истекаютъ изъ отрицанія существованія души и находятся въ поразительномъ противорѣчіи съ цѣлымъ нравственнымъ и законнымъ порядкомъ образованныхъ народовъ, всего яснѣе выражаются въ слѣдующихъ словахъ извѣстнаго Фохта, который говоритъ: „Человѣкъ, подобно животному,

Digitized by Google

II.

Кромѣ разсмотрѣннаго общаго значенія, вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій особенно важенъ и для *философіи*.

1. Всѣ метафизическія воззрѣнія на первыя начала міра и бытія основываются всегда на предварительномъ рѣшеніи вопроса о сущности нашего собственнаго человѣческаго бытія. Всякая истинная философія, ведетъ ли она себя отъ Сократа, Картезія и Канта, основывается на самопознаніи, на сознаніи дѣйствующихъ въ нашемъ бытіи силъ. Хотя многіе изъ философовъ и не признаютъ этого психологическаго начала своихъ системъ, утверждая что исходная точка ихъ философствованія есть объективное воззрѣніе на независимое отъ самосознанія бытіе; однакоже критическій разборъ всѣхъ философскихъ системъ вообще совершенно ясно доказываетъ что каждый философъ переноситъ на внѣшній міръ лишь свои понятія о сущности внутренняго бытія человѣка и въ этомъ внѣшнемъ мірѣ усматриваетъ только отблескъ собственнаго сознанія.

Идеалистъ доходитъ до такъ-называемаго идеалистическаго міровоззрѣнія и защищаетъ его съ полнымъ убѣжденіемъ, только вслѣдствіе того что въ самомъ себѣ ощущаетъ существо, которое само противопоставляетъ себя матеріальному и физическому бытію. Онъ наблюдаетъ въ себѣ идеальное начало бытія путемъ самопознанія. Матеріалистъ же оправдываетъ свою теорію предъ самимъ собою на основаніи совершенно противоположныхъ психологическихъ явленій, на основаніи сознанія своей полной зависимости отъ физическихъ силъ и невозможности противиться ихъ дѣйствію. И въ этой невозможности или несклонности противиться матеріальному бытію, въ этомъ сознаніи безусловной зависимости отъ тѣла, представляется намъ истинное психологическое начало всякой матеріалистической теоріи.

Словомъ, метафизика каждой философіи по необходимости

просто машина; его дѣйствіе есть слѣдствіе его организма." „Свободной воли нѣтъ, а потому и нѣтъ отвѣтственности и никакихъ другихъ требованій, которыя навязываютъ намъ *нравственность и уголовное право*."

Digitized by Google

всегда есть слѣдствіе предшествующихъ *психологическихъ* понятій философа, и только предпосылая психологическія изслѣдованія можетъ онъ оправдывать и доказывать содержаніе своего міровоззрѣнія.

2. Съ такимъ значеніемъ психологическаго вопроса о существованіи души, основаннымъ на субъективномъ началѣ философствованія, соединяется еще слѣдующее обстоятельство, важное особенно въ методологическомъ отношеніи. При изученіи вопроса о сущности первоначальнаго основанія общаго бытія, наши собственныя душевныя явленія представляютъ намъ ближайшій и самый вѣрный предметъ наблюденія и изслѣдованія. Всѣ изслѣдованія касающіяся вопроса, изъ какихъ элементовъ состоитъ бытіе, дѣйствительно ли оно есть только слѣпая матерія подлежащая извѣстнымъ законамъ физической необходимости, или оно содержитъ какое-либо умственное, духовное начало, оправдывающее разныя идеальныя воззрѣнія на міръ,—всѣ эти изслѣдованія могутъ быть ведены только на основаніи изученія сущности человѣческаго бытія. Здѣсь, въ человѣческомъ бытіи, соединяются самыя высшія и для объясненія самыя трудныя явленія бытія всеобщаго. Здѣсь общія абстрактныя понятія о матеріи и духѣ встрѣчаются намъ въ своихъ частныхъ, сложныхъ, конкретныхъ началахъ.

И самый рѣшительный матеріалистъ, если только онъ ставитъ правду и знаніе выше предубѣжденій, долженъ откровенно сознаться что здѣсь, въ изъясненіи человѣческаго бытія, встрѣчаются такія явленія которыя чрезвычайно затрудняютъ послѣдовательное развитіе его теоріи. Онъ долженъ сознаться что человѣка со всѣми его душевными явленіями, со всею исторіей его религіозныхъ, нравственныхъ, умственныхъ, политическихъ стремленій, которыя имѣютъ столь сильное вліяніе на преобразованіе окружающей его природы, нельзя такъ слѣпо подчинять безусловному дѣйствію матеріи. Это онъ долженъ признать тѣмъ болѣе, что матеріальныя основанія и процессы душевныхъ явленій человѣка до сихъ поръ еще не изслѣдованы до такой степени чтобы матеріализмъ могъ считать себя побѣдителемъ всѣхъ другихъ теорій.

Точно также и самый отвлеченный идеалистъ, защищающій въ теоріи безусловное господство духа надъ матеріей, при изученіи человѣческой жизни долженъ признать что здѣсь теорія его встрѣчаетъ помѣхи и препятствія

Digitized by Google

которыхъ обойти нельзя. И идеалистъ не можетъ не признаться что для устраненія этихъ препятствій нужно сдѣлать значительныя измѣненія въ его теоріи. Никто же вѣдь не можетъ отрицать что человѣкъ очень часто зависитъ отъ матеріи, отъ природы окружающей его, отъ своего тѣла, извѣстное благосостояніе котораго необходимо для всякаго дѣйствія во внѣшнемъ мірѣ.

Словомъ, въ человѣческомъ бытіи, въ анализѣ сущности этого бытія, сходятся самые важные вопросы о бытіи вообще. Въ немъ, въ человѣческомъ бытіи, лежитъ единственное основаніе для рѣшенія многовѣковой борьбы между идеализмомъ и матеріализмомъ, или окончательною побѣдой одного надъ другимъ, или же яснымъ и твердымъ миромъ между борющимися сторонами. Въ этомъ-то заключается особенно важное для философіи значеніе вопроса о существованіи души.

ГЛАВА II.

Методъ изслѣдованія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

I.

1. Изслѣдованіе вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій или, короче, вопроса: существуетъ душа или нѣтъ? требуетъ необходимо предварительнаго объясненія того что̀ разумѣемъ мы подъ словомъ *душа*? Не имѣя о душѣ съ самаго начала общаго яснаго понятія, мы никоимъ образомъ не можемъ приступить къ изслѣдованію объ ея существованіи, подобно тому какъ не зная ничего о предметѣ мы не можемъ его и искать.

Однакоже не должно забывать что это понятіе о душѣ, которое служитъ намъ началомъ для рѣшенія нашего вопроса, можетъ быть лишь предварительное, общее, представляющее только самыя главныя, такъ сказать, грубыя черты этого существа. Всякое ближайшее опредѣленіе души, а тѣмъ болѣе полное и окончательное понятіе о ея сущности, требуетъ критическаго изученія всѣхъ ея явленій и качествъ, и потому не оно должно служить первоначальнымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса о ея существованіи; нѣтъ, оно само основывается на этомъ изслѣдованіи.

Digitized by Google

Потому, приступая къ изученію вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій, то-есть о душѣ, мы не имѣемъ въ виду понятія о душѣ по той или другой психологической теоріи; мы не спрашиваемъ существуетъ ли душа какъ явленіе и ступень развитія общаго духа по мнѣнію Гегеля, или какъ единичный духовный атомъ по мнѣнію Гербарта, или же въ какой-нибудь иной формѣ по мнѣнію другихъ философовъ. Для насъ этотъ вопросъ, какъ основаніе всѣхъ частныхъ психологическихъ изслѣдованій, имѣетъ общій характеръ, независимый отъ различія и разногласія психологическихъ теорій. Вопросъ: существуетъ ли душа или нѣтъ, не содержитъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, ничего другаго кромѣ вопроса, имѣютъ ли такъ-называемыя душевныя явленія особое, самостоятельное начало и особую, самостоятельную причину, или же всѣ эти явленія можно объяснять на основаніи извѣстныхъ физическихъ и физіологическихъ процессовъ? При рѣшеніи нашего вопроса, мы держимся лишь самаго общаго понятія о душѣ, въ силу коего она является намъ только какъ особое начало, какъ особая причина нашихъ внутреннихъ душевныхъ событій. * Всѣ другія ближайшія опредѣленія души мы рѣшительно исключаемъ изъ нашего изслѣдованія, потому что они лежатъ совершенно внѣ нашего вопроса и основываются на предыдущемъ рѣшеніи онаго.

2. Невниманіе къ этому общему понятію о душѣ, по которому она опредѣляется единственно только какъ особое начало и особая причина душевныхъ явленій, безъ всякихъ ближайшихъ метафизическихъ признаковъ, до сихъ поръ влекло за собою множество недоразумѣній и неясностей при изслѣдованіи нашего вопроса какъ съ матеріалистической, такъ и съ идеалистической точекъ зрѣнія.

Такъ, напримѣръ, обратимъ здѣсь наше вниманіе на одно и притомъ самое важное изъ этихъ недоразумѣній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія что главная причина почему бо́льшая часть матеріалистовъ съ такою страстію нападаютъ на принятіе души, есть то что они имѣютъ въ виду совершенно опредѣленное представленіе о ея сущности и о

* Вотъ почему и сочиненіе наше получило заглавіе: *Самостоятельное начало душевныхъ явленій*, вмѣсто обыкновенно употребляемаго выраженія: *Существованіе души*.

Digitized by Google

ея метафизическихъ признакахъ. Матеріализмъ, отрицающій существованіе души, имѣетъ, по большей части, въ виду одностороннее, отвлеченное, идеалистическое понятіе о душѣ, по которому душа есть существо не владѣющее никакими силами реальнаго, матеріальнаго бытія; существо противопоставляющееся безусловно всякой вещественности и не имѣющее съ нею ничего общаго.

Мы согласны что такой идеалистической души нѣтъ, что мы не можемъ признавать въ человѣкѣ существа не имѣющаго никакого отношенія къ матеріи, ничего общаго съ ея процессами. Всѣми сознаваемая связь такъ-называемыхъ душевныхъ явленій съ физическими и ихъ взаимныя отношенія не позволяютъ принимать существованіе *такой* души. Однакожь изъ того обстоятельства что мы, такъ же какъ матеріализмъ, отрицаемъ существованіе души по одностороннему идеалистическому понятію, не слѣдуетъ никакъ чтобы мы считали истиной матеріалистическую теорію, отрицающую существованіе души вообще. Допущеніе души, какъ особаго начала и особой причины душевныхъ явленій, не влечетъ за собою послѣдовательно вышеупомянутаго идеалистическаго понятія. Напротивъ, душа можетъ имѣть нѣчто общее съ матеріей, на основаніи чего она и находится въ опредѣленной связи съ физическими явленіями. Ея отличіе отъ начала физическихъ явленій не составляетъ еще никакъ абсолютной противоположности этихъ явленій, исключающей общія для нихъ и для души основанія. Вѣдь мы и въ физическомъ отношеніи ясно отличаемъ разныя силы и причины извѣстныхъ физическихъ явленій, не принимая однакоже между ними никакой враждебной противоположности, нарушающей единство матеріальнаго міра. Электричество, напримѣръ, имѣетъ совершенно другое начало нежели тяжесть; причины этихъ явленій основательно различаются, но эта разница, при всей своей основательности, не становится противоположностію, исключающею общее матеріальное начало этихъ явленій.

То же самое, только въ болѣе обширномъ кругу, повторяется и относительно начала физическихъ и душевныхъ явленій. Тѣ и другія имѣютъ неоспоримое общее основаніе въ *бытіи* вообще. Если душа существуетъ какъ особая причина душевныхъ явленій, то она какъ *существующая* имѣетъ нѣкоторыя общія основанія съ существующею матеріей,

Digitized by Google

а именно всѣ тѣ основанія которыми владѣетъ всякое реальное *бытіе*, и которыя составляютъ общіе метафизическіе признаки каждаго *бытія*. *

Мы никакъ не можемъ допустить мнѣнія будто *бытіе* содержитъ въ своихъ основаніяхъ какія-нибудь абсолютныя противоположности и противорѣчія. При всей неизмѣримой разности явленій бытія, оно владѣетъ извѣстными общими свойствами, которыя служатъ основаніемъ для соединенія всѣхъ отдѣльныхъ явленій въ одно цѣлое.

Мы удалились бы слишкомъ отъ нашей задачи еслибы рѣшились начать здѣсь изслѣдованія о томъ какія свойства и признаки бытія суть общіе и составляютъ его сущность, которую встрѣчаемъ во всѣхъ безъ исключенія отдѣльныхъ формахъ существованія. Здѣсь для насъ совершенно достаточно замѣтить только то что душа существующая, имѣющая реальное бытіе, должна необходимо владѣть какими-нибудь свойствами общими всѣмъ остальнымъ явленіямъ бытія, будутъ ли они матеріальныя или духовныя, и что вслѣдствіе того понятіе о душѣ, которое представляетъ ее какъ нѣчто находящееся внѣ всѣхъ признаковъ реальнаго бытія и абсолютно противопоставляемое всѣмъ явленіямъ бытія физическаго, лишено всякаго разумнаго основанія.

Естественно что вышеупомянутому направленію матеріализма достается весьма легкая побѣда надъ такимъ понятіемъ о душѣ, уже въ самомъ началѣ своемъ столь мало основательномъ; съ вѣтромъ бороться легко. Но этимъ вовсе не рѣшается вопросъ, существуетъ ли душа понятая разумно какъ особое начало душевныхъ явленій, имѣющее со всѣми матеріальными и физическими явленіями общія основанія бытія.

II.

Опредѣливъ точно понятіе о душѣ какъ предметѣ нашего изслѣдованія, мы приступимъ теперь къ рѣшенію вопроса: какимъ способомъ, какимъ путемъ мы должны изслѣдовать вопросъ о ея существованіи?

* Ближайшее развитіе этой мысли смотри: H. Lotze, *Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele.* 1852. Стр. 72 и слѣд. *Mikrokosmus. Versuch einer Anthropologie.* 1856. Ч. I, стр. 302 и слѣд., и наконецъ *Streitschriften I. In Bezug auf Prof. I. H. Fichtes Anthropologie.* 1857. Стр. 102.

Digitized by Google

До сихъ поръ примѣняемы были къ нашему вопросу по большей части два метода, изъ коихъ одинъ беретъ вопросъ преимущественно съ нравственной точки зрѣнія и рѣшаетъ его на основаніи моральныхъ понятій; другой же основывается на матеріальномъ міровоззрѣніи и старается рѣшить нашъ вопросъ исключительно при помощи физическихъ и физіологическихъ данныхъ.

1. Что касается до *нравственнаго* метода, то онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Основнымъ началомъ служатъ ему моральныя понятія о высшемъ назначеніи человѣка, о его задачѣ усовершенствованія самого себя и другихъ, о его стремленіи къ добру и вѣчному благу. Принимая эти нравственныя начала за несомнѣнную истину, нравственный методъ заключаетъ что такъ какъ всѣ эти понятія не могутъ имѣть никакого практическаго значенія, никакой дѣйствительной силы безъ существованія души, то существованіе это есть необходимое слѣдствіе всѣхъ моральныхъ задачъ человѣка.

Извѣстно что этимъ методомъ руководился Кантъ; а послѣ него и до сихъ поръ бо́льшая часть популярныхъ защитниковъ идеальнаго міровоззрѣнія стараются устранить матеріализмъ ссылаясь при разборѣ нашего вопроса преимущественно на нравственныя начала.

Методъ этотъ, по нашему мнѣнію, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. При всемъ признаніи необходимаго значенія нашихъ нравственныхъ чувствъ и стремленій, при всей вѣрѣ въ ихъ истину, мы однакоже, съ точки зрѣнія психологической, не видимъ въ нихъ ничего иного кромѣ опредѣленныхъ душевныхъ явленій, которыя служатъ намъ предметомъ психологическаго изученія. Абстрактное содержаніе этихъ нравственныхъ стремленій, само по себѣ, внѣ извѣстныхъ основаній, не имѣетъ для насъ такого значенія чтобы мы могли основывать на немъ рѣшеніе другаго, совершенно самостоятельнаго психологическаго вопроса. Напротивъ, наши нравственныя понятія въ значительной степени зависятъ отъ рѣшенія разныхъ психологическихъ вопросовъ, а особенно вопроса о существованіи души. Критическій разумъ и наука никакъ не могутъ принимать существованіе души только на томъ основаніи что извѣстныя ученія о нравственности требуютъ такого принятія. Нѣтъ, наоборотъ, рѣшеніе вопроса содержатъ ли эти нравственныя ученія истину,

Digitized by Google

которая могла бы оправдать свое содержаніе предъ критическимъ разумомъ, зависитъ отъ самостоятельнаго изслѣдованія вопроса о существованіи души.

Истинный научный методъ приступаетъ къ изученію своего предмета безъ всякой тенденціи, безъ всякой цѣли лежащей внѣ самого изслѣдованія. Такимъ образомъ и мы, признавая все значеніе нравственныхъ идей, приступаемъ, однако, къ разбору нашего вопроса безъ всякой тенденціи оправдать то или другое нравственное міровоззрѣніе. Въ нашемъ изслѣдованіи мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ всѣ нравственные выводы истекающіе изъ принятія или отрицанія существованія души. Для насъ, въ нашемъ вопросѣ, нравственность и всѣ моральныя стремленія имѣютъ важность лишь какъ извѣстный рядъ психологическихъ явленій, которыя только своимъ психологическимъ, а не нравственнымъ содержаніемъ могутъ способствовать рѣшенію нашего вопроса.

2. Второй методъ, о которомъ мы выше упомянули, есть односторонній, грубый *физіологическій*. Имъ руководствуются матеріалисты когда они выходятъ изъ сферы общихъ мѣстъ и общихъ разсужденій о матеріи. По этому методу вопросъ, существуетъ душа или нѣтъ, долженъ быть рѣшенъ единственно на основаніи физическаго наблюденія съ помощью анатомическаго ножа и микроскопа. Ученые примѣняющіе этотъ методъ основываются тоже на предвзятомъ понятіи о душѣ, развитомъ во всѣхъ частныхъ чертахъ. Они отличаются только тѣмъ отъ вышепомянутыхъ матеріалистовъ, отрицающихъ существованіе души по идеалистическому понятію, что при разсмотрѣніи этого вопроса имѣютъ въ виду душу какъ грубое матеріальное существо которое мы можемъ ощущать посредствомъ пяти чувствъ. Они убѣждены что если душа вообще существуетъ, то она должна быть предметомъ наблюденія для нашихъ чувствъ, а вслѣдствіе того и должна быть изслѣдована на основаніи чувственнаго наблюденія. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ изслѣдователи этого рода до сихъ поръ не были въ состояніи открыть душу и увидѣть ее, то они тоже доходятъ будто до научнаго результата что души нѣтъ.

И этотъ методъ, очевидно, никакъ не можетъ устранить всѣ трудности которыя мы встрѣчаемъ при изслѣдованіи нашего вопроса.

Digitized by Google

Прежде всего мы должны замѣтить что мы не имѣемъ никакого основанія ограничить признаки *существованія* нашими чувственными ощущеніями. Очень много реально *существующаго* можетъ находиться внѣ нашихъ чувствъ и не имѣть на нихъ никакого непосредственнаго вліянія. Физикъ, напримѣръ, не видитъ непосредственно никакой силы, никакихъ атомовъ; онъ не ощущаетъ движеній эѳира составляющихъ сущность свѣта и т. д., однакоже онъ убѣжденъ въ ихъ существованіи. Математикъ доказываетъ намъ несомнѣннымъ образомъ истину математическихъ законовъ; механикъ убѣждаетъ насъ въ дѣйствительности законовъ движенія; однакоже всѣхъ этихъ математическихъ и механическихъ законовъ мы не видимъ, не ощущаемъ; мы удостовѣряемся въ ихъ существованіи посредствомъ логическихъ процессовъ сужденія и умозаключенія, которыя въ данныхъ примѣрахъ основываются только на созерцаніи извѣстныхъ явленій.

Вообще мы никакъ не въ состояніи ощущать сущность окружающаго насъ міра; мы не видимъ что̀ такое бытіе само въ себѣ, какую истину содержатъ въ себѣ отдѣльныя существа. Все наше познаніе внѣшняго міра основывается непосредственно только на ощущеніяхъ перемѣнъ нашего собственнаго субъективнаго бытія. Вліяніе внѣшнихъ предметовъ на наше бытіе вызываетъ разныя перемѣны въ нашемъ внутреннемъ состояніи, и при дѣйствіи нашихъ чувствъ мы не ощущаемъ самыхъ причинъ раздражающихъ насъ, но ощущаемъ только перемѣну нашего субъективнаго состоянія, вызванную посредствомъ внѣшнихъ вліяній. Такимъ образомъ всѣ наши понятія о внѣшнемъ мірѣ, о существованіи разныхъ явленій бытія суть не что̀ иное какъ только логическія умозаключенія выводимыя изъ ощущенія перемѣнъ нашего субъективнаго состоянія.

Изъ вышесказаннаго вытекаетъ что разумное изслѣдованіе о существованіи какого-нибудь предмета мышленія не можетъ никогда основываться на непосредственномъ чувственномъ наблюденіи этого предмета, но только на умозаключеніяхъ выведенныхъ изъ перемѣнъ нашего субъективнаго состоянія находящагося подъ вліяніемъ изучаемаго предмета.

Примѣняя это къ вопросу о существованіи души, мы никогда не можемъ требовать непосредственнаго чувственнаго

Digitized by Google

наблюденія самой души, какъ это дѣлаютъ вышеупомянутые матеріалисты, но можемъ только задаваться вопросомъ: существуютъ ли какія-либо внутреннія явленія, какія-либо перемѣны въ нашемъ субъективномъ состояніи, изъ которыхъ могли бы мы *заключать* о существованіи души?

Но ограничивая значеніе чувственныхъ ощущеній при разборѣ вопроса о существованіи души, мы должны, кромѣ того, обратить вниманіе еще на слѣдующія обстоятельства.

Есть явленія въ человѣкѣ о существованіи которыхъ мы убѣждаемся безъ всякой помощи внѣшнихъ чувствъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что мы мыслимъ, и какое содержаніе нашихъ мыслей, мы ощущаемъ разныя интеллектуальныя чувствованія радости, любви, ненависти, честолюбія, грусти и т. п.; мы знаемъ о разныхъ стремленіяхъ нашей воли, разсуждаемъ о цѣляхъ и задачахъ нашего дѣйствія, словомъ, мы несомнѣнно убѣждены въ истинномъ существованіи несмѣтнаго множества внутреннихъ явленій, и однакоже внѣшнія чувства не имѣютъ никакого участія въ такомъ познаніи. Мыслей нашихъ, нашихъ интеллектуальныхъ чувствованій и стремленій воли мы не видимъ, не слышимъ, не обоняемъ, не вкушаемъ, не осязаемъ; однакоже существованіе всѣхъ этихъ внутреннихъ процессовъ является намъ не менѣе безспорнымъ и истиннымъ какъ и существованіе чувственныхъ впечатлѣній. Все это доходитъ до нашего свѣдѣнія самостоятельнымъ путемъ, независимо отъ внѣшнихъ чувствъ, путемъ внутренняго созерцанія, внутренняго опыта. Посредствомъ этого внутренняго созерцанія и опыта, мы замѣчаемъ рядъ очень важныхъ для нашего вопроса явленій, которыя вовсе недоступны для одного внѣшняго опыта, для физіологическаго изслѣдованія. Еслибъ и были намъ совершенно извѣстны физіологическіе процессы соединяющіеся съ душевными явленіями; еслибъ и были мы въ состояніи изслѣдовать химическія, физическія и физіологическія отношенія головнаго мозга какого-нибудь субъекта даже при его жизни: то все-таки, несмотря на эти обильныя внѣшнія средства наблюденія, мы не имѣли бы никакого основанія для познанія внутренняго душевнаго содержанія всѣхъ этихъ физіологическихъ процессовъ. Мы все еще не знали бы о чемъ человѣкъ мыслитъ, что онъ чувствуетъ и какія имѣетъ стремленія. Все это составляетъ *внутреннее* содержаніе внѣшнихъ процессовъ, которое можетъ быть наблюдаемо

Digitized by Google

исключительно сознаніемъ и никакъ недоступно для ощущенія пяти чувствъ.

Итакъ, методъ одного внѣшняго физическаго и физіологическаго изслѣдованія очевидно недостаточенъ для изученія всѣхъ явленій касающихся нашего вопроса. Бо́льшая часть этихъ явленій можетъ быть изслѣдована лишь при помощи внутренняго, такъ-называемаго психическаго созерцанія, основаннаго на дѣйствіи самосознанія. Кто забываетъ объ этомъ и основывается единственно на внѣшнихъ чувствахъ, тотъ исключаетъ изъ своего изслѣдованія одно очень важное и необходимое средство наблюденія, и становится похожъ на физика который при изученіи какихъ-нибудь физическихъ явленій не захотѣлъ бы употреблять напримѣръ зрѣніе, утверждая что для его цѣли достаточны слухъ и другія чувства. Такой физикъ очень легко могъ бы отрицать явленіе свѣта, потому что закрывая глаза онъ дѣйствительно свѣта не видитъ. Точно такъ и матеріалисты, исключая изъ своего изслѣдованія внутреннее психологическое созерцаніе и держась единственно такихъ средствъ которыя не даютъ намъ яснаго понятія о такъ-называемыхъ душевныхъ явленіяхъ, очень легко могутъ доказывать что души нѣтъ, ибо закрывая внутренній глазъ, при помощи котораго мы созерцаемъ душевныя явленія, они дѣйствительно души не видятъ, какъ вышепомянутый физикъ не видитъ свѣта. Но и тотъ и другіе забываютъ что требованіе не пользоваться однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ познанія противорѣчитъ не только наукѣ, но и общему здравому смыслу людей.

3. Изъ вышеприведенныхъ отрицательныхъ замѣчаній о методѣ изслѣдованія нашего вопроса истекаетъ слѣдующее положительное на него воззрѣніе.

Вопервыхъ, мы должны приступить къ нашему предмету безъ всякой религіозной или нравственной тенденціи, съ исключительною цѣлью узнать чистую истину относительно разбираемаго нами вопроса.

Вовторыхъ, мы должны употребить при изученіи явленій касающихся нашего вопроса всѣ возможныя средства изслѣдованія, то-есть какъ внѣшнія средства физики и физіологіи, такъ и средства внутренняго психологическаго наблюденія и опыта.

При помощи такого-то изслѣдованія мы и приступимъ къ

Digitized by Google

окончательному, насколько возможно, рѣшенію вопроса о существованіи души.

Основаніемъ же для этого окончательнаго рѣшенія послужатъ намъ слѣдующія методологическія правила коими руководствуются и естественныя науки.

Вопросъ существуетъ ли какое-нибудь особое самостоятельное начало для извѣстной группы явленій рѣшается въ естественныхъ наукахъ не прежде какъ доказана возможность или невозможность изъясненія данной группы явленій при помощи уже знакомыхъ физическихъ силъ. Если новыя явленія, обращающія на себя вниманіе наблюдателя, могутъ быть выведены изъ извѣстныхъ уже причинъ и источниковъ, тогда наблюдатель, конечно, не нуждается въ принятіи *особенныхъ* силъ для изъясненія этихъ явленій. Напротивъ, въ видахъ единства, ясности и простоты науки, онъ въ такомъ случаѣ расширяетъ въ своемъ понятіи дѣйствіе знакомыхъ уже силъ и причинъ, объясняя ими и эти новыя явленія. Но если естествоиспытатель встрѣчаетъ явленія которыя представляютъ нѣчто особое, ничѣмъ неизъяснимое на основаніи извѣстныхъ донынѣ силъ; если всѣ усилія свести явленія къ знакомымъ уже причинамъ не достигаютъ своей цѣли и убѣждаютъ что разбираемыя явленія не истекаютъ изъ общаго источника: въ такомъ случаѣ естественныя науки, для изъясненія такихъ явленій, принимаютъ всегда существованіе особыхъ силъ и причинъ, отличающихся отъ всѣхъ уже извѣстныхъ.

Такъ, напримѣръ, физикъ принимаетъ особую причину для объясненія явленій тяжести и особую для явленій электричества, потому что эти явленія такъ разнородны что ихъ никакъ нельзя вывести изъ одного общаго источника. Такимъ же образомъ и химикъ принужденъ принять существованіе новаго особаго элемента если разбираемое имъ тѣло не состоитъ изъ элементовъ уже извѣстныхъ.

Однимъ словомъ, невозможность изъясненія извѣстной группы явленій на основаніи знакомыхъ началъ считается въ естественныхъ наукахъ совершенно достаточною причиной для принятія новаго самостоятельнаго начала (элементовъ, силъ или причинъ), изъясняющаго эти особаго рода явленія.

Это основное методологическое правило естественныхъ наукъ мы примѣняемъ и къ нашему вопросу.

Digitized by Google

Разбирая такъ-называемыя душевныя явленія съ цѣлью рѣшенія вопроса о существованіи души, мы будемъ обращать вниманіе исключительно на то обстоятельство: можно ли эти душевныя явленія объяснить на основаніи извѣстнаго намъ дѣйствія физическихъ силъ, или же эти явленія содержатъ въ себѣ нѣчто особое, несводимое къ дѣйствію этихъ силъ? Въ первомъ случаѣ мы будемъ отрицать существованіе особаго начала душевныхъ явленій, то-есть души; въ послѣднемъ же случаѣ мы съ полнымъ сознаніемъ сочтемъ себя обязанными признать существованіе души какъ самостоятельнаго начала, необходимаго для объясненія особаго содержанія и природы такъ-называемыхъ душевныхъ явленій.

ГЛАВА III.

Литература вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

I.

Вопросъ о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ главъ психологіи, и потому психологія каждой философіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ, содержитъ въ себѣ какія-нибудь мнѣнія относительно этого вопроса. Но въ слѣдующемъ краткомъ обозрѣніи литературы нашего вопроса мы не намѣрены представлять всѣ различныя мнѣнія философовъ объ этомъ предметѣ. Это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи и между тѣмъ очень мало содѣйствовало бы основательному ея рѣшенію.

Вслѣдствіе огромныхъ успѣховъ естественныхъ наукъ, особенно физіологіи, вопросъ о существованіи души принялъ въ послѣднее время совершенно новый характеръ. Теперь уже никакъ нельзя рѣшать его на основаніи метафизическихъ и абстрактныхъ изслѣдованій. Теперь при его рѣшеніи особенно нужно обращать вниманіе на физіологію и указывать на его отношенія къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ этой науки. Современный матеріализмъ стремится къ возобновленію давно извѣстныхъ теорій и мнѣній на основаніи новыхъ результатовъ естественныхъ наукъ. Вслѣдствіе того вопросъ о существованіи души пересталъ быть вопросомъ чистой философіи, метафизики или психологіи, а принялъ направленіе

Digitized by Google

которое вводитъ его въ кругъ естественныхъ наукъ, особенно физіологіи.

Понятно что вслѣдствіе того и всѣ изслѣдованія нашего вопроса, начиная съ Платона и кончая Гегелемъ, не принимающія во вниманіе ученій физіологіи, потеряли свое значеніе и замѣчательны только въ историческомъ отношеніи. Но такъ какъ мы не намѣрены писать исторію разныхъ теорій о существованіи души, а стремимся прямо къ научному рѣшенію этого вопроса, то, не упоминая объ этихъ теоріяхъ, мы останавливаемся лишь на тѣхъ сочиненіяхъ которыя имѣютъ извѣстное значеніе для изслѣдованія нашего вопроса въ духѣ его новѣйшей фазы.

Всѣ эти сочиненія можно раздѣлить на двѣ группы: тѣ которыя въ результатѣ отрицаютъ существованіе души, или *матеріалистическія*, и тѣ въ которыхъ оно доказывается путемъ научныхъ изслѣдованій на основаніи данныхъ и методовъ естествовѣдѣнія. Но въ той и другой группѣ мы встрѣчаемъ разные оттѣнки, на которые мы и должны обратить вниманіе.

II.

Основою *матеріализма* служитъ предположеніе что всѣ такъ-называемыя душевныя явленія не имѣютъ особаго начала, но происходятъ непосредственно отъ извѣстныхъ органическихъ процессовъ тѣла.

Первый, возобновившій въ наше время матеріалистическія теоріи французскихъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, Кондильяка, Ламетри, Гельвеція, а въ особенности Кабани, былъ извѣстный нѣмецкій физіологъ Карлъ Фохтъ. Въ своихъ физіологическихъ письмахъ и другихъ популярныхъ сочиненіяхъ *, Фохтъ повторяетъ и развиваетъ, будто бы на основаніи естественныхъ наукъ, мнѣнія, высказанныя уже давно вышеупомянутыми авторами, что человѣкъ есть не что иное какъ только *машина*, что всѣ его душевныя явленія суть только отправленія извѣстныхъ органовъ; словомъ, по сравненію Фохта, заимствованному отъ Кабани, душевныя явленія находятся въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ.

* Karl Vogt, *Physiologische Briefe*, 1842. *Vorlesungen über den Menschen*, 1863 и друг.

Digitized by Google

Въ этомъ духѣ развивали и популяризовали матеріалистическія воззрѣнія и Молеттъ, *Kreislauf des Lebens*, 2 изд. 1855, и др., Бюхнеръ, *Kraft und Stoff*, 1855, *Natur und Geist*, 1857, и пр., Рейхъ, *Die Naturlehre des Menschen*, 1866, и многіе другіе. Сюда же принадлежатъ сочиненія Чольбе, *Entstehung des Selbstbewusstseins*, 1856, * и Новака, періодическое изданіе *Psyche*, которыя изъясняютъ душевныя явленія на основаніи простаго физическаго движенія.

Во Франціи матеріалистическія теоріи развились въ новѣйшее время въ средѣ позитивизма Конта и его учениковъ, Тена, Литре, Лебле и другихъ.**

Въ *русской* литературѣ катехизисомъ матеріализма служитъ сочиненіе Сѣченова, *Рефлексы головнаго мозга*, 1866, въ которомъ авторъ, не отрицая прямо существованія души и считая для физіолога возможнымъ принять мнѣніе что мозгъ есть органъ души, тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ стремленіе къ объясненію всѣхъ вообще явленій жизни, а потому и явленій душевныхъ: мысли, чувствованія и воли, на основаніи мозговыхъ *рефлексовъ*, то-есть бо́льшаго или меньшаго укороченія какой-нибудь группы мышцъ, акта чисто механическаго.

Упомянемъ еще о рѣчи проф. А. Соколовскаго: *О психофизическомъ процессѣ въ приближеніи къ дѣйствію сногворныхъ веществъ*, 1870 года, гдѣ, однако, рядомъ съ такими положеніями какъ: „Сознаніе и мысль принадлежатъ высшимъ организмамъ, но развиваются въ видѣ особыхъ колебаній изъ общихъ въ природѣ движеній“; или „психическіе акты образуются путемъ повторенія рефлексовъ“, „эѳиръ далъ возможность опредѣлить явленія химизма, магнетизма и самаго сознанія“,—находимъ мы сочувственныя ссылки на воззрѣнія изслѣдователей принадлежащихъ къ открытымъ и сильнымъ противникамъ матеріализма, какъ напримѣръ на Фортлаге, Фехнера, Ессена и другихъ.

III.

1. Ко второй группѣ изслѣдованій нашего вопроса принадлежатъ всѣ тѣ гдѣ доказывается существованіе души на

* Чольбе, впрочемъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій, *Die Grenzen und der Ursprung der menschlichen Erkenntniss*, 1865, отказался отъ матеріализма.

** См. въ этомъ отношеніи соч. Léblais, *Matérialisme et spiritualisme. Etude de philosophie positive*, 1865.

Digitized by Google

основаніи строгаго анализа психическихъ явленій и ихъ сравненія съ физіологическими данными.

Общее стремленіе всѣхъ изслѣдованій этого рода: доказать при помощи естественныхъ наукъ что теорія матеріализма, отрицающая существованіе души, совсѣмъ не согласна съ дѣйствительными результатами этихъ наукъ, что результаты естественныхъ наукъ не только не поддерживаютъ матеріализма, но напротивъ доказываютъ самостоятельное начало такъ-называемыхъ душевныхъ явленій. Словомъ, общій характеръ этихъ трудовъ состоитъ въ *критикѣ матеріализма* и въ доказательствѣ истины мнѣнія, выраженнаго знаменитымъ физіологомъ Вирховомъ, что новѣйшій матеріализмъ произведенъ на свѣтъ людьми ненаучными, не понимающими духа естествознанія. *

Первый и одинъ изъ самыхъ страстныхъ, но отнюдь не изъ самыхъ счастливыхъ противниковъ матеріализма, былъ извѣстный физіологъ Рудольфъ Вагнеръ, который въ публичномъ засѣданіи нѣмецкихъ естествоиспытателей, въ Гетингенѣ, 1854 года, нападая въ статьѣ *Ueber Menschenschöpfung und Seelensubstanz* на мнѣнія Фохта, положилъ начало всей новѣйшей борьбѣ противъ матеріализма въ Германіи.

---

* Вотъ слова Вирхова, которыя мы приводимъ нарочно, потому что о нихъ не упоминаетъ ни одинъ матеріалистъ, хотя они всѣ и при всякомъ случаѣ ссылаются на слова этого знаменитаго естествоиспытателя. Въ *Archiv für pathologische Anatomie*, ч. VII, стр. 9, въ статьѣ *Empirie und Transscendenz*, Вирховъ говоритъ: „In allen Zeiten hat es viele Leute gegeben, welche in anthropomorphischen Träumen ihre Befriedigung fanden und namentlich ist es in den letzten Jahren oft genug vorgekommen, dass man aus den Lehrsätzen der Naturwissenschaft eine neue Art von Glauben hat errichten wollen. Wenn man sich aber genau umsieht, so zeigt es sich leicht, dass diese Art des Materialismus gerade von *unwissenschaftlichen* Naturen ausgegangen ist, von *Halb- und Drittelswissern, die den Geist der Naturforschung am wenigsten begriffen haben*". А въ *Gesammelte Abhandlungen zur wissenschaftlichen Medizin*, 1862, на стр. 18 сказалъ: „Es gibt einen *materialistischen Dogmatismus*, sogut wie einen kirchlichen und einen idealistischen und ich gestehe gern zu, dass der eine wie der andere reale Objecte haben können. Allein sicherlich ist der *materialistische der gefährlichere*, weil er seine dogmatische Natur verleugnet und in dem Kleide der Wissenschaft auftritt, weil er sich als empirisch darstellt, wo er nur speculativ ist, und weil er die Grenzen der Naturforschung an Orten aufrichten will, wo die letzteren offenbar noch nicht competent sind."

Digitized by Google

Вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія матеріалистической теоріи Фохтомъ и другими, развилась постепенно и критика матеріализма. Изъ огромнаго числа этихъ критическихъ сочиненій, изданныхъ въ послѣднія 15 лѣтъ какъ естествоиспытателями такъ и философами, мы приводимъ слѣдующія, особенно важныя для нашего вопроса.

2. Изъ сочиненій изданныхъ извѣстными *физіологами* и другими *естествоиспытателями* особенно важны для насъ:

Lotze, *Seele und Seelenleben*, въ *Handwörterbuch der Physiologie*, Вагнера, ч. III, стр. 142 и слѣд. Потомъ касающіяся этого вопроса части сочиненія того-же автора: *Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele*, 1852.

Jessen, *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, 1855.

Volkmann, статья *Gehirn* въ *Handw. d. Physiol* Вагнера, стр. 569 и соч. *Die Physiologie als Gegnerin der Lehre des Materialismus von der Identität des Leibes und der Seele*, 1856.

Bischoff, *Ueber den Unterschied zwischen Thier und Mensch*, 1858.

K. Snell, *Die Streitfrage des Materialismus. Ein vermittelndes Wort*, 1858.

Fechner, *Ueber die Seelenfrage*, 1860, и соотвѣтственныя части основательнаго труда того же автора, *Elemente der Psychophysik*, 1860, именно ч. II, стр. 381 и слѣд.

Рудольфъ Вагнеръ, кромѣ вышеупомянутаго, довольно неосновательнаго сочиненія, издалъ въ послѣдствіи нѣкоторыя научныя изслѣдованія, важныя для нашего вопроса, именно: *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune, mit besonderer Rücksicht auf die Streitpunkte zwischen Lotze und Fichte über den Sitz der Seele* въ *Göttingische Nachrichten*, 1866, № 6, и *Vorstudien zu einer wissenschaftlichen Morphologie und Physiologie des menschlichen Hirns als Seelenorgans*, 1862.

Знаменитый русскій энтомологъ Беръ разобралъ теорію матеріализма съ общей точки зрѣнія въ статьѣ: *Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige?* 1862.

Далѣе очень важны для насъ:

Rüte, *Ueber die Existenz der Seele vom naturwissenschaftlichen Standpunkte*, 1863, гдѣ авторъ, извѣстный офтальмологъ, основывается преимущественно на анализѣ процессовъ зрѣнія.

Schröder van der Kolk, *Seele und Leib in Wechselbeziehung zu einander*, 1865. (Русск. перев.)

Digitized by Google

O. Flügel, *Der Materialismus vom Standpunkte der atomistisch-mechanischen Naturforschung*, 1865.

Кромѣ того сюда относятся и разныя спеціальныя изслѣдованія физіологовъ относительно нервной системы, дѣйствія чувствъ и пр., о которыхъ будетъ рѣчь въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

3. Изъ сочиненій, содержащихъ критику матеріализма и изданныхъ *философами*, для нашего вопроса особенно замѣчательны:

Frauenstädt, *Der Materialismus, seine Wahrheit und sein Irrthum*, 1856.

J. B. Meyer, *Zum Streit über Leib und Seele*, 1856.

Jul. Schaller, *Leib und Seele*. 3 изд., 1858.

A. Mayer, *Zur Verständigung über Materialismus und Spiritualismus*, 1861.

Fabri, *Briefe gegen den Materialismus*. 2 изд. 1854. (Русск. перев.)

Westhoff, *Stoff, Kraft und Gedanke. Eine umfassende Erklärung des Seelen- und des leiblichen Lebens*, 1865.

Но особенно важны для насъ, какъ заключающія въ себѣ необходимый для разработки нашего вопроса матеріалъ, основательныя сочиненія младшаго Фихте: *Zur Seelenfrage*. 1859, и *Antropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele. Neubegründet auf naturwissenschaftlichem Wege*. 2 изд., 1860. 3 Сар. *Der Materialismus*. Потомъ философскіе труды вышеупомянутаго извѣстнаго физіолога и философа Лотце, особенно его *Mikrokosmus. Versuch einer Anthropologie*. 3 части, 1856 и слѣд. (Русск. перев.), и наконецъ сочиненія Ульрици: *Gott und die Natur*, 1862 (Русск. перев.), гдѣ находится критика общихъ основаній матеріализма, и *Gott und der Mensch*. I. *Leib und Seele*, 1866, гдѣ первая физіологическая часть заключаетъ въ-себѣ критику психологическихъ теорій матеріализма.

Сюда же относятся касающіяся нашего вопроса части остроумной исторіи и критики матеріализма Ф. А. Ланге, *Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart*, 1866.

Изъ *французскихъ* трудовъ приводимъ:

Bouillier, *Du principe vital de l'âme pensante*, 1861.

Bauchut, *La vie et ses attributs*, 1862.

Saisset, *L'âme et la vie*, 1864.

Digitized by Google

Garnier, *Traité des facultés de l'âme.* 2 изд., 1865. Ч. I, книга I. *Distinction de l'âme et du corps.*

Въ особенности же обращаемъ вниманіе читателей на сочиненіе Поля Жане, *Le Matérialisme contemporain en Allemagne*, 1864 (русск. перев.), которое, по основательности и многосторонности своихъ критическихъ выводовъ, одно только во всей французской литературѣ можетъ сравниться съ вышеупомянутыми трудами нѣмецкихъ писателей.

Изъ психологическихъ сочиненій *русской* литературы приводимъ прежде всего М. Владиславлева, *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*, 1866, гдѣ, кромѣ основательнаго разбора извѣстнѣйшихъ психологическихъ теорій, мы находимъ, на стр. 32 и слѣд., статью о существованіи души. Кромѣ того замѣчательны: архимандрита Гавріила, *Основанія опытной психологіи*, 1858, которыя содержатъ въ себѣ много важныхъ для нашего вопроса изслѣдованій о психологическихъ явленіяхъ въ связи съ физіологическими данными; потомъ С. Автократова, *Учебникъ психологіи*, 1866, и И. Чистовича, *Курсъ опытной психологіи*, 1868, заключающія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ тщательные матеріалы для разработки нашего вопроса.

Сюда же относятся ясные психологическіе выводы помѣщенные въ основательныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ П. Юркевича, *Чтенія о воспитаніи*, стр. 24 и слѣд., и *Курсъ общей педагогики*, 1869, гдѣ особенно важно изученіе дѣйствія чувствъ, стр. 337 и слѣд. Наконецъ, замѣтимъ что къ нашему вопросу относятся многія статьи которыя помѣщались въ разное время въ періодическихъ русскихъ изданіяхъ, особенно въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

ГЛАВА IV.

Анализъ основныхъ психическихъ явленій съ цѣлію рѣшенія вопроса о самостоятельномъ началѣ душевныхъ явленій.

По развитому выше методу, рѣшеніе вопроса о существованіи души должно основываться на анализѣ другаго вопроса: можно ли такъ-называемыя душевныя явленія объяснить на основаніи извѣстныхъ физическихъ и физіологическихъ процессовъ тѣла, или же сущность и природа этихъ явленій требуетъ принятія особаго самостоятельнаго начала?

Digitized by Google

Приступая теперь къ анализу душевныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, мы обратимъ вниманіе на основныя начала психической жизни, именно: *сознаніе, мышленіе, чувствованіе* и *волю*, и доводя предварительно до совершенной очевидности несомнѣнную эмпирическую истину этихъ явленій, которую, впрочемъ, каждый можетъ наблюдать и повѣрять въ самомъ себѣ, мы изслѣдуемъ затѣмъ возможность или невозможность объясненія ихъ при помощи физіологіи, на которую ссылается матеріализмъ.

I.

Наиболѣе характерическій признакъ психической жизни человѣка есть явленіе *сознанія*, въ которомъ человѣкъ сосредоточивается въ себѣ, рефлектируется на самомъ себѣ, и упрочиваетъ мысль о себѣ какъ о существѣ единичномъ и самостоятельномъ, служащемъ причиною своихъ собственныхъ дѣйствій.

Сознаніе есть эмпирическій фактъ. Каждый человѣкъ, въ нормальномъ состояніи, доходитъ до сознанія и воспроизводитъ въ себѣ вѣдѣніе и мысль о себѣ, собирая самого себя въ сознаніи и отличая себя какъ отъ всего что находится вокругъ него, такъ и отъ того что представляетъ ему его психическая дѣятельность. Человѣкъ не только дѣйствуетъ психически, но и сознаетъ свое дѣйствіе и обладаетъ способностію отличать самого себя, какъ причину, отъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствій, какъ слѣдствій вызванныхъ собственною дѣятельностію.

Но для рѣшенія нашей главной задачи возникаетъ теперь вопросъ: въ состояніи ли мы будемъ объяснить это психическое явленіе на основаніи физіологическихъ началъ, то-есть функцій тѣла, и подтверждаютъ ли анатомія и физіологія, въ особенности неврологія, при новѣйшемъ ихъ развитіи, мнѣніе матеріалистовъ, высказанное въ различныхъ формахъ, что душа, а слѣдовательно и сознаніе, есть только извѣстное отправленіе тѣлеснаго организма?

Психическое явленіе сознанія заключаетъ въ себѣ три слѣдующія начала:

Единство, по которому человѣкъ сознаетъ себя нераздѣльно единичнымъ, несмотря на самое разнообразное и

Digitized by Google

самое непостоянное содержаніе его мыслей, чувствъ и стремленій.

Самонаблюденіе, при помощи котораго человѣкъ управляетъ своими мыслями и отдаетъ себѣ отчетъ въ своей психической дѣятельности.

Постоянство и *тождество*, на основаніи котораго сознаніе человѣка остается въ продолженіе всей его жизни однимъ и тѣмъ же, несмотря на внѣшнія и внутреннія перемѣны вызванныя теченіемъ времени.

Кто хочетъ научнымъ путемъ доказывать несостоятельность или ненадобность предположенія о существованіи души, тотъ долженъ напередъ доказать что всѣ вышеприведенныя эмпирико-психологическія явленія сознанія имѣютъ въ тѣлѣ человѣка свое органическое основаніе и истекаютъ изъ его природныхъ отправленій.

Но сравнивая эти явленія съ *несомнѣнными* выводами новѣйшей физіологіи, мы легко убѣждаемся что ни для *единства*, ни для *самонаблюденія*, ни, наконецъ, для *постоянства* и *тождества* сознательной жизни человѣка мы не встрѣчаемъ въ отправленіяхъ тѣла никакого основанія которое могло бы достаточно объяснить всѣ эти явленія. По своей природѣ они до того отличны отъ естественныхъ проявленій каждаго физіологическаго процесса что для объясненія ихъ требуется необходимо принятіе отдѣльнаго самостоятельнаго начала.

1. Что̀ касается *единства* сознанія, того чувства, присущаго каждому человѣку, коимъ онъ сознаетъ себя нераздѣльно единымъ, то прежде всего мы должны замѣтить что объясненіе этого психическаго единства изъ физіологическихъ основаній, въ духѣ матеріалистической теоріи отрицающей существованіе души, необходимо требуетъ указанія органическаго единства тѣла, сосредоточенія всѣхъ физіологическихъ основаній психической жизни, то-есть нервовъ, въ одномъ какомъ-либо основномъ явленіи. Безъ такого физіологическаго единства организма, эмпирико-психологическое явленіе единства сознанія должно оставаться неизъяснимымъ съ физіологической точки зрѣнія.

Но несмотря на всѣ усилія мы напрасно ищемъ такого единства въ тѣлесномъ организмѣ, которое могло бы объяснить единство сознанія. Ни анатомія, ни физіологія не знаютъ

Digitized by Google

ничего о подобномъ соединеніи всѣхъ тѣлесныхъ отправленій психической жизни въ одномъ основномъ.

Правда нѣкоторые изъ прежнихъ физіологовъ, между которыми въ особенности С. Т. Сэммерингъ * и другіе, изъ новѣйшихъ, прежде всего знаменитый парижскій анатомъ и физіологъ Флуранъ, ** потомъ Лотце, *** А. Фикъ **** и другіе, всѣми силами старались доказать сосредоточеніе тѣлеснаго организма, въ особенности нервной системы, въ одномъ пунктѣ, объясняющемъ единство животныхъ психическихъ проявленій человѣка (point, или noeud vital Флурана). Въ этомъ пунктѣ, по ихъ мнѣнію, сосредоточивается вся жизнь и всѣ раздраженія нервовъ, соединеніемъ которыхъ эти физіологи и объясняютъ психическое явленіе извѣстное подъ именемъ *единства* сознанія. †

Однако новѣйшія тщательныя анатомическія и физіологическія изслѣдованія не только не подтверждаютъ этой гипотезы, но напротивъ доказываютъ что такое сосредоточеніе нервной системы не согласуется съ дѣйствительностію; что нервы не соединяются въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а образуютъ самостоятельные центры какъ въ головномъ такъ и въ спинномъ мозгѣ.

Уже изслѣдованія Пфлюгера †† возбудили величайшее сомнѣніе въ дѣйствительномъ существованіи единства нервной системы. Доказывая, на основаніи различныхъ вивисекцій, самостоятельность и независимость нервовъ спиннаго мозга

---

* Sömmering, *Ueber das Organ der Seele.* 1796.

** Flourens, *De la vie et de l'intelligence*, 1858, T. II, pag. 155 и *Compte rendu*, 1851, T. XXXIII, pag. 437 и 1859. T. XLVIII, pag. 1136. Смотри: O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie*, 1860, T. II, Seite 567 и 575.

*** H. Lotze, *Medicinische Psychologie oder Physiologie der Seele*, 1852, и въ особенности того же автора: *Mikrokosmus*, T. I, 1856, S. 316—342. *Von dem Sitze der Seele.*

**** A. Fick, *Compendium der Physiologie*, 1860. S. III und 52 ffg.

† Относительно вопроса о *седалищѣ души въ тѣлѣ*, кромѣ вышеприведенныхъ сочиненій, смотри еще: G. F. Fechner, *Elemente der Psychophysik*, 1860, T. II. S. 381—426. I. H. Fichte, *Psychologie.* T. I. 1864. S. 35—63 и H. Ulrici, *Gott und der Mensch.* T. I. 1866. S. 105—125.

†† Pflüger, *Die sensorischen Functionen des Rückenmarks der Wirbelthiere, nebst einer neuen Lehre über die Leitungsgesetze der Reflexionen.* 1853.

Digitized by Google

отъ головнаго, и вообще множественность нервныхъ центровъ, Пфлюгеръ основывалъ на этихъ изслѣдованіяхъ гипотезу о существованіи въ нервной системѣ не одной, а нѣсколькихъ душъ. По его мнѣнію, въ каждомъ нервномъ центрѣ находятся всѣ условія приписываемыя такъ-называемой душѣ, то-есть способность чувствовать и отвѣчать на внѣшнія раздраженія.

Говоря строго, гипотеза эта о существованіи *множества душъ* въ нервной системѣ есть матеріалистическій выводъ основанный на эмпирическомъ существованіи многихъ центровъ нервной системы. Но каждый видитъ что такою гипотезой нельзя объяснить психическаго сосредоточенія и единства человѣка въ фактѣ сознанія. Откуда же можетъ происходить единство психическое, когда человѣкъ, съ точки зрѣнія физіологіи, представляется состоящимъ изъ *различныхъ* самостоятельныхъ единствъ?

Изслѣдованія Пфлюгера въ новѣйшее время часто были повѣряемы и побудили къ новымъ, болѣе точнымъ наблюденіямъ касательно связи между физическими и психическими проявленіями жизни. Для насъ, въ нашемъ вопросѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдованія И. М. Шиффа и Рудольфа Вагнера.

Шиффъ, подобно Пфлюгеру, доказывая независимость отправленій спиннаго мозга отъ головнаго, доходитъ до заключенія * что спинной мозгъ самъ по себѣ, независимо отъ головнаго, обладаетъ не только способностью чувствованія, но даже въ нѣкоторой степени способностью сознанія. Шиффъ, говоря о чувствилищѣ спиннаго мозга, могъ бы подобно Пфлюгеру говорить о душѣ спиннаго мозга, въ отличіе отъ души головнаго, и потомъ разбить человѣка на множество самостоятельныхъ центровъ, изъ коихъ каждый обладалъ бы всѣми условіями души, то-есть способностью чувствовать и отвѣчать на внѣшнія раздраженія. Это привело бы насъ къ положенію, ясно высказанному матеріалистами, что человѣкъ есть не что иное какъ только механическое собраніе разнородныхъ субстанцій и атомовъ.

При такомъ физическомъ и физіологическомъ атомизмѣ мы и понять не можемъ какъ объяснить *единство* сознанія, сосредоточеніе человѣка въ *одной* мысли о себѣ.

---

* Schiff, *Lehrbuch der Physiologie des Menschen*. T. I. *Muskel- und Nervenphysiologie*. 1859. Seite 208, 213 и 229.

Digitized by Google

Второй изъ вышеупомянутыхъ физіологовъ, Рудольфъ Вагнеръ, хотя не доходитъ до подобныхъ матеріалистическихъ выводовъ, однако эмпирическіе результаты его изслѣдованій согласны съ вышеприведенными положеніями.

Въ нѣсколькихъ приведенныхъ нами въ перечнѣ литературы разсужденіяхъ, заключающихъ спеціальныя изслѣдованія надъ отправленіями мозга, Вагнеръ доходитъ до заключенія * что психическія явленія жизни человѣка никакъ не сходятся въ одной центральной точкѣ, но основываются на большомъ числѣ самостоятельныхъ нервныхъ центровъ въ мозгу, и что *substantia nigra Soemmeringii*, которую обыкновенно признаютъ сѣдалищемъ психической дѣятельности, есть только средоточіе нервовъ двигательныхъ, но не чувствительныхъ.

Самъ Вагнеръ прежде предполагалъ что въ мозгу возможно найти непарные органы, соединяющіе въ себѣ различные нервные центры; но теперь, вслѣдствіе своихъ новыхъ, преимущественно патологическихъ, изслѣдованій, онъ доказываетъ что и самый мозгъ не есть одинъ центральный органъ нервной системы, а только собраніе различныхъ самостоятельныхъ органовъ или центровъ.

Что же касается noeud vital Флурана, то не только Шиффъ и Вагнеръ, но и Бронъ-Секаръ ** убѣдились что поврежденіе его не влечетъ за собою смерти, и поэтому онъ не можетъ быть признанъ за „узелъ жизни“, за центральный пунктъ жизненныхъ отправленій организма.

Словомъ, мы положительно можемъ повторить здѣсь слова одного изъ извѣстныхъ физіологовъ, что мысль о сосредоточеніи души въ одной части мозга уже устранена въ наукѣ вслѣдствіе новѣйшихъ физіологическихъ изслѣдованій. ***

Въ виду такихъ несомнѣнныхъ выводовъ новѣйшей физіологіи касательно отправленій нервной системы, мнѣніе будто психическое единство человѣка есть простое слѣдствіе единства физическаго теряетъ свое эмпирическое основаніе. Еслибы человѣкъ самъ по себѣ былъ не что иное какъ организмъ тѣлесный, еслибъ его психическая жизнь была

---

* Wagner, *Die Frage nach dem Sensorium und Motorium commune. Göttingische Nachrichten.* 1860. № 6. Seite 57 flg.

** Brown-Sequard, *Journal de physiologie.* 1858. T. I. pag. 217. См. O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie.* 1860. T. I. Seite 56.

*** O. Funke, *Lehrbuch der Physiologie.* 1860. T. II. Seite 481.

Digitized by Google

тождественна съ отправленіями нервной системы, то ни въ какомъ случаѣ онъ не былъ бы въ состояніи дойти до психическаго единства, то-есть до сосредоточенія всѣхъ психическихъ началъ своего бытія въ одномъ сознаніи самого себя. Человѣкъ съ физіологической точки зрѣнія представляется раздѣленнымъ на большое число центровъ, изъ коихъ каждый самостоятеленъ въ отношеніи къ другому. Всѣ раздраженія и впечатлѣнія нервовъ собираются не въ одной какой-либо точкѣ, но разрознены по большому числу центровъ ощущенія и отраженія, и потому они должны были бы имѣть послѣдствіемъ и раздробленныя проявленія психическія, то-есть человѣкъ и съ точки зрѣнія психической долженъ былъ бы представляться намъ существомъ раздѣленнымъ на большое число отдѣльныхъ психическихъ центровъ.

Итакъ эмпирическое единство сознанія человѣка есть фактъ, противорѣчащій всѣмъ физіологическимъ основаніямъ нервной системы. Несмотря на столь большое число нервныхъ центровъ, человѣкъ все-таки чувствуетъ себя единымъ и относитъ всякаго рода нервныя раздраженія и впечатлѣнія къ самому себѣ, то-есть сосредоточиваетъ ихъ въ одной центральной точкѣ, въ чувствѣ самого себя. Фактъ этотъ, который нельзя объяснить съ точки зрѣнія физіологической, уничтожаетъ съ одной стороны мнѣніе матеріалистовъ о тождествѣ физической и психической жизни человѣка, а съ другой—требуетъ принятія самостоятельнаго психическаго начала, способнаго объяснять эмпирическое единство сознанія, которое есть безспорный фактъ, несмотря на раздробленіе мозга на множество нервныхъ центровъ.

Еслибы кто-нибудь предположилъ что на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ мы заходимъ слишкомъ далеко въ нашихъ выводахъ, то для успокоенія подобныхъ осторожныхъ умовъ, мы приведемъ здѣсь слова одного изъ лучшихъ и осторожнѣйшихъ изслѣдователей, котораго никто не можетъ упрекнуть въ какихъ-либо философскихъ грезахъ,—слова профессора Вирхова, который, принимая участіе въ матеріалистическихъ спорахъ, говоритъ касательно этого вопроса такъ: * „Какъ только оказывается что началомъ (Substrat) сознанія не можетъ служить какой-нибудь отдѣльный, единичный органъ тѣла, то съ научной точки зрѣнія нельзя

* Virchow, *Gesammelte Abhandlungen zur wissenchaftlichen Medicin.* 1862. S. 16.

Digitized by Google

ничего сказать противъ мнѣнія что кромѣ матеріи есть въ человѣкѣ какое-то невѣсомое, пожалуй, нематеріальное, эѳирное или чисто духовное существо (*ein imponderables, wenn man will immaterielles, ätherisches oder rein geistiges Wesen*), основное свойство котораго есть *сознаніе*. Эта мысль, говоритъ далѣе Вирховъ, была для меня причиною, по которой чисто матеріалистическій взглядъ на сознаніе, какъ на простое отправленіе мозга, я призналъ *произвольнымъ*, а принятіе, хотя дѣйствительно трансцендентальное, отдѣльной *души* вѣроятно основательнымъ. Еще и теперь, не взирая на возраженія Фохта, я не могу убѣдиться что это мнѣніе ошибочно или непослѣдовательно."

2. Второе явленіе сознанія есть его *самонаблюденіе*. Вслѣдствіе самонаблюденія, человѣкъ въ состояніи отдавать себѣ отчетъ въ томъ что онъ думаетъ и сопровождать мыслію свое дѣйствіе. Человѣкъ не только подчиняется внѣшнимъ впечатлѣніямъ страдательно, не только доходитъ до сознанія этихъ впечатлѣній, но и самъ принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе и ощущаетъ въ нихъ самого себя. Подобное явленіе необъяснимо на основаніи одного отправленія тѣла, потому что превышаетъ условія всѣхъ намъ извѣстныхъ физическихъ явленій. Слѣдующія соображенія доказываютъ это.

Всѣ физическія явленія по своему происхожденію *просты*, то-есть они не возвращаются къ самимъ себѣ, къ источнику изъ котораго вышли, и не могутъ *сопровождать* сами себя мыслію. Какъ непосредственныя слѣдствія своихъ причинъ, они не заключаютъ въ себѣ никакого *новаго* и самостоятельнаго содержанія, которое отличалось бы отъ самого физическаго процесса.

Еслибъ и психическія дѣйствія были явленіемъ только физическихъ и органическихъ силъ, то и они были бы простыми процессами въ вышесказанномъ смыслѣ, то-есть процессами безъ всякой внутренней двойственности и самонаблюденія.

Изъ физіологіи мы знаемъ что въ нервахъ раздражаемыхъ внѣшними стимулами происходятъ извѣстные физическіе процессы, происходятъ движенія молекулъ, пробѣгающія по нервамъ, какъ электричество по телеграфнымъ проволокамъ, и доходящія до извѣстныхъ центровъ нервной системы. Здѣсь эти процессы превращаются въ извѣстныя

Digitized by Google

элементарныя психическія проявленія ощущеній, то-есть въ ощущенія внутреннихъ перемѣнъ вызванныхъ раздраженіемъ периферическихъ нервовъ.

Такъ какъ мы возвратимся къ этому предмету когда будетъ время говорить о чувствахъ, то здѣсь обратимъ вниманіе только на вопросъ: какимъ образомъ нервная система рядомъ съ ощущеніемъ единичныхъ внутреннихъ перемѣнъ, вызванныхъ физическими стимулами, обладаетъ и *самочувствіемъ*, и съ совершенною ясностію отличаетъ себя отъ ощущенія внутреннихъ перемѣнъ въ различныхъ нервныхъ центрахъ?

Согласно съ физическою аналогіей, сущность дѣйствія нервной системы зависитъ исключительно отъ физическихъ стимуловъ и не заключаетъ въ себѣ ничего иного кромѣ измѣненій, вызванныхъ въ различныхъ единичныхъ нервныхъ центрахъ. Это значитъ, съ физіологической точки зрѣнія, что до нашего сознанія должны дойти только эти элементарныя измѣненія въ нервныхъ центрахъ. Явленіе же рефлективнаго чувства самого себя, вслѣдствіе котораго человѣкъ не только ощущаетъ физическія измѣненія въ нервныхъ центрахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаетъ что онъ самостоятельный субъектъ всѣхъ своихъ ощущеній, соединяетъ ихъ въ самомъ себѣ, и отличаетъ ихъ другъ отъ друга; это явленіе доказываетъ врожденную *двойственность* психическаго процесса, существенно отличающагося этимъ внутреннимъ признакомъ двойственности отъ простаго физическаго процесса. На основаніи физическихъ началъ вовсе нельзя понять какъ два самостоятельные процесса могутъ проникнуть другъ друга до той степени чтобъ одинъ дошелъ до вѣдѣнія о существованіи другаго.

Но невозможность физическаго и физіологическаго объясненія процесса самонаблюденія можно доказать еще нагляднѣе.

Если даже допустимъ что безъ принятія отдѣльной души нервный процессъ самъ по себѣ рождаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ психическія явленія, то и на этомъ гипотетическомъ основаніи мы могли бы дойти только до объясненія какого-нибудь посторонняго и объективнаго содержанія нервной системы; но при этомъ осталса бы все-таки нерѣшеннымъ вопросъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, то-есть какъ объяснить субъективное чувство въ отличіе отъ всякаго чуждаго

Digitized by Google

объективнаго содержанія. Раздраженія нервовъ глаза, слуха и т. д. могутъ имѣть своимъ физіологическимъ послѣдствіемъ не что иное какъ только простое ощущеніе свѣта, звука и т. д. Вслѣдствіе того нервная система, подлежа раздраженію различныхъ физическихъ стимуловъ, должна и *психически* рождать ощущенія только единичныхъ физіологическихъ проявленій, вызванныхъ этими раздраженіями, то-есть ощущенія свѣта, звука и другихъ тому подобныхъ состояній. И за каждымъ новымъ раздраженіемъ нервовъ не могло бы послѣдовать ничего болѣе кромѣ только этихъ же элементарныхъ чувственныхъ ощущеній. Вся психическая жизнь человѣка представляла бы намъ въ такомъ случаѣ безконечный рядъ актовъ сознанія самыхъ разнообразныхъ между собою несвязанныхъ измѣненій въ различныхъ нервныхъ центрахъ. Соединеніе же этого ряда отдѣльныхъ актовъ сознанія, этихъ разнородныхъ ощущеній въ одномъ актѣ сознанія самого себя, а равно и сознательное отличіе самого себя отъ всѣхъ единичныхъ актовъ ощущенія,—это уже явленія совершенно новыя, которыя невозможно объяснить изъ основаній чисто-физіологическихъ; эти явленія обозначаютъ бытіе самостоятельнаго существа, не подлежащаго непосредственно процессамъ физіологическимъ и обладающаго способностью отличать себя отъ нихъ.

Правда что матеріалисты стараются устранить и это затрудненіе при помощи гипотезы, что всѣ отдѣльные акты ощущенія сливаются въ одно общее ощущеніе самого себя. Но вышепоказанный недостатокъ центральнаго средоточія для нервной системы дѣлаетъ невозможнымъ такое объясненіе.

Какимъ бы образомъ отдѣльные акты ощущенія могли соединяться въ одной мысли о себѣ, въ одномъ самонаблюденіи, когда нѣтъ физіологическихъ проводниковъ дѣлающихъ возможнымъ такое соединеніе? Далѣе, если допустимъ даже возможность такого соединенія и сліянія разнородныхъ актовъ ощущенія въ одно цѣлое, то такимъ физическимъ сліяніемъ различныхъ актовъ ощущенія, то-есть ощущенія свѣта, звука и т. д., развѣ можно объяснить совсѣмъ особенное, отъ этихъ физіологическихъ явленій совершенно отличное сознаніе самого себя и самонаблюденіе? Какъ же, кромѣ того, при такомъ сліяніи разнородныхъ явленій воедино, объяснить эмпирическое отличіе сознанія самого себя отъ всѣхъ единичныхъ актовъ ощущенія? Откуда

Digitized by Google

происходитъ это самостоятельное сознаніе сопровождающее отдѣльныя ощущенія нервной системы и отличающееся отъ нихъ?

Самонаблюденіе сознанія заключаетъ въ себѣ какъ сосредоточеніе человѣка въ одной мысли о себѣ, такъ и отличіе самого себя отъ всякаго внутренняго содержанія. Представляется ли что-нибудь подобное какимъ бы то ни было физическимъ явленіемъ? Смотря на извѣстный предметъ, я знаю что я отличаюсь отъ него, то-есть отъ ощущенія вызваннаго этимъ предметомъ въ нервной системѣ. То же самое повторяется и въ области другихъ органовъ чувствъ. Никто не отождествляетъ себя самого съ какимъ-нибудь ощущеніемъ, въ немъ вызваннымъ. Ощущенія свѣта и звука, обонянія и вкуса, удовольствія и непріятности, никогда не обнимаютъ собою всего нашего существа; но рядомъ со всѣми этими актами ощущенія всегда остается въ нормальномъ состояніи извѣстное психическое содержаніе, которое противопоставляется всѣмъ этимъ ощущеніямъ, отличаетъ себя отъ нихъ и размышляетъ о нихъ. Это именно противопоставленіе субъекта объекту въ процессѣ психическомъ, это сознательное господство субъекта надъ собственными ощущеніями, стоитъ выше всякаго физіологическаго процесса.

Если примемъ самонаблюденіе лишь за сумму, за сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ актовъ ощущенія, то нельзя понять какимъ образомъ эта сумма можетъ сознательно отличать себя отъ единичныхъ началъ, которымъ обязана она своимъ существованіемъ. Если же допустимъ что какой-нибудь отдѣльный актъ ощущенія составляетъ содержаніе и основу самого наблюденія, то останется непонятнымъ, откуда происходитъ возможность сознанія множества отдѣльныхъ ощущеній, рядомъ съ единичнымъ сознаніемъ самого себя.

Поэтому соединеніе въ самонаблюденіи единства и множества, субъекта и объекта, есть явленіе столь особенное и самостоятельное что оно не можетъ быть подведено подъ явленія механическія, химическія, физическія и физіологическія. Каждый кто безъ предубѣжденій и вмѣстѣ съ извѣстнымъ запасомъ мыслей способствующихъ самонаблюденію размышлялъ надъ эмпирическимъ явленіемъ самонаблюденія, долженъ невольно дойти до убѣжденія что этотъ субъективный психическій процессъ дѣйствительно отличается отъ всякаго объективнаго дѣйствія физическихъ силъ, и что

Digitized by Google

въ немъ проявляется самостоятельное существо, отличающее себя въ собственномъ центрѣ своего существованія отъ всѣхъ физическихъ явленій, которыя, какъ периферическія, оно противопоставляетъ своему центральному сознанію самого себя. Способность этого существа противопоставлять себя всякимъ ощущеніямъ, зависящимъ отъ внѣшнихъ раздраженій, можетъ быть объяснена только при допущеніи дѣйствительнаго и основнаго отличія этого существа отъ всѣхъ возможныхъ физическихъ явленій. Безъ такого реальнаго отличія, противопоставленіе субъекта объекту въ мысли о самомъ себѣ не имѣло бы никакого основанія, а слѣдовательно не могло бы и проявляться.

3. Наконецъ, третье эмпирико-психологическое явленіе сознанія есть его *постоянство* и *тождество*. Здоровый въ психическомъ отношеніи человѣкъ чувствуетъ себя однимъ и тѣмъ же въ продолженіе всей своей жизни. Всякія, очень часто весьма быстрыя физическія и психическія перемѣны, не измѣняютъ однако его индивидуальнаго сознанія. Онѣ для нормальнаго человѣка въ продолженіе всей его жизни имѣютъ характеръ внѣшній и периферическій, то-есть онѣ относятся только къ аттрибутамъ и качествамъ человѣка, но не нарушаютъ его внутренняго и центральнаго существа, его субстанціи. Эта послѣдняя остается прочною и неизмѣняемою основой сознанія человѣка въ теченіи всей его жизни.

На этомъ *тождествѣ* человѣческаго сознанія основываются всѣ психическія его дѣйствія. *Тождество* и *постоянство* сознанія есть необходимое начало для всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ явленій въ жизни человѣка. * Всякая дѣятельность мышленія требуетъ чтобы разсуждающее лицо оставалось въ самомъ себѣ однимъ и тѣмъ же при всякой перемѣнѣ отдѣльныхъ мыслей; чтобы въ постоянствѣ и тождествѣ разсуждающаго лица сохранялось прочное основаніе для сравненія разныхъ мыслей слѣдующихъ одна за другою. Точно такъ и нравственная отвѣтственность человѣка за поступокъ совершенный имъ въ прошедшемъ истекаетъ изъ той же несомнѣнной истины что лицо остается непрестанно самимъ собою, что *традиція* внутренняго существа его ничѣмъ не можетъ быть нарушена.

* Подробное развитіе этой мысли можно найти у Janet, *Le matérialisme contemporain en Allemagne*, 1864, pag. 121 et ss. и у Westhoff, *Stoff, Kraft und Gedanke*, 1865, S. 175 und ffg.

Digitized by Google

И для этого всѣмъ извѣстнаго психологическаго явленія постоянства и тождества сознанія человѣка мы напрасно искали бы основаній въ его физическомъ бытіи.

Новѣйшая физіологія доказала несомнѣнно что человѣкъ въ физическомъ отношеніи подлежитъ непрестаннымъ перемѣнамъ составляющихъ его началъ. Постоянный обмѣнъ всѣхъ безъ исключенія физическихъ началъ есть сущность физіологическаго процесса жизни. Въ періодъ весьма незначительнаго времени, отъ пяти до семи лѣтъ, измѣняются всѣ физическія начала составляющія человѣка. Въ непрерывномъ процессѣ жизни новыя начала занимаютъ мѣсто старыхъ, и можно сказать что по истеченіи означеннаго времени тѣлесный организмъ человѣка не заключаетъ въ себѣ уже ни одного изъ прежде бывшихъ, составлявшихъ его началъ, ибо старыя начала уступили мѣсто новымъ.

Этотъ несомнѣнный физіологическій фактъ весьма затрудняетъ объясненіе психической традиціи сознательной жизни человѣка, и дѣлаетъ его даже невозможнымъ если стать исключительно на физіологическую точку зрѣнія.

Согласно съ матеріалистическими основаніями, фактъ *психическаго* постоянства и тождества даннаго лица въ продолженіе всей его жизни можетъ основываться только на постоянствѣ и тождествѣ извѣстныхъ физическихъ явленій. При такой точкѣ зрѣнія возникаетъ вопросъ: какія физическія явленія представляютъ намъ подобное постоянство, которое могло бы служить основаніемъ для объясненія *постоянства психическаго*?

Прежде всего, мы должны замѣтить здѣсь что въ этомъ отношеніи нельзя ссылаться на *матерію* тѣла, на химическія его начала; ибо согласно съ вышеприведеннымъ физіологическимъ закономъ обмѣна веществъ, начала эти подлежатъ почти очевиднымъ измѣненіямъ. Никакой отдѣльный атомъ и никакое собраніе атомовъ, какъ напримѣръ мозгъ, не можетъ быть постояннымъ посредникомъ между прошедшимъ и настоящимъ психической жизни, не можетъ служить основою для сохраненія традиціи сознанія, потому что ни одинъ атомъ не занимаетъ въ организмѣ постоянно своего опредѣленнаго мѣста и не остается въ немъ въ теченіе продолжительнаго времени. Каждый атомъ подлежитъ безпрестанному теченію жизни, и ранѣе или позднѣе уступаетъ свое мѣсто другому.

Digitized by Google

Единственнымъ основаніемъ для объясненія *постоянства* и *тождества* психической жизни изъ физическихъ началъ могутъ служить только *функціи, отправленія* организма. Съ точки зрѣнія матеріалистической, мы въ этомъ отношеніи можемъ только сослаться на тотъ фактъ что несмотря на постоянныя измѣненія самой матеріи организма, его форма, а слѣдовательно и его отправленія остаются одни и тѣ же. Организмъ въ продолженіе всей жизни исполняетъ одни и тѣ же органическія отправленія, и въ этомъ-то постоянствѣ и тождествѣ отправленій тѣла остается для матеріализма единственное физическое основаніе для объясненія постоянства и тождества такъ-называемыхъ отправленій психическихъ.

Но не трудно доказать что и здѣсь постоянство и тождество органическихъ отправленій суть понятія неосновательныя, не представляющія ничего что̀ давало бы право на ихъ отождествленіе съ традиціей сознанія.

Тѣлесный организмъ человѣка, дѣйствительно, исполняетъ свои отправленія непрестанно въ теченіе всей жизни, но, несмотря на то, существенное ихъ содержаніе измѣняется въ каждый моментъ ихъ явленія. Живой организмъ отнюдь не удерживаетъ постоянно одного и того же отправленія, но повторяетъ только постоянно похожія одно на другое, тѣмъ не менѣе въ своихъ составныхъ началахъ совершенно новыя отправленія. Каждый новый моментъ этихъ органическихъ отправленій не тождественъ съ предыдущими моментами, но отличается отъ нихъ своимъ новымъ содержаніемъ. Далѣе, и способъ соединенія этихъ различныхъ моментовъ органическихъ отправленій не есть явленіе постоянной и безпрерывной традиціи, гдѣ одинъ моментъ, уступая мѣсто другому, могъ бы передать свое содержаніе слѣдующему за нимъ; но каждый моментъ, каждый отдѣльный актъ отправленія организма обнаруживается самъ по себѣ какъ конечное слѣдствіе извѣстныхъ конечныхъ причинъ, и соединяется съ другимъ только на основаніи механической послѣдовательности времени. Каждый отдѣльный актъ существуетъ до тѣхъ поръ пока его мѣсто не займетъ другой; а этотъ послѣдній не принимаетъ содержанія предыдущаго и не соединяется съ нимъ внутреннимъ способомъ, то-есть не знаетъ своего предшественника, но заключаетъ въ себѣ вновь свои собственныя физическія начала которыя раждаютъ свои

Digitized by Google

послѣдствія до тѣхъ поръ пока не уступятъ мѣста новому теченію органической жизни. Вслѣдствіе того, традиція физической жизни представляется намъ въ формѣ ряда отдѣльныхъ физическихъ актовъ, наступающихъ другъ за другомъ безъ всякой внутренней связи, чисто механически, согласно съ общими физическими законами.

Совершенно иначе представляется каждому мыслящему человѣку *традиція жизни психической*. Здѣсь субъектъ, т.-е. сознаніе и чувство самого себя существенно никогда не измѣняются. Сознаніе самого себя, какъ *того же самого* психическаго существа, остается постоянною и неизмѣнною основой всѣхъ психическихъ явленій. Что же касается отдѣльныхъ актовъ и отправленій психическаго дѣйствія, то они слѣдуютъ другъ за другомъ не механически, отдѣляясь лишь незамѣтнымъ образомъ другъ отъ друга, но соединяются между собой на основаніи внутренней существенной связи и сосредоточиваются всегда въ этомъ постоянномъ сознаніи самого себя, которому и передаютъ свое психическое содержаніе. Въ простыхъ логическихъ умозаключеніяхъ мы обнаруживаемъ эту психическую традицію, основанную на внутренней связи между психическимъ содержаніемъ прошедшаго и настоящаго. При помощи же *памяти* мы относимъ психическое содержаніе нашихъ ощущеній и впечатлѣній къ сознанію самого себя и сохраняемъ его въ себѣ постоянно и неизмѣнно.

Еслибы традиція психической жизни основывалась единственно на постоянномъ повтореніи отправленій организма и не имѣла бы своего самостоятельнаго начала, то въ такомъ случаѣ психическая жизнь могла бы намъ являться только въ формѣ постояннаго повторенія похожихъ, но другъ отъ друга механически отдѣленныхъ психическихъ актовъ. Сознаніе человѣка могло бы, положимъ, на этомъ основаніи повторяться каждый моментъ, но каждый слѣдующій моментъ сознанія зналъ бы только о самомъ себѣ и не имѣлъ бы никакого свѣдѣнія о моментѣ предыдущемъ.

Возьмемъ примѣръ. Дыханіе есть органическое отправленіе тѣла. Оно постоянно повторяется; но каждый новый моментъ дыханія не тождественъ съ предыдущимъ и заключаетъ въ себѣ новыя физическія начала. Положимъ, матеріализмъ въ правѣ утверждать что сознаніе человѣка есть такое же физіологическое отправленіе мозга какъ напримѣръ

Digitized by Google

дыханіе' есть отправленіе легкихъ. Однакоже и при такой огромной уступкѣ постоянство и тождество психической жизни осталось бы безъ всякаго объясненія. На вышеприведенномъ основаніи было бы только понятно что каждый моментъ отправленія мозга становится сознаніемъ, какъ каждый моментъ отправленія легкихъ становится дыханіемъ. Моменты *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, отправленія мозга имѣли бы слѣдствіемъ сознаніе *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*. Но при всемъ томъ осталось бы совершенно непонятнымъ откуда происходитъ возможность того что новые моменты отправленія мозга, моменты *d*, *e*, *f*, имѣютъ какое-нибудь сознаніе о предыдущихъ моментахъ *a*, *b*, *c*. Фактъ что послѣдній моментъ отправленія мозга, моментъ *f*, заключаетъ въ себѣ психическое содержаніе всѣхъ предыдущихъ моментовъ *a*, *b*, *c* и т. д.; фактъ что я сегодня имѣю то же самое индивидуальное сознаніе какое имѣлъ вчера и много лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть объясненъ простымъ повтореніемъ похожихъ на себя, но въ своихъ физическихъ началахъ всегда новыхъ моментовъ отправленія мозга, слѣдующихъ только механически другъ за другомъ какъ одинъ моментъ дыханія за другимъ.

Нѣтъ; фактъ индивидуальнаго тождества сознанія доказываетъ что въ человѣкѣ существуетъ нѣкоторое самостоятельное начало, въ своей внутренней сущности не подлежащее перемѣнѣ, но служащее основаніемъ для соединенія всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ сознанія въ постоянное цѣлое. Только принятіемъ такого постояннаго и неизмѣннаго начала мы можемъ объяснить эмпирическій фактъ постоянства и тождества сознанія.

II.

Второе основное эмпирико-психологическое явленіе доказывающее существованіе души есть *мышленіе*. Его дѣйствіе заключаетъ въ себѣ огромное число разныхъ психическихъ моментовъ, начиная съ первыхъ проявленій вниманія у ребенка и кончая глубочайшими научными изслѣдованіями философа стремящагося къ познанію истины, то-есть къ отраженію удивительнаго порядка и законовъ вселенной въ разумныхъ формахъ своего мышленія. Мы, конечно, не можемъ здѣсь разбирать всѣхъ этихъ моментовъ; для этого нужна

Digitized by Google

была бы особая книга. Въ нашемъ вопросѣ особенно важны для насъ слѣдующіе моменты относящіеся по большей части къ непосредственной связи мышленія со внѣшнимъ міромъ, именно:

Вниманіе, служащее основаніемъ всякаго сознательнаго мышленія.

Дѣйствіе внѣшнихъ *чувствъ*, дающее намъ первый основный матеріалъ для всего воззрѣнія на внѣшній міръ, и наконецъ,

Представленія и *понятія* которыя мы образуемъ изъ чувственныхъ ощущеній, изъ соединенія которыхъ происходятъ всѣ сложныя явленія мышленія.

1. *Вниманіемъ* мы называемъ психическую способность обращаться къ одному извѣстному предмету и тщательно разбирать его.

Въ связи съ физіологіей, вниманіе представляетъ намъ любопытное явленіе *невозможности принимать два разныя ощущенія въ одинъ моментъ времени*. Анализъ этой особенности вниманія доказываетъ тоже очень ясно, на основаніи физіологическихъ изслѣдованій, самостоятельное начало психическихъ явленій, и поэтому мы разсмотримъ этотъ предметъ ближе.

Существуетъ эмпирическій фактъ что различныя, часто очень сильныя раздраженія нервной системы не доходятъ до нашего сознанія если мы заняты другимъ предметомъ. Такъ, напримѣръ, читая со вниманіемъ книгу, часто мы не слышимъ самаго сильнаго шума, или слушая внимательно музыку, не видимъ часто того что̀ несомнѣнно видѣли бы если-бы не были заняты слушаніемъ. Офталмологъ Рюте разказываетъ * что во время одной, очень болѣзненной операціи которую онъ дѣлалъ молодой дѣвушкѣ, онъ до такой степени былъ занятъ своимъ дѣломъ что совсѣмъ не слыхалъ крика оперируемой. Поэтому, по окончаніи операціи, онъ съ удивленіемъ спросилъ паціентку, отчего теперь начинаетъ она плакать между тѣмъ какъ во время операціи была покойна? Вниманіе оператора такъ было занято что сильнѣйшія раздраженія слуховыхъ нервовъ не дошли до его сознанія. Подобныя явленія, которыя случаются очень часто, сдѣлались въ новѣйшее время предметомъ самыхъ точныхъ эмпирическихъ изслѣдованій.

* Rüte, *Ueber die Existenz der Seele*, 1863, стр. 17 и слѣд.

Digitized by Google

Математикъ и психологъ Дробишъ упоминаетъ въ своей *Психологіи* * что знаменитый астрономъ Бессель предпринималъ различныя изслѣдованія дабы убѣдиться дѣйствительно ли можно *въ одно и то же время* воспринимать впечатлѣнія и органомъ слуха, и органомъ зрѣнія. ** Извѣстно что астрономъ при своихъ изслѣдованіяхъ напрягаетъ и глазъ, и ухо, глазъ — наблюдая чрезъ телескопъ небесныя тѣла, ухо—чтобы при помощи маятника обозначить время когда эти тѣла появляются и исчезаютъ. Эти опыты, произведенные разнообразными способами, довели наконецъ Бесселя до несомнѣннаго заключенія что въ одно и то же время никоимъ образомъ нельзя видѣть и слышать, что въ то время когда мы напрягаемъ органъ зрѣнія, мы теряемъ способность сознательнаго воспринятія впечатлѣній дѣйствующихъ на органъ слуха, и наоборотъ. Бессель, смотря со вниманіемъ въ телескопъ, не могъ слышать вмѣстѣ съ тѣмъ ударовъ маятника; обращая же вниманіе на эти удары, онъ не могъ видѣть небеснаго тѣла. Впечатлѣнія двухъ чувствъ, хотя были всегда одновременны, доходили однако до сознанія въ разныя времена, такъ что одно являлось *послѣ* другаго только въ формѣ воспоминанія. Подобное тому явленіе замѣчаемъ мы часто въ обыкновенной жизни, когда слова, сказанныя намъ другимъ лицомъ, доходятъ до нашего сознанія только по истеченіи нѣкотораго времени, что всегда случается если во время физическаго дѣйствія звуковъ вниманіе наше занято другимъ предметомъ.

Послѣ Бесселя, астрономъ Струве повторилъ то же самое наблюденіе и дошелъ до тѣхъ же результатовъ. ***

Эти наблюденія астрономовъ были причиной болѣе точныхъ, чисто физіологическихъ изслѣдованій надъ отношеніемъ вниманія къ ощущенію. Лейпцигскій физіологъ Веберъ собственными опытами подтвердилъ наблюденія Бесселя, и ту же самую невозможность сознательнаго воспріятія въ одно время двухъ различныхъ ощущеній доказалъ въ области другихъ органовъ чувствъ, въ особенности осязанія. **** На основаніи этихъ же и собственныхъ новыхъ

---

* Drobisch, *Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode*, 1842, стр. 82 и слѣд.

** Bessel, *Astronomische Beobachtungen*. 1823, VIII Abth.

*** Struve, *Expédition chronométrique exécutée en 1843*, p. 29.

**** E. H. Weber, *Der Tastsinn und das Gemeingefühl*, въ Wag-

Digitized by Google

изслѣдованій, краковскій физіологъ Іосифъ Майеръ показалъ постоянные *законы* и *основанія* вниманія, приводящія къ весьма важнымъ заключеніямъ какъ для физіологіи такъ и для психологіи. Изъ всѣхъ этихъ законовъ мы приведемъ здѣсь первый, который выражается въ слѣдующемъ положеніи: „Если нѣсколько чувственныхъ нервовъ будутъ одновременно раздражаемы, такъ что получаемыя отъ того ощущенія могутъ дать понятіе о мѣстѣ и качествѣ стимула, то тѣмъ не менѣе такія ощущенія могутъ быть замѣчаемы не всѣ, а только отдѣльно, и то лишь сообразно тому на какое изъ нихъ будетъ обращено наше вниманіе.“ *

Этотъ эмпирическій фактъ невозможности сознательнаго воспріятія разомъ двухъ различныхъ ощущеній не можетъ быть объясненъ извѣстными намъ физіологическими отправленіями нервной системы. Въ физическомъ отношеніи нервы глаза и уха могутъ быть раздражаемы одновременно, и стало-быть нѣтъ никакой физіологической причины почему такія раздраженія не порождали бы, въ соотвѣтственныхъ нервныхъ центрахъ, и своихъ психическихъ послѣдствій, то-есть нѣтъ причины почему мы не могли бы сознательно воспринимать оба ощущенія. Причина эта лежитъ внѣ области физіологическихъ отправленій, въ самомъ существѣ души, а именно въ *единствѣ* сознанія. Только потому что человѣческое сознаніе само въ себѣ есть *единое*, что единство его сопровождаетъ всѣ явленія ощущенія, только потому это сознаніе во всякое время можетъ сознательно имѣть лишь одно ощущеніе. Множественность сознательныхъ ощущеній не согласуется со свойственнымъ человѣку единствомъ, съ индивидуальностью его сознательной жизни, и потому-то ощущеніе, принимая психическую форму, ограничивается и опредѣляется этимъ врожденнымъ индивидууму единствомъ.

Множество не можетъ непосредственно вступать въ область единаго въ самомъ себѣ сознанія, но должно поочередно представлять ему свое содержаніе. Если поэтому одно въ самомъ себѣ сознаніе уже занято въ данный моментъ извѣстнымъ предметомъ, то всѣ другія одновременныя ощущенія остаются имъ незамѣченными и доходятъ до него лишь

---

ners, *Handwörterbuch der Physiologie*. Т. III, Abth. 2, стр. 488 и слѣд. и 526.

* Jozef Majer, *Fizyologia zmysłów*, 1867, § 13.

Digitized by Google

на сколько при возвращеніи нашего вниманія къ другому одновременному ощущенію мы встрѣчаемъ какія-либо оставшіяся впечатлѣнія, дающія возможность вникнуть въ его содержаніе (impressio remanens).

До того же заключенія доходитъ, на основаніи собственныхъ новыхъ опытовъ, извѣстный физіологъ и психологъ Вунтъ *, который говоритъ: „Очевидно, невозможность многихъ одновременныхъ актовъ мышленія можетъ имѣть одинъ только смыслъ, когда они относятся къ одному и тому же мыслящему субъекту. Конечно, онъ не можетъ вмѣстѣ слышать и видѣть, образовывать понятія и обращать вниманіе на представленіе; напротивъ, всѣ эти факты у него должны слѣдовать одинъ за другимъ. И на какомъ основаніи? Только потому что всякій актъ относится къ одному и тому же мыслящему лицу, потому что оно когда слышитъ тонъ, полагаетъ его въ опредѣленное отношеніе къ себѣ, а если видитъ свѣтъ, локализуетъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ внѣшняго пространства, если представляетъ себѣ, то мыслитъ представленіе какъ нѣчто внѣ его или въ немъ самомъ существующее; короче потому что всякій такой актъ, такъ какъ онъ есть сознательный актъ мышленія, направляется къ *я*, какъ средоточію около котораго вращается все другое.“ **

Несмотря на вышеприведенныя изслѣдованія физіологовъ, Владиславлевъ, въ остроумномъ разборѣ ученія Вунта, отрицаетъ однако какъ точность самого факта, такъ и выведенное изъ него заключеніе относительно единства сознанія. *** Въ первомъ отношеніи онъ говоритъ: „Можетъ-быть мы не можемъ съ равною интенсивностію сознавать одновременно два какіе-нибудь акта. Но если одинъ сознается менѣе интенсивно, не слѣдуетъ что другой вовсе не сознается, что душа и неспособна сознавать нѣсколько своихъ состояній вмѣстѣ.“ Заключенію же относительно единства сознанія онъ противопоставляетъ фактъ возможности сравнить разныя

* См. соч. Владиславлева *Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*, 1866 г., стр. 94 и слѣд., гдѣ находится описаніе и критика опытовъ Вунта.

** Wundt, *Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele.* 1863. Т. I, стр. 313.

*** Владиславлевъ въ приведенномъ соч., стр. 101 и слѣд.

Digitized by Google

мысли,—что по его мнѣнію можетъ основываться только на возможности сознанія *вмѣстѣ* сравниваемыхъ моментовъ.

Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ Владиславлевъ забываетъ что скорость мысли, о которой самъ онъ разсуждаетъ такъ основательно, служитъ очень простымъ объясненіемъ приведенныхъ имъ трудностей. Вслѣдствіе этой скорости, доходящей, по исчисленіямъ самого Владиславлева, до тридцати трехъ понятій, выраженныхъ въ словахъ, въ одну секунду, два сравниваемыя *другъ съ другомъ* понятія представляются намъ какъ бы сознанными вмѣстѣ. Извѣстно же, напримѣръ, изъ физіологіи, что только очень малая поверхность сѣтчатки глаза воспринимаетъ свѣтъ. Эта поверхность такъ мала что на ней никогда не отражается весь видимый нами предметъ въ одинъ моментъ времени. Однакоже вслѣдствіе скорости дѣйствія зрѣнія всѣ зрительныя ощущенія извѣстнаго предмета, воспринимаемыя другъ за другомъ, сливаются въ нашемъ обыкновенномъ сознаніи въ одно цѣлое и представляютъ намъ образъ всего предмета какъ будто бы въ одинъ моментъ. То же самое повторяется и при сравненіи разныхъ понятій. Мы сравниваемъ ихъ другъ за другомъ, но вслѣдствіе скорости нашего дѣйствія все сравненіе представляется намъ одновременнымъ.

Но какъ бы то ни было, и эта различная интенсивность сознанія двухъ одновременныхъ раздраженій, о которой въ вышеприведенныхъ словахъ говоритъ Владиславлевъ, не можетъ быть изъяснена физіологически, и требуетъ принятія души, заключающей въ себѣ причину этой неодинаковой интенсивности двухъ современныхъ ощущеній.

2. Но не одинъ только вышеприведенный фактъ невозможности сознательнаго воспріятія ощущеній въ одно и то же время доказываетъ существованіе души. Даже сознательное воспріятіе простѣйшаго ощущенія, даже нормальное дѣйствіе нашихъ внѣшнихъ чувствъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не можетъ совершаться безъ участія извѣстнаго психическаго дѣйствія, превышающаго всѣ физіологическіе процессы. Чтобы доказать это положеніе мы разберемъ самыя элементарныя явленія чувственныхъ ощущеній.

Изъ физіологіи, относительно *ощущенія*, мы знаемъ только то что единственнымъ физическимъ основаніемъ его служитъ *движеніе*. Вотъ какъ учитъ физіологія въ этомъ отношеніи: „Волны свѣта и звука суть не что иное какъ только

Digitized by Google

физическія движенія, которыя распространяясь по воздуху и доходя до нашихъ органовъ чувствъ, вызываютъ въ нихъ новое движеніе доходящее по нервамъ до центральнаго органа. Это послѣднее движеніе есть ближайшая причина ощущенія во всѣхъ органахъ чувствъ." *

Но за тѣмъ возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ это движеніе можетъ переходить въ центрахъ нервной системы въ ощущеніе?

Что̀ движеніе само по себѣ не можетъ быть ощущеніемъ, это признаютъ всѣ физіологи-критики. Развѣ только матеріалистическій догматизмъ, разрѣшающій съ непостижимымъ легкомысліемъ самые трудные физіологическіе и психологическіе вопросы, можетъ отважиться признать тождество движенія съ самымъ ощущеніемъ и допустить что не только ощущеніе, но и мысль есть *движеніе матеріи*, какъ это утверждаетъ Молешотъ.

Здѣсь-то именно находится тотъ пунктъ въ которомъ сходятся грубый матеріализмъ съ фантастическимъ идеализмомъ, гдѣ гегелизмъ переходитъ въ матеріализмъ, и наоборотъ. Людвигъ Фейербахъ, вмѣстѣ гегелистъ и матеріалистъ, представляетъ собою наглядный примѣръ тому. *Мысль есть движеніе матеріи!* Много ли нужно для того чтобы посредствомъ простой *conversio simplex* находить мысль и идею въ движеніи матеріи и доказать что какъ движеніе въ нервныхъ центрахъ, такъ и всякое другое движеніе есть мысль. Если движеніе въ *нервахъ* обладаетъ свойствомъ доходить до ощущенія и сознанія, то отчего же этимъ свойствомъ не могутъ владѣть вообще волны свѣта и звука, теплота и электричество? Вѣдь матеріализмъ часто утверждаетъ что процессы въ мозгу производящіе мысль суть процессы электричества!

Подобно приведенному догматическому матеріализму, и мнѣнія нѣкоторыхъ физіологовъ, именно Баумгертнера, Шфлюгера, Шиффа, Германа (къ коимъ можно причислить также и Сѣченова),—мнѣнія объясняющія явленія ощущенія взаимнымъ дѣйствіемъ различныхъ нервовъ, именно нервовъ чувствительныхъ и двигательныхъ,—не могутъ объяснить самаго процесса ощущенія. Краковскій физіолотъ Майеръ, о которомъ упомянуто выше, говоритъ: „Еслибъ это было такъ,

* Funke, *Lehrbuch der Physiologie.* 1860. Ч. II, стр. 5.

Digitized by Google

то-есть еслибъ ощущеніе было дѣйствительно простымъ слѣдствіемъ взаимнаго дѣйствія различныхъ нервовъ, то уже чрезъ то самое каждый физіологическій рефлексъ, какъ явленіе происходящее отъ взаимнаго дѣйствія нервовъ, чувствительныхъ и двигательныхъ, долженъ былъ бы соединяться съ сознаніемъ, чего однако въ очень многихъ случаяхъ не бываетъ."

Поэтому, вмѣсто того чтобы вести полемику противъ такихъ гипотезъ, возникающихъ только вслѣдствіе упорной вѣры въ метафизическія предубѣжденія матеріализма, посмотримъ лучше чему насъ учитъ *критическая* физіологія объ отношеніи движенія въ нервныхъ центрахъ къ самому ощущенію. Въ этомъ отношеніи мы основываемся преимущественно на мнѣніи физіолога Людвига, который видимо склоняется къ пріемамъ матеріализма и поэтому не можетъ-быть обвиняемъ въ пристрастіи къ противоположнымъ взглядамъ.

Людвигъ прежде всего говоритъ: „До сихъ поръ ни одна теорія, даже и новѣйшая теорія электричества въ нервахъ, основанная на открытіяхъ Дю-Буа-Реймона, не могла объяснить какимъ образомъ дѣйствіемъ нервовъ обусловливаются различные акты ощущенія."

Далѣе, относительно физіологическихъ основаній ощущенія, онъ говоритъ:* „Болѣе основательный разборъ актовъ ощущенія убѣждаетъ насъ что каждое ощущеніе соединяется съ чѣмъ-то совершенно особеннымъ, то-есть съ созерцательнымъ представленіемъ. Вотъ почему мы никогда не ощущаемъ раздраженія нерва въ самомъ мозгу, но внѣ мозга, и притомъ во всѣхъ органахъ чувствъ, въ извѣстномъ направленіи и на извѣстномъ разстояніи. Эти *добавленія*, сопровождающія каждое ощущеніе, *не могутъ быть объяснены*, какъ кажется, *самимъ раздраженіемъ нервовъ*. Ибо сообразивъ, что ощущенія происходящія вслѣдствіе одного и того же раздраженія, у различныхъ лицъ, имѣютъ нѣчто особенное, что во время сна, при безпамятствѣ, при такъ-называемыхъ душевныхъ болѣзняхъ и т. п., бываютъ очень живыя ощущенія, извѣстныя подъ именемъ сновидѣній, галлюцинаціи и т. п., хотя и нѣтъ соотвѣтственнаго раздраженія нервовъ,—мы почти вынуждены признать ощущеніе *на столько независимымъ отъ нервовъ, что для его существованія*

* Ludwig, *Lehrbuch der Physiologie*. 2е изд., 1856. Ч. I, стр. 146.

Digitized by Google

раздраженіе нервовъ вовсе ненеобходимо, и что такимъ образомъ нервы только *одна изъ причинъ* могущихъ вызвать ощущеніе; однимъ словомъ, нервы только вызываютъ эти ощущенія. Если поэтому, продолжаетъ Людвигъ, мы хотимъ представить условія ощущеній, то нужно изъяснить на чемъ основывается это *добавленіе* являющееся въ мозгу и вслѣдствіе возбужденія доходящее до ощущенія, а этого-то именно и невозможно сдѣлать." *

Эти мнѣнія высказанныя знаменитымъ физіологомъ, склоняющимся къ матеріализму на столько на сколько возможно съ научной точки зрѣнія, заключаютъ въ себѣ немалое доказательство того что наука должна принять самостоятельное, независимое отъ физіологическаго процесса, основаніе для объясненія *ощущенія*. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же будетъ состоять это особенное *добавленіе*, *независимое отъ нервовъ*, которое не требуетъ непремѣнно участія нервовъ для своего существованія, но которое только вслѣдствіе возбужденія дѣйствіемъ нервовъ производитъ ощущеніе? Вѣдь *внѣ нервной системы* нѣтъ никакихъ *физіологическихъ основаній* которыя объясняли бы это *добавленіе*, и выражали бы его физіологическую природу. Слѣдовательно это добавленіе должно заключаться въ чемъ-то совсѣмъ отличномъ отъ извѣстнаго и *возможнаго* физіологическаго процесса, — въ совершенно новомъ основаніи, называемомъ *душою*.

Съ этой точки зрѣнія вовсе не удивительно что физіологи считаютъ невозможнымъ объясненіе этого *добавленія*, этого новаго двигателя, необходимаго для того чтобы молекулярное движеніе въ нервныхъ центрахъ причиняло ощущеніе. Такъ какъ это добавленіе не имѣетъ природы физіологической, чувственной, вещественной, то чувственно мы его и наблюдать не можемъ. Если хотимъ имѣть о немъ какое-нибудь понятіе, то мы должны непремѣнно наблюдать ощущеніе *внутреннимъ чувствомъ*: тогда это добавленіе представится намъ какъ наше самостоятельное и самосознательное существо, которое именно и ощущаетъ всякое молекулярное движеніе нервовъ въ формѣ извѣстныхъ перемѣнъ своего собственнаго состоянія. Какъ простыя волны эѳира ударяясь о самостоятельный двигатель, отличный по своей природѣ отъ самого эѳира, то-есть о нервы органовъ чувствъ, условливаютъ

* Въ томъ же сочиненіи, ч. I, стр. 593; см. тоже Ульрици, *Богъ и Природа*, русскій пер. 1867. Ч. I, стр. 221 и слѣд.

Digitized by Google

совершенно новое движеніе, видоизмѣненное соотвѣтственно природѣ двигателя; такъ и это послѣднее движеніе въ нервахъ, ударяясь о совершенно новый двигатель, отличный по своей природѣ отъ нервовъ, вызываетъ въ свою очередь въ этомъ двигателѣ новое движеніе, видоизмѣненное соотвѣтственно природѣ этого двигателя. Тамъ, въ нервахъ, происходитъ движеніе молекулъ; здѣсь же, въ существѣ отличающемся отъ нервовъ способностью сознанія, происходитъ и движеніе сознательное, *психическое*. Поэтому-то авторъ одного изъ самыхъ лучшихъ сочиненій касающихся анатоміи и физіологіи органовъ чувствъ, профессоръ Фикъ, очень вѣрно говоритъ: „Пусть разсуждаетъ о связи души съ тѣломъ кто какъ хочетъ, всегда однако *ощущеніе*, взятое само по себѣ, останется явленіемъ *нематеріальнымъ*.“ *

Понятіе о самостоятельной психической природѣ выше-изъясненнаго *добавленія*, лежащаго внѣ нервной системы, но необходимаго при производствѣ ощущеній, оправдываютъ и изслѣдованія знаменитаго Гельмгольца относительно скорости дѣйствія чувствъ. Въ особыхъ, очень важныхъ и основательныхъ разсужденіяхъ, ** Гельмгольцъ доказалъ что процессъ, производящій сознательное ощущеніе изъ физическихъ раздраженій, уже находящихся въ нервныхъ центрахъ, требуетъ болѣе времени нежели процессъ передающій раздраженіе отъ периферическихъ нервовъ къ извѣстнымъ центрамъ. Для совершенія этого послѣдняго процесса, напримѣръ для передачи раздраженія изъ пальца въ мозгъ, нужно по вычисленію Гельмгольца $^1/_{60}$ секунды; между тѣмъ для сознательнаго воспринятія въ формѣ ощущенія этого, уже находящагося въ мозгу, раздраженія потребно отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{30}$ секунды.

Этотъ промежутокъ времени, проходящій между раздраженіемъ переданнымъ уже нервнымъ центрамъ и ощущеніемъ его, совершенно опровергаетъ теорію матеріализма по которой физіологическій процессъ раздраженія нервныхъ центровъ считается тождественнымъ съ психическимъ

* A. Fick, *Lehrbuch der Anatomie und Physiologie der Sinnesorgane*. 1864. Стр. 3.

** Helmholtz, *Nachweisungen über den zeitlichen Verlauf der Nervenerregung*. Въ J. Müllers, *Archiv für Anatomie und Physiologie*. 1850 и 1852. См. тоже: Ulrici, *Gott und der Mensch*. 1866. Ч. I, стр. 96 и слѣд.

Digitized by Google

явленіемъ ощущенія. Если между физіологическимъ процессомъ въ нервныхъ центрахъ и ощущеніемъ его проходитъ извѣстное время, то очевидно что эти процессы не могутъ быть тождественны; въ этомъ обстоятельствѣ мы ясно видимъ существованіе вышепоказаннаго *добавленія*, о которомъ говоритъ Людвигъ, добавленія лежащаго внѣ нервной системы, но необходимаго для происхожденія ощущенія. Этотъ промежутокъ времени требуетъ принятія особаго, самостоятельнаго начала психическихъ явленій.

Противъ такого заключенія нельзя возражать что вышеозначенное время $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$ секунды нужно для того чтобы физіологическій процессъ самъ по себѣ принялъ форму ощущенія, безъ помощи *особеннаго начала*. Физіологическій процессъ нервной системы основывается, какъ мы видѣли, единственно на молекулярномъ движеніи и электричествѣ. Только эти физическіе процессы могутъ быть основаніемъ ощущенія по теоріи матеріализма. Но неужели можно, съ физической точки зрѣнія, предполагать что молекулярное движеніе и электричество, въ первый моментъ своего появленія въ нервныхъ центрахъ не имѣющіе и слѣда способности ощущать и сознавать себя, вдругъ сами по себѣ, безъ новаго двигателя, пріобрѣтаютъ эту новую способность послѣ $^1/_{10}$ или $^1/_{20}$ секунды своего пребыванія въ нервныхъ центрахъ? Нѣтъ, это противорѣчитъ всѣмъ естественнымъ законамъ. Природа физическихъ силъ постоянна и тождественна. Молекулярное движеніе и электричество, не имѣющія способности ощущать и сознавать себя въ первый моментъ своего появленія въ нервныхъ центрахъ, не могутъ пріобрѣсти эту способность и въ десятый моментъ. Поэтому если между физическими процессами въ нервныхъ центрахъ и ощущеніемъ проходитъ извѣстное время, то мы должны заключить что эти процессы ощущенія, сознанія и т. д. никакъ не тождественны съ физическими процессами молекулярнаго движенія и электричества; напротивъ, мы должны заключить что они для своего объясненія требуютъ принятія новаго самостоятельнаго субъекта, отличнаго отъ всѣхъ извѣстныхъ физическихъ процессовъ.

3. Еще труднѣе объяснить, на физіологическихъ основаніяхъ, то дѣйствіе мышленія которымъ образуются изъ матеріала чувственныхъ ощущеній *представленія* и *понятія*.

Представленіе есть, какъ остроумно замѣтилъ физіологъ

Digitized by Google

Майеръ, *истолкованіе* ощущеній соотвѣтственно отношеніямъ времени и пространства. Существуетъ эмпирико-психологическій фактъ что мы не ограничиваемся ощущеніемъ и не сознаемъ его тамъ гдѣ оно происходитъ, то-есть въ нервныхъ центрахъ, но на основаніи ощущеній производимъ извѣстное представленіе внѣшней причины нашихъ ощущеній и представляемъ себѣ эти причины въ формѣ внѣшнихъ предметовъ, въ отношеніяхъ времени и пространства. Этотъ фактъ снова превышаетъ всѣ извѣстные намъ физіологическіе процессы.

Еслибы мы и допустили что физіологическій процессъ переходитъ самъ по себѣ въ ощущеніе, безъ содѣйствія самостоятельнаго психическаго существа, то все-таки осталась бы безъ объясненія возможность отличія причины ощущенія отъ него самаго и представленія этой причины въ формѣ внѣшняго предмета, существующаго независимо отъ ощущенія. Откуда происходитъ эта совершенно новая способность? На основаніи вышеприведеннаго предположенія матеріализма что физіологическій процессъ *самъ по себѣ* становится ощущеніемъ, мы кое-какъ еще можемъ представить себѣ что въ извѣстныхъ нервныхъ центрахъ является ощущеніе; но какимъ образомъ ощущеніе не ограничивается самимъ собою, не остается единственнымъ психическимъ явленіемъ, а противупоставляется раздраженію изъ котораго произошло и ясно отличается отъ него? Далѣе, какимъ образомъ мы не ощущаемъ раздраженія тамъ гдѣ оно физіологически вызываетъ ощущеніе, то-есть въ нервныхъ центрахъ, а переносимъ эти ощущенія наружу, представляя себѣ разные внѣшніе предметы какъ причины нашихъ ощущеній? Все это остается непонятнымъ и необъяснимымъ при всемъ вниманіи къ вышеприведенному предположенію.

Какая, спрашиваемъ, можетъ быть физіологическая причина того что мы въ силахъ отличить само ощущеніе отъ его причины и представлять себѣ эту послѣднюю въ формѣ внѣшняго предмета?

Вотъ какъ учитъ относительно этого физіологія. „Ни одно чувственное ощущеніе,“ говоритъ физіологъ Фуакe, * „не даетъ возможности узнавать непосредственно внѣшность и объективность. Понятіе о внѣшности причины, производящей

* Funke, *Lehrbuch der Physiologie*, 1860, ч. I, стр. 4.

Digitized by Google

ощущеніе, никогда не можетъ быть содержаніемъ самого ощущенія. Мы не ощущаемъ волнъ свѣта и звука, но ощущаемъ только раздраженіе нервовъ, вызванное этими волнами и совершенно отъ нихъ отличное. Еслибы поэтому душа, продолжаетъ Фуаке, ограничивалась исключительно такими ощущеніями, то никогда не могла бы она дойти до понятія о внѣшности свѣта и звука (свѣтъ и звукъ существовали бы для насъ лишь въ самихъ нервныхъ центрахъ, но не внѣ насъ). Подобнымъ образомъ и ощущеніе, вызванное прикосновеніемъ къ какому-нибудь тѣлу, нисколько не доказываетъ намъ того что причиной этого ощущенія служитъ самостоятельный внѣшній предметъ и т. д. Только вслѣдствіе какихъ-то *новыхъ* процессовъ душа убѣждается въ томъ что причина этихъ ощущеній внѣшняя."

Какіе же эти *новые* процессы, вслѣдствіе которыхъ наше сознаніе убѣждается во внѣшности причинъ своихъ ощущеній, и доходитъ въ этомъ отношеніи даже до того что впадаетъ часто въ другую крайность, относя ко внѣшнимъ причинамъ даже субъективныя ощущенія, не имѣющія соотвѣтственныхъ причинъ внѣшнихъ, какъ этому служатъ доказательствомъ видѣнія, галлюцинаціи и т. д.?

Прежде всего мы видимъ что здѣсь прекращается непрерывное развитіе процесса ощущенія. Ощущеніе само по себѣ никогда не можетъ приписать внѣшнимъ причинамъ свое собственное содержаніе, и не можетъ никогда само по себѣ произвести представленіе о внѣшнихъ предметахъ. Дѣйствительное физіологическое сѣдалище ощущенія находится въ нервныхъ центрахъ, а эти послѣдніе, по извѣстнымъ физіологическимъ процессамъ, ощущаютъ только собственныя перемѣны какъ ближайшую причину ощущенія, но не ощущаютъ внѣшняго предмета, который никакъ не есть непосредственная и подлинная причина ощущеній.

Каждый видитъ что въ этомъ процессѣ происхожденія представленій внѣшнихъ предметовъ скрывается новый дѣятель, который уже не просто продолжаетъ прежній процессъ, но данный матеріалъ самостоятельно преобразовываетъ согласно своимъ собственнымъ основаніямъ. Только при помощи постояннаго внимательнаго опыта, при помощи сравненія разныхъ ощущеній между собою и многосложныхъ умозаключеній, мы образуемъ представленія внѣшнихъ предметовъ. Но всѣ эти новыя дѣйствія опыта, сравненія, умозаклю-

Digitized by Google

ченій и т. д. никакъ не могутъ быть объяснены на основаніи прямыхъ физіологическихъ процессовъ ощущенія. Развѣ можно предполагать что движеніе молекулярное или электричество владѣютъ способностью дѣлать опыты надъ самими собою, сравнивать свои отдѣльные моменты и т. п.?

Объ участіи самостоятельнаго психическаго начала въ производствѣ представленій изъ чувственныхъ ощущеній можно лучше всего убѣдиться при анализѣ представленій чувства *зрѣнія*.

Въ физіологическомъ отношеніи зрѣніе есть не что иное какъ ощущеніе различныхъ раздраженій вызванныхъ въ сѣтчатой оболочкѣ падающими лучами свѣта и переданныхъ мозгу. Физіологически свѣтъ есть совершенно субъективное, внутреннее ощущеніе, происходящее въ извѣстныхъ центрахъ органа зрѣнія. Поэтому физіологически мы должны ощущать явленія свѣта въ мозгу, въ формѣ субъективныхъ перемѣнъ нашего собственнаго состоянія, то-есть состоянія нашей нервной системы. Между тѣмъ, вмѣсто этой субъективности и внутренности физіологическихъ процессовъ зрѣнія, они получаютъ для насъ значеніе объективное, внѣшнее. Мы видимъ предметы не въ мозгу, не въ глазу, но внѣ насъ; мы не ощущаемъ изображеній предметовъ въ формѣ субъективныхъ явленій происходящихъ внутри насъ, но онѣ являются намъ изображеніями объективныхъ, отъ насъ независимыхъ внѣшнихъ предметовъ.

Этотъ объективный результатъ зрѣнія, въ отличіе отъ его субъективныхъ физіологическихъ основаній, указываетъ ясно на дѣйствіе совершенно новаго рода, превосходящее физіологическій процессъ.

Въ первые моменты зрѣнія свѣтъ дѣйствительно ощущается физіологически, то-есть только внутри зрительныхъ нервовъ, безъ всякаго представленія о внѣшности причины свѣта. Это очень наглядно можетъ быть наблюдаемо на слѣпыхъ отъ роду, счастливо оперированныхъ въ зрѣломъ возрастѣ. Въ первые моменты послѣ операціи они ощущаютъ свѣтъ въ самихъ себѣ какъ внутреннее пріятное или непріятное состояніе, и только послѣ извѣстнаго времени видятъ разныя изображенія внѣшнихъ предметовъ. Но въ началѣ и эти изображенія не доставляютъ больнымъ яснаго представленія внѣшнихъ предметовъ, а являются только процессомъ въ самомъ глазѣ. Только постепенно, на основаніи ежедневъ-

Digitized by Google

наго опыта, оперированные слѣпые привыкаютъ къ нашему обыкновенному зрѣнію, видя предметы внѣ себя и опредѣляя ихъ положеніе и разстояніе въ пространствѣ. Въ этомъ примѣрѣ намъ ясно представляется постепенное развитіе таинственнаго процесса зрѣнія, съ которымъ мы свыкаемся безсознательно.*

Откуда, спрашиваемъ, происходитъ это постепенное преобразованіе внутреннихъ, чисто субъективныхъ ощущеній, въ объективное воззрѣніе на внѣшній міръ? Есть ли какая-нибудь *физіологическая* причина которая объясняла бы этотъ переходъ? Развѣ физическія и физіологическія основанія процессовъ зрѣнія настолько измѣняются отъ теченія времени? Какимъ образомъ то что въ первые моменты, на основаніи законовъ физическихъ и физіологическихъ, является намъ какъ процессъ внутренній, въ слѣдующіе моменты принимаетъ для насъ же характеръ внѣшняго предмета и внѣшней причины? Нѣтъ, физика и физіологія сами по себѣ не имѣютъ никакихъ средствъ для изъясненія этого перехода въ развитіи чувства зрѣнія. Лучи свѣта падающіе на сѣтчатку слѣдуютъ въ первый моментъ тѣмъ же самымъ законамъ какимъ и въ послѣдній. Остаются неизмѣнными и органическая конструкція глаза, и физіологическій процессъ раздраженія нервовъ, равно какъ и процессъ ихъ молекулярнаго движенія. Однако вышеприведенный переходъ совершается. Слѣдовательно онъ совершается силою новыхъ причинъ, превосходящихъ знакомые намъ физическіе и физіологическіе процессы. И дѣйствительно, только тѣмъ что въ насъ присутствуетъ какое-то дѣйствующее существо,

* Мы не можемъ здѣсь подробно описать всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій постепеннаго развитія зрѣнія, и ссылаемся на слѣдующія изслѣдованія: Purkynie, *Sinne im Allgemeinen* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, ч. III, отдѣл. 1, стр. 352 и слѣд. Ruete, *Lehrbuch der Ophthalmologie*, 1853, ч. I, стр. 257 и слѣд., и того же автора *Ueber die Existenz der Seele*, 1863, стр. 63 и 77, и особенно важный для психологическаго изученія труда Дельбефа (Delbeuf): *Essai d'une théorie psycho-physique de la manière dont l'oeil apprécie les distances, les angles et les grandeurs. Bulletins de l'Académie de Bruxelles*, ч. XIX. Изъ русскихъ сочиненій сюда относится ясный и основательный психологическій анализъ дѣйствія чувствъ, въ особенности зрѣнія, въ *Курсѣ общей педагогики*, П. Юркевича, 1869, стр. 337 и слѣд.

Digitized by Google

которое мыслитъ, останавливается надъ принятыми ощущеніями, сравниваетъ ихъ между собою и на основаніи такого сравненія дѣлаетъ выводы, — только этимъ можемъ мы объяснить тотъ фактъ что мы отличаемъ ощущеніе свѣта отъ его причины и доходимъ до объективнаго воззрѣнія на внѣшній міръ. Безъ допущенія такого самостоятельно дѣйствующаго существа мы изъ физіологическаго матеріала ощущеній никогда не могли бы познать предметовъ въ ихъ различныхъ отношеніяхъ, въ ихъ послѣдовательности и формѣ, протяженіи, положеніи, движеніи и т. д.,—словомъ, въ отношеніяхъ времени и пространства.

Кромѣ этой возможности *объективнаго* зрѣнія, и всѣ другіе его моменты на каждомъ шагу доказываютъ участіе самостоятельнаго психическаго существа. Изъ этихъ моментовъ вотъ самые поразительные: вопервыхъ, возможность соединенія различныхъ, отдѣльныхъ зрительныхъ ощущеній въ одно цѣлое; вовторыхъ, возможность пластическаго зрѣнія, то-есть представленія предметовъ не только въ измѣреніяхъ широты и высоты, но еще и въ измѣреніи толщины.

Относительно перваго момента, физіологія учитъ что сѣтчатка есть какъ бы мозаика сложенная изъ множества отдѣльныхъ чувствительныхъ точекъ. Каждая изъ этихъ точекъ имѣетъ свой особый путь къ извѣстному центру, гдѣ производитъ ощущеніе. Вслѣдствіе того каждый предметъ возбуждаетъ въ зрительныхъ нервахъ множество отдѣльныхъ ощущеній.

Но, спрашивается, какимъ образомъ это множество отдѣльныхъ ощущеній свѣта соединяется въ одно *представленіе*, въ которомъ мы видимъ какъ цѣлое, такъ и составляющія его части?

Физіологической причины для этого нѣтъ. Съ физіологической точки зрѣнія представляется намъ только слѣдующая альтернатива. Или отдѣльныя ощущенія разныхъ моментовъ одного и того же предмета происходятъ въ отдѣльныхъ нервахъ не соединяющихся между собою, что въ дѣйствительности и есть: въ такомъ случаѣ соединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ моментовъ въ одно цѣлое не имѣетъ соотвѣтственнаго физіологическаго основанія. Или же всѣ эти отдѣльныя ощущенія, происходящія отъ одного предмета, соединяются въ одномъ нервномъ центрѣ: въ такомъ случаѣ они должны тоже слиться въ одно общее ощущеніе, въ

Digitized by Google

которомъ нельзя никоимъ образомъ отличить его составныхъ началъ. Въ томъ и другомъ изъ этихъ единственно возможныхъ случаевъ, тотъ фактъ что мы можемъ образовать одно цѣлое представленіе и отличать въ немъ его отдѣльныя части, превосходитъ физіологическія основанія зрѣнія и доказываетъ участіе самостоятельнаго психическаго существа.

То же самое повторяется при пластическомъ зрѣніи. Физіологически на сѣтчаткѣ изображаются предметы только въ формѣ плоскости, то-есть только въ измѣреніяхъ широты и высоты. Внѣшній міръ, физіологически, долженъ намъ представляться только какъ картина, безъ всякой выпуклости и пластичности. Между тѣмъ мы привыкли видѣть предметы въ пластичной формѣ, и представляемъ себѣ, вмѣстѣ съ ихъ широтой и высотой, и толщину ихъ. Это третье измѣреніе есть психическое добавленіе, не имѣющее соотвѣтственнаго основанія въ физическихъ и физіологическихъ процессахъ зрѣнія, которые объясняютъ лишь плоскія изображенія предметовъ. Только на основаніи частныхъ опытовъ и сравненій разныхъ ощущеній между собою, то-есть на основаніи новыхъ, отъ физіологическихъ процессовъ совершенно отличныхъ дѣйствій, мы постепенно привыкаемъ къ пластическому зрѣнію и къ оцѣнкѣ толщины предметовъ.

Подобныя доказательства присутствія самостоятельнаго психическаго начала въ человѣкѣ повторяются и въ другихъ явленіяхъ зрѣнія (напримѣръ въ единичномъ зрѣніи при двухъ глазахъ; въ прямомъ зрѣніи при обратномъ отраженіи предметовъ на сѣтчаткѣ, и т. п.), и вообще въ дѣйствіи всѣхъ остальныхъ чувствъ. Такъ что несомнѣнно вѣрны слова знаменитаго физіолога Пуркинье, сказанныя имъ, на основаніи глубокихъ изслѣдованій, въ вышеприведенной статьѣ о дѣйствіи чувствъ, что „безъ принятія самостоятельныхъ психическихъ способностей нельзя ни на одинъ шагъ подвинуться въ анализѣ чувственныхъ представленій“.

4. Сюда также относится фактъ возможности отличенія, въ здоровомъ состояніи ума, различныхъ галлюцинацій органовъ чувствъ отъ представленій дѣйствительно вызванныхъ внѣшними стимулами. Съ физіологической точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между галлюцинаціями и ощущеніями или представленіями причиненными дѣйствіемъ внѣшнихъ причинъ. Въ первомъ и во второмъ случаѣ, нервная система производитъ извѣстное, свойственное ея природѣ, конечное

Digitized by Google

дѣйствіе, то-есть производитъ ощущеніе зрѣнія или ощущеніе звука въ нервныхъ центрахъ, каковы бы ни были причины этихъ ощущеній. Для самого ощущенія совершенно все равно, вызвано ли оно внѣшними раздраженіями или какими-нибудь внутренними, органическими причинами; оно обладаетъ въ первомъ и во второмъ случаѣ одинаковымъ значеніемъ и одинаковою физическою вѣрностью.

Приведемъ положенія спеціалистовъ. Вирховъ говоритъ: „Между настоящимъ объективнымъ зрѣніемъ, которое абсолютно требуетъ внѣшняго глаза, и субъективнымъ зрѣніемъ (видѣніе, галлюцинація, фантазма), разница не въ томъ что первое реально, а второе нѣтъ. Оба равно реальны, и имѣютъ одну и ту же самую дѣйствительную причину въ раздраженіи извѣстныхъ органовъ ощущенія." * Грефе же прямо говоритъ что для нашего мозга совершенно равно получаетъ ли онъ раздраженія извнѣ или отъ внутреннихъ причинъ. **

Вотъ почему столь трудно бываетъ убѣдить сумасшедшихъ въ ложности ихъ галлюцинацій. Они, по свидѣтельству психіатровъ, говорятъ что то что̀ другіе называютъ галлюцинаціями, для нихъ имѣетъ ту же самую физическую достовѣрность какъ и то что̀ они слышатъ отъ врача, и если они вѣрятъ послѣднему, то должны вѣрить и тому что̀ въ другое время съ равною убѣдительностью видятъ и слышатъ.

Но съ другой стороны, несмотря на эту невозможность физическаго отличенія галлюцинацій отъ представленій дѣйствительныхъ, здоровый въ умственномъ отношеніи человѣкъ часто убѣждается въ недѣйствительности своихъ галлюцинацій, и при помощи вниманія можетъ контролировать и критиковать всѣ психическія произведенія, можетъ убѣждаться насколько эти произведенія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ объективнымъ дѣятелямъ или же имѣютъ природу часто субъективную. Извѣстно что разные знаменитые люди, какъ напримѣръ Картезій, Мальбраншъ, Спиноза, Моисей Мендельсонъ, Бетховенъ и многіе другіе имѣли различныя очень сильныя галлюцинаціи; но они однакоже ясно отличали эти галлюцинаціи отъ дѣйствительныхъ созерцаній и не вѣрили

* Virchow, *Gesammelte Abhandlungen zur wissenschaftlichen Medicin*, 1862, стр. 9.

** Graefe, *Sehen und Sehorgan*, 1867, стр. 15.

Digitized by Google

въ ихъ объективность, хотя они представлялись имъ также сильно какъ и раздраженія зрительныхъ нервовъ вызванныя внѣшними стимулами. Они дѣлали это отличіе именно на основаніи разумной критики своихъ ощущеній и разбора ихъ причинъ, при помощи разныхъ опытовъ и умозаключеній.

Но такая критика различныхъ психическихъ продуктовъ не можетъ основываться на нервной системѣ, потому что въ ней-то именно мы и не имѣемъ никакого критерія для отличія галлюцинаціи отъ дѣйствительности. Такая критика можетъ быть только слѣдствіемъ самостоятельнаго дѣйствія вниманія, разсматривающаго разные психическіе продукты и дающаго о нихъ сужденіе, соотвѣтственно своимъ собственнымъ основаніямъ, независимымъ отъ явленій нервной системы. Основанія эти доводятъ до интеллектуальной увѣренности, часто отвергающей самую сильную чувственную очевидность, какъ это напримѣръ оказывается при повѣркѣ всѣхъ чувственныхъ обмановъ. Въ томъ и другомъ случаѣ ясно доказывается самостоятельность и превосходство интеллектуальнаго начала въ человѣкѣ надъ всѣми физическими явленіями.

III.

Къ весьма важнымъ явленіямъ, доказывающимъ самостоятельное начало душевной жизни, относится вліяніе *чувствованія и фантазіи* на организмъ человѣка.

На основаніи многихъ неоспоримыхъ эмпирическихъ фактовъ можно убѣдиться что очень часто, вслѣдствіе чисто-психическихъ дѣятелей чувствованія и фантазіи, являются въ тѣлѣ различныя измѣненія, которыя нерѣдко принимаютъ характеръ патологическій. Вліяніе на тѣлесный организмъ различныхъ душевныхъ потрясеній, какъ-то: радости и печали, любви и ненависти, покоя и испуга, также вліяніе различныхъ фантастическихъ призраковъ, вліяніе надежды, вѣры и т. д. влечетъ за собою явленія замѣчаемыя въ медицинской практикѣ каждымъ мыслящимъ врачомъ. „Такъ, напримѣръ, отвращеніе, дѣйствуя на желудокъ, обусловливаетъ тошноту и рвоту; испугъ имѣетъ связь съ нижнею частью пищеварительнаго канала и производитъ разслабленіе желудка; ожиданіе влечетъ за собою сердцебіеніе,

Digitized by Google

ужасъ значительно ослабляетъ его, сильный смѣхъ и веселость производятъ помимо воли испусканіе мочи; воображеніе вкусныхъ блюдъ имѣетъ слѣдствіемъ усиленное отдѣленіе слюны; гнѣвъ производитъ спазматическое сокращеніе мышцъ, сомнѣніе же и упадокъ духа угнетаетъ ихъ и парализуетъ, и т. д."

Очень часто случается что вѣра въ какое-нибудь медицинское средство имѣетъ слѣдствіемъ дѣйствительное излѣченіе, хотя данное средство не производило никакихъ физическихъ измѣненій. Подобнымъ образомъ прежніе и новѣйшіе антропологи приводятъ многочисленные примѣры тому что ложное убѣжденіе въ употребленіи вредныхъ средствъ, напримѣръ яда, или другія фантастическія вліянія, влекли за собою въ дѣйствительности явленія подобныя тѣмъ какія воображали себѣ больные. Извѣстенъ фактъ, описанный антропологомъ Линдеманомъ * и другими, что одинъ изъ учениковъ знаменитаго профессора Борхева всегда заболѣвалъ тою болѣзнью о которой бесѣдовалъ профессоръ въ своихъ лекціяхъ. Подобный случай разказываетъ извѣстный вѣнскій врачъ Фейхтерслебенъ:** одно только чтеніе живаго описанія водобоязни (hydrophobia) вызвало въ читающемъ дѣйствительные симптомы этой болѣзни. Извѣстный же психіатръ, Лейдесдорфъ,*** говоритъ что больной ипохондрикъ, силою психическихъ впечатлѣній, можетъ произвести *дѣйствительныя* патологическія явленія, и притомъ до такой степени что, по мѣрѣ напряженія своего вниманія, онъ въ силахъ переносить эти патологическія явленія въ разныя части организма. Подобно тому и г. Сѣченовъ,**** не признающій самостоятельнаго вліянія души на тѣло, приводитъ однако изъ собственнаго наблюденія замѣчательный случай, въ которомъ „воображеніе производитъ одинаковый эффектъ съ реальнымъ чувственнымъ возбужденіемъ". Это разказываетъ онъ объ одномъ господинѣ который способенъ вызывать у себя *гусиную кожу* даже въ теплой комнатѣ. „Для этого, по словамъ г. Сѣченова, онъ долженъ только вообразить что ему холодно."

Сюда относятся приведенные спеціалистами факты въ которыхъ разныя лица, силою свободнаго намѣренія, могутъ

* Lindemann, *Lehre vom Menschen oder Anthropologie*, 1845, стр. 385.
** Feuchtersleben, *Aerztliche Seelenkunde*, 1845.
*** Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*, 1865, стр. 151.
**** Сѣченовъ, *Рефлексы головнаго мозга*, 1866, стр. 130.

Digitized by Google

извнутри раздражать нервную систему и производить въ себѣ разныя галлюцинаціи и фантастическія видѣнія, зависящія въ своемъ существованіи, развитіи и содержаніи исключительно отъ свободной психической энергіи. *

Наконецъ здѣсь нужно упомянуть объ общеизвѣстномъ вліяніи психическаго состоянія на развитіе разныхъ болѣзней. Во время эпидеміи опасеніе и испугъ становятся очень серіозными причинами дѣйствительнаго заболѣванія; между тѣмъ какъ спокойствіе души, забывающее всѣ опасности, есть одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей охраняющихъ людей отъ эпидеміи. Каждому хорошо извѣстно какъ часто чисто психическія причины: ненависть и любовь, печаль и радость, гордость, тщеславіе, суета и т. д. влекутъ за собою сумасшествіе, а вслѣдствіе того и патологическія измѣненія въ мозгу. ** Извѣстно наконецъ что неожиданная радость или внезапный испугъ или гнѣвъ, въ очень многихъ случаяхъ, были даже причиною смерти.

Эмпирическіе факты относящіеся къ такому вліянію психическихъ явленій на организмъ тщательно собраны различными авторами, каковы Домрихъ, *** Дескюре **** и Эккенбергъ. † Въ ихъ трудахъ можно найти большое число хорошо подмѣченныхъ и сопоставленныхъ фактовъ, подобныхъ тѣмъ которые приведены выше.

---

* См. въ этомъ отношеніи: Brierre de Boismont, *Des Hallucinations*, 1862, стр. 451, 565 и 568. Ruete, *Ueber die Existenz der Seele*, 1863., стр. 37 и слѣд.

** Медицинская статистика извѣстнѣйшихъ психіатровъ доказываетъ ясно преобладаніе *психическихъ* причинъ умалишенія надъ соматическими. Guislain, *Leçons sur les phenopathes*, 1852, ч. II, стр. 41, числитъ на сто случаевъ сумашествія 66 происходящихъ отъ психическихъ причинъ. Marcé, *Traité des maladies mentales*, 1862, стр. 120, принимаетъ такихъ случаевъ 70 на 100 у женщинъ, и 55 у мущинъ. Это преобладаніе психическихъ причинъ подтверждаетъ и Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*, 1865, стр. 145.

*** Domrich, *Die psychischen Zustände, ihre organische Vermittelung und ihre Wirkung in Erzeugung körperlicher Krankheiten*, 1849.

**** Descuret, *La médecine des passions ou les passions considérées dans leurs rapports avec les maladies, les lois et la religion.* 3 изд. 1860.

† Eckenberg, *Die Kräftigung des Körpers durch den Geist, mit empirisch psychologischen Gründen, sowie mit historischen und insonderheit statistischen Nachweisen belegt.* 1864.

Digitized by Google

Объясненіе всѣхъ этихъ фактовъ на основаніи чисто физическомъ есть задача не только трудная, но и просто невозможная для рѣшенія съ матеріалистической точки зрѣнія. Если душа есть одно изъ отправленій нервной системы, то требуется доказать что всѣ вышеприведенныя явленія вызваны исключительно вліяніемъ нервной системы на остальныя отправленія тѣла. Но какже доказать это, когда во всѣхъ вышеупомянутыхъ фактахъ нервная система видимо служитъ только органомъ для явленій психическихъ, является только какъ посредствующая причина, которая дѣйствуетъ вслѣдствіе первоначальныхъ психическихъ причинъ?

По мнѣнію матеріалистовъ, на нервную систему могутъ дѣйствовать исключительно только физическіе дѣятели. Какой же, спрашиваемъ, дѣйствуетъ физическій дѣятель, когда часто одно только слово, напримѣръ сообщеніе какого-нибудь факта, чтеніе письма, или даже свободное намѣреніе и т. п. могутъ вызвать сильное раздраженіе нервной системы, которое влечетъ за собою измѣненія физическія или даже патологическія? Развѣ движеніе воздуха, ударяясь о слуховые нервы, или изображеніе письменныхъ знаковъ на сѣтчатой оболочкѣ и т. п. могутъ быть причиной достаточною для объясненія вышеприведенныхъ явленій? А если это и такъ, то какже объяснить различіе послѣдствій вызванныхъ однимъ и тѣмъ же *физическимъ* дѣятелемъ, и зависящихъ отъ разнаго психическаго содержанія этого физическаго дѣятеля, напр. отъ смысла звуковъ, письма и т. п.? Между выраженіями сообщающими пріятное извѣстіе и словами передающими печальный смыслъ нѣтъ никакого физическаго различія. Тѣ и другія, по своей физической природѣ и сущности, представляютъ одни и тѣ же явленія. Откуда же происходятъ совершенно различныя послѣдствія въ нервной системѣ? Развѣ сама нервная система можетъ останавливаться надъ содержаніемъ принятыхъ словъ и вызывать въ себѣ различныя явленія по смыслу этого содержанія? На чемъ можетъ она основывать такое различіе содержанія звуковъ, письма и т. п., когда физически не представляется никакого различія между ними при самомъ противоположномъ содержаніи ихъ? Отчего одно слово вызываетъ въ нервной системѣ смѣхъ, а другое плачъ? Развѣ физіологическій путь этихъ словъ различенъ, развѣ нервный процессъ пріятнаго слова иной чѣмъ непріятнаго? или развѣ

Digitized by Google

мы имѣемъ разные нервы для воспринятія словъ пріятнаго и непріятнаго значенія, какъ напримѣръ имѣемъ разные нервы для принятія разныхъ цвѣтовъ? Нѣтъ, этого допустить нельзя; потому остается заключить что нѣтъ никакой физической и физіологической причины для объясненія вышеприведеннаго различія въ дѣйствіи разныхъ психическихъ моментовъ на нервную систему.

Здѣсь мы имѣемъ предъ собой явленіе которое самымъ осязательнымъ образомъ даетъ возможность усмотрѣть различіе между чисто физическими и психическими явленіями. Однѣ и тѣже физическія причины, въ одной и той же нервной системѣ, на основаніи одного и того же нервнаго процесса молекулярнаго движенія, и даже въ одно и то же время, влекутъ за собою совершенно *различныя* послѣдствія, соотвѣтственно разному *психическому* содержанію заключающемуся въ физическихъ стимулахъ.

Говоря о вліяніи чувствованій и фантазіи на тѣло, нельзя не упомянуть о такъ-называемыхъ явленіяхъ *стигматизаціи*, то-есть о различныхъ наружныхъ физическихъ страданіяхъ причиняемыхъ исключительно вліяніемъ фантазіи въ субъектахъ преданныхъ религіозному экстазу. Правда, эти факты нельзя признать несомнѣнными до такой степени чтобы на нихъ можно было основывать отдѣльныя доказательства самостоятельнаго существованія души; но они заслуживаютъ вниманія какъ матеріалъ весьма важный для критическаго анализа.

Главнѣйшіе факты, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, собралъ профессоръ Гёрресъ * въ своемъ обширномъ сочиненіи о мистицизмѣ. Кто не захочетъ вѣрить показаніямъ этого автора, дѣйствительно по большей части преувеличеннымъ, тотъ можетъ обратить вниманіе на критическое описаніе этихъ фактовъ у очевидцевъ-врачей.

Врачъ и профессоръ въ Мюнстерѣ Дрюфель описалъ **, въ 1814 году, извѣстное въ новѣйшее время явленіе *стигматизаціи Екатерины Эммерихъ*. Послѣ долгихъ и тщательныхъ

---

* Görres, *Christliche Mystik*, 1836, ч. II., *Geschichte der Stigmatisirten*. См. тоже J. H. Fichte, *Anthropologie*, 1856, стр. 479 и слѣд.

** Drüffel, въ *Salzburger medicinische Zeitung*, 1814, ч. I., стр. 145 до 158, и ч. II, стр. 17 до 96.

Digitized by Google

наблюденій, несмотря на всю свою критику и даже скептицизмъ, вышепоименованный врачъ доходитъ наконецъ до заключенія что въ данномъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ подлинности *фактовъ*, то-есть въ явленіи наружныхъ страданій тѣлесныхъ вызванныхъ чисто психическими дѣятелями. Подобные факты замѣчены врачами на Маріи де-Мёрль, Доминикѣ Лаззари и другихъ. * Множество явленій того же рода изслѣдовалъ и подвергъ критикѣ извѣстный психіатръ Гейнротъ въ своей исторіи мистицизма; ** а профессоръ медицины Эннемозеръ въ Боннѣ обогатилъ эти наблюденія многими новыми фактами въ своемъ сочиненіи о магнетизмѣ. *** Между новѣйшими авторами по этому предмету заслуживаютъ особеннаго вниманія Пейсъ, **** Фигье † и Перти, †† которые вышеприведенныя явленія объясняютъ на критическихъ основаніяхъ.

Хотя, какъ мы упомянули выше, всѣ этого рода мистическія явленія, какъ и явленія *лунатизма*, *сомнамбулизма* и, можетъ-быть, *спиритизма*, только съ большою осмотрительностью можно принимать къ свѣдѣнію въ нашемъ вопросѣ, но все-таки они представляютъ богатый матеріалъ, который при дальнѣйшихъ тщательныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ, конечно, доставитъ не одно доказательство самостоятельнаго начала психическихъ явленій и ихъ дѣятельнаго вліянія на тѣло.

IV.

Одно изъ главнѣйшихъ эмпирико-психологическихъ основаній для изслѣдованія вопроса о существованіи души есть явленіе *самостоятельной* и *свободной воли* человѣка.

Явленіе это въ психическомъ отношеніи заключаетъ въ себѣ слѣдующіе моменты:

---

* См. Léon Boré, *Les Stigmatisées du Tyrol ou l'extatique de Kaldern et la Patiente de Capriana. Relations traduites de l'italien, de l'allemand et de l'anglais*, 1843, и Brierre de Boismont: *Des Hallucinations*, 3 изд., 1862, стр. 314 до 321.

** Heinroth, *Geschichte und Kritik des Mysticismus*, 1830.

*** Ennemoser, *Der Magnetismus im Verhältniss zur Natur und Religion*, 2-е изд, 1853.

**** Peisse, *La médecine et les médecins*. 1857. Ч. I. Chap. 5. *Critique des faits dits impossibles, extraordinaires, surnaturels.*

† Figuier, *Histoire du merveilleux dans les temps modernes*, 1860.

†† Perty, *Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur*. 1861.

Digitized by Google

Идеальную законность въ отличіе отъ слѣпой законности физическаго бытія.

Самостоятельную инициативу и способность избирать цѣли для своихъ дѣйствій, и наконецъ

Энергію, противящуюся часто самымъ сильнымъ физическимъ требованіямъ.

1. *Идеальная законность воли* является въ извѣстныхъ природныхъ запросахъ и требованіяхъ нравственности. Она есть фактъ доказываемый психологическими наблюденіями надъ жизнью не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлаго рода человѣческаго.

Существованіе религіи и извѣстныхъ понятій о нравственности у всѣхъ безъ исключенія народовъ доказываетъ что установленіе какихъ-либо идеальныхъ принциповъ для практической дѣятельности въ жизни есть природная психическая потребность человѣка. Мыслящій человѣкъ не дѣйствуетъ наобумъ, лишь бы дѣйствовать, безъ разсужденій, чисто инстинктивно, а старается уяснить себѣ законы своего дѣйствія, и усвоиваетъ себѣ понятія о дѣйствіи приличномъ и законномъ въ формѣ идеальной нормы, которой долженъ онъ быть вѣренъ, если хочетъ осуществить свое истинное призваніе, свою задачу въ жизни.

„Каждый человѣкъ, говоритъ извѣстный въ литературѣ профессоръ медицины Будге, * создаетъ въ душѣ своей извѣстный *идеалъ*, которымъ руководствуется въ жизни; каждый представляетъ себѣ чего онъ можетъ и чего онъ долженъ достигнуть въ своемъ ближайшемъ и отдаленнѣйшемъ будущемъ; провѣряетъ силы своего тѣла, соразмѣряя ихъ съ дѣйствіями ведущими къ задуманной цѣли; взвѣшиваетъ свои духовныя способности и, сообразуясь съ ними, обозначаетъ для себя то общественное положеніе какое хотѣлъ бы занимать; сличаетъ свои требованія съ требованіями другихъ, и дѣлаетъ выводъ на сколько именно онъ въ правѣ требовать любви, дружбы, уваженія и почести; создаетъ свое собственное понятіе о пріятномъ и непріятномъ, удобномъ и неудобномъ, о томъ что его возмущаетъ. Однимъ словомъ, каждый человѣкъ, вездѣ и на каждомъ шагу, собираетъ все богатство разнородныхъ произведеній своей фантазіи, и изъ

* Budge, *Ueber den Schmerz. Ein populärer Vortrag*, 1866, стр. 6 и слѣд.

Digitized by Google

нихъ вырабатываетъ свой идеалъ, который прячетъ во глубинѣ сердца, если принадлежитъ къ числу мудрыхъ. Идеалъ этотъ, правда, измѣняется, смотря по состоянію, возрасту, опытности и т. д. Иной онъ у работника, иной у купца, иной у артиста, иной у ученаго, иной у дѣвушки, иной у юноши, иной у женщины, иной у дѣловаго человѣка. У одного онъ хрупокъ какъ стекло, а у другаго такъ упругъ что уляжется во всякую форму. Но каждый обладаетъ своимъ идеаломъ; ни одна живая душа безъ него обойтись не можетъ. Стремленіе къ идеалу, это дыханіе психической жизни человѣка; съ устраненіемъ этого стремленія послѣдовала бы смерть души. Отъ этого идеала зависятъ всѣ потрясенія души. Все подходящее къ этому идеалу радуетъ человѣка; а отдаленіе отъ него возбуждаетъ самое мучительное изъ страданій, — страданіе души."

Дѣйствительно, каждый мыслящій человѣкъ нуждается въ такомъ идеалѣ, въ такомъ понятіи о задачѣ и цѣли своего существованія и въ такой нормѣ, къ которой могъ бы примѣнять свои дѣйствія, на основаніи которой бы могъ цѣнить свой прогрессъ и свое развитіе. Общее господствующее въ семьѣ человѣческой различіе между истиной и ложью, между добромъ и зломъ, служащее основаніемъ всему усовершенствованію человѣческаго рода, имѣетъ свое психическое начало въ существованіи извѣстнаго нравственнаго идеала. Только вслѣдствіе того что большинство людей вырабатываетъ въ себѣ такой идеалъ и доходитъ до извѣстнаго понятія о задачѣ и назначеніи человѣческой жизни, только вслѣдствіе этого возникаютъ между людьми нравственные обычаи, религія и общественный порядокъ.

Эту общую идеальную потребность человѣка относительно его жизни и дѣйствія никакъ нельзя объяснить съ одной лишь физической точки зрѣнія, изъ основъ чистаго матеріализма. Откуда происходитъ этотъ неоспоримый эмпирическій фактъ что человѣкъ чувствуетъ свою зависимость отъ извѣстныхъ нравственныхъ понятій, отъ извѣстныхъ идеальныхъ требованій, которыя въ немъ установились и съ которыми онъ сообразуется въ своихъ дѣйствіяхъ? Съ матеріалистической точки зрѣнія, фактъ этотъ представлялся бы намъ какъ зависимость всей нервной системы, то-есть жизни психической, отъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій этой жизни, именно отъ этихъ нравственныхъ понятій. Итакъ,

Digitized by Google

нравственныя понятія, именно съ этой точки зрѣнія, будучи, подобно всѣмъ психическимъ явленіямъ, только временными произведеніями нервной системы, имѣли бы возможность вліять на самое дѣйствіе этой системы, или, что все равно, слѣдствіе вліяло бы назадъ, на причину, отправленіе на органъ.

Легко доказать что такой выводъ противенъ какъ здравой логикѣ, такъ и самимъ основаніямъ на которыхъ стоитъ матеріализмъ.

Если психическія явленія будутъ только отправленіями нервной системы, то само отправленіе никогда не можетъ вліять на свой органъ. Отправленіе есть всегда только простое слѣдствіе дѣйствія органа, и зависитъ отъ него безусловно. Каковъ органъ, таково и отправленіе. Измѣненія и новыя явленія отправленій никогда не могутъ происходить отъ этихъ же отправленій, но могутъ происходить только отъ органа. Лишь насколько измѣняется самъ органъ, настолько можетъ измѣниться и его отправленіе. При такой безусловной зависимости отъ органа, отправленіе никогда не можетъ вліять назадъ на органъ. На органъ можетъ дѣйствовать только другое, самостоятельное вліяніе, измѣняющее его элементы, но никакъ не его собственное отправленіе, представляющее только рефлексъ его временнаго состоянія.

Подобно тому, и въ нашемъ случаѣ, невозможно чтобы временныя явленія и отправленія нервной системы, ея произведенія, называемыя нравственными понятіями, могли оказывать возвратно дѣйствіе на всю нервную систему. Однако факта измѣнить нельзя; нельзя отвергнуть что извѣстныя понятія и нравственныя требованія руководятъ всѣми дѣйствіями человѣка, образомъ его мыслей и т. д. Значитъ фактъ этотъ требуетъ иного объясненія, то-есть надо признать что эти нравственныя понятія, вліяющія на всю нервную систему человѣка, основываются на самодѣятельныхъ началахъ, происходятъ отъ самостоятельнаго, отличнаго отъ нервной системы существа, происходятъ отъ души вліяющей на тѣло посредствомъ своей самодѣятельности.

Если не допустимъ такого самобытнаго существованія души, то всѣ нравственныя явленія жизни человѣка останутся

511126

Digitized by Google

необъясненными. Тогда будетъ невозможно понять эту несокоримую двойственность между идеальнымъ запросомъ и дѣйствительностью, между нравственными требованіями и практикой, которая отъ нихъ часто отступаетъ, между добромъ и зломъ; тогда нельзя будетъ понять фактъ *отвѣтственности*, въ которомъ проявляется сознаніе человѣка что онъ въ силахъ дѣйствовать какъ въ духѣ своихъ нравственныхъ требованій, такъ и самостоятельнымъ образомъ противорѣчить имъ.

На основаніи физическихъ законовъ, матеріализмъ не можетъ изъяснить этотъ эмпирически-познаваемый дуализмъ нравственной жизни человѣка. Если же онъ, вслѣдствіе этой невозможности, вмѣсто объясненія, отрицаетъ самый фактъ и устраняетъ всякую нравственную разницу между правдой и ложью, добромъ и зломъ, то этимъ онъ выказываетъ только свое противорѣчіе какъ дѣйствительности, такъ и логическимъ и нравственнымъ требованіямъ природы человѣка, въ силу которыхъ ни одинъ истинно мыслящій не можетъ не допустить осязательной разницы между правдой и ложью, между добромъ и зломъ, прекраснымъ и безобразнымъ, ибо въ этомъ различіи лежитъ необходимая основа всякаго истинно-человѣческаго прогресса.

2. Второе психическое явленіе воли есть ея самостоятельная *инициатива* и способность избирать цѣль для своихъ дѣйствій.

Нигдѣ въ природѣ не видимъ мы чтобы физическія силы дѣйствовали сами по себѣ, по своему лишь желанію, чтобы сами были причиной своихъ дѣйствій. Въ сферѣ чисто-физическаго міра господствуетъ общій законъ механики, по которому ни одна вещь сама себя двигать не можетъ. Всѣ физическія явленія происходятъ отъ извѣстныхъ предшествующихъ имъ причинъ. Природа представляетъ намъ рядъ послѣдовательныхъ явленій, изъ коихъ ни одно не бываетъ безъ причины, а каждое является какъ слѣдствіе предыдущихъ дѣйствій. Поэтому отысканіе причинъ физическихъ явленій міра безконечно, и мы никогда не можемъ дойти здѣсь до первѣйшей, самой главной причины, которая бы объясняла свое дѣйствіе изъ самой себя.

Въ явленіяхъ психической причинности дѣло совсѣмъ другое. Тутъ во многихъ случаяхъ очень легко дойти до главной причины дѣйствія, не допускающей уже дальше вопроса:

Digitized by Google

почему? Свободная воля, чистая самостоятельность, предна-мѣреніе, вотъ причины которыя устраняютъ дальнѣйшіе во-просы: почему дѣлается такъ, а не иначе?

Каждый человѣкъ, на основаніи внутренняго опыта, доходитъ до сознанія что онъ самъ есть причина своихъ дѣй-ствій, что его дѣйствія не происходятъ отъ какой-нибудь посторонней силы заставляющей его дѣйствовать такъ или иначе, но что онъ самъ по себѣ такъ дѣйствуетъ, что онъ самъ главная причина, истинный субъектъ своихъ дѣйствій, и можетъ измѣнить эти дѣйствія какъ ему угодно. Правда, свобода человѣка встрѣчаетъ извѣстное ограниченіе во внѣш-немъ мірѣ, но это ограниченіе относится только къ практи-ческому исполненію цѣлей, а не ко внутреннему предна-мѣренію. Несмотря на внѣшнія ограниченія дѣйствія, каждый мыслящій человѣкъ предпосылаетъ ему размышленіе, то-есть обсуждаетъ свои стремленія и требованія, предвидитъ по-слѣдствія могущія возникнуть изъ дѣйствія, и наконецъ из-бираетъ себѣ цѣль, которую стремится реализовать при по-мощи соотвѣтственныхъ средствъ устраняющихъ по воз-можности всѣ препятствія. „Все что дѣлается вслѣдствіе на-передъ обдуманнаго плана, мѣтко говоритъ профессоръ Лот-це, * что въ различныхъ случаяхъ различно происходитъ, что въ силахъ противорѣчить общему правилу и естествен-ной цѣли, все это есть несомнѣнное проявленіе свободнаго дѣйствія души, стремящейся къ достиженію самодѣятель-ныхъ, хотя не рѣдко и ошибочныхъ цѣлей.“ Поэтому-то и того факта что человѣкъ сознаетъ самодѣятельность въ сво-ихъ дѣйствіяхъ, что самого себя считаетъ онъ свободною причиной дѣйствія и тѣмъ самымъ дѣлаетъ исключительно себя отвѣтственнымъ за послѣдствія своихъ прежде обдуман-ныхъ дѣйствій, этого психическаго факта отвергать нельзя.

Теорія матеріализма только тогда могла бы, въ виду это-го факта, защищать и удерживать свое мнѣніе о физиче-ской необходимости человѣческаго дѣйствія, когда бы она доказала что это сознаніе самодѣятельности и самоотвѣт-ственности—психическій обманъ. Но именно это доказать и невозможно.

Еслибы мы хотѣли сослаться въ такой наглядной истинѣ

* Lotze, въ статьѣ *Instinct* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. Ч. II, стр. 26.

Digitized by Google

на возможность психическаго обмана, то тѣмъ самымъ мы потеряли бы точку опоры для доказательства истины вообще. Разъ допустивъ возможность такого обмана, мы могли бы допустить и то что мнѣніе усматривающее психическій обманъ въ вышеприведенномъ сознаніи свобододѣйствія, въ свою очередь, и само есть обманъ; а вслѣдствіе того, съ этой точки зрѣнія, мы никогда не могли бы окончательно рѣшить вопросъ о свободной волѣ; значитъ и матеріализмъ, на основаніи этой же теоріи психическаго обмана, не имѣетъ права рѣшить этого вопроса въ свою пользу. Напротивъ и въ такомъ случаѣ теорія о свободной волѣ, ссылаясь на фактъ сознанія самодѣятельности и самоотвѣтственности человѣка, равно какъ и на всѣ практическія слѣдствія этого сознанія, имѣла бы за собою гораздо бо́льшую вѣроятность.

Но положимъ что вышеприведенная теорія матеріализма заслуживаетъ болѣе серіознаго вниманія; во всякомъ случаѣ, мы отъ нея прежде всего должны требовать естественнаго объясненія этого психическаго обмана, по которому всѣ люди, даже матеріалисты, считаютъ себя свободными и дѣйствуютъ такъ какъ бы имѣли свободную волю, хотя по этой теоріи подлежатъ законамъ необходимости. Откуда происходитъ возможность такого обмана, если психическая жизнь есть не что̀ иное какъ простое слѣдствіе необходимаго дѣйствія нервовъ? Развѣ необходимое дѣйствіе нервовъ можетъ произвести психическія явленія совершенно противоположныя причинѣ вызвавшей ихъ къ жизни? Развѣ физическое раздраженіе нервной системы можетъ проявить себя въ дѣйствіяхъ имѣющихъ характеръ самостоятельнаго стремленія къ ясно сознаннымъ цѣлямъ? Откуда, спрашиваемъ, въ физическомъ существѣ, подлежащемъ закону необходимости, происходитъ уже одна эта *мысль свободы и самостоятельности?* Матеріализмъ, съ своей точки зрѣнія, на всѣ эти вопросы не можетъ дать никакого отвѣта, а здравый смыслъ и всякая аналогія съ общими законами природы не допускаютъ объясненія этого неоспоримаго психическаго факта изъ матеріалистическихъ основаній.

Знаменитый физіологъ и психіатръ, Шрёдеръ фанъ-деръ-Колькъ, очень вѣрно говоритъ: * „Матеріализмъ хочетъ

* Schröder van der Kolk, *Die Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten auf anatomisch-physiologischer Grundlage*, 1863, стр. 25.

Digitized by Google

сдѣлать изъ насъ телеграфный аппаратъ, но безъ телеграфиста, автоматъ дѣйствующій наобумъ, непослѣдовательно и безцѣльно, безъ ума и разсудительности; онъ хочетъ сдѣлать изъ насъ мечтателей, не могущихъ отдать себѣ отчета въ собственныхъ мечтаніяхъ. Между тѣмъ это вовсе не такъ. Мы обладаемъ способностью заставлять дѣйствовать нашу мысль по извѣстному направленію, согласному съ нашею волей. А это доказываетъ что въ насъ дѣйствуетъ извѣстная высшая способность, которая воспринимаетъ сырой матеріалъ ощущеній, приводитъ его въ стройный порядокъ и господствуетъ надъ нимъ. Мы обладаемъ телеграфнымъ аппаратомъ, но въ немъ есть и телеграфистъ, который свободно и самостоятельно дѣйствуетъ на него." Дѣйствительно, матеріализмъ оспаривающій существованіе свободной воли, а тѣмъ самымъ и существованіе самостоятельнаго психическаго начала въ человѣкѣ, противорѣчитъ какъ простѣйшимъ правиламъ логики, такъ и несомнѣннымъ эмпирическимъ фактамъ относящимся къ изслѣдуемому вопросу.

3. Наконецъ, самымъ наглядным доказательствомъ существованія могучей самодѣятельности человѣческой воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отличія души отъ тѣла, служитъ *энергія* воли. Благодаря этой энергіи, человѣкъ, какъ существо психическое, можетъ уклоняться отъ непосредственныхъ запросовъ жизни физической и обладаетъ способностью проявлять свою духовную самодѣятельность въ противорѣчіи съ самыми сильными физическими требованіями.

Если человѣкъ, во имя предвзятыхъ идеальныхъ цѣлей, по своей собственной волѣ, можетъ настолько отчуждаться отъ физическихъ требованій своего организма что въ случаѣ столкновенія между идеей и матеріей, между психическими и физическими требованіями, стоитъ на сторонѣ первыхъ, противодѣйствуя послѣднимъ, то въ виду этого мы должны признать что такая могучая воля и энергія должны происходить отъ чего-то особаго, отличнаго отъ физической природы человѣка.

Физическая природа человѣка не можетъ противорѣчить самой себѣ. Понятіе о какой-нибудь внутренней борьбѣ не имѣетъ никакихъ основаній въ физическомъ бытѣ человѣка. Природа во всѣхъ своихъ явленіяхъ вѣрна самой себѣ. Съ чисто физической точки зрѣнія, не подлежитъ спору вышеприведенное мнѣніе матеріализма, высказанное Фохтомъ, что

Digitized by Google

организмъ самъ надъ собою господствовать не можетъ. Но все это нисколько не доказываетъ чтобы человѣкъ вообще не могъ управлять собою, и чтобы въ немъ не находилось какое-то существо которое господствуетъ не только надъ самимъ собой, но отчасти и надъ организмомъ.

Неоспоримые факты подтверждаютъ это послѣднее заключеніе и доказываютъ что человѣкъ можетъ управлять собой и требованіями своего организма. Такъ напримѣръ одинъ изъ основныхъ законовъ физической жизни есть инстинктъ *самосохраненія*, соединяющій въ себѣ, съ одной стороны, стремленіе ко всему что возбуждаетъ жизненную дѣятельность, а съ другой — природное отвращеніе отъ всего что вредно или болѣзненно дѣйствуетъ на организмъ. Если-бы человѣкъ дѣйствительно былъ существомъ только физическимъ, то конечно никакая сила не могла бы ограничить его инстинктъ самосохраненія, который, по мнѣнію матеріализма, есть главная пружина самостоятельной жизни животнаго. Однакожь, не только исторія энтузіазма и фанатизма, но и исторія всеобщаго образовательнаго развитія человѣка, исторія наукъ, религіи, культуры и искусствъ показываетъ намъ не одинъ, но сотни примѣровъ преобладанія духа надъ тѣломъ, во имя ли жажды правды и знанія, или же изъ стремленія осуществить идеалъ высшаго человѣческаго совершенства какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и во всемъ обществѣ. Какъ же объяснить всѣ эти факты, повторяющіеся ежедневно въ жизни человѣка, безъ принятія самостоятельной, отъ физическихъ силъ отличной, *энергіи* духа?

Надо идти наперекоръ природѣ человѣка, надо отвергнуть истинно-человѣческое его начало, потерять сочувствіе ко всѣмъ прекраснымъ и благороднымъ дѣйствіямъ человѣчности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, стать ниже животныхъ дѣйствующихъ лишь вслѣдствіе инстинктивныхъ побужденій, чтобы высказывать и послѣдовательно развивать мнѣнія матеріализма: что умъ человѣческій не можетъ господствовать надъ страстями и долженъ быть ихъ рабомъ (Юмъ), что господство надъ самимъ собой такъ же невозможно какъ невозможно господство надъ отправленіями организма (Фохтъ), что вещественность, отрицаніе духовной стороны, есть спасеніе человѣка (Фейербахъ)! Поэтому

Digitized by Google

хорошо говоритъ Беръ: * „Кто самъ не обладаетъ сознаніемъ энергіи и самодѣятельности своего духа, кто вслѣдствіе софистическихъ выводовъ отвергаетъ ихъ бытіе, тотъ не достоинъ чтобы въ немъ снова возбудить это сознаніе.“ Дѣйствительно, въ истинѣ такого непосредственнаго факта внутренней жизни, каково сознаніе высшихъ нравственныхъ стремленій и отвѣтственности за бо́льшую или ме́ньшую энергію въ ихъ осуществленіи, можно сомнѣваться только либо по одному лишь упрямству и нежеланію бросить свое ложное убѣжденіе, либо, что̀ еще хуже, вслѣдствіе совершеннаго нравственнаго упадка, прикрывающагося щитомъ мнимой теоріи.

V.

Ко всѣмъ вышеприведеннымъ и, какъ намъ кажется, неопровержимымъ доказательствамъ существованія самостоятельной души, прибавляемъ здѣсь нѣкоторыя другія доказательства, касающіяся отношеній мозга ко психическимъ явленіямъ.

1. Матеріализмъ ссылается въ своихъ психологическихъ теоріяхъ исключительно на физіологическій методъ. Онъ не обращаетъ вниманія на самый предметъ своихъ разсужденій, то-есть на психическія явленія, и не разбираетъ этихъ многосложныхъ, также подлежащихъ опыту, и всѣмъ извѣстныхъ фактовъ съ тѣмъ чтобъ объяснить ихъ на основаніяхъ своей теоріи. Нѣтъ; единственнымъ основаніемъ матеріалистическихъ изслѣдованій и положеній служитъ только анализъ взаимнаго отношенія мысли къ мозгу и мозга къ мысли. Матеріализмъ спрашиваетъ только: находится ли какая-нибудь соотвѣтственность между физіологическими и психическими явленіями? И если онъ въ томъ или другомъ случаѣ можетъ доказать что дѣйствительно съ извѣстнымъ физіологическимъ процессомъ соединяется извѣстный психическій, то онъ думаетъ что такіе факты даютъ полное эмпирическое доказательство его теоріи, которая началомъ всѣхъ психическихъ явленій принимаетъ исключительно органическіе процессы.

Но этотъ способъ доказательства вовсе не согласуется съ

* Baer, *Welche Auffassung der lebenden Natur ist die richtige?* 1862, стр. 40. См. тоже въ этомъ отношеніи. Jessen, *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, 1855, стр. 513.

Digitized by Google

элементарными методологическими требованіями какъ логики, такъ и естественныхъ наукъ.

Признанная взаимная связь двухъ явленій и извѣстная зависимость ихъ другъ отъ друга еще нисколько не доказываютъ *тождества* этихъ двухъ явленій. Вслѣдствіе этого можно доказывать что съ извѣстнымъ физіологическимъ процессомъ соединяется соотвѣтственный процессъ психическій; можно доказывать что психическія дѣйствія очень часто условливаются извѣстными физіологическими отправленіями: но все это еще не даетъ намъ никакого права отрицать самостоятельное существованіе души и ея отличіе отъ тѣла, какъ то дѣлаетъ матеріализмъ.

Для положительнаго доказательства отрицательной теоріи матеріализма нужно было бы изслѣдовать не связь психическихъ явленій съ физіологическими, но самыя психическія явленія, и показать что они всѣ легко объясняются изъ физіологическихъ процессовъ, безъ всякой помощи со стороны понятія о душѣ. Этой-то именно попытки матеріализмъ доселѣ не только не дѣлалъ, но и сдѣлать не въ состояніи, какъ доказали мы выше, на основаніи анализа эмпирико-психологическихъ фактовъ.

Чтобы наше положительное доказательство существованія самостоятельнаго начала психическихъ явленій усилить еще критикою отрицательной теоріи матеріализма, мы обратимъ, наконецъ, вниманіе на нѣкоторыя отношенія нервной системы ко психическимъ явленіямъ, доказывающія что даже мнѣніе о безусловной зависимости души отъ тѣла (не говоря уже о ихъ тождествѣ) не имѣетъ основаній въ современной критической наукѣ.

2. Однимъ изъ главнѣйшихъ доказательствъ зависимости психическихъ явленій отъ тѣла, а вслѣдствіе того и тождества души и тѣла, служитъ для матеріализма сравнительная анатомія мозга у разныхъ животныхъ. Матеріализмъ извлекаетъ изъ нея положеніе что постепенное развитіе психическихъ способностей у животныхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ постепенному развитію ихъ мозга. Основаніемъ для доказательства этого факта служили то объемъ, то тяжесть, то химическій составъ, то наконецъ количество извилинъ мозга. Но до сихъ поръ ни въ одномъ изъ этихъ отношеній сравнительная анатомія мозга не показала органическаго начала для объясненія постепеннаго развитія психическихъ способностей у животныхъ.

Digitized by Google

Вотъ что̀ свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ физіологовъ нашего времени, Фолькманъ:* „Матеріализмъ влюбился въ положеніе что между мозгомъ и психическою жизнію замѣчается параллельное развитіе. Но доказательства его были неосновательны и даже отчасти произвольны. Неосновательность эта состояла именно въ томъ что говорили о параллелизмѣ развитія, не-показывая прежде всего начала, по которому можно было бы опредѣлять степень органическаго развитія. Геніальный Беръ, продолжаетъ Фолькманъ, доказалъ что животныя образованы не по одному общему типу, а если это такъ, то всѣ сравненія степеней развитія безтолковы или по крайней мѣрѣ невѣрны и измѣнчивы. Мозгъ слизняковъ не можетъ быть названъ *менѣе* совершеннымъ чѣмъ мозгъ насѣкомыхъ, однакожь эти послѣднія стоятъ гораздо выше первыхъ въ психическомъ отношеніи; по всей вѣроятности они стоятъ даже выше рыбъ и многихъ земноводныхъ, хотя мозгъ этихъ послѣднихъ болѣе похожъ на мозгъ человѣка. Сравнивая потомъ птицъ съ млекопитающими, очень трудно сказать въ которомъ изъ этихъ двухъ видовъ болѣе развита психическая жизнь; однако мозгъ млекопитающихъ несравненно болѣе развитъ. Къ такому же результату приводитъ сравненіе животныхъ одного и того же класса,— сравненіе которое будетъ болѣе основательно, такъ какъ у однородныхъ животныхъ легче оцѣнивать и сравнивать степень мозговаго развитія. Мозгъ обезьянъ болѣе всѣхъ другихъ похожъ на мозгъ человѣка, однакоже слонъ, собака и лошадь по своимъ способностямъ, безъ сомнѣнія, стоятъ не ниже ея. Чрезвычайно развитъ мозгъ дельфина, у котораго трудно предполагать большія способности. Напротивъ, у бобра мозгъ очень неразвитъ, а онъ очень высоко стоитъ не только по своему искусству, но и по способности къ приученію. Сравнивая мозгъ слона съ мозгомъ свиньи трудно дать тому или другому преимущество, а между тѣмъ слонъ владѣетъ несравненно высшими психическими способностями. Уже изъ этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, заключаетъ Фолькманъ, оказывается, какъ неосновательно то положеніе что между развитіемъ мозга и психическою жизнью существуетъ параллелизмъ.“ **

* Volkmann, статья *Gehirn*, въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*. Ч. I, стр. 568.

** Подробный разборъ этого вопроса объ отношеніи развитія моз-

Digitized by Google

Словомъ, сравнительная анатомія мозга до сихъ поръ нисколько не подтверждаетъ мнѣнія матеріализма о зависимости развитія психическихъ способностей отъ развитія мозга. Поэтому до сихъ поръ еще не опровергнуто утвержденіе сравнительной психологіи о томъ что различная степень психическаго развитія зависитъ не исключительно отъ разности мозга, но и отъ разности психической организаціи, то-есть организаціи души. Напротивъ, еслибъ оправдалось со временемъ любимое положеніе матеріализма что мозгъ нѣкоторыхъ породъ обезьянъ совершенно похожъ на мозгъ человѣка, тогда сейчасъ приведенная истина сравнительной психологіи получила бы только еще новое доказательство. Ибо, при совершенномъ тождествѣ мозга обезьяны и мозга человѣка, огромная разница ихъ психической жизни показала бы только независимость психическихъ способностей отъ организаціи мозга. Мозгъ являлся бы въ такомъ случаѣ тѣмъ что онъ и есть въ сущности, то-есть прямо орудіемъ, органомъ, инструментомъ души. Развѣ сходство и тождество двухъ инструментовъ убѣждаетъ насъ что и артисты, на нихъ играющіе, должны быть похожи другъ на друга? Нѣтъ, нисколько. Артисты, имѣя разныя способности, совершенно разнятся въ игрѣ своей на одномъ и томъ же инструментѣ. Отчего же совершенно разныя психическія способности обезьяны и человѣка не могутъ произвести совершенно различныхъ психическихъ явленій при совершенномъ сходствѣ ихъ мозговъ?

Но еслибы сравнительная анатомія со временемъ представила физіологическія и анатомическія разности въ обоихъ мозгахъ, разности соединенныя съ соотвѣтственными психическими явленіями, то все еще остается мѣсто для вопроса: зависитъ ли разность психическихъ способностей отъ организаціи мозга или, наоборотъ, послѣдняя зависитъ отъ первой? Каждый видитъ что ни анатомія, ни физіологія не могутъ рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ вопросъ объ этой причинности лежитъ внѣ методовъ ихъ изслѣдованій. Вопросъ этотъ требуетъ прежде всего основательнаго анализа психическихъ явленій; а выше мы видѣли къ какимъ резуль-

---

га къ развитію психической жизни можно найти въ соч. Поля Жане, *Мозгъ и мысль*, переведенномъ въ *Сборникѣ современныхъ христіанскихъ писателей*, 1868, стр. 11 и слѣд.

Digitized by Google

татамъ ведетъ такой анализъ по отношенію къ самостоятельности психическаго начала въ человѣкѣ.

3. Другое доказательство будто бы подтверждающее матеріалистическую теорію видятъ матеріалисты въ зависимости нормальнаго психическаго дѣйствія отъ здороваго состоянія мозга. Какъ только мозгъ подлежитъ какимъ-нибудь патологическимъ измѣненіямъ, то, говорятъ они, и психическія явленія принимаютъ характеръ ненормальности, или болѣзни; изъ этого они заключаютъ что мысль есть не что иное какъ только отправленіе мозга. Но такое заключеніе вовсе не логично.

Если даже вѣренъ приведенный матеріалистами фактъ, то онъ доказываетъ одно то что психическія явленія находятся въ *извѣстной* зависимости отъ мозга, что нормальныя отправленія мозга составляютъ условіе нормальнаго проявленія психическихъ способностей. Изъ этого однако никакъ не слѣдуетъ тождество мозговыхъ отправленій съ мыслью, со психическими отправленіями. Простой пртмѣръ даетъ о томъ наглядное понятіе. Безъ инструмента артистъ не можетъ играть, и его способности не могутъ обнаруживаться; хорошо устроенный и настроенный инструментъ есть необходимое условіе хорошей музыки. На инструментѣ испорченномъ и ненастроенномъ самый совершенный артистъ будетъ играть дурно, тогда какъ плохой артистъ сыграетъ дурно и на самомъ лучшемъ инструментѣ. Изъ всего этого, разумѣется, нисколько не слѣдуетъ однако что способности артиста и его существо зависятъ отъ хорошаго или худаго устройства инструмента.

Подобно тому и въ разсматриваемомъ случаѣ, патологическія измѣненія мозга могутъ имѣть послѣдствіемъ ненормальныя явленія психическія, но изъ этого нисколько не слѣдуетъ чтобы психическія явленія вообще были тождественны съ отправленіями мозга, какъ не слѣдуетъ и то чтобы ненормальныя психическія состоянія не являлись и при совершенномъ здоровьи мозга.

Что касается самого факта, изъ котораго матеріализмъ выводитъ свои нелогическія, слишкомъ широкія послѣдствія, то и онъ не имѣетъ твердаго основанія въ патологіи мозга.

Самые добросовѣстные изслѣдователи передаютъ намъ факты въ которыхъ, съ одной стороны, рѣзкія ненормальности психическихъ явленій не соединяются ни съ какими видимыми

Digitized by Google

патологическими измѣненіями мозга, а съ другой — самыя поразительныя поврежденія мозга не влекутъ за собою никакихъ значительныхъ психическихъ измѣненій.

Относительно перваго обстоятельства извѣстный французскій психіатръ Марсе говоритъ, * что ни съ какою изъ формъ сумашествія не соединяются постоянныя характеристическія анатомическія измѣненія мозга, и что часто при очень развитомъ сумашествіи не оказывается никакихъ патологическихъ поврежденій мозга. Это подтверждаютъ и другіе психіатры. ** Жорже говоритъ что поврежденія мозга встрѣчаются только уже въ застарѣломъ сумашествіи, и что когда сумашедшіе вскорѣ послѣ болѣзни умираютъ, то умственные органы ихъ не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, ничего такого чего не оказывалось бы также и у людей съ самымъ здравымъ разсудкомъ. Лёре же, на основаніи научной критики всѣхъ патологическихъ данныхъ, доходитъ до заключенія что поврежденія мозговыхъ органовъ встрѣчаются только въ тѣхъ случаяхъ когда сумашествіе осложнено нарушеніемъ порядка движеній и чувствительности; въ случаяхъ же простаго сумашествія, то-есть несложнаго умственнаго разстройства, поврежденія мозговаго органа вовсе не бываетъ.

Что касается до нормальнаго дѣйствія психическихъ способностей,—при патологическихъ измѣненіяхъ мозга,—то и въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на авторитетъ знаменитыхъ спеціалистовъ.

Въ приведенной уже нами морфологіи и физіологіи мозга, Рудольфъ Вагнеръ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ что у различныхъ животныхъ можно постепенно уничтожать всѣ главныя части мозга, не замѣчая при этомъ никакихъ измѣненій въ отправленіяхъ чувственныхъ и психическихъ дѣйствій животныхъ. Онъ приводитъ тутъ же много патологическихъ наблюденій надъ человѣкомъ, при которыхъ нашелъ совершенное перерожденіе всѣхъ главныхъ частей мозга, не вліявшее однако на обычный порядокъ его психической жизни.

Наблюденія эти совершенно согласуются съ наблюденіями знаменитаго англійскаго физіолога Эберкромби, который

* Marcé, *Traité des maladies mentales*, 1862, стр. 168, 169, 292, 330 и 406.

** См. въ этомъ отношеніи Жане, *Мозгъ и мысль*, 1868, стр. 35 и слѣд.

Digitized by Google

пришелъ къ убѣжденію что нѣтъ ни одной такой части мозга которая не могла бы быть уничтожена безъ всякаго разстройства психической дѣятельности.

Подобныя же наблюденія сообщаетъ физіологъ Фолькманъ, который свидѣтельствуетъ * что у самыхъ уважаемыхъ естествоиспытателей и другихъ ученыхъ оказываются примѣры размягченія, затвердѣнія и другихъ поврежденій мозга, которыя, несмотря на свое чрезмѣрное распространеніе, не имѣли никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій въ психическомъ отношеніи. Извѣстный же французскій физіологъ Лонже описываетъ ** въ своей анатоміи и физіологіи нервной системы два случая, гдѣ при совершенномъ уничтоженіи обѣихъ переднихъ частей мозга, не встрѣчалось никакихъ измѣненій психическихъ. Подобно тому говоритъ и Флуранъ *** что у животнаго можно отнять порядочную часть мозга, будетъ ли то спереди или сзади, съ боковъ или сверху, и при этомъ оно не потеряетъ однакоже ни одной изъ своихъ способностей.

Изъ числа психіатровъ мы ссылаемся еще на мнѣнія Лейдесдорфа, который, на основаніи точнаго анализа новѣйшихъ патологическихъ данныхъ, доходитъ до заключенія **** что всѣ патологическія явленія соединяющіяся съ сумашествіемъ встрѣчаются также и безъ него. Какъ аномальное устройство черепа, такъ и всѣ болѣзни мозга, гипертрофія и атрофія, гиперемія и анемія, эксудаты и абсцессы мозга, встрѣчаются какъ у людей въ психическомъ отношеніи здоровыхъ, такъ и у больныхъ. „Опытъ учитъ, говоритъ Лейдесдорфъ, что часто при совершенномъ поврежденіи значительныхъ частей мозга не встрѣчаемъ никакихъ ненормальныхъ явленій психическихъ, даже никакого ослабленія умственныхъ способностей.“ То же самое подтверждаетъ Жюль Фальре и другіе. †

Замѣчательныя и характеристическія явленія, касающіяся отношенія мозга ко психическимъ способностямъ, уже

---

* Volkmann, статья *Gehirn* въ Wagners *Handwörterbuch der Physiologie*, часть I, стр. 569.

** См. Lange, *Geschichte des Materialismus*, 1866, стр. 431.

*** Смотри Жане, *Мозгъ и мысль*, 1868, стр. 66.

**** Leidesdorf, *Lehrbuch der psychischen Krankheiten*, 1865, стр. 238 и слѣд. до 303, именно 272.

† См. согласное съ этимъ мнѣніе и другихъ французскихъ психіатровъ въ сочиненіи Поля Жане, *Мозгъ и мысль*, 1868, стр. 34.

Digitized by Google

собрали давно въ своихъ сочиненіяхъ Бурдахъ * и Шубертъ. ** Въ новѣйшее время упомянутый выше профессоръ физики Фехнеръ, въ Лейпцигѣ, собралъ изъ разныхъ новыхъ физіологическихъ и антропологическихъ трудовъ множество подобныхъ случаевъ и помѣстилъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ *Зендъ-Авестъ* и *Психо-физикѣ*. ***

Сюда относится также и то явленіе, замѣченное разными физіологами и психіатрами, что помѣшанные часто предъ смертью снова получаютъ вполнѣ ясное сознаніе. Такіе помѣшанные доходятъ до яснаго понятія о своемъ состояніи, припоминаютъ себѣ все о чемъ не помнили во все время сумашествія, говорятъ разумно съ другими людьми, распоряжаются своимъ имѣніемъ и т. п., словомъ, возвращаются къ полному здравому самосознанію.

Уже Галль приводитъ такіе примѣры въ своемъ сочиненіи объ отправленіяхъ мозга, **** а Бурдахъ разказываетъ много подобныхъ случаевъ бывшихъ предметомъ его собственныхъ наблюденій. † Въ новѣйшее время знаменитый французскій психіатръ Бріеръ де-Буамонъ посвятилъ этому предмету особое основательное разсужденіе, †† а Шрёдеръ ванъ-деръ-Колькъ приводитъ новые примѣры такихъ явленій и ссылается на нихъ въ подтвержденіе самостоятельнаго существованія души въ своемъ сочиненіи *О взаимномъ отношеніи души и тѣла*. †††

Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе убѣдительныя доказательства существованія въ человѣкѣ духовнаго, самодѣятельнаго начала, чѣмъ эти предсмертныя явленія. Они такъ наглядно изображаютъ намъ высшее напря-

---

* Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*, 3й томъ. 1826.

** Schubert, *Geschichte der Seele*, 4е изд. 1847.

*** Fechner, *Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des jenseits. Vom Standpuncte der Naturbetrachtung*, 1851, томъ IIIй, и *Elemente der Psychophysik*, 1860, томъ III, стр. 398 и слѣд.

**** Gall, *Sur les fonctions du cerveau*. 1822, томъ I, стр. 215 и слѣд.

† Burdach, *Vom Bau und Leben des Gehirns*, т. III, стр. 185 и слѣд.

†† Brierre de Boismont, *Du retour de la raison chez les aliénés mourants*, въ *Gazette des hôpitaux*, 1844, и его же *Des Hallucinations*, 3е изд., 1862 г., стр. 370 и слѣд.

††† Schröder van der Kolk, *Leib und Seele in Wechselbeziehung zu einander*, 1865, стр. 20.

Digitized by Google

женіе психической силы въ критическій моментъ человѣческаго бытія, когда эта сила, несмотря на совершенное разстройство физическаго организма, стремится къ изъясненію своихъ внутреннихъ предсмертныхъ движеній.

Итакъ, изъ всѣхъ вышеприведенныхъ анатомическихъ, физіологическихъ и патологическихъ данныхъ, оказывается что отрицательная теорія матеріализма касательно существованія души не имѣетъ никакихъ дѣйствительно *научныхъ* основаній. Напротивъ, со всѣми приведенными эмпирическими данными совершенно согласуется принятіе существованія самостоятельнаго начала душевныхъ явленій, то-есть души. Матеріализмъ не представляетъ намъ ни одного физіологическаго факта который требовалъ бы отрицанія души или доказывалъ бы что этого понятія не нужно. Между тѣмъ, съ другой стороны, основательное изслѣдованіе такихъ важныхъ психическихъ явленій какъ сознаніе, мышленіе, дѣйствіе чувствъ и фантазіи, свободная воля и т. д. на каждомъ шагу, какъ мы видимъ, приводитъ къ научному убѣжденію что для объясненія всѣхъ этихъ явленій необходимо требуется принятіе *самостоятельнаго начала* психической жизни, или, что тоже, существованія *души*.

ГЕНРИХЪ СТРУВЕ.

Digitized by Google

МЮНХЕНСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ВЫСТАВКА *

XII.

Переходимъ къ германскому искусству и, для краткости, будемъ разсматривать его въ совокупности, а не по школамъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ разборъ нашъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе что вопросъ о томъ сколько именно въ настоящее время существуетъ отдѣльныхъ школъ въ Германіи принадлежитъ къ вопросамъ спорнымъ. Особыя академіи живописи существуютъ въ Германіи въ городахъ: Берлинѣ, Дюссельдорфѣ, Кенигсбергѣ, Нюренбергѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ. Каждый изъ этихъ городовъ, съ присоединеніемъ еще сюда и Штутгардта, претендуетъ на самостоятельную школу, но особенно замѣтно выдѣляются только школы мюнхенская и дюссельдорфская, затѣмъ уже менѣе самостоятельное значеніе имѣютъ школы берлинская и вѣнская. Замѣчательно что Австрійская имперія, гдѣ, именно въ Богеміи, появилась первая въ Германіи школа, еще во времена Джіотто, теперь играетъ въ дѣлѣ искусства только второстепенную роль.

Нигдѣ, можетъ-быть, правительство не дѣлало сравнительно такъ много для развитія и поддержанія искусствъ какъ въ Баваріи. Царствованіе Лудовика I, этого вѣнценоснаго друга Торвальдсена и короля-мецената, дало особенно сильный

* См. *Русск. Вѣст.* 1869 г. № 12 и 1870 г. № 1.

Digitized by Google

толчокъ развитію въ Мюнхенѣ живописи, скульптуры и ваянія. Достаточно только вспомнить что̀ былъ Мюнхенъ до Лудовика и что̀ онъ въ настоящее время, чтобъ оцѣнить заслуги короля въ этомъ отношеніи. Въ самое короткѣе время довольно бѣдный и незначительный городокъ второстепеннаго германскаго королевства преобразился неузнаваемо: по мановенію страстнаго любителя искусствъ, короля, талантливые архитекторы Кленце, Гертнеръ, Ольмюллеръ и Файтъ украсили его великолѣпными зданіями, ученикъ Торвальдсена, даровитый Шванталеръ, населилъ его превосходными статуями, а живописцы Корнеліусъ, Шнорзъ, Гессе, Фартнеръ, Ротманнъ и многіе другіе расцвѣтили его безчисленными фресками. Въ художественномъ отношеніи это, безъ сомнѣнія, первый городъ въ Германіи, и названіе германскихъ Аѳинъ до сихъ поръ еще никѣмъ у него не оспаривается. Сохраняя хорошія преданія, правительство баварское и въ настоящее время продолжаетъ идти, хотя уже и не столь рѣшительно, по пути указанному Лудовикомъ I. Постройка огромнаго Максиміліанеума, такъ прекрасно замыкающаго великолѣпную Максиміліанштрассе, который долженъ заключать въ себѣ, по мысли Максиміліана II, живописную всемірную исторію, нѣчто въ родѣ Версальскаго музея, но въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, вызвала происхожденіе цѣлаго ряда колоссальныхъ картинъ, могущихъ дать высокое понятіе о германской такъ-называемой *монументальной живописи*. Кромѣ *Грѣхопаденія первыхъ людей* Кабанеля, о которомъ сказано выше, на выставкѣ находится еще шесть огромныхъ картинъ предназначенныхъ для Максиміліанеума. Картины эти: *Периклъ* Фольца, *Свадьба Александра Великаго* Андрея Мюллера, *Коронованіе Карла Великаго* Фридриха Каульбаха изъ Ганновера (двоюродный братъ Вильгельма Каульбаха), *Фридрихъ II въ Палермо* Артура Рамберга, *Пораженіе Гунновъ у Лехфельда* профессора Эхтера и *Принятіе Лудовикомъ XIV генуэзскаго посольства* Повельса (Pauwels), изъ Веймара. Кромѣ того, на выставкѣ находится колоссальный картонъ картины того же музея, *Битва при Саламинѣ*, принадлежащій кисти Вильгельма Каульбаха. Всѣ эти картины служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ что художники, писавшіе ихъ, серіозно смотрятъ на искусство и, не увлекаясь преходящею модой дня, стараются блистать не внѣшними эффектами, но болѣе солидными

Digitized by Google

достоинствами глубоко обдуманной композиціи и значительнаго содержанія. Изъ названныхъ шести картинъ первое мѣсто по колориту занимаетъ *Фридрихъ II въ Палермо* Рамберга, а по превосходной композиціи лучше всѣхъ картина Андрея Мюллера, прозваннаго въ Мюнхенѣ, для отличія отъ другихъ Мюллеровъ, которыхъ въ Германіи едва ли не больше чѣмъ у насъ Ивановыхъ, *Компонирз-Мюллеромъ*. Впрочемъ всѣ эти произведенія болѣе или менѣе носятъ на себѣ замѣтное вліяніе Вильгельма Каульбаха, а потому было бы несправедливо не остановиться нѣсколько минутъ на этомъ замѣчательномъ художникѣ, какъ лучшемъ представителѣ нынѣшней германской живописи. Вильгельмъ Каульбахъ, самый даровитый изъ учениковъ Корнеліуса, не безъ основанія считается въ настоящее время не только главой Мюнхенской школы, но и вообще первымъ и самымъ геніальнымъ современнымъ живописцемъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никого кто бы могъ поспорить съ нимъ богатствомъ и разнообразіемъ фантазіи, красотой композиціи и многочисленностію произведеній, изъ которыхъ одного такого какъ его *Разрушеніе Іерусалима* или *Битва Римлянъ съ Гуннами* вполнѣ достаточно было бы чтобы составить художнику славное имя. Кому неизвѣстны его знаменитыя фрески въ новомъ берлинскомъ музеѣ? Рядомъ съ этими колоссальными произведеніями у Каульбаха идетъ цѣлый нескончаемый рядъ большихъ рисунковъ и картинъ съ содержаніемъ заимствованнымъ изъ старинныхъ германскихъ легендъ и изъ сочиненій нѣмецкихъ и иностранныхъ писателей: Клопштока, Виланда, Шиллера, Шекспира и Гёте. Гёте любимый поэтъ Каульбаха, и можно сказать безъ преувеличенія что величайшій изъ поэтовъ Германіи нашелъ себѣ въ Каульбахѣ достойнаго и глубокомысленнаго истолкователя. Намъ недавно удалось видѣть около тридцати подобныхъ рисунковъ, составляющихъ въ настоящее время собственность извѣстнаго мюнхенскаго фотографа Врукмана. Всѣ они нарисованы чернымъ карандашомъ на картонѣ. Особенно хороши рисунки изъ *Фауста*. Нигдѣ въ картинахъ намъ не случалось видѣть изображенія Гретхенъ, которое бы въ такой мѣрѣ отвѣчало геніальному созданію Гёте, какъ Гретхенъ Каульбаха. На выставкѣ также есть шесть рисунковъ Каульбаха черными карандашомъ: *Ромео и Джульетта*, *Лоэнгринъ*, *Нибелунги*, *Тангейзеръ*, *Мессинская невѣста*

Digitized by Google

и *Вильгельмъ Тель*. Картонъ Каульбаха *Битва при Саламинѣ* самая большая картина всей выставки. Она имѣетъ безспорно много серіозныхъ достоинствъ, но никакъ нельзя сказать чтобъ это было лучшее произведеніе художника. При видѣ этого колоссальнаго полотна, невольно изумляешься необыкновенно правильному и бойкому рисунку, счастливымъ ракурсамъ, разнообразію положеній и наконецъ чрезвычайному оживленію, которое особенно замѣтно въ главныхъ пунктахъ картины, но композиція ея, несмотря на прекрасно задуманный планъ, не выдерживаетъ строгой критики. Главный недостатокъ композиціи, прежде всего бросающійся въ глаза, это страшное множество фигуръ наполняющихъ картину и дѣлающихъ содержаніе ея нѣсколько сбивчивымъ, тѣмъ болѣе что дѣйствіе не сосредоточено въ одномъ пунктѣ. Битва кипитъ въ узкомъ проливѣ Саламина. Желаніе показать въ одно и то же время и побѣдителей, и побѣжденныхъ, въ ихъ главныхъ представителяхъ, увлекло художника дальше чѣмъ бы слѣдовало. Для того чтобы достигнуть своей цѣли, онъ, если можно такъ выразиться, сузилъ проливъ и одновременно показываетъ намъ и происходящую на морѣ отчаянную битву, и оба противоположные берега, изъ которыхъ на одномъ видны Персы, а на другомъ Греки. Страшное смятеніе и ужасъ, господствующіе на берегу занятомъ Персами, вокругъ пышнаго трона персидскаго царя, окруженнаго многочисленною свитой муцинъ и женщинъ, мѣшаютъ зрителю сосредоточить свое вниманіе на фигурѣ долженствующей, по плану художника, составлять главный пунктъ картины, именно на Ѳемистоклѣ, который, стоя на кораблѣ въ величественной и нѣсколько изысканной позѣ, распоряжается битвой. Вокругъ него сраженіе въ полномъ разгарѣ. Обѣ стороны дерутся съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Одинъ онъ спокоенъ и холоденъ, какъ подобаетъ вождю. Невдалекѣ отъ него воины готовые уже трубить побѣду и жрецы приносящіе жертву богамъ-покровителямъ, которыхъ тѣни парятъ надъ кораблемъ Ѳемистокла, предвѣщая побѣду. Корабль Ѳемистокла топитъ непріятельское судно. Тутъ, подальше направо, вездѣ свирѣпствуютъ смерть и разрушеніе. Толпа погибающихъ Персовъ прекрасно группируется около сломанной мачты. Отчаяніе и ужасъ видны на лицахъ, въ самомъ положеніи фигуръ. Нѣсколько разметанныхъ въ разныхъ направленіяхъ труповъ взмы-

Digitized by Google

ваются прибрежною волной. Еще дальше виденъ корабль съ небольшимъ отрядомъ Персовъ продолжающихъ сражаться. Необыкновенно хороша фигура вождя ихъ, прекраснаго какъ Аполлонъ Бельведерскій, котораго онъ нѣсколько и напоминаетъ своею гордою позой. Онъ вынимаетъ изъ колчана стрѣлу чтобы пустить ее въ Ѳемистокла. На ближайшемъ къ зрителю берегу пѣвецъ возбуждающій войско къ сраженію; толпа Грековъ и нѣсколько убитыхъ и раненыхъ воиновъ. Въ числѣ послѣднихъ одинъ очень похожъ на знаменитаго умирающаго гладіатора, въ Капитоліи. Весь задній планъ картины занятъ въ безпорядкѣ сталкивающимися кораблями, наполненными сражающимися. Вездѣ пробитыя и тонущія суда, оборванные паруса, изломанныя мачты, реи унизанныя воинами. Во многихъ мѣстахъ видны сцены абордажа со всѣми его ужасами. Вообще движеніе и смятеніе морской битвы передано съ неподражаемымъ совершенствомъ: кажется какъ будто слышишь трескъ сшибающихся кораблей, крики сражающихся и стоны раненыхъ. Но, повторяемъ, композиція страдаетъ сбивчивостью. Можно также замѣтить мѣстами недостатокъ правильной перспективы: такъ, фигуры Ксеркса и его окружающихъ кажутся намъ непропорціонально велики сравнительно съ фигурами занимающими первые планы. Можетъ-быть, нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ сгладятся въ оконченномъ произведеніи, при помощи блеска красокъ и искуснаго расположенія свѣта и тѣни, но въ картонѣ они очевидны. Нельзя также ничѣмъ объяснить этого множества безспорно превосходно нарисованныхъ женскихъ фигуръ въ картинѣ изображающей сраженіе, и притомъ еще морское, то-есть такое именно дѣйствіе въ которомъ женщины обыкновенно всего менѣе принимаютъ участія. Извѣстно что это непонятное обиліе женщинъ на картинѣ подало покойному Корнеліусу поводъ сказать очень злое словцо. Впрочемъ, несмотря на нѣкоторые недостатки, происшедшіе, можетъ-быть, отъ слишкомъ спѣшной работы, нельзя не признать *Саламинской битвы* за одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего времени и за лучшій образецъ идеальнаго новѣйшаго искусства.

Къ этому же монументальному роду живописи слѣдуетъ отнести еще картины: *Эпизодъ изъ исторіи Лютера* Августа Гейдена, изъ Берлина, и *Пиръ Платона* Ансельма Фейербаха, родомъ изъ Гейдельберга, но по образованію принадле-

Digitized by Google

жащаго къ мюнхенской школѣ. Фейербахъ принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ современныхъ художниковъ, но тѣ кому были извѣстны его прежнія произведенія не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ при видѣ присланной имъ на выставку картины *Пиръ Платона*, которая своимъ холоднымъ, совершенно сѣрымъ колоритомъ скорѣе напоминаетъ подмалевокъ сдѣланный одною сѣрою краской нежели оконченное произведеніе. Чему приписать эту странную метаморфозу—неизвѣстно, но если смотрѣть на картину забывая объ ея непонятномъ, известковомъ колоритѣ, то придется сознаться что она обладаетъ большими достоинствами композиціи и рисунка. У поэта Агатона собрались нѣкоторые изъ его друзей. Тутъ были Сократъ, Аристофанъ, Эриксимахъ, Федръ и Главконъ. Въ то время когда они, послѣ обѣда, мирно предавались бесѣдѣ о сущности любви, вдругъ съ шумомъ растворяются двери, и на порогѣ появляется Алкивіадъ, возвращающійся съ какой-то оргіи, въ сопровожденіи веселыхъ гетеръ. Расположеніе картины превосходно, но группа Алкивіада не вполнѣ удачна, и фигура его лишена исторической вѣрности. Исторія изображаетъ намъ Алкивіада самымъ прекраснымъ, изящнымъ и благороднымъ изъ мужей аѳинскихъ. Ничего этого нѣтъ въ Алкивіадѣ Фейербаха. Это не больше какъ обыкновенный, нѣсколько подгулявшій кутила, входящій въ домъ Агатона не совсѣмъ твердыми шагами, въ обществѣ гетеръ, которыя тоже ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ ночныхъ красавицъ. Ничто не показываетъ въ нихъ тѣхъ высокообразованныхъ Аѳинянокъ которыя въ состояніи были вести философскія бесѣды съ Сократомъ и Платономъ и толковали съ Фидіемъ объ изящномъ. Въ картинѣ есть также нѣкоторые недостатки перспективы. Такъ, напримѣръ, молодой человѣкъ, слушающій, стоя у стѣны, разговоръ Сократа и Аристофана, положительно не имѣетъ достаточно мѣста чтобы стоять тамъ гдѣ его поставилъ художникъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ художественныхъ произведеній послѣдняго времени по остроумной идеѣ и по глубокому философскому содержанію—это картина берлинскаго живописца Рудольфа Геннеберга *Погоня за счастьемъ (Die Jagt nach dem Glück)*. Художникъ обнаружилъ въ своей картинѣ большое знаніе человѣческаго сердца и съ тонкостію истиннаго философа умѣлъ представить, въ живыхъ образахъ,

Digitized by Google

общую всему человѣчеству слабость, не довольствуясь дѣйствительностію, какъ бы она хороша ни была, постоянно гоняться за тѣмъ неосязаемымъ призракомъ нашей прихотливой фантазіи, который называется *счастьемъ*. Для болѣе осязательнаго выраженія своей мысли художникъ прибѣгнулъ къ аллегоріи. На узкомъ мосту, переброшенномъ черезъ пропасть и на половину уничтоженномъ пожаромъ, мы видимъ красиваго молодаго человѣка который что̀ есть силы шпоритъ своего коня и мчится какъ безумный вслѣдъ за уносящимся отъ него видѣніемъ прекрасной обнаженной женщины, олицетворяющей собою счастье. Прекрасная богиня оглядывается на него и, кокетливо улыбаясь, манитъ его за собой. Въ рукѣ ея корона—признакъ власти. Взоръ ея такъ полонъ обѣщаній, изъ развѣвающихся по воздуху одеждъ ея сыплется столько золота, что увлеченный и ослѣпленный всадникъ въ какомъ-то опьяненіи гонится за нею, не обращая вниманія ни на пропасть впереди, ни на мольбы любящей женщины, которая, потерявъ надежду спасти его, безъ чувствъ падаетъ на мосту, загораживая дорогу своимъ тѣломъ. Но бодрый конь перескакиваетъ это препятствіе, и всадникъ мчится впередъ, все впередъ. Вотъ онъ подскакиваетъ къ тому мѣсту моста гдѣ торчитъ только нѣсколько обгорѣлыхъ балокъ. Усталая лошадь не въ состояніи перепрыгнуть черезъ широкую зіяющую пропасть.... еще секунда, и она, вмѣстѣ съ неосторожнымъ всадникомъ, стремглавъ рухнетъ въ бездну. Въ это роковое мгновеніе рядомъ со всадникомъ появляется невидимый для него спутникъ: смерть скачущая на вороной клячѣ. Въ костлявыхъ рукахъ ея торжественно развѣвается черное знамя. Она уже почти настигаетъ свою жертву....

Нѣкоторые критики ставили въ большую вину художнику аллегорическое содержаніе его картины. По ихъ мнѣнію, аллегорія несовмѣстна съ истинно-художественнымъ произведеніемъ, какъ нѣчто не вполнѣ ясное, скрывающее въ себѣ смыслъ, значеніе котораго часто подаетъ поводъ къ совершенно разнорѣчивымъ толкованіямъ. Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Удачно выбранная аллегорія, представляющая въ живыхъ образахъ мысль общедоступную и понятную всѣмъ и каждому, не только не вредитъ художественности произведенія, но, напротивъ, еще придаетъ ему нѣкоторый поэтическій колоритъ. Къ такого рода понятнымъ

Digitized by Google

для всѣхъ аллегоріямъ принадлежитъ и избранная художникомъ идея о легкомысленной погонѣ за призракомъ счастья, которому приносятся иногда въ жертву самые существенные интересы жизни. Посмотримъ же, на сколько вѣрно удалось художнику выразить свою задачу. По нашему мнѣнію, Геннебергъ обнаружилъ въ своей картинѣ много художественнаго такта и наблюдательность, обличающую чисто философскій умъ. Страсть, общую всему человѣчеству и особенно мужской его половинѣ, онъ олицетворилъ въ молодомъ, красивомъ и сильномъ человѣкѣ, какъ лучшемъ представителѣ своего рода. Но для человѣка молодаго счастіе всего естественнѣе должно представляться въ образѣ прекрасной женщины, которая, вмѣстѣ съ обладаніемъ красоты, сулитъ еще богатство и власть. Вотъ почему художникъ представилъ счастіе въ видѣ женщины. Нѣкоторые дѣлали замѣчаніе что женщина эта, съ своимъ прекраснымъ тѣломъ и съ кокетливою улыбкой, вышла у художника черезчуръ реальна. Такъ какъ требовалось изобразить только обманчивый призракъ счастія, то, по ихъ мнѣнію, и изображенію женщины, олицетворяющей его, слѣдовало бы придать характеръ чего-то призрачнаго, неосязаемаго и неуловимаго какъ мечта. Это замѣчаніе не лишено основанія, но, можетъ-быть, въ такомъ случаѣ аллегорія была бы нѣсколько ослаблена въ своемъ значеніи. Мы живемъ въ такой положительный вѣкъ что трудно предположить въ комъ-нибудь способность гнаться, очертя голову, за пустымъ, безтѣлеснымъ призракомъ. Поэтому мы думаемъ что художникъ не безъ намѣренія придалъ образу счастія такой реальный характеръ. Въ такомъ видѣ счастіе кажется какъ будто болѣе достижимымъ, а увлеченіе имѣетъ болѣе вѣроятія. Композиція картины полна движенія и имѣетъ интересъ настоящей драмы. Показывая намъ человѣка въ погонѣ за призракомъ, въ моментъ предъ его паденіемъ въ пропасть, когда смерть занесла уже надъ нимъ свою руку, художникъ превосходно сосредоточилъ вниманіе зрителя на всадникѣ, какъ главномъ героѣ драмы. Всѣ остальныя дѣйствующія лица болѣе или менѣе заинтересованы его участью, и для каждаго понятно что съ его неизбѣжнымъ паденіемъ рѣшается судьба не одного его, но вмѣстѣ и этой несчастной женщины, лежащей замертво на мосту. Обработка всѣхъ персонажей картины, каждаго порознь, заслуживаетъ большой похвалы. Спокойная

Digitized by Google

увѣренность богини счастія, безъ отдыха и безъ суеты несущейся на прозрачномъ шарѣ, составляетъ разительную противоположность съ бѣшенымъ порывомъ всадника, который можетъ служить прекраснымъ олицетвореніемъ слѣпой, ничего не разбирающей и ни предъ чѣмъ не останавливающейся страсти. Онъ весь желаніе и увлеченіе. Глаза его жадно впились въ чарующій призракъ. Онъ приподнимается на стременахъ и уже протягиваетъ руку, какъ бы готовясь охватить видѣніе. Отъ быстрой ѣзды беретъ свалился съ его головы, волосы его растрепались, ремни и ленты развѣваются по вѣтру. Благородное животное, его конь, безвозвратно понуждаемый шпорами, напрягаетъ послѣднія усилія.... И какъ хорошъ возлѣ всадника этотъ мрачный, зловѣщій спутникъ, догоняющій его на своей худой и жалкой клячонкѣ. Какая злобная радость видна въ безжизненныхъ глазахъ скелета! Сколько тонкаго юмора въ его удалой, лихой посадкѣ! Но фигура лежащей на мосту женщины едва ли не лучше всего остальнаго. Это олицетвореніе любви, беззавѣтной преданности и тихихъ семейныхъ радостей, это кроткій, непризнанный протестъ женщины противъ суетнаго тщеславія и гордости мущины. Напрасно она старалась предостеречь своего возлюбленнаго, напрасно, обливаясь горячими слезами, хваталась за узду его лошади, чтобъ удержать его. Безсильны были ея просьбы и мольбы. Она презрѣна и забыта. По положенію тѣла этой женщины, видно что она еще жива и только въ обморокѣ: лошадь не тронула ея своими копытами. Она скоро очнется, но глаза ея уже не встрѣтятъ никого на мосту, и ея пробужденіе едва ли не будетъ для нея ужаснѣе самой смерти. Такова картина Геннеберга, возбудившая всеобщій интересъ. Нѣкоторые недостатки исполненія съ избыткомъ выкупаются ея содержаніемъ, и ее смѣло можно поставить на ряду съ самыми замѣчательными произведеніями новѣйшей живописи.

XIII.

Картина самаго извѣстнаго изъ мюнхенскихъ живописцевъ, послѣ Вильгельма Каульбаха, Карла Пилоти (Piloty), *Марія Стюартъ*, была встрѣчена довольно холодно даже его ревностными поклонниками. Пилоти можно назвать блистательнѣйшимъ представителемъ въ Мюнхенѣ реальнаго направ-

Digitized by Google

ленія, безъ тѣхъ, впрочемъ, крайностей которыми отличается это направленіе во Франціи. Послѣ смерти зятя своего Шорна, онъ заказалъ вакантное мѣсто профессора Мюнхенской академіи, и скоро около него образовалась цѣлая школа учениковъ и послѣдователей. Кто бывалъ въ Мюнхенѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, помнитъ его прекрасную картину въ новой пинакотекѣ: *Смерть Валленштейна*, нѣсколько напоминающую Деларошевскаго *Кромвеля у гроба Карла I.* Двѣ другія картины, сдѣлавшія его извѣстность: *Колумбъ въ первый разъ завидѣвшій материкъ Америки*, въ галереѣ барона Шакка, и *Прогулка Нерона по Риму послѣ пожара*, въ галереѣ графа Пальфи, показали въ немъ художника съ первоклассными дарованіемъ, почти одинаково сильнаго и въ экспрессіи, и въ искусствѣ задумать и скомпоновать картину. Новое произведеніе Пилоти ничего не прибавитъ къ его славѣ, хотя его *Марія Стюартъ* обратила на себя на выставкѣ всеобщее вниманіе. Пилоти избралъ тотъ достопамятный эпизодъ изъ исторіи Маріи Стюартъ, когда въ замокъ Фотерингэ, гдѣ томилась въ тѣсномъ заключеніи несчастная страдалица, явился графъ Шревсбюри съ нѣсколькими лордами чтобы, исполняя двусмысленное приказаніе Елисаветы, объявить королевѣ смертный приговоръ. Едва только что прочелъ ей безчеловѣчный декретъ. Въ изнеможеніи, но полная достоинства, опустилась Марія на диванъ. Молитвенникъ выпалъ изъ рукъ ея. Она не ожидала такой жестокости со стороны Елисаветы. Сзади Маріи какая-то женщина, по всей вѣроятности ея вѣрная Кенеди, съ ужасомъ слѣдитъ за впечатлѣніемъ которое произвелъ приговоръ на ея госпожу и королеву. Композиція картины очень удачна. Нѣкоторыя изъ лицъ присутствующихъ при чтеніи приговора (красивый лордъ въ красной одеждѣ) необыкновенно характерны и выразительны. Менѣе удовлетворительна фигура самой Маріи. Лицо ея, которое художникъ хотѣлъ сдѣлать блѣднымъ, отличается непріятнымъ колоритомъ и какими-то коричневыми полутонами, особенно около глазъ. Притомъ огромная накрахмаленная фреза, окружающая голову королевы, дѣлаетъ некрасивое бѣлое пятно въ самой срединѣ картины. Въ рисункѣ колѣнъ и руки есть нѣкоторыя погрѣшности, непростительныя для такого художника какъ Пилоти.

Трагическая судьба Маріи Стюартъ постоянно даетъ обиль-

Digitized by Google

ное содержаніе для множества картинъ. По картинамъ выставленнымъ на Мюнхенской выставкѣ можно прослѣдить всѣ замѣчательнѣйшіе моменты изъ исторіи этой очаровательной женщины и несчастной королевы. Наиболѣе удачны изъ этого цикла *Убійство Риччіо* Лудвеса, изъ Берлина, и особенно *Послѣднее прощаніе Маріи Стюартъ*, мангеймскаго художника Зихеля. Есть на выставкѣ нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи и другихъ представителей злополучной фамиліи Стюартовъ. Таковы: *Послѣднія минуты Карла I*, вѣнскаго живописца Деккера, и *Ночное бѣгство изъ Лондона королевы Элеоноры, жены послѣдняго Стюарта*, принадлежащее кисти Теобольда Оэра (Oer или Oehr). Судьба другой знаменитой королевы-мученицы, несчастной Маріи Антуанеты, тоже служитъ обильнымъ источникомъ вдохновенія для живописцевъ. *Разлученіе Маріи Антуанеты съ дофиномъ*, кенигсбергскаго профессора Піотровскаго, картина не безъ достоинствъ и по мысли, и по исполненію, но все портитъ совершенно неестественный, желтый колоритъ, неизбѣжный недостатокъ этого художника.

Выше мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ о вкусахъ и направленіи мюнхенскаго живописца Ганса Макарта. На выставкѣ есть одна только его картина или, правильнѣе эскизъ для декораціи залы. Содержаніе этого эскиза понять очень трудно: оно такъ же сбивчиво и неуловимо какъ и его *Чума во Флоренціи*, но обстоятельство что картина эта пріобрѣтена знаменитымъ Каульбахомъ, который велѣлъ поставить ее у себя въ мастерской, для того чтобы постоянно имѣть ее предъ глазами, заставило всѣхъ обратить на нее особенное вниманіе. Прежде всего слѣдуетъ сказать что картина Макарта отличается необыкновенно блестящимъ колоритомъ. Въ этомъ отношеніи врядъ ли найдется на выставкѣ другая картина, которая бы могла соперничать съ произведеніемъ Макарта. Но колоритъ, хотя и очень важенъ въ картинѣ, не составляетъ еще всего. Мы сказали уже что содержаніе картины сбивчиво; то же можно сказать и о композиціи. Картина, представляющая собою темно-коричневую панель стѣны во вкусѣ возрожденія, раздѣляется на три большихъ и нѣсколько меньшихъ отдѣленій, гдѣ, на золотомъ фонѣ, видны въ разныхъ положеніяхъ группы дѣтей и молодыхъ женщинъ, которыя, кружась въ хороводахъ, цѣлуются и обнимаются. На рельефно

Digitized by Google

обозначенномъ фризѣ стѣны и на консоляхъ видны разбросанные въ пестромъ безпорядкѣ цвѣты, фоліанты, астрономическіе инструменты и разные предметы дамскаго туалета. Какое отношеніе имѣютъ всѣ эти вещи къ талантливымъ женщинамъ, составляющимъ главный предметъ картины, это загадка, которую навѣрное не въ состояніи объяснить и самъ авторъ. Говорятъ что Makkартъ называетъ свою картину *Die modernen Amoretten*, но желательно было бы побольше дѣтскаго въ этихъ амурахъ и нѣсколько болѣе женской стыдливости въ этихъ женщинахъ, напоминающихъ собою бульварныхъ камелій. Впрочемъ красота колорита и миловидность женскихъ типовъ придаютъ произведенію Makkарта такую прелесть что глазъ съ трудомъ отрывается отъ этой роскошной и причудливой амальгамы красокъ.

Около трехъ названныхъ нами представителей мюнхенской школы, Вильгельма Каульбаха, Карла Пилоти и Ганса Makkарта, группируются всѣ остальные мюнхенскіе живописцы, посвятившіе себя исторической живописи. Изъ учениковъ Пилоти особенно выдается Максъ, составившій себѣ извѣстность написанною года два тому назадъ картиной: *Мученіе Св. Юліи*. Максъ еще очень молодой человѣкъ, родомъ изъ Праги. Онъ несомнѣнно имѣетъ большія дарованія, но ему сильно вредитъ не совсѣмъ безукоризненный рисунокъ, а также сѣроватый, холодный колоритъ. Изъ двухъ картинъ его, *Анатомъ* и *Монахиня*, послѣдняя особенно замѣчательна по новизнѣ идеи и по глубокому значенію. Содержаніе картины очень немногосложно. Подъ цвѣтущимъ деревомъ сидитъ, склонившаяся въ изнеможеніи, съ печатью безвыходнаго нравственнаго страданія на лицѣ, молодая хорошенькая монахиня. Контрастъ между всеобщимъ ликованіемъ весенней природы и печалью больнаго сердца, обрекшаго себя на медленную смерть въ стѣнахъ монастыря, едва ли когда-нибудь выраженъ былъ въ живописи съ такимъ чувствомъ и силой. Въ картинѣ этой особенно заслуживаетъ похвалы полнѣйшее отсутствіе всякаго ложнаго пафоса или болѣзненной сантиментальности и вмѣстѣ необыкновенная безпритязательность исполненія. Бѣдная монашенка возбуждаетъ къ себѣ симпатію не красотою лица, но единственно трагизмомъ своего положенія, своей неудачно сложившейся жизни. Кругомъ нея роскошный праздникъ весны: небо блеститъ свѣтлою лазурью, въ воздухѣ, напоенномъ запахомъ

Digitized by Google

цвѣтущей аблони, весело кружатся ласточки, все радуется и наслаждается жизнію. Для нея одной нѣтъ впереди ни весны, ни будущности. Высокія стѣны монастыря навсегда отдѣляли ее отъ свѣта и отъ всѣхъ его удовольствій. Она навсегда должна отказаться отъ человѣка котораго она любитъ, отъ сладкой надежды быть женой, матерью, однимъ словомъ, отъ всего чѣмъ красится жизнь женщины. Вотъ пара пестрыхъ бабочекъ весело вьется вокругъ нея, но онѣ не надолго посѣтили отшельницу, еще минута, и, рѣзво играя подъ теплымъ дыханіемъ весны, онѣ перелетятъ черезъ стѣну, и она опять останется одна наединѣ съ своимъ горемъ.... Слезы тихо катятся по щекамъ монахини. Мокрый платокъ въ лѣвой рукѣ показываетъ что она много и долго плакала. Вообще, какъ выраженіе сердечнаго страданія женщины, эта картина неподражаема.

Кромѣ картинъ Макса, на выставкѣ есть еще нѣсколько замѣчательныхъ картинъ мюнхенскихъ художниковъ; онѣ даютъ высокое понятіе о мюнхенской школѣ, въ которой хорошій колоритъ и правильный рисунокъ составляютъ наслѣдство завѣщанное Корнеліусомъ. Нельзя пропустить безъ вниманія картинъ Линденшмидта: *Ульрихъ фонъ-Гуттенъ*, и Бенкцура (Benczur): *Арестованіе Франца Рокоци*, а также двухъ прелестныхъ по нѣжному колориту и чистому, правильному рисунку картинъ Бейтмана: *Психея* и *Дѣвушка на утренней прогулкѣ*. Его Психея представляетъ собою полуобнаженную, молодую дѣвушку, которая, по цѣломудренной красотѣ рисунка, по дивной гармоніи формъ и по выраженію дѣтской невинности на идеально прекрасномъ лицѣ, смѣло можетъ быть причислена къ самымъ идеальнымъ созданіямъ новѣйшей живописи. Произведеніе Бейтмана пріобрѣтено австрійскою императрицей во время посѣщенія ею Мюнхенской выставки, — обстоятельство дѣлающее столько же чести картинѣ художника, сколько и прекрасному вкусу высокой покупательницы.

Мюнхенская школа съ гордостію можетъ указать еще на четыре превосходныя картины, писанныя одною сѣрою краской (en grisaille), профессора барона Рамберга, съ содержаніемъ заимствованнымъ изъ *Германа и Доротеи*, Гёте. Трудность этого сюжета, заключающаяся въ томъ что художнику предстояло, соотвѣтственно геніальному созданію великаго поэта, идеализовать и окружить поэтическимъ

Digitized by Google

ореоломъ простыхъ поселанъ, побѣжденъ талантливымъ художникомъ съ такою легкостію что о ней никто и не догадывается. Всѣ изображенныя имъ лица нисколько не измѣняютъ ни своему происхожденію, ни своей сельской обстановкѣ, его крестьяне вовсе не имѣютъ вида переодѣтыхъ графовъ, но тѣмъ не менѣе его картины проникнуты необыкновеннымъ благородствомъ и истинно поэтическою прелестью, вполнѣ достойною идеальныхъ образовъ созданныхъ фантазіей Гёте. Мы не говоримъ уже о совершенствахъ исполненія. Глядя на эти истинно мастерскія произведенія, совершенно забываешь что они писаны одною сѣрою краской, и кажется какъ будто видишь картины нѣжащія глазъ всѣми переливами теплаго прозрачнаго колорита.

Изъ историческихъ картинъ другихъ германскихъ школъ особенно привлекали вниманіе знатоковъ: *Сцена при дворѣ короля французскаго Генриха III*, веймарскаго художника Дёпплера (Döppler), замѣчательная по необыкновенно хорошо переданнымъ эффектамъ луннаго освѣщенія; *Фридрихъ Великій у гроба Шверина*, дюссельдорфскаго профессора Кампгаузена, и *Догареса*, вѣнскаго живописца Евгенія Блааса. Кампгаузенъ давно имѣетъ европейскую знаменитость. Онъ одинаково хорошъ и въ исторической, и въ батальной живописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходный портретистъ и отличный граверъ. Названная нами картина считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Особенно хороша въ ней полная глубокой задумчивости и размышленія фигура Фридриха. Кампгаузенъ съ особенною любовью занимается батальною живописью. Почти всѣ замѣчательные моменты Тридцатилѣтней войны нашли въ немъ своего историка-живописца. Въ настоящее время онъ преимущественно беретъ сюжеты для своихъ картинъ изъ послѣднихъ войнъ, создавшихъ могущество Пруссіи. На выставкѣ есть замѣчательная картина его, также изъ этого отдѣла его разнообразной художественной дѣятельности. Это *Встрѣча прусскаго наслѣдника принца и принца Фридриха-Карла въ сраженіи при Садовой*. Картина эта особенно щеголяетъ превосходнымъ расположеніемъ группъ, необыкновеннымъ оживленіемъ всей сцены и вѣрнымъ бойкимъ рисункомъ, что составляетъ, кажется, главную силу дюссельдорфскаго профессора. Нельзя не подивиться искусству Кампгаузена что онъ изъ такого, повидимому, незначительнаго сюжета, какъ встрѣча на полѣ

Digitized by Google

сраженія двухъ принцевъ, умѣлъ сдѣлать занимательную и оригинальную картину, которой придаетъ особенное значеніе выраженіе побѣды и торжества сіяющее на всѣхъ лицахъ.

Такъ какъ мы уже заговорили о батальной живописи, то упомянемъ здѣсь кстати о нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ баталистахъ, украсившихъ выставку своими произведеніями. Этотъ переходъ отъ исторической живописи къ батальной въ значительной степени облегченъ намъ произведеніями вѣнскаго профессора Карла Блааса (отца Евгенія Блааса), которыя составляютъ что-то среднее между тою и другою. Карлъ Блаасъ именно тѣмъ отличается отъ другихъ батальныхъ живописцевъ что онъ, съ рѣдкимъ искусствомъ, умѣетъ сосредоточить интересъ цѣлаго сраженія или осады крѣпости на двухъ, трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, отражающихъ на себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ перипетіи боя, который обыкновенно отнесенъ у К. Блааса на дальній планъ. На выставкѣ принадлежитъ Блаасу цѣлый рядъ небольшихъ картинъ (около двѣнадцати), съ содержаніемъ изъ военной исторіи Австріи. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ только эскизы для фресковъ написанныхъ имъ въ Вѣнѣ, въ императорскомъ дворцѣ и въ новомъ арсеналѣ. Строгая точность костюмовъ, вооруженія и всѣхъ мелочей обстановки придаетъ этимъ картинамъ историческое значеніе.* Затѣмъ лучшими батальными живописцами Германіи считаются Францъ Адамъ, Теодоръ Дицъ, изъ Карлсруэ, и берлинскій профессоръ Отто Гайденъ. Извѣстность Адама, какъ баталиста, на столько упрочена что достаточно будетъ сказать что лучшая изъ трехъ картинъ его на выставкѣ: *Пленные Піемонтцы въ 1848 году.* Дицъ выставилъ вѣ картины. Одна изъ нихъ называется *Походъ Бюхера въ Парижъ*, съ фигурами въ натуральную величину. Она полна необыкновенной энергіи и выраженія, которыя ясно свидѣтельствуютъ что художникъ всею душой истиннаго патріота принималъ участіе въ изображаемомъ событіи, и что не одна рука, но вмѣстѣ и сердце водили его кистью. Гораздо холоднѣе другая его картина, *Смотръ въ Карлсруэ*, представляющая длинные ряды выстроившихся на парадъ войскъ. Если вообще изображеніе битвы предоставляетъ для художника большія труд-

* Батальная живопись не составляетъ единственной спеціальности Карла Блааса; не менѣе извѣстенъ онъ и картинами религіознаго содержанія, отличающимися необыкновенною строгостію стиля.

Digitized by Google

ности, потому что движеніе колоннъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи, и ежеминутно мѣняющійся видъ боя, въ дыму и пыли, съ трудомъ поддаются кисти, то еще неблагодарнѣе картины парадовъ и смотровъ, гдѣ все вниманіе баталиста должно быть обращено на строгое равличіе мундировъ и на цвѣтъ воротниковъ и выпушекъ. Что можетъ быть привлекательнаго для художника въ изображеніи вытянутыхъ въ струнку длинныхъ рядовъ солдатъ, которые въ этомъ случаѣ дѣлаются не болѣе какъ незамѣтною частью одной огромной, сложной машины, считающейся тѣмъ совершеннѣе чѣмъ она однообразнѣе и чѣмъ менѣе выдѣляется въ ней личность каждаго отдѣльнаго лица. Только немногіе живописцы, какъ напримѣръ Кампгаузенъ и Карлъ Блаасъ, съ большимъ искусствомъ умѣютъ обходить эти трудности, сосредоточивая интересъ батальной картины на немногихъ извѣстныхъ личностяхъ. Этой манерѣ слѣдовалъ и Отто Гайденъ въ своей картинѣ *Прусскій король въ битвѣ при Кениггрецъ*, гдѣ вниманіе зрителя могущественно приковывается къ фигурѣ побѣдоноснаго короля, останавливающаго на мгновеніе свою лошадь, чтобы, подъ огнемъ непріятеля, отдать необходимыя приказанія. Картину эту можно назвать апотеозою Вильгельма I, который сдѣлался въ послѣднее время любимымъ героемъ баталистовъ.

Отдѣлъ религіозной нѣмецкой живописи очень бѣденъ хорошими произведеніями. Съ трудомъ можно насчитать пять-шесть картинъ, болѣе или менѣе соединяющихъ въ себѣ условія требуемыя отъ произведеній на религіозную тему. Но было бы несправедливо не замѣтить здѣсь что въ этомъ родѣ живописи, чуждомъ всякихъ эффектовъ и претензій, котораго главныя достоинства заключаются преимущественно въ тепломъ чувствѣ, въ глубинѣ содержанія и въ духовномъ выраженіи, Нѣмцы стоятъ все же несравненно выше Французовъ. Въ послѣдніе годы взглядъ нѣмецкихъ художниковъ на религіозные сюжеты даже значительно очистился и сдѣлался болѣе правильнымъ. Вліяніе Овербека, этого художника-апостола, проповѣдующаго что искусство само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, что главная цѣль его должна заключаться въ прославленіи нравственной красоты и въ поддержаніи католицизма, теперь пошатнулось. Время мистическихъ увлеченій такъ-называемыхъ новоназареянъ прошло; въ современной религіозной живописи почти не встрѣчается

Digitized by Google

больше тѣхъ иллюстрированныхъ диссертацій о религіи, какія писали Овербекъ, Корнеліусъ и другіе. Въ новѣйшихъ художникахъ видно стремленіе приблизиться къ великимъ идеалистамъ эпохи возрожденія не однимъ сочетаніемъ красокъ и поддѣлкой подъ ихъ наивныя концепціи, но тѣми существенными качествами которыя придаютъ ихъ произведеніямъ такое важное и никогда не преходящее значеніе.

Лучшими представителями германской религіозной живописи на выставкѣ можно назвать ученика Шадова, дюссельдорфскаго профессора Иттенбаха и франкфуртскаго профессора Штейнле (Steinle). *Святое семейство* Иттенбаха рѣзко выдѣляется между другими подобными сюжетами нѣжностію кисти и истинно идеальною красотой лицъ Мадонны и особенно Младенца. Теплота чувства и высокое духовное значеніе, которыми проникнуто это замѣчательное произведеніе, способны удовлетворить самого строгаго цѣнителя, но тѣмъ непріятнѣе видѣть въ этой картинѣ, написанной въ идеальномъ направленіи, Св. Іосифа съ топоромъ и пилою въ рукѣ, а Мадонну окруженною принадлежностями женскихъ работъ. Художнику какъ будто не достало смѣлости быть идеалистомъ до конца. Онъ, повидимому, считалъ возможнымъ соединить золотые вѣнцы вокругъ головъ и условныя, окаймленныя золотомъ, одежды Мадонны съ пилою, веретеномъ и какимъ-то трехъэтажнымъ домомъ вдали, очень напоминающимъ нынѣшнія постройки около Неаполя. Ошибочность этой мысли очевидна, и разладъ, происшедшій отъ этого смѣшенія двухъ противоположныхъ направленій въ стилѣ произведенія, очень вредитъ общему впечатлѣнію. Гораздо выдержаннѣе картина Штейнле, *Христосъ и его ученики*. Штейнле принадлежитъ къ даровитѣйшимъ послѣдователямъ Овербека. Онъ заимствовалъ отъ своего учителя чистый, благородный рисунокъ, идеальную красоту лицъ, умѣнье выражать кроткія, нѣжныя чувства: любовь, преданность и самоотверженіе, въ чемъ такой мастеръ Овербекъ, и умѣлъ предохранить себя отъ его мистицизма, отъ загадочности и утрированной наивности, составляющихъ слабыя стороны главы *новокатоликовъ*. Картина Штейнле, несмотря на какую-то простоту и безыскусственность композиціи, не совершенное отсутствіе блеска въ краскахъ, полна глубокаго значенія и производитъ на душу чуткаго зрителя могущественное, не скоро забываемое впечатлѣніе. Она изображаетъ

Digitized by Google

Іисуса, совершающаго одно изъ обычныхъ Его путешествій по Галилеѣ. Тихая, теплая южная ночь облегаетъ землю. Ярко свѣтятся звѣзды на небѣ. По узкой горной дорогѣ нельзя идти иначе какъ по два въ рядъ, и его неразлучная свита апостоловъ растянулась на значительномъ разстояніи. Спаситель шествуетъ почти посрединѣ. Прекрасное лицо Его сіяетъ вдохновеніемъ. Онъ говоритъ своимъ спутникамъ о любви къ ближнему, о своихъ будущихъ страданіяхъ, о вѣчномъ спасеніи. На лицахъ идущихъ впередъ и за нимъ учениковъ видно желаніе не проронить ни одного Его божественнаго слова. Въ этой картинѣ все скромно и безпритязательно, но есть какой-то ритмъ, какая-то чудная гармонія въ этихъ идущихъ тихимъ, задумчивымъ шагомъ мужахъ истины и добра. *Благословеніе дѣтей*, Генриха Гесса, написанная на золотомъ фонѣ, въ строго классическихъ преданіяхъ, съ почти симметрическимъ расположеніемъ фигуръ, сгруппированныхъ около стоящаго въ центрѣ Спасителя, хорошо по выраженію любви и благости на лицѣ Іисуса и кроткаго благоговѣнія отражающагося на лицахъ предстоящихъ; но дѣти, прибѣгающія за благословеніемъ, черезчуръ ужь не дѣтски серіозны и сосредоточены. Если къ названнымъ картинамъ присоединить еще *Мадонну съ Младенцемъ* мюнхенскаго профессора Шраудольфа, *Явленіе Іисуса Христа Маріи Магдалинѣ*—Плокгорста и *Pietà*—Грюнлера, то это будетъ едва ли не все наиболѣе замѣчательное, на что можно указать въ отдѣлѣ религіозной живописи.

XIV.

Самый богатый отдѣлъ у Нѣмцевъ составляетъ жанръ, въ которомъ германскія школы, и преимущественно дюссельдорфская, достигли въ послѣднее время изумительнаго совершенства. Число хорошихъ нѣмецкихъ жанристовъ и ихъ произведеній такъ велико на выставкѣ что положительно не представляется возможнымъ говорить обо всемъ что въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, а потому, волею-неволею, мы должны будемъ ограничиться только корифеями жанра. Самый геніальный изъ нихъ, безспорно, дюссельдорфскій художникъ Людвигъ Кнаусъ, родившійся въ Висбаденѣ, въ 1829 году. Природа щедро одарила его талантами.

Digitized by Google

Бездна тонкой наблюдательности, удивительная вѣрность характеристикъ, остроумное содержаніе, неистощимый юморъ и теплый, полный жизни колоритъ—таковы достоинства этого несравненнаго художника, составляющаго славу и гордость дюссельдорфской школы. По бойкости и граціи превосходнаго, правильнаго рисунка Кнаусъ не знаетъ себѣ равнаго. Къ этому присоединяется неподражаемое умѣнье расположить все въ картинѣ такъ что композиція съ перваго же взгляда дѣлается совершенно понятною и ясною и каждая фигура занимаетъ принадлежащее ей мѣсто. Нельзя сказать чтобы картины дюссельдорфскаго художника отличались особенною тщательностію отдѣлки, но мастерство его именно въ томъ и обнаруживается что на извѣстномъ разстояніи все кажется законченнымъ и выписаннымъ до изумительнаго совершенства. Долгое пребываніе въ Парижѣ отразилось не только въ привлекательномъ колоритѣ, но также и въ нѣкоторыхъ любимыхъ типахъ Кнауса, особенно въ прелестномъ женскомъ типѣ, какъ будто подмѣченномъ на югѣ Франціи. Начало европейской извѣстности Кнауса слѣдуетъ считать со времени появленія его знаменитой картины *Послѣ крестинъ*, распространенной по цѣлому свѣту въ безчисленныхъ гравюрахъ и фотографіяхъ. Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что она произвела эпоху въ жанрѣ, раздвинула его предѣлы, облагородила его и придала ему поэтическое, идеальное значеніе. Кнаусъ поэтъ въ душѣ. Въ каждой сценѣ которую онъ рисуетъ, какъ бы незначительна она ни была, видно неподдѣльное вдохновеніе; каждое его лицо, каждая фигура не просто рабскія копіи съ натуры, а живыя созданія ума и фантазіи художника. Онъ рѣдко останавливается на отдѣльныхъ личностяхъ, но постоянно стремится обобщить ихъ и возводить въ типы. Всѣ его жанры — это живыя страницы, прямо выхваченныя изъ жизни, но онѣ перенеслись на полотно не иначе какъ пройдя чрезъ всеочищающій анализъ мысли. На выставкѣ, не считая многочисленныхъ рисунковъ Кнауса, находится пять его картинъ — два портрета и три жанра. Первое мѣсто между послѣдними занимаетъ большая и довольно сложная композиція, подъ названіемъ: *Какъ поютъ старые, такъ щебечутъ и молодые* (*Wie die Alten sungen, so zwitschern die Jungen*). Для того чтобъ описать всѣ красоты этого замѣчательнаго произведенія, потребовалось бы написать цѣлый отдѣльный трактатъ,

Digitized by Google

Постараемся дать читателю хотя слабое понятіе о содержаніи картины, составляющей лучшій перлъ Мюнхенской выставки. На полянѣ краснваго сада, подъ звуки музыки, происходитъ какой-то большой обѣдъ. Длинный, богато сервированный, столъ на второмъ планѣ занятъ обѣдающими кавалерами и дамами, въ костюмахъ временъ Лудовика XV. Все это веселое общество кушаетъ, хохочетъ, любезничаетъ, ухаживаетъ. Вино льется рѣкою, весело текутъ рѣчи за столомъ, на всѣхъ лицахъ видно самое непринужденное удовольствіе. Ближе къ зрителю, на аванъ-сценѣ, другой столъ занятъ дѣтьми разныхъ возрастовъ, прелестными мальчиками и дѣвочками. Дѣти стараются не отстать въ весельи отъ большихъ и съ необыкновенною наивностію подражаютъ ихъ манерамъ и развязному обхожденію. За маленькимъ столомъ какъ въ зеркалѣ отражается все что происходитъ за большимъ; и все это искусно перемѣшивается безпрестанно прорывающимися чисто дѣтскими выходками капризовъ и шалостей. Комизмъ этихъ сценъ, обличающихъ замѣчательную мѣткость и наблюдательность, неподражаемъ. Вотъ одинъ мальчикъ важно встаетъ съ своего мѣста и требуетъ вниманія: онъ хочетъ говорить спичъ. Разумѣется, его никто не слушаетъ. Общество занято другимъ. Бойкіе мальчики, точно большіе, рьяно ухаживаютъ за своими милыми сосѣдками. Одна нѣжная парочка обращаетъ на себя вниманіе своимъ серіознымъ видомъ. Нѣжно обнявъ другъ друга, сидятъ подрастающіе мальчикъ и дѣвочка. Они, не шутя, наивно убѣждены что любви ихъ не будетъ конца. Недалеко отъ нихъ маленькій, рыженькій мальчикъ, будущій Ловеласъ, иначе смотритъ на дѣло. Онъ накинулся на свою сосѣдку и, несмотря на ея сопротивленіе, безъ церемоніи хочетъ расцѣловать ее. Но дѣвочка, кажется, только дѣлаетъ видъ что это ей непріятно. Лукавая улыбка играющая на ея хорошенькомъ личикѣ доказываетъ что ея негодованіе не надо принимать за чистую монету. Особенно хороша фигура довольно взрослой дѣвочки которая, съ полнымъ сознаніемъ важности своихъ обязанностей, кормитъ ложкою сидящее у нея на колѣняхъ дитя. И тутъ же рядомъ двое задорныхъ мальчишекъ готовыхъ подраться за пирожное и маленькая дѣвочка кушающая варенье руками. Нельзя выразить словами всю прелесть и грацію этого дѣтскаго кружка, гдѣ все такъ вѣрно и

Digitized by Google

дышетъ такою наивностью. Картину эту непремѣнно нужно видѣть для того чтобъ оцѣнить ее. Никогда Грезу не удавалось создавать такихъ чудныхъ головокъ дѣвочекъ, потому что Кнаусъ, при одинаковой прелести типовъ, при одинаково изящномъ вкусѣ, далеко превосходитъ знаменитаго французскаго художника мужественною силой колорита и правильностью рисунка. Двѣ другія картины Кнауса гораздо меньше по размѣрамъ и не такъ разнообразны по содержанію, но тоже очень хороши, каждая въ своемъ родѣ. Одна изображаетъ мальчика лѣтъ четырнадцати которому поручили няньчить маленькое дитя. Но изъ него вышла преплохая нянька: онъ такъ занялся яблокомъ, которое ѣстъ во весь ротъ, что бѣдное дитя, кричащее благимъ матомъ, того и гляди сползетъ съ его рукъ и свалится на полъ. Другая картина, несравненно выше предыдущей, называется *Пойманная мышь*. Несчастное маленькое животное попало въ мышеловку. Насторожа ушки, испуганными умненькими глазенками смотритъ оно на ребенка, сидящаго на рукахъ молодой красивой женщины. Мать наклоняетъ дитя къ стальной клѣткѣ чтобы показать ему „мышку“. Съ другой стороны стола мальчикъ побольше, вѣроятно старшій сынъ молодой женщины, взобравшись на столъ, со вниманіемъ разсматриваетъ куріознаго звѣрка. У ножки стола, жмуря отъ наслажденія глаза и тихо поводя хвостомъ, стоитъ кошка, ожидая своей добычи. Въ другой комнатѣ, въ раскрытую дверь, виденъ глава семейства—сапожникъ, точащій сапоги. Удивительный колоритъ и мастерское освѣщеніе дѣлаютъ изъ этой маленькой картины настоящее образцовое произведеніе. Нѣкоторые даже отдаютъ ему преимущество предъ *Обѣдомъ*, съ чѣмъ впрочемъ нельзя согласиться. Вообще Кнаусъ художникъ какихъ немного. Сколько у него вездѣ жизни, свѣжести! Какая безпритязательность въ композиціи! Нигдѣ ни малѣйшей натяжки, ни малѣйшаго поползновенія на неумѣстный эффектъ.

Изъ двухъ присланныхъ на выставку прекрасныхъ портретовъ Кнауса, лучшій изображаетъ г. Равенѣ, извѣстнаго любителя живописи и обладателя превосходной картинной галереи въ Берлинѣ (этому счастливцу принадлежатъ четырнадцать лучшихъ картинъ украшающихъ выставку, и въ томъ числѣ *Пойманная мышь*). О портретѣ Равенѣ можно сказать что художнику посчастливилось на этотъ разъ

Digitized by Google

схватить не только одне черты лица, но и передать въ нихъ весь характеръ, всю душу человѣка. Притомъ онъ умѣлъ сдѣлать изъ портрета цѣлую картину. Какъ видно, Кнаусъ задался мыслію изобразить въ лицѣ Равенѣ типъ страстнаго аматера и знатока живописи. Онъ представилъ Равене сидящимъ въ кожаномъ креслѣ, предъ столомъ, на которомъ виднѣется золотая рама картины. Любитель готовится приступить къ изученію стоящаго предъ нимъ произведенія. Онъ протираетъ очки чтобы лучше оцѣнить, при помощи ихъ, достоинства картины, но въ то время когда руки его машинально трутъ платкомъ стекла, глаза уже жадно впились въ картину и не могутъ оторваться отъ нея. Портретъ во весь ростъ, въ половину натуры. Фономъ служитъ дорогой гобленъ. Вся обстановка отдѣлана очень тщательно: не забытъ ни одинъ гвоздикъ кресла, и тѣмъ не менѣе лицо играетъ въ портретѣ главную роль, и видишь только его. Этимъ портретомъ Кнаусъ поставилъ себя въ число лучшихъ портретистовъ нашего времени.

Въ царствѣ жанра, непосредственно послѣ Кнауса, слѣдуетъ Вотье (Vautier), тоже дюссельдорфской школы. Ему принадлежатъ на выставкѣ двѣ превосходныя картины—*Собиратель древностей* и *Деревенскій танцовальный учитель*. Хотя Вотье, безъ сомнѣнія, далеко уступаетъ Кнаусу въ колоритѣ, а также въ красотѣ и граціи дѣтскихъ и женскихъ типовъ, но картины его точно также поражаютъ необыкновенною наблюдательностію и глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Притомъ онъ удивительно владѣетъ насмѣшкой, а тонкій, язвительный юморъ его порою переходитъ въ настоящую злую сатиру. Этотъ характеръ имѣетъ и его *Собиратель древностей*. Никогда ни одна манія не была осмѣяна въ живописи съ такимъ остроуміемъ, съ какимъ осмѣяна въ *Собирателѣ древностей* страсть къ скупанію разнаго стараго хлама, не имѣющаго другихъ достоинствъ кромѣ сомнительной древности. *Любитель* сидитъ въ скромной деревенской комнатѣ, окруженный добродушными крестьянами, съ изумленіемъ разсматривающими страннаго покупателя и предлагающими ему разныя никуда негодныя вещи. Хозяинъ дома, отличающійся хитрымъ выраженіемъ лица, уже успѣлъ дать ему въ руки какую-то уродливую куклу и разсыпается въ увѣреніяхъ о ея чуть не допотопной древности. Едва движущаяся отъ старости старуха, съ неподвиж-

Digitized by Google

ными, выцвѣтшими глазами, соблазненная желаніемъ выгодно сбыть никуда не нужныя вещи, открыла на чердакѣ цѣлый ворохъ разной дряни и теперь спускается съ лѣстницы съ нагруженнымъ фартукомъ и съ полными руками. Чего только нѣтъ у нея? И пробитый чайникъ, и изломанный зонтикъ, и разная битая посуда. Все это несется антикварію. Даже малютка, внукъ старушки, пришелъ предложить ему, не купитъ ли онъ его искалѣченной деревянной лошадки. Собиратель древностей весь погруженъ въ разсматриваніе предлагаемыхъ ему вещей. На столѣ около него заржавленная шпага и пара старинныхъ пистолетовъ. У ногъ валяются разрозненныя и изорванныя книги, какіе-то фоліанты, исковерканные шандалы. Изъ всѣхъ кармановъ чудака торчитъ разный старый хламъ. Вся сцена написана бойко, мастерски и отъ начала до конца, во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, дышетъ насмѣшкой. Въ *Танцовальномъ учителѣ* юморъ Вотье теряетъ свою рѣзкость и дѣлается несравненно добродушнѣе. Типъ стараго учителя, дающаго уроки танцовальнаго искусства молодымъ деревенскимъ дѣвушкамъ, написанъ съ мастерствомъ, показывающимъ великаго художника. Вмѣстѣ съ тѣмъ картинѣ этой придаетъ еще особенный интересъ чрезвычайно тонко намѣченное начало сердечнаго романа между двумя дѣйствующими лицами сцены. Чувство молодыхъ людей еще только въ зародышѣ, можетъ быть они сами еще не отдаютъ себѣ отчета въ немъ, но для зрителя ясно что тутъ дѣло идетъ не о простомъ волокитствѣ. Вообще Вотьѣ неподражаемъ въ выраженіи самыхъ тонкихъ оттѣнковъ чувства или мысли. Иногда, какъ бы играя съ трудностями, онъ беретъ одно какое-нибудь чувство, и въ цѣломъ рядѣ лицъ показываетъ различныя его степени, какъ варіаціи одной и той же темы. Владѣетъ рисункомъ Вотье какъ не многіе. Особенно хороши головы и руки его фигуръ. Аксессуары и разныя ткани изображаются имъ просто, безъ претензій на блескъ и яркость; но тѣмъ не менѣе съ замѣчательною правдивостію. Подобно тому какъ и у Кнауса, платье и мебель никогда не бросается у него въ глаза прежде лицъ, чѣмъ такъ часто страдаютъ нѣкоторые жанристы, какъ будто нарочно сочиняющіе цѣлыя картины только для того чтобы показать зрителю раззолоченный стулъ или шикарно написанное бархатное или атласное платье. Но несмотря на всѣ эти достоинства, Картины Вотье почти

Digitized by Google

никогда не производятъ на выставкахъ особеннаго эффекта, и объ нихъ никогда не кричатъ такъ, какъ кричатъ иногда объ иныхъ произведеніяхъ несравненно низшаго достоинства. Причиной этого капитальный недостатокъ картинъ Вотье—сухой и довольно безцвѣтный колоритъ. Это не то что Кнаусъ, картины котораго горятъ какъ самоцвѣтные камни.

Цѣлый рядъ талантливыхъ дюссельдорфскихъ художниковъ слѣдуетъ за двумя названными нами знаменитостями. Одни изъ нихъ больше приближаются къ Кнаусу, другіе къ Вотье, но есть въ числѣ ихъ и такіе, которые развились совершенно самостоятельно и независимо. Это особенно можно сказать о Лашѣ и о Салентинѣ. Двѣ картины Лаша: *День рожденія стараго школьнаго учителя* и *Деревенскій врачъ*, переносятъ насъ въ любимую среду этого художника, въ деревенскій бытъ зажиточнаго крестьянства. Здѣсь Лашъ чувствуетъ себя вполнѣ въ своей сферѣ. Скромные интересы крестьянъ, ихъ радость, ихъ горе, все это извѣстно художнику не по теоріи и не изъ книгъ, все это изучилъ онъ въ самой жизни, въ кругу низшаго класса своей родины, любовь къ которой выражается въ каждомъ штрихѣ его кисти. Третья картина Лаша, *Послѣдній другъ оставляетъ меня*, изображающая сцену ухаживанія слѣпаго старика за больнымъ, околѣвающимъ пуделемъ, послѣднимъ другомъ слѣпца, проникнута трогательнымъ чувствомъ, выраженнымъ сильно, но безъ натяжки и безъ ложной сантиментальности. Въ памяти зрителя надолго остается образъ этого слѣпаго старика, тихо сползающаго съ своей постели и, съ миской молока въ дрожащей рукѣ, ощупью отыскивающаго своего больнаго при смерти друга.... Глядя на прелестную и въ высшей степени изящную картину Салентина *Монастырская школа*, безъ сомнѣнія, никому не придетъ въ голову что этотъ художникъ, прежде чѣмъ посвятить себя живописи, почти въ продолженіи четырнадцати лѣтъ занимался кузнечнымъ и слесарнымъ мастерствомъ, имѣя дѣло съ раздувальнымъ мѣхомъ и молотомъ, а не съ кистью. Только уже на 28мъ году (въ 1850 г.) явился онъ изъ своего роднаго Цюльпиха въ Дюссельдорфъ чтобы серіозно приняться за живопись, бывшую его страстью съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Вскорѣ его блестящіе успѣхи въ Дюссельдорфѣ обратили на него всеобщее вниманіе, и теперь онъ, по справедливости, считается однимъ изъ лучшихъ представителей жанра.

Digitized by Google

Особенно славится онъ своими женскими и дѣтскими типами, нѣжными и граціозными, какъ лучшія созданія Альбано. Совершенную противоположность съ элегантнымъ Салентиномъ представляетъ другой, тоже очень даровитый дюссельдорфскій художникъ — Рудольфъ Іорданъ, имѣющій съ Салентинямъ только то общаго что, подобно ему, готовился сначала къ совершенно другому поприщу и узналъ свое призваніе только въ лѣта зрѣлой молодости. Онъ избралъ своею спеціальностію изображеніе суроваго быта рыбаковъ, лоцмановъ и вообще моряковъ французскаго и нидерландскаго сѣвернаго поморья. Ихъ простыя, честныя, загрубѣлыя отъ морскаго вѣтра лица, ихъ своеобразныя привычки и ухватки Іорданъ изучилъ до совершенства, и каждая картина его знакомитъ съ этимъ трудолюбивымъ, выносливымъ и привыкшимъ къ опасностямъ классомъ людей лучше чѣмъ иныя длинныя этнографическія описанія. Всѣ эти достоинства имѣетъ и новая его картина, *Пріютъ для старыхъ матросовъ*.

Произведеніе Карла Шлезингера (дюссельдорфской школы), *Неожиданная остановка при возвращеніи съ жатвы*, представляетъ большую, очень удачно расположенную композицію, особенно поражающую рѣзко сопоставленными противоположностями неожиданно встрѣтившихся лицомъ къ лицу: беззаботнаго веселія, съ одной стороны, и истиннаго, безутѣшнаго горя, съ другой. Первое олицетворяютъ собою шумно возвращающіеся съ жатвы крестьяне и крестьянки, съ бутылками и вѣнками въ рукахъ, со смѣхомъ и пѣснями на устахъ; представители втораго—священникъ, только что свершившій печальный обрядъ, и идущая возлѣ него горько плачущая дѣвушка, безъ сомнѣнія, потерявшая все что̀ было у нея самаго дорогаго на землѣ. Встрѣча происходитъ въ полѣ, около воротъ стараго кладбища. Художникъ показалъ много тонкой наблюдательности въ изображеніи разныхъ оттѣнковъ неожиданнаго дѣйствія, произведеннаго печальнымъ явленіемъ на разгулявшихся крестьянъ. Жизнь и смерть, радость и горе встрѣчаются на картинѣ такъ же просто, такъ же внезапно какъ и въ жизни, но передать эту встрѣчу такъ искусно въ живыхъ образахъ, заставить зрителя мгновенно перечувствовать различныя ощущенія вызванныя въ веселой толпѣ этимъ неожиданнымъ memento mori,—задача вполнѣ достойная художника-мыслителя. *

* Не надо смѣшивать Карла Шлезингера съ другимъ также очень

Digitized by Google

Христіанъ Бётхеръ (Böttcher), дюссельдорфской школы, можетъ быть названъ живописцемъ Рейна по преимуществу, по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ни одного его прекраснаго жанра, гдѣ бы дѣйствіе не происходило на берегахъ поэтической рѣки, столь любезной патріотическому сердцу Нѣмца. Онъ не измѣняетъ себѣ и въ двухъ послѣднихъ своихъ картинахъ: *Туристъ на Рейнѣ* и *На террасѣ*. Послѣдняя лучше выдержана и имѣетъ больше внутренняго содержанія. Она изображаетъ чету молодыхъ еще супруговъ, стоящихъ, рука въ руку, на балконѣ. Они любуются на открывающійся предъ ними прелестный видъ Рейна и на окрестныя горы, потопленныя въ золотыхъ лучахъ догорающаго солнца. Возлѣ нихъ малютка сынъ ихъ, съ мячомъ въ рукѣ. Сколько любви, сколько теплой вѣры въ будущее на лицахъ счастливой пары. Это прелестная идиллія, но идиллія не сладкая и приторная, а напротивъ полная здоровой и цвѣтущей жизни. Къ дюссельдорфской школѣ слѣдуетъ отнести и Кречмера, хотя, по своему положенію профессора Берлинской академіи, онъ скорѣе принадлежитъ Берлину. Онъ прислалъ на выставку одну только картину: *Въ церкви*. Въ манерѣ его живописи есть много общаго съ Вотье, и хотя онъ не можетъ соперничать съ этимъ послѣднимъ въ правильности и красотѣ рисунка, но за то обладаетъ сравнительно лучшимъ колоритомъ. Какъ почти всѣ Дюссельдорфцы, онъ особенно мастерски изображаетъ дѣтей и знаетъ ихъ привычки, манеры, капризы и шалости до тонкости. Есть цѣлый рядъ его картинъ, гдѣ дѣти играютъ главныя роли,—это едва ли не самыя симпатичныя его произведенія.

XV.

Берлинская школа жанристовъ знаменита почти не менѣе дюссельдорфской. И тутъ мы точно также встрѣчаемъ имена художниковъ давно пользующихся европейскою извѣстностію. Первое мѣсто между ними принадлежитъ знамени-

даровитымъ дюссельдорфскимъ жанристомъ, Феликсомъ Шлезингеромъ, изъ Гамбурга. Ему принадлежитъ на выставкѣ нѣсколько очень хорошихъ жанровъ. Кромѣ того, извѣстенъ еще жанристъ Генрихъ Шлезингеръ, изъ Франкфурта. Его картины носятъ на себѣ отпечатокъ французскаго вліянія.

Digitized by Google

тому профессору берлинской академіи Карлу Беккеру. * К. Беккеръ ищетъ вдохновенія не въ обыденной жизни, не въ современныхъ нравахъ, подобно большинству нѣмецкихъ жанристовъ, но преимущественно въ исторіи и произведеніяхъ великихъ германскихъ писателей. Особенною любовью его пользуется венеціянская исторія, а также жизнь и нравы Венеціи прошедшаго столѣтія, такъ что его называютъ даже творцомъ венеціянскаго жанра. Сюда относятся самыя капитальныя его произведенія: *Засѣданіе Дожа*, *Бравдо*, нѣсколько сценъ венеціянскаго карнавала, *Инквизиція*, *Карлъ V у Тиціана*, *Альбрехтъ Дюреръ у Тиціана*, *Ювелиръ и Сенаторъ*, и многія другія. Единственная на выставкѣ картина Беккера называется *Карлъ V у Фуггера*. Содержаніе ея заимствовано изъ разказа о пребываніи Карла V въ Аугсбургѣ, у банкира Фуггера, и именно извѣстный анекдотъ о томъ какъ тщеславный Фуггеръ, этотъ Ротшильдъ XVI столѣтія, въ присутствіи Карла, растопилъ каминъ, наполненный дровами палисандроваго и чернаго дерева, векселями и обязательствами императора. Излишне было бы распространяться о красотахъ этого образцоваго въ своемъ родѣ произведенія. Кому случалось видѣть картины К. Беккера, тотъ знаетъ мастерство его исполненія, его превосходный, щеголеватый рисунокъ и его блестящій, сочный колоритъ. Особенно удивляетъ Беккеръ искусствомъ композиціи и умѣньемъ расположить всѣ фигуры такъ что въ картинѣ нѣтъ ни замѣтной пустоты, ни излишняго накопленія. И потомъ что за простота во всемъ! Съ какою свободой, съ какою непринужденностію сидятъ, ходятъ, кланяются, разговариваютъ дѣйствующія лица его всегда полныхъ заманчиваго интереса композицій! Картина о которой идетъ рѣчь соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства свойственныя берлинскому художнику, но нигдѣ не приходилось намъ встрѣчать его такимъ элегантнымъ и изящнымъ, особенно въ женскихъ фигурахъ

* Есть нѣсколько художниковъ носящихъ эту фамилію. Такъ между жанристами очень извѣстны еще два Беккера: Яковъ Беккеръ, дюссельдорфской школы, въ настоящее время профессоръ во Франкфуртѣ, и Беккеръ который обыкновенно подписывается на картинахъ: Q. Becker. Послѣдній выставилъ двѣ недурныя вещи: *На порогѣ* и *Въ деревнѣ*. Кромѣ того, замѣчательны пейзажисты Августъ Беккеръ и умершій въ прошломъ году Людвигъ Беккеръ, ученики Ширмера.

Digitized by Google

Что̀ за удивительная красавица эта бѣлокурая молодая женщина (вѣроятно, дочь Фуггера), въ вышитомъ зо́лотомъ бархатномъ, красномъ платьѣ, которая съ такою любезностію угощаетъ императора!

Очень напоминаетъ К. Беккера по манерѣ и по сюжету прекрасная картина берлинскаго художника Трейдлера: *Эккгардъ читающій герцогинѣ Швабской Виргилія*. Особенно хороши по экспрессіи герцогиня и сидящая возлѣ нея женщина въ черномъ платьѣ. Видно что не одно вниманіе къ звучнымъ стихамъ поэта заставляетъ эту послѣднюю такъ выразительно смотрѣть на молодаго интереснаго чтеца: въ глазахъ ея не трудно прочита̀ть выраженіе теплаго чувства, готоваго перейти въ пылкую страсть и въ обожаніе. На выставкѣ нѣтъ картинъ извѣстнаго берлинскаго живописца идиллической жизни Германіи и преимущественно Гарца и Тюрингіи, Фридриха Эдуарда Мейергейма, но за то сынъ его, Павелъ Мейергеймъ, давно уже успѣвшій превзойти отца, выставилъ два замѣчательно хорошіе жанра. На обоихъ главныя дѣйствующія лица — дѣти. Картина, названная въ каталогѣ *Воспитанницы пріюта*, представляетъ ярмарку въ какомъ-то небольшомъ городкѣ. На первомъ планѣ виденъ букинистъ, съ разложеннымъ возлѣ него на столѣ товаромъ: книги разныхъ видовъ и форматовъ, старыя и новыя, съ картинками и безъ картинокъ, грудами разбросаны также около стола и возлѣ открытаго сундука, заваленнаго тѣмъ же. Заманчивый товаръ не замедлилъ привлечь къ букенисту покупателей. Солидный господинъ, въ черной шляпѣ, очевидно страстный библіофилъ, осторожно и съ большимъ вниманіемъ разсматриваетъ какую-то книгу въ старинномъ переплетѣ, съ краснымъ обрѣзомъ. Можетъ-быть, онъ случайно нашелъ рѣдкій экземпляръ, который давно отыскивалъ. По лицу его видно что онъ не будетъ торговаться и только желаетъ убѣдиться хорошо ли сохранилась книга, всѣ ли страницы. Такой покупатель находка для букиниста. Букинистъ видитъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и исключительно занятъ только господиномъ въ черной шляпѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на двухъ скромныхъ воспитанницъ пріюта, съ жадностію и любопытствомъ разсматривающихъ разложенныя на выставкѣ картинки. Букинистъ и покупатель—два превосходно схваченные типа, написанные бойко и съ замѣчательною вѣрностію всѣхъ малѣйшихъ

Digitized by Google

подробностей ихъ характера и привычекъ. Очень хорошъ также выпачканный мѣдникъ, съ котломъ на головѣ, остановившійся поглазѣть на книги и на публику. Менѣе удачны стоящіе на заднемъ планѣ разговаривающіе крестьяне. Манера Павла Мейергейма не имѣетъ ничего общаго съ манерой его отца: у того необыкновенная тщательность отдѣлки, гладкость лисировки, доходящая до того что нигдѣ, даже на самомъ близкомъ разстояніи, нельзя видѣть мазковъ кисти,— все сглажено и слито самою нѣжною тушевкой; у Павла Мейергейма, напротивъ, кисть свободная и размашистая, нерѣдко эскизность и недоконченность въ исполненіи. Произведенія берлинскихъ художниковъ Боркмана и Амберга носятъ на себѣ замѣтные слѣды французской школы, но надо имъ отдать справедливость что они далеко превосходятъ французскихъ жанристовъ содержаніемъ своихъ картинъ и стремленіемъ произвести впечатлѣніе на зрителя не однимъ только ловкимъ исполненіемъ сшитыхъ по послѣдней модѣ шелковыхъ и бархатныхъ платьевъ. Картина перваго, одна изъ лучшихъ какія ему удавалось написать, представляетъ намъ одну изъ довольно обыкновенныхъ, но тѣмъ не менѣе очень симпатичныхъ сценъ семейной жизни: молодая мать учитъ старшаго сына читать, между тѣмъ какъ маленькая дочь ея, пользуясь свободой своего возраста, играетъ на полу въ лошадки. Что̀ можетъ быть проще этой сцены? Кому не случалось видѣть ее сотни разъ? но художникъ умѣлъ придать ей удивительную поэтическую прелесть, и она вся проникнута тишиной и миромъ счастливаго семейнаго быта. Еще заманчивѣе содержаніе картины Амберга, подъ названіемъ: *Сердечный вопросъ*. Молодой человѣкъ на утреннемъ гуляньи въ саду, воспользовавшись удобною минутой tête-à-tête съ дѣвушкой которую онъ любитъ, дѣлаетъ ей признаніе, и съ замирающимъ сердцемъ ждетъ ея отвѣта. Отъ этой картины такъ и вѣетъ искренностію молодаго, свѣжаго чувства.

Мюнхенская школа, почти исключительно занятая историческою и монументальною живописью, только въ самое недавнее время проявила стремленіе къ жанру, и, несмотря на то, считаетъ уже у себя нѣсколько очень замѣчательныхъ жанристовъ. Довольно назвать Зейца, получившаго наименованіе нѣмецкаго Мессонье, Дефрегера (*Сцена изъ жизни Шпекбахера*), Эберле, Грюцнера, почти исключительно посвятившаго себя

Digitized by Google

изображенію разныхъ сценъ изъ жизни монаховъ, Гано Ромберга (умеръ въ іюлѣ этого года) Фердинанда Мейера, Шпицвега и другихъ. Шпицвегъ принадлежитъ къ числу особенно популярныхъ въ Баваріи художниковъ. Причину этой популярности надо искать въ томъ что онъ въ своихъ произведеніяхъ всегда Нѣмецъ до послѣдняго штриха кисти и всегда отличается необыкновенно веселымъ юморомъ, вызывающимъ невольную улыбку даже у человѣка вовсе нерасположеннаго смѣяться. Содержаніе его маленькихъ картинъ иногда очень комично, но порою переходитъ въ шаржъ и въ карикатуру. Необыкновенно смѣшна его картина на выставкѣ, изображающая толстаго бургомистра маленькаго городка въ полномъ сознаніи своего величія, подъ ручку со своею дородною супругой, гуляющаго мимо гауптвахты, единственно только для того чтобы видѣть какъ солдатъ дѣлаетъ ему салютъ. Другая картина представляетъ затруднительное положеніе молодой дѣвушки, видящей что назначенное для нея любовное посланіе, которое осторожно спускаетъ на шнурочкѣ со втораго этажа влюбленный въ нее студентъ, попадаетъ прямо въ руки разгнѣванной старухитетки. Обѣ эти картины только мастерскою обработкой и вѣрно схваченными характерами главныхъ дѣйствующихъ лицъ отличаются отъ обыкновенныхъ карикатуръ, украшающихъ страницы нѣкоторыхъ юмористическихъ журналовъ. Вѣнцы въ жанрѣ далеко отстали отъ другихъ нѣмецкихъ школъ, тѣмъ не менѣе и у нихъ есть нѣсколько даровитыхъ художниковъ въ этомъ родѣ. Таковы въ особенности Фридлендеръ, Шенъ, Эбертъ, Эндеръ и пр. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ штуттартскихъ жанристахъ, украсившихъ выставку своими образцовыми произведеніями, Рустиге и Линдерѣ. Особенно хороша картина послѣдняго, *Семейная сцена*, принадлежащая королевѣ Виртембергской.

XVI.

Портретная живопись стоитъ въ Германіи на очень высокой степени, и тѣ очень ошиблись кто думалъ что этотъ родъ живописи долженъ пасть съ развитіемъ фотографіи, не будучи въ состояніи соперничать съ быстрымъ и дешевымъ механическимъ производствомъ, въ которомъ солнце замѣ-

Digitized by Google

нило художника, а свѣтъ — краски. Напротивъ, можно даже сказать что фотографія оказала портретной живописи существенную услугу, заставивъ художниковъ обратить особенное вниманіе на тѣ стороны портретной живописи которыя составляютъ главное отличіе и преимущество ея предъ фотографіей, именно на передачу характера и духовной стороны человѣческой физіогноміи, а также на благоразумное идеализованіе личности. Фотографія передаетъ черты лица, живопись должна передавать душу человѣка. Талантливый портретистъ не ограничивается наружнымъ сходствомъ, онъ старается передать игру жизни на лицѣ, и въ чуть замѣтной улыбкѣ, въ выраженіи глазъ, въ поворотѣ головы изобразить человѣка вполнѣ, то-есть не только тѣлесную, но и нравственную его физіономію. Этого никогда не достигнетъ фотографія, потому что тутъ мало одного техническаго мастерства, но почти въ одинаковой мѣрѣ нужны наблюдательность, умъ и соображеніе. Притомъ фотографія съ математическою точностію, не опуская ни одного пятнышка, ни одного прыщика, рисуетъ лицо человѣка точно такимъ какова оно было въ минуту когда онъ находился предъ станкомъ. Задача художника, напротивъ того, опустить все случайное и временное и изобразить лицо такимъ, какимъ оно бываетъ при наилучшихъ условіяхъ освѣщенія и въ минуту, когда, подъ вліяніемъ свѣтлой мысли или пріятнаго впечатлѣнія, оно все какъ будто преображается и дѣлается красивѣе и благороднѣе. Это называется идеализовать лицо, и въ этомъ заключается существенное право портретной живописи и огромное преимущество ея предъ фотографіей. Лучшіе портреты нѣмецкаго отдѣла присланы изъ Берлина. Въ этомъ отношеніи Берлинцы рѣшительно первенствуютъ. Особенно хороши три портрета профессора Отто Гейдена: генераловъ Мольтке и Штейметца и графа Бисмарка. Всѣ эти три современныя прусскія знаменитости стоятъ предъ зрителемъ какъ живые. Впрочемъ, портретъ графа Бисмарка менѣе удаченъ чѣмъ два другіе. Въ лицѣ знаменитаго государственнаго мужа отражается какая-то усталость и даже апатичность, вовсе не соотвѣтствующія его извѣстной энергіи и неутомимости. Напрасно также художникъ подложилъ подъ руку Бисмарка договоръ окончившій послѣднюю войну, и заставилъ графа указывать пальцемъ на тотъ параграфъ договора, которымъ Австрія объявляется

Digitized by Google

исключенною изъ членовъ Германскаго Союза. Этотъ неумѣстный аксессуаръ сообщаетъ портрету вовсе не идущій къ дѣлу тенденціозный характеръ и придаетъ ему видъ не то злой шутки, не то демонстраціи. Еще гораздо выше Гейденовскихъ портретовъ портретъ работы Рихтера, тоже берлинскаго профессора, изображающій, во весь ростъ и въ натуральную величину, недавно умершаго во цвѣтѣ лѣтъ талантливаго пейзажиста Эдуарда Гильдебранда. Кто только видѣлъ и зналъ покойнаго, тотъ не можетъ не подивиться необыкновенному искусству съ какимъ умѣлъ художникъ передать на полотно не только прекрасныя, выразительныя черты лица его, но также его умный взглядъ, въ которомъ видна вся душа его, и его манеру держать себя. Между мюнхенскими портретистами особенно обращаютъ на себя вниманіе Корренсъ и Ленбахъ. О послѣднемъ можно сказать что у него чисто реальная правдивость въ передачѣ натуры чуднымъ образомъ соединяется и идетъ рука объ руку съ идеальнымъ воспроизведеніемъ нравственной физіогноміи человѣка. Посѣщавшіе галлерею барона Шакка знаютъ какого совершенства достигаетъ Ленбахъ въ своихъ удивительныхъ копіяхъ съ Рубенса, Вандика, Тиціана, Рембрандта, Мурильйо и другихъ знаменитыхъ мастеровъ разныхъ школъ. Изучивъ въ совершенствѣ и перепробовавъ съ легкостію, обличающею огромный талантъ, разнообразныя манеры многихъ первоклассныхъ художниковъ, онъ наконецъ выработалъ свою собственную оригинальную манеру въ портретной живописи, что-то среднее между Вандикомъ и Рембрандтомъ. Отъ одного онъ заимствовалъ изящество письма, умѣніе передавать игру физіогноміи и эти живые, прямо въ душу смотрящіе глаза; отъ другаго необыкновенное мастерство въ распредѣленіи свѣта и искусство достигать поразительныхъ эффектовъ самыми простыми, повидимому, средствами. Къ сожалѣнію, портретамъ Ленбаха вредитъ нѣсколько условный колоритъ и постоянное стремленіе художника придавать своимъ произведеніямъ видъ древности, что̀ гораздо благоразумнѣе было бы предоставить времени. Лучшіе женскіе портреты принадлежатъ Оскару Бегасу, изъ Берлина, Бауерле, изъ Штуттарта, Канону, изъ Вѣны (портретъ во весь ростъ дамы въ черномъ бархатномъ платьѣ), Амерлингу, изъ Вѣны же (*Лили*), Румфу, изъ Франкфурта, и Корренсу.

Digitized by Google

Послѣдній пользуется особенною любовью мюнхенской аристократіи.

Превосходныхъ пейзажистовъ такъ много въ нѣмецкомъ отдѣлѣ Мюнхенской выставки что мы положительно въ затрудненіи кого назвать. Вообще пейзажъ достигъ въ послѣднее время высокой степени совершенства, и притомъ особенно у Нѣмцевъ. Нѣмецкіе художники, не уступая французскимъ въ мастерствѣ техники, въ способности съ поразительною вѣрностію передать на полотно то что̀ видитъ глазъ, далеко однакоже превосходятъ ихъ въ сочувствіи къ природѣ и въ поэтическомъ пониманіи ея, а также въ умѣньи скомпоновать пейзажъ такъ что онъ перестаетъ быть простымъ этюдомъ съ натуры и дѣлается полною художественною картиной. Какъ на лучшій образцикъ новѣйшаго пейзажа, въ которомъ удивительная техника идетъ рядомъ съ вѣрною и полною поэтическаго чувства передачей природы, можно указать на одинъ пейзажъ Андрея Ахенбаха, изображающій какую-то прибрежную деревеньку надъ которою собирается дождь. Безъ сомнѣнія, прелесть этой картины составляетъ не одно только искусство съ какимъ написаны небо, зданія, вода, не эффекты освѣщенія и удивительные переходы отъ свѣта къ тѣни: есть что-то болѣе неуловимое что̀ влечетъ къ этому пейзажу и надолго останавливаетъ предъ нимъ цѣлыя толпы зрителей. На западѣ солнце свѣтитъ еще въ полномъ блескѣ: оно золотитъ своими лучами шпиль деревенской церкви и часть стоящихъ на берегу домиковъ; золотою полосой протянулось оно по рѣкѣ. А кругомъ горизонтъ темнѣетъ, темносинія тучи сплошною массой медленно облегаютъ небо. Будетъ большой дождь. Въ воздухѣ какъ будто чувствуется его освѣжающее приближеніе.... Видъ этой деревни, эти благодатныя нивы покрытыя золотистымъ колосомъ, эта присмирѣвшая окрестность, жаждущая дождя, обаятельно дѣйствуютъ на душу и пробуждаютъ въ ней цѣлый рой давно переиспытанныхъ и давно забытыхъ ощущеній. Изъ Берлина тоже есть на выставкѣ прекрасныя вещи. Особенно неподражаемо хорошо *Болото* Макса Шмидта. Мюнхенская школа можетъ гордиться цѣлымъ рядомъ отличныхъ пейзажистовъ, каковы Юлій Лангъ, Гейнлейнъ, Стефанъ, Цвангауеръ (неподражаемъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ эффектахъ захожденія солнца), Лиръ (Lier), Штадеманъ (преимущественно пишетъ зимніе пейзажи), но

Digitized by Google

едва ли не выше всѣхъ ихъ профессоръ Шлейхъ, умѣвшій въ большой своей картинѣ, *Окрестности Мюнхена*, придать поэтическую прелесть даже однообразнымъ и монотоннымъ берегамъ Изара. Даже Вѣна, нѣсколько поотставшая отъ Дюссельдорфа, Мюнхена и Берлина въ жанрѣ и въ исторической живописи, съ честью выдерживаетъ съ ними соперничество въ области пейзажа. Достаточно привести имена Швенингера, Августа Шеффера, А. Циммерманна, Гловачека, Бруннера и другихъ. Въ числѣ выставленныхъ этими художниками пейзажей первое мѣсто принадлежитъ *Осеннему ландшафту* Августа Шеффера. Хорошіе пейзажи получены также изъ Штутгарта, отъ Камеке и Гуммеля.

Въ отдѣлѣ живописи животныхъ особо замѣчательны вещи Торена (Thoren), изъ Вѣны, и Фридриха Фольца, изъ Мюнхена. Первый въ своей *Сворѣ гончихъ* почти не уступаетъ Тройону.

Оканчивая обозрѣніе живописнаго отдѣла Мюнхенской выставки, мы можемъ теперь вернуться къ вопросу поставленному нами въ началѣ статьи, кому же принадлежитъ на выставкѣ пальма первенства въ этомъ блестящемъ состязаніи Французовъ и Нѣмцевъ? Разрѣшеніе этого вопроса не можетъ быть сомнительнымъ: будемъ ли мы сравнивать произведенія исторической живописи, или пейзажъ, портретную живопись, или жанръ,—вездѣ и всегда, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, преимущество оказывается на сторонѣ Нѣмцевъ. Живопись животныхъ составляетъ единственный отдѣлъ въ которомъ Французы, благодаря Тройону, Брасскасса и другимъ, не знаютъ себѣ равныхъ. Переходя отъ частностей къ общему заключенію, можно сказать что, несмотря на неоспоримое превосходство колорита и на удивительную виртузность исполненія, французская школа далеко уступаетъ нѣмецкимъ и въ болѣе серіозномъ отношеніи къ искусству, и въ глубинѣ содержанія, и въ поэтическомъ пониманіи природы. Если еще сохранилось гдѣ-нибудь въ наше время идеальное воззрѣніе на цѣль и назначеніе искусства, если забота о совершенствѣ техники еще не вполнѣ вытѣснила съ картинъ мысль и содержаніе, то этимъ искусство преимущественно обязано здравому направленію господствующему въ нѣмецкихъ школахъ. Искусство переживаетъ переходную эпоху. Оно ждетъ генія, который бы вдохнулъ въ

Digitized by Google

него новую жизнь и указалъ ему новый путь. Но несомнѣнно что вторичное возрожденіе искусства должно совершиться скорѣе въ Германіи чѣмъ во Франціи. Въ нѣмецкихъ школахъ есть богатые задатки для лучшаго будущаго. Нѣмцы давно уже извѣстны въ живописи какъ художники мысли по преимуществу. Но въ своихъ поэтическихъ и, порою, очень глубокихъ произведеніяхъ они слишкомъ увлекались духовною стороной содержанія, въ явный ущербъ жизненности и вѣрности натурѣ. Они очевидно неглижировали способами исполненія, колоритъ ихъ былъ тусклъ и блѣденъ, фигуры напоминали манекеновъ, всѣ аксессуары передавались съ умышленною небрежностію, какъ бы для того чтобы не отвлекать зрителя отъ главной идеи сочиненія. Притомъ, грѣша избыткомъ воображенія, увлекаясь мыслію, нѣмецкіе художники подъ часъ забывали истинные предѣлы живописи, они хотѣли философствовать кистью, и ихъ картины нерѣдко похожи были на ученыя диссертаціи, совершенно непонятныя для непосвященныхъ. Явился новый родъ живописи, живописи, если можно такъ выразиться, разсуждающей, резонирующей. Но въ послѣднее время передовые люди нѣмецкаго искусства поняли чего не достаетъ имъ, отказались отъ этого односторонняго, несвойственнаго живописи направленія, стали больше изучать природу, заботиться о колоритѣ и о мастерствѣ исполненія. Результатъ этихъ новыхъ вѣяній оказывается очень утѣшительнымъ. Нѣмецкая живопись отъ сближенія съ природой окрѣпла и поняла свои силы. Форма мало-по-малу начинаетъ приходить въ соотвѣтствіе съ содержаніемъ. Какъ наблюдатели и истолкователи движеній мысли и сердца, нѣмецкіе художники неподражаемы. Они неизмѣримо выше Французовъ въ способности схватить и вѣрно перенести на полотно характеристическія черты лица, выразить кистью духовный міръ человѣка, возвести отдѣльную личность въ общій типъ. Они владѣютъ тайной передавать въ живописи самые тонкіе оттѣнки мысли, самыя трудноуловимыя видоизмѣненія чувствъ, — въ этомъ отношеніи, и единственно въ этомъ, новѣйшіе художники превосходятъ даже величайшихъ живописцевъ XVI и XVII столѣтій.

А. МАТУШИНСКІЙ.

Digitized by Google

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

ГЛАВА VII.

Привитіе оспы Екатеринѣ II. — Собственноручныя ея записки барону Черкасову о ходѣ болѣзни, дневникъ Димсдаля и камеръ-фурьерскій журналъ. — Ея выздоровленіе и переписка съ Вольтеромъ.—Москва подаетъ примѣръ благодарственнаго адреса.

„Что одна мать можетъ сдѣлать для своего обожаемаго младенца, то Екатерина сдѣлала для своихъ подданныхъ: она привила себѣ оспу!“

Карамзинъ.

Оспа привита была Екатеринѣ II, по настойчивому ея требованію, послѣ почти двухмѣсячныхъ опытовъ и промедленій со стороны Димсдаля, который, какъ и всѣ его современники, вѣроятно считалъ опаснымъ привитіе оспеннаго яда въ зрѣлые годы.

Въ письмѣ его къ барону Черкасову отъ 27го сентября (приведенному нами въ предыдущей главѣ), слова: главное предположеніе (principal dessein), условленный нами планъ (notre plan concerté) и походъ (l'expédition), были намеки на содержавшееся въ секретѣ намѣреніе привить оспу императрицѣ.

Вотъ какъ онъ передаетъ это событіе въ своихъ запискахъ:

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

Digitized by Google

„*Чрезъ посредство барона Черкасова, все было заранѣе условлено и устроено,* по волѣ императрицы, и въ 9 часовъ вечера, по предварительному соглашенію, явился въ Вольфовскій домъ нарочный съ приказаніемъ пріѣхать и *привесть съ собой больнаго отъ котораго можно было бы взять матерію для привитія оспы.* О настоящей причинѣ, почему было дано это приказаніе, *никто ничего не зналъ,* кромѣ меня и моего сына, и мы показывали видъ что такъ какъ и другіе удивляемся этому приказанію, но тѣмъ не менѣе немедленно приступили къ тому чего отъ насъ хотѣли. Ребенокъ котораго я выбралъ для этого, какъ наиболѣе способнаго, *на которомъ оспа начала уже показываться,* въ то время спалъ. Мой сынъ *взялъ его на руки, закуталъ въ шубу и снесъ въ карету.* Въ ней, кромѣ насъ, никого не было; насъ подвезли къ большому подъѣзду дворца, къ тому который ближе къ Милліонной.* Мы вошли *потаенными ходомъ, гдѣ баронъ Черкасовъ насъ встрѣтилъ и провелъ къ императрицѣ.* Привитіе оспы совершилось скоро, *безъ малѣйшихъ признаковъ смущенія со стороны Екатерины II.*** Послѣ сего мой сынъ отправился съ ребенкомъ *въ Вольфовскій домъ.*“ ***

Какъ мы уже прежде замѣтили, достопамятный день привитія не обозначенъ въ запискѣ Димсдаля; въ ней только глухо сказано что *о времени и мѣстѣ* когда была привита оспа Екатеринѣ II *уже извѣстно,* и что всѣ главныя подробности о ходѣ ея болѣзни изложены *въ другомъ мѣстѣ* (стр. 310 и 312).

---

* Комендантскій подъѣздъ, ближайшій къ комнатамъ съ крытымъ балкономъ (фонарикомъ), окнами на Дворцовую площадь. Тамъ жила Екатерина II, и часть этихъ покоевъ, за Александровскою залой, теперь занимаютъ Августѣйшія Дѣти Его Величества.

** Этотъ послѣдній періодъ, не находящійся въ записочкѣ, мы сочли умѣстнымъ прибавить сюда, позаимствовавъ его, также со словъ Димсдаля, изъ его книги: *Нынѣшній способъ прививать оспу,* стр. 233 и 234.

*** Какъ это обстоятельство, такъ и все выше сего напечатанное курсивомъ о ребенкѣ, заслуживаетъ сравненія со сказаннымъ въ концѣ предыдущей главы объ Александрѣ Даниловѣ Марковѣ (Оспенномъ). Въ сочиненіи *Russische Günstlinge,* на стр. 283, сказано будто Оспенный (Wospanoy) или *Pockner,* отъ слова Pocken (оспа), умершій пажемъ, былъ побочный сынъ князя Г. Г. Орлова и получилъ эту фамилію потому что отъ него взята была оспа для великаго князя Павла Петровича. Все это совершенно несогласно съ показаніемъ Димсдаля: оспу предполагалось взять для цесаревича у императрицы, но взята была она у младшаго сына г. Брискорна.

Digitized by Google

Но она сама писала Вольтеру, желая отвѣчать на его письмо *такимъ полезнымъ для человѣчества поступкомъ который могъ бы ему понравиться:* „Димсдаль привилъ мнѣ оспу *12го октября.*“ *

Другое же мѣсто, о которомъ упоминаетъ Димсдаль, есть его книга: *Нынѣшній способъ* и пр. Тамъ дѣйствительно видно что оспа привита императрицѣ 12-го октября, въ 10мъ часу вечера.

Наконецъ въ запискѣ его читаемъ: „Эту ночь провелъ я въ нашей квартирѣ, на Милліонной, *а на другой день меня отвезли въ Царское Село.*“

13го октября государыня сама туда отправилась. Вотъ почему его туда отвезли, или, какъ онъ говоритъ въ своей книгѣ (стр. 235): „Я, по высочайшему повелѣнію, туда поѣхалъ *въ тотъ же день.*“

Итакъ оспа привита была Екатеринѣ II *въ С.-Петербургѣ,*

---

* *Oeuvres compétes de Voltaire,* Paris, 1822; tome 58. Письмо изъ С.-Петербурга отъ 6го (17го) декабря 1768 г. Подлинныя письма Вольтера къ Екатеринѣ II, вѣроятно, находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, откуда недавно передана въ Публичную Библіотеку купленная этою государынею библіотека Вольтера. Вотъ буквальный переводъ этого письма: „М. г.! Полагаю что вы меня считаете нѣсколько непослѣдовательною. Я васъ просила, съ годъ тому назадъ, прислать мнѣ все что когда-либо написано авторомъ, сочиненія которато я предпочитаю всѣмъ другимъ; я получила еще въ прошломъ мѣсяцѣ желанную посылку, вмѣстѣ съ бюстомъ самаго знаменитаго мужа нашего вѣка. Обѣ присылки меня одинаково обрадовали; онѣ составляютъ уже шесть мѣсяцевъ лучшее украшеніе моихъ комнатъ и занимаютъ меня ежедневно; но до сихъ поръ я васъ не увѣдомила о полученіи и не благодарила. Вотъ какъ я разсуждала: клочекъ бумаги исписанный дурнымъ шрифтомъ на плохомъ французскомъ языкѣ былъ бы для такого человѣка пустою благодарностью; его надо благодарить такимъ поступкомъ который бы могъ ему понравиться. Разныя представлялись событія, но подробности были бы слишкомъ длинны; наконецъ, я задумала что наилучшее будетъ дать собою примѣръ, который могъ бы сдѣлаться полезнымъ человѣчеству. Я вспомнила что, къ счастію, не имѣла оспы. Я приказала выписать изъ Англіи оспопрививателя; славный докторъ Димсдаль рѣшился пріѣхать въ Россію. Онъ мнѣ привилъ оспу 12го октября.“ Это письмо переведено, но очень неудовлетворительно, на стр. 32 *Переписки Россійской Императрицы Екатерины II и г. Вольтера.* Москва, 1812 г.

Digitized by Google

въ Зимнемъ дворцѣ, и Вейдемейеръ ошибся, сказавъ (ч. I, прим. къ стр. 73 и стр. 78) будто оспа была ей привита *въ Царскомъ Селѣ*. Это недоразумѣніе произошло, вѣроятно, оттого что Вейдемейеръ не имѣлъ въ виду ни книги Димсдаля, ни изданныхъ уже послѣ напечатанія его собственнаго сочиненія: придворнаго журнала и записки Димсдаля, и былъ введенъ въ заблужденіе письмомъ Екатерины II къ московскому главнокомандующему графу Петру Семеновичу Салтыкову, въ которомъ сказано: „Возвратясь 1го ноября изъ Царскаго Села, *гдѣ я имѣла оспу*".

Все дѣло въ томъ что эти слова должно понимать такъ что дѣйствительно *оспа высыпала* у государыни въ бытность *ея въ Царскомъ Селѣ*, словомъ, что тамъ болѣзнь ея развилась и миновала благополучно.

Тому уже нѣсколько лѣтъ, мы удостовѣрились по мѣсяцослову 1768 года и по журналу камеръ-фурьерской должности, веденному довольно безграмотно, но весьма аккуратно, что это вышесказанное *12е число октября* было *въ воскресенье*. Насъ крайне удивило что Англичанинъ, и притомъ *квакеръ*, рѣшился привить оспу императрицѣ въ такой день который они исключительно посвящаютъ молитвѣ, и изумленіе наше еще возросло когда, по сказанному журналу (гдѣ упомянуто только о вечерѣ 12го октября что Екатерина II послѣ карточной игры ужинала во внутреннихъ аппартаментахъ, и что 13го она отправилась въ Царское Село), мы убѣдились въ томъ что до 19го октября она не только не измѣняла обыкновеннаго своего комнатнаго образа жизни, но даже въ иные дни выѣзжала; съ 19го же числа, по неизвѣстной камеръ-фурьерамъ причинѣ, не выходила въ залы, пока наконецъ 1-го ноября слушала молебенъ *объ освобожденіи отъ оспенной болѣзни*.

Намъ было простительно изумляться тому что на другой день послѣ привитія ей оспы, въ осеннее время, Екатерина II могла предпринять поѣздку за 25 верстъ, и также тому что эта болѣзнь продолжалась такъ долго (18 дней). Даже и врачъ чтобы рѣшить эти вопросы долженъ былъ бы обладать не только современною ученостью относительно прививанія *коровьей* оспы, но и такъ сказать ученостью *ретроспективною*, относительно давно оставленнаго теперь и принадлежащаго исторіи медицины прежняго метода привитія *натуральной* оспы. Насъ это затрудняло наиболѣе потому что къ теченію

Digitized by Google

времени отъ 12го по 18е октября невозможно было пріурочить ни одной изъ сохранившихся у насъ собственноручныхъ записочекъ Екатерины II къ барону Черкасову, которыя, въ совокупности, составляютъ ея *Оспенный журналъ*. Такое обстоятельство отсрочило по сіе время настоящій трудъ нашъ.

Наконецъ, изданныя въ прошломъ году: записка Димсдаля и брошюра г. Верескина, а также недавно отысканная нами книга Димсдаля, вывели насъ изъ затрудненія. Изъ первой видно что на другой же день послѣ привитія оспы императрицѣ, Димсдаль переѣхалъ вслѣдъ за нею въ Царское Село,— показаніе, которое согласуется и съ гофъ-фурьерскимъ журналомъ, и что онъ на пятый день предупредилъ ее что болѣзнь ея можетъ сдѣлаться заразительною, почему она и объявила о томъ своимъ приближеннымъ. Во второй же перепечатанъ, изъ той же книги Димсдаля (стр. 235—245), *дневникъ* веденный имъ съ 11го по 28е октября включительно.

Замѣтимъ кстати что при отъѣздѣ изъ Петербурга Екатерина II была, вѣроятно, хорошо закутана въ шубу, подобно привезенному къ ней наканунѣ ребенку, * и что судя по тому что̀ сказано въ запискѣ Димсдаля, предлогомъ ея поѣздки въ Царское Село, гдѣ первое время не было никого кромѣ обыкновенной прислуги, были предположенныя тамъ перестройки.

При той тайнѣ, съ которою Димсдаль былъ выписанъ изъ Англіи, и съ которою совершена была операція (съ вѣдома одного только барона Черкасова, какъ это видно изъ записки и изъ книги Димсдаля, стр. 234), понятно что, во избѣжаніе толковъ и безпокойства между жителями столицы, Екатерина II предпочла удалиться въ Царское Село, гдѣ болѣзнь ея сдѣлалась извѣстною лишь когда уже не было никакого сомнѣнія въ выздоровленіи. Тогда стали пріѣзжать туда навѣдываться царедворцы изъ Петербурга, и государыня ихъ принимала (книга Димсдаля). Черкасовъ же, какъ заставляютъ предполагать записочки которыя онъ въ это время получалъ отъ императрицы, вѣроятно, переѣхалъ въ

* Въ бытность свою въ Москвѣ, въ самую жестокую стужу, Димсдаль возилъ изъ дому въ домъ дѣвушку, которая совершила съ нимъ путешествіе изъ Петербурга, и отъ которой онъ бралъ оспенную матерію для привитія (стр. 317 его записки).

Digitized by Google

Царское Село вскорѣ послѣ Димсдаля и оставался тамъ безвыѣздно, потому что особенно интересовался исходомъ этого важнаго дѣла, какъ совѣтникъ государыни во всемъ касавшемся оспопрививанія, какъ покровитель Димсдаля и какъ президентъ медицинской коллегіи.

Теперь мы имѣемъ возможность приводить за бо́льшую часть этихъ дней выписки изъ камеръ-фурьерскаго журнала и изъ дневника Димсдаля и сравнивать замѣченные имъ симптомы съ нѣкоторыми изъ тѣхъ о которыхъ Екатерина II сама сообщала въ записочкахъ своихъ барону Черкасову.

11го октября, суббота.

Въ *Дневникѣ Димсдаля* сказано что императрица приняла ртутный порошокъ.

12го октября, воскресенье.

1) Въ *Дневникѣ Димсдаля* записано: „Порошокъ произвелъ желаемое дѣйствіе.“

2) Въ *Придворномъ журналѣ* значится: „Государыня въ *Зимнемъ дворцѣ* принимала по утру всѣхъ лицъ бывшихъ при литургіи, а *въ вечеръ* игра была, изволили забавляться въ карты, потомъ кушали *во внутреннихъ аппартаментахъ*.“

13го октября, понедѣльникъ.

1) *Дневникъ Димсдаля:* „Ночь послѣ прививтія провела *не очень хорошо*. Летучая боль, какъ бываетъ отъ простуды, пульсъ ускорился. За обѣдомъ кушала немного похлебки, вареной курицы и нѣсколько вареныхъ овощей. Послѣ обѣда спала цѣлый часъ; сонъ ее ободрилъ, и къ вечеру была весела.“

2) *Придворный журналъ:* „Ея величество прибыла въ *Царское Село*. Вечеромъ изволила забавляться въ карты.“

14го октября, вторникъ.

1) *Дневникъ Димсдаля:* „Ночь провела *изрядно*. На мѣстахъ привитія извѣстные знаки зараженія. Небольшая боль противъ ранки сдѣланной для привитія. На обѣдъ овсянка безъ мяса. Къ вечеру дурнота въ головѣ и жаръ; однакожь, послѣ стакана холодной воды, припадки эти прошли. Ужинъ изъ той же похлебки.“

2) *Придворный журналъ:* „Императрица изволила осматривать Гатчинскую дорогу. Вечеромъ забавлялись въ карты.“

Digitized by Google

15го октября, среда.

1) *Дневникъ Димсдаля:* „Почивала хорошо. Въ мѣстахъ привитія оспы краснота появилась больше; боль подъ мышкою прошла; подъ вечеръ *головная боль*, но прошла послѣ прохаживанія въ холодной комнатѣ. Кушаніе то же что наканунѣ."

2) *Придворный журналъ:* „Происходило *тожъ* что наканунѣ."

Екатерина II имѣла весьма крѣпкое сложеніе, но часто страдала *головною болью;* лѣчиться же и принимать лѣкарства не любила. (*Соврем. Лѣтоп.* № 39, 1866 г., статья г. Любецкаго.) Въ записочкахъ своихъ, №№ II, III, VII и VIII, къ барону Черкасову она именно, во время оспенной лихорадки, преимущественно жалуется на головную боль. (См. далѣе, въ этой же главѣ.)

16го октября, четвергъ.

1. *Дневникъ Димсдаля:* „Рапки созрѣваютъ; по временамъ тяжесть въ головѣ, но была въ веселомъ расположеніи духа. Пища та же. На ночь четыре грана ртутнаго порошка."

2) *Придворный журналъ:* „Ея величество кушать изволили *съ 26ю персонами*; вечеромъ забавлялись въ карты."

17го октября, пятница.

1) *Дневникъ Димсдаля:* „Ночь и день провела хорошо. Утромъ приняла ½ унціи глауберовой соли. Рапки все болѣе созрѣваютъ; сквозь увеличительное стекло можно было ясно видѣть маленькіе пупырушки. За обѣдомъ съѣла немного курицы и овощей. Къ вечеру появилась *тяжесть головы*, нѣмѣніе рукъ и плечъ; клонитъ сонъ."

2) *Придворный журналъ:* „Императрица обѣдать изволила во внутреннихъ комнатахъ. Вечеромъ выходила въ картинную комнату, разговаривала и слушала музыку."*

18го октября, суббота.

1) *Дневникъ Димсдаля:* „Утромъ чувствовала себя хорошо, но къ полудню появился ознобъ, а затѣмъ жаръ и *тяжесть*

* П. А. Сумароковъ увѣряетъ что слухъ у Екатерины II имѣлъ нѣчто странное: звуки инструментовъ доходили до каждаго уха различно и, дабы скрыть это отъ артистовъ, она всегда поручала кому-нибудь изъ знатоковъ подавать ей знакъ къ рукоплесканію. Т. I, стр. 42.)

Digitized by Google

головы, онѣмѣніе и боль подъ мышками и въ спинѣ, но послѣ прогулки въ холодной комнатѣ головная боль прошла. Аппетита почти не было".

2) *Придворный журналъ:* „Ея величество кушать изволила *съ 24ю персонами*. Вечеромъ разговаривали и слушали музыку."

Надо полагать что Екатерина II въ этотъ вечеръ (какъ на это намекаетъ Димсдаль на стр. 311 своей записки) объявила придворнымъ что ей привита оспа, и что болѣзнь вступаетъ въ періодъ заразительный. Ночью же симптомы становятся серіознѣе; на другой день государыня не выходитъ къ обѣднѣ и пишетъ первый свой собственноручный бюллетень.

19го октября, воскресенье.

1) *Записочка № 1, адресованная Екатериною II барону Черкасову:*

„J'ai dormie tres mal, et pas plus de deux heures, j'ai euë toutte la nuit des inquietudes dans les jambes, et de la chaleurs, surtout au deux bras, les inquietudes au jambes cependant passerent apres une mediocre sueur. Je me suis levè a 6 heures et je me trouve mieux hors que dans le lit." *

На оборотѣ этой записочки сохранился оттискъ печати съ императорскимъ гербомъ и собственноручно сдѣланъ Екатериною II полный адресъ: *Александру Ивановичу Черкасову.* Ни дня, ни числа не выставлено. Мы здѣсь оставили и впредь будемъ оставлять въ своемъ видѣ правописаніе подлинника: во всей этой записочкѣ одинъ только знакъ ударенія; въ другихъ часто не достаетъ знаковъ препинанія. Въ послѣдствіи, адреса нѣтъ, или онъ дѣлается сокращенно, да и печать употребляется пофамильярнѣе, эмблематическая. Важность симптомовъ описанныхъ въ этомъ бюллетенѣ, особенно касательно рукъ, всегда заставляла насъ относить его къ началу болѣзни. Теперь же черты сходства его съ замѣчаніями Димсдаля о ночи съ 18го на 19е октября окончательно удостовѣряютъ насъ въ томъ что онъ написанъ именно въ этотъ, а не въ какой-либо иной день.

* Я спала очень дурно и не болѣе двухъ часовъ. У меня всю ночь тосковали ноги и былъ жаръ, особенно въ обѣихъ рукахъ. Тоска въ ногахъ однакожь прошла послѣ умѣренной испарины. Я встала въ 6 часовъ и, съ тѣхъ поръ, чувствую себя лучше чѣмъ въ постели.

Digitized by Google

2) *Дневникъ Димсдаля*: „Сонъ ночью былъ *прерывистый*. Лихорадочное состояніе, боль въ головѣ и спинѣ продолжаются, но послѣ прогулки по холодной комнатѣ стала чувствовать себя хорошо. Ранки рдѣли и къ вечеру многіе пупырушки, слившись вмѣстѣ, показались вокругъ ранокъ. Къ вечеру тяжесть тѣла увеличилась, клонитъ ко сну. Аппетита нѣтъ; за день кушала немного овсянки, пила чай и яблочную воду. Легла раньше обыкновеннаго."

3) *Придворный журналъ:* „Въ комнатахъ отправлена утреня. Ея величество кушать изволили во внутреннихъ аппартаментахъ. Дамы и кавалеры кушали въ столовой." (О вечерѣ ничего не сказано.)

20го октября, понедѣльникъ.

1) *Записочка № II, адресованная Екатериною II барону Черкасову:*

„J'ai mieux dormi cette nuit que la precedente, j'ai beaucoup sué mais la tete me tourne si fort, que je ne vois presque pas ce que j'ecris outre cela je suis tres foible"

„Lund a huit heures du matin" *

Эта записочка, въ которой не достаетъ точекъ (пунктуаціи) и слово *Lundi* не дописано, безъ адреса и безъ печати и, очевидно, не могла быть написана въ иной понедѣльникъ, то-есть ни 13го (на другой день послѣ привитія оспы и день прибытія императрицы въ Царское Село), ни 27го октября (когда уже оканчивалось ея выздоровленіе). Притомъ, сходство симптомовъ въ этомъ бюллетенѣ и въ дневникѣ Димсдаля поразительное.

2) *Дневникъ Димсдаля:* „Ночь провела очень хорошо; появилась сильная испарина, послѣ чего она чувствовала себя гораздо лучше; лихорадочное состояніе уменьшилось. Приняла полъунціи глауберовой соли. Онѣмѣлость подъ мышкою; боль въ ногахъ, и спинѣ продолжаются. Краснота вокругъ ранокъ стала больше и показалось вокругъ нихъ много пупырышковъ, появились также на лицѣ одинъ, а на ручной кисти два пупырышка."

* Я лучше спала эту ночь чѣмъ предшествующую; но голова такъ сильно кружится что я почти не вижу того что̀ пишу; я также очень слаба. Понедѣльникъ, въ 8 часовъ утра.

Digitized by Google

3) *Придворный журналъ:* „Ея величество кушать изволила во внутреннихъ комнатахъ; а дамы и кавалеры въ столовой.“ (О вечерѣ ничего не сказано.)

21го октября, вторникъ.

1) *Дневникъ Димсдаля:* „Худо ночью почивала. Общее состояніе гораздо лучше, лихорадочное состояніе прошло; на лицѣ и рукахъ высыпало нѣсколько оспинъ.“

2) *Придворный журналъ:* „Происходило *тожъ* (что наканунѣ).“

22го октября, среда.

1) *Записочка № III, адресованная Екатериною II барону Черкасову:*

„Quoique hier au soir la tete me tournoit j'ai dormi a deux reprises sept heures, et apresént je me porte bien. Mercredi a sept heures trois quart du matin.“ *

Эта записочка могла быть, впрочемъ, написана и въ слѣдующую среду, 27го октября; но мы ее помѣстили здѣсь потому что, какъ увидимъ далѣе, за временнымъ улучшеніемъ послѣдовалъ новый кризисъ. На оборотѣ этой записочки перемаранный адресъ, съ ошибкою: *А. І. Черксову* (пропущена буква *а*), замѣненный другимъ правильнымъ: *А. І. Черкасову.* На этой записочкѣ сохранился оттискъ эмблематической печати императрицы съ изображеніемъ улья, куста цвѣтовъ и съ надписью: *Полезное.*

2) *Дневникъ Димсдаля:* „Общее состояніе хорошо; высыпало еще нѣсколько оспинъ. *Оспа совсѣмъ налилась.*“

3) *Придворный журналъ:* „Происходило *тожъ*.“

23го октября, четвергъ.

1) *Записочка № IV, адресованная Екатериною II къ барону Черкасову*, на который адреса нѣтъ, но сдѣлана рукою Черкасова помѣта: *получ. въ 9 ч. по утру окт. 23го.*

„J'ai dormi fort tranquilement depuis le moment que je me suis couché jusqu'a huit heures et je me porte très bien. Pui je boire ducaffée au lait? Je fais cette demande parceque Mr le Docteur m'a dit qu'aujourd' huy une nouvelle crise commenceroit“ **

* Хотя вчера вечеромъ у меня кружилась голова, я спала дважды, всего семь часовъ, и теперь чувствую себя здоровою. Среда, въ 7¾ часовъ утра.

** Я спала спокойно съ той минуты какъ легла до 8 часовъ и чувствую себя очень хорошо. Могу ли я пить кофе со сливками? Я это спрашиваю потому что г. докторъ сказалъ мнѣ что сегодня наступитъ новый кризисъ.

Digitized by Google

Замѣтимъ что обыкновенно, въ здоровомъ состояніи, Екатерина пила по утрамъ весьма крѣпкій левантскій кофе съ густыми сливками. На пять чашекъ клали цѣлый фунтъ кофе. Это утверждаетъ Сумароковъ (т. I, стр. 48 и 49). Съ своей стороны Грибовскій говоритъ что Екатерина II отъ 8 до 9 часовъ утра занималась въ кабинетѣ письменными дѣлами и въ это время пила *одну чашку кофе безъ сливокъ*. (Грибовскій, *Записки объ императрицѣ Екатеринѣ Великой*. Москва, 1864.)

Отвѣтъ барона Черкасова, съ удержаніемъ его орѳографіи:

„Je suis tres charmé d'apprendre que Votre Majesté ayez si bien dormie cette nuit, et qu'elle se portoit si bien ce matin. Ma goute m'empechera d'avoir l'honneur de me presenter devant Votre Majesté; mais si Elle a besoin de Mr Dimsdale, Elle n'a qu'à ordonner quand il doit venir accompagné de Mr le Grand Maitré d'Artillerie ou son Frere le Comte Wolodimer.“ **

Это очевидно отвѣтъ на предыдущую записочку, которою императрица увѣдомляла Черкасова что почивала спокойно и чувствуетъ себя очень хорото. Притомъ, вмѣсто того чтобы передать заданный ему вопросъ Димсдалю, Черкасовъ спрашиваетъ когда его прислать вмѣстѣ съ княземъ Г. А. Орловымъ, или его братомъ графомъ В. А. Орловымъ.

Собственноручный отвѣтъ (№ V), сдѣланный Екатериною II *на этой же самой* записочкѣ барона Черкасова:

„Monsieur Dimsdale n'a qu'a monter apresent. Je voudrois lui montrer mes bras, je suis bien faché de Votre goute. S'est la colere de Votre femme qui l'a augmenté tachés de faire Votre paix et de Vous bien porter.“ **

Этотъ отвѣтъ доказываетъ что Димсдаль имѣлъ квартиру въ самомъ дворцѣ, въ нижнемъ этажѣ, такъ какъ императрица приглашаетъ его *подняться*, что повторяется и въ

---

* Я очень обрадованъ извѣстіемъ что ваше величество прекрасно почивали эту ночь и чувствуете себя такъ хорото нынче утромъ. Подагра мѣшаетъ мнѣ имѣть честь явиться къ вашему величеству; но если вамъ, всемилостивѣйшая государыня, нуженъ докторъ Димсдаль, то прикажите когда онъ долженъ придти, въ сопровожденіи г. фельдцейхмейстера или его брата графа Владиміра.

** Г. Димсдаль можетъ сейчасъ ко мнѣ подняться. Я хотѣла бы показать ему свои руки. Очень сожалѣю о вашей подагрѣ. Сварливость вашей жены ее, вѣроятно, усилила. Постарайтесь помириться и выздоровѣть.

Digitized by Google

записочкѣ № VIII. Намекъ же на сварливость жены и совѣтъ поскорѣе помириться съ нею побуждаютъ думать что Черкасовъ, получившій записочку въ 9 час. утра и немедленно на нее отвѣчавшій, прибылъ въ Царское Село, быть-можетъ, въ сопровожденіи своей супруги или, по крайней мѣрѣ, предъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга имѣлъ съ ней ссору. Во всякомъ случаѣ это наивѣрнѣйшимъ образомъ подтверждаетъ сказанное нами въ III главѣ нашего очерка (біографія барона А. И. Черкасова) что онъ далеко не былъ счастливъ въ брачномъ союзѣ своемъ съ дочерью Бирона, и что она была достойная дочь своего отца. Достойно вниманія что императрица не отвѣчаетъ ни слова объ Орловыхъ, которыхъ Черкасовъ какъ бы навязывалъ, будучи ихъ приверженцемъ, или которые, быть-можетъ, чрезъ него напрашивались. Эта записочка, сперва запечатанная гербовою печатью Черкасова, возвращена ему съ припечатанною возлѣ нея эмблематическою печатью императрицы. Оттиски обѣихъ печатей сохранились въ цѣлости.

2) *Придворный журналъ.* „Происходило *тожъ*.“

Въ дневникѣ же Димсдаля замѣтки о 23 и 24 октябрѣ соединены вмѣстѣ (см. далѣе).

24го октября, пятница.

1. *Записочка № VI, адресованная Екатериною II барону Черкасову*, безъ адреса и печати, но съ помѣтой его: le 24 d'oktobre à 8 h. du matin (24го окт. въ 8 ч. утра).

„J'ai bien dormie et beaucoup sué, au demangeaison pres je n'ai point d'incomodité, le bras ne me fait pas si mal qu'hier, mais la gorge est de meme. J'estime qui le tout ensemble ne vaut pas la peine qu'on en parle.“ *

2) *Дневникъ Димсдаля.* (23 и 24е окт.) „Почивала хорошо. При общемъ хорошемъ состояніи, жаловалась на боль въ горлѣ. При осмотрѣ 24го числа оказалось что челюстныя желѣзы припухли; на правой сторонѣ языка, на желѣзкѣ, сидѣла оспина; но бо́льшая часть боли въ горлѣ, по моему мнѣнію, происходила отъ простуды, что̀ и подтвердила сысканная *щель въ обивкѣ изъ дерева сдѣланной по стѣнамъ около*

* Я хорошо спала и имѣла сильную испарину. Кромѣ зуда, меня ничто не безпокоитъ. Боль въ рукѣ не такъ сильна какъ вчера; но горло въ томъ же положеніи. Полагаю что обо всемъ этомъ вмѣстѣ взятомъ не сто́итъ и говорить.

Digitized by Google

постели императрицы. Назначено полосканіе теплымъ морсомъ смородины."

3. *Придворный журналъ*. „Происходило *тожъ*."

25го октября, суббота.

1. *Записочка № VII, адресованная Екатериною II барону Черкасову*, безъ числа, но съ помѣтой что она отправлена *въ субботу утромъ*.

„J'ai dormie a deux reprises huit heures, d'un sommeil tres profond, et si bien comme je n'ai pas dormie de puis huit jours, il ma semblée que je n'avois presque point de chaleur cette nuit, la tete est beaucoup mieux qu'hier, et je ne croi pas recevoir de fievre aujourd'huy vuë que je me porte trop bien pour devenir malade. A sept heures trois quart Samedi au matin. Faites passer ce billet a Mr Panin" *

На оборотѣ сокращенный адресъ: *А. І. Черкасову*, и эмблематическая печать императрицы. Предшествовавшая суббота была 18го октября, а слѣдующая уже 1го ноября (день отъѣзда императрицы въ С.-Петербургъ). А такъ какъ она съ 18го октября спала плохо, въ эту же ночь (на 25е число) спала лучше чѣмъ во всѣ предшествовавшія, то-есть въ продолженіе цѣлой недѣли, то это и заставило насъ отнести сію записочку именно къ 25му числу, а не къ иной какой-либо субботѣ. Порученіе передать эту записочку графу Н. И. Панину объясняется отчасти тѣмъ что, какъ вице-канцлеръ, онъ долженъ былъ быть поставленъ въ извѣстность о здоровьѣ императрицы, отчасти же и тѣмъ что онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ и воспитателемъ цесаревича, которому предположено было также привить оспу, и что потому ходъ болѣзни императрицы Екатерины II имѣлъ для него двоякій интересъ. Замѣтимъ еще что съ 22го октября великій князь былъ боленъ.

2. *Дневникъ Димсдаля*. „Почивала хорошо. Боль въ горлѣ прошла, созрѣвшія оспины стали темнѣть."

3. *Придворный журналъ*. „Происходило *тожъ*."

---

* Я спала дважды, всего 8 часовъ, очень глубокимъ сномъ и такъ спокойно какъ уже не спала цѣлую недѣлю; мнѣ показалось что эту ночь у меня вовсе не было жару; головѣ гораздо легче чѣмъ вчера; не думаю чтобы могла сегодня возобновиться лихорадка, такъ какъ я слишкомъ хорошо себя чувствую чтобы мнѣ можно было заболѣть. Въ $7^3/_4$ ч. утра, суббота. Передайте эту записочку гну Панину.

Digitized by Google

26го октября, воскресенье.

1. *Записочка № VIII, адресованная Екатериною II барону Черкасову*, безъ адреса и безъ печати, но съ помѣтой что она отправлена *въ воскресенье утромъ*.

„J'ai dormi avec beaucoup d'inquietude et me suis reveillé au moins touttes les heures une fois, vers le matin cependant les inquietude ont diminué, apresent le visage me brulent beaucoup et la tete me fait un peu mal. Je prie Monsieur Dimsdale de monter. Dimanche a huit heure du matin“ *

Это единственная записочка которая, какъ далѣе оказывается, сходится съ замѣтками Димсдаля только въ томъ что касается *лица*. О снѣ Димсдаль пишетъ что въ ночь съ 13го на 14е октября (сутки послѣ привитія и когда еще не было никакихъ важныхъ симптомовъ) онъ былъ *порядочный;* въ ночь съ 18го на 19е октября (съ субботы на воскресенье) *прерывистый* (а къ этимъ замѣткамъ очень хорошо подошла записочка № 1, хотя не имѣющая ни числа, ни помѣты); въ ночь же съ 19го на 20е число *довольно хорошій* (съ чѣмъ вполнѣ сошлась записочка № II, написанная *въ понедѣльникъ*). Предоставляемъ гг. врачамъ рѣшить: ошиблись ли мы или нѣтъ?

2. *Дневникъ Димсдаля*. „Почивала весьма хорошо (?). Припухлость подчелюстныхъ желѣзъ едва примѣтна, къ вечеру бо́льшая часть оспинъ *на лицѣ* стала темнѣть цвѣтомъ.“

3. *Придворный журналъ*. „Происходило *тожъ*.“

27го октября, понедѣльникъ.

1. *Дневникъ Димсдаля*. „Ночь провела очень изрядно. Общее состояніе хорошо; аппетитъ есть, всѣ оспины цвѣтъ свой перемѣнили въ темноватый.“

2. *Придворный журналъ*. „Происходило *тожъ*.“

28го октября, вторникъ.

1. *Дневникъ Димсдаля*. „Совершенно здорова, приняла полъунціи Глауберовой соли.“

2. *Придворный журналъ*. „Происходило *тожъ*.“

* Я спала очень безпокойно и просыпалась по одному разу въ часъ; однакоже къ утру я нѣсколько успокоилась; теперь *лицо у меня сильно горитъ*, и голова немного побаливаетъ. Прошу господина Димсдаля подняться ко мнѣ. Воскресенье, въ 8 ч. утра.

Digitized by Google

29го октября, среда.

За этотъ день имѣемъ только ту же отмѣтку въ *Придворномъ журналѣ*.

30го октября, четвергъ.

1) *Записочка № IX, адресованная Екатериною II барону Черкасову*, съ помѣтой что отправлена *въ четвергъ утромъ*:

„J'ai tres bien dormi huit heures a deux reprises, mais l'intervalle n'étoit pas long entre la premiere et la seconde, je suis un peu étourdie, mais cela se passera, ce matin la langue étoit fort chargé de flegme et puis tres seche; au reste je me porte tres bien,

„Jeudi a sept heures du matin.“ *

На оборотѣ этой записочки адресъ: *А. І. Черкасову* и эмблематическая печать.

2) *Придворный журналъ:* „Выходъ ея величества въ каретахъ для прогуливанія. Обѣдъ во внутреннихъ апартаментахъ. Вечеромъ, въ Янтарной комнатѣ, императрица изволила забавляться въ карты.“

31го октября, пятница.

1) *Записочка № X, адресованная Екатериною II барону Черкасову*, на четвертушкѣ листа, безъ адреса, безъ печати и безъ обозначенія дня и числа:

„Je suis levée, je me porte bien, Vous pouvés venir quand il Vous plaira.“ **

2) *Придворный журналъ*: „Обѣденное и вечернее кушанье во внутреннихъ комнатахъ“.

Оканчивая эти различныя выписки послѣднимъ собственноручнымъ бюллетенемъ великой государыни,*** мы не можемъ не обратить вниманія читателя на ту твердость духа и отсутствіе мнительности, съ которыми она перенесла послѣдствія довольно рискованной въ ея лѣта операціи.

* Я хорото спала восемь часовъ, въ два пріема; но промежутокъ между обоими не былъ продолжителенъ; я немного разстроена; но это обойдется; съ утра языкъ былъ очень бѣлъ и сухъ; впрочемъ, я совершенно здорова. Четвергъ, въ 7 час. утра.

** Я встала; чувствую себя здоровою; можете придти въ какое вамъ угодно время.

*** См. въ концѣ этой статьи еще нѣсколько записочекъ Екатерины II къ Черкасову.

Digitized by Google

За симъ обратимся снова къ *Придворному журналу*, гдѣ читаемъ:

1го ноября, суббота: „Обѣдъ во внутреннихъ комнатахъ. Въ третьемъ часу ея величество изволила слѣдовать въ придворную церковь, въ которой отправленъ былъ молебенъ (о томъ), что ея величество изволила освободиться отъ оспенной болѣзни, причемъ производилась пушечная пальба. Потомъ ея величество соизволила предпріять отсутствіе (уѣхать) въ Санктпетербургъ, куда по прибытіи, соизволила заѣзжать въ церковь Казанскія Богоматери. Въ Зимнемъ дворцѣ, въ сѣняхъ, встрѣчена придворными, а въ Бильярдной его высочествомъ."

2го ноября, воскресенье: „По окончаніи литургіи, началось съ благоговѣніемъ, къ Подателю всѣхъ благъ Господу объ оканчающейся (окончившейся) оспенной болѣзни, которую ея величество соизволила имѣть привитіемъ въ Селѣ Царскомъ, съ соборомъ, благодарственное молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ. Потомъ знатныя россійскія обоего пола персоны и господа чужестранные министры въ парадныхъ комнатахъ приносили поздравленіе."

Въ запискѣ Димсдаля о *первомъ* пребываніи его въ Россіи сказано:

„Въ продолженіе этого времени (до пятаго или шестаго дня) императрица изволила участвовать во всѣхъ увеселеніяхъ съ своею обычною привѣтливостью, не показывая ни малѣйшаго безпокойства по поводу того что было съ ней сдѣлано. Она кушала по-прежнему съ другими, оживляя весь дворъ изяществомъ своей бесѣды."

При этомъ выписки сдѣланныя нами изъ *Придворнаго журнала* за 30е октября и 1е ноября показываютъ что въ прекрасной, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, статьѣ г. Любецкаго не вполнѣ вѣрно было сказано что Димсдаль совѣтовалъ Екатеринѣ II *не выѣзжать никуда въ то сырое и холодное время* и продолжать этотъ карантинъ до *21го ноября*. Быть-можетъ, совѣтъ этотъ былъ данъ 2го ноября, уже по возвращеніи государыни въ Петербургъ.

Г. Любецкій упоминаетъ о томъ что во время своей болѣзни она продолжала принимать *должностныхъ* лицъ. Что баронъ Черкасовъ бывалъ у Екатерины II въ это время (хотя о немъ положительно можно сказать что онъ никогда не имѣлъ оспы, ибо когда былъ молодымъ человѣкомъ

Digitized by Google

въ Англіи, то оспопрививаніе тамъ еще не вошло въ общее употребленіе), это несомнѣнно видно изъ записокъ къ нему Екатерины II (№№ V и X); но тамъ же видно что она 23го октября не согласилась принять князя и графа Орловыхъ, вѣроятно опасаясь чтобъ они не получили оспу.

Впрочемъ, она писала Вольтеру:

„Je n'ai pas été au lit un seul instant, et j'ai reçu du monde tous les jours.“ *

Изъ того же письма узнаемъ, что въ то время какъ Екатерина II была больна въ Царскомъ Селѣ отъ привитія оспы, *ей читали* нѣкоторыя сочиненія Вольтера. Въ письмѣ этомъ (предъ самою припискою *P. S.*) именно сказано:

„J'oubliais, M-r, de vous dire que j'ai augmenté le peu ou point de médecine qu'on donne pendant l'inoculation, de trois ou quatre excellents spécifiques, que je recommande à tout homme de bon sens de ne poins négliger en pareille occasion. C'est de se *faire lire* l'Ecossaise, Candide, l'Ingénu, l'Homme aux quarante écus, et la Princesse de Babylone. Il n'y a pas moyen après cela de sentir le moindre mal.“ **

На это письмо Вольтеръ отвѣчалъ Екатеринѣ II 26го февраля 1769 года, изъ Ферне, четверостишіемъ, въ которомъ называлъ ее *de tous les préjugés destructrice brillante* (блистательною разрушительницею всѣхъ предразсудковъ), и письмомъ, въ которомъ между прочимъ заключается слѣдующее:

„Eh! Madame, quelle leçon V. M. I. donne á nos petits maîtres français, à nos sages maîtres de Sorbonne, à nos Esculapes des Ecoles de Médecine!“ ***

* Я не лежала въ постелѣ ни минуты и ежедневно къ себѣ принимала. (Tome 58, p. 272, парижское изданіе 1822 г., и Жоффре стр. 278.)

** Чуть не забыла я вамъ сказать, м. г., что я дополнила то незначительное число лѣкарствъ или отсутствіе оныхъ во время оспенной операціи, тремя или четырьмя превосходными цѣлебными средствами, которыми, въ подобныхъ обстоятельствахъ, и совѣтую воспользоваться всякому человѣку со смысломъ. Они состоятъ въ томъ чтобы *слушать чтеніе Шотландки*, *Кандида*, *Простодушнаго*, *Обладателя сорока экю* и *Принцессы Вавилонской*. Слушая ихъ забываешь всякую боль.

*** „О, государыня, какой урокъ в. и. в. изволили дать нашимъ французскимъ щеголямъ, нашимъ премудрымъ учителямъ Сорбонны и нашимъ эскулапамъ медицинскихъ школъ!“ Въ главѣ V этого очерка

Digitized by Google

Довели ли французскіе агенты этотъ подвигъ Екатерины II до свѣдѣнія своего двора, не знаемъ; но дѣло въ томъ что безпечный Людовикъ XV не послѣдовалъ ея примѣру и, *шесть лѣтъ спустя*, умеръ отъ оспы. Самое руководство Димсдаля къ оспопрививанію было переведено съ англійскаго на французскій языкъ двумя годами позже чѣмъ на русскій. (Ср. главу IX этого очерка: заслуги медиц. коллегіи.)

Московскій главнокомандующій графъ П. С. Салтыковъ привѣтствовалъ императрицу слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ 6го ноября, сохранившимся, въ числѣ кабинетныхъ бумагъ Екатерины II, въ Государственномъ Архивѣ:

„Всемилостивѣйшая Государыня!

„Имѣю честь донести Вашему Императорскому Величеству что сей день мы всѣ вѣрноподанные Вашего Величества рабы: сенатъ, коллегія и все московское дворянство, при усердномъ нашемъ радованіи, собравшись въ Успенскомъ соборѣ, принесли Всевышнему Творцу наше благодареніе за Его такъ великіе щедроты. Даровавъ намъ (ежели смѣю сказать) новый опытъ Его къ намъ милосердія, онъ даровалъ намъ избавленіе скорби за насъ въ жертву приносимою жертву живота своего не щадя для нашего благополучія; нашъ московскій архіерей кромѣ что какъ скоро увѣдалъ о благополучномъ выздоровленіи В-го И. В-ва приказалъ во всей своей епархіи исправлять всенощное пѣніе, благодарные молебны. Сей же день служилъ отмѣнно, отворя Царскія двери, какъ то бываетъ и на великій день Пасхи. По окончаніи литургіи, была предика assez mal acomodée au sujet; mais il faut bien pardonner à l'ignorence de notre clergée ce n'est pas la faut de l'evesque car il a fait son posible que tout allai bien. Le sujet étoit tres bien trouvé par Mr de Sabaquine.

„По окончаніи Божественной службы и по выстрѣлу изъ 101 пушки, г. оберъ-полицъмейстеръ поставилъ на площади, передъ Кремлевскимъ Дворцомъ, быка жаренова, поведерные вино, медъ и пиво, все то происходило съ великимъ порядкомъ; о чемъ имѣю вселюдданнѣйше донесть и прилагая при семъ отъ архіерея нашего письмо, кончаю подвергая себя В. И. В. матерному милосердію. Ко мнѣ начинаютъ съѣзжатца на маскарадъ. Въ надеждѣ что В. В. милостивѣ простите мои враки. Но истинно отъ радости трепещу и не знаю што писать и тако съ наиглубочайщимъ респектомъ пребуду,

„В-го Им-го В-ва всеподданнѣйшій рабъ,
„Графъ Петръ Салтыковъ."

мы упоминали объ оппозиціи Парижскаго факультета и Сорбонны противъ привитія *натуральной* оспы.

Digitized by Google

Къ этому письму приложены: сперва адресъ Московскаго сената, потомъ письмо высокопреосвященнаго Амвросія, оба отъ 6го ноября:

1) „Самодержавнѣйшая, Великая Императрица, премудрая матерь отечества! Всемилостивѣйшая Государыня!

„Благоуспѣшнымъ В-му И-му В-ву привитіемъ оспы вѣрноподданные ваши дворянство и народъ столько обрадованы, что никакія слова достаточны быть не могутъ оное изобразить. И потому сего дня, во всемъ милующему Россію Богу, и сохранившему ея монархиню, достодолжное горящими сердцами, за милосердіе Его принести общее благодареніе; Сенатъ симъ всенижайшимъ начертаніемъ, въ восхищеніи о геройствѣ Вашего духа, всеподданнѣйше приноситъ В-му И-му В-ву поздравленіе. Примите, Всемилостивѣйшая Государыня! съ таковымъ матернимъ милосердіемъ сей знакъ должности его, съ каковымъ онъ искреннимъ усердіемъ и радостнымъ сердцемъ В-му И-му В-ву оный подноситъ."

(Подписали): Графъ Петръ Салтыковъ, Иванъ Глѣбовъ, графъ Іванъ Воронцовъ, Алексѣй Мелгуновъ, Петръ Еропкинъ, князь Сергій Гагаринъ, князь Алексѣй Козловскій, Михайла Собакинъ, Михайла Похвисневъ.

2) „Всемилостивѣйшая Государыня!

„Нынѣ познахъ, яко спасе Господь Христа своего, когда В-му І-му В-ву, по всесчастливѣйшемъ привитіи оспы, обновилъ Всевышній Владыка яко орлу юность. Великое воистину В-го І-го В-ва въ семъ случаи, который между страхомъ и надеждою всегда обращается, было геройство; но неменьшая милость Божія надъ всею Россіею чрезъ благополучнѣйшій сей успѣхъ воспослѣдовала. Ибо сохраненіе и продолженіе въ цѣлости и ненарушимости Вашего Императорскаго Величества высочайшаго здравія, есть всея Россіи жизнь и воскресеніе. За такое убо и толикое неизреченное милосердіе Божіе воздавъ въ сей день со всею моею паствою колѣнопреклонныя Всевышнему молитвы и приношенія, изъ глубины сердца Ваше Императорское Величество поздравляю всеблагоуспѣшнѣйшимъ добровольно подъятаго подвига совершеніемъ; при которомъ моемъ вѣрноподданническомъ усердіи, какъ себя такъ и порученную отъ Вашего Императорскаго Величества паству подъ священнѣйшія Вашего Императорскаго Величества стопы повергаю,

„Всемилостивѣйшая Государыня,
„Вашего Императорскаго Величества,
„всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ,
„Смиренный Амвросій архіепископъ Московскій."

Digitized by Google

Коллегія, о которой упоминается въ письмѣ Салтыкова, единственная находившаяся въ Москвѣ, есть вотчинная; а Собакинъ, придумавшій тему для проповѣди, одинъ изъ тогдашнихъ сенаторовъ; Салтыковъ, подписавшій адресъ сената, тотъ же генералъ-губернаторъ который побѣдилъ Фридриха Великаго подъ Кунерсдорфомъ, и удалился изъ Москвы, когда, во время чумы, 16го сентября 1771 года, этотъ же архіепископъ Амвросій убитъ былъ чернію; а сенаторъ Еропкинъ вѣроятно тотъ самый который въ отсутствіи главнокомандующаго распоряжался всѣмъ въ Москвѣ въ это трудное время, до пріѣзда Орлова. *

ГЛАВА VIII.

Привитіе оспы наслѣднику престола. — Письма Екатерины II Вольтеру и графу Броуну.—Одновременное празднованіе выздоровленія матери и сына.—Портреты ихъ въ запискѣ Димсдала.—Акты о привитіи оспы и установленіе по сему случаю ежегоднаго торжества.—Награды Димсдалю.—Его поѣздка въ Москву. — Медали, поднесенныя императрицѣ сенатомъ.—Московскій горельефъ.

„Примѣръ монархини, доказавшій что она съ любовью къ своему сыну сопрягаетъ рѣдкое и отмѣнное желаніе къ доставленію подданнымъ своимъ благодѣяній, сопровождаемъ былъ такими слѣдствіями какихъ ея величество отъ того ожидала."

Докторъ Янишъ.

Испытавъ на самой себѣ дѣйствіе оспенной операціи, Екатерина II побудила и цесаревича Павла Петровича обезопасить себя подобнымъ же средствомъ, и только когда операція совершилась успѣшно, великолѣпно отпраздновала свое и его выздоровленіе, чѣмъ и отдаленнѣйшему потомству дала понять что въ глазахъ Россіи не отдѣляла судьбы своей отъ

* Гельбигъ въ *Russische Günstlinge* увѣряетъ, на стр. 270, что по возвращеніи въ Петербургъ князя Г. Г. Орлова, кромѣ выстроенныхъ въ Царско-Сельскомъ саду (по дорогѣ въ Баболово) воротъ, съ надписью: „Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва", еще выбита была медаль, на которой онъ представленъ, какъ Курцій, бросающимся въ пропасть для спасенія отечества.

Digitized by Google

судьбы наслѣдника престола, и жизнь и здоровье его считала столь же драгоцѣнными для отечества какъ и свои собственныя.

Димсдаль повѣствуетъ въ своей запискѣ что, немедленно по пріѣздѣ изъ-за границы въ Петербургъ, онъ получилъ приглашеніе быть на другой день у графа Н. И. Панина. Все сказанное ему Панинымъ при этомъ свиданіи обличаетъ въ немъ вполнѣ государственнаго человѣка и воспитателя весьма попечительнаго о своемъ питомцѣ. Онъ тутъ же объявилъ Димсдалю что великій князь рѣшился на операцію и желаетъ чтобъ она была совершена. Для того чтобы Димсдаль могъ наблюдать надъ его здоровьемъ и тѣлосложеніемъ, онъ былъ вскорѣ ему представленъ и часто у него обѣдалъ, а иногда проводилъ на его половинѣ бо́льшую часть дня.

Между тѣмъ, въ бытность императрицы въ Царскомъ Селѣ, цесаревичъ 22го октября вдругъ заболѣлъ летучею оспой; государыня немедленно отправила къ нему Димсдаля въ Петербургъ (см. стр. 241 книги Димсдаля: *Новый способъ* и пр.), и тогда же рѣшено было отложить привитіе ему натуральной оспы.

Но когда болѣзнь его прошла, Димсдаль просилъ императрицу приказать придворнымъ врачамъ оказать ему содѣйствіе въ привитіи оспы великому князю и въ пользованіи его послѣ операціи. Лейбъ-медикъ Крузе, лейбъ-хирургъ Фуссадье и даже Англичанинъ Вейгоръ одинъ за другимъ отказались отъ всякаго участія въ семъ дѣлѣ, отзываясь что считаютъ его слишкомъ важнымъ чтобы въ него вмѣшиваться. „Тогда," говоритъ Димсдаль, „я счелъ за нужное изложить мое мнѣніе письменно и представить его императрицѣ, которая согласилась на предложенную мною методу * и приказала приступить къ дѣлу лишь только это будетъ возможно. Великій князь прекрасно сложенъ, силенъ и безъ всякаго природнаго недуга. Онъ продолжалъ быть бодрымъ и желалъ нетерпѣливо чтобы было приступлено къ опыту надъ нимъ. Какъ это происходило *разсказано уже мною....*" **

Опять-таки изъ этой записки не видно *котораго именно числа* была привита оспа великому князю Павлу Петровичу, которому тогда было 14 лѣтъ.

---

* Любопытно бы было отыскать эту записку.

** Книга Димсдаля: *Нынѣшній способъ* и пр., стр. 246—254.

Digitized by Google

Въ письмѣ къ Вольтеру, отъ 6го (17го) декабря 1768 года, Екатерина II писала: „Je vais tout de suite faire inoculer mon fils unique." (Я немедленно прикажу привить оспу моему единственному сыну).... Но еслибъ эти строки дѣйствительно были написаны 6го (17го) декабря, * то онѣ оказались бы въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ *Придворнымъ журналомъ*, такъ какъ онъ указываетъ самымъ положительнымъ образомъ что оспа привита была цесаревичу за мѣсяцъ предъ тѣмъ, а именно въ началѣ ноября 1768 года. Тутъ все дѣло объясняется слѣдующею припиской Екатерины къ этому же письму: „PS. La lettre ci-jointe était écrite *il y a trois semaines*. Elle attendait le maniscrit: on a été si longtems à le transcrire et à le rectifier, que j'ai eu le tems, Mr, de recevoir votre lettre du 15 Novembre." **

Изъ этого становится яснымъ что 6е (17е) декабря есть день *почты* и *отправленія*, а не написанія письма; ибо въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ сказано что 10, 11 и 12 ноября (понедѣльникъ, вторникъ и среда) императрица изволила по вечерамъ проходить къ его высочеству для провѣдыванія здоровья, *по причинѣ привитія его высочеству оспы*; и что 22го ноября (въ субботу) съѣзжались ко двору знатныя обоего пола персоны и чужестранные министры для принесенія поздравленія и благодаренія ея величеству и его высочеству *за великодушный и знаменитый подвигъ ко благополучію своихъ подданныхъ привитіемъ оспы* *** и *для всерадостнаго поздравленія съ благополучнымъ онаго окончаніемъ*. Въ томъ же журналѣ упомянуто что *ввечеромъ былъ балъ* въ присутствіи ея величества и его высочества.

Достойно вниманія что ровно за четыре дня предъ этимъ торжествомъ объявлена была война Турціи. (Ср. далѣе въ этой же главѣ.)

Письмо Екатерины II къ Вольтеру дѣйствительно написано было слишкомъ *за мѣсяцъ до привитія оспы великому князю*. Эта операція совершена была, какъ оказывается изъ

* Парижское изданіе сочиненій Вольтера, 1822 г., томъ 58.

** Прилагаемое при семъ письмо было написано *тому три недѣли*. Оно *ожидало рукописи*; ее такъ долго переписывали и исправляли что я успѣла получить ваше письмо отъ 15го ноября.

*** Тутъ недостаетъ слова *совершенный* или *подъятый*; но фраза эта въ томъ же видѣ перепечатана въ заголовкѣ сенатскаго указа 20го ноября 1768 года. (См. *Полное Собр. Зак.*, томъ XVIII, № 13.204.)

Digitized by Google

вышеприведенной книги Димсдаля (стр. 246—254), *1го ноября*, въ Зимнемъ дворцѣ (быть-можетъ *вечеромъ*, уже по возвращеніи государыни изъ Царскаго Села), *на одной только правой рукѣ;* а съ 10го числа появилась сыпь. Вотъ почему съ этого дня придворный журналъ начинаетъ свидѣтельствовать что здоровье цесаревича составляетъ предметъ особенной заботливости Екатерины II. Если же она о письмѣ своемъ говоритъ Вольтеру въ припискѣ (P. S.) что оно написано за три недѣли до 6го (17го) декабря, то она, изъ учтивости къ нему, только на нѣсколько дней удаляется отъ истины.

Послѣ же привитія оспы великому князю, а именно 16го ноября, императрица писала лифляндскому генералъ-губернатору графу Броуну на нѣмецкомъ языкѣ: „У великаго князя, слава Богу, *нынѣ также оспа проходитъ.*“ Письмомъ этимъ она, въ шутливомъ тонѣ, благодаритъ Броуна за поздравленіе съ благополучнымъ исходомъ привитія ей оспы, проводя ту мысль, что если храбрый генералъ находитъ что для этого нужна была немалая доля неустрашимости, то остается только согласиться что это такъ. За симъ слѣдуютъ похвалы земляку Броуна, Димсдалю, за успѣшное привитіе оспы въ домахъ всѣхъ вельможъ.*

Тутъ кстати замѣтить что государыня и цесаревичъ дозволили чтобъ отъ нихъ была взята матерія для привитія оспы многимъ лицамъ, чрезъ что совершенно уничтоженъ былъ предразсудокъ будто тотъ отъ кого берется матерія чрезъ это самое долженъ пострадать. (*Записка* Димсдаля стр. 314.)

Здѣсь также умѣстно будетъ повторить какъ онъ описываетъ обоихъ своихъ августѣйшихъ паціентовъ:

„Императрица Всероссійская Екатерина II *росту выше*

* Письмо это напечатано на стр. 312 т. II *Русскаго Историческаго Сборника*, С.-Петербургъ, 1868 г. Юрій Юрьевичъ Броунъ, изъ древней шотландской фамиліи, служилъ при Петрѣ Великомъ, въ 1752 году, въ чинѣ генералъ-поручика, получилъ Александровскую ленту, а въ 1758 году, будучи генералъ-аншефомъ, Андреевскую. Послѣ поѣздки Екатерины II въ Лифляндію возведенъ былъ въ графское достоинство Германо-Римской имперіи и умеръ 18го сентября 1792 г., 80ти лѣтъ отъ роду. Вейдемейеръ, ч. I, стр. 31, и *Списокъ кавалерамъ четырехъ россійскихъ орденовъ*, стр. 105 и 204. Объ Броунѣ см. также далѣе въ концѣ настоящаго очерка, по поводу письма лорда Букингама барону Черкасову.

Digitized by Google

*средняго;** въ ней очень много граціи и величія, такъ что даже еслибы можно было забыть о ея высокомъ санѣ, то и тутъ ее признали бы за одну изъ самыхъ любезныхъ особъ ея пола. Къ природнымъ ея прелестямъ прибавьте вѣжливость, ласковость и благодушіе, и все это *въ высшей степени;* притомъ столько разсудительности что она проявляется на каждомъ шагу, такъ что ей нельзя не удивляться....

„Цесаревичъ и великій герцогъ Голштинскій Павелъ Петровичъ, единственный сынъ ея величества, *росту средняго,* имѣетъ прекрасныя черты лица. Его тѣлосложеніе нѣжное, что происходитъ, я полагаю, отъ сильной любви къ нему и излишнихъ о немъ попеченій со стороны тѣхъ которые имѣли надзоръ надъ первыми годами наслѣдника престола и надежды Россіи. Несмотря на то, онъ очень ловокъ, привѣтливъ, веселъ и очень разсудителенъ, что не трудно замѣтить изъ его разговоровъ, въ которыхъ очень много остроумія."

Въ XVIII томѣ *Полн. Собр. Зак.*, почти вслѣдъ за значащимся тамъ подъ № 13.198 манифестомъ 18го ноября 1768 г. объ объявленіи войны Портѣ Оттоманской, напечатаны (два дня спустя), подъ № 13.204, акты по случаю привитія оспы императрицѣ и цесаревичу, а именно:

1) Сенатскій указъ 20го ноября, которымъ объявлено всенародно о благополучномъ привитіи имъ оспы; приглашены всѣ вѣрноподданные принести благодареніе Богу, а депутаты отъ разныхъ вѣдомствъ и члены коммиссіи составленія Уложенія поздравить лично императрицу; тутъ же сказано что съ ея разрѣшенія на будущее время установлено праздновать *21е ноября* во всѣхъ городахъ Имперіи. (То же вкратцѣ у Жоффре, стр. 278.)

2) Высочайшій отвѣтъ на поздравленіе сената съ выздоровленіемъ. Тутъ, между прочимъ, сказано: „Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ *спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ*, кои, не знавъ пользы сего способа, онаго страшась, оставалися въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего; ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы."

---

* Г-жа Лебренъ (Lebrun), писавшая съ Екатерины II портретъ уже когда она была въ преклонныхъ лѣтахъ, утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ будто она была мала ростомъ, но казалась выше потому что не только держалась очень прямо, но даже нѣсколько откидывала голову назадъ. Сумароковъ повѣствуетъ (т. I, стр. 58) что у Екатерины II волосы были необыкновенно хороши и длинны. Тамъ же, на стр. 40—41, подробное описаніе ея наружности.

Digitized by Google

и 3) Сенатскій указъ, заключающій, такъ-сказать, церемоніалъ ежегоднаго торжествованія 21го ноября. Имъ постановлено въ продолженіи цѣлаго этого дня производить, послѣ благодарственнаго молебна, колокольный звонъ; вечеромъ иллюминовать города и внести этотъ день въ мѣсяцесловъ какъ день *табельный*, съ освобожденіемъ присутственныхъ мѣстъ отъ присутствія, а училищъ отъ ученія, потому именно что *этотъ день былъ днемъ выздоровленія Екатерины II, и что съ этого дня началось распространяться по Россіи цѣлительное оспопрививаніе.*

Эти акты доказываютъ до какой степени современники считали сіи событія важными и спѣшили воздать благодарность Богу за избавленіе настоящихъ и будущихъ жителей Россіи отъ губительной язвы.

Немедленно по выздоровленіи великаго князя, Димсдалю объявлено было однимъ изъ вельможъ (полагаемъ что это былъ Черкасовъ, ибо онъ именно такъ его и прежде называлъ) не только о пожалованіи его въ лейбъ-медики ея величества, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пожизненною пенсіей въ 500 фун. стерл. въ годъ, а также въ бароны Россійской Имперіи, съ тѣмъ чтобы старшій изъ его фамиліи носилъ сей титулъ, но и о томъ что ему будутъ подарены миніатюрные портреты (осыпанные брилліантами, если въ этомъ отношеніи достовѣрно свидѣтельство *Россійской родосл. книги*, ч. II, стр. 280) императрицы и наслѣдника престола, а сыну Дамсдаля—золотая табакерка съ брилліантами. Однако тутъ же видно что баронскій титулъ пожалованъ Димсдалю только 5 іюня 1769 г. Между тѣмъ, онъ самъ повѣствуетъ, въ своей запискѣ, что въ концѣ 1768 года уѣзжалъ съ сыномъ своимъ въ Москву для привитія оспы многимъ лицамъ; * а когда возвратился и уже откланялся императрицѣ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Гердфордъ,

---

* Въ государственномъ архивѣ сохранилось очень куріозное письмо московскаго главнокомандующаго графа П. С. Салтыкова отъ 2 февр. 1769 г., въ которомъ онъ, свидѣтельствуя о принесенной Димсдалемъ пользѣ, доводитъ до свѣдѣнія Екатерины объ издержкахъ, произведенныхъ по случаю пребыванія сего врача въ Москвѣ (менѣе 1.000 рублей) и, между прочимъ, о томъ, что онъ, на отпущенныя ему деньги, купилъ для жены своей венгерскую шубку, одѣяло и муфту, да изъ Коломенскаго дворца увезъ съ собою

Digitized by Google

то она внезапно заболѣла и призвала его къ себѣ. Онъ нашелъ её въ постели, въ жару; она жаловалась на сильную боль въ боку, на кашель, — словомъ, оказывались всѣ признаки воспаленія. Пущена была кровь, и здоровье Екатерины II вскорѣ поправилось.

Въ началѣ 1769 года, при прощаніи съ Димсдалемъ, она подарила ему на дорогу муфту изъ самой дорогой черной сибирской лисицы. Очень можетъ быть что уже гораздо позже этой второй болѣзни подписаны указъ и самый дипломъ о пожалованіи Димсдаля въ бароны.

Вѣроятно по причинѣ этой болѣзни, а затѣмъ военныхъ и политическихъ дѣлъ, поднесеніе императрицѣ правительствующимъ сенатомъ *медалей въ память введенія оспопрививанія въ Россіи* состоялось только 3½ года спустя, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1772 года.

Вотъ какъ объ этомъ разказываетъ г. Любецкій, въ своей замѣчательной статьѣ: „Значеніе для Россіи 21го числа ноября“, на которую мы уже не разъ ссылались:

„Когда государыня вошла въ присутственную камеру сената, сенаторъ графъ Ром. Лар. Воронцовъ,* привѣтствовалъ её слѣдующею рѣчью:

„Всемилостивѣйшая Государыня!

„Сенатъ вашего императорскаго величества, напоминая ту опасность, въ которую для спасенія всего рода человѣческаго прививіемъ оспы себѣ и любезному своему сыну поступить изволили, не благодаренъ бы предъ Богомъ и вами явился, еслибы публичнымъ знакомъ на вѣчныя времена не оставилъ память сего великаго дѣйствія: въ такомъ разсужденіи сей искренній своей и народа благодарности знакъ повелѣвъ сдѣлать, всеподданнѣйше повергаетъ его съ самимъ собою къ стопамъ вашего величества.“

По окончаніи этой рѣчи были поднесены отъ сената чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго выбитыя на этотъ

постель. Во время этой поѣздки при немъ состоялъ морской офицеръ Волчковъ, вѣроятно знавшій по-англійски.

* Родной братъ княгини Дашковой, отецъ графа Семена Романовича, бывшаго посломъ въ Лондонѣ, и дѣдъ покойнаго фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцовыхъ (*Росс. родосл. кн.*, ч. II, стр. 108.)

Digitized by Google

случай * двѣнадцать медалей на серебряномъ блюдѣ. На одной сторонѣ каждой медали изображенъ былъ грудной портретъ государыни въ коронѣ и мантіи; а на другой—храмъ Эскулапа, предъ которымъ лежитъ поверженная гидра. Изъ храма выходитъ императрица и ведетъ съ собою наслѣдника своего престола, оба исцѣленные отъ привитія оспы. На встрѣчу имъ спѣшитъ обрадованная Россія съ младенцами; на верху надпись *Собою подала примѣръ*, а внизу: *1768 г. октября 12го* (день привитія оспы Екатеринѣ II-й.)

Государыня, милостиво принявъ признательность сената, отвѣчала (почти тѣми же словами какъ въ 1768 году, въ письменномъ отвѣтѣ своемъ на адресъ сената): *Я исполнила долгъ свой, ибо добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы.*

Историческое значеніе, которое тогда придавалось этому дѣлу, обозначилось еще, кромѣ того, 19 лѣтъ спустя послѣ великаго подвига совершеннаго Екатериною II, помѣщеніемъ въ число 18 превосходныхъ горельефовъ изъ алебастра, аллегорически изображающихъ дѣянія прославившія ея царствованіе и украшающихъ круглую залу Московскаго сената,—горельефа на которомъ императрица (въ видѣ Минервы) даетъ дракону, терзающему дитя, ужалить свою обнаженную]ногу; возлѣ Гиппократъ, окруженный матерями подающими ему дѣтей; но онъ указываетъ на совершающійся подвигъ самоотверженія. Девизъ этого горельефа: *Своею опасностію другихъ спасаетъ*. Въ статьяхъ объ этой ротондѣ профессора военной академіи Лебедева (*Русскій Инвалидъ*, 1860 г., № 179) и академика Н. Рамазанова (*Современная Лѣтопись*, 1865 г., 28го ноября, № 45), въ описаніи наглядныхъ художественныхъ лѣтописей украшающихъ стѣны сего пантеона царствованія Екатерины II, горельефъ, напоминающій введеніе оспопрививанія въ Россіи, помѣщенъ *первымъ*. Не знаемъ, важность ли событія или лучшая, можетъ-быть, предъ прочими степень отдѣлки или сохраненія побудили г. Лебедева дать ему предпочтеніе. Мы въ первый разъ посѣтили

* Было ли впослѣдствіи ихъ болѣе,—намъ неизвѣстно. См. описаніе этой медали, на стр. 84 и 85 части VIII *Трудовъ* и *Лѣтописей Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Московскомъ университетѣ*, Москва, 1837 г.

Digitized by Google

эту круглую залу лѣтомъ 1860 года, съ извѣстнымъ любителемъ старины, г. гофмейстеромъ княземъ М. А. Оболенскимъ. Тогда она занята была архивомъ военнаго министерства; въ то время къ горельефамъ были прибиты дощечки съ нумерами; на горельефѣ относящемся до оспопрививанія значился № 15. Впрочемъ, и та и другая нумераціи одинаково произвольны и несогласны съ хронологическимъ порядкомъ событій, такъ какъ наказъ о составленіи Уложенія (№ 5 по нумераціи г. Лебедева), учрежденіе Московскаго Воспитательнаго Дома (№ 12) и Академіи Художествъ (№ 4) и вызовъ иностранныхъ колонистовъ (№ 2) предшествовали введенію оспопрививанія. Съ возобновленіемъ же круглой залы, по случаю помѣщенія въ этой части сенатскаго зданія новаго гласнаго суда, нумерація на горельефахъ уничтожена, и самая эта ротонда обращена въ залу для просителей.

Въ статьѣ, на которую мы уже ссылались, г. Рамазановъ доказываетъ что зданіе это начато въ 1776 году и окончено *въ 1787 году*, что самая ротонда была предназначена для собраній московскаго дворянства (тамъ и было такое собраніе въ 1788 году, съ первыми выборами судей), и что (какъ это было уже замѣчено г. Ивановымъ, въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*), полковникъ Лебедевъ ошибочно счелъ эту круглую залу мѣстомъ собранія депутатовъ для составленія Уложенія, которое происходило *въ 1767 году*, то-есть за двадцать лѣтъ до постройки сенатскаго зданія. Признавая что г. Лебедевъ весьма точнымъ образомъ истолковываетъ значеніе прекрасныхъ изваяній находящихся въ этой ротондѣ, художникъ Рамазановъ замѣчаетъ что ихъ не слѣдуетъ называть, какъ г. Лебедевъ, барельефами (изваяніе плоское), но *горельефами*, такъ какъ они весьма выпуклы. Сочиненіе ихъ (которое онъ приписываетъ скульпторамъ Юсти и Таненбергу) обличаетъ (говоритъ онъ) богатую фантазію, плодовитость которой не мало обусловливается тѣмъ богатымъ содержаніемъ какое представляютъ собою многочисленныя великія дѣянія *обожаемой народомъ монархини*. На нѣкоторыхъ изъ сихъ славныхъ скрижалей великой эпопеи нашей исторіи, лица окружающія Екатерину суть портреты ея сподвижниковъ, особенно полководцевъ той эпохи. Въ № 41 газеты *Наше*

Digitized by Google

Время, 1860 г. * (когда ее издавалъ Н. Ф. Павловъ), была также помѣщена, съ его примѣчаніями, статья объ этихъ горельефахъ г. Андреева, почетнаго вольнаго общника Академіи Художествъ.

ГЛАВА IX.

Успѣхи оспопрививанія въ Россіи. — Дѣйствія медицинской коллегіи по распространенію онаго. — Оспенные комитеты и больницы. — Вторичное пребываніе Димсдала въ С.-Петербургѣ. — Борьба Черкасова, въ самой коллегіи, съ иностраннымъ элементомъ. — Затрудненія въ выдачѣ диплома первому русскому врачу. — Черкасовъ отстаиваетъ права коллегіи.

„Человѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ."

(Изъ письма Екатерины II къ Циммерману.)

„Всякій вопросъ государственный, народный, становился для Екатерины II вопросомъ *личнымъ*."

Щебальскій.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ привитія оспы Екатеринѣ II и ея наслѣднику было то что примѣру ихъ послѣдовали многіе царедворцы.

Вотъ какъ императрица сообщила объ этомъ Волтеру, въ письмѣ, о которомъ было уже упомянуто:

„Le grand Maître de l'Artillerie, le comte Orlof, ce héros qui ressemble aux anciens Romains du beau tems de la République, qui en a le courage et la générosité, doutant s'il avait eu cette maladie, s'est mis entre les mains de notre Anglais et, le lendemain de l'opération, il s'en est allé à la chasse, dans une trés grande neige. Nombre de courtisans ont suivi cet exemple, et beaucoup d'autres s'y préparent. Outre cela, on inocule aprésent, à Pétersbourg, dans trois maisons d'education et dans un hôpital établi sous les yeux de Mr Dimsdale. Voilà, Mr les nouvelles du pôle. J'espére qu'elles ne vous seront pas indifférentes...." Въ припискѣ *(P. S.)* сказано: „Si je fais aussi aisément la guerre contre les Turcs, que j'ai eu de facilité à introduire l'inoculation...." И еще: „Pour nouvelles d'ici, je vous dirai, Mr, que tout le monde généralement veut être inoculé, qu'il y a un Evêque qui va subir cette opération,

* Статья эта переведена въ № 253 (10го ноября) *Journal de St.-Pétersbourg* того же года.

Digitized by Google

et qu'on a inoculé ici dans un mois plus de personnes qu'à Vienne dans huit....“ *

Это всего лучше доказываетъ что письмо помѣчено тѣмъ днемъ (6го—17го декабря) въ которой сдѣлана была къ нему довольно длинная приписка, ибо тогда уже прошелъ слишкомъ мѣсяцъ со времени привитія оспы наслѣднику престола, многимъ царедворцамъ и пр. (Ср. гл. VIII.)

Относительно привитія оспы тогдашнему временщику, князю Г. Г. Орлову, очень можно допустить предположеніе что этому обстоятельству не былъ чуждъ его ревностный приверженецъ баронъ Черкасовъ. ** Въ отвѣтѣ своемъ, отъ 26го февраля 1769 г., Вольтеръ сравниваетъ Орлова со Сципіономъ.

Въ 1769 году д-ръ Янишъ выражался слѣдующимъ образомъ (см. русскій переводъ его брошюры: *Извѣстіе о наилучшемъ способѣ для прививанія оспы*, стр. 40 и 41):

---

* Генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Орловъ, этотъ герой, неустрашимостью своею и великодушіемъ напоминающій древнихъ Римлянъ великой эпохи республики, усумнившись была ли на немъ эта болѣзнь, довѣрилъ себя нашему Англичанину и на другой же день послѣ операціи отправился на охоту въ сильный снѣгъ. *Значительное число придворныхъ* послѣдовали этому примѣру, и еще *многіе къ тому готовятся.* Кромѣ того, теперь прививаютъ оспу въ С.-Петербургѣ въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ и *въ больницѣ* учрежденной подъ руководствомъ г. Димсдаля. Вотъ вамъ, м. г., извѣстія съ сѣвернаго полюса. Надѣюсь что вы не останетесь къ нимъ равнодушны.“ *Въ приписк*ѣ: „Если мнѣ такъ легко будетъ воевать съ Турками какъ ввести оспопрививанія....“ И еще: „Въ числѣ извѣстій отсюда сообщу вамъ, м. г., что всѣ желаютъ имѣть оспу, что операція эта будетъ сдѣлана одному архіерею, и что здѣсь *въ теченіи одного мѣсяца* привита была оспа большему числу людей чѣмъ въ Вѣнѣ въ теченіи восьми мѣсяцевъ.“ (*Oeuvres de Voltaire*, Paris, 1822, t. 58, p. 273 и 274). Часть этого письма помѣщена на стр. 278 сочиненія Жоффрэ: *Catherine II et son règne.*

** Ср. главу III этого очерка и письмо изъ Екатерингаля, № XIV, отъ 2-го іюня 1773 года, въ которомъ Черкасовъ выражаетъ радость свою по поводу сообщеннаго ему императрицей извѣстія что князь Г. Г. Орловъ снова вступилъ въ отправленіе всѣхъ своихъ званій. Черкасовъ выхваляетъ Орлова по этому случаю и прибавляетъ что онъ далеко не былъ рожденъ для того чтобы *баклуши бить.*

Digitized by Google

„Примѣръ монархини, доказавшей онымъ своимъ подвигомъ что она съ любовью къ своему сыну сопрягаетъ рѣдкое и отмѣнное желаніе къ доставленію подданнымъ своимъ благоденствія, сопровождаемъ былъ такими слѣдствіями какихъ ея величество отъ того ожидала, ибо многіе стали съ великимъ стремленіемъ подражать оному. Въ С.-Петербургѣ число получавшихъ прививаніе ежедневно возрастало. Прежде привилъ я оспу въ полгода токмо восьмидесяти отрокамъ, а нынѣ *получили отъ меня прививаніе въ два мѣсяца 156*. Въ деревняхъ графа Г. Г. Орлова привита оспа болѣе нежели 100 младенцамъ. Думаю что *общее число получившихъ прививаніе превзошло уже 1.000*."

Въ ту пору оспопрививаніе вошло у насъ какъ будто въ моду: въ домахъ, на балахъ, и даже на улицахъ, знакомые, встрѣчаясь, спрашивали другъ друга: „А что, прививали ли вы себѣ или дѣтямъ вашимъ оспу?" Димсдаль и его сынъ привили ее 140 особамъ.* Петербургу стала подражать и Москва, а тамъ мало-по-малу оспопрививаніе начало распространяться по всей Россіи съ большимъ успѣхомъ и пользой. Въ Москвѣ, въ Екатерининской больницѣ,** открытъ былъ *оспенный комитетъ*.

Въ послѣдствіи времени подобные комитеты постепенно всюду учреждались, и медицинская коллегія распубликовала высочайше утвержденное наставленіе о добываніи оспенной матеріи и о прививаніи оной (1770—1774, № 13.445, *Полн. Собр. Зак.* томъ XIX).

Замѣтимъ еще что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Россіи Димсдаль издалъ *Краткое описаніе способовъ для распространенія по всему вообще Россійскому государству безопаснаго прививанія оспы*,*** и что въ 1759 году вышло первое изданіе *проповѣдей* пастора лютеранской церкви Св. Екатерины (на Васильевскомъ островѣ), Іоахима Христіана Грота, *въ пользу оспопрививанія*. Посвящая второе изданіе ихъ (1781 года, въ двухъ томахъ, Лейпцигъ и Рига) императрицѣ Екатеринѣ, онъ просилъ распоряженія о переводѣ ихъ на русскій языкъ. Не знаемъ, исполнилось ли его желаніе, и не встрѣтились къ тому препятствія въ различіи вѣрованій православнаго и лютеранскаго.

---

* Веревкинъ, стр. 38.

** Любецкій.

*** Въ концѣ перевода Сѣчкарева *Нынѣшній способъ* и пр.

Digitized by Google

Что же касается *до вторичнаго* пребыванія Димсдаля (отца) въ С.-Петербургѣ въ 1781 году, то о немъ сохранилось нѣсколько свѣдѣній въ недавно изданной, на французскомъ языкѣ съ нѣмецкимъ предисловіемъ, чрезвычайно интересной переписке Екатерины II съ Іосифомъ II (1780—1789 г.): Arnet, *Ioseph II und Catharina II, ihr Briefwechsel*, Wien, 1869. Тамъ, на стр. 95, помѣщено письмо сего государя отъ 28го іюня 1781 года, изъ Брюсселя, которое онъ вручилъ Димсдалю, при проѣздѣ его чрезъ этотъ городъ въ Петербургъ, и гдѣ между прочимъ сказано:

„L'inoculateur Dimsdale a le bonheur d'être appelé par vous, M-me, à Pétersbourg. Je le rencontre à son passage par Bruxelles et je m'empresse par conséquent à le charger de ces lignes pour V. M. J. *Il n'y a pas de lieu ni d'occupation qui m'empêchera jamais de profiter de pareilles occasions.*" *

На стр. 97, Екатерина II пишетъ германо-римскому императору, изъ Петергофа, отъ 4го іюля, что привитіе оспы великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ должно предшествовать отъѣзду за границу цесаревича и цесаревны; а на стр. 100, отъ 8го августа, изъ Царскаго Села, что Димсдаль прибылъ и доставилъ довѣренное ему письмо, въ которомъ заключались живѣйшія пожеланія успѣха этой операціи и просьба увѣдомить о ея послѣдствіяхъ, за что Екатерина II пока и благодаритъ съ большимъ чувствомъ; письмомъ же отъ 16го сентября, изъ Царскаго Села (стр. 103), увѣдомляетъ что оспа привита ея внукамъ вполнѣ счастливо. За симъ уже слѣдуютъ, на стр. 104, поздравленіе Іосифа II (письмо отъ 9го октября). Онъ особенно радуется тому что оспа благополучно высыпала и оказалась наилучшаго свойства (l'éruption étant heureusement faite et de la meilleure espêce).

Теперь остается упомянуть что къ числу заслугъ, оказанныхъ Россіи медицинскою коллегіей, въ бытность барона Черкасова президентомъ оной, слѣдуетъ отнести: командированіе въ 1768 г. д-ра Аша въ Кіевскую губернію для

* Оспопрививатель Димсдаль имѣетъ счастіе, всемилостивѣйшая государыня, быть призваннымъ вами въ Петербургъ. Я его встрѣтилъ при его проѣздѣ чрезъ Брюссель и спѣшу поручить ему для вашего императорскаго величества сіи строки. *Гдѣ бы то ни было и при какихъ бы ни было занятіяхъ, я всегда буду пользоваться подобными случаями.*

Digitized by Google

введенія тамъ оспопрививанія, а потомъ и д-ра Вендриха, съ тою же цѣлью, въ разные губернскіе города (дѣло о семъ въ государственномъ архивѣ), устройство *оспенныхъ домовъ* близъ Царскаго Села, въ Красномъ Селѣ, въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ (дѣло о семъ, съ планомъ, въ томъ же архивѣ) и въ Казани; * изданіе на русскомъ языкѣ сочиненія Димсдаля *Нынѣшній способъ прививанія оспы* (переводъ съ 4го англійскаго изданія, поручика Луки Сѣчкарева, переводчика Академіи Наукъ, 1770 г.), учрежденіе въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Тобольскѣ фабрикъ хирургическихъ инструментовъ для арміи, для флота и для госпиталей (Жоффре, стр. 277) и, наконецъ, устройство первыхъ карантиновъ (Сиверсъ, ч. I, стр. 344).

Дѣятельность медицинской коллегіи за это время можно также усмотрѣть на стр. 71—115 I и стр. 48—195 II частей *Собранія Россійскихъ Законовъ о Медицинскомъ управленіи*, изданнаго въ трехъ томахъ докторомъ *Е. Петровымъ*, въ С.-Петербургѣ, въ 1826—28 г. Въ этотъ сборникъ, трудъ частнаго лица, включены многія узаконенія не помѣщенныя въ *Полномъ Собраніи Законовъ*. Книги эти обязательно сообщилъ намъ изъ своей библіотеки Мих. Дм. Хмыровъ.

Въ 1772 году иркутскій губернаторъ Брилевъ велѣлъ въ присутствіи нѣсколькихъ вліятельныхъ туземцевъ (Бурятъ?) привить оспу своимъ дѣтямъ. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ убѣдительно, и вскорѣ открытъ былъ и въ Иркутскѣ оспенный домъ. ** Подобнымъ же образомъ поступилъ командовавшій на линіи генералъ-поручикъ Ирманъ: въ Барнаулѣ, при собраніи старшинъ разныхъ кочевыхъ племенъ, имѣвшихъ обыкновеніе покидать дѣтей своихъ, когда ихъ постигала оспа, онъ далъ привить оспу, на открытомъ воздухѣ, своей единственной трехлѣтней дочери. ***

Окончательнымъ результатомъ тогдашней дѣятельности медицинскихъ и мѣстныхъ властей было то что теперь оспопрививаніе давно уже введено даже у нашихъ кочевыхъ инородцевъ, напримѣръ у Калмыковъ, и что всюду въ городахъ, при полиціи, производится *безплатное* оспопрививаніе.

---

* Веревкинъ, стр. 38.

** Веревкинъ, стр. 39.

*** Clausen, *Traits choisis de l'Histoire de Russie*, St.-Pétersbourg, 1809, p. 159.

Digitized by Google

Уже прежде сего мы замѣтили что иностранцы, издававшіе за границей сочиненія о Россіи, съ нерасположеніемъ отзывались о дѣлѣ оспопрививанія въ нашемъ отечествѣ и его главныхъ двигателяхъ. Такъ, Шлецеръ, задавшись мыслію что Русскій народъ скорѣе гибнетъ отъ пьянства чѣмъ отъ какихъ бы то ни было болѣзней, утверждалъ что климатъ петербургскій одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ и, оставляя безъ вниманія имъ же выведенную страшную цифру смертности между младенцами, увѣрялъ что въ Россіи не нужны ни оспопрививаніе, ни воспитательные дома, потому-де что русскаго человѣка излѣчиваетъ или спасаетъ отъ оспы потѣніе въ банѣ, и что почти нигдѣ женщина не родитъ такъ легко какъ въ Петербургѣ. За симъ Шторхъ, издавшій свою книгу о Россіи гораздо послѣ введенія у насъ оспопрививанія, конечно уже не оспаривалъ его пользы, но выхваляя учрежденіе Екатериною II медицинской коллегіи и распоряженія относительно оспопрививанія докторовъ Шулинуса,* фонъ-деръ-Аша (командированнаго, какъ выше было сказано, въ Кіевъ) и иныхъ своихъ соотечественниковъ, вмѣнилъ себѣ въ обязанность *игнорировать* всю 12ти-лѣтнюю плодотворную дѣятельность барона Черкасова, не сказалъ о немъ ни единаго слова и ограничился лишь замѣткой что въ президенты этой коллегіи назначается *обыкновенно* лицо облеченное въ высокій санъ. Медицинской коллегіи и госпиталямъ Шторхъ посвятилъ, однакожь, въ своемъ I томѣ цѣлыя 44 страницы III главы объ общественной безопасности (стр. 369—401 и 575—587).....

Разгадка этой непріязни въ отношеніи къ просвѣщенному русскому патріоту заключается въ той тяжелой борьбѣ которую барону Черкасову пришлось вести съ иноземнымъ элементомъ въ самой медицинской коллегіи. Черкасовъ показалъ тутъ много сдержанности, онъ какъ бы бралъ въ этомъ случаѣ примѣръ съ неистощимаго терпѣнія императрицы, пока она, наконецъ, не изрекла приговоръ, который еще разъ доказалъ какъ умѣла она вникать въ дѣла, и какъ высоко было въ ней развито чувство справедливости.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ врачей-писателей, профессоръ Чистовичъ, разказываетъ это въ статьѣ: *Первый*

* Шулинусъ (по Шторху), Шуленіусъ (по Димсдалю), см. Gadebusch, *Livländische Bibliothek*, T. I, стр. 120.

Digitized by Google

докторскій дипломъ полученный по экзамену въ Россіи, которая помѣщена была въ №№ 16, 17 и 18 *Медицинскаго Вѣстника*, 1862 года. Заимствуемъ изъ нея, съ дозволенія почтеннаго автора, то что̀ непосредственно относится къ описываемому случаю (стр. 5, 6 и 11—29).

Иностранные администраторы медицинскаго дѣла въ Россіи старались увѣрить кого слѣдовало что Русскіе неспособны быть врачами и не должны получать полнаго медицинскаго образованія, потому что иначе заняли бы высокія мѣста въ нашемъ медицинскомъ мірѣ. Для этого въ госпитальныхъ русскихъ школахъ учили медицинѣ на столько чтобы только освоить учениковъ съ практическою стороной ея, стоявшею почти что на степени ремесла, и держали школы въ этомъ положеніи около 80ти лѣтъ. Когда являлись преподаватели изъ природныхъ Русскихъ, получившихъ основательное образованіе за границей, и выражали желаніе расширить преподаваніе, ихъ тотчасъ же удаляли отъ кафедръ и преслѣдовали всякими неправдами. Такъ погибъ К. И. Щепинъ, пользовавшійся за познанія свои въ ботаникѣ расположеніемъ Линнея, и П. П. Погорѣцкій, осмѣлившійся просить позволенія расширить курсъ школьнаго преподаванія въ Москвѣ, безъ всякаго отъ казны вознагражденія за лишній трудъ свой. Тяжелый гнетъ лежалъ на всякомъ русскомъ человѣкѣ медицинскаго званія, и нужна была необыкновенная живучесть чтобы не погибнуть подъ ежедневными и многоразличными угнетеніями. (*Бесѣда И. Г. Миндерера о дѣловомъ врачебномъ радѣніи*, Гав. Михайлова. Москва, 1843 года.) Между тѣмъ иностранные доктора, пріѣзжая въ Россію для службы, принимаемы были на условіяхъ иногда очень обременительныхъ для нашего, правительства. Не соглашаться на эти условія было невозможно, потому что своихъ докторовъ было у насъ немного, а посылка Русскихъ за границу для усовершенствованія и для полученія докторскихъ дипломовъ затруднялась подъ разными предлогами иноземцами, стоявшими во главѣ медицинскаго управленія въ Россіи.

Баронъ Черкасовъ съ прискорбіемъ видѣлъ зло происходившее отъ чужестраннаго преобладанія въ медицинскомъ сословіи, и съ самаго назначенія своего президентомъ медицинской коллегіи началъ заботиться о возвышеніи уровня медицинскаго образованія въ Россіи: вопервыхъ, ускореніемъ открытія медицинскаго факультета при Московскомъ

Digitized by Google

университетѣ (онъ открытъ только въ 1765 году, какъ это видно изъ переписки куратора В. Е. Ададурова съ барономъ Черкасовымъ, опредѣлившимъ туда профессора Эразмуса на каѳедру анатоміи), и вовторыхъ, улучшеніемъ преподаванія въ госпитальныхъ школахъ. Ему хотѣлось настолько преобразовать и улучшить эти школы чтобы не нуждаться въ иностранныхъ докторахъ, и планъ этого улучшенія представилъ онъ императрицѣ, которая его вполнѣ одобрила. 9го іюня 1764 г. подписанъ ею слѣдующій указъ медицинской коллегіи:

„По установленію новому медицинскаго факультета, каковое состоитъ теперь въ государствѣ нашемъ, подъ правленіемъ медицинской коллегіи, ни малая больше нужда не настоитъ чтобы кандидаты медицины производимы были чрезъ экзамены въ университетахъ чужестранныхъ въ доктры сего факультета. И сего ради повелѣваемъ нашей коллегіи медицинской по собственнымъ ея экзаменамъ всѣхъ обучившихся сей наукѣ производить въ доктры медицины и давать на то каждому патентъ на пергаментѣ, за рукою президента сей коллегіи, съ приложеніемъ нашей печати.“ (Жоффре также упоминаетъ, на стр. 276 своего сочиненія о Екатеринѣ II, о предоставленномъ коллегіи правѣ экзаменовать докторовъ и выдавать имъ дипломы.)

Члены коллегіи возненавидѣли Черкасова за этотъ приговоръ о ненадобности въ Россіи иностранныхъ докторовъ и о замѣнѣ ихъ русскими кандидатами медицины. Они стали во всемъ противорѣчить и мѣшать ему, начиная съ плана преобразованія госпитальныхъ школъ. Дерзость ихъ дошла до того что они противъ высочайшаго указа составили протестъ и поднесли его императрицѣ, прося отмѣнить его, на что она однакожь не согласилась, сказавъ будто бы что члены коллегіи могутъ поступать въ исполненіи его по собственному усмотрѣнію, и коллегія почла это за дозволеніе не исполнять указа.

Однакожь, какъ только законъ сдѣлался извѣстнымъ, представилась и надобность примѣненія его. Въ 1765 году первый врачъ, вслѣдствіе сего явившійся въ коллегію для экзамена на докторскую степень и для полученія соотвѣтственнаго мѣста на службѣ, былъ выборгскій уроженецъ, лѣкарь Г. М. Ореусъ, получившій медицинское образованіе въ петербургской госпитальной школѣ. Онъ выдержалъ экзаменъ; но члены коллегіи отложили въ долгій ящикъ выдачу диплома.

Digitized by Google

Въ августѣ 1766 года онъ подалъ на коллегію жалобу въ кабинетъ императрицы, съ просьбой истребовать слѣдовавшій ему дипломъ. Управлявшій дѣлами кабинета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Елагинъ, потребовалъ отъ коллегіи свѣдѣнія о причинахъ невыдачи диплома, и баронъ Черкасовъ поручилъ тремъ членамъ коллегіи: фонъ-Ашу, Пекену и Линдеману написать подробное объясненіе въ отвѣтъ на предложенные изъ кабинета вопросы. Объясненіе это написано было ими на *нѣмецкомъ языкѣ* * и цѣликомъ напечатано въ статьѣ Я. А. Чистовича. Они въ немъ сдѣлали *формальный донос* ** на Черкасова что онъ указъ 9го іюня 1764 года представилъ къ подписанію императрицы *безъ ихъ вѣдома* и упустилъ притомъ изъ виду что прежде чѣмъ раздавать дипломы слѣдовало бы завести школы; словомъ, что онъ началъ съ конца, вмѣсто того чтобы начать съ самаго начала, сдѣлалъ второй шагъ, не сдѣлавъ еще перваго; что на основаніи своей инструкціи, коллегія не можетъ выдавать дипломовъ безъ сношенія съ Московскимъ университетомъ; что право дѣлать докторовъ принадлежитъ университетамъ, а не коллегіи, что, наконецъ, Ореусъ плохо выдержалъ экзаменъ. Но все это были или ложь, или только пустые предлоги, такъ какъ о сношеніи съ Московскимъ университетомъ въ инструкціи ничего не сказано, и къ тому же коллегія сама допустила Ореуса къ экзамену, да и прежде экзаменовала иностранныхъ докторовъ. За этими предлогами скрывалась черная задняя мысль, пугавшая членовъ коллегіи даже болѣе гнѣва императрицы, мысль тяжелая какъ кошмаръ, тѣмъ болѣе что ее невозможно было высказать. Имъ все мерещилось что вотъ-вотъ за дипломами придутъ къ нимъ русскіе *кандидаты медицины* и, получивъ ихъ, сбросятъ съ себя чужеземное ярмо и выживутъ изъ Россіи иностранныхъ паразитовъ, — стало-быть надо портить и разрушать все то что можетъ развить, образовать и нравственно укрѣпить Русскихъ, а тѣмъ болѣе надо загораживать имъ всѣ пути къ самостоятельному развитію и образованію. Эта же черная мысль мѣшала улучшенію госпитальныхъ школъ. Члены коллегіи оберегали ее какъ величайшій догматъ.

* Подобное этому донесеніе находится въ государственномъ архивѣ.

** Въ томъ же архивѣ сохранился еще болѣе дерзкій и заносчивый доносъ сдѣланный 4 года спустя, въ 1768 году.

Digitized by Google

Получивъ ихъ объясненіе, Елагинъ возвратилъ Ореусу прошеніе его, объявивъ что онъ долженъ быть доволенъ коллежскимъ опредѣленіемъ; но Ореусъ переговорилъ съ барономъ Черкасовымъ, побывалъ у Елагина и снова подалъ просьбу прямо на имя императрицы, которая была уже предувѣдомлена о его первой неудачѣ. Дѣло еще протянулось полтора года и кончилось тѣмъ что 2го августа 1768 года императрица подписала именной указъ коллегіи, коимъ повелѣвалось признавать Ореуса докторомъ медицины и выдать ему дипломъ на это званіе. И это былъ первый докторскій дипломъ выданный по экзамену въ Россіи; а послѣдствія показали что онъ попалъ въ достойныя руки: Ореусъ былъ въ Москвѣ штатъ-физикомъ и напечаталъ извѣстный трактатъ о чумѣ, отъ которой погибло въ Москвѣ въ 1771 году отъ 100.000 до 150.000 жителей. (*Russische Günstlinge*, стр. 270 и Сумароковъ, т. I, стр. 216.)

Далѣе, въ этой же статьѣ, Я. А. Чистовичъ еще разказываетъ случай бывшій 14 лѣтъ спустя, именно проволочки которыя коллегія дѣлала въ выдачѣ диплома студенту С.-Петербургской Академіи Наукъ Соколову, который, побывъ отправленъ на ея счетъ за границу, получилъ степень доктора въ Страсбургскомъ университетѣ. Когда коллегія вздумала спросить на это согласіе Академіи, то Соколовъ принесъ жалобу президенту коллегіи А. А. Ржевскому. Но, какъ замѣчаетъ Я. А. Чистовичъ, *Ржевскій былъ уже не чета Черкасову:* онъ почти никогда не бывалъ въ коллегіи, предоставляя ей проводить безъ помѣхи свои задушевныя мысли, и сносился съ нею въ случаѣ надобности письмами; въ президенты же * попалъ онъ по протекціи. Однакожь онъ вступился за Соколова, видя въ дѣйствіяхъ коллегіи явное притѣсненіе; а когда Академія отвѣтила на запросъ коллегіи что

* Послѣ него въ 1791 году главнымъ директоромъ медицинской коллегіи былъ нѣкто Фитингофъ, а уже въ 1800 году президентомъ оной былъ баронъ Васильевъ, въ послѣдствіи министръ финансовъ. См. статью Я. А. Чистовича: *Первый докторскій дипломъ*, гдѣ кромѣ того находятся чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о существовавшемъ въ тѣ времена различіи между словами: докторъ, врачъ и лѣкарь, о томъ какъ между ними стали появляться такъ-называемые „дѣловые люди“ въ канцелярскомъ значеніи этого слова (бюрократы), и какъ имъ стали давать чины, равнявшіе самую глубокую ученость съ самымъ пошлымъ невѣжествомъ.

Digitized by Google

Соколовъ учился медицинѣ *не для практики*, то онъ пожаловался императрицѣ, вслѣдствіе чего 1го сентября 1781 года генералъ-прокуроръ объявилъ сенату высочайшее повелѣніе сдѣлать замѣчаніе Академіи за принужденіе причиняемое Соколову, а коллегіи предписать дать ему экзаменъ. Сенатъ, указомъ отъ 7го сентября, внушилъ коллегіи чтобъ она, въ опредѣленіи россійскихъ докторовъ, оказывала преимущество предъ въѣзжающими иностранцами и вообще поступала бы на основаніи данной ей въ 1763 году инструкціи, которая, какъ уже извѣстно, составлена была барономъ Черкасовымъ. *

Мы уже имѣли случай сказать объ этомъ сановникѣ что, кромѣ классическаго образованія и свѣдѣній въ медицинѣ, далеко неповерхностныхъ, онъ пріобрѣлъ въ Англіи глубокое уваженіе *къ закону и законности*. Указать черты его жизни, которыя особенно о семъ свидѣтельствуютъ, тѣмъ болѣе умѣстно въ нашемъ трудѣ что онѣ принадлежатъ къ дѣятельности барона въ качествѣ перваго президента медицинской коллегіи. Онѣ описаны лѣтъ десять тому назадъ Я. А. Чистовичемъ въ журналѣ обращающемся почти исключительно между врачами. Г. Чистовичъ самъ указалъ намъ на нихъ именно съ тѣмъ чтобы мы ими воспользовались.

Въ статьѣ своей *Первый медицинскій штатъ Смольнаго монастыря* (протоколы засѣданій Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ 1858—1859) онъ, на стр. 542—569, подробно разказываетъ столкновенія которыя барону Черкасову совершенно нечаянно пришлось имѣть съ И. И. Бецкимъ ** (тогда генералъ-поручикомъ), съ начальницей Смольнаго монастыря княжною А. С. Долгорукой и съ гр. П. А. Румянцевымъ, бывшимъ тогда президентомъ малороссійской коллегіи и главнымъ командиромъ украинскаго и малороссійскихъ корпусовъ, а въ послѣдствіи фельдмаршаломъ.

Въ высочайше утвержденной инструкціи для руководства медицинской коллегіи, въ пунктѣ 3мъ, сказано было что *она сама*, по усмотрѣнію своему, опредѣляетъ мѣста докторамъ, и что „никакой иной въ государствѣ департаментъ, кромѣ „сей коллегіи, власти имѣть не долженъ, *ни рекомендовать*, „ниже *требовать* того или другаго себѣ на вакансію доктора.“

---

* Чистовичъ, и глава IV настоящаго очерка.

** Графъ Сиверсъ также жалуется на интриги Бецкаго и представляетъ его человѣкомъ безпокойнымъ (ч. 2, стр. 323).

Digitized by Google

Поступая совершенно вопреки этому закону, княжна Долгорукова и графъ Румянцевъ письменно требовали: первая назначенія въ Смольный монастырь, а второй — въ Глуховъ, въ малороссійскую канцелярію, *поименно* такихъ врачей которые или были особенно нужны коллегіи, или которыхъ она отъ ихъ мѣстъ, напримѣръ, при синодѣ, или при гвардейскихъ полкахъ, оторвать не могла. Когда же коллегія сама отъ себя назначила въ Смольный монастырь штабъ-лѣкаря Тоде (Thode), находившагося въ числѣ кандидатовъ для выбора въ лейбъ-хирурги, и слѣдовательно одного изъ лучшихъ врачей того времени, * то княжна Долгорукова лично пожаловалась императрицѣ на обиду. Вѣроятно, Бецкій представилъ дѣло государынѣ односторонним образомъ; ибо послѣдствіемъ всего этого былъ указъ медицинской коллегіи отъ 30го марта 1765 г., освободившій княжну Долгорукову отъ всякаго стѣсненія какими-либо законами. Въ немъ сказано: „При Воспитательномъ въ Воскресенскомъ монастырѣ Благородныхъ Дѣвицъ Обществѣ воспитаніе поручено отъ насъ съ особенною довѣренностію учрежденному совѣту“; почему и предписывается „опредѣлять туда докторовъ *по назначенію совѣта;* а о болѣзняхъ имъ не доносить коллегіи, а только начальницѣ“. Съ тѣхъ поръ медицинская коллегія безпрекословно исполняла всѣ требованія совѣта, опредѣляя способныхъ и неспособныхъ, которые, поступая въ Смольный монастырь, съ тѣмъ вмѣстѣ выходили изъ ея подчиненности и изъ ея вѣдомства.

Столкновеніе съ графомъ Румянцевымъ не имѣло такихъ послѣдствій, но было также очень характеристично. Онъ согласился принять двухъ врачей, назначенныхъ въ Глуховъ

* Въ Смольный монастырь помѣщена была три года спустя *единственная* дочь барона А. И. Черкасова, вышедшая оттуда въ 1779 г. *первою* воспитанницей 2го выпуска, бывшая въ послѣдствіи за полковникомъ Евст. Ив. Пальменбахомъ, а послѣ его смерти — кавалерственною дамой ордена Св. Екатерины и начальницей Смольнаго монастыря съ 1797 по 1802 годъ. (Ср. главу III настоящаго очерка.) Что Тоде былъ однимъ изъ наилучшихъ врачей того времени, это доказываетъ и то что князь Г. Г. Орловъ (вѣроятно по рекомендаціи Черкасова) взялъ его съ собою въ Москву когда тамъ свирѣпствовала чума. Авторъ книги *Russische Günstlinge* (стр. 270) сообщаетъ о томъ что онъ за свои труды тамъ получилъ только 200 рублей.

Digitized by Google

медицинскою коллегіей, а третьяго (Риттера) не принялъ, какъ человѣка *суще престарѣлаго* и неспособнаго, причемъ требовалъ замѣны Риттера штабъ-лѣкаремъ Семеновскаго полка Горловымъ или синодальнымъ врачомъ Фуксомъ.

Требованіе это было очевидно противно инструкціи, обидно для Риттера и совершенно произвольно въ отношеніи Фукса и Горлова, которые къ тому же не были еще штабъ-лѣкарями.

Вслѣдствіе сего баронъ Черкасовъ написалъ графу Румянцеву довольно рѣзкое письмо, въ которомъ, ссылаясь на инструкцію, говорилъ что о престарѣлости и неспособности Риттера медицинская коллегія никакихъ свѣдѣній не имѣетъ, а что самъ онъ въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года видѣлъ его въ Ригѣ * не оказывавшимъ никакихъ знаковъ престарѣлости. О Фуксѣ и Горловѣ не безъ сарказма замѣчаетъ онъ: „Коллегіи неизвѣстно чтобъ они были штабъ-лѣкарями: они доселѣ въ спискѣ состоятъ лѣкарями, а потому къ опредѣленію на штабъ-лѣкарское мѣсто слѣдовать не могутъ; когда же будутъ въ штабъ-лѣкаря произведены, того не знаю.“ Въ заключеніе Черкасовъ приложилъ къ письму своему печатный экземпляръ инструкціи, сдѣлавъ противъ пункта 3го замѣтку.

Румянцевъ обидѣлся этимъ отказомъ, обидѣлся рѣзкостью письма и еще болѣе присылкой экземпляра инструкціи, вслѣдствіе чего отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь мой,
„Александръ Ивановичъ!

„Я много сожалѣю что первая моя съ медицинскою коллегіею переписка виною такихъ вамъ безпокойствъ, а мнѣ непріятностей. Подобныя затрудненія между людьми нашихъ состояній не суть пользою для службы, но къ вящшему неустроенію и замѣшательству ихъ: вотъ каковы плоды раздоровъ между правительствъ. Что я требовалъ доктора Паульсона и лѣкаря Данилевскаго, въ томъ я уполномоченъ былъ соизволеніемъ ея величества, и мнилъ, что требованіе мое и о штабъ-лѣкарѣ принято будетъ; но вижу теперь что я въ надеждѣ своей обманулся. Дозвольте и о присланной вами мнѣ печатной *инструкціи* упомянуть: она давно ужь обнародована и, слѣдственно, говоря объ ней, вы о извѣстномъ мнѣ говорили; а присылку я бы могъ за иное что

* Ср. слѣдующую главу настоящаго очерка.

Digitized by Google

почесть, ежели бы почтеніе мое къ вамъ не такъ было велико, каково оно есть.

„Я всегда пребуду,
„Милостивый государь мой,
„вашъ покорный слуга
„Г. Румянцевъ".

„Декабря 22го дня 1764."

Очевидно что и здѣсь, какъ въ дѣлѣ Смольнаго монастыря, досада была велика; но Румянцевъ не пожаловался императрицѣ, а только не сталъ обращать вниманія на Риттера, когда тотъ пріѣхалъ въ Глуховъ, что̀ и заставило послѣдняго проситься въ отставку.

Мы сократили по возможности разказъ профессора Чистовича. Заключимъ его словами:

„Надо отдать справедливость медицинской коллегіи, что она въ описываемую нами эпоху употребляла всѣ усилія къ *поддержанію законности* въ зависѣвшихъ отъ нея распоряженіяхъ, обуздать произволъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ и прекратить вкравшіяся въ медицинское управленіе злоупотребленія. И потому подобныя столкновенія повторялись чуть ли не всякій день съ начальниками отдѣльныхъ управленій. Каждый изъ такихъ начальниковъ считалъ себя самовластнымъ господиномъ въ своемъ управленіи и очень мало или даже совсѣмъ не заботился о законности или беззаконности своихъ дѣйствій. Что̀ подсказывалъ ему собственный произволъ, то онъ и дѣлалъ, и узды для ограниченія этого произвола никакой не существовало. Это никого даже не удивляло и не печалило, потому что считалось нормальнымъ явленіемъ. Еще напротивъ: чѣмъ произвольнѣе и самовластнѣе поступалъ начальникъ, тѣмъ болѣе его уважали, тѣмъ болѣе льстили ему и гордились его подчиненные, потому что это самимъ имъ развязывало руки и покрывало всѣ ихъ злоупотребленія. Вѣдь начальникъ только распоряжался и отвѣчалъ за свои распоряженія (если-только приходилось когда-нибудь отвѣчать за нихъ); а приготовлялъ эти распоряженія всегда секретарь, или другое подобное лицо, которому очень удобно было вертѣть дѣлами подъ покровительствомъ сильнаго авторитета, не такъ какъ нужно было, а какъ было выгоднѣе. Отъ того взяточничество и непотизмъ развились до такой степени что всѣ мѣры предпринимавшіяся противъ ихъ, въ царствованіе Екатерины II не привели ни къ какимъ результатамъ. Причиной неуспѣха ихъ было то что хотѣли уничтожить взяточничество въ чиновникахъ, не трогая беззаконнаго произвола въ начальникахъ ихъ, между тѣмъ какъ одно безъ другаго никогда существовать не могло."

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

ТЮРЕМНЫЙ МІРЪ

Лѣтомъ 186.... года по одной изъ главныхъ сибирскихъ рѣкъ двигался небольшой пароходъ, тянувшій на буксирѣ громаднѣйшую баржу. Палуба была покрыта народомъ. Сѣрый цвѣтъ преобладавшій въ костюмѣ, звукъ цѣпей и звяканье желѣза изобличали характеръ пассажировъ: это была арестантская баржа, везшая на своей палубѣ и въ трюмахъ нѣсколько сотъ человѣкъ новыхъ обывателей для Сибири. По истинѣ, тутъ была смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній. Вотъ у самаго борта расположилась толпа молодежи. Сѣрыя свитки, куртки, пальто, чамарки, бешметы, бараньи шапки, кепи пестрѣли въ толпѣ. Завитые усы, шапки набекрень, подбоченившіяся руки придавали этой молодежи, повидимому, бодрый видъ. Но вглядѣвшись пристально, не трудно было замѣтить упорно устремленные на берегъ глаза, лихорадочно напряженный взглядъ, выдававшій цѣлое море неизвѣстности и мучительнаго ожиданія. Въ толпѣ молодежи, тамъ и сямъ, бродили черныя тѣни людей въ длинныхъ полыхъ сюртукахъ и большихъ картузахъ. Изъ-подъ нависшихъ бровей, они украдкой бросали мрачные взоры на берегъ и снова опускали ихъ къ землѣ. Тутъ же, пригорюнившись, стояли сѣдые старики въ сѣрыхъ длинныхъ пальто и длинноухихъ шапкахъ: эти не смотрѣли на берегъ; взглядъ ихъ выражалъ тоскливую апатію. Это были ссыльные изъ привислинскаго и западно-русскаго края. Покрой платья и отсутствіе кандаловъ изобличали ихъ привилегированное званіе. Между рядами Поляковъ и стѣнами каютъ гремѣли кандалами гражданскіе арестанты разныхъ категорій, большею частію изъ сѣраго русскаго люда. Всѣ

Digitized by Google

они были въ сѣрыхъ или желтыхъ зипунахъ, съ оранжевыми лоскутами на спинѣ, въ бродняхъ или чиркахъ и большею частію съ обнаженными головами. Спокойное выраженіе лица и беззаботная поза ясно говорили что эти люди покончили счеты съ обществомъ: они его оскорбили, оно ихъ осудило, и они квиты. Незачѣмъ болѣе раздумывать, нужно принять жизнь какъ она есть и извлечь изъ нея все то что̀ еще осталось въ ней на ихъ долю.

У самыхъ каютъ и на бакѣ помѣщались отдѣльными группами почернѣлые отъ солнца Черкесы въ своемъ національномъ костюмѣ, смуглые Цыгане въ изорванныхъ халатахъ, Татары въ ваточныхъ кафтанахъ съ ермолками на бритыхъ головахъ и Киргизы въ бараньихъ шапкахъ. Черкесы курили коротенькія трубки, сохраняя полное спокойствіе; Цыгане, присмиревшись кое-какъ, дулись въ карты; Татары вели нескончаемые разговоры; Киргизы тупо глядѣли на берегъ.

Между этими группами, расположась на палубѣ какъ дома, горготали на своемъ нѣмецко-еврейскомъ діалектѣ Евреи. Не обращая ни на что̀ ни малѣйшаго вниманія, какъ будто вся баржа исключительно принадлежала имъ, Евреи и Еврейки заняли всю середину бака, расположивъ вокругъ себя разнообразнѣйшую хозяйственную рухлядь. Тутъ были сундуки, чемоданы, порыжѣлыя сумки, мѣшки, кульки, мѣшечки, утюги, коробки, кастрюли, чайники, кувшины. Тутъ же, для какой-то невѣдомой цѣли, валялся изломанный старый зонтикъ и до нельзя заношенныя калоши и т. п. дрянь, везомая за тысячи верстъ изъ какого-нибудь Бердичева или Шклова. Вокругъ Евреекъ, въ разнообразнѣйшихъ позахъ, расположились всѣхъ возрастовъ дѣти, угощаясь лукомъ, чеснокомъ и различными отварами. Еврейки, усѣвшись по-турецки, съ проворствомъ и ловкостію разливали чай и другія кушанья, угощая мужей и въ то же время не прекращая своего быстраго какъ потокъ краснорѣчія. Потъ лился градомъ по ихъ загорѣлымъ вискамъ, но это нисколько не мѣшало ни ихъ хозяйничанью, ни неудержимой болтовнѣ. Тутъ-то вполнѣ сказалась предпріимчивая, живучая натура Еврея: во всякой странѣ, во всякомъ положеніи онъ чувствуетъ себя какъ дома.

У бортовъ баржи, кое-гдѣ, опершись на ружья, стояли часовые, безучастно глядя на волнующуюся вокругъ ихъ толпу.

Digitized by Google

Одни унтеръ-офицеры сновали по палубѣ, наблюдая возможный порядокъ.

Часамъ къ 11ти утра, вдали, на низменномъ берегу рѣки, показался большой городъ. Полукруглый, въ этомъ мѣстѣ, берегъ величественной рѣки усѣянъ былъ массой домовъ. Надъ ними возвышались, блестя на солнцѣ, куполы старинныхъ церквей. Надъ этимъ полукругомъ царила высокая гора, увѣнчанная огромными каменными зданіями и церквами. Справа окраину ея сковывали каменныя стѣны съ почернѣвшими башнями по угламъ. Слѣва тянулись къ рѣкѣ высокіе земляные валы, окруженные глубокимъ рвомъ. Валы и рвы зеленѣли свободно растущею травой. Преданіе гласитъ что работали ихъ плѣнные Шведы, заброшенные измѣнчивою фортуной съ полтавскихъ полей въ снѣга Сибири. И такъ прочна была работа, что прошло полтора вѣка, крѣпость давно упразднена въ городѣ, а валы и рвы все существуютъ: стройною линіей тянутся они къ рѣкѣ, какъ безмолвные памятники минувшаго величія.

А великъ и славенъ былъ этотъ городъ въ добрые старые годы. Недалеко отъ него могила русскаго Пизарро, увлеченнаго тяжелымъ панцыремъ ко дну великой рѣки. Было время когда по здѣшнимъ улицамъ катался въ золотой каретѣ, на лошадяхъ съ золотыми подковами, вельможный губернаторъ временъ Петра Великаго князь Г...., сложившій свою преступную голову на берегахъ Невы. Было время когда къ намѣстнику, проживавшему въ своемъ каменномъ дворцѣ на этой высокой горѣ, со всѣхъ концовъ Сибири стекались униженные искатели мѣстъ, челобитчики несли свои дары: соболь, дорогую куницу, чистое злато и серебро. Было время когда здѣшніе сановники разнаго рода жили не въ десятирублевыхъ квартирахъ, а въ собственныхъ благопріобрѣтенныхъ дворцахъ, а жены ихъ разъѣзжали въ соболяхъ да горностаевыхъ шубахъ на рысакахъ съ серебряною сбруей. Все это было, да былью поросло, и теперь городъ доживаетъ свой дряхлый вѣкъ, и только одни шведскіе валы да каменныя стѣны съ почернѣлыми башнями свидѣтельствуютъ о минувшемъ.

Едва пароходъ подошелъ къ берегу, какъ отъ берега отдѣлилась лодка и, быстро разсѣкая волны, помчалась къ пароходу, остановившему ходъ; изъ нея вышелъ полицейскій чиновникъ и пошелъ съ капитаномъ въ каюту. Черезъ двѣ-

Digitized by Google

три минуты капитанъ вышелъ на палубу, дали ходъ и повернули на самую средину рѣки. Загремѣлъ якорь, и пароходъ остановился.

— Не велѣно подходить къ берегу; не пришла команда, послышалось на баржѣ, и толпа загудѣла: гулъ голосовъ, звукъ цѣпей и ругатня раздались на палубѣ.

Одни Черкесы невозмутимо курили свои трубки, да Евреи, не обращая ни на что вниманія, какъ будто все это вовсе ихъ не касалось, продолжали свою трапезу и неумолчно болтали.

Прошло около получаса; шумъ и гвалтъ усиливался. Но вотъ послышался гулъ шаговъ, и изъ-за ближайшей церкви показались ряды войска. Около двухъ ротъ солдатъ, съ ружьями на плечахъ, мѣрнымъ шагомъ приближались къ пристани. Послышалась команда, солдаты стали цѣпью по берегу и въ два ряда по направленію отъ берега къ домамъ, образовавъ такимъ образомъ улицу саженъ во сто длины.

Когда всѣ эти приготовленія окончились, подняли якорь, и пароходъ причалилъ къ пристани, поставивъ между собой и берегомъ баржу. Но арестантовъ все еще не спускали на берегъ. Гвалтъ и раздраженіе достигли крайнихъ размѣровъ. Кой-гдѣ стали появляться сверкающіе взгляды и угрожающіе жесты. Но сверкающій взглядъ скрещивался съ ружьемъ часоваго и потухалъ безслѣдно, грозный жестъ не повторялся. Только цѣпи невозбранно гремѣли, зубы скрипѣли, кулаки невидимо сжимались, и языкамъ дана была полная воля: все кричало, галдѣло, стучало—шумъ и гамъ былъ невыразимый. Конвойные унтеръ-офицеры потеряли всякую возможность водворить какой-либо порядокъ, а прибѣгать къ силѣ не было повода. Но вдругъ послышалось магическое слово: „Полицеймейстеръ!“ „Полицеймейстеръ!“ и могучаго росту штабъ-офицеръ вступилъ на палубу. Толпа отпрянула.

— Что за шумъ? По каютамъ! скомандовалъ полицеймейстеръ.

Бортъ очистился, и арестанты, не торопясь, повалили въ каюты. Одни Евреи преспокойно продолжали сидѣть на палубѣ какъ дома, со всѣми своими чадами и домочадцами; только горготанье ихъ стало тише, и между ними послышались произносимыя вполголоса русскія фразы: „намъ что, мы не какіе-нибудь, мы политическіе.“

Digitized by Google

Вслѣдъ за полицеймейстеромъ показались чиновники, сопутствуемые вахтерами съ черильницами въ рукахъ и съ портфелями подъ мышкой. На палубѣ разставили столы и стулья, образовалось распредѣлительное присутствіе, и началась перекличка арестантовъ.

— Анатолій Савинскій, слышался голосъ чиновника.

— Анатолій Савинскій, громко произносилъ вахмистръ.

— Анатолій Савинскій, кричалъ арестантскій староста, заглядывая въ каюту.

На этотъ тройной зовъ показался загорѣлый молодой арестантъ въ сѣромъ бешметѣ и кепи, съ небольшимъ мѣшкомъ за плечами и чемоданчикомъ въ рукахъ. Чиновникъ провѣрилъ примѣты, быстро окинулъ взглядомъ платье арестанта, сдѣлалъ отмѣтку въ спискѣ и сказалъ: „вамъ на берегъ“. Арестантъ сошелъ на пристань и остановился на площади между солдатами.

„Ксаверій Змигродскій!“ послышался опять тройной окликъ: подошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, низенькаго роста, съ карими глазами и румяными щеками, съ маленькими закрученными усиками, въ чамаркѣ и пальто изъ желтаго фабричнаго сукна. Черезъ плечо у него висѣла потертая сумочка, а въ правой рукѣ небольшой узелокъ. Юноша смотрѣлъ задорно и видимо храбрился. Произошла та же церемонія, и юноша ушелъ на берегъ. Такимъ образомъ продолжалась перекличка нѣсколько часовъ. Человѣкъ двѣсти арестантовъ привислинскаго и западно-русскаго края было снущено на берегъ и почти столько же оставлено на баржѣ, такъ какъ имъ слѣдовало плыть на этомъ же пароходѣ далѣе. Приступили къ перекличкѣ гражданскихъ арестантовъ. Тутъ возгласы резолюціи и самый процессъ спуска на берегъ сдѣлались разнообразнѣе.

— Семенъ Ивановъ! кричали вахтера и старосты. Появлялся рослый мужикъ въ сѣромъ армякѣ, съ войлочною шляпой на головѣ и огромнымъ мѣшкомъ за спиной: „Въ Енисейскую губернію“, произносилъ чиновникъ, и арестантъ отходилъ на бакъ баржи. Другой получалъ резолюцію на берегъ и, довольный, съ нѣсколькими пудами клади, гремя кандалами, чуть не бѣгомъ спускался съ баржи на площадку между солдатами. Тутъ выкликались наши русскіе Иваны, Семены и Антоны не помнящіе и отходили печально на бакъ, чтобы плыть еще далѣе. Тутъ заявлялись, преимущественно со стороны

Digitized by Google

арестантокъ, желанія, вмѣсто Енисейской, идти въ Иркутскую губернію, чтобы не отстать отъ получившихъ туда назначеніе арестантовъ, съ которыми они, въ теченіе длиннаго пути, сошлись слишкомъ близко. Вотъ показалась истомленная арестантка, обремененная разнообразными пожитками и окруженная кучей дѣтей, цѣплявшихся за ея платье; она торопливо сходитъ съ баржи. Потъ катится съ нея градомъ; въ одной рукѣ она тащитъ свои пожитки, а другою придерживаетъ двухлѣтняго ребенка, пугливо оглядываясь назадъ, боясь потерять остальныхъ дѣтей. Тащилась съ собой всякая рухлядь, ни что не оставлялось и ни что не забывалось: крохи эти будутъ служить основой новаго хозяйства, въ новой невѣдомой странѣ.

По окончаніи переклички, къ группѣ арестантовъ высаженныхъ на берегъ подъѣхало десятка четыре одноконныхъ подводъ, нанятыхъ тюремнымъ комитетомъ. Арестанты сложили на нихъ всю свою громоздкую, тяжелую кладь; тутъ же, крехтя и охая, усѣлись больные и старики; тамъ и сямъ арестантки размѣстили на телѣгахъ дѣтей. Отъ солдатъ отдѣлился конвойный отрядъ, и партія, по пыльной улицѣ, двинулась въ городской острогъ ожидать окончательнаго распредѣленія и отправки на новыя мѣста жительства. Вотъ они обогнули церковь, пересѣкли нѣкоторую площадь, прошли мимо рядовъ и, повернувъ направо за уголъ, углубились въ городъ. Пыль и звяканье кандаловъ издалека предупреждали прохожихъ о появленіи этихъ новыхъ пришельцевъ въ ихъ непривѣтную сторону. Прохожій останавливался, привычнымъ взглядомъ окидывалъ несчастныхъ пришельцевъ, и шелъ далѣе. Не въ первый и не въ послѣдній разъ видитъ онъ это шумное шествіе: пройдутъ года, состарится прохожій, точно также увидитъ ту же печальную картину, остановится, броситъ на нее равнодушный взглядъ и пройдетъ далѣе.

Между тѣмъ на баржѣ, по окончаніи переклички, оставшіеся арестанты снова наполнили палубу; шумъ, говоръ, смѣхъ послышались снова. Забыто все: и дальнія страны предстоящія невольнымъ путешественникамъ, и тоска многодневнаго водянаго пути, и грозная неизвѣстность будущаго. Появились торгаши и торговки съ булками, молокомъ, кислыми щами, калачами, квасомъ, свѣжею рыбой и т. п. Начался самый оживленный торгъ, въ которомъ самое горячее и шумное участіе приняли Евреи.

Digitized by Google

Прошелъ одинъ день. Было девять часовъ утра. Та же цѣпь по берегу, та же улица изъ солдатъ отъ пристани къ домамъ. Съ баржи слышался ожесточенный споръ, крики, ругательства на польскомъ языкѣ. У самой почти баржи стояло нѣсколько телѣгъ нагруженныхъ печенымъ хлѣбомъ; одна навалена была свѣжимъ мясомъ; на другой кульки, кадушка съ коровьимъ масломъ и полубочье квашеной капусты, издававшей весьма недурной наркотическій запахъ. Около телѣгъ стояли чиновникъ въ форменномъ сюртукѣ и фуражкѣ и четыре человѣка въ унтеръ-офицерскихъ сюртукахъ. На лицахъ блюстителей провизіи было написано довольно наивное отчаяніе. Къ нимъ подошелъ другой чиновникъ, повидимому не имѣющій никакого отношенія къ арестантскимъ дѣламъ.

— Что это вы тутъ дожидаетесь? спросилъ онъ блюстителя провизіи.

— Провизію изъ острога привезли арестантамъ, отвѣчалъ тотъ.

— Такъ чего же вы ждете?

— Да что вы станете дѣлать съ этимъ народомъ? Вотъ такъ съ семи часовъ маемся: не берутъ да и только. Не хотимъ, говорятъ, провизіи, давайте намъ кормовыя деньги. Уперлись, да и шабашъ; что хочешь, то и дѣлай, да еще и ругаются.

— Такъ отчего вы не увезете провизію назадъ? Пусть сидятъ голодные, коль не хотятъ брать.

— Помилуйте, да тутъ такой гвалтъ подымутъ что все начальство сбѣжится, скажутъ: „голодомъ морятъ“.

— Но вѣдь начальство же разберетъ, въ чемъ дѣло?

— Оно конечно, начальство имъ потачки не дастъ, а все скажутъ что не умѣлъ, дескать, обойтись безъ скандала, до бунта народъ довелъ. Добро бы еще провизія была плохая, а то сами смотрите, отборная провизія. Нѣтъ, ужь дождусь полицеймейстера, авось угомонитъ ихъ, они его боятся.

Посторонній чиновникъ посмотрѣлъ провизію: хлѣбъ былъ рѣшетный, но изъ хорошей муки и отлично испеченный, мясо свѣжее, жирное, какъ видно ночной бойки, капуста была великолѣпная.

Съ парохода между тѣмъ кричали: „не нужно намъ тухлаго мяса, не хотимъ провизіи, давайте кормовыя, не нужно провизіи, сами купимъ“. Въ одномъ мѣстѣ молодой загорѣлый арестантъ, въ чамаркѣ, размахивалъ руками и кричалъ товарищамъ: „помилуйте, господа, заслали чортъ знаетъ куда

Digitized by Google

и кормятъ тухлой говядиной! не хотимъ ихней провизіи, мы не собаки, намъ подавай деньги, что нужно сами купимъ". Энергическая рѣчь оратора прервана была словами: „полицеймейстеръ! полицеймейстеръ!" Дѣйствительно, полицеймейстеръ уже былъ тутъ и говорилъ съ экономомъ. Говоръ уже смолкъ, но все-таки шумъ продолжался, пока полицеймейстеръ не показался на палубѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ унтеровъ.

— Эй, послать ко мнѣ старостъ! закричалъ онъ голосомъ покрывшимъ весь баржевой содомъ.— Отчего вы не берете провизіи? спросилъ онъ подошедшихъ къ нему нѣсколькихъ человѣкъ арестантовъ, оказавшихся старостами.

— Пане пулковнику....

— Говорите по-русски, я по-польски не учился, прервалъ его полицеймейстеръ.

— Мы, господинъ майоръ, ничего не имѣемъ противъ провизіи, но мы желаемъ получать кормовыя деньги на руки вмѣсто пищи: она намъ надоѣла за послѣдніе три дня отъ города Т*; мы не привыкли къ однообразной пищѣ.

— А! такъ вамъ казенная пища въ три дня ужъ надоѣла! Знайте же что денегъ вамъ на руки выдавать нельзя. Извольте сію минуту принять провизію, слышите ли: сію минуту, и чтобъ это было въ послѣдній разъ! слышите ли?

— Слушаемъ-съ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ староста гражданскихъ арестантовъ и направился къ телѣгамъ съ провизіей.

За нимъ, нехотя, поплелись и остальные старосты. Шумъ прекратился; повара, изъ арестантовъ же, послѣдовали за старостами. Тѣмъ. бунтъ и покончился.

II.

Прихотливая судьба бросила меня въ это время въ Сибирь на службу въ описываемый городъ. Я состоялъ при губернаторѣ въ родѣ чиновника для порученій.

Протянулось лѣто, зима; наступила весна слѣдующаго года. Было утро. Въ нашей канцеляріи шумъ и болтовня неумолкаемая. Чиновники, собравшись въ небольшія группы, вели нескончаемыя бесѣды. Слышатся толки о дровахъ, стуколкѣ, наградахъ, недавнемъ спектаклѣ любителей и т. п. Самая

Digitized by Google

оживленная группа окружаетъ секретный столъ, вмѣщающій въ себѣ и канцелярію тюремнаго комитета. Здѣсь собралось все чиноначаліе канцеляріи. Въ центрѣ группы, на углу стола, возсѣдаетъ почтенныхъ лѣтъ господинъ съ гладко причесанными волосами и веселыми бѣгающими глазами. Держа въ одной рукѣ табакерку, а другой похлопывая по ея крышкѣ, онъ нюхаетъ табакъ. Втянувъ въ себя медленно щепотку этой сладости, онъ, съ какою-то особенною гримаской, не то удовольствія, не то отвращенія, щелкаетъ пальцами, и вставъ со стола, протягиваетъ табакерку другимъ. Позади его, солидной наружности и роста лысый столоначальникъ, въ вицъ-мундирѣ, сибаритски поглаживаетъ свои усы и бороду, заложивъ свободную руку за спину. Возлѣ него, размахивая руками и дополняя свою рѣчь энергическою мимикой физіономіи, ораторствуетъ молодой чиновникъ особыхъ порученій. Противъ господина нюхающаго табакъ сидитъ, внимательно вслушиваясь въ бесѣду, чиновникъ лѣтъ подъ тридцать пять, съ высокимъ, отлично развитымъ лбомъ и большими, умными глазами. Въ концѣ стола, отвалившись на спинку стула, небрежно играетъ лорнеткой безукоризненно одѣтый молодой человѣкъ съ нѣсколько апатичнымъ лицомъ. Вдругъ, на самомъ патетическомъ мѣстѣ рѣчи молодаго чиновника, господинъ нюхающій табакъ встаетъ со стула и съ наисеріознѣйшею миной объявляетъ всей компаніи: „все это, господа, я полагаю, слѣдуетъ передать на зависящее распоряженіе Мокія Ивановича“, и отвѣшиваетъ низкій поклонъ лысому столоначальнику. Взрывъ всеобщаго смѣха отвѣчаетъ на удачную шутку, такъ какъ всей канцеляріи извѣстно что лысый столоначальникъ всякую вступившую бумагу старается спустить на зависящее распоряженіе какого-нибудь присутственнаго мѣста. Не успѣлъ еще умолкнуть всеобщій смѣхъ, какъ въ широкихъ дверяхъ канцеляріи показался вахмистръ съ большимъ ключомъ въ рукахъ и торопливо направился отпирать кабинетъ его превосходительства. „Что, ѣдетъ?“ посыпались на него вопросы. „Ѣдутъ-съ“, почтительно отвѣчалъ вахмистръ и отворилъ настежь двери кабинета. Всѣ пошли по мѣстамъ, и группы разстроились. Господинъ нюхающій табакъ спокойно высморкался въ большой фуляровый платокъ и усѣлся за свой, покрытый краснымъ сукномъ, столъ, симметрически разложивъ на немъ толстыя кипы бумагъ приготовленныхъ къ докладу. Чиновникъ особыхъ порученій

Digitized by Google

усѣлся за другой столъ и глубокомысленно погрузился въ чтеніе лежавшей предъ нимъ переписки. Столоначальникъ съ лысиной мѣрнымъ шагомъ направился къ своей конторкѣ и, вытащивъ за уголокъ какое-то прошеніе, не торопясь сталъ объяснять писцу въ какое присутственное мѣсто слѣдуетъ передать это прошеніе на зависящее распоряженіе. Молодой безукоризненно одѣтый чиновникъ, вооруживъ свой носъ лорнеткой, внимательнѣйшимъ образомъ углубился въ лежавшее предъ нимъ толстѣйшее дѣло, какъ бы желая сразу проникнуть всѣ сокровеннѣйшія его тайны.

Прошло нѣсколько минутъ, сдвинулись стулья, всѣ встали съ мѣстъ, и его превосходительство, вѣжливо отвѣчая на поклоны канцеляріи, быстро пронесся въ свой кабинетъ. Водворилась тишина, нарушаемая только скрипомъ перьевъ и шелестомъ бумаги. Прошло съ часъ. Я оканчивалъ чуть не десятую черновую, какъ надъ самымъ моимъ ухомъ послышалось:

— Его превосходительство васъ просятъ, и вахмистръ удалился на свое мѣсто.

Вхожу, торопливо застегивая сюртукъ.

— Побывайте у совѣтника Ахтырки; онъ вамъ передастъ кое-что чрезвычайно важное.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Если можно, постарайтесь побывать у него сегодня же; подумайте о томъ что онъ вамъ скажетъ и завтра явитесь ко мнѣ.

— Слушаю.

— Не забудьте что это чрезвычайно важно.

Выхожу изъ кабинета отеломленный таинственнымъ приказаніемъ, въ полнѣйшемъ недоумѣніи о томъ что можетъ сказать мнѣ Ахтырка. Ахтырку я никогда до того времени не видалъ, но зналъ что это маститый совѣтникъ одного изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и директоръ тюремнаго комитета, завѣдующій строгомъ. Народная молва гласила что это баринъ рѣдко что-нибудь дѣлавшій, но шедшій весьма удачно по тернистому служебному пути. Та же молва прибавляла что этотъ господинъ, имѣя многочисленное семейство и получая всего тысячу рублей жалованья, умѣлъ жить вполнѣ по-совѣтничьи, прилично, на широкую ногу. Вслѣдствіе этихъ-то свѣдѣній, моему воображенію почему-то вдругъ предстала обширная гости-

Digitized by Google

ная, обставленная пружанными креслами, мягкими софами и диванами, съ громадными зеркалами въ простѣнкахъ и т. п. Въ этой гостиной воображенію моему представлялся господинъ почтеннѣйшей и благообразнѣйшей наружности, не толстый и не тонкій, не высокій и не карликъ, съ большимъ носомъ и огромнѣйшимъ носовымъ платкомъ въ рукахъ. Ну, словомъ, представлялся ни дать ни взять Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, только сѣдой какъ лунь. Ужь почему онъ представился мнѣ сѣдымъ какъ лунь, не знаю: не потому ли что Павелъ Ивановичъ былъ всего только коллежскій совѣтникъ, а Ахтырка, какъ мнѣ достовѣрно было извѣстно, давно уже достигъ ранга статскаго совѣтника.

Въ семь часовъ вечера, съ нѣкоторымъ волненіемъ, звоню у парадная крыльца. Чрезъ минуту дверь отворилась, и молодой человѣкъ лѣтъ шестнадцати привѣтливо сказалъ:

— Пожалуйте, папаша васъ давно ждетъ.

Сбросивъ шубу, я вступилъ въ гостиную — сонъ въ руку: кресла, софы, стулья, зеркала—все какъ въ моемъ воображеніи. Въ дополненіе картины предо мной почтеннѣйшій и благообразнѣйшій старичокъ лѣтъ шестидесяти, средняго роста, съ подвижнымъ лицомъ и живыми торопливыми манерами.

— Садитесь, пожалуйста, землякъ; вѣдь вы изъ Хохландіи?

— Изъ Ч....кой губерніи.

— Ну такъ, такъ, я оттуда же: земляки. Ну, земляче, познакомимся.

— Очень радъ. Вы давно были на родинѣ?

— Нѣтъ. Недавно бралъ отпускъ: жена лѣчилась въ Москвѣ, а я объѣдался варениками въ Хохландіи.

— Завидую вамъ: мнѣ врядъ ли скоро удастся пробраться на родину?

— Молоды еще, земляче, поживите съ наше, а мы кстати вамъ и дѣльце найдемъ, хорошее, стóящее дѣльце.

— Это не то ли самое о чемъ его превосходительство велѣлъ мнѣ переговорить съ вами.

— Вотъ, вотъ, угадали, оно и есть. Видите ли, земляче, я ужь старъ, да и на покой собираюсь, такъ его превосходительство и велѣлъ мнѣ переговорить съ вами, не возьмете ли вы на себя мою должность по тюрьмѣ.

— Что вы, что вы, Ѳедоръ Григорьевичъ, куда мнѣ этакую обузу! Да я понятія не имѣю объ острогѣ. Да кромѣ

Digitized by Google

того, мало ли и безъ меня есть разныхъ чиновниковъ, совѣтниковъ, начальниковъ отдѣленій и т. п.

— Предлагалъ я его превосходительству многихъ: тѣ сами не хотятъ, а о другихъ онъ слышать не хочетъ. Наконецъ выборъ его окончательно остановился на васъ. Соглашайтесь, земляк, уважьте меня, старика. Присмотритесь понемногу, увидите, что не такъ страшенъ чортъ какъ его малюютъ.

— Но вѣдь эта должность безъ жалованья, а между тѣмъ, говорятъ, чрезвычайно безпокойная. Съ чего же я надѣну на себя это ярмо ни за что ни про что? Къ тому же, знаете, я юристъ, административная часть для меня дѣло вовсе не подходящее. Нѣтъ, какъ хотите, Ѳедоръ Григорьевичъ, сердитесь, не сердитесь, а я за это дѣло не возьмусь.

— Уважьте земляка; да и чего вы боитесь. Дѣло это вовсе не трудное, только найдите честнаго эконома.

— А его-то и съ огнемъ не найти. Нѣтъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, не о чемъ намъ болѣе и трактовать. Желаю вамъ покойной ночи.

— Эхъ, земляк, земляк, сказалъ пріунылый Ахтырка,— не скоро удастся мнѣ найти подходящаго человѣка; главное что его превосходительство ни на кого, кромѣ васъ, тутъ не положится.

— Мнѣ лестно довѣріе его превосходительства, а все-таки за это дѣло я не возьмусь.

— Ну, прощайте, Богъ съ вами, огорчили вы старика.

— Извините, никакъ не могу. Мое почтеніе.

Я ушелъ.

На другой день, въ сильномъ волненіи, являюсь къ начальству.

— Ну, что говорилъ вамъ Ахтырка? Согласны вы?

— Не могу, ваше превосходительство, эта должность не по мнѣ, тутъ нужно человѣка опытнаго.

— Ну какъ вамъ не совѣстно отказываться отъ такого дѣла? Вѣдь здѣсь честный человѣкъ можетъ принести громаднѣйшую пользу. Не забудьте что вы можете доставить благосостояніе тысячѣ человѣкъ. Всѣ эти люди, хоть и арестанты, имѣютъ полное право на то чтобъ ихъ содержали по-человѣчески. Кромѣ того, вы можете доставить громадную экономію казнѣ: вѣдь тутъ оборачиваются десятки тысячъ.

— Но, ваше превосходительство....

— Безъ всякихъ „но“, любезный другъ, соглашайтесь да и

Digitized by Google

баста. Я ужъ это рѣшилъ окончательно, да вдобавокъ и некого назначить: иные и годились бы, да упираются, да и мало опытны, а другихъ нельзя назначить. Соглашайтесь, я васъ прошу объ этомъ, сдѣлайте это для меня. Какъ только подыщется подходящій человѣкъ, я васъ избавлю отъ этой должности.

Что сказать противъ этого и что отвѣтить на подобную просьбу?

— Подумаю, ваше превосходительство.

— Думайте поскорѣе и рѣшайтесь; я увѣренъ что вы согласитесь. Что дѣлать, мой другъ! Служба требуетъ иногда жертвъ.

Я вышелъ весьма неспокойный и положительно недовольный своею уступчивостью. Да и было отчего призадуматься: приходилось принимать на себя безпокойнѣйшій трудъ безъ малѣйшаго вознагражденія, кромѣ сознанія приносимой чрезъ него пользы. Ко всему этому отвѣтственность не только нравственная, но и денежная, постоянная необходимость быть на готовѣ: во всякую минуту дня могутъ потребовать на арену дѣятельности. Положеніе мое было вовсе не казистое. А дѣлать было нечего. Чрезъ недѣлю-другую Ахтырка получилъ переводъ въ другой городъ, отказываться болѣе при непреклонной рѣшимости начальства, было нельзя, и вотъ я, совершенно безъ всякаго съ своей стороны желанія, очутился директоромъ тюремнаго комитета, завѣдующимъ тюремнымъ замкомъ.

III.

Городской острогъ расположенъ въ той части города которая называется „Горой“. Лицевою стороной онъ обращенъ къ обширной площади. Площадь эта окаймлена старинымъ соборомъ, зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, передѣланнымъ изъ бывшаго намѣстничьяго дворца, деревянною гауптвахтой и каменнымъ трехъ-этажнымъ домомъ воспитательнаго заведенія.

Страшна была эта площадь въ старые годы. Въ выходившемъ на нее намѣстничьемъ дворцѣ, лѣтъ семьдесятъ назадъ, проживалъ грозный Ч., одинъ изъ послѣднихъ здѣшнихъ намѣстниковъ. Чудеса разсказываютъ про эту грозу города. Между многими его странностями было

Digitized by Google

отвращеніе къ босымъ ногамъ. Горе босоногой крестьянкѣ, если ее увидитъ намѣстникъ: ноги ея вымажутъ смолой и по этапу отправятъ въ деревню. Относительно его самоуправства ходятъ цѣлыя легенды. Одна изъ нихъ особенно поражаетъ своею дикостію и несообразностію: у него былъ большой пріятель какой-то богатѣйшій мѣстный купецъ. Вотъ приходитъ свѣтлый праздникъ; купецъ, слѣдуя прадѣдовскому обычаю, отъ обѣдни отправился домой, чтобы разговѣться въ своей семьѣ. Ждалъ его намѣстникъ долго: уже всѣ пріѣзжавшіе поздравлять его разъѣхались, а купца-пріятеля все нѣтъ какъ нѣтъ. Озлобился намѣстникъ, и вотъ къ купцу является конный казакъ и объявляетъ приказъ намѣстника: велѣно, дескать, привести ваше степенство на веревочкѣ. Дѣлать было нечего, нужно было исполнить волю начальника. Повелъ казакъ купца на веревкѣ. Повелъ онъ его по всей подгородной улицѣ, по взвозу, по площади и ввелъ во дворецъ. А намѣстникъ сидѣлъ въ это время на балконѣ и любовался. Когда же ввели купца въ комнаты, вышелъ онъ къ нему на встрѣчу, трижды поцѣловалъ его въ уста и усадилъ съ собой обѣдать. Но возвратимся къ острогу расположенному противъ этого дворца, влѣво отъ него.

Задняя сторона острога выходитъ на берегъ рѣки. Направо отдѣляется отъ него небольшимъ переулкомъ острожный дровяной дворъ, налѣво расположено помянутое воспитательное заведеніе. Острогъ представляетъ совершенно правильный квадратъ, обнесенный высокою и толстою каменною стѣной, съ примыкающими къ ней изнутри каменными корпусами на всѣхъ четырехъ углахъ. Съ лицевой стороны, въ самой серединѣ, надъ входною аркой, возвышается смотрительскій корпусъ, въ пять оконъ по фасаду. Изъ-за него виднѣется огромнѣйшій трехъ-этажный корпусъ—это тюремная больница, расположенная на первомъ тюремномъ дворѣ. Корпусъ этотъ скрываетъ за собой большое четвероугольное каменное зданіе со внутреннимъ дворомъ: это кандальный дворъ или корпусъ подсудимыхъ и пересыльныхъ каторжныхъ арестантовъ.

Острогъ заключаетъ въ себѣ шесть отдѣльныхъ, расположенныхъ внутри его ограды, дворовъ, семь огромныхъ корпусовъ, около двадцати пяти большихъ и до пятидесяти малыхъ камеръ, и кромѣ того разныя хозяйственныя постройки. Въ описываемое время въ немъ содержалось отъ тысячи

Digitized by Google

до двухъ тысячъ арестантовъ разныхъ категорій и національностей, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Бросивъ этотъ бѣглый взглядъ на внѣшность острога, я постараюсь ввести читателя во внутренній міръ этого печальнаго учрежденія, въ которомъ кипитъ своеобразная жизнь, коренятся особые нравы и обычаи и также точно, если еще не съ большею силой, бушуютъ человѣческія страсти какъ и во внѣшнемъ мірѣ, отъ котораго отдѣляютъ его высокія каменныя стѣны.

Было начало апрѣля. На соборной колокольнѣ, а вслѣдъ затѣмъ на гауптвахтѣ и на ближайшей пожарной каланчѣ пробило одиннадцать часовъ. Подъѣхавъ къ острогу, я засталъ уже Ахтырку у воротъ. По предварительному соглашенію, мы условились съѣхаться у острога въ этотъ часъ, и Ахтырка долженъ былъ ввести меня въ мою новую должность. Едва мы сошли съ дрожекъ, какъ за входною рѣшеткой послышался звонокъ, выбѣжалъ дежурный унтеръ-офицеръ и отперъ висячій замокъ, которымъ постоянно запирались желѣзныя рѣшетчатыя ворота. Завизжали ворота, и переступивъ порогъ мрачнаго дома, мы очутились подъ аркой смотрительскаго корпуса. Два тюремные надзирателя стоявшіе у солдатской караульни, расположенной въ нижнемъ этажѣ корпуса, проворно сняли шапки. Оба были въ пальто военнаго покроя и бараньихъ шапкахъ. Нѣсколько человѣкъ караульныхъ солдатъ, сидѣвшихъ налѣво, неторопливо встали со своихъ мѣстъ. Не успѣли мы ступить двухъ-трехъ шаговъ, какъ изъ боковой двери налѣво показался господинъ въ военномъ пальто, военнаго покроя сюртукѣ и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. На видъ ему было около сорока лѣтъ; худощавая физіономія его оживлялась хитрыми, бойкими глазами. Приложивъ два пальца къ козырьку своей фуражки, онъ почтительно пожалъ протянутую ему Ахтыркой руку.

— Это почтенный хозяинъ острога, смотритель Сосипатръ Семенычъ Дергуновъ, рекомендовалъ его Ахтырка,—прекраснѣйшій человѣкъ и хорошій хозяинъ.

Я вѣжливо протянулъ руку. Дергуновъ также почтительно прикоснулся къ ней своими пальцами.

— Ну что у васъ хорошаго, Сосипатръ Семенычъ? спросилъ Ахтырка.

— Все благополучно, слава Богу, Ѳедоръ Григорьевичъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ вамъ новый директоръ, живите съ нимъ также мирно какъ мы съ вами поживали.

— Я съ моимъ полнымъ удовольствіемъ, отвѣчалъ смотритель,—надѣюсь что у меня все будетъ исправно, и Василій Николаевичъ останутся довольны.

— Ну, теперь, землякъ, я васъ оставлю: больше мнѣ дѣлать тутъ нечего,—замокъ покажутъ вамъ и безъ меня.

Ахтырка уѣхалъ.

— Не угодно ли я провожу васъ по замку, или прикажете послать вамъ помощника? спросилъ смотритель.

— Я думаю, лучше пошлите помощника, отвѣчалъ я, — у васъ и безъ того, я думаю, много дѣла?

— Да не безъ того. Такъ я пошлю помощника. Эй! надзиратель, пошли сюда помощника, обратился онъ къ одному изъ бывшихъ у рѣшетки надзирателей.

Явился помощникъ смотрителя, въ толстомъ суконномъ сюртукѣ, форменной фуражкѣ, со смиренѣйшею физіономіей и кроткими глазами. Смотритель откланялся. Прошедъ двѣ-три сажени, мы подошли къ новымъ деревяннымъ воротамъ, ведшимъ изъ-подъ арки на первый тюремный дворъ. По знаку помощника, часовой отворилъ одну половинку воротъ, и мы вступили на первый тюремный дворъ. Прямо предъ нами, саженъ черезъ двадцать, возвышался больничный корпусъ. Въ центрѣ его устроена была арка, въ концѣ которой находились желѣзныя рѣшетчатыя ворота, у которыхъ также расхаживалъ часовой. Изъ-за рѣшетки виднѣлся другой дворъ, и среди его зданіе подсудимаго корпуса. Дворъ, въ который мы вступили, справа и слѣва огражденъ былъ высокими каменными стѣнами, примыкавшими къ больничному корпусу съ одной стороны и къ наружной стѣнѣ съ другой. Въ той и другой стѣнѣ было по двое воротъ съ прибитыми къ нимъ черными дощечками съ какими-то надписями. Я указалъ на нихъ помощнику.

— Это пересыльные дворы съ пересыльными арестантскими корпусами: направо разночинскій и дворянскій, а налѣво семейный и женскій.

Мы направились къ больничному корпусу. Чрезъ низенькую дверь на правой сторонѣ мы вошли въ сѣни; отсюда, налѣво, пересѣкли узенькій корридоръ и вошли въ небольшую квадратную комнату съ русскою печкой и большимъ очагомъ. Въ печи стояли горшки, чугунки и жаровни, а на

Digitized by Google

очагѣ кипѣли два большіе мѣдные котла. Запахъ щей и жаркаго сильно защекоталъ мои ноздри. Изъ этой комнаты, въ открытую дверь, виднѣлась другая, въ которой, на полкахъ у стѣнъ, лежали ковриги ржанаго, пшеничнаго и крупчатнаго хлѣба.

— Это больничная арестантская кухня, объяснилъ мнѣ помощникъ.—Покажи, обратился онъ къ человѣку въ бѣломъ фартукѣ стоявшему у печи, — господину директору пищу. Это больничный поваръ, объяснилъ онъ мнѣ.

Поваръ засуетился, вытащилъ изъ печи сначала одинъ горшокъ, потомъ другой, выставилъ чугунку и жаровню. Въ одномъ горшкѣ оказались очень недурныя щи съ капустой, въ другомъ манная молочная каша, въ третьемъ супъ съ перловою крупой. Въ жаровнѣ оказалось дюжины полторы порцій отлично зажаренаго, на коровьемъ маслѣ, мяса.

— А что у тебя въ котлахъ? спросилъ я.

— Въ одномъ супъ съ картофелемъ и ячною крупой, а въ другомъ просто вода кипитъ.

За этими словами поваръ схватилъ тарелку и, зачерпнувъ изъ одного котла поваренкой, подалъ мнѣ. Я попробовалъ: супъ былъ хорошъ.

— А на сколько человѣкъ здѣсь изготовлено?

— Сегодня, ваше высокоблагородіе, на сто два человѣка, но изъ нихъ человѣкъ пятнадцать совершенно слабыхъ, на одномъ бульонѣ.

Вошли въ другую комнату. Перепачканная въ мукѣ женщина, съ засученными выше локтей рукавами, отвѣсила мнѣ поясной поклонъ.

— Это булочница больничная, она ужъ здѣсь два года, вольная женщина, пояснилъ помощникъ.

— А поваръ развѣ арестантъ?

— Арестантъ.

— Сколько же они получаютъ жалованья?

— Поваръ три рубля, а булочница пять рублей. Это отъ комитета, не отъ казны; вся больница содержится на комитетскій счетъ, отъ казны ничего на это не отпускается.

— Ну-ка, Марья Ивановна, обратился помощникъ къ бабѣ, покажи господину директору хлѣбы. Мастерица печь хлѣбы, добавилъ онъ.

— А вотъ, ваше высокоблагородіе, ржаной, вотъ полубѣлый, то-есть, значитъ, пшеничный, а вотъ крупчатый.

Digitized by Google

И она отрѣзала по ломтю хлѣба каждаго сорта. Хлѣбъ былъ отлично выпеченъ.

— Марья Ивановна у насъ молодецъ, шутливо сказалъ помощникъ.

— Много довольны, ваше высокоблагородіе.

И баба еще ниже поклонилась.

— Да и поваръ у насъ отличный, настоящій мастеръ своего дѣла, объявилъ помощникъ.

Вышедши изъ кухни, мы поднялись по узкой лѣстницѣ во второй этажъ. Молодой красивый служитель, съ черными какъ уголь глазами и волосами, въ бѣлой рубахѣ и передникѣ, отворилъ намъ двери въ большую палату.

— Тоже арестантъ, Черкесъ, объяснилъ помощникъ.

Палата была высокая, чистая, свѣтлая комната, саженъ десять въ квадратѣ; два ряда желѣзныхъ кроватей, одѣтыхъ въ бѣлые холщевые чехлы, занимали середину палаты; тюфяки на нихъ были покрыты чистыми простынями; въ головахъ лежали по двѣ небольшія подушки въ бѣлыхъ наволочкахъ. Нѣкоторые изъ больныхъ, при нашемъ появленіи, встали; другіе присѣли на край кровати; тяжко больные продолжали лежать. Всѣ они, поверхъ чистаго холщеваго бѣлья, были одѣты въ длинные желтые халаты изъ толстаго фабричнаго сукна. На ногахъ у нихъ были кожаныя туфли, на головахъ бѣлые колпаки. Въ промежуткахъ между кроватями, у изголовья, стояли крашеные столики, на которыхъ помѣщались оловянныя кружки, такія же солонки съ солью, и лежали порціи булокъ и ржанаго хлѣба. Между ними стояли стклянки съ микстурами и баночки съ мазями. Штукъ пять вентиляторовъ изъ бѣлой жести весело гудѣли въ высокихъ, свѣтлыхъ окнахъ. Стѣны палаты были чисто-на-чисто выбѣлены, нигдѣ ни пятнышка.

Изъ этой палаты мы прошли въ другую такую же, откуда вышли въ сѣни съ широкою парадною лѣстницей.

— Вотъ женскія палаты, сказалъ помощникъ, указывая на противоположную дверь.

Опрятно одѣтая служительница изъ арестантокъ отворила намъ дверь, и я увидѣлъ точно такія же двѣ палаты, рядъ кроватей и около тридцати больныхъ женщинъ. Женщины были одѣты, поверхъ холщевыхъ рубахъ и юпокъ, въ точно такіе же халаты какъ и мущины; на ногахъ у нихъ надѣты были холщовые чулки и кожаныя туфли.

Digitized by Google

— На верху еще четыре палаты, сказалъ помощникъ,—не угодно ли посмотрѣть?

Я отказался. По широкой окрашенной масляною краской лѣстницѣ мы спустились внизъ въ сѣни.

— Здѣсь направо родильныя палаты, указалъ мнѣ мой неутомимый проводникъ.

Я махнулъ рукой, и мы снова вышли на острожный дворъ. Повернувъ направо, мы очутились подъ аркой ведущею на второй острожный дворъ. Часовой отворилъ желѣзныя ворота. Прямо предъ нами было четырехъ-угольное двухъ-этажное зданіе подсудимаго корпуса, съ тюремною церковью на лицевомъ фасадѣ. Поднявшись по невысокому крыльцу, мы вошли въ узкій корридоръ и, отворивъ дверь направо, вступили въ церковь. Церковь была не велика, но высокая и прилично украшенная живописью, иконами и другими принадлежностями; куполъ весь былъ разрисованъ альфреско, и работа была весьма недурна. На высотѣ полутора саженъ отъ полу, по обѣимъ сторонамъ, были хоры. Я посмотрѣлъ туда.

— Это мѣста гдѣ молятся кандальные арестанты, они проходятъ туда прямо изъ камеръ, объяснилъ трапезникъ.

— А много арестантовъ ходитъ въ церковь? спросилъ я.

— Не болѣе половины, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ трапезникъ.

— Кто же поетъ у васъ во время богослуженія?

— Дьячокъ есть, да онъ прислуживаетъ, а поютъ арестанты.

— А кто управляетъ хоромъ?

— Тоже арестантъ, Антонъ Непомнящій. Этотъ Антошка на всѣ руки мастеръ, отозвался помощникъ:—онъ и слесарь, и штукатуръ, и столяръ, и живописецъ хорошій, этотъ куполъ онъ одинъ расписывалъ.

— Неужели? Да это геній!

— Мало того, онъ иллюминаціи устраиваетъ, острогъ бѣлитъ, каменными работами завѣдываетъ.

— За что же онъ попалъ сюда?

— Богъ его знаетъ; судится-то онъ за фальшивыя деньги, да это не все: что-нибудь посеріознѣй сдѣлалъ тамъ откуда бѣжалъ, да не сказываетъ.

Изъ церкви, небольшимъ проходомъ, меня ввели въ длинный корридоръ, отдѣлявшійся справа стеклянною галлереей отъ внутренняго четвероугольнаго дворика. По лѣвую сто-

Digitized by Google

рону или арестантскія камеры. Надъ каждою дверью были надписи: „за конокрадство“, „за кражу“, „за грабежъ“, „за составленіе фальшивыхъ документовъ“, „за смертоубійство“, „за женоубійство“ и т. п. Всѣ камеры были заперты небольшими висячими замками. Надзиратель, отставной унтеръ-офицеръ, со связкой ключей, встрѣтилъ насъ въ корридорѣ и началъ отпирать двери. Въ каждой двери прорѣзано было небольшое отверстіе, величиною въ трехкопѣечникъ новаго чекана. Отверстія эти назначены были, какъ объяснили мнѣ, для наблюденія за арестантами.

— Да это нисколько не помогаетъ, сказалъ надзиратель,— потому, ваше высокоблагородіе, арестанты всѣ большіе плуты: какъ только садятся играть въ карты или дѣлать что-нибудь не подходящее, такъ и завѣшиваютъ дверь халатами, отверстіе-то и закрываютъ. Приходится отпирать камеру, а пока отопрешь, все спрятано, и они лежатъ чинно какъ ни въ чемъ не бывало.

Надзиратель отперъ камеру, надъ дверью которой было написано: „за убійство“. Комната оказалась въ двѣ сажени длины и полторы ширины. Съ небольшихъ наръ, покрытыхъ двумя тюфяками и двумя головными подушками въ бѣлыхъ наволочкахъ, встали два арестанта, въ зипунахъ желтаго фабричнаго сукна, холщевомъ бѣльѣ и кожаныхъ чиркахъ.* Одинъ былъ старикъ съ киргизскою физіономіей, другой бѣлокурый, низенькій, сутоловатый парень лѣтъ двадцати пяти. При моемъ появленіи старикъ повалился въ ноги.

— Ваше высокоблагородіе, будьте отцы родные, окажите Божескую милость, годъ цѣлый сижу, ни за что пропадаю, семья голодомъ сидитъ.

— За что онъ содержится? обратился я къ помощнику.

— Это по убійству сторожа въ городской думѣ. Этотъ старикъ тамъ разсыльнымъ былъ, ну, и заподозрили. Слѣдствіе-то затянулось, можетъ-быть и не виноватъ, но до рѣшенія дѣла не освободятъ.

— Ваше высокоблагородіе, взмолился старикъ,—вѣдь меня во время убійства не было. Я съ бумагами ходилъ. Богомъ клянусь, ни въ чемъ не повиненъ.

— Его подозрѣваютъ въ соучастіи съ убійцами, добавилъ помощникъ,—деньги, вдобавокъ, украдены.

---

* Глубокіе башмаки.

Digitized by Google

— Ладно, старикъ, я доложу господину губернатору. Если не виноватъ, выпустятъ.

— А другой за что сидитъ?

— Это по убійству караульнаго въ лавкѣ Варалова.

— Я, ваше высокоблагородіе, ни въ чемъ не виноватъ, заговорилъ арестантъ бойко,—меня взяли въ кабакѣ. Я тогда въ кабакѣ былъ.

— А почемъ ты знаешь что убійство совершено въ то время когда ты въ кабакѣ сидѣлъ?

Арестантъ замялся. Я вышелъ. Отперли другую камеру здѣсь написано было: „за перемѣну имени". Здѣсь тоже были два арестанта: одинъ лѣтъ сорока, съ острою бородкой, гладко примазанными волосами и живыми бойкими глазами; другой черномазый старикъ съ цыганскою физіономіей.

— Ваше высокоблагородіе, закричалъ первый дребезжащимъ голосомъ, едва только мы вошли, — окажите Божескую милость, долго ли еще я буду здѣсь сидѣть? Вѣдь вотъ уже три года мучаюсь здѣсь. Не только стѣны, пища, тоись, что ни на есть опротивѣла. На свѣтъ Божій не глядѣлъ бы, совсѣмъ какъ есть извелся.

Я внимательно вглядѣлся въ его физіономію: лицо было сухощаво, желтовато, но въ глазахъ не замѣтно было и тѣни того мрачнаго отчаянія, о которомъ онъ такъ патетически распространялся.

— Да ты за что же сидишь-то? спросилъ я.

— Да за перемѣну имени, ваше высокоблагородіе.

— Какъ за перемѣну имени? Это что-то непонятно.

— Да такъ! изволите видѣть: я шелъ, значитъ, на водвореніе, по волѣ общества, а другой, значитъ, шелъ на поселеніе, то-есть за преступленіе; ну, взяли мы, значитъ, и помѣнялись; при перекличкѣ въ новомъ острогѣ я назвался его фамиліей, а онъ моей, да такъ и пошли далѣе. А тамъ я отсталъ отъ него по болѣзни. Я остался, а онъ ушелъ.

— Гдѣ же это вы помѣнялись?

— Да на этапѣ за Казанью.

— Такъ какимъ же образомъ ты очутился здѣсь?

— Да смѣнщикъ мой тутъ-то попался. Приходитъ, значитъ, онъ въ партіи сюда, а въ острогѣ, на грѣхъ, землякъ его на тотъ разъ случился: „здравствуй, говоритъ, Дерюгинъ, куда Богъ несетъ?" Мой-то пріятель, значитъ, въ отпоръ: я, говоритъ, тебя не знаю. Ну, оно бы и ничего: свои, значитъ,

Digitized by Google

не выдадутъ, да надзиратели слышали; дошло до смотрителя; взяли его, раба Божія, на допросъ: вилялъ, вилялъ, да и сознался какъ есть на чистоту. Повѣрили съ примѣтами, свѣрили по бумагамъ — оказалось вѣрно; ну, его и отправили далѣе.

— А тебя зачѣмъ же здѣсь оставили?

— За справками, ваше высокоблагородіе; вотъ за справками чуть не три года сижу.

— Зачѣмъ же его здѣсь держатъ? обратился онъ къ помощнику.

— Требуются свѣдѣнія изъ К.....го губернскаго правленія объ условіяхъ его ссылки и обстоятельствахъ перемѣны имени.

— Такъ неужели третій годъ справки ходятъ?

— А вотъ не угодно ли, вашему высокоблагородію, самимъ взглянуть,—и арестантъ подалъ мнѣ, сложенный ввосьмеро, листъ бумаги.

— Это что жь такое?

— Это билетъ который намъ выдаетъ г. прокуроръ. Тутъ все какъ есть написано: извольте сами взглянуть.

Я развернулъ: это былъ разграфленный листъ бумаги. Въ первой графѣ было написано: „Леонтій Петреховъ“, во второй „за перемѣну имени“; въ третьей, самой широкой графѣ значились отмѣтки куда писано по его дѣлу. Тутъ было написано что о немъ сообщено было въ И — ю экспедицію о ссыльныхъ и въ К.....е губернское правленіе еще два года тому назадъ; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ повтореній отъ губернатора, отъ прокурора.

— Ну, братъ, сказалъ я, здѣсь ничего не подѣлаешь, остается тебѣ только терпѣть, да ждать.

— И то жду, ваше высокоблагородіе, да когда же конецъ этому будетъ?

— Самъ, братецъ, виноватъ. Кто тебѣ велѣлъ мѣняться именами!

Не успѣлъ я окончить этихъ словъ, какъ изъ сосѣдней камеры послышался страшный стукъ и отчаянные вопли: „Ваше высокоблагородіе? Спасите, помогите, пропадаю.“

Я вопросительно обратился къ надзирателю.

— Это, ваше высокоблагородіе, Бузгаловъ-мальчишка, воръ страшный; сидѣлъ въ общей камерѣ, да обокралъ арестантовъ, ну, его и посадили въ одиночку. Вотъ и реветъ, скучно одному.

Digitized by Google

Я велѣлъ отпереть камеру: предо мною оказался красивый мальчикъ лѣтъ пятнадцати, со впалыми щеками и глазами потупленными въ землю.

— Ваше высокоблагородіе! Велите перевести меня въ общую и не запирать одного, я одинъ боюсь, сказалъ онъ потупясь.

— А воровать не боишься? спросилъ помощникъ.

— Я не воровалъ.

— Какъ не воровалъ? возразилъ надзиратель:—да онъ, ваше высокоблагородіе, церковь недавно обокралъ.

— Какую церковь? спросилъ я.

— Нашу тюремную; да это не первое его дѣло: онъ уже другой разъ въ острогѣ.

— А за что онъ сидѣлъ въ первый разъ?

— Обокралъ кого-то по сосѣдству, его посадили въ монастырь. Онъ обокралъ монастырскую церковь и деньги закопалъ за городомъ. Нѣсколько дней бились пока указалъ мѣсто гдѣ лежатъ деньги: поведетъ на одно мѣсто—нѣту, поведетъ на другое—нѣту; чуть ли ужь не въ пятый разъ указалъ настоящее мѣсто: ну, почти всѣ деньги и нашли, только рубль, что ли, истратилъ. Посадили въ острогъ—сама мать его объ этомъ просила. Тутъ еще ихъ превосходительство изволили принять въ немъ участіе: освободили, по малолѣтству, изъ тюрьмы, отдали опять матери, учителей ему наняли, денегъ давали на содержаніе, все надѣялись что исправится. Самоличное наблюденіе имѣть изволили. Да ничего не вышло.

— А что такъ?

— Сначала мать обокралъ, потомъ снова кого-то изъ сосѣдей. Мать опять въ ноги кланялась чтобъ его, сорванца, въ острогъ посадили. Ну, его и посадили.

— Когда же онъ успѣлъ обокрасть тюремную церковь?

— Да вотъ недавно. Священнику, изволите видѣть, онъ понравился: съ виду скромный такой, на клиросѣ поетъ, въ колокола звонитъ, услужливый такой. Ну, отецъ Трифилій и позволилъ ему прислуживать при богослуженіи: кадило подавать, свѣчи подавать, да вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ и жить въ комнатѣ трапезника. Комната-то эта рядомъ съ церковью. Бузгаловъ ночью и забрался въ церковь, да и вытащилъ изъ ящика двѣнадцать рублей. Да скоро спохватились—всѣ деньги нашли, только полтинникъ успѣлъ истратить на калачи.

Digitized by Google

— Что тебя, братецъ, побуждало красть? спросилъ я.

Мальчикъ молчалъ.

— Ну, а въ монастырѣ съ чего тебѣ вздумалось красть деньги.

— Познакомиться захотѣлось, отвѣчалъ мальчикъ угрюмо.

— А впередъ не будешь воровать: вѣдь ты знаешь что это скверно?

— Не буду больше.

— Да такъ ли?

Онъ молчалъ, угрюмо смотря на землю.

Я попросилъ помощника перевести его снова въ общую камеру, если позволитъ смотритель, и пошелъ по другимъ камерамъ. Обстановка въ нихъ была та же: тѣ же желтые халаты, холщовое бѣлье, кожаные чирки, туфяки, выбѣленныя известкой стѣны. Вездѣ въ окнахъ гудѣли вентиляторы изъ бѣлой жести. Въ одной камерѣ, довольно просторной, я нашелъ около двадцати человѣкъ судившихся все больше за конокрадство. Подходя къ одной камерѣ я услышалъ явственно звукъ кандаловъ. На мой вопросъ надзиратель отвѣчалъ лаконически: „кандальные“, и, безъ дальнѣйшихъ объясненій, отперъ большую камеру. Едва отворилась дверь, какъ меня обдало удушливою смѣсью запаха кислой капусты и кожъ. Загремѣли цѣпи, и съ наръ, покрытыхъ войлоками съ холщевыми подушками въ головахъ, вскочило человѣкъ двадцать пять арестантовъ, всѣ въ ножныхъ кандалахъ. Несмотря на удушливо-спертый воздухъ въ камерѣ, всѣ почти они, поверхъ бѣлья, были одѣты въ совершенно новые овчинные полушубки, не успѣвшіе еще выдохнуться. Головы у всѣхъ были стриженыя, физіономіи мрачныя, сосредоточенныя.

— Здравствуйте, сказалъ я вошедши.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе, несвязно прогудѣла толпа.

— Что это вы сидите въ полушубкахъ, спросилъ я.—Вѣдь въ камерѣ и безъ того слишкомъ жарко.

— Въ дальнюю дорогу собираемся, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

Помощникъ объяснилъ что это пересыльные каторжные, слѣдующіе въ Иркутскую губернію.

— Они завтра отправляются, добавилъ надзиратель.

— Ваше высокоблагородіе, вдругъ обратился ко мнѣ при-

Digitized by Google

земистый, коренастый арестантъ съ лицомъ обезображеннымъ оспой,—у меня въ Н....скомъ острогѣ остались у смотрителя деньги, пять рублевъ будетъ. Окажите божескую милость: не возможно ли будетъ, какъ ни есть, ихъ оттуда вытребовать. А деньги намъ очень нужная вещь. Безъ денегъ никакъ нельзя, дорога дальная.

„А у меня въ Т—скомъ острогѣ три рубля", подхватилъ другой.... „И у меня на Ч—скомъ этапѣ...." „и у меня ваше высокоблагородіе...." подхватило нѣсколько голосовъ.

— А есть ли у васъ квитанціи на эти деньги? спросилъ я.

— Нѣтъ! фитанецъ нѣту, отвѣчалъ первый претендентъ,— да что фитанецъ, ваше высокоблагородіе: развѣ нашему брату дадутъ фитанецъ? отобрали да и шабашъ! Будьте отцы родные, окажите божескую милость, Бога за васъ молить будемъ, денежки-то кровныя.

— Ну, безъ квитанцій, братецъ, ничего нельзя сдѣлать. Впрочемъ, если дѣйствительно деньги у васъ отобраны, такъ ихъ перешлютъ вамъ на мѣсто куда вы сосланы, тамъ навѣрное получите, а въ дорогѣ имѣть вамъ деньги нельзя.

— Да такъ намъ и сказывали чиновники на перекличкѣ.

— Ну, такъ чего же вамъ еще.

— Да деньги-то, ваше высокоблагородіе, теперь намъ нужны: дорога вишь дальняя, расходъ, значитъ, разный.

— Да какой же у васъ можетъ быть расходъ? вѣдь вы на всемъ казенномъ ѣдете.

— Оно конечно что на всемъ казенномъ, отвѣчалъ ораторъ, а деньги все же надобны. Арестантъ человѣкъ, не собака, тоже надобности бываютъ, да и деньги-то наши кровныя.

— Конечно, кто объ этомъ споритъ, пріѣдете на мѣсто все получите.

— Да это мы ужь не разъ слышали, сказалъ кто-то изъ толпы.

— Такъ, значитъ, этотъ порядокъ вамъ давно извѣстенъ?

— Да ужь коли ваше высокоблагородіе изволите говорить, такъ ужь должно быть такъ, отвѣчалъ первый ораторъ, тономъ полнѣйшаго сомнѣнія,—а все же, ваше высокоблагородіе, деньги-то наши кровныя....

Я вышелъ.

— А вотъ, ваше высокоблагородіе, татарская камера,—и надзиратель отворилъ дверь въ большую, просторную комнату, гдѣ ходило, сидѣло, лежало десятка три арестантовъ,

Digitized by Google

очевидно азіятскаго происхожденія: головы бритыя, въ ермолкахъ, глаза черные, маленькіе, цвѣтъ лица смуглый и желтый.

— Да неужели все это Татары, спросилъ я?

— Нѣтъ, есть и Киргизы, и Черкесы, разные, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ надзиратель.—Только все магометане, ихъ и соединили всѣхъ въ одну камеру. Не могутъ, говорятъ, ѣсть и пить съ Русскими. Законъ, говорятъ, не велитъ.

— Какъ же они ѣдятъ, особо варятъ что ли?

— Нѣтъ, кормовыя деньги на руки получаютъ, по семи копѣекъ въ сутки; да все это плутни, ваше высокоблагородіе, изъ нихъ развѣ четвертая часть покупаетъ молоко и булки; а остальные, крадучи, изъ русскаго же котла ѣдятъ, только кормовыя деньги даромъ получаютъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, бойко отвѣчалъ молодой Татаринъ въ шитой золотомъ ермолкѣ, — намъ закономъ запрещаетъ ѣсть мясо русской бойки. У насъ какъ бьютъ скотину, такъ мулла молитвы читаетъ, безъ того ѣсть никакъ нельзя.

— Гдѣ же вы провизію достаете?

— Около острога. Изъ-за рѣшетки покупаемъ, а то и на базаръ отпрашиваемся съ конвоемъ, только это рѣдко, не пускаютъ часто.

— А ты за что содержишься?

— По наговору въ конокрадствѣ, отвѣчалъ Татаринъ.

— А ты, обратился я къ другому?

— Тожь по сумнѣнью въ конокрадствѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Да все больше по подозрѣнію въ конокрадствѣ, отвѣчалъ первый Татаринъ. За невинно сидимъ.

— Да такъ ли полно?

Татаринъ потупился, помощникъ улыбнулся; мы вышли.

— Всѣ они сидятъ по наговору, всѣ не виноваты, сказалъ помощникъ, — ни одинъ не скажетъ правды. Самые отъявленные плуты эти Татары; Киргизы и Черкесы еще туда-сюда, а Татаринъ ни за что не сознается, а всѣ записные конокрады; при случаѣ же и убить, и ограбить не прочь, если встрѣтятъ въ тѣсномъ мѣстечкѣ.

— Да неужели всѣ Татары такіе?

— Конечно не всѣ, но который изъ нихъ конокрадствомъ промышляетъ, тотъ на все мастеръ, только осторожны больно, а правды между ними не доищешься, если нѣтъ свидѣтелей изъ Русскихъ.

Digitized by Google

Меня провели въ камеру надъ которой написано было „за смертоубійство“. Въ небольшой, чистой, одиночной камерѣ сидѣлъ арестантъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, плечистый, въ плисовыхъ брюкахъ и красной ситцевой рубахѣ, подпоясанный кушакомъ. Волосы черные, вьющіеся, въ глазахъ горѣлъ мрачный огонь. На лавкѣ стоялъ небольшой самоваръ, и сложена была горка калачей. Все это прикрыто было полотенцемъ.

— Твоя какъ фамилія, спросилъ я?

— Соколовъ, ваше высокоблагородіе.

— За что содержишься?

— По подозрѣнію въ убійствѣ. Да напраслина все, ваше высокоблагородіе, видитъ Богъ, напраслина, невинно страдаю.

— Такъ за что же тебя посадили?

— Ужь видно линія такая вышла, ваше высокоблагородіе; предъ вами какъ предъ Богомъ, право слово, занапрасно терпаю: кто что сдѣлалъ, а я отвѣчай.

— Онъ подъ судомъ за убійство какого-то Татарина, сказалъ надзиратель,—убійцъ-то оказывается, ваше высокоблагородіе, было много, и онъ съ ними, такъ ни самъ не сознается, ни ихъ не выдаетъ.

— Пустое все это, поклепъ одинъ, ваше высокоблагородіе, долго ли невиннаго человѣка обнести, вотъ и страдаю.

Я посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Арестантъ спокойно выдержалъ мой взглядъ.

— Сжальтесь, ваше высокоблагородіе, занапрасно терплю.

— Ну я, братъ, здѣсь ничего не могу сдѣлать, это дѣло суда: правъ—оправдаютъ, виноватъ—осудятъ. Вотъ другое дѣло кабы ты сознался, облегчили бы наказаніе.

— Да это мы знаемъ, ваше высокоблагородіе, а все жь и вы помогли бы.

— Ничего, братъ, не могу въ такомъ дѣлѣ.

Я вышелъ, но сверкающіе мрачнымъ огнемъ глаза Соколова долго рисовались въ моемъ воображеніи.

Изъ подсудимаго корпуса мы вышли на второй дворъ чрезъ желѣзныя, также рѣшетчатыя ворота, у которыхъ тоже ходилъ часовой. Обогнувъ корпусъ, мы прошли подъ арку и снова вышли на первый острожный дворъ.

— Не угодно ли будетъ взглянуть на женскій подсудимый флигель, предложилъ помощникъ.

Я изъявилъ согласіе. Мы повернули направо и, миновавъ

Digitized by Google

одни ворота, на которыхъ было написано: *Семейный пересыльный дворъ*, вошли чрезъ другія ворота на женскій подсудимый дворъ. Это былъ узенькій дворикъ, огражденный справа одноэтажнымъ флигелемъ съ рѣшетчатыми окнами, а слѣва деревянными строеніями, надъ которыми было написано: *Дейхаузъ экономa № 1, дейхаузъ № 2*, и т. д. По небольшому крылечку мы вошли въ сѣни съ чистымъ какъ столъ поломъ, устланнымъ холщевымъ половикомъ. Нешироkая дверь справа ввела насъ въ чистый, свѣтлый коридоръ, съ девятью дверями направо и со столькими же окнами налѣво. Полъ и здѣсь отличался замѣчательною бѣлизной и также устланъ былъ холщевымъ половикомъ. Въ самыхъ дверяхъ встрѣтила насъ не молодыхъ лѣтъ женщина, бѣдно, но опрятно одѣтая.

— Это надзирательница подсудимыхъ женщинъ, госпожа Добротворова, отрекомендовалъ ее помощникъ.

Я поклонился; надзирательница отвѣчала низкимъ наклоненіемъ головы.

— У васъ тутъ очень хорошо, чисто, и воздухъ здоровый, сказалъ я.

— Да мы объ этомъ постоянно заботимся, да и некому пачкать: женщинъ немного, всего десять.

— Неужели во всемъ острогѣ только десять женщинъ?

— Какъ можно! На пересыльномъ семейномъ дворѣ есть отдѣленіе пересыльныхъ женщинъ. Да и подсудимыя не всѣ здѣсь, половина по разнымъ мѣстамъ: однѣ въ женской больницѣ въ служительницахъ, другія больны сами, двѣ нанялись работать на нашей острожной прачешной. Безъ работы здѣсь никакъ нельзя.

— Что такъ?

— Ссорятся, ругаются отъ праздности, а иногда и дерутся, такой гвалтъ подымаютъ что унять нельзя. А не то съ жалобами ко всѣмъ лѣзутъ.

— На что жь онѣ жалуются?

— Другъ на дружку, а то больше на пищу что худая, либо на поваровъ да старостъ что говядиной ихъ обдѣляютъ. Да это изъ праздности, пищу даютъ хорошую. Все больше отъ праздности и скуки жалуются, ну и стараемся занимать работой. Не желаете ли смотрѣть камеры; здѣсь все больше одиночныя?

И сказавъ это, надзирательница отворила первую дверь.

Digitized by Google

Въ маленькой свѣтлой комнаткѣ съ однимъ окномъ стояла желѣзная кровать: сѣрое суконное одѣяло прикрывало постель. Головная подушка была въ чистой наволочкѣ. Небольшой столикъ, табуретъ и простая деревянная скамеечка составляли всю мебель. На скамейкѣ пряла средняхъ лѣтъ арестантка въ желтомъ суконномъ халатѣ, подпоясанномъ такимъ же поясомъ. На ногахъ были холщевые чулки и кожаные чирки съ красною шерстяною опушкой. Голова была повязана пестрымъ бумажнымъ поношеннымъ платкомъ. При моемъ появленіи она встала, низко поклонилась и, взглянувъ изподлобья, потупила глаза.

— За что содержится? спросилъ я.

— За участіе въ кражѣ изъ церкви денегъ, отвѣчала надзирательница,—а больше все сидятъ за простыя кражи, или убійство мужа.

— Неужели за мужеубійство?

— На половину попадаютъ за убійство мужей. Здѣсь трое сидятъ за это: одна топоромъ разсѣкла шею мужу, другая съ любовникомъ удушила мужа веревкой, а третья, Остячка, изъ ружья застрѣлила.

— На смерть?

— Прямо на повалъ, сама созналась, изъ ревности.

— А, такъ и у Остяковъ ревность бываетъ?

— Страшно злая; а молоденькая еще женщина.

Отворили другую дверь—то же самое; только арестантка была старуха и сидѣла за простую кражу. Въ третьей камерѣ предъ нами встала красивая невысокаго роста женщина, не старѣе двадцати лѣтъ, съ грудянымъ ребенкомъ на рукахъ. На правильномъ блѣдномъ лицѣ, съ нѣсколько впалыми щеками, игралъ румянецъ. Глаза были темные, кроткіе, симпатичные.

— Ну, а ты чѣмъ занимаешься? спросилъ я.

— Ребенка кормила, ваше высокоблагородіе, тихо отвѣчала арестантка.

— Скажите пожалуста, спросилъ я надзирательницу, по выходѣ изъ камеры,—за что она содержится: такая молодая и, повидимому, смирная женщина?

—Я и сама удивляюсь: такая смирная, тихая, работящая, водой не замутитъ, а между тѣмъ убила мужа, топоромъ по шеѣ зарубила.

— На смерть?

Digitized by Google

— Нѣтъ, живъ еще, да ее тотчасъ въ острогъ усадили, она и не знаетъ что̀ съ нимъ, да врядъ ли живой будетъ. И Богъ ее знаетъ, съ чего ей это пришло: никогда не услышишь отъ нея строптиваго слова, дѣлаетъ все что̀ ни скажешь. Только все какая-то печальная. Когда ни войдешь къ ней, утираетъ рукавомъ слезы, да ребенка цѣлуетъ.

— А ребенокъ отъ мужа?

— Говоритъ, отъ мужа.

— А изъ какихъ она?

— Простая деревенская крестьянка, Нефѣловой прозывается.

Я обошелъ остальныя комнаты: чистота и опрятность вездѣ, тѣ же кровати, столы и табуреты, та же одежда на арестанткахъ.

— Не угодно ли теперь зайти къ политическимъ? предложилъ помощникъ.

— Это кто же такіе?

— Арестанты сосланные за политическія преступленія, объяснилъ помощникъ;—мы ихъ содержимъ въ особой камерѣ, такъ какъ они не долго у насъ сидятъ.

— Куда же они дѣваются?

— Кто на житье сосланъ, распредѣляютъ по губерніи, а кто далѣе слѣдуетъ, отправляютъ далѣе. Это самый безпокойный народъ, больше все Поляки, Русскихъ и десятой доли не бываетъ. Самый строптивый народъ.

— Да что̀ же они такое дѣлаютъ?

— Никогда и ничѣмъ не довольны: и въ камерѣ-то у нихъ холодно, хоть по сажени дровъ въ печь клади, и пищу-то имъ даютъ скверную, ни одинъ хлѣбопекъ хлѣбомъ на нихъ потрафить не можетъ: на что̀ ужь Марья Ивановна, два года хлѣбъ печетъ, ко всему приноровилась, на томъ вѣкъ изжила, отлично печетъ, и та на нихъ угодить не можетъ. Вѣчныя жалобы, претензіи—мученье одно съ ними. Самый неблагодарный народъ.

Чрезъ семейный дворъ мы прошли къ длинному одноэтажному корпусу и, поднявшись по широкому крыльцу чрезъ сѣни, вошли въ громадную дверь налѣво. Масса народу, шумъ, польская рѣчь со всѣхъ концовъ, встрѣтили насъ въ огромнѣйшей, длиннѣйшей камерѣ съ нѣсколькими окнами и четырьмя большими печами. Въ камерѣ было жарко, и еслибы не вентиляторы въ окнахъ, воздухъ былъ бы удуш-

Digitized by Google

ливъ. На правой и на лѣвой сторонѣ камеры рядами стояли деревянныя кровати, на которыхъ валялись въ безпорядкѣ мѣшки, полушубки, свитки и т. п. Кромѣ головныхъ подушекъ и войлоковъ, другихъ принадлежностей постелей не было видно. На мое замѣчаніе объ этомъ, помощникъ тихо объяснилъ что всѣмъ пересыльнымъ арестантамъ, безъ исключенія, отпускаются только войлоки и головныя подушки, а что укрываются они суконными халатами и зипунами.

— Да и войлоками на свой страхъ снабжаемъ, прибавилъ онъ,—рѣжутъ, рвутъ; лоскутья одни оставляютъ, а тюфяковъ на этакую орду не напасешься.

Я прошелъ на середину комнаты и спросилъ какую даютъ имъ пищу.

— Щи да кашу, господинъ директоръ, отвѣчалъ староста, запинаясь,—да мясо не очень жирное, да и мало всего, по три четверти фунта на человѣка въ день.

Я объяснилъ что это вполнѣ согласно съ табелью, и что болѣе отпускать нельзя, что и этого вполнѣ достаточно. А что̀ касается мяса, то я обѣщалъ наблюсти чтобъ отпускали пожирнѣе.

— Худое здѣсь мясо, господинъ директоръ, заговорилъ опять староста (другіе тотчасъ поддержали его):—намъ бы лучше выдавали кормовыя деньги на-руки. Хлѣбъ не умѣютъ печь, вотъ не угодно ли посмотрѣть?

И онъ принесъ мнѣ порцію хлѣба: хлѣбъ былъ отлично выпеченъ, не теменъ, но и не бѣлъ, такъ какъ во всемъ этомъ краѣ молотятъ хлѣбъ не на льду, а на земляныхъ токахъ. Я объяснилъ имъ все это.

— Да намъ бы лучше отпускали деньги, закричало нѣсколько голосовъ.

— Этого нельзя по закону, въ дорогѣ будете получать кормовыя деньги, а здѣсь нельзя.

— Да мы не можемъ кушать этой пищи, продолжалъ опять староста,—мы не привыкли.

Находя что разговоръ съ людьми которые въ своемъ ослѣпленіи ничѣмъ не могутъ быть довольны безполезенъ, я ушелъ. Этимъ я кончилъ обходъ острога: было уже два часа, а мнѣ нужно было еще на службу. Я уѣхалъ.

НИКОЛАЙ РЕУТСКІЙ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

ПОДСПУДНЫЯ СИЛЫ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Поставивъ это странное заглавіе, находку для нашихъ сатириковъ, я положилъ перо и, признаюсь, растерялся среди множества сценъ и лицъ столпившихся въ моемъ воображеніи. Вотъ мастерская живописца; музыкантская въ помѣщичьемъ домѣ; это оттуда долетаютъ до меня то звуки скрипки, плачущей „лучинушку“, то громъ симфоніи. Нянька поэта въ шушунѣ и русской повязкѣ. Самоучка механикъ, съ огаркомъ, до-свѣту сидящій надъ вычисленіемъ. Вдали толпа сермяжниковъ въ лаптяхъ: это простой народъ, смиренный труженикъ, великій пѣстунъ міровыхъ поэтовъ. Фигура матроса, съ пальникомъ въ рукѣ, на яркомъ заревѣ пылающей твердыни. Адвокатъ-богачъ, а рядомъ съ нимъ чиновникъ, вертящій за копѣечную плату чуть-чуть не милліонами. Юноша со смертельною раною у сердца, несомый съ битвы боевымъ конемъ. Тѣнь женщины, давно покинувшей этотъ міръ, но неотлучно живущей, между тѣмъ, въ душѣ моей. А тамъ вдали? Да это музы!... „Какъ и вы, богини?“ спросилъ я мысленно. „Были богинями“, грустно улыбнувшись, отвѣчала мнѣ одна изъ античныхъ женщинъ. Да; это силы, думалъ я, все силы, зиждущія неустанно, иногда, помимо глубочайшихъ соображеній современныхъ мудрецовъ, измѣняющія самое русло

Digitized by Google

текущей жизни. Если сравнимъ мы жизнь хоть съ вистомъ (сравненіе, надѣюсь, удачное, буде принять въ соображеніе сколько народу проводитъ свою жизнь за преферансомъ), а силы сравнимъ съ картами, указанныя нами будутъ не козыри и не тузы, не короли, а много, много дамы; большею же частію пятерки, двойки, или не нужная, какъ будто, масть. Припомните, однако, сколько разъ какая-нибудь двойка измѣняла ходъ игры; сколько разъ, благодаря некозырной пиковкѣ, уѣзжали вы съ пустымъ бумажникомъ изъ клуба?

На ряду съ этими образами, въ душѣ каждаго изъ насъ есть тоже не козырныя, какъ бы заснувшія отъ невниманія къ нимъ, силы. Будятъ ихъ звонкія лиры поэтовъ, наука, церковь будятъ, будитъ жизнь, угоцая ихъ обладателей по временамъ изрядными толчками. Изрѣдка пробудившись, вылетаютъ онѣ не надолго изъ-подъ спуда, то въ высокомъ движеніи души отдѣльнаго человѣка, то въ подвигѣ единодушія цѣлаго племени, народа, въ годину бѣдствія. Прошла бѣда, и снова позабыты онѣ нами, снова заброшены. А гдѣ же темныя силы? спроситъ читатель. Здѣсь, здѣсь. Ихъ будить нечего. Эти, безсонныя, ведутъ свою вѣковую борьбу со свѣтомъ. Тутъ онѣ. Но странно; присмотритесь, самый мракъ, дѣлая свое дѣло, часто работаетъ не на себя, а въ пользу того же свѣта. Кроткое теченье правды опутываетъ незамѣтно самое зло. Такъ тонкая нитка на пеленѣ, заказанной нѣкогда язычникомъ двумъ дѣвамъ полонянкамъ для того чтобы наругаться надъ святыней, опутавъ языческія чудища, преобразила ихъ въ хвалебный ликъ, въ сонмъ твари поклоняющійся истинѣ.

I.

— Вѣдь это можетъ кончиться знаешь ты чѣмъ? Я его вытребую по этапу, говорилъ толстенькій съ сѣдыми усами баринъ въ шелковомъ халатѣ, развалившись въ креслѣ.—Да, по этапу, повторилъ онъ, пустивъ клубъ дыма изъ длиннаго чубука съ янтаремъ.—Такъ и напиши ему. Слышишь?

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ, переминаясь съ ноги на ногу, стоявшій у дверей старикъ приказчикъ.

— Такъ и напиши, повторилъ баринъ, потянувъ легонько дымъ изъ янтаря.—Оркестръ безъ капельмейстера. Теперешній плохъ: какой онъ капельмейстеръ? Не сыгрываются, перезабудутъ.

Digitized by Google

— Да какъ не забыть, сударь! Ну еще старые-то музыканты, а есть тоже мальчишки, начала было прикащикъ.

— Да, и старые, перебилъ баринъ. — Музыка, братецъ, такая вещь.... Тутъ нужно постоянное упражненіе; а онъ сидитъ тамъ, бестія; не ѣдетъ.... Сегодня же напиши.

— Слушаю-съ. Больше никакихъ приказаній не будетъ?

— Нѣтъ, больше никакихъ.

Прикащикъ вышелъ.

Помѣщикъ поднялся со стула и пошелъ расхаживать важно по комнатѣ, то останавливался онъ противъ окна, сквозь которое виденъ былъ зимній ландшафтъ съ колокольней вдали и лѣсомъ; снѣжная равнина блестѣла, озаренная яркими, солнечными лучами. Поглядѣвъ въ окно, баринъ принимался снова пускать дымъ изъ янтаря, прохаживаясь по комнатѣ; при этомъ онъ какъ-то пыхтѣлъ, напоминая локомотивъ подходящій къ станціи. Походивъ съ четверть часа, онъ осторожно поставилъ трубку на окно и. тонко, но произзительно свистнулъ.

Въ кабинетъ вбѣжалъ молодой, блѣдный, съ длинными усами лакей, съ сапогами въ рукахъ и платьемъ.

— Одѣваться! произнесъ помѣщикъ, сѣвъ на диванъ.

Помѣщики пятидесятыхъ годовъ, времени къ которому относится разказъ нашъ, одѣвались очень медленно. „Жилетъ бархатный прикажете?“ спроситъ бывало камердинеръ. „Жилетъ?“ глубокомысленно переспроситъ баринъ и, по нѣкоторомъ размышленіи, отвѣтитъ: „Да, сегодня дай мнѣ бархатный“. Нѣкоторые изъ господъ для чего-то декламировали во время одѣванья мѣста изъ трагедій. „Россійскіе князья, бояре, воеводы“, начнетъ бывало баринъ, завязывая галстукъ. Лакей стоитъ, потупивъ глаза, съ жилетомъ и думаетъ про себя: долго ли ты еще, чортъ бы тебя взялъ, проломаешься?

Покуда причесывается и помадитъ свои посѣдѣвшіе усы изображаемый нами помѣщикъ, мы, вѣроятно, успѣемъ познакомить съ нимъ читателя.

Павелъ Ивановичъ Тарханковъ былъ отставной штабсъ-капитанъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ; сначала жилъ онъ почти однимъ жалованьемъ, потомъ получалъ отъ старшаго брата, разбогатѣвшаго откупщика, тысячу, иногда полторы, въ годъ на ассигнаціи. Братъ его, разбогатѣвъ, зажилъ на большую ногу, завелъ свой оркестръ, отличнаго повара. По смерти жены, не оставившей дѣтей, въ домѣ его, въ губернскомъ городѣ, гдѣ онъ большею

Digitized by Google

частію жилъ, устраивались холостыя пирушки, вечера съ актрисами. На этихъ пирушкахъ бывали, конечно, и женатые. Для городскихъ дамъ изрѣдка давались балы, на которые актрисы уже не допускались.

Постоянное пированье, ѣда, шампанское, сидѣнье за карточнымъ столомъ довели его до апоплексіи; ударомъ онъ и умеръ, отпустивъ на волю всѣхъ дворовыхъ и музыкантовъ. Павелъ Ивановичъ, сдѣлавшись прямымъ наслѣдникомъ двухъ тысячъ душъ и значительнаго капитала, вышелъ въ отставку и зажилъ, что-называется, никому въ усъ не дуя. Первымъ его дѣломъ было уничтожить вольныя данныя музыкантамъ и дворовымъ.

Павелъ Ивановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ которые любятъ держать себя съ достоинствомъ и поэтому вездѣ стараются быть на первомъ планѣ; на гуляньѣ ихъ увидишь всегда около губернатора или около полицеймейстера, въ театрѣ въ первомъ ряду. Говорятъ, смѣются, даже кашляютъ такіе люди намѣренно громко. Въ походкѣ ихъ, манерахъ, видна необыкновенная самоувѣренность.

Отъ того ли что привыкъ разчитывать каждую копѣйку, Павелъ Ивановичъ былъ человѣкъ кулакъ; онъ былъ не столько скупъ, сколько жаденъ; гдѣ нужно было показать себя, пріобрѣсть знакъ отличія, заставить говорить о себѣ, тамъ онъ не прочь былъ кинуть тысячу, другую. Больше всего онъ не любилъ противорѣчія. „Не прекословь“, было его девизомъ. Какъ человѣкъ не заглядывавшій никогда пристально въ собственную свою душу, онъ не умѣлъ снисходить къ порокамъ, слабостямъ ближняго, и былъ тяжелъ въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Онъ не былъ жестокъ, но малѣйшее противорѣчіе выводило его изъ себя, а отпоръ посильнѣе могъ довести до бѣшенства. Главною же страстью, деспотомъ души его, была жадность, страсть къ пріобрѣтенію; объясняя себѣ ее желаніемъ поддержать достоинство рода Тарханковыхъ, онъ даже видѣлъ въ ней что-то благородное. Разсудокъ въ отношеніи къ этой страсти былъ у него въ положеніи крѣпостнаго дядьки приставленнаго къ баловню-барченку. Павелъ Ивановичъ заставлялъ его то и дѣло оправдывать иногда довольно грязныя проявленія своей жадности. И страсть стала властелиномъ души, какъ дѣлается деспотомъ семьи отцовскій баловень-ребенокъ.

— Возьми этотъ ключъ, выпусти изъ чулана Василья Семенова и вели ему явиться въ письмоводительскую, сказалъ

Digitized by Google

камердинеру Тарханковъ, отдавая ему лежавшій на письменномъ столѣ мѣдный небольшой ключъ.—Я думаю, онъ проспался? А?

— Какъ не проспаться-съ? Вѣдь съ обѣда вчера заперли, отвѣчалъ лакей, бережно складывая платокъ.

Лакей вышелъ. Павелъ Ивановичъ началъ душиться. Пока онъ пропитываетъ свой сѣрый утренній шортучекъ духами изъ граненой стклянки, мы опишемъ въ нѣсколькихъ словахъ домъ его.

Надобно сказать что Павлу Ивановичу, сыну небогатаго дворянина, весьма хотѣлось прослыть за аристократа. Онъ поручилъ съ этою цѣлію Василью Семенову, крѣпостному домашнему секретарю своему, отыскать въ родословной дворянъ, напечатанной, кажется, при Екатеринѣ, родъ Тарханковыхъ и сдѣлать выписку. Нашлись въ домашней конторѣ какіе-то столбцы временъ Алексѣя Михайловича, гдѣ упоминался стольникъ Тарханковъ, и это помѣщено было въ записку. Отдѣлывая свой деревенскій домъ, запущенный братомъ, Павелъ Ивановичъ наставилъ вездѣ, внутри надъ дверями и снаружи надъ воротами, и во фронтонѣ, львовъ держащихъ гербъ Тарханковыхъ. На перстняхъ, запонкахъ, сигарочницахъ Павла Ивановича были тоже помѣщены гербы.

Убранство дома было богато, но безвкусно въ высшей степени; раззолоченныя двери, карнизы, расписанный дешевымъ живописцемъ куполъ залы, узоръ паркета, новыя картины изображающія, большею частію, неодѣтыхъ, дюжихъ Венеръ,— все это било и рѣзало глаза; въ яркій солнечный день эта пестрота и блескъ, у нервнаго человѣка, способны были произвесть головокруженіе. Письмоводительская, о которой, мимоходомъ, упомянулъ хозяинъ, была на другой, менѣе нарядной, половинѣ дома; въ ней стѣны были выбѣлены, стояла одна конторка, съ зеленымъ засаленнымъ суконнымъ верхомъ, и столъ накрытый покотенною, расписанною клеенкой. На столѣ лежали толстые томы свода законовъ, стояла жестяная чернильница съ парою засохшихъ гусиныхъ перьевъ. Кресла были обиты полинялою шерстяною матеріей. Въ незавѣшенныя широкія окна ярко свѣтило солнце.

Но вотъ отворилась дверь, въ письмоводительскую важно вошелъ уже одѣтый Павелъ Ивановичъ; онъ опустился въ кресло стоявшее подлѣ письменнаго стола и принялся негромко насвистывать какую-то мелодію. Минуты черезъ три дверь тихо снова отворилась, и въ комнату, робкими, невѣр-

Digitized by Google

ными шагами вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока шести, въ синемъ, толстаго сукна, сюртукѣ, съ необыкновенно широкимъ воротникомъ, въ родѣ хомута. Лицо его было заспано, борода не брита; одинъ високъ былъ поднятъ отчаянно къ верху, другой опущенъ; видно было что онъ только что умылся и причесался, желая явиться къ барину въ возможно приличномъ видѣ. Незнакомецъ былъ только что выпущенный изъ-подъ ареста Василій Семеновъ, письмоводитель Павла Ивановича. Остановившись въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, онъ поправилъ съѣхавшій на бокъ узелъ чернаго коленкороваго галстука и устремилъ нѣсколько меланхолическій взоръ свой на помѣщика.

— Ну, что, прочахъ? съ укоряющею миной, спросилъ Павелъ Ивановичъ.

— Выспался-съ, отвѣчалъ, смутившись нѣсколько, пришедшій.

— Пьяница ты... вѣдь я чуть было не пропустилъ срока подать аппелляцію, отозвался Павелъ Ивановичъ. — Когда послѣдній срокъ?

— Тринадцатаго марта-съ. Сроки не пропущены, мрачно отвѣчалъ Василій Семеновъ.

— Такъ сейчасъ же садись и приготовь, черезъ день я ѣду въ городъ.

Сказавъ это Павелъ Ивановичъ свистнулъ, а письмоводитель подошелъ къ конторкѣ и, поднявъ крышку, началъ рыться въ бумагахъ.

— Запереть его здѣсь, а ключъ отдать мнѣ, сказалъ Павелъ Ивановичъ вошедшему на свистъ камердинеру, поднявшись съ мѣста.—Подай мнѣ шапку и пальто. Можетъ ли ты писать? продолжалъ онъ, съ презрѣніемъ осматривая съ ногъ до головы Василья Семенова.

— Ничего, могу-съ, отвѣчалъ Василій Семеновъ, вытаскивая толстую тетрадь въ засаленной сѣрой оберткѣ и не глядя на помѣщика.

Павелъ Ивановичъ, недовѣрчиво взглянувъ на него, надѣлъ мѣховое пальто поданное камердинеромъ, взялъ шапку и вышелъ изъ письмоводительской. У двери глухо прогудѣлъ замокъ.

Василій Семеновъ вынулъ изъ кармана круглую табатерку, понюхалъ, прокашлялся и, сѣвъ за письменный столъ, принялся за работу; заглядывая то въ толстую тетрадь, то въ сводъ законовъ, онъ съ полчаса нюхалъ табакъ и

Digitized by Google

кашлялъ, соображая что-то. Наконецъ, разложивъ листъ чистой бумаги, дрожащею рукой взялъ перо и принялся водить имъ по воздуху. Видно было что рука не слушалась; послѣ нѣсколькихъ минутъ усилія она пошла, и черезъ полчаса листъ былъ исписанъ кругомъ тяжелымъ, но четкимъ, старинным почеркомъ.

За дверьми послышался чей-то кашель. Пишущій прислушался.

— Петръ Тимоѳеичъ, ты? нерѣшительно спросилъ онъ.

— Я, отозвался кто-то за дверью.

— Ключъ-то унесъ что ли онъ? спросилъ Василій Семеновъ, перечитывая написанное.

— Унесъ, братъ, отвѣчалъ голосъ за дверьми, съ беззвучнымъ почти смѣхомъ.—Ничего не сдѣлаешь.

— Эхъ, грустно отозвался Василій Семеновъ, почесавъ затылокъ.—Да вотъ что, братъ, продолжалъ онъ робко,—нельзя ли, знаешь, чрезъ перышко? Хоть полстаканчика бы.... А? Слышь, Тимоѳеичъ?

— Можно, да вѣдь опалѣешь ты, на старыя-то дрожжи.

— Ну, вотъ еще.... Не опалѣю. Съ чего палѣть-то? Пожалуста, братъ.... Полстаканчика, уже подойдя къ двери умолялъ Василій.

— Пей, послышалось чрезъ нѣсколько минутъ за дверью.

— О; такъ постой. Да ты не шутишь? одушевленно, но недовѣрчиво спросилъ жаждущій.

— Пей, говорятъ тебѣ. Баринъ того гляди воротится; и мнѣ тутъ съ тобой достанется. Есть что ль перо-то?

— Есть.... сейчасъ, отвѣчалъ Василій, обрѣзывая два новыя гусиныя пера.

Чрезъ минуту сифонъ изъ перьевъ былъ вставленъ въ замочную скважину; Василій Семеновъ, вставъ на корточки, припалъ губами къ двери и жадно принялся тянуть живительную влагу.

— Прибавь, братъ, чуточку, сказалъ онъ, переводя духъ и отступивъ отъ двери.

— Капли больше не дамъ. Опалѣешь, рѣшительно отвѣчалъ голосъ незримаго благодѣтеля.

Василій кашлянулъ раза два, постоялъ посреди комнаты, высморкался и усѣлся снова за работу.

Василій Семеновъ былъ крѣпостной человѣкъ Тарханкова. Онъ отданъ былъ, еще отцомъ Павла Ивановича, въ гимназію. (Директоръ былъ пріятель Тарханкову и позволилъ

Digitized by Google

Василью частнымъ образомъ посѣщать классы; крѣпостные, какъ извѣстно, не могли поступать въ гимназіи.) По окончаніи, съ большимъ успѣхомъ, полнаго курса, Василій былъ взятъ барономъ въ письмоводители и, стало-быть, возвращенъ въ общество дворовыхъ, прозвавшихъ его философомъ. Онъ, разумѣется, началъ пить. Помѣщикъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы; но когда нужно было повѣрять конторскія книги, написать дѣловое письмо или прошеніе, Василья запирали въ чуланъ для вытрезвленія. Хотя ключъ каждый разъ бралъ помѣщикъ къ себѣ, но посредствомъ сифона, при благосклонномъ содѣйствіи буфетчика Тимоѳеича, Василій подпивалъ иногда порядкомъ и въ заточеніи.

— Да онъ пьянехонекъ, замѣчалъ удивленный помѣщикъ, взглянувъ на только что освобожденнаго узника.

— Никакъ нѣтъ-съ.... Это еще у меня вчерашнее, отвѣчалъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ Василій Семеновъ.

У Тарханкова было множество разнаго рода взысканій по векселямъ, тяжбъ. Василій Семеновъ велъ всѣ дѣла, но когда нужно было ѣхать за справкою въ городъ, его отправляли съ прикащикомъ; иначе Василій возвращался домой безъ шапки, а иной разъ и безъ тулупа. Здоровье у него было желѣзное; однажды, въ сильный морозъ, кучеръ, напившись вмѣстѣ съ нимъ, вывалилъ его изъ саней и уѣхалъ; Василій ночью, отшагавъ пятнадцать добрыхъ верстъ, пришелъ домой, завалился на печь, въ застольной, выспался и на другой день былъ какъ встрепанный, попросилъ только у Тимоѳеича опохмѣлиться. Своего угла, даже постели, у него не было; вѣчно полупьяный, или со страшнаго похмѣлья, онъ лежалъ въ застольной на лавкѣ, а то у кого-нибудь изъ дворовыхъ. Не любилъ онъ ужасно праздниковъ: хозяйки въ это время принимались мыть лавки и гоняли его съ мѣста на мѣсто. Тогда онъ уходилъ обыкновенно въ музыкантскую, гдѣ никогда не мыли, и никто не жилъ. Лѣтомъ ему было раздолье; тогда онъ расположится гдѣ-нибудь на сѣновалѣ или на задворкѣ и лежитъ себѣ цѣлый день; развѣ сходитъ пообѣдать въ застольную, и опять на сѣновалъ.

— Діогенъ, братецъ, ты, Василій Семенычъ, какъ есть Діогенъ, говорилъ ему приходскій священникъ.

Однажды, въ осенній вечеръ, онъ зазвалъ его къ себѣ побесѣдовать. Василій Семеновъ пришелъ, пилъ молча рюмку за рюмкой изъ поставленнаго графина.

Digitized by Google

— Что ты это, Семенычъ, говорилъ священникъ,—все молчишь? поговорилъ бы что-нибудь. По-латыни-то помнишь, али забылъ?

— Помню, лаконически отвѣчалъ Василій Семеновъ.

— Ну, а математику? Гдѣ ужь чай? допрашивалъ священникъ, намѣреваясь попросить Василья подготовить въ семинарію сынишку.

— Помню, басилъ Василій, наливая слѣдующую рюмку. Священникъ попросилъ его подготовить сына. Василій согласился; учить ему было дѣло не новое; нѣсколько человѣкъ сыновей сосѣднихъ помѣщиковъ были приготовлены Васильемъ въ третій и четвертый классы гимназіи. Со священника онъ ничего не бралъ за уроки, кромѣ полуграфина водки, аккуратно осушаемаго каждый урокъ; но раза два, три въ мѣсяцъ онъ не являлся вовсе; тогда священникъ посылалъ за нимъ обыкновенно работницу; но посланная, возвратившись, сообщала: „хмѣленъ гораздо; не придетъ, безъ языка лежитъ; какой учильщикъ!“

Никогда никто не видалъ чтобы Василій Семеновъ улыбнулся. Родныхъ у него не было; починяли ему почти всегда единственную рубашку, мыли мальчики бабы, изъ жалости. Случалось, впрочемъ, что онъ изнашивалъ на себѣ рубашку въ клочки.

У двери, наконецъ, щелкнулъ замокъ; въ комнату вошелъ съ тапкой и тростью въ рукѣ Павелъ Ивановичъ.

— Ну что, написалъ? спросилъ онъ.

— Написалъ-съ, отвѣчалъ Василій, поднимаясь съ мѣста.

— Прочти, разсѣвшись въ кресло у стола, произнесъ Павелъ Ивановичъ.

Прокашлявшись и заслонивъ стыдливо ротъ рукою, вѣроятно изъ опасенія букета, хриплымъ и глухимъ голосомъ Василій Семеновъ началъ читать черновое прошеніе.

II.

Залъ оперваго петербургскаго театра былъ полонъ. Пѣлъ знаменитый Лаблашъ. Шла *Свадьба Фигаро* Моцарта. Занавѣсъ еще не поднимался. Мущины во фракахъ, военные съ густыми и не густыми эполетами, ловкіе, вытянутые въ струнку чиновники высшаго полета, шныряли по ложамъ, разчи-

Digitized by Google

тывая въ которую слѣдуетъ прежде зайти, и говоритъ или нѣтъ о томъ какъ вчера былъ проведенъ вечеръ. Дамы и дѣвицы лорнировали кресла; кресла лорнировали дамъ и дѣвицъ. Фельетонисты мрачно сидѣли на своихъ мѣстахъ. Все шло какъ слѣдуетъ. Музыканты въ оркестрѣ еще не усѣлись; одинъ доставалъ свою віолончель изъ ящика, другой канифолилъ смычокъ; литаврщикъ тихонько строилъ свои литавры. Занавѣсъ колебался по временамъ отъ прикосновенія любопытныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, осматривавшихъ, въ прорѣзанныя скважины, публику.

— On dit qu'il nous quitte, слышалось въ ложахъ.

— Неправда, отвѣчалъ на это самоувѣренный, превосходительный теноробасъ;—у меня былъ сейчасъ директоръ театра, Lablache reste à Pétersbourg.

Во второмъ ряду первыхъ скрипокъ сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати, со вьющимися каштановыми волосами; прическа его напоминала нѣсколько Бетговена, но продолговатое, блѣдное, довольно правильное лицо его выражало усталость, утомленіе, обличающія натуру нервную; наклонивъ нѣсколько набокъ красивую голову (привычка скрипачей), молодой человѣкъ, держа подъ-мышкой скрипку, внимательно читалъ письмо, нагнувшись къ лампѣ. Въ это время въ оркестръ вошелъ скрипачъ-солистъ, одна изъ музыкальныхъ звѣздъ описываемаго времени; солистъ однимъ подавалъ руку, на вѣжливые поклоны другихъ отвѣчалъ легкимъ кивкомъ головы. Подойдя къ своему стулу, онъ подалъ два пальца читающему письмо; этотъ почтительно поклонился, прикоснувшись къ протянутому двоеперстію; потомъ, положивъ письмо въ карманъ фрака, онъ началъ что-то съ жаромъ разказывать солисту. Выслушавъ разказъ, продолжавшійся минутъ десять, солистъ пожалъ плечами и принялся за свой щегольской скрипичный ящикъ. Гобоистъ подалъ „la“; музыканты начали строить инструменты. Немного спустя вбѣжалъ, застегивая бѣлыя перчатки, длинноволосый Италіянецъ, капельмейстеръ. Войдя на свое мѣсто, онъ постучалъ, оглядѣлъ оркестръ и, тряхнувъ кудрями, высоко поднялъ свою палочку. Оркестръ притихъ; скрипачи подняли скрипки, и чрезъ секунду грянула шаловливая, смѣющаяся увертюра. Захохотали скрипки надъ неудачнымъ волокитствомъ графа; Сусанна съ чепчикомъ бѣгала за красавцемъ-пажомъ, намѣреваясь посмѣшить графиню. Смычки, какъ будто по командѣ, стройно двигались по

Digitized by Google

одному направленію; оркестръ гремѣлъ. Казалось, всѣми все забылось; не было мѣста личному настроенію; все увлеклось, все утонуло въ этомъ пестромъ потокѣ звуковъ, поднятыхъ капризомъ генія.

Съ послѣдними аккордами увертюры поднялся занавѣсъ; громкими рукоплесканіями былъ встрѣченъ толстякъ Лаблашъ.

„Cinque, diecі, venti, trenta,“ началъ онъ послѣ продолжительныхъ поклоновъ, переваливаясь съ аршиномъ въ рукѣ по сценѣ.

Кончилось первое дѣйствіе. Начались безконечные вызовы Лаблаша. Скрипачъ, положивъ скрипку на пюпитръ, снова принялся читать письмо. Прочитавъ, онъ сложилъ на груди руки и задумался; на красивомъ, блѣдномъ лицѣ его не трудно было замѣтить тяжелое душевное состояніе. Солистъ, болтая о чемъ-то съ капельмейстеромъ, нѣсколько разъ обращался къ скрипачу съ вопросомъ. „ne c'est pas?“ Но послѣдній нехотя улыбался, отвѣчалъ нѣсколько словъ и снова впадалъ въ свое раздумье.

— За тобой прислала какая-то графиня Н., сказалъ контрабасистъ, подойдя къ нему и назвавъ одну изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ графскихъ фамилій.

— Графиня Н.? съ удивленіемъ спросилъ скрипачъ.—Да я не знаю ея вовсе. Урокъ что ли? Я не возьму. Мнѣ надо уѣзжать въ деревню къ барину.

— Опять развѣ письмо? спросилъ контрабасистъ.—Да выдь на минуту. Вотъ человѣкъ ея въ дверяхъ.

Въ дверяхъ оркестра стоялъ человѣкъ съ черными, красивыми бакенбардами, въ мѣховомъ пальто. Скрипачъ, медленно поднявшись съ мѣста, подошелъ къ нему своею лѣнивою походкой.

— Графиня Софья Матвѣевна Н., имѣя нужду васъ видѣть, просятъ покорнѣйше пріѣхать къ ней завтрашняго числа въ часъ пополудни, отчеканилъ человѣкъ съ бакенбардами, важно приподнявъ голову и осматривая музыканта.

— Вы не можете мнѣ сказать зачѣмъ угодно графинѣ меня видѣть? Я не имѣю чести знать графини....

— Да онѣ-то васъ знаютъ.... Слышали вашу игру у графа Матвѣя Юрьевича, любезно перебилъ его присланный. — А зачѣмъ именно просятъ они васъ, не знаю.... Какъ же прикажете доложить ея сіятельству?

Digitized by Google

— Скажите: я пріѣду, отвѣчалъ скрипачъ, припоминая слушательницъ квартетовъ у графа Віельгорскаго.

Человѣкъ въ пальто подалъ адресъ и, раскланявшись, вышелъ изъ оркестра. Въ это время капельмейстеръ застучалъ палочкой, и музыканты бросились къ инструментамъ.

„Видно квартетъ хочетъ устроить у себя“, думалъ музыкантъ, наскоро подстроивая квинту; „нѣтъ, мнѣ не до квартетовъ.“

Капельмейстеръ далъ знакъ, и стройный громъ оркестра покрылъ говоръ въ ложахъ и креслахъ.

— Тсс! послышалось въ переднихъ рядахъ, когда началъ подниматься занавѣсъ.

— Вы не играете на дняхъ у графини Н.? спросилъ въ слѣдующемъ антрактѣ Барскій (фамилія скрипача) на ломаномъ французскомъ языкѣ солиста.

— Comtesse N.? Permettez, важно отозвался Французъ, вынимая изъ кармана записную книжку;—jeudi, vendredi chez.... samedi.... читалъ онъ вслухъ, усиливая голосъ на титулахъ princesse, comte, monsieur l'ambassadeur и т. д.—Нѣтъ.... У меня не записана comtesse N. Но не забудьте, n'oubliez pas, mon cher, прибавилъ онъ, взявъ за бортъ фрака Барскаго,— что эта вся недѣля у насъ quatuors.

— Я знаю, отвѣчалъ Барскій.

Онъ былъ постоянная вторая скрипка солиста.

Французъ положилъ книжку въ карманъ и началъ лорнировать ложи, фамиліарно кивая нѣкоторымъ. Изъ ложъ летѣли ему восторженные поклоны отъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ.

Кончилась опера. Театръ опустѣлъ. Тушили лампы и люстру. Усталые музыканты, съ ящиками въ рукахъ, побрели изъ оркестра. Барскій взялъ извощика и поѣхалъ на свой чердакъ, на Сѣнной площади.

„Поздно; заѣхать бы къ ней; да зачѣмъ?“ раздумывалъ онъ дорогой. „Не поѣду. Лучше пропасть безъ вѣсти, пусть думаетъ она что я умеръ. Вѣдь я теперь все равно что умеръ для нея.“ *Dove sono i belli momenti*, пришла ему вдругъ въ голову арія графини. И, странно, въ первый разъ въ жизни сталъ понятенъ ему смыслъ простой, избитой мелодіи; заговорила каждая нота. „Видно прочувствовано“, подумалъ музыкантъ.

Извощикъ остановился у высокаго дома. Барскій отворилъ

Digitized by Google

незавертую дверь и побрелъ ощупью по неосвѣщенной лѣстницѣ. „А почитаешь“, размышлялъ онъ, зажигая свѣчу въ своей каморкѣ, „Моцарту немного было слаще нашего подъчасъ. Но все же онъ страдалъ, но зналъ и радости, сталъ знаменитъ, а тутъ вѣдь баста; тутъ похоронятъ тебя заживо.“ Раздѣвшись и погасивъ свѣчку, онъ улегся на диванъ, служившій ему постелью, и пролежалъ до утра съ открытыми глазами. „Вотъ положеніе“, думалъ онъ; „съ иною невзгодой можно бороться, вооружиться силой воли, характера. А тутъ человѣкъ просто пѣшка на шахматной доскѣ; передвинули, и стой на своемъ мѣстѣ. Совѣстно даже разказывать другимъ. Зачѣмъ это дернула меня нелегкая разказать давеча солисту? Покончить развѣ, порѣшить съ собой?“ мелькнуло въ головѣ. Музыкантъ перекрестился, испугавшись своей мысли, и поднялся съ дивана. Солнце, прорываясь сквозь утренній, морозный туманъ, уже озарило кровли сосѣднихъ домовъ; на розовомъ небѣ стояли столбы дыма. Скрипачъ взглянулъ на часы и сталъ умываться.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ его біографія. Захаръ Петровичъ Барскій (фамилія придуманная помѣщикомъ) сынъ крѣпостнаго кучера, лѣтъ четырнадцати игралъ уже въ оркестрѣ Тарханкова вторую скрипку. Замѣтивъ бойкую игру мальчика, одинъ изъ петербургскихъ знакомыхъ, навѣстившій помѣщика, меломанъ, посовѣтовалъ отправить его въ Петербургъ поучиться музыкѣ. Захара отправили съ меломаномъ, усадивъ на высокіе козлы дормеза. Меломанъ отдалъ его къ одному театральному скрипачу; Чеху; баринъ платилъ за него года три, потомъ забодѣлъ и, вѣроятно, просто позабылъ о мальчикѣ. Напомнить было некому, ибо родители Барскаго вскорѣ по его отъѣздѣ умерли. Честный музыкантъ Чехъ, несмотря на прекращеніе платы, держалъ мальчика у себя и училъ его. Наконецъ и Чехъ умеръ холерой; Захаръ остался одинъ-одинехонекъ. Пріятель учителя, одинъ чиновникъ, віолончелистъ-любитель, взялъ его къ себѣ и выхлопоталъ ему дозволеніе играть въ театральномъ, балетномъ оркестрѣ, сначала безъ жалованья. Капельмейстеръ, замѣтивъ способности юноши, упросилъ инспектора музыки назначить ему небольшую плату. Чиновникъ-благодѣтель нашелъ путь и упросилъ тогдашняго солиста-скрипача, Француза, давать Барскому уроки безплатно. Чрезъ полгода солистъ помѣстилъ Захара Петровича у себя и поручалъ ему заниматься

Digitized by Google

со своими учениками. Обученный Чехомъ теоріи музыки, Барскій, какъ виртуозъ, сдѣлалъ въ это время замѣчательные успѣхи. Жена солиста, Италіянка, отъ скуки начала учить Барскаго по-италіянски. И вышелъ изъ него одинъ изъ тѣхъ Ванюшъ и Петрушъ, которые то кистью, то смычкомъ, въ безвѣстныхъ углахъ Россіи, воспитывали эстетически цѣлое поколѣніе дворянъ, воспитывали Пушкиныхъ, Жуковскихъ, Глинокъ. Вспомните живописца Тропинина, домашній оркестръ Глинки, и такъ далѣе. Они же, эти безвозмездные, неоцѣненные какъ должно, труженики стали въ основаніе нашихъ столичныхъ оперныхъ оркестровъ. Говорить ли что изъ-подъ того же спуда вылетѣлъ поэтъ Шевченко, нашъ знаменитый Щепкинъ, что оттуда выходили люди со славою занимавшіе каѳедры?

Солистъ-учитель упросилъ одного изъ вліятельныхъ лицъ написать къ Тарханкову (Павлу Ивановичу; старшій братъ уже умеръ въ это время), не освободитъ ли онъ Барскаго за выкупную плату, которую готово было уплатить вліятельное лицо. Это письмо, вмѣсто пользы, повредило музыканту. Павелъ Ивановичъ обидѣлся; ему почему-то показалось это намекомъ на уничтоженіе вольныхъ данныхъ музыкантамъ покойнымъ братомъ; онъ отвѣчалъ вѣжливымъ отказомъ, объясняя что самъ любитъ музыку и въ настоящее время нуждается въ искусномъ капельмейстерѣ для своего домашняго оркестра. Къ Захару полетѣли письмо за письмомъ изъ помѣщичьей конторы. Павлу Ивановичу показалось что Захаръ хлопочетъ въ Петербургѣ о возстановленіи уничтоженныхъ вольныхъ; это подозрѣніе возбудилъ неясный слухъ что музыканту покровительствуетъ какой-то чиновникъ.

Барскій не рѣшался ѣхать; контора задержала его паспортъ, который мѣнялъ доселѣ прикащикъ безъ вѣдома барина.

Солистъ-учитель, уѣзжая за границу, отрекомендовалъ Барскаго смѣнившему его виртуозу. Барскій сдѣлался постояннымъ спутникомъ новаго солиста; не разъ игралъ соло на сценѣ и въ концертахъ; безъ него уже не обходился ни одинъ квартетъ въ извѣстныхъ музыкальныхъ салонахъ. Словомъ, онъ только что началъ вставать на ноги; учитель оставилъ ему въ наслѣдство два-три выгодные урока. Слѣдовательно, можно было жить припѣваючи.

Кромѣ боязни похоронить себя заживо въ глуши отдаленнаго помѣстья, музыканту тяжело было еще кое-почему

Digitized by Google

разстаться съ Петербургомъ. На концѣ одной изъ длинныхъ линій Васильевскаго острова, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, жилъ старикъ вдовецъ, чиновникъ, съ дочерью. Это былъ тотъ самый віолончелистъ который принялъ участіе въ Барскомъ. Захаръ Петровичъ, какъ мы сказали, одно время даже жилъ у него. Изъ благодарности, онъ началъ давать уроки музыки единственной дочери старика. Дѣвушка была почти однихъ лѣтъ съ учителемъ. Она уже играла прежде на фортепіано и обладала не совсѣмъ обыкновеннымъ талантомъ. Толковые уроки музыканта пробудили дарованіе, засыпавшее было отъ недостатка среды и дѣльныхъ указаній. Барскій досталъ ей въ послѣдствіи на прокатъ порядочный инструментъ и каждое воскресенье утромъ игралъ съ ученицей сонаты. Старикъ былъ въ восторгѣ и нерѣдко самъ подсаживался къ молодымъ людямъ со своимъ віолончелемъ. Учитель и ученица никогда не говорили о любви, но любили другъ друга и сознавали это ясно. Никогда даже не намекалъ, конечно, Барскому старикъ о его происхожденіи; несмотря на это, музыкантъ самъ нѣсколько разъ давалъ себѣ слово перервать начинавшую крѣпнуть болѣе и болѣе связь, но не въ силахъ былъ сдержать даннаго себѣ слова. Въ первый же свободный часъ онъ бралъ свой ящикъ и ѣхалъ на Васильевскій островъ. Нигдѣ онъ такъ не отдыхалъ какъ тамъ, нигдѣ такъ задушевно не звучала его скрипка какъ въ бѣдной комнаткѣ отставнаго стараго чиновника. Онъ часто проклиналъ себя за недостатокъ воли; маленькая надежда на вольную лопнула со смертью прежняго помѣщика, и честный музыкантъ считалъ просто подлостью свою чистую привязанность къ ученицѣ. Читатель понялъ теперь отчего ему взбрела на умъ арія: *Dove sono i belli momenti.*

Молодой слуга, корридорный, принесъ самоваръ. Барскій заварилъ чай; по обыкновенію, онъ взялъ скрипку чтобы проиграть гаммы, но подумалъ: „На что же мнѣ мое искусство? На что оно?“ Со стѣсненнымъ сердцемъ онъ положилъ инструментъ въ футляръ и прикрылъ подушкой. Изъ футляра вылетѣлъ адресъ графини; тутъ только вспомнилъ онъ что обѣщалъ быть у нея послѣ репетиціи.

— Однако надо съѣздить къ инспектору музыки сказать, соображалъ скрипачъ. — Оттуда съѣзжу къ Елизаветѣ Николаевнѣ. Нѣтъ, не поѣду я къ ней. Не поѣду, уже проговорилъ онъ вполголоса.

Digitized by Google

III.

На концѣ Большой Морской стоялъ одноэтажный большой домъ съ колоннами графини Н. Вдова графиня живо помнила Екатерину; при Павлѣ была фрейлиной; такимъ образомъ она была живою лѣтописью цѣлыхъ трехъ царствованій. Она выѣзжала рѣдко, но у нея бывалъ весь Петербургъ по воскресеньямъ утромъ. Свѣтлый умъ, замѣчательная въ ея года живость и эстетическое образованіе дѣлали бесѣду съ ней необыкновенно привлекательною. Рядомъ съ этимъ умная старуха знала людей и мастерски оцѣнивала мѣтившихъ на высокія должности фютюровъ. Эта оцѣнка, принимаемая нерѣдко во вниманіе при назначеніяхъ, дѣлала ее силой, которою нельзя было пренебрегать людямъ пробивающимъ себѣ дорогу. Нельзя было наслушаться рѣчей старушки когда принималась она разказывать о жизни своей за границей, о встрѣчахъ со знаменитостями прошлаго времени. Она помнила Дидро, была знакома съ Гёте, Паганини игралъ не разъ въ ея парижскомъ салонѣ. Графъ, мужъ ея, былъ скрипачъ, ученикъ знаменитаго Роде. Графиня сама знала хорошо классическую музыку и особенно любила Моцарта и Гайдна.

— Бетговену я удивляюсь, говорила она, — а тѣхъ люблю какъ старыхъ друзей своихъ.

Похоронивъ давнымъ-давно мужа, сына и бездѣтную невѣстку, старушка осталась одна въ этомъ мірѣ. Она ѣздила въ извѣстные дни въ своей старинной каретѣ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ были похоронены ея мужъ и дѣти; графиня похожа была на одинокую развалину стараго замка; рушились своды обширныхъ рыцарскихъ залъ, толстыя стѣны превратились въ щебень, а одинокая полуразрушенная башня стоитъ на высокомъ холмѣ, напоминая новому поколѣнію о времени далекомъ, никому уже невѣдомомъ и ненужномъ.

Старинный домъ графини внутреннимъ убранствомъ своимъ напоминалъ времена Екатерины; бѣлые стулья подъ слоновую кость съ золочеными украшеніями въ залѣ; тяжелые диваны съ рѣзными, тоже раззолоченными лирами и лебедями на спинкахъ; мраморные столы съ бронзовыми львиными лапами

Digitized by Google

вмѣсто ножекъ; зеркала въ серебряныхъ рамахъ съ купидонами; громадныя люстры съ хрустальными, гранеными подвѣсками; все это переносило посѣтителя въ давно прошедшее, далекое время.

Къ этому-то дому подъѣхалъ въ извощичьихъ санкахъ нашъ герой. Сказавъ свое скромное имя швейцару, онъ снялъ енотовую шубу и поднялся по широкой, устланной коврами лѣстницѣ. Слуга въ ливреѣ отворилъ тяжелую дверь залы и пригласилъ его жестомъ войти въ сосѣднюю съ залой гостиную. Барскій вошелъ и остановился у двери. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ сосѣдней комнаты вошла сухая, высокаго роста старушка въ черномъ бархатномъ платьѣ съ небольшимъ, тоже бархатнымъ, ридикюлемъ въ рукѣ. Барскій поклонился; хозяйка молча указала ему на кресло и сѣла въ уголъ дивана. Поправивъ сѣдые локоны, выбившіеся изъ-подъ чепца, она, прищурясь, пристально посмотрѣла на музыканта.

— Простите что я потревожила васъ, пригласивъ посѣтить меня, начала она. Я васъ слышала у графа Вielьгорскаго. Вы не видали меня; я сидѣла въ сосѣдней комнатѣ. Вы играли re-majeur'ный квартетъ Моцарта. И прекрасно играли. Нынѣшніе виртуозы не мастера играть квартеты; они хотятъ все доминировать, рисоваться, а это не годится въ классической музыкѣ. Въ ней важнѣе всего ensemble. Покойный графъ, мой мужъ, говаривалъ: „квартетъ должны играть четыре праведника“, прибавила она улыбнувшись.—Въ немъ самолюбіе, щегольство вредятъ.

„Да что же это, лекцію о музыкѣ что ли она мнѣ вздумала прочесть?“ подумалъ скрипачъ; у него въ головѣ, особенно послѣ безсонной ночи, была ужасная дисгармонія.

— Но, извините, продолжала графиня, — скрипка ваша, — правда, что вы умѣете и ее заставить пѣть, — не хороша. Вѣрно нѣмецкая?

— У меня другой нѣтъ, отвѣчалъ Барскій.

— Мнѣ хочется, старухѣ, хоть чѣмъ-нибудь поблагодарить васъ за доставленное удовольствіе. Я рѣдко выѣзжаю и потому мало слышу музыки, но люблю ее. Я сама держала когда-то piano въ квартетахъ. Да, сударь.... И мнѣ говаривали музыканты, что я дѣла не портила. Такъ вотъ мнѣ хочется васъ чѣмъ нибудь....

Графиня позвонила. Вошелъ слуга.

Digitized by Google

— Принеси мнѣ скрипичный футляръ, третій нумеръ, изъ кабинета графа.

Старушка никогда не входила въ кабинетъ мужа, но приказала чтобы всѣ вещи оставались на тѣхъ мѣстахъ какъ были при немъ. Такъ, съ незапамятныхъ временъ, стоялъ тамъ графскій пюпитръ съ развернутымъ концертомъ Віотти, и подлѣ него, на табуретѣ, стоялъ футляръ со скрипкой.

— Вы у кого учились?

Барскій отвѣтилъ.

— Прекрасный у васъ талантъ. Вы можете пойти далеко, говорила графиня.

Музыкантъ поклонился, въ то же время подумавъ про себя: „верстъ за пятьсотъ, въ деревенскую глушь, а оттуда на сельское кладбище".

Въ это время человѣкъ внесъ палисандровый ящикъ съ серебряною ручкой. Сбоку наклеенъ былъ № 3. Старушка достала изъ мѣшка связку ключей и дрожащею рукой отперла поставленный предъ нею на столѣ ящикъ.

— Взгляните-ка, сказала она, поднявъ крышку.

Музыкантъ поднялъ шелковую желтую подушку и остолбенѣлъ. Красавица-скрипка лежала предъ нимъ на малиновой, бархатной подкладкѣ ящика. Прорѣзанныя на верхней декѣ отверстія, рисунокъ и рѣзьба головки, старый, сохранившійся лакъ, все говорило что это чудо есть дѣло рукъ великихъ, старыхъ италіянскихъ мастеровъ. Квинта и басокъ были порваны, но скрипачъ досталъ изъ бумажника находившійся всегда при немъ запасный аккордъ и въ нѣсколько минутъ привелъ въ порядокъ скрипку.

— Попробуйте-ка, сказала графиня.—Канифоль, кажется, есть.

Но уже просить было нечего; музыкантъ отыскалъ графскій старинный ящичекъ съ канифолью, натянулъ смычокъ и началъ строить скрипку. Нервозный, благородный тонъ, принадлежность однихъ италіянскихъ инструментовъ, огласилъ высокую гостиную. Артистъ взялъ нѣсколько аккордовъ, быстро проигралъ октавами нѣсколько гаммъ и на баскѣ запѣлъ какую-то мелодію.

Старушка сидѣла и тихо смѣялась.

— Ну, что, сударь? Не дурна скрипка? спросила она, когда музыкантъ пересталъ играть и, подойдя къ окну, разсматривалъ, покачивая головой, красавицу Гварнери.

Digitized by Google

— Гдѣ вы это добыли, графиня, такое сокровище? И не показывали никому!

— Зачѣмъ же было мнѣ показывать? отозвалась, смѣясь, графиня.—Такъ не дурна? Вамъ нравится?

Музыкантъ грустно улыбнулся и сталъ укладывать инструментъ обратно въ ящикъ.

— Я вижу что вамъ нравится. Позвольте же, старухѣ, предложить ее вамъ. Я отдаю ее съ полнымъ убѣжденіемъ что она будетъ въ хорошихъ рукахъ.

— Я не умѣю васъ благодарить, графиня, но.... началъ озадаченный скрипачъ.

Онъ не хотѣлъ брать скрипки, думая „на что мнѣ она теперь“; хотѣлъ разказать о своемъ горѣ, но скрипка, не покрытая еще подушкой, лежала предъ нимъ во всей обаятельной красотѣ, понятной только музыканту; свѣтлый, старый тонъ еще стоялъ въ ушахъ.

— Чѣмъ же я заплачу вамъ за это, графиня? Я сталъ бы играть у васъ хоть каждый день, но я и этого не могу: я уѣзжаю; я долженъ уѣхать навсегда изъ Петербурга.

— Вы меня обижаете, высказавъ мысль объ уплатѣ. Это одинъ изъ инструментовъ моего мужа.

— Тѣмъ болѣе, графиня, перебилъ музыкантъ.

— И если я вамъ отдаю ее, то разумѣется безъ всякой платы, обидчиво окончила старуха.

Музыкантъ поклонился. Старушка встала съ дивана.

— Желаю вамъ успѣха. Занимайтесь. У васъ большой талантъ. Я очень рада что могла вамъ сдѣлать этотъ полезный подарокъ, сказала она и, поклонившись, тихо вышла изъ гостиной.

Музыкантъ остался предъ скрипкой. „Дѣйствительность это, или сонъ?“ первое что̀ пришло ему въ голову. Онъ гдѣ-то, казалось ему, читалъ или слышалъ въ дѣтствѣ о подобной сценѣ. Безсмысленно глядѣлъ онъ на серебрянаго купидона на широкой рамѣ зеркала, на хороводъ музъ, нарисованныхъ на массивной фарфоровой вазѣ, на мозаичную каемку мраморнаго стола; вслушивался въ шорохъ платья тихо удалявшейся старухи. „Право, не сонъ ли?“

— Прикажете отослать на квартиру къ вамъ? спросилъ вошедшій слуга съ бакенбардами, тотъ самый что̀ былъ въ оркестрѣ.

Digitized by Google

Тутъ только очнулся музыкантъ; но все еще щупая себя за голову, нерѣшительно отвѣчалъ:

— Благодарю. Если дѣйствительно ея сіятельство даритъ мнѣ инструментъ, то я возьму его съ собой.

— Графиня приказала передать вамъ ящикъ или доставить, если вы изволите ѣхать не къ себѣ, отвѣчалъ слуга.

Скрипачъ кое-какъ надвинулъ подушку и заперъ футляръ. Слуга взялъ ящикъ и понесъ за нимъ въ швейцарскую.

„Стало-быть, не во снѣ; а вотъ будетъ обида, вдругъ проснусь и, вмѣсто этихъ колоннъ, появится моя комната съ голубыми обоями, и никакой Гварнери?“ думалъ Барскій, медленно спускаясь съ лѣстницы; при послѣдней мысли онъ даже оглянулся, но человѣкъ со спокойствіемъ и важностію слуги сіятельной особы несъ за серебряную ручку палисандровый ящикъ.

Выйдя на улицу, скрипачъ крѣпко сжалъ массивную ручку ящика, заключающаго въ себѣ драгоцѣнность, и остановился въ раздумьѣ на усыпанномъ пескомъ тротуарѣ. Куда ему ѣхать? Подѣлиться съ кѣмъ-нибудь радостью, тѣснившею грудь, надо было. Новую мысль, нечаянную радость хочется кому-нибудь сообщить; горемъ дѣлится человѣкъ не такъ охотно. „Ѣхать къ солисту?“ пришло ему въ голову. Но тутъ же представилось ему какъ у того позеленѣютъ глаза при видѣ инструмента, которому нѣтъ подобнаго въ столицѣ.

„Да и въ Европѣ-то, думалъ Барскій, по крайней мѣрѣ мы видали тысячныя скрипки пріѣзжающихъ виртуозовъ. Куда имъ противъ этой, огненной моей красавицы? И еслибы волято теперь? А? Еслибъ воля? Я заперся бы съ нею на годъ, на два и показалъ бы съ Божьей помощью что можетъ кой-что сдѣлать въ музыкѣ и Русскій.... Да, просто, пѣсню бы я спѣлъ на ней имъ, нашу русскую, ямскую пѣсню.... Все есть, подумаешь, есть все: и энергія, и молодость, и талантъ, и скрипка.... Но куда же? куда же ѣхать-то? Эхъ, что бы ни было?... На Васильевскій“, рѣшилъ онъ, увидя мимо ѣдущаго извощика. Чрезъ минуту музыкантъ уже сидѣлъ въ саняхъ, бережно держа на колѣняхъ футляръ со скрипкой.

Весь погруженный въ самого себя, онъ не видалъ бѣгущихъ мимо его колоссальныхъ зданій, летящихъ во всю рысь каретъ. „Здравствуйте!“ кто-то громко крикнулъ ему, пролетѣвъ на орловскомъ рысакѣ въ щегольскихъ санкахъ. „Здрав-

Digitized by Google

ствуйте!“ отвѣтилъ Барскій, приподнявъ машинально шляпу и не зная кому кланяется. Извощикъ, проѣхавъ въ самый конецъ одной изъ линій острова, повернулъ, по указанію сѣдока, въ переулокъ и остановился у подъѣзда сѣраго новенькаго дома. Расплатившись съ извощикомъ, Барскій позвонилъ. Дверь отворилась.

— Что, няня, дома господа? спросилъ онъ у вышедшей худой старухи въ чепцѣ.

— Дома, батюшка, дома. Пожалуйте.

Сбросивъ въ тѣсной передней шубу, музыкантъ вошелъ въ залу и осторожно поставилъ свой ящикъ на рояль. Изъ другой комнаты вышла дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, трехъ и съ привѣтливою улыбкой протянула руку пріѣзжему. Блѣдное лицо ея немного вспыхнуло.

— Не ожидали вы меня сегодня? спросилъ Барскій.

— Не ожидали, отвѣчала молодая хозяйка.

— И я не думалъ быть у васъ, но одна пріѣхавшая, правда довольно давно, къ намъ сюда изъ Италіи пѣвица просила меня познакомить ее съ вами; ну, вотъ я и привезъ ее, говорилъ Барскій.

Дѣвушка вопросительно смотрѣла на него.

— Вы свободны? Не на урокѣ? спросилъ Барскій.

— Сегодня я свободна. А что?

— А то что, значитъ, мы сыграемъ съ вами. У васъ D-мольный концертъ Вьётана?

— У меня, кажется. Вы не взяли тогда, отвѣчала дѣвушка, принимаясь перебирать ноты на этажеркѣ.

— А Николай Петровичъ дома?

— Дома. Онъ переодѣвается. Куда-то ѣздилъ; кажется, за пенсіей. Снимаетъ фракъ. Вотъ и концертъ нашелся, добавила дѣвушка, раскладывая ноты.

— Браво!... Послушайте же что я за пѣвицу къ вамъ привезъ, отвѣчалъ Барскій, потирая чтобъ отогрѣть руки.

Вы, вѣроятно, видали, читатель, женскія лица не красивыя, не поражающія сразу, но способныя очаровать васъ и привязать надолго, когда вы въ нихъ попристальнѣе всмотритесь. Въ нихъ поражаетъ васъ не красота, а какая-то прозрачность, способствующая разглядѣть при первой встрѣчѣ и внутреннюю теплоту, и умъ, и юморъ. Такова была дѣвушка стоявшая предъ музыкантомъ. Въ темно-карихъ глазахъ ея столько было мысли что все бы глядѣлъ на нихъ.

Digitized by Google

Около такихъ женщинъ какъ-то невольно рисуешь себѣ теплый семейный уголъ, каминъ, и вѣришь крѣпко что есть много вѣчнаго, святаго въ этой жизни. Темно-коричневое, шерстяное платье, застегнутое до воротничка, увеличивало матовую бѣлизну лица. Пригладивъ свои каштановые волосы, дѣвушка сѣла на табуретъ, пробѣжала бѣлою ручкой по клавишамъ и посмотрѣла на скрипача.

— Сейчасъ, сейчасъ, началъ онъ, торопливо отпирая ящикъ. — Посмотрите что это за красота, прибавилъ онъ, осторожно вынувъ и повертывая въ рукѣ скрипку.

— Я не понимаю въ этомъ толку, отозвалась піанистка, пожавъ плечами.—А вашъ пюпитръ?

— Не надо. Я играю наизусть весь концертъ. Нѣтъ, вы сейчасъ поймете что это за сокровище, говорилъ скрипачъ, принимаясь строить подъ рояль скрипку.—Слышите что за огонь? спрашивалъ онъ, взявъ нѣсколько аккордовъ. — Начнемте же.

Откинувъ лѣвый отворотъ фрака, онъ натянулъ смычокъ, и легкимъ наклоненіемъ головы подалъ знакъ дѣвушкѣ.

Она взяла аккордъ, другой, и раздались торжественно печальные звуки похороннаго марша; глухо били черезъ тактъ, покрытыя чернымъ крепомъ, литавры; волторны тихо, будто сдерживая слезы, пѣли грустный, однообразный мотивъ. По временамъ въ эту печальную гармонію врывались звонкіе, почетные звуки трубъ. То были похороны павшаго на полѣ битвы славнаго вождя, послѣднее земное торжество героя. Но вотъ, смѣшались почетные звуки какимъ-то отдаленнымъ хоромъ дѣтскихъ голосовъ; на темномъ фонѣ похороннаго марша они засіяли, какъ цвѣта радуги горятъ на темной грозовой тучѣ. Хоръ смолкъ. Литавры простудѣли глухое tremolo. И женскій вопль, полный безвыходной тоски, упрека, жалобы невѣдомымъ, воздушнымъ силамъ, прервалъ и маршъ, и это медленное шествіе. Это осиротѣвшая подруга кинулась къ увѣнчанному лаврами и миртой гробу. То былъ не плачъ, не слезы,—вопли, вопли къ тому кто оторвалъ отъ сердца все что было дорого, все, все чѣмъ только жило, для кого билось честное, на вѣки преданное сердце.

Дѣвушка робко взглянула на музыканта. Старая дека Гварнери вся была смочена катившимися градомъ съ блѣднаго его лица слезами. По всему организму піанистки пробѣжала

Digitized by Google

та благодатная дрожь, которая знакома лишь тому кому доступна сила вдохновенно-сказаннаго слова.

Пройдя всю гамму бѣшенаго горя, скрипка притихла—будто обомлѣвъ; черезъ минуту, очнувшись и какъ бы прозрѣвъ судьбы, уразумѣвъ ихъ смыслъ, она запѣла тихую молитву, и снова тронулось торжественное шествіе.

Низенькаго роста старикъ, въ поношенномъ сѣромъ пальто, съ длинными сѣдыми волосами, на цыпочкахъ пробравшись изъ сосѣдней комнаты, присѣлъ на стулъ и изумленно уставился на скрипача, спокойно допѣвавшаго замирающіе звуки молитвы.

Смолкъ похоронный маршъ; молитва смолкла; а дѣвушка продолжала сидѣть, опустивъ руки за роялью. Скрипачъ принялся вытирать батистовымъ платкомъ свою скрипку. Ему не то совѣстно, не то страшно было взглянуть на дѣвушку.

— Что такое? прервалъ молчаніе видимо ошеломленный старикъ.—Чья это скрипка? Ты.... послушай.... ты играешь хорошо, но ты вѣдь такъ не игрывалъ какъ нынче.... Покажи-ка мнѣ ее.... Ай-ай-ай. Гляди, гляди-ка, дека-то, а эфы, эфы.... Чья же, говори? Головка-то, головка! вскрикивалъ пылкій какъ юноша старикъ, вытянувъ руку и повертывая скрипку.

— Моя, отвѣтилъ улыбаясь музыкантъ.

— Твоя? Слушай, говори. Ты не шути надъ старикомъ. Я, братъ, видалъ, видалъ не съ ваше. Я съ Бемомъ игрывалъ; альта игралъ шесть лѣтъ.

Старикъ не лгалъ. Онъ былъ сынъ музыканта и игралъ на альтѣ и віолончели какъ художникъ. Когда-то знали его во всѣхъ музыкальныхъ петербургскихъ кружкахъ. Музыка помогала ему въ то патріархальное время и на службѣ: просидѣвъ лѣтъ десять за перепиской скучныхъ бумагъ, онъ рѣшился-было поступить въ театральный оркестръ, но начальникъ, по счастію скрипачъ, боясь потерять хорошаго віолончелиста, далъ ему порядочное мѣсто и квартиру. Старикъ самъ училъ дочь музыкѣ, но вспыльчивый характеръ мѣшалъ ему въ преподаваніи. Онъ разъ чуть не лишился мѣста, разбивъ вдребезги скрипку объ голову ученика своего, сына столоначальника. Каждая фальшивая нота бѣсила его какъ личное оскорбленіе. Поэтому онъ радехонекъ былъ передать уроки своей дочери Барскому.

— Какъ твоя? наступалъ старикъ на Барскаго.

Digitized by Google

— Я говорю вѣдь вамъ... моя.

— Какой вы странный, папенька, начала дѣвушка. — Захаръ Петровичъ могъ купить по случаю. У насъ вѣдь не всѣ знаютъ толкъ.

— Нѣтъ, онъ не могъ купить. Ты ничего не понимаешь. Эту скрипку нельзя купить.

— Купить все можно, возразила дочь.

— Тебѣ говорятъ, нельзя, запальчиво перебилъ старикъ, топнувъ ногою. — Нельзя купить, не только въ Петербургѣ, нигдѣ, въ наше время, такую скрипку. А здѣшніе скрипки я знаю всѣ наперечетъ.

Барскій въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ какъ и откуда досталася ему рѣдкій инструментъ.

— Ну, поздравляю, братъ, подравляю, обними, сказалъ старикъ, обнимая музыканта. — Это дѣло другое; чудомъ тебѣ она досталась. Я тебѣ одно скажу: вѣрь, такихъ, братъ, экземпляровъ больше нѣтъ, да и не сыщется другой такой Гварнери. Хочешь ты вѣрь мнѣ старику, хочешь нѣтъ, а это я скажу всѣмъ, каждому, хоть наканунѣ смерти, окончилъ расходившійся старикъ, принимаясь быстро шагать изъ угла въ уголъ. Доставъ изъ другой комнаты серебряныя очки, онъ вынулъ скрипку изъ ящика и, подойдя къ окну, принялся ее разсматривать снова. Фу ты пропасть! Ай, ай, ай! воскликалъ онъ повременамъ. Ну, это инструментъ! могу сказать.

Барскій пробовалъ заговаривать съ перелистывавшею ноты дѣвушкой, но разговоръ не клеился, какъ это бываетъ между друзьями, когда у одного есть тайна для нихъ обоихъ важная.

„Развѣ разсказать? думалъ музыкантъ.—Зачѣмъ? А если я уѣду не сказавъ ничего, она меня забудетъ, и.... Ну что же? И пускай забудетъ, и слава Богу. Что ей во мнѣ?“

Старикъ все продолжалъ возиться со скрипкой; присѣвъ почти на корточки, онъ глядѣлъ въ отверстія, какъ будто хотѣлъ впрыгнуть въ нее.

Барскій принялся разказывать какъ въ *Фигаро* какая-то пѣвица цѣлыми пятью тактами раньше начала арію; какъ солистъ въ концертѣ Бетговена, ни къ селу, ни къ городу, вставилъ cadenza съ флажолетами. Дѣвушка слушала молча; она видѣла ясно что онъ скрываетъ отъ нея что-то, и отъ того натянуты и не искренни его шутки.

„Нѣтъ, видно не обманешь,“ подумалъ скрипачъ. Увидѣвъ

Digitized by Google

случайно въ зеркалѣ блѣдное, усталое лицо свое, онъ самъ себя испугался. Нѣтъ, трудно притворяться. Уѣхать поскорѣе, подумалъ онъ, взглянувъ на часы свои и не видя стрѣлокъ. „Или сказать? А какъ уложишь ее?“ При этомъ пролетѣла мысль какъ не изященъ вдругъ покажется онъ ей, напомнивъ что онъ крѣпостный, не свободный художникъ. И вся кровь бросилась ему въ голову. „Нѣтъ, что бы ни было, уѣду не сказавъ ни слова.“

— Вы не совсѣмъ здоровы, кажется? заботливо спросила дѣвушка.

— Да, простудился должно-быть, отвѣчалъ музыкантъ. — Однако я васъ, кажется, задерживаю.

— Нѣтъ, ни мало.

— Что ты? Я бы сказалъ тебѣ безъ церемоніи, отозвался Николай Петровичъ, уставляя скрипку на диванъ, желая узнать какъ она будетъ издали.—Картина, просто картина, а не скрипка.

„Вѣдь, вотъ что еще можетъ быть, раздумывалъ музыкантъ.— Ну, я уѣду, ей представится партія; положимъ, она знаетъ, кажется, что я крѣпостной.... А если не знаетъ, да откажется?“ Но это думалъ онъ уже совсѣмъ въ разладъ съ сердцемъ. При мысли что дѣвушка будетъ женою другаго, сжималось, обливалось кровью сердце.

Нѣтъ, что бы ни было, порѣшилъ онъ наконецъ, они принимали меня, любили какъ роднаго, эти честные люди; разстанусь же и я съ ними честно.

— Николай Петровичъ, Елизавета Николаевна, началъ онъ какъ-то напряженно, взявъ стулъ и садясь у рояли.— Елизавета Николаевна, я не хотѣлъ было говорить, но не могу. Я многимъ, многимъ вамъ обязанъ.

Старикъ тоже взялъ стулъ и присѣлъ къ дочери.

— Какъ вамъ, Николай Петровичъ, вѣроятно, извѣстно, я крѣпостной.

— Я знаю. Ну, такъ что же? спросилъ старикъ, приподнявъ голову и взглянувъ сквозь серебряныя очки свои на музыканта.

— А то что помѣщикъ не высылаетъ мнѣ паспорта и требуетъ къ себѣ. Послѣзавтра я долженъ уѣхать отсюда на всегда, въ глушь, продолжалъ красивый Барскій.—Что жъ дальше-то мнѣ вамъ разказывать? закончилъ онъ.

Дѣвушка сидѣла неподвижно, какъ мраморная статуя, потупивъ глаза.

Digitized by Google

— Откупиться? быстро произнесъ старикъ, обрадовавшись своей мысли.

— Пробовалъ я это.... Вы вѣдь помните.... Не отпускаетъ, отвѣчалъ Барскій.

И снова краска выступила на лицѣ. Дѣвушка, угадавъ его мысль, взглянула на него съ упрекомъ и молча протянула руку. Барскій поцѣловалъ ручку и замѣтилъ какъ взволновалъ разказъ его бѣдную дѣвушку. Старикъ всталъ и началъ ходить. Ему только теперь пришло въ голову что молодые люди могли сблизиться въ пять лѣтъ почти неразлучной жизни. Въ честности музыканта старикъ былъ убѣжденъ. Однако, вѣдь, она могла влюбиться, и онъ въ нее, пришло ему въ первый разъ въ голову. А какъ онъ женится? Не въ крѣпостныя же, вѣдь, ей идти.

— Мы объ одномъ просимъ тебя, не забывать насъ, началъ старикъ, желая, вѣроятно, объяснить почему дочь протянула руку Барскому.

— Да, мы просимъ не лишить насъ вашей дружбы, подтвердила Елизавета Николаевна.

Дружбы? подумалъ музыкантъ. И что-то въ родѣ досады зашевелилось у него на душѣ.

„Прочь, прочь самолюбивое, недоброе чувство. Такъ только дружба? Да, и слава Богу. Благодарю тебя за это, Господи.“ Не искренно благодарилъ онъ. Онъ любилъ, а когда любишь, ищешь отвѣта.

— Я еще заѣду къ вамъ, впрочемъ, если позволите, нервно говорилъ онъ, поднявшись со стула и взглянувъ на часы.—Да, скрипку надо уложить. Такъ недурна, Николай Петровичъ, моя Италіянка? А?

Но старикъ ничего не отвѣчалъ и молча ходилъ по комнатѣ. Дѣвушка подошла къ окну и смотрѣла, вѣроятно ничего не видя, на улицу.

Барскій взялъ инструментъ свой съ дивана, досталъ смычокъ и, послѣ нѣсколькихъ арпеджій: „Dove i belli momenti“, залилась скрипка.

У дѣвушки, стоявшей предъ окошкомъ, ручьями катились слезы.

„Любитъ“, подумалъ артистъ, весь вспыхнувъ отъ радости. „А остальное будь что будетъ.“ Уложивъ на-скоро скрипку, онъ простился со старикомъ. „Прощайте“, тихо отвѣтила дѣвушка, не оборачиваясь отъ окошка. Веселый и счастливый вышелъ отъ нихъ скрипачъ на улицу.

Digitized by Google

IV.

Въ селѣ Подмостьѣ, имѣньѣ Павла Ивановича Тарханкова, шли приготовленія къ пиршеству. Хозяинъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ и угощалъ по этому случаю обѣдомъ и вечеринкой губернскія власти и дворянъ. Самъ губернаторъ обѣщался пріѣхать. Отъ города считалось до села верстъ восьмнадцать, но на половинѣ дороги выставлены были владѣльцемъ села для его превосходительства перемѣнныя тройки. Крестьяне починяли дорогу; около дома дворня раскапывала сугробы, свозили со двора снѣгъ. На кухнѣ ощипывали утокъ, потрошили гусей. Въ домѣ суетилась прислуга, сметая пыль съ картинъ и золоченыхъ карнизовъ, приготовляя лампы, снимая бѣлые чехлы съ мебели. Хозяинъ бѣгалъ по комнатамъ, покрикивая на прислугу. „Почище натирайте, вонъ подъ диваномъ пыль“, говорилъ онъ полотерамъ, танцовавшимъ по пестрому паркету. „Сюда еще пару кенкетовъ“. Въ угольной залѣ, на устроенной наскоро сценѣ, шла репетиція отрывка изъ какой-то оперы.

Когда любить мы начинаемъ,
Ревнивымъ можно быть тогда,

распѣвалъ подъ скрипку женскій голосъ.

Въ музыкантской гремѣлъ оркестръ, разучивая увертюру. Тутъ же, почему-то, у окна цирюльникъ брилъ Василья Семенова.

— Подстриги, братъ, ужь кстати; а то не соберешься, говорилъ, на этотъ разъ трезвый, Василій Семеновъ.

— Можемъ и подстричь, отвѣчалъ цирюльникъ, щелкнувъ молодецки ножницами и завѣшивая грязною ситцевою тряпкой Василья.

Было часовъ одиннадцать утра; на дворѣ шелъ легонькой снѣгъ; день былъ пасмурный. Къ селу, сонно побрякивая бубенцами, подъѣзжала кибитка парой. Человѣкъ лѣтъ тридцати, въ мѣховой шапкѣ изъ бобрика и енотовой шубѣ, сидѣлъ подъ волчкомъ, поглядывая на приближающееся село съ деревянною, покачнувшеюся на бокъ, ветхою церковью и съ высокими крышами помѣщичьяго дома.

Digitized by Google

— Къ дому что ли тебя? спросилъ долгонязый сѣдой ямщикъ, оглянувшись на сѣдока, проѣзжая мимо крестьянскихъ избъ.

— Нѣтъ, подъѣзжай ко флигелю, отвѣчалъ сѣдокъ.

Кибитка остановилась у деревяннаго флигеля; въ немъ раздавались звуки музыки.

„Экую старь играютъ“, подумалъ сѣдокъ, заслышавъ звуки *Калифа Багдадскаго*. Онъ вылѣзъ изъ кибитки: это былъ Барскій. Вынувъ изъ повозки зашитый въ овчинный мѣшокъ футляръ со скрипкой, онъ поднялся на крыльцо и вошелъ въ музыкантскую.

— Захаръ Петровичъ, ты ли это? встрѣтилъ пріѣзжаго капельмейстеръ, рыжеватый, лѣтъ сорока человѣкъ, съ лицомъ усѣяннымъ веснушками. Съ нимъ рядомъ, въ дѣтствѣ, Барскій игралъ вторую скрипку. Старые знакомцы обнялись. Музыканты оставили инструменты и молча разглядывали пріѣзжаго: это была уже молодежь, плохо помнившая Барскаго.

— Василій Семенычъ, здорово! сказалъ, раздѣваясь, пріѣзжій.

Василій Семеновъ подошелъ и поцѣловалъ троекратно бывшаго ученика своего; онъ училъ Барскаго писать и ариѳметикѣ.

— Здоровъ ли? спросилъ его Захаръ Петровичъ.

— Да, здоровъ. Ничего, сконфузясь и отряхая съ сюртука клочки волосъ, оставшіеся отъ стрижки, отвѣчалъ Василій.

— Что ему дѣлается! Вишь какимъ молодцомъ сталъ, подстригли, состригъ цирюльникъ, отставляя стулъ.

Непріютно глядѣла музыкантская съ черными длинными столами, въ родѣ школьныхъ, довольно грязнымъ поломъ и съ громадными желтыми шкафами для нотъ и инструментовъ; штукатурка мѣстами обвалилась со стѣнъ; оконныя стекла были немыты, а мѣстами замѣнены нотною бумагой.

Ямщикъ внесъ вещи.

— Вотъ въ эту комнату пожалуйте, въ эту комнату, Захаръ Петровичъ, сказалъ бѣлокурый, съ умнымъ лицомъ юноша, лѣтъ шестнадцати, гобоистъ. — Здѣсь вамъ будетъ покойнѣе. Онъ отворилъ дверь и ввелъ пріѣзжаго въ небольшую комнату о двухъ окнахъ; у стѣны стоялъ старинный крашеный диванъ съ изодраннымъ кожанымъ верхомъ.

— Не прикажете ли поставить самоваръ? ласково спросилъ мальчикъ.

Digitized by Google

— Да... Поставьте, если.... Чай у меня есть, отвѣчалъ Барскій.

— И у насъ есть. Все приготовимъ, возразилъ гобоистъ.

Музыканты разошлись.

— Ну, здѣсь плоховато тебѣ будетъ послѣ петербургской жизни, тоненькимъ голоскомъ толковалъ, усѣвшись на диванѣ, капельмейстеръ.—Сердится онъ на тебя что долго не ѣхалъ.

Барскій разчитался съ ямщикомъ и принялся разставлять свои пожитки. Въ это время въ комнату вошелъ управляющій, сѣдой, высокаго роста, толстый и свѣжій старикъ, въ дублёномъ новомъ полушубкѣ.

— Захарушка, здорово! началъ онъ, лобызая гостя. — Ну, не узналъ бы, братъ, тебя. Вѣдь вотъ какимъ отправили.

При послѣднихъ словахъ, онъ показалъ рукою ростъ Барскаго во дни отправки въ ученье, и усѣлся рядомъ съ капельмейстеромъ на диванѣ.

— Надо велѣть тутъ у тебя вымыть, продолжалъ, онъ посматривая на грязный полъ и стекла комнаты.—Вишь, вѣдь, какъ варвары загадили. Вотъ что, другъ, сходимъ мы сейчасъ же къ барину; конче онъ веселъ, въ духѣ что-называется. А оттуда ко мнѣ чайку напиться.

— Переодѣться надо, отвѣчалъ, нѣсколько растерявшись при этомъ приглашеніи, музыкантъ.

— На что? А то переодѣнься, отвѣчалъ прикащикъ.

Гобоистъ принесъ въ это время умывальникъ съ водой. Барскій умылся, перемѣнилъ сюртукъ и началъ было надѣвать шубу.

— Вотъ что, Захарушка, остановилъ его прикащикъ.—Ты, братъ, енота-то не надѣвай.

— Отчего? съ удивленіемъ спросилъ его Барскій.

— Да оттого.... Вотъ хоть его тулупъ калмыцкій, старенькій накинь, отвѣчалъ прикащикъ, указавъ на обладателя тулупа, капельмейстера.—А енотъ увидитъ.... Кто его знаетъ? Пожалуй, обидится, скажетъ: въ господа лѣзетъ, въ бары. Да и сюртукъ-то новенькій скинь, надѣнь дорожный, поскромнѣе.

— Это справедливая рѣчь, подтвердилъ тоненькимъ голоскомъ капельмейстеръ.—Тамъ послѣ оглядится, можно и пофрантить, а спочалу лучше посмирнѣе.

„Вотъ оно, будущее-то“, подумалъ Барскій, перемѣнивъ сюртукъ и накидывая поношенный, суконный тулупъ, поданный гобоистомъ.

Digitized by Google

Выйдя изъ флигеля, прикащикъ и пріѣзжій перешли дворъ и вступили въ переднюю. Незнакомый Барскому камердинеръ, надменно оглядѣвъ пріѣзжаго, пошелъ доложить о немъ барину.

— Въ кабинетъ, сказалъ онъ повелительнымъ тономъ, возвратясь черезъ нѣсколько минутъ.

Барскій пошелъ въ сопровожденіи прикащика.

— Вотъ онъ задастъ тебѣ, петербургскій виртуозъ, защѣтилъ камердинеръ, обращаясь не то къ уходящимъ, не то къ буфетчику, вошедшему въ это время съ крыльца въ переднюю.

Лысый, съ рѣденькими, свѣтлорусыми бакенбардами и взбитыми къ верху висками буфетчикъ Тимоѳеичъ глухо разсмѣялся на это замѣчаніе и произнесъ одобрительно: „впрямь что виртуозъ“. Знакомые Барскому слуги покойнаго Тарханкова всѣ почти были отпущены Павломъ Ивановичемъ на оброкъ и замѣнены, почему-то, другими, взятыми изъ вновь купленнаго имъ помѣстья.

Въ кабинетѣ, развалясь въ креслахъ, важно возсѣдалъ Павелъ Ивановичъ. Музыкантъ, войдя вслѣдъ за прикащикомъ, всталъ у дверей и поклонился. Помѣщикъ посмотрѣлъ на него какъ смотрятъ на муху прогуливающуюся по столу и обратился къ прикащику.

— Что жъ, ты отправилъ приглашенія?

— Отправилъ, сударь, отвѣчалъ прикащикъ.

— Всѣ?

— Всѣ, по списку. Вчера разосланы послѣднія.

Павелъ Ивановичъ покрутилъ усъ и, послѣ нѣкотораго молчанія, обратился наконецъ къ музыканту.

— Какъ же ты смѣлъ ослушиваться предписаній конторы?

— Я виноватъ въ этомъ, но не совсѣмъ, Павелъ Ивановичъ, отвѣчалъ Барскій;—мнѣ надобно было привести въ порядокъ дѣла свои. Я былъ долженъ нѣкоторымъ. Надо было расплатиться.

— Это не отговорка, возразилъ Павелъ Ивановичъ.—Ты могъ мнѣ написать объ этомъ; я въ состояніи, я думаю, заплатить твои грошовые долги?

— Я не осмѣлился васъ этимъ безпокоить, отвѣчалъ музыкантъ.

— А ты осмѣлился однако жить, несмотря на строгія приказанія немедленно явиться.... А? Ты осмѣлился.... Сегодня мнѣ не до того, но на дняхъ я побесѣдую съ тобой объ этомъ

Digitized by Google

иначе. Я тебѣ покажу каково отыскивать вольныя да бунтовать, окончилъ онъ, весь покраснѣвъ и поднявшись со стула.

— Помилуйте, я и не думалъ, началъ было музыкантъ.

— Я знаю, думалъ ты, или нѣтъ; я тебѣ покажу съ кѣмъ ты имѣешь дѣло, перебилъ Павелъ Ивановичъ, подступивъ со сжатыми кулаками къ поблѣднѣвшему Барскому.—Я тебѣ это покажу.

Всѣ хлопоты Барскаго о возстановленіи вольныхъ ограничивались тѣмъ что онъ раза два говорилъ объ этомъ съ Николаемъ Петровичемъ, но послѣдній сказалъ ему что о дѣлѣ этомъ нечего и думать, какъ о потерянномъ невозвратно.

— Ты вообразилъ что ты Бетговенъ или Моцартъ. Я тебѣ покажу кто ты, продолжалъ Павелъ Ивановичъ.—Какой ты примѣръ другимъ подаешь своимъ непослушаніемъ? Ты бунтовщикъ, паршивая овца; ты можешь заразить все стадо.

Послѣднимъ выраженіемъ видимо былъ самъ доволенъ Павелъ Ивановичъ; онъ отступилъ отъ музыканта и величаво прошелся по комнатѣ.

Барскій молча стоялъ какъ истуканъ.

— Попроси прощенья, шепнулъ ему прикащикъ, когда помѣщикъ шелъ спиною къ нимъ, въ противоположный конецъ комнаты; но ошеломленный музыкантъ не слыхалъ словъ прикащика.

— Ступай покуда, уже нѣсколько покойнѣе, уставясь въ окно, произнесъ Павелъ Ивановичъ.—Черезъ два дня мы съ тобой увидимся.

Барскій вышелъ. Въ передней, покручивая усы, зловѣщимъ взглядомъ, молча, смѣрялъ его камердинеръ; изъ полузатворенныхъ дверей смежной съ переднею письмоводительской выглянули двѣ горничныя. Накинувъ тулупъ, побрелъ музыкантъ въ свой флигель. На крыльцѣ догналъ его прикащикъ; пройдя молча дворъ, они простились другъ съ другомъ у крыльца музыкантской. Прикащикъ не повторилъ своего приглашенія напиться съ нимъ чаю, такъ какъ это могло дойти до барина и показаться демонстраціей.

Гобоистъ хлопоталъ около самовара, когда Барскій вошелъ въ свое новое жилище. Столъ былъ накрытъ чистою салфеткой; чистый стаканъ, сливки, бѣлый хлѣбъ откуда-то добылъ мальчикъ.

— Если вамъ что понадобится, Захаръ Петровичъ,

Digitized by Google

вѣжливо произнесъ онъ уходя,—вотъ постучите въ эту дверь. Я живу въ сосѣдней комнатѣ.

— Благодарю васъ.... Покуда мнѣ ничего не нужно, отвѣчалъ Барскій.

Мальчикъ вышелъ, захвативъ тулупъ капельмейстера.

Музыкантъ остался одинъ; онъ сѣлъ на диванъ и осмотрѣлъ закоптѣлыя стѣны комнаты. Такъ оглядываетъ свою клѣтку только-что пойманная птица. „Бѣжать?“ пришло ему въ голову. „Да, чтобы послѣ прогуляться въ кандалахъ на поселенье“, отвѣтилъ тотчасъ же разсудокъ. Черезъ четверть часа дверь отворилась, и въ комнату вошелъ прикащикъ. Присѣвъ на край дивана, онъ легонько хлопнулъ по плечу задумавшагося Барскаго.

— Мнѣ вотъ что̀ пришло въ голову, Захарушка, началъ онъ.—Сходи ты еще разъ къ нему, да попроси прощенья; ну, въ ноги поклонись ему, что ли. Что̀ жь тутъ дѣлать-то? Самъ посуди ты. А повинную голову мечъ не сѣчетъ. Послушайся меня, старика. Вѣдь иначе, братъ, худо будетъ.

— А что̀ же будетъ? спросилъ Барскій.

— Что̀ будетъ? Хорошаго ждать нечего, отвѣчалъ прикащикъ, поднимаясь съ дивана.— А повинился, и дѣло съ концомъ.

— Да вы скажите что̀ же онъ думаетъ, сослать меня, отдать въ солдаты? Пусть ссылаетъ, запальчиво говорилъ Барскій.

Прикащикъ поглядѣлъ за дверь и, подойдя къ музыканту, шепнулъ ему что-то на ухо. Барскій вспыхнулъ, всталъ съ дивана и принялся ходить изъ угла въ уголъ.

— Сходи, голубчикъ, послушай старика, уговаривалъ его, опять присѣвъ на диванъ, прикащикъ.

— Не пойду, рѣшительно отвѣчалъ Барскій.—Благодарю васъ за участіе; но идти не въ силахъ; будь что̀ будетъ.

Прикащикъ, опустивъ голову и почесывая за ухомъ, придумывалъ, должно-быть, новый способъ для убѣжденія упрямца, но посидѣвъ минуты съ три, и видно ничего не придумавъ, поднялся съ дивана и ушелъ. Нервная дрожь началась у Барскаго: онъ то садился на диванъ, то опять принимался ходить, но лихорадка̀ не унималась. Тяжела утрата дорогаго человѣка; тяжела бѣдность; да мало ли тяжелаго и горькаго на свѣтѣ; но тяжелѣй всего оскорбленіе чувства человѣческаго достоинства. „Самоубійство, вотъ одинъ, темный, но за то ужь вѣрный выходъ“, подумалъ молодой

Digitized by Google

человѣкъ, судорожно проведя рукой по кудрявымъ волосамъ своимъ. При этомъ взоръ его случайно остановился на небольшомъ образкѣ, въ серебряномъ окладѣ, Тихвинской Божіей Матери, лежавшемъ въ распакованномъ чемоданѣ. Это было благословеніе бабушки, вмѣстѣ съ полтинникомъ врученное ему предъ отъѣздомъ изъ губернскаго города въ Петербургъ. „Да развѣ ты Заступница, развѣ Ты поможешь мнѣ?“ подумалъ молодой человѣкъ. „У меня нѣтъ другой защиты.“ Онъ взялъ бережно образъ и положилъ на столъ. Нервы его расходились; онъ выпилъ полстакана остывшаго чаю, но дрожь не унималась. Онъ взялъ свою кожаную, походную подушку, и укрывшись шубою, улегся на диванъ; онъ пробовалъ заснуть, но дума за думою, одна другой тяжелѣе, прогоняли сонъ.

Гобоистъ принесъ обѣдъ, свѣчку и спички. Музыкантъ молча лежалъ. Мальчикъ, поставивъ миски съ кушаньемъ въ печку, вышелъ на цыпочкахъ изъ комнаты, прошептавъ про себя: „видно заснули“.

V.

На утро село приняло праздничный видъ. На бельведерѣ дома развѣвался флагъ съ дворянскимъ гербомъ фамиліи Тарханковыхъ. Солнце, какъ будто тоже сочувствуя торжеству, ярко освѣщало фасадъ дома съ зеркальными, разрисованными слегка морозомъ, стеклами. На крыльцѣ появлялись по временамъ офиціанты во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; горничныя, щегольски причесанныя, въ новыхъ ситцевыхъ платьяхъ, перебѣгали изъ флигелей въ домъ и обратно. На кухнѣ раздавался стукъ поварскихъ ножей; на крыльцо выбѣгали повара въ чистыхъ колпакахъ и фартукахъ. Всѣ поглядывали въ поле, на дорогу усаженную свѣжими елками, поджидая гостей. Въ окнахъ то и дѣло появлялось полное, самодовольное лицо Павла Ивановича. Прикащикъ въ полушубкѣ и мѣховой шапкѣ, бѣгалъ то въ кухню, то на конный дворъ. Въ музыкантской настраивали духовые инструменты; то издавала какіе-то коротенькіе звуки волторна, то флейта высвистывала верхнія октавы, то фаготъ вытягивалъ густую басовую ноту. Барскій тоже распаковалъ скрипку; онъ попросилъ забѣгавшаго къ нему прикащика спросить

Digitized by Google

барина: не прикажетъ ли онъ ему сыграть что-нибудь? Павелъ Ивановичъ отвѣтилъ на это что музыкантъ „пока не заслуживаетъ этой чести".

Часовъ около двѣнадцати, на дворѣ завизжали полозья саней и возковъ, раздался храпъ усталыхъ лошадей; стали съѣзжаться гости. Изъ повозокъ вылѣзали господа въ медвѣжьихъ, енотовыхъ и русскихъ бараньихъ шубахъ; слуги въ ливреяхъ и безъ ливрей высаживали ихъ и почтительно вводили на крыльцо. Наконецъ, часу въ первомъ, раздался смѣшанный громъ бубенцовъ, колокольчиковъ и особый, спѣшный крикъ ямщиковъ; сломя голову, точно на пожаръ, въ ворота съ громомъ полетѣли тройка за тройкой. Это пріѣхалъ губернаторъ со свитою, въ сопровожденіи капитана исправника. Все засуетилось; слуги выбѣжали на крыльцо; за ними въ накинутой наскоро шубѣ вышелъ самъ хозяинъ. Губернаторъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, сухой, высокій старикъ, осторожно спустившись съ саней, при помощи исправника и одного изъ прибывшихъ чиновниковъ, поднялся на крыльцо и три раза подставилъ щеку съ сѣдыми бакенбардами Павлу Ивановичу.

— Какъ вы доѣхали, ваше превосходительство? спрашивалъ хозяинъ.

— Превосходно, отвѣчалъ губернаторъ. — Дороги хороши, добавилъ онъ обращаясь къ исправнику.

Исправникъ сдѣлалъ подъ козырекъ и произнесъ скороговоркой:

— Наша обязанность, ваше превосходительство.

— Очень хороши, милостиво подтвердилъ губернаторъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но закашлялся и пошелъ предъ хозяиномъ въ переднюю.

Въ это время къ заднему крыльцу, изъ флигеля, предводимые прикащикомъ, опрометью, съ инструментами въ рукахъ, бѣжали музыканты.

— Скорѣе чтобы васъ, запыхавшись кричалъ толстый прикащикъ,—успѣемъ, да успѣемъ; вотъ тебѣ и успѣли.—А все ты, Игнатій Петровичъ, говорилъ онъ, отирая потъ съ лица и свирѣпо взглянувъ на капельмейстера.

Къ счастію послѣдняго, его превосходительство, страдавшій застарѣлыми ревматизмами, имѣлъ обыкновеніе надѣвать на себя въ дорогу чуть не цѣлый гардеробъ. Пока снималъ онъ ваточное пальто и какія-то стеганыя фуфайки,

Digitized by Google

напавленныя сверхъ фрака, музыканты успѣли размѣститься на хорахъ залы, уже уставленной накрытыми длинными столами, и приготовиться. Рядомъ съ нагнувшимся нѣсколько на бокъ хозяиномъ, вошелъ въ залу, въ черномъ фракѣ, со звѣздой на груди, его превосходительство. Оркестръ заигралъ, довольно нестройно, польскій.

— У васъ прекрасный домъ, началъ, осматривая залу, губернаторъ.

— Уютный домикъ, ваше превосходительство, на холостую ногу, отвѣчалъ, потирая руки, хозяинъ.

— Прекрасный, повторилъ губернаторъ, протягивая руку нѣкоторымъ изъ гостей, вытянувшихся вдоль залы, нѣкоторымъ кивая головой, а инымъ просто говоря: — здравствуй; и ты здѣсь?

Дамъ не было. Обѣдъ и праздникъ затѣянъ былъ холостякомъ-хозяиномъ на холостую ногу. Губернаторъ прошелъ въ конецъ залы и остановился, оглядывая гостей. Гости переминались съ ноги на ногу, направляясь фасадами, какъ подсолнечники къ солнцу, къ губернатору. Нѣкоторые разговаривали, какъ разговариваютъ на сценѣ актеры, безжалостно оставленные авторомъ безъ рѣчей, во время длиннаго, обращеннаго къ зрителямъ монолога; другіе, потирая руки, посматривали на отдѣльный столъ уставленный графинами и тарелками съ семгой, икрой, сельдями и другими возбуждающими аппетитъ яствами. Оркестръ умолкъ. Хозяинъ, шаркнувъ ловко ногою, указалъ губернатору на отдѣльный столикъ. Губернаторъ подошедъ, выпилъ рюмку какой-то темной жидкости, поморщился и сталъ закусывать; вслѣдъ за нимъ густою, смѣшанною толпой повалили къ закускѣ прочіе гости. Чрезъ нѣсколько минутъ разговоръ сдѣлался оживленнѣе; въ смѣшавшейся, жующей толпѣ, слышалось: „дворянство; нѣтъ, управа благочинія никогда не могла; онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ уголовной палаты; да вотъ какъ, я травилъ лисицу; уѣздный судъ долженъ былъ прямо отвѣстись; нѣтъ, въ гренадерскомъ корпусѣ; дворянство избираетъ васъ, меня, другаго, слѣдовательно оно....“ Наконецъ офиціанты разставили тарелки съ супомъ, и общество, застучавъ стульями, стало садиться за обѣдъ. Губернаторъ сѣлъ впереди, рядомъ съ хозяиномъ; потомъ, соотвѣтственно чинамъ и положенію въ обществѣ, размѣстились прочіе гости.

Digitized by Google

Оркестръ заигралъ увертюру *Толедскіе слѣпцы*. За стульями вытянулись съ тарелками въ рукахъ офиціанты.

Долго длился обѣдъ. Предлагался тостъ за тостомъ; говорились рѣчи въ извѣстномъ стилѣ: „Мы желаемъ одного, ваше превосходительство, это того чтобы вы долго, долго не покидали насъ; это общее желаніе дворянства основано на желаніи блага ввѣренному вамъ краю.“ Словъ: цивилизація, прогрессъ, еще не было тогда въ ходу. Они монеты чекана позднѣйшаго времени.

„Позвольте, господа, сказать нѣсколько словъ“, перебивалъ, поднявшись, сухопарый длинный чиновникъ. „Многія лѣта“, кричалъ кто-то на нижнемъ концѣ стола. Вообще было очень весело. Хозяинъ сіялъ; онъ даже прослезился и чмокнулъ въ плечо губернатора, благодарившаго его за прекрасный обѣдъ. Послѣднее страшно возмутило одного длинноволосаго либерала....

— Это, господа, просто чортъ знаетъ что, говорилъ онъ, встряхивая волосами.—Помилуйте, предводитель; что жъ послѣ этого толковать объ оппозиціи? говорилъ онъ, глотая медвѣдя; медвѣдемъ почему-то называется въ губерніяхъ кофе пополамъ съ ромомъ.

— Въ спектакль зовутъ. Пойдемте, говорилъ тонкимъ голоскомъ разсолодѣвшій отъ шампанскаго старичокъ Нѣмецъ, докторъ, длинноволосому либералу.

— Вы видѣли, въ плечо вдругъ чмокнулъ губернатора? перебилъ, не слушая его, длинноволосый.

— Какъ не видать! И, признаюсь, я тронутъ былъ до слезъ, до глубины души, при видѣ этого единенія, согласія дворянства съ администраціей, отвѣчалъ докторъ; у него и теперь навернулись слезы.

Длинноволосаго словно отшибло отъ него въ сторону. Толпа повалила въ угольную залу, гдѣ устроенъ былъ театръ. Музыканты уже успѣли перемѣститься и играли увертюру. Толпа шумно входила подъ арку, съ ярко-расписаннымъ и раззолоченнымъ гербомъ хозяина, въ освѣщенную, уставленную стульями залу; въ одномъ концѣ ея колебался занавѣсъ, съ нарисованною, межъ трубъ и флейтъ, лирой; подъ самою лирой свѣтилась лысина капельмейстера; онъ неистово махалъ палочкой, то подгоняя отставшую волторну, то, взглядывая съ укоризной на флейту, опередившую всѣ инструменты.

— Сюда, ваше превосходительство, приглашалъ хозяинъ,

Digitized by Google

проводя между рядами разставленныхъ стульевъ губернатора. — Сюда вотъ неугодно ли вамъ?

— Это чортъ знаетъ что̀ такое! въ плечо поцѣловать! уже во всеуслышаніе, ободренный медвѣдемъ, говорилъ длинноволосый.—Гдѣ жь оппозиція?

„Тсъ, тсъ,“ раздалось въ залѣ.

Занавѣсъ медленно приподнялся, зацѣпивъ раза два за что-то краями; декорація изображала лѣсъ. На сцену вышла, со вздернутымъ носомъ, довольно толстая пѣвица, въ коротенькомъ платьѣ, въ родѣ швейцарскаго, и въ соломенной круглой шляпѣ. Подъ скромный акомпаниментъ оркестра, съ улыбкой наклонившись къ публикѣ, она начала фальшивымъ дискантомъ:

„Когда любить мы начинаемъ,
Ревнивымъ можно быть тогда.“

Зрители сначала было притихли, вытянулись; но мало-помалу, отягощенные сытнымъ обѣдомъ, одни начали безъ церемоніи зѣвать, другіе громко продолжать споръ начатый за обѣдомъ. „Въ плечо, нѣтъ, вы представьте, въ плечо“, раздавался изъ заднихъ рядовъ голосъ неугомоннаго либерала. Хозяинъ раза два на него оглядывался. Губернаторъ, нѣсколько раскраснѣвшись отъ тостовъ, улыбался, кивая въ тактъ головой и повертывая тоже въ тактъ свою серебряную табатерку. Пѣвица, окончивъ послѣднія строфы аріи, раскланялась и убѣжала за кулисы. Удаленіе ея вдохновило публику. Всѣ закричали браво; пѣвицу вызвали. Оркестръ началъ мотивъ изъ *Казака-стихотворца*; изъ-за кулисъ вылетѣлъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, въ красной суконной курткѣ и бѣлыхъ шараварахъ:

„Ну-те, готовьте пляски, забавы!
Иде козаче изъ-подъ Полтавы,“

пѣлъ мальчикъ, послѣ каждаго куплета пускаясь въ танецъ. Зрители, пробужденные вѣроятно перемѣной такта и пляской, принялись неистово аплодировать. Оркестръ сбился. Хозяинъ подбѣжалъ къ капельмейстеру.

— Ну, не сыгрались, горячился онъ,—не репетировали.

Капельмейстеръ хотѣлъ что-то возразить.

— Да нечего тутъ; не сыгрались, перебилъ Павелъ Ивановичъ, возвращаясь на свое мѣсто подлѣ губернатора.

Публика, не замѣчая промаха оркестра, кричала „браво, молодецъ, браво“. Даже длинноволосый, позабывъ оппозиці-

Digitized by Google

онное свое положеніе, крикнулъ: „бисъ, бисъ, браависсимо“. Танецъ и пѣсня были повторены на этотъ разъ съ большею удачей.

— Но, знаете, началъ, обратясь къ хозяину, губернаторъ,— простите мою безцеремонность, у васъ есть перлъ который вы скрываете, не хотите показать.

— Какой же это перлъ, ваше превосходительство? спросилъ хозяинъ.

— Ужь будто вы не знаете? возразилъ губернаторъ.—Послушайте, Павелъ Ивановичъ. Ужь угощать, такъ угощать. Я слышалъ вашего Захара въ Петербургѣ, вѣдь онъ пріѣхалъ, онъ здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчалъ хозяинъ, но....

— Послушайте, перебилъ губернаторъ, взявъ поданное въ это время блюдечко съ мороженымъ,—вы радушный хозяинъ, такъ угостите же ужь, что называется....

— То-есть вы хотите сказать: что есть въ печи, все на столъ мечи, разсмѣявшись произнесъ Павелъ Ивановичъ.

— Именно, ужь угощать такъ угощать, отвѣтилъ губернаторъ.

Тарханковъ пожалъ плечами.

— Эй! крикнулъ онъ.

На этотъ зовъ подбѣжалъ на цыпочкахъ, переодѣтый уже во фракъ, атлетъ-прикащикъ.

— Скажи Захаркѣ чтобъ онъ принесъ свою скрипку и сыгралъ что-нибудь.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ прикащикъ, выбѣгая мелкою рысцой изъ залы.

„Эту койзинку всю полну цвѣтовъ,
Я принесла вамъ изъ нашихъ садовъ“,

пѣла между тѣмъ на сценѣ дрожащимъ отъ страха голосомъ дѣвушка лѣтъ четырнадцати, одѣтая Тирольской.

„Розы, лилеи, фіалки тутъ есть,
Можно пьекъясный букетъ себѣ спьесть,“

продолжала, сквозь слезы, перепуганная пѣвица.

— Смѣлѣй, ободрялъ ее Павелъ Ивановичъ.—Смѣлѣе, душенька.

Это еще болѣе сконфузило неопытную примадонну.

„Можно пьекъясный вѣнокъ себѣ спьесть“, повторяла она дрожащимъ какъ листъ тополя голосомъ.

Digitized by Google

— Въ плечо! Представьте, въ лѣвое плечо, мерз....., раздался въ это время снова голосъ неугомоннаго либерала.

Хозяина передернуло, но онъ показалъ видъ что не слышитъ.

— Волторны дерутъ уши, братецъ, запальчиво вскинулся онъ, быстро поднявшись съ мѣста, на капельмейстера.

— Волторны, piano! поворотясь къ оркестру, шепталъ капельмейстеръ.—Piano.

Съ него ручьями лился потъ отъ жары въ залѣ и отъ внутренняго волненія. Пѣвица кончила и улетѣла за кулисы, какъ птичка вырвавшаяся изъ несносной клѣтки.

— Прелестно, произнесъ губернаторъ,

— Брависсимо, кричала публика.—Грушу, Грушу.

Дѣвочка вышла и ребячески кивнувъ головкой, снова исчезла за кулисами.

— Теперь прикажете играть Захару? спросилъ подошедшій къ Тарханкову управляющій.

— Да, что, бишь, у нихъ еще въ дивертисментѣ?

— Хоръ охотниковъ изъ *Русалки*, отвѣчалъ управляющій.

— „Трубятъ, поспѣшимъ“, объяснилъ, оборотившись, уже поднявшій было свою палочку, капельмейстеръ.

— Надоѣлъ, братецъ, ты съ этимъ „трубятъ, поспѣшимъ“, отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ.—Не могъ выбрать чего-нибудь поинтереснѣе. Пускай теперь сыграетъ, добавилъ онъ, обратясь къ прикащику.

Прикащикъ отошелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ на сцену, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, со скрипкою въ рукахъ, Барскій. Губернаторъ захлопалъ; къ нему пристало нѣсколько человѣкъ изъ публики. Прикащикъ передалъ какія-то ноты въ оркестръ. Барскій щипкомъ подстроилъ скрипку. Квартетъ началъ акомпаниментъ. Виртуозъ, взявъ нѣсколько нотъ вмѣстѣ съ квартетомъ, началъ свое соло. Это была очень трудная фантазія знаменитаго Липинскаго; аккорды, децимы, пассажи октавами дѣлалъ скрипачъ такъ свободно какъ будто игралъ простую гамму. Публика вслушивалась въ поминутную перемѣну тоновъ, не совсѣмъ понятную неразвитому музыкально уху. Губернаторъ слушалъ внимательно; онъ больше другихъ смыслъ музыки. Скрипачъ окончилъ. Губернаторъ захлопалъ, но зала безмолвствовала.

Digitized by Google

Музыкантъ увидалъ что его музыка была, что-называется, какъ стѣнѣ горохъ для публики.

— Русскую, крикнулъ кто-то съ задняго конца залы.— Русскую, нашу, подхватила зала.

Музыкантъ растерялся. Онъ зналъ нѣсколько пѣсенъ, но акомпанимента не было.

— Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь? спросилъ онъ вполголоса капельмейстера.

— У насъ вотъ есть *Лучинушка* Рачинскаго, отвѣчалъ капельмейстеръ, передавая какую-то синюю тетрадь.

Барскій пробѣжалъ ноты и передалъ ихъ въ оркестръ.

— Начинайте, сказалъ онъ.

— А голосъ первой скрипки? спросилъ капельмейстеръ.

— Я буду играть по-своему, отвѣчалъ Барскій, подстроивая скрипку.

Квартетъ началъ, и полился вѣчно юный, простой напѣвъ нашей родной „Лучинушки“. Въ залѣ сдѣлалась мертвая тишина. „Что же ты, лучинушка, не ясно горишь?“ спрашивала скрипка, „не ясно горишь, не вспыхиваешь“, допѣла она будто откуда-то издали. Разчетливо, покойно пропѣлъ скрипачъ слѣдующія строфы. „Подружки голубушки“, чуть слышнымъ, ласковымъ parlando, заговорила струна, „ложится спать“; въ словахъ: „вамъ некого ждать“, послышались сдержанныя слезы, и вдругъ, словно не выдержавъ напора скрываемой страсти, октавами взвился высоко голосъ, и яркіе, трепещущіе звуки залились и наполнили залу. „А мнѣ, молодешенькѣ, всю ночку не спать“, звенѣла-жаловалась скрипка. И тихо, тихо, но отбивая каждый слогъ, договорила она задушевную свою тайну: „все милаго ждать“.

Музыкантъ опустилъ скрипку, а зала все еще слушала. Изъ-за кулисъ выглядывала улыбающаяся, хорошенькая головка четырнадцатилѣтней пѣвицы. Губернаторъ плакалъ. Хозяинъ, отвалившись къ спинкѣ кресла, кряхтѣлъ, видимо сдерживая слезы.

— Фу, ты.... Что за пакость? пропыхтѣлъ онъ, отирая платкомъ вырвавшуюся-таки слезу.

Гобоистъ подпрыгивалъ въ оркестрѣ. Капельмейстеръ сошелъ со своего мѣста. Прикащикъ приросъ къ стѣнѣ и какъ-то глупо улыбался, поворачивая на обѣ стороны красное лицо свое. Василій Семеновъ, тоже пробравшійся ко входу залы

Digitized by Google

послушать, во все горло захохоталъ; его вывели въ переднюю, унимали, Василій все хохоталъ.

— Да что ты это? говорилъ, толкая его въ спину, буфетчикъ.

— Самъ, братецъ, не знаю, отвѣчалъ сквозь слезы Василій Семеновъ.—Чортъ ее знаетъ что такое?

И опять принимался хохотать; наконецъ его вывели на крыльцо.

— Бисъ! браво! молодецъ, душа! „Лучинушку“, кричали между тѣмъ въ залѣ.

— Много значитъ аккомпаниментъ, кричалъ чей-то голосъ сзади.—Аккомпаниментъ все.... Сыграй-ка онъ мнѣ одинъ, безъ аккомпанимента. Да.

— Бисъ, „Лучинушку“! неистово голосила толпа.

Скрипачъ подозвалъ гобоиста и сказалъ ему что-то; мальчикъ взялъ стоявшую на окнѣ пустую рюмку и поставилъ на одинъ изъ пюпитровъ. Барскій, постучавъ смычкомъ по ней, подстроилъ скрипку.

— Да, вотъ карандашомъ, сказалъ онъ вполголоса, передавая гобоисту карандашъ вынутый изъ бумажника.

Гобоистъ, поставивъ рюмку предъ собой, усѣлся въ оркестрѣ и уставился на скрипача.

Барскій поднялъ скрипку; зала утихла. Гобоистъ, стуча карандашомъ по стеклу, началъ подражать дальнему звону колокольчика. Вдали послышалась пѣсня; вотъ ближе, ближе она, и колокольчикъ ближе; вотъ тройка предъ вами, наконецъ; ямщикъ всею богатырскою грудью раскатилъ широкій, безпредѣльный мотивъ подъ заливающійся звонкій колокольчикъ. Вотъ крикнулъ онъ на лошадей: „эй, соколы“, и пролетѣла вихремъ тройка; дальше и дальше колокольчикъ, тише и тише голосъ; вотъ превратился онъ въ чуть слышное pianissimo, рисуя тишь, ночь темную, широкое, снѣжное поле. Тамъ гдѣ-то, за лѣсомъ, смолкъ звонкій колокольчикъ, а съ нимъ и пѣсня потонула вдали, въ неоглядномъ просторѣ русскаго поля.

— Позвольте мнѣ его обнять. Это феноменъ, сказалъ губернаторъ, вставъ съ мѣста и поднимаясь по узенькой лѣсенкѣ, сбоку приставленной къ сценѣ.

— Спасибо, браво, бисъ! кричали въ залѣ.

Тарханковъ отправился на сцену вслѣдъ за губернаторомъ. Губернаторъ обнялъ Барскаго.

Digitized by Google

— Прекрасно, хлопнувъ милостиво по плечу, сказалъ Барскому Павелъ Ивановичъ.

Музыкантъ немного растерялся при этомъ; онъ никакъ не ожидалъ такого быстраго перехода отъ гнѣва къ милости.

Въ залѣ стоялъ въ это время говоръ.

— Голосъ, совершенный голосъ; ямщикъ поетъ, да и шабашъ, говорилъ толстый, низенькій чиновникъ.

— Божественно, говорилъ, закативъ подъ самый лобъ голубые глаза свои, Нѣмецъ-докторъ.

— Нѣтъ, наша русская-то пѣсня? А? Что жь эти всѣ Бетговены предъ ней? А? говорилъ довольно плотный, съ багровымъ лицомъ, хохлатый, непричесанный помѣщикъ, молчавшій во все время. Мѣряя всѣхъ своими сѣрыми глазами, какъ будто вызывая на рукопашный, онъ ходилъ, сжавъ кулаки, по залѣ.—А? какова наша русская, родная пѣсня? Что предъ ней всѣ эти ваши Моцарты, чортъ бы ихъ побралъ? привязывался онъ то къ одному, то къ другому, какъ будто зала была наполнена Моцартами.

Подали пуншъ; чрезъ полчаса гости раскраснѣлись еще болѣе. Барскій уложилъ скрипку и потелъ въ свой одинокій флигель.

— Ну, братъ, утѣшилъ, говорилъ ему, встрѣтившись въ передней, управляющій.

— Это, братъ, что ты игралъ намъ, штуки; это не то, говорилъ подкрѣпившійся въ буфетѣ двумя стаканами грогу капельмейстеръ.

— Нѣтъ, видно то самое, отвѣчалъ ему на это первый скрипачъ оркестра.

На дворѣ раздались пастушьи рожки. „Во лѣсахъ ли было“, затянулъ запѣвало; „во дремучіихъ“, подхватилъ дружно хоръ, покрывъ и рожки и одинокій, звонкій голосъ. Гости вышли всѣ въ залу; сквозь зеркальныя стекла краснѣло широкое пламя смоляныхъ бочекъ; часть гостей усѣлась за зеленое сукно, часть помѣстилась со стаканами пунша у окошекъ залы. Свирѣпый врагъ Моцарта, накинувъ медвѣжью свою шубу, ушелъ къ пѣсенникамъ, сказавъ уговаривавшимъ его сѣсть за вистъ: „не могу“.

Долго пировали гости; долго пѣлъ хоръ при яркомъ свѣтѣ бочекъ. Всю ночь гремѣли бубенцы отъѣзжающихъ троекъ. Уже занималась заря надъ снѣжнымъ полемъ когда выѣзжалъ губернаторъ изъ Подмостья.

Digitized by Google

— Эге, какъ мы однако загостились! сказалъ онъ сидящему подлѣ него чиновнику.

— А было, вѣдь, довольно весело, ваше превосходительство, замѣтилъ чиновникъ.

— Очень весело. Прекрасный человѣкъ этотъ Тарханковъ.

VI.

Дня черезъ три послѣ описаннаго пира, утромъ, Павелъ Ивановичъ сидѣлъ уже одѣтый въ своемъ кабинетѣ. У дверей рядомъ съ прикащикомъ стоялъ, засунувъ руку за бортъ застегнутаго чернаго сюртука и опустивъ кудрявую, красивую голову, Барскій.

— Ты долженъ мнѣ поставить, что называется, на ноги оркестръ. Понимаешь? говорилъ Павелъ Ивановичъ.—Этотъ капельмейстеръ никуда не годится, ты видишь самъ. Что же ты думаешь? Что нужно для этого сдѣлать?

Легкая, едва замѣтная насмѣшка пробѣжала по лицу музыканта, но онъ, сдержавъ ее, отвѣчалъ что нужно прежде всего выписать мѣдные духовые инструменты.

— А починить? перебилъ его Павелъ Ивановичъ.

— Они очень ветхи, отвѣчалъ Барскій.

За этимъ пошли толки что приблизительно будетъ это стоить. Музыкантъ говорилъ, что рублей шестьсотъ нужно, по крайней мѣрѣ, истратить. Помѣщикъ убавлялъ, и наконецъ согласился, выторговавъ сотню рублей. Барскій говорилъ что скрипачи плохи, что съ ними нужно заняться серіозно, что человѣка четыре нужно прибавить, подучить.

— Вотъ что я придумалъ, отвѣчалъ на это Павелъ Ивановичъ.—Сосѣдъ мой, еще родственникъ, Лучаниновъ, уничтожилъ свой оркестръ. У него было человѣкъ сорокъ музыкантовъ. Съѣзди, братецъ, ты къ нему, узнать, не продастъ ли онъ намъ скрипачей? Я напишу письмо къ нему. Понимаешь?

— Понимаю, отвѣчалъ музыкантъ, подумавъ про себя: „точно курскихъ соловьевъ посылаетъ покупать“. Насмѣшка снова пробѣжала по нахмуренному, почти всегда грустному, лицу музыканта.

Тарханковъ досталъ изъ стола двадцатипятирублевую ассигнацію и подалъ ее Барскому.

Digitized by Google

— А вотъ это тебѣ на разные твои расходы.

Скрипачъ взялъ ассигнацію и слегка поклонился. Прикащикъ показалъ было головой на руку барина; но Барскій притворился что не замѣчаетъ мимики старика-прикащика.

— Такъ, съѣздить къ Лучанинову, говорилъ Павелъ Ивановичъ. — Я приготовлю письмо и позову тебя.

Музыкантъ вышелъ вмѣстѣ съ прикащикомъ.

— Ну, братъ, должно-быть полюбилъ онъ тебя, говорилъ прикащикъ.—Двадцать пять рублей онъ не скоро вытащитъ изъ бумажника, а тебѣ вытащилъ.

Музыкантъ молчалъ.

„А вѣдь я уже начинаю какъ будто примиряться съ унизительнымъ своимъ положеніемъ; еще годокъ и, чего добраго, будетъ гордиться отейникомъ,“ думалъ онъ, держа въ рукѣ двадцатипятирублевую барскую бумажку. Въ головѣ пробѣжала мысль о любимой дѣвушкѣ. „Что если-бъ она увидала эту сцену?“ подумалъ Барскій, и краска показалась у него въ лицѣ. Оркестръ въ разбивку разучивалъ какую-то увертюру, когда онъ вошелъ въ свою комнату. Слушая эту чепуху, онъ принялся ходить изъ угла въ уголъ, раздумывая о своемъ положеніи. Душевное настроеніе его было похоже на состояніе безвинно попавшаго въ острогъ человѣка; знаетъ онъ что неповиненъ ни душой, ни тѣломъ, а надо сидѣть. Грубыя понятія помѣщика объ искусствѣ оскорбляли душу художника, какъ оскорбляетъ острожный сѣрый кафтанъ порядочнаго, привыкшаго къ изящной одеждѣ человѣка. Но у заключеннаго невинно въ тюрьму есть отдаленная надежда, есть вѣра въ правосудіе; у музыканта не было въ будущемъ ничего кромѣ безплодной возни съ оркестромъ, кромѣ оскорбленій, отъ которыхъ въ состояніи была освободить его одна могила.

Дня черезъ два послѣ разговора объ улучшеніи оркестра, Барскій, получивъ отъ Павла Ивановича письмо, собирался къ Лучанинову. Это былъ послѣдній день масленицы. Пара разгонныхъ лошадей гуськомъ въ пошевняхъ была подана ко флигелю. Музыкантъ усѣлся и выѣхалъ рано утромъ изъ Подмостья. До имѣнія Лучанинова было верстъ около шестидесяти. На половинѣ дороги кучеръ остановился въ какомъ-то селѣ кормить лошадей. Барскій вошелъ въ избу

Digitized by Google

постоялаго двора и спросилъ себѣ самоваръ. Толстая, опухшая, молодая баба, хозяйка, разставила чашки, въ родѣ разрѣзанныхъ пополамъ рѣпокъ, и усѣлась, подгорюнясь, на лавкѣ у стола противъ пріѣзжаго.

— Знать изъ Подмостья? начала она плаксивымъ голосомъ.

— Изъ Подмостья, отвѣчалъ скрипачъ.

— Ты крѣпостной что ли? Али баринъ? спросила она, поглядывая на бархатный пестрый жилетъ и красивыя руки музыканта.

— Крѣпостной.

— Правда ли, будто помѣщикъ вашъ больно до нашего пола охочъ? допрашивала хозяйка.

— А кто его знаетъ, отвѣчалъ музыкантъ.

— Баютъ, проходу не даетъ. Будто бы штукъ двадцать у него; и пѣть, и плясать выучены. Грѣхъ какой! окончила она, вздохнувъ.

Барскому говорилъ однажды Павелъ Ивановичъ что нужно будетъ ему заняться и съ пѣвицами; на сценѣ онъ видѣлъ двухъ подмостьевскихъ примадоннъ, но къ нему на уроки онѣ еще не являлись. Онъ впервые посвящался въ закулисныя тайны помѣщичьяго театра.

— Готовы лошади, сказалъ старикъ кучеръ въ сѣромъ армякѣ, войдя въ избу.

— Погоди; напьемся чаю вмѣстѣ, отвѣчалъ Барскій.

— Да, буде не глушаться, отвѣтилъ старикъ, положивъ свою плисовую шапку и рукавицы на полати.—Благодаримъ.

— Садись, пригласилъ его музыкантъ.—За кого ты принимаешь меня? Вѣдь ты, чай, моихъ-то матушку, бабку зналъ?

— Какъ не знать! Да вѣдь: „за кого принимаешь“; кто тебя вѣдаетъ? отозвался старикъ, отряхнувъ ледяные куски съ сѣдой бороды своей и садясь на лавку.—Жилъ въ Петербургѣ ты; кто тебя знаетъ? Петръ Сильванычъ, царство небесное. Ты помнишь ли его, отца-то?

— Плохо помню, отвѣчалъ музыкантъ, наливая чашки.

— Ну, да гдѣ тебѣ: гляди, лѣтъ четырехъ послѣ него остался. Кучеромъ былъ у покойнаго барина; вотъ подъ полати-то не уставился бы, продолжалъ старикъ, наливая въ блюдечко чаю и указывая на высокія палати.

— А! Вишь какой здоровенный, замѣтила хозяйка, продолжая, пригорюнясь, разсматривать Барскаго.

— Я съ нимъ фалетуромъ ѣздилъ, толковалъ старикъ. —

Digitized by Google

Бѣдовый былъ. „Гляди въ оба, голова съ мозгомъ“, крикнетъ бывало. Голова съ мозгомъ, поговорка у него была; а никакъ больше не ругался; былъ богобоязненный и грамотѣй. „Въ оба гляди, голова съ мозгомъ“. А не доглядишь, иной разъ; подъ гору наѣдетъ четверня, ужь не прогнѣвайся. „Ну, говоритъ, голова съ мозгомъ, слѣзай съ сѣдла, ложись“. И не прекословь, ложись. Вотъ, ляжетъ, разъ десятокъ кнутовищемъ съѣздитъ тебя. „Ну, вставай, голова съ мозгомъ.“ Человѣкъ былъ, ужь одно слово, царство ему небесное.

Захаръ Петровичъ улыбался, слушая этотъ безхитростный разказъ о качествахъ родителя.

— Вѣдь нынѣшніе кучера, воодушевившись продолжалъ старикъ,—прежнимъ въ подметки не годятся; я бы далъ имъ въ прежнихъ каретахъ проѣхать; вышина, насилу взберешься на козлы-те; а на ремняхъ вся; такъ вотъ ходуномъ и ходитъ. Нынче экипажъ легкой, низенькой.

— Скажи, пожалуста, ты вѣдь никакъ съ прежнимъ барином въ Петербургъ пріѣзжалъ, какъ онъ жилъ зиму одну въ Петербургѣ? спросилъ Барскій.

— А какъ же? Я. Вѣдь надо дѣло говорить, покойникъ былъ баринъ настоящій, баринъ какъ есть, а вѣдь этотъ, что жь, правды не спрячешь, такъ вотъ, изъ ледащихъ. Какъ онъ ни ерепенься, а ужь противъ брата не бывать ему, Павлу Иванычу.

— Да чѣмъ же онъ не баринъ? спросилъ скрипачъ.

— Да ничего у него нѣтъ барскаго, запальчиво началъ старикъ;—ни у него виду, ни поступи; поглядишь, идетъ на конюшню, словно горотина катится. Тотъ, бывало, покойникъ, выйдетъ на крыльцо, медвѣдь-сороковикъ какъ есть. Разъ вывалилъ я его; ѣхали тройкой; я и повалилъ сани-те, не доглядѣлъ. „Ахъ ты такой-сякой,“ кричитъ мой баринъ на снѣгу, „подымайте“. Вотъ мы съ Тимоѳеичемъ, буфетчикомъ теперь, онъ съ нами ѣхалъ, и взялись. Свалился баринъ нашъ вотъ эдакъ на бокъ, а ноги въ саняхъ, и лежитъ. Бились, бились мы съ нимъ, ни съ мѣста; словно приросъ къ землѣ-то плечикомъ. Что жь ты думаешь, въ деревню вѣдь ѣздилъ я на пристяжной, тутъ съ полверсты, позвалъ народу; народомъ ужь и подняли. Вотъ какой былъ, царство ему небесное.

— Тяжеловѣсный баринъ, замѣтилъ Барскій.

— Да и во всемъ, продолжалъ кучеръ. — Бывало полушубки, шапки, армяки на кучерахъ, любо взглянуть. Предъ

Digitized by Google

обѣдомъ ежедѣнъ вся дворня валитъ въ застольную; всѣмъ по стакану водки. А у этого, вотъ армяки-то, добавилъ онъ, выставивъ дырявый локоть сѣраго кафтана.—Складыжникъ, одно слово.

— А правда ли что онъ до нашей сестры охочъ, дѣдушка? допытывалась хозяйка.

— Всего есть; есть всего; бранить не слѣдъ, а похвалить тоже не за что, окончилъ старикъ, доставая съ полатей манку.

Покончивъ чай, путешественники усѣлись въ сани. Дорогой кучеръ разказалъ еще кое-какія подробности о Тархановѣ. Мы освободимъ отъ нихъ читателя; зачѣмъ разглядывать такъ подробно, то что уже сдѣлалось, слава Богу, давно прошедшимъ и невозвратнымъ? Музыкантъ, слушая это родное pastorale, чувствовалъ что глубже и глубже засасываетъ его болото помѣщичьей жизни.

Проѣхавъ нѣсколько деревень, пара, заложенная гуськомъ, побѣжала вдоль извилистой рѣчки; навстрѣчу путникамъ то и дѣло попадались казанскія сани, набитыя разряженными крестьянскими дѣвками.

— Почемъ съ пуда-то подрядился? сострилъ старикъ-кучеръ, обращаясь къ мальчишкѣ правившему лошадью.

— Не съ пуда, дѣдушка, рядились, съ дюжины, звонкимъ голоскомъ отвѣчала одна изъ дѣвушекъ; на это объясненіе звонко и весело расхохоталась пестрая толпа спутницъ.

— Дѣло, проговорилъ, разсмѣявшись, старикъ. — Вишь, быстроглазая. Масленица, продолжалъ онъ, обратившись къ музыканту,—вотъ и ѣздятъ изъ села въ село; бывало мы, молодые-те были, корабль сдѣлаемъ, увѣшаемъ платками, да въ шесть лошадей, али въ восемь, съ пѣснями и путаемся по сосѣднимъ селамъ. Крикъ, гамъ, словно и дѣло дѣлаемъ. Молодость, добавилъ онъ, стегнувъ легонько гусевую.

Между тѣмъ изъ-за крутаго берега показался шпицъ колокольни. Сани поднялись съ рѣчки на берегъ, и взорамъ путниковъ предстала вся усадьба, съ крышами барскаго дома, съ хороводомъ крестьянскихъ избъ, столпившихся около бѣлой церкви; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ усадьбы торчала вѣтреная мельница; стая галокъ вилась надъ синѣвшимъ около барскаго дома садомъ.

— Вотъ и Васильевское, сказалъ кучеръ, повертывая на усаженную елками дорогу.

Проѣхавъ минутъ десять полемъ, испещреннымъ узорами

Digitized by Google

заячьихъ слѣдовъ, сани повернули вправо и понеслись по широкой улицѣ; стоявшія по сторонамъ большею частію новыя крестьянскія избы были украшены рѣзными полотенцами, пѣтухами на конькахъ; ставни окошекъ у нѣкоторыхъ избъ были размалеваны.

— Куда намъ ѣхать? спросилъ Барскій кучера, когда сани поровнялись съ церковною оградой.

— Ѣхать-то? Къ прикащику. Куда же больше? У этого барина просто. Ѣзжали мы съ покойникомъ сюда; онъ еще родня вѣдь нашимъ-то; Павелъ Ивановичъ вотъ что-то съ нимъ не ладитъ, не водитъ хлѣба-соли. Да и что въ немъ, правда, въ нашемъ Павлѣ Иванычѣ? Такъ какой-то онъ, Богъ съ нимъ, ни себѣ, ни людямъ, проговорилъ старикъ.

Сани остановились подлѣ деревяннаго флигеля, стоявшаго въ нѣкоторомъ отдаленіи противъ церковной ограды. Старушка въ бѣломъ чепцѣ показалась въ окошкѣ. На крыльцо выбѣжалъ безъ шапки, сѣдой, низенькій, проворный старичокъ въ свѣтло-сѣрой суконной бекешкѣ, опушенной бѣлыми смушками.

— Здѣсь живетъ управляющій? спросилъ Барскій.

— Здѣся, отвѣчалъ кучеръ. — Вотъ и самъ онъ на лицо.... Гаврилу Алексѣичу! сказалъ онъ, слѣзая съ облучка и приподымая шапку.

— Здорово, Сидорычъ. Это, теперича, стало-быть, изъ Подмостья? скороговоркою началъ управляющій.

— Нешто. Вотъ съ музыкантомъ, къ вашему, отвѣчалъ Сидорычъ.

Барскій вылѣзъ изъ саней.

— Ванюшка! крикнулъ управляющій, убѣжавъ въ сѣни.— Гдѣ этотъ пострѣлъ теперича?... Марѳа Васильевна, кликни Ванюшку-то; вышелъ бы, взялъ изъ саней поклажу. Теперича сюда вотъ, говорилъ онъ, воротившись на крыльцо и принимая кожаную суму пріѣзжаго.

Вслѣдъ за управляющимъ музыкантъ вошелъ въ чистую комнату съ перегородкой и русскою выбѣленкою печкой.

— Снимайте, снимайте шубу-то, толковалъ старичокъ.— Марѳа Васильевна, вели, теперича, поставить попроворнѣй самоварчикъ. Да гдѣ этотъ пострѣлъ Ванюшка?

Пріѣзжій раздѣлся и раскланялся со старухой въ чепцѣ, накрывавшею красною бумажною скатертью столъ.

Digitized by Google

— А вы, теперича, смѣю спросить, на какомъ инструментѣ? Скрипачъ или?... спросилъ хозяинъ.

Слово „теперича“ онъ прибавлялъ почти ко всякому слову.

— Скрипачъ, отвѣчалъ Барскій.—Я пріѣхалъ съ письмомъ къ вашему помѣщику. Павелъ Ивановичъ желалъ бы имѣть нѣсколькихъ изъ вашихъ скрипачей.

— Да вѣдь у насъ, теперича, распущены; въ городѣ, въ театральномъ оркестрѣ нѣкоторые, другіе въ Москвѣ, въ Нижнемъ, отвѣчалъ управляющій.

Въ это время здоровая баба въ синемъ сарафанѣ поставила на столъ самоваръ и низко поклонилась гостю.

— Прошу покорнѣйше, теперича, пригласилъ Барскаго хозяинъ.

Они усѣлись. Старушка, заваривъ чай, сѣла у окна съ чулкомъ.

— Я самъ, началъ управляющій, наливая чашки, — любилъ когда-то музыку; теперича вотъ бросилъ, а въ старые годы игрывалъ и, могу сказать, не дурно на гитарѣ. Аксенова ученикъ, сударь. Слыхали ли вы про Аксенова?

— Какъ не слыхать! отвѣчалъ Барскій.—Такъ вы его ученикъ?

— Его-съ. Шесть лѣтъ уроки бралъ я, живши съ Алексѣемъ Андреевичемъ въ Петербургѣ, пріосанившись отвѣчалъ старикъ.—Вотъ и гитара у меня теперича, продолжалъ онъ, указывая на стоящій на комодѣ ящикъ.—Иногда отъ скуки побрянчишь и нынче. Но безъ упражненія, теперича, сами изволите знать, пальцы не слушаются, окончилъ онъ, перебирая на столѣ коротенькими пальчиками. — Вы не слыхали чай Аксенова игры?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барскій.

— Да гдѣ жь вамъ! Малы были, когда онъ въ славѣ былъ. Вотъ гитаристъ. Пѣньё, теперича; лѣвая рука, правая опять, говорилъ старикъ, одушевившись и разводя коротенькими ручками на подобіе играющаго на гитарѣ. Вѣдь у насъ, сударь, какъ жилъ Алексѣй Андреичъ въ Петербургѣ, всѣ перебывали: Роде, Ромбергъ, Бемъ; квартеты чуть не каждый вечеръ. Вотъ какъ теперича гляжу на Ромберга; концертъ даетъ бывало, выйдетъ съ віолончелемъ, понюхаетъ табачку, да и начнетъ, теперича; ужь было чего послушать. Жену мою, вотъ эту самую старуху, продолжалъ управляющій,—

Digitized by Google

звалъ онъ, бывало, „Марѳа Базильевна“. А нѣтъ ли у васъ румъ, Марѳа Базильевна?

И затрясшись всѣмъ толстенькимъ туловищемъ, беззвучно засмѣялся старикъ.

— Эхъ, кончилъ онъ, выходя изъ-за стола и вынимая табатерку,—видали и слыхали много мы на вѣку своемъ, а сами, вотъ какъ видите вы насъ теперича, все деревенщиной остались, дураками. Такъ-то-съ.... Какъ звать-то васъ?

— Захаромъ Петровымъ, отвѣчалъ скрипачъ.

— Такъ-то вотъ, Захаръ Петровичъ, окончилъ управляющій, потянувъ щепотку табаку и крякнувъ.

„Такъ видно вотъ и ты останешься“, подумалъ музыкантъ, подымаясь съ лавки.

— Водочки не прикажете ли съ дороги-то? спросила старушка, шевеля длинными стальными спицами чулка.

— Не пью я. Очень благодаренъ, отвѣчалъ пріѣзжій.

— И хорошо дѣлаете это вы, теперича, замѣтилъ старикъ.—Такъ не угодно ли вамъ будетъ теперича переодѣться? прибавилъ онъ, указывая на смежную комнату. — Пожалуйте сюда; здѣсь у меня въ родѣ конторы.

Музыкантъ вошелъ въ комнату съ письменнымъ старинным столомъ краснаго дерева; у стѣны стоялъ подержанный диванъ, сундукъ; подлѣ него въ кадушкахъ желтѣли образцы ржи, овса, а въ углу торчалъ вымолоченный снопъ. На стѣнѣ висѣли часы съ букетомъ на циферблатѣ и два писанные масляными красками потемнѣвшіе портрета, вѣроятно самого управляющаго и его половины въ юности. Въ кіотѣ, уставленной образами въ серебряныхъ ризахъ, теплилась лампадка. Въ комнату вошелъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ.

— Гдѣ пропадалъ теперича? обратился къ нему старикъ.— Вотъ мой сынишка. Съ ледянкой возится вотъ все. Скоро выше отца будетъ, а знай, теперича, вотъ съ ребятишками катается съ сугробовъ, скороговоркой выговаривалъ сыну управляющій.

— Одинъ у васъ? спросилъ Барскій, перемѣняя сюртукъ.

— Двое, отвѣчалъ старикъ.—Другой кончилъ въ земледѣльческомъ училищѣ, да вотъ пожелалъ остаться при Владимірѣ Алексѣевичѣ, старшемъ сынѣ Алексѣя Андреевича.... Задачу сдѣлалъ ли? обратился онъ къ мальчику.

Digitized by Google

— Еще не сдѣлалъ, отвѣчалъ мальчикъ, сдергивая полушубокъ.

— То-то вотъ, а шляешься.

— Надо же и побѣгать ребенку, замѣтила старушка изъ другой комнаты.

Мальчикъ ушелъ къ ней.

— Пожалуста ужь ты, Марѳа Васильевна, вспыльчиво перебилъ старикъ.—Теперича вотъ гладьте его по головкѣ и сдѣлаете болвана.

Барскій накинулъ шубу; прикащикъ взялъ свой картузъ съ длиннымъ назатыльникомъ и ушами, и повелъ гостя прочищенною дорожкой отъ флигеля къ дому. Зимній полдень сіялъ; мальчишки бѣгали на барскомъ дворѣ съ салазками и ледянками по насту. Была оттепель; съ крышъ капало; дорога у подъѣзда почернѣла; дѣло шло къ веснѣ. Музыкантъ вошелъ за прикащикомъ въ переднюю деревяннаго просторнаго помѣщичьяго дома. Старикъ лакей, вязавшій неводъ, поднялся со стула, и поподчивавъ табакомъ прикащика, спросилъ Барскаго:

— Вы отъ кого?

— Отъ Павла Ивановича Тарханкова, отвѣчалъ Барскій.

— Вамъ къ самому владыкѣ что ли? спросилъ старикъ.

— Къ Алексѣю Андреевичу съ письмомъ, отвѣчалъ музыкантъ.

— Сейчасъ доложимъ, проговорилъ слуга, втянувъ щепотку табаку и уходя въ залу.

Барскій снялъ шубу.

— Теперича, пожалуйте, пригласилъ прикащикъ, увидя возвращающагося докладчика.

— Въ кабинетѣ обращете; прямо и налѣво, объяснилъ возвратившійся.

Барскій прошелъ двѣ комнаты по разостланному половику, залъ и гостиную; послѣдняя была увѣшана картинами; тутъ были въ хорошихъ копіяхъ Рембрандтъ, Ванъ-Дикъ, Теньеръ и нѣсколько оригинальныхъ картинокъ Остада и Мириса. Картины придавали какой-то благородный тонъ гостиной, уставленной старинною корельской березы мебелью. Такова сила генія; гдѣ бы и въ чемъ она ни проявилась, неминуемо освѣтится окружающее ея теплымъ, благотворнымъ свѣтомъ. Музыкантъ вошелъ въ полурастворенную дверь кабинета. Въ углу широкаго дивана, привалившись

Digitized by Google

къ спинкѣ, положивъ ногу на ногу и нѣсколько склонивъ на бокъ красивую голову со вьющимися сѣдыми волосами, сидѣлъ старикъ. Высокій лобъ, правильный, немного сгорбленный носъ, очеркъ бровей, напоминали лицо Гёте; но очертаніе губъ и подбородка были мягче, пріятнѣе, добрѣе чѣмъ у веймарскаго Юпитера. Засунувъ руки въ рукава чернаго шелковаго сюртука, онъ вопросительно взглянулъ на вошедшаго. Барскій поклонился и подалъ письмо. Распечатавъ, старикъ прочелъ его и, пожавъ плечами, положилъ на стоявшій противъ дивана тахматный столикъ.

— Ты, вѣдь, учился, кажется, въ Петербургѣ? началъ онъ;— игралъ въ театральномъ оркестрѣ?

— Точно такъ, отвѣчалъ музыкантъ.

— Я буду писать Павлу Ивановичу, сказалъ старикъ, запустивъ снова въ рукава руки и наклоненіемъ головы отпуская Барскаго.

Музыкантъ вышелъ въ переднюю.

— Ну, что? спросилъ прикащикъ, помогая ему надѣвать шубу.

— Алексѣй Андреевичъ хотѣлъ отвѣчать письменно, отвѣчалъ Барскій, выходя на крыльцо.

— И отлично. А теперича пойдемте пообѣдаемъ, чѣмъ Богъ послалъ, говорилъ, направляя музыканта впередъ себя ко флигелю, прикащикъ. — Жаль, вотъ, дѣтей-то нѣтъ. Уѣхали кататься.

Дѣтьми называла заглазно дворня двухъ студентовъ, сыновей Алексѣя Андреевича.

— Да вотъ никакъ они, прибавилъ прикащикъ, заслышавъ громъ бубенцовъ.

Когда они подошли къ крыльцу флигеля, въ ворота въѣзжали одна за другой двѣ щегольскія темно-гнѣдыя тройки. Расписанныя по золоту широкія дуги, мѣдныя бляхи ямской сбруи, пестрыя ленты вплетенныя въ гривы, узорные ковры на саняхъ,—все это горѣло на снѣжномъ бѣломъ фонѣ, освѣщенное яркимъ солнцемъ. Молодой ямщикъ первой тройки, въ калмыцкой черной шапкѣ на бекрень и въ распоясанномъ синемъ армякѣ сверхъ полушубка, гикнулъ на лошадей; чуткая тройка приняла и, вмѣсто того чтобы встать у подъѣзда, вылетѣла во вторыя ворота. Молодежь сидѣвшая въ другихъ саняхъ расхохоталась. Раздосадованный неудачей возница, щегольски проѣхавъ вдоль села, на всѣхъ рысяхъ

Digitized by Google

влетѣлъ снова въ ворота и на этотъ разъ молодецки осадилъ разгорѣвшихся коней.

Въ окнѣ дома показалась фигура старика-хозяина. Молодежь, войдя на крыльцо, продолжала трунить надъ неловкостью ямщика-самоучки.

— Хоротъ ямщикъ.... А еще съ дамой.... Эхъ, братъ, говорилъ нахмуренный молодой человѣкъ въ студенческой фуражкѣ и шинели.—Варвара Тимоѳеевна! Не ѣздите съ нимъ въ другой разъ.

Изъ саней молодежь высадила подъ руки женщину лѣтъ двадцати восьми, въ салопѣ и бѣломъ капорѣ. За нею выскочилъ кругленькій небольшаго роста помѣщикъ.

— А второй-то разъ каково осадилъ! Ну? По-охотничьи! говорилъ, слѣзая съ облучка, юноша.

— Давайте-ка возжи-то, ямщикъ лихой, говорилъ подошедшій въ накинутомъ тулупѣ кучеръ, вспрыгнувъ на облучокъ и тронувъ нагрѣтую тройку.

Скоро смѣхъ и говоръ огласилъ переднюю, куда вошли пріѣхавшіе. Старикъ вышелъ въ залу.

— Кумушка, здравствуйте, обратился онъ къ вошедшей красивой, чернобровой женщинѣ.

— Алексѣй Андреевичъ, я къ вамъ съ жалобой, растаркиваясь и причесывая карманнымъ гребешкомъ височки, говорилъ кругленькій помѣщикъ:—ваша молодежь жену у меня похитила.

— Кто это прошелъ отъ васъ съ Гавриломъ Алексѣевымъ во флигель? спросилъ старика человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, въ драповомъ темномъ пиджакѣ. По очертанію лица, немного сгорбленному носу и задумчивому выраженію темныхъ глазъ, не трудно было узнать въ немъ сына старика.

— Это пріѣхалъ музыкантъ отъ Тарханкова, отвѣчалъ отецъ;—почтенный Павелъ Ивановичъ вздумалъ усовершенствовать свой оркестръ, и пишетъ мнѣ, не продамъ ли я ему нѣкоторыхъ изъ своихъ скрипачей.... Онъ знаетъ, кажется, что я никого никому не продавалъ, окончилъ старикъ,—а на старости...

— Такъ это не Барскій ли, котораго онъ выписалъ изъ Петербурга? перебилъ сынъ.

— Барскій, отвѣчалъ старикъ, уходя въ кабинетъ съ гостьей и ея мужемъ.

— Послушайте, отецъ, вспыхнувъ и отправляясь за ними, продолжалъ молодой человѣкъ. (Это былъ старшій сынъ Лучанинова, Владиміръ Алексѣевичъ, только что кончившій

Digitized by Google

курсъ въ Московскомъ университетѣ.)—И вы не пригласили его? Отпустили во флигель, не попросивъ даже отобѣдать съ нами? говорилъ онъ старику, усѣвшемуся на свое любимое мѣсто въ углу дивана, рядомъ съ молодою гостьей.—Да какъ же это можно? Вѣдь это артистъ не дюжинный. Я слышалъ о немъ въ Москвѣ отъ Глинки, да мало ли отъ кого. Какъ же это съ нимъ такъ поступить? Это на васъ не похоже.

Старикъ притворился равнодушнымъ, но замѣтно сконфузился; повертывая на пальцѣ свой массивный золотой перстень, онъ съ улыбкой обратился къ гостьѣ:

— Трагикъ. Вѣчно у него трагическія сцены. Не правда ли? Ну, что̀ такое случилось? продолжалъ онъ, обратясь къ Владиміру Алексѣевичу. — Пригласи его сюда, если тебѣ хочется. Сто́итъ ли подымать такую исторію? Я отпустилъ его потому что ему, вѣроятно, самому нѣсколько тяжело.

— Да какъ же тяжело? Вѣдь это человѣкъ развитой.... Надо послать за нимъ, говорилъ Владиміръ Лучаниновъ.

— Ахъ, Боже мой.... Пошли. Кто же тебѣ запрещаетъ? Я очень радъ, отвѣчалъ старикъ.—Такъ вы раздумали ѣхать въ Москву, кумушка?

— Да, отвѣчала гостья. Вотъ муженекъ мой плохо продалъ хлѣбъ, поэтому....

Владиміръ Алексѣевичъ вышелъ и тотчасъ же возвратился.

— Какъ же это не пришло вамъ въ голову? началъ былъ онъ.

— Ты надоѣлъ, Владиміръ, перебилъ его старикъ, и принялся снова распрашивать гостью отчего она отложила поѣздку.

Въ гостиной шелъ оживленный разговоръ; молодежь продолжала подымать на зубки неловкаго троечника. Троечникъ, свѣжій юноша въ студенческомъ вицъ-мундирѣ, засунувъ руки въ карманы широкихъ сѣрыхъ шараваръ, отшучивался, но, какъ видно, самъ больше всѣхъ досадовалъ на свою неудачу.

— Извините, я опять;... приставалъ Владиміръ Алексѣевичъ къ отцу.—Какъ вы говорили ему: ты или вы?

— Ты смѣшонъ, разсмѣявшись отвѣчалъ старикъ.—Мое стариковское „ты“, повѣрь, не оскорбитъ его. Иной будетъ и „вы“ говорить, а не поздоровится отъ этого „вы“. Ты самъ разказывалъ что вашъ добрѣйшій инспекторъ говоритъ „вы“ тому на кого разсердится.

— Да.... Но вѣдь вы видите человѣка въ первый разъ, возразилъ сынъ.

Digitized by Google

— Пожалуста, не учи меня; вотъ лучше позаботься чтобъ накрывали на столъ и вели растопить каминъ, сказалъ старикъ.

Владиміръ Алексѣевичъ вышелъ, пожавъ однако плечами.

— Какъ распѣтушился, разсмѣявшись, обратился къ гостьѣ Алексѣй Андреевичъ.

Гостья улыбнулась.

— Вотъ вамъ урокъ отъ молодаго поколѣнія, сказала она.

— Что дѣлать? Умнѣе насъ стали, отозвался старикъ.—Вотъ толкуютъ.... Я помню, меня батюшка отправилъ на службу; пріѣхалъ я съ письмомъ къ его пріятелю, генералу, отрекомендовался. Онъ меня обнялъ, и тутъ же усадилъ составить какую-то бумагу. „Вотъ я погляжу, говоритъ, есть ли у тебя разумъ? Есть, приму на службу, а нѣтъ, не прогнѣвайся; я дураковъ не люблю.“ И былъ мнѣ долго благодѣтелемъ; шесть лѣтъ я былъ у него адъютантомъ. А нынче примутъ молодаго человѣка на „вы“, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ рукожатіями, да вѣжливымъ образомъ, глядишь, и указали ему двери.

— Правда, чуть не прослезившись отвѣчалъ помѣщикъ-питомецъ стараго патріархальнаго времени.

Въ это время вошелъ въ кабинетъ Барскій.

— Вотъ, молодежь моя желаетъ, началъ Алексѣй Андреевичъ.—Позволь тебя познакомить.... Это мой старшій, а это младшій, Петръ, окончилъ онъ, указывая на дѣтей.

Владиміръ Алексѣевичъ и молодой троечникъ пожали музыканту руку.

— Садитесь, началъ неловко Владиміръ Лучаниновъ.

Въ это время вошли изъ гостиной товарищи Лучаниновыхъ и сѣли около камина. Вбѣжавшій мальчикъ развелъ огонь. Въ комнатѣ сдѣлалось какъ-то веселѣе; Фламандцы въ золотыхъ рамахъ, развѣшанные на стѣнахъ кабинета, и превосходная копія съ портрета Александра I, Лоренса, какъ будто ожили.

— Я такъ много слышалъ о вашемъ талантѣ, продолжалъ Владиміръ Алексѣевичъ, усадивъ музыканта.—Весьма недавно даже говорилъ мнѣ одинъ, замѣтьте, врагъ почти всякой инструментальной музыки, что вы такъ сыграли двѣ русскія пѣсни что онъ плакалъ отъ восторга.

Барскій сидѣлъ, поглядывая недовѣрчиво, изподлобья на говоруна. Старикъ, не обращая на него вниманія, разговаривалъ съ гостьей и ея мужемъ.

— Русская пѣсня лучше всѣ Моцартовъ, замѣтилъ млад-

Digitized by Google

шій Лучаниновъ, повернувшись на каблукахъ и подернувъ молодецки плечами.

— Вы давно изъ Петербурга? продолжалъ старшій, Владиміръ.—Я слышалъ похвалы вашей игрѣ, знаете отъ кого? Отъ Глинки.

Скрипачъ отвѣчалъ что онъ имѣлъ честь слышать похвалы себѣ отъ самого Глинки, но не вѣритъ имъ.... „Михаилъ Ивановичъ слишкомъ снисходителенъ", закончилъ музыкантъ. Ему, замѣтно, хотѣлось отдѣлаться отъ любезностей, съ которыми наступалъ на него старшій Лучаниновъ. „Какіе либеральные барчата! думалъ онъ.—Видалъ я вашу братью либераловъ. Старикъ васъ искреннѣе, проще; онъ какъ есть, а вы рисуетесь; и позвали-то, можетъ-быть, меня чтобъ имѣть случай щегольнуть своимъ свободнымъ образомъ мыслей."

„Вотъ что надѣлалъ отецъ своимъ пріемомъ", думалъ въ то же время Владиміръ Лучаниновъ, не зная какъ растевелились неподатливаго, осторожнаго музыканта.

— Скажи, пожалуста, обратился къ Барскому старикъ...— Да садись.

Владиміра Алексѣевича передернуло.

— Великъ ли оркестръ у Павла Ивановича?

— Съ мальчиками тридцать два человѣка, отвѣчалъ Барскій.

— Тамъ было нѣсколько прекрасныхъ скрипачей, продолжалъ старикъ;—и волторнистъ, я помню, былъ превосходный.

— Изъ старыхъ только трое. Прочіе всѣ новички и плохо подготовлены, отвѣчалъ Барскій.

— Не совсѣмъ ко времени эти затѣи. Я самъ жалѣю что, по прихоти, оторвалъ столько полезныхъ рукъ отъ полезной работы. Прочнаго музыкальнаго образованія мы имъ не дали. Ну, вотъ, я распустилъ своихъ; что жъ изъ нихъ вышло? Одни спились, другіе играютъ чуть не въ балаганахъ, грустно говорилъ старикъ, обращаясь то къ музыканту, то къ гостямъ. Вѣдь хорошо еще если брали человѣка замѣтивъ въ немъ охоту къ музыкѣ, а то барикъ замѣтитъ бывало у мужика толстыя губы, въ волторнисты, закончилъ онъ, улыбнувшись.

„Кажется, и старикъ начинаетъ либеральничать, да только не совсѣмъ удачно", подумалъ Барскій, продолжая сидѣть нахмурившись на своемъ креслѣ.

— Позвольте васъ познакомить съ моими товарищами,

Digitized by Google

говорилъ Владиміръ Лучининовъ. Онъ назвалъ фамиліи; трое студентовъ и молодой человѣкъ въ гусарскомъ офицерскомъ вицъ-мундирѣ встали и пожали Барскому руку.—Я самъ вѣдь музыкантъ немного, продолжалъ Владиміръ Алексѣевичъ,—играю, плохо правда, на скрипкѣ.

— Вѣроятно, у васъ хорошая скрипка? спросилъ музыкантъ, усѣвшись на свое мѣсто послѣ рукожатій.

— Да, хорошая; Амати, говорятъ; жаль что она въ Москвѣ, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ. Отецъ не можетъ слышать инструментальной музыки вотъ ужь лѣтъ десять, шепнулъ онъ на ухо музыканту.—Нервы его разстроены; вотъ почему я здѣсь вовсе не играю. Но онъ былъ самъ скрипачъ когда-то. Пожалуста, Захаръ Петровичъ.... Такъ я васъ называю? Будьте съ нами покороче.... Мы не такъ дурны какъ вамъ кажемся, наивно окончилъ молодой человѣкъ взявъ за руку Барскаго.

Музыкантъ пробормоталъ что-то и покраснѣлъ; онъ испугался ужь не угадали ли его недавнія размышленія молодые люди.

— Какой ты странный, Владиміръ, замѣтилъ старикъ.—Это дѣлается исподоволь. Вотъ вы узнаете, поближе другъ друга и сойдетесь. Какъ же это вдругъ?

Слуга доложилъ что кушать готово. Старикъ поднялся и предложилъ руку дамѣ; всѣ вышли въ столовую, рядомъ съ гостиной, и усѣлись за обѣдъ. Владиміръ Лучининовъ сѣлъ подлѣ Барскаго и еще энергичнѣе повелъ атаку; товарищи тоже вмѣшивались, по временамъ, въ ихъ разговоръ. Музыкантъ сталъ подаваться. Владиміръ Лучининовъ по временамъ робко поглядывалъ на отца, онъ боялся какъ бы не вырвалось у старика какого-нибудь, не намѣреннаго конечно, выраженія, намека, щекотливаго для самолюбія артиста. Но обѣдъ кончился благополучно. Старикъ занималъ даму и ея мужа. Молодые люди разказывали анекдотъ за анекдотомъ изъ студенческой жизни. Барскій молчалъ, но сочувственно улыбался, по временамъ, слушая беззаботную болтовню юности. Стемнѣло, когда встали изъ-за стола; въ окнахъ столовой краснѣло зарево.

— Это жгутъ масленицу, сказалъ Владиміръ Лучининовъ, закуривая сигару.—Пойдемте посмотрѣть. Отецъ, поѣдемте. Варвара Тимоѳеевна, и вы. Я велю заложить вамъ сани.

— Тепло сегодня? спросилъ старикъ.

Digitized by Google

— Тепло, очень тепло, отвѣчалъ младшій сынъ;—я скажу чтобъ закладывали, прибавилъ онъ, выбѣжавъ въ переднюю.

— Намъ пора бы домой, замѣтила мужу молодая гостья.— Вѣдь ты въ одну лошадь велѣлъ пріѣхать кучеру?

— Кто васъ отпуститъ въ одну лошадь? Подождите.... Мы васъ на тройкѣ отвеземъ, говорилъ, воротившись изъ передней, младшій Лучаниновъ.

— Не ты ли отвезешь? замѣтилъ гусаръ.—Онъ васъ провезетъ мимо вашей деревни, Варвара Тимоѳеевна.

Петръ Лучаниновъ молча схватился бороться съ офицеромъ.

— Послушай, Pierre; ты переломаешь стулья, говорилъ старикъ,— перестаньте.

Борцы разошлись. Былъ часъ седьмой вечера; старикъ-слуга доложилъ что сани готовы. Барскій началъ было раскланиваться. „Ни за что не отпустимъ васъ; ваши вещи ужь перенесены изъ флигеля къ намъ въ мезонинъ,“ говорилъ ему Владиміръ Лучаниновъ. Надѣвъ въ передней дубленые полушубки, молодые люди отправились пѣшкомъ на село; музыкантъ, накинувъ шубу, пошелъ съ ними. Старикъ Лучаниновъ, въ собольей шубкѣ и мѣховой шапкѣ, усѣлся съ дамой и помѣщикомъ въ повозки.

На концѣ села горѣлъ огромный костеръ. Толпа крестьянъ и крестьянокъ стояла около; дѣвки и парни водили, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ костра, хороводъ. Далеко по снѣжному полю раскинулся красный отблескъ громадной теплины; темное небо тоже окрасилось мѣстами заревами такихъ же костровъ въ другихъ, сосѣднихъ деревняхъ и селахъ. Толпа крестьянъ и ребятъ тащила связанную изъ тряпья, набитую омяльемъ и соломою, огромную куклу. „Тащи ее. Вотъ она, безпутная масленица,“ горланила толпа, подымая чучелу на длинныхъ кольяхъ. „Со блинами, да съ оладьями“, прибавилъ кто-то.—„Со скулами, со подбитыми“, сострилъ, разсмѣявшись, старикъ Сидорычъ, возница музыканта. Кукла была брошена въ костеръ при громкомъ крикѣ двухсотъ здоровыхъ голосовъ.

„Баринъ пріѣхалъ!“ раздалось въ толпѣ, и нѣсколько человѣкъ окружило повозки, приподнявъ шапки.

— Масленицу жжемъ, сударь, произнесъ высокій, широкоплечій мужикъ подъ хмѣлькомъ, снявъ шапку.

— Дѣло, отвѣчалъ Алексѣй Андреевичъ. Онъ потолковалъ

Digitized by Google

съ собравшимися стариками и уѣхалъ. Молодежь осталась подлѣ хоровода.

— Какая хорошенькая! Посмотрите, говорилъ Барскому старшій Лучаниновъ,—это внучка старосты; не правда ли какъ хороша?

Дѣвушка услыхала и вся вспыхнула; черезъ полчаса костеръ сталъ потухать; хороводъ рѣдѣлъ; мѣстами стала раздаваться пьяная молвь.

— И намъ пора, замѣтилъ Владиміръ Лучаниновъ.—Петръ, пойдемъ, сказалъ онъ, хлопнувъ по плечу брата, упрашивавшаго дѣвокъ спѣть еще разокъ: „Плыла лебедь".

— Поздно; ужинать насъ ждутъ, поди, отвѣкивались, загораживаясь рукавами и пересмѣиваясь межъ собою, дѣвки.

— Послушай, Володимеръ Алексѣичъ, приставалъ къ старшему Лучанинову подгулявшій высокій и широкоплечій мужикъ, лѣтъ тридцати. Слушай: ты, вотъ, баринъ, а я мужикъ.

— Что же изъ этого? спросилъ его старшій Лучаниновъ.

— Ну, больше ничего что ты, вотъ, баринъ, а я мужикъ, отвѣчалъ ему подгулявшій поклонникъ теоріи разграниченія сословій.—Вѣрно я говорю? спрашивалъ онъ столпившихся около крестьянъ.

Владиміръ Алексѣевичъ пошелъ скорѣе, чтобъ отдѣлаться отъ говоруна, но мужикъ догналъ и заступилъ ему дорогу.

— Нѣтъ, ты послушай, говорилъ онъ, пошатнувшись назадъ,—я тебѣ говорю: ты баринъ.

— Да я не баринъ, возразилъ, остановившись предъ нимъ, Лучаниновъ.

— Вотъ это ты совралъ, не во гнѣвъ будь сказано. Ты баринъ, а я мужикъ, говорилъ, растопыривъ пальцы и нагнувшись къ самому лицу Лучанинова, гуляка.

— Слушай, Иванъ, ты надоѣлъ, братъ; ступай домой, коли ужь подгулялъ, сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

— Я захмелѣлъ, но ты меня выслушай.... Вѣрно я говорю, али нѣтъ? Я говорю: ты баринъ, а я.... а я мужикъ.

Трое мимошедшихъ взяли подъ руку мыслителя и повели, но онъ все продолжалъ свое, обращаясь къ ведущимъ: „нѣтъ, вы меня послушайте.... Я вѣрно говорю; я говорю: „онъ баринъ, а я мужикъ". Что онъ хотѣлъ сказать этимъ, такъ и осталось необъясненнымъ.

Возвратившись съ прогулки, старикъ усѣлся въ гостиной играть въ пикетъ съ сосѣдомъ; сосѣдка сѣла разливать чай

Digitized by Google

въ столовой; гусаръ и одинъ изъ студентовъ усѣлись около нея; младшій Лучаниновъ съ однимъ изъ товарищей ушли въ билліардную. Владиміръ Алексѣевичъ, усѣвшись съ Барскимъ въ небольшой угольной, освѣщенной цвѣтнымъ фонаремъ, комнаткѣ, продолжалъ разговоръ о русской пѣснѣ начатый еще на улицѣ.

— Вы извините отца моего, вдругъ круто повернулъ онъ разговоръ.—Вы его полюбите, когда узнаете, но что жъ дѣлать, онъ человѣкъ стараго времени; но онъ понимаетъ васъ; не далѣе какъ вчера мы толковали съ нимъ о вашемъ положеніи; сосѣдъ нашъ, вы его вѣрно замѣтили на обѣдѣ Тарханкова, такой растрепанный и краснолицый, разказывалъ намъ какъ вы сыграли „Степь“ и „Лучинушку“.

— Полноте извиняться, Владиміръ Алексѣевичъ, перебилъ Барскій, пожавъ руку собесѣднику.—Хоть есть поговорка у Нѣмцевъ: „глупъ какъ музыкантъ“, но повѣрьте, у меня есть настолько смысла чтобъ оттадать какой прекрасный старецъ вашъ батюшка.

— Благодарю васъ. Я перехожу опять къ прежнему, продолжалъ Лучаниновъ.—При вашемъ глубокомъ чувствѣ красоты русской мелодіи, вы можете вѣдь чудеса дѣлать, какъ композиторъ.

Барскій улыбнулся и сомнительно покачалъ головой.

— Вы увлекаетесь, говорилъ онъ.—Пропѣть, мастерски положимъ, мелодію, передразнить голосъ, рожокъ на инструментѣ есть дѣло техники. Тутъ ничего нѣтъ общаго, въ этомъ дарѣ, съ талантомъ сочинителя, композиста.

— Однако это краски все, перебилъ Лучаниновъ.

— Я ихъ и наложу, гдѣ мнѣ укажетъ мастеръ.... Я не живописецъ, а если хотите, палитра, запертая въ сундукъ помѣщичьей конторы, отвѣчалъ, разсмѣявшись, скрипачъ.

— Неправда, возразилъ Лучаниновъ, вскочивъ съ мѣста и опять сѣвъ.—Вы слишкомъ дешево себя цѣните.

— О чемъ мы съ вами говоримъ? продолжалъ музыкантъ, взявъ поданный слугою стаканъ чаю.—Да, предположимъ, я сдаюсь, что я.... ну, Бетговенъ. Доля моя одна: гнить, разлагаться въ захолустьѣ. Вы утѣшаете меня, но я вѣдь не ребенокъ; мнѣ тридцать лѣтъ; я вижу ясно свое положеніе.

Разговоръ долго шелъ въ этомъ родѣ. Барскій сдѣлался говорливѣе, чувствуя себя больше и больше не чужимъ между молодежью. Старикъ, уходя въ спальню послѣ чаю, подошелъ къ нему.

Digitized by Google

— Я надѣюсь, любезный другъ, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо музыканта,—что ты простишь мое старинное „ты“ и полюбишь насъ; мой домъ всегда радушно для тебя отворенъ.

— Я не мастеръ говорить, Алексѣй Андреевичъ, отвѣчалъ Барскій,—но повѣрьте, высоко цѣню и васъ самихъ, и ваше радушіе.

— Спасибо, отвѣчалъ старикъ. Простившись съ гостями и дѣтьми, онъ ушелъ, а молодежь выбѣжала на крыльцо провожать помѣщика и жену его.

Тройкою, заложенною гусемъ, на этотъ разъ правилъ настоящій кучеръ. Проводивъ гостей, студенты и Барскій поднялись на мезонинъ, гдѣ были приготовлены для всѣхъ постели.

— Вѣдь рано еще спать, господа, началъ, войдя въ мезонинъ, старшій Лучаниновъ. — Посидимте; скинемъ сюртуки. А ты, Петруша, обратился онъ къ мальчику лѣтъ шестнадцати въ очкахъ (это былъ старшій сынъ приказчика, постоянный спутникъ Владиміра Лучанинова),—сходи къ ключницѣ и попроси ее прислать бутылки двѣ вина или вишневки.

— Лучше вишневки, замѣтилъ, раскуривая трубку, косматый, нахмуренный студентъ. — Покрѣпче.

Всѣ разсмѣялись. Петруша вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ воротился съ подносомъ уставленнымъ бутылками и рюмками.

— Поставь и ложись съ Богомъ, сказалъ ему Владиміръ Алексѣевичъ,—мы раздѣнемся сами.

— Хорошо, отвѣчалъ мальчикъ. — Да, *Отечественныя Записки* вы не будете читать, Владиміръ Алексѣевичъ? спросилъ онъ какъ-то не по лѣтамъ серіозно.

— Нѣтъ, а что?

— Позвольте мнѣ ихъ взять.

— Бери, отвѣчалъ Лучаниновъ, отдавая мальчику книгу.— Прощай, голубчикъ. Умница, мальчикъ, сказалъ онъ шепотомъ Барскому, указывая на уходящаго Петрушу.—Страсть читать, и читаетъ со смысломъ; не испортить бы только намъ его. Такъ вотъ, я опять о прежнемъ; вы извольте говорить, Захаръ Петровичъ.... Сядьте поближе. Не хотите ли мой халатъ?

Не нужно, здѣсь тепло, я посижу въ рубашкѣ, отвѣчалъ музыкантъ, снявъ сюртукъ и усаживаясь въ кресло.

Digitized by Google

— Я согласенъ, продолжалъ Владиміръ Лучаниновъ, закуривъ сигару.—Положеніе ваше тяжко, но не согласенъ я съ вами въ томъ что вы здѣсь безполезны, на этомъ мѣстѣ; я увѣренъ что здѣсь вамъ назначено служеніе; вы миссіонеръ. Да на что мы, резонеры; наша спеціальность — говорить; иногда хорошее слово скажешь, подчасъ пустяки, а вѣрьте, вѣдь и мы не безполезны. А вы, артистъ. Да вотъ мнѣ разказалъ сосѣдъ про этотъ вечеръ какъ вы сыграли имъ *Лучинушку*. Вы думаете эта, возведенная вами до высоты художественнаго творенія, пѣсня прозвучала безслѣдно?

— Ну, пошелъ, раскипятился! сонно замѣтилъ нахмуренный товарищъ Лучаниновыхъ, студентъ, наливая вишневки.— Давайте лучше выпьемте. Велика польза что расхныкался отъ пѣсни какой-нибудь буйволъ.

— Есть польза, перебилъ Лучаниновъ,—а мы съ тобой? Мы были тоже буйволы, однако, посмотрѣли Мочалова, Щепкина, послушали симфонію, Віардо и развили вкусъ. А здѣсь, въ глуши, явился человѣкъ и пѣснью, родную пѣсню, передалъ съ такою ясностью, съ такимъ пониманіемъ нутра ея, что всѣхъ она ударила по сердцу! Шутка! Вѣдь это сѣмя посѣянное на сердечной почвѣ. Оно, я крѣпко вѣрю, даромъ не пропадетъ: изъ него колосъ выростетъ.

— Тутъ, братъ, у насъ такая гибель крапивы да лопушнику, отвѣчалъ нахмуренный,—что заглохнетъ что ты ни сѣй.

— А у чего же сѣятель? перебилъ Владиміръ Лучаниновъ.— Онъ долженъ полоть, ухаживать, помогать пробивающейся жизни; въ этомъ его миссія. Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, Захаръ Петровичъ, вы не даромъ здѣсь поставлены. Вы нужны именно здѣсь. Вы сила пригнетенная, подспудная, но сила.

— Онъ помѣшался на подспудныхъ силахъ, замѣтилъ нахмуренный.

— Вы объяснили, продолжалъ, не слушая, ораторъ,—передали суть родной пѣсни. Бездѣлица! Вѣдь эти звуки, вылетѣвшіе изъ-подъ вашего смычка, разростутся въ широкій хоръ, подъ звуки котораго совершаются подвиги. Вы разогрѣли сердце; оно съ этой минуты стало болѣе чутко къ звуку родной пѣсни. Съ молитвою да съ пѣсней ходятъ вѣдь на приступы. А этотъ даровитый, какъ разказываете вы, мальчикъ-гобоистъ? Вы мнѣ поручитесь что онъ не ждалъ васъ только для того чтобы сдѣлаться великимъ композиторомъ?

Digitized by Google

— Понесъ, замѣтилъ нахмуренный.—Ужь не Бетховенъ ли степной изъ него выйдетъ? Да вы его не слушайте, Захаръ Петровичъ; вѣдь онъ бѣшеный. Эхъ ты, идеалистъ, продолжалъ онъ, хлопнувъ по плечу задумавшагося Лучанинова.— Видѣли вы, Захаръ Петровичъ, въ хороводѣ хорошенькую дѣвушку? Онъ, вѣрно, показалъ вамъ? Вотъ, влюбился въ нее по уши. Вы думаете, вѣроятно: ну что жь такое, дѣвушка, крестьянка, понравилась, дѣло очень обыкновенное? Нѣтъ, онъ мечтаетъ на ней жениться, увѣряю васъ; жить въ хижинѣ убогой и такъ далѣе. Вотъ это какой человѣкъ. А вѣдь дѣло-то самое простое, плёвое, что-называется. Не такъ ли?

— Ну, оно пожалуй что не такъ, неожиданно отвѣчалъ ему Барскій.

— Э, батюшка. Такъ, значитъ, васъ съ нимъ пара, замѣтилъ нахмуренный, набивая трубку.

— Молчи, шутя, но вспыльчиво замѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ. — Ложись, братъ, спать; ты намъ мѣшаешь. Онъ самъ не такъ вѣдь думаетъ; могу увѣрить васъ, Захаръ Петровичъ. Онъ вретъ самъ на себя чтобы разыграть человѣка положительнаго, практика. Господа, выпьемте.

— Выпьемъ, отвѣчалъ гусаръ, все время молча слушавшій разговоръ.

— Да здравствуютъ подспудныя силы! сказалъ хозяинъ, подымая рюмку.

— Да здравствуютъ, тихо произнесли молодые люди.

Музыкантъ выпилъ молча.

— Подспудныя силы какія-то выдумалъ, бормоталъ, раздѣвшись и укладываясь въ постель, нахмуренный.

— И вѣрьте, господа, говорилъ Владиміръ Лучаниновъ,— лѣтъ черезъ десять-двадцать встрѣтимся, вы скажете: да, Лучаниновъ правъ; ничего не дѣлается даромъ; не даромъ мы тогда встрѣтились другъ съ другомъ; это было нужно. Такой-то во мнѣ зажегъ, пробудилъ вотъ что, другой другое; я вотъ что поднялъ въ нихъ. Да нянька разказывавшая сказки Пушкину... Развѣ это не подспудная, невѣдомая міру сила? Чѣмъ мы и вся Россія обязаны ей? А вѣдь не наряди онъ музу въ шушунъ и русскую повязку нянькн, никто бы и не зналъ о нянькѣ; такъ бы и осталась она для всѣхъ подъ спудомъ.

— А ты, братъ, Лучаниновъ, ужь не подспудная, а недающая никому уснуть сила, выставивъ изъ-подъ одѣяла вскло-

Digitized by Google

ченную голову, сердито произнесъ улегшійся товарищъ. — Чортъ бы тебя побралъ. Вѣдь второй часъ. Господа, плюньте вы на него; вѣдь онъ всю ночь готовъ орать.

— Молчи! крикнулъ Владиміръ Лучаниновъ, сдернувъ съ него одѣяло.

— Убирайся къ чорту; говорятъ тебѣ, спать хочу, сердито произнесъ нахмуренный, выдернувъ одѣяло и завертываясь съ головой.

— А въ самомъ дѣлѣ время, сказалъ, потягиваясь, давно дремавшій младшій братъ Лучанинова.

— Да погодите, началъ было расходившійся хозяинъ, замѣтивъ что гости поднялись чтобы расходиться по постелямъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ пора, Лучаниновъ, сказалъ гусаръ.—Выпьемте еще по рюмочкѣ, да и къ Морфею.

— Нѣтъ, если спать, я пить не буду. Я пью только когда бесѣда идетъ, отвѣчалъ Владиміръ Алексѣевичъ.

Проворно сбросивъ съ себя платье, онъ вскочилъ въ постель такъ что кровать затрещала.

— И ложится-то не по-людски, замѣтилъ изъ-подъ одѣяла нахмуренный.—Эдакой дьяволъ.

— Молчи, не то вѣдь я начну сначала про подспудныя, улыбнувшись, крикнулъ на него Владиміръ Лучаниновъ.

Молодежь улеглась. Музыкантъ легъ съ младшимъ Лучаниновымъ въ сосѣдней, отдѣленной перегородкой, комнатѣ. „Вотъ она“, думалъ онъ, улегшись въ постель, „полная надеждъ и вѣры въ силы свои юность. Жаль имъ противорѣчить; десять лѣтъ; да, хорошо если жизнь будетъ вамъ матерью, а буде мачихой, какъ мнѣ, не то заговорите. Искусство! Да что такое оно для большинства? Я вѣру начинаю терять въ него. Кого оно разбудитъ? Большинство, люди серіозные, практики, давно на него смотрятъ какъ на побрякушку.“

— Огонь прикажете погасить? спросилъ Барскій.

— Я погашу; не безпокойтесь, отвѣчалъ хозяинъ.

Младшій Лучаниновъ заснулъ. Владиміръ Алексѣевичъ, полежавъ съ полчаса, спросилъ шепотомъ:

— Вы не спите, Захаръ Петровичъ?

— Нѣтъ, не сплю, отвѣчалъ музыкантъ.

Хозяинъ накинулъ свой шелковый халатъ и, надѣвъ туфли, пошелъ на цыпочкахъ за перегородку гдѣ лежалъ Барскій.

— А вотъ еще, началъ онъ вполголоса, присѣвъ на край кровати музыканта.—Бѣды нужны даже для развитія таланта;

Digitized by Google

это истина, хоть очень грустная. Вѣдь почему западаетъ въ душу, ударяетъ безъ промаха въ сердце вдохновенное слово, звукъ? Потому что они выстраданы, прочувствованы. Помните у Гёте:

„Кто не ѣдалъ съ слезами хлѣба,
Въ слезахъ на одръ не упадалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, силы неба."

прочелъ онъ уже громко.

— Да, и съ тобой кто не живалъ, сердито перебилъ нахмуренный. Схвативъ подушки и одѣяло, онъ всталъ, намѣреваясь отправиться на диванъ въ переднюю мезонина.

— Онъ васъ не знаетъ, силы неба, выскочивъ на середину и задрапировавшись халатомъ, по-Каратыгински продекламировалъ Владиміръ Лучаниновъ.

Гусаръ и Барскій расхохотались.

— Чортъ ты; промычалъ, укладываясь на диванъ, нахмуренный.

Хозяинъ наконецъ потушилъ свѣчи и легъ, но долго не могли угомониться расходившіеся нервы. Только съ разсвѣтомъ заснули Барскій и Владиміръ Лучаниновъ.

VII.

Пора познакомить читателя поближе съ Владиміромъ Лучаниновымъ; но для этого необходимо сказать нѣсколько словъ о старикѣ отцѣ его.

Алексѣй Андреевичъ Лучаниновъ происходилъ отъ стариннаго боярскаго рода. Лѣтъ тридцати, по смерти трехъ братьевъ, онъ сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ богатаго, большею частію жалованнаго предкамъ царями за разныя „взятья" и „осадныя сидѣнья" имѣнія. Владѣлецъ трехъ тысячъ душъ, выйдя изъ службы, выстроилъ домъ въ одномъ изъ селъ, верстахъ въ тридцати отъ прадѣдовскаго помѣстья; завелъ оранжереи, разсадилъ большой садъ; возобновилъ дѣдовскій домашній оркестръ; завелъ хоръ пѣвчихъ; словомъ, зажилъ на широкую руку. Къ молодому холостяку, жившему лѣто въ деревнѣ, съѣзжалось пировать въ Васильевское чуть не полгуберніи. Зиму Лучаниновъ проводилъ въ Петербургѣ. Около дома, на дворѣ, лѣтомъ, разставлялись палатки для

Digitized by Google

гостей не помѣщавшихся въ просторномъ домѣ. По воскресеньямъ на гуляньки въ Васильевское сходились крестьяне и крестьянки не только изъ сосѣднихъ, но даже отстоявшихъ верстахъ въ пятнадцати, селъ и деревень; водили хороводы; катались съ деревянныхъ горъ, качались на качеляхъ; шутъ Тимошка пугалъ ребятъ и дѣвокъ, надѣвъ огромную картонную голову съ золотыми рогами. Крестьянъ угощали виномъ, пивомъ, дѣвокъ пряниками и орѣхами. На огромномъ прудѣ вечеромъ являлась иллюминованная лодка съ пѣсенниками и духовымъ оркестромъ. Съ берега летѣли къ облакамъ ракета за ракетой, римскія свѣчи; шныряли со свистомъ „шутихи“ въ толпу; въ саду и на дворѣ горѣли разноцвѣтные щиты съ вензелями хозяина. Далеко за полночь не умолкали пѣсни и гремѣлъ оркестръ. Какъ-то зловѣще отдавались, говорила дворня, трескъ лопавшихся ракетъ, и голоса, и громкіе аккорды оркестра въ отстоявшемъ въ полуверстѣ отъ имѣнія сосновомъ старомъ борѣ.

Наконецъ Алексѣй Андреевичъ женился, по любви, на дочери одного богатаго сосѣда. Съ женитьбой измѣнился образъ его жизни; дѣлались изрѣдка праздники, но уже не такъ многолюдные и шумные. Новый семьянинъ всею душой отдался тихимъ радостямъ семейной жизни, сдѣлался домосѣдомъ; какъ вдругъ, черезъ годъ, неожиданно, умерла молодая жена его, оставивъ мужу дочь. Алексѣй Андреевичъ заболѣлъ нервною горячкой и едва самъ не отправился вслѣдъ за женой. Съ этого времени несчастье за несчастьемъ пошли у него. Года черезъ три вдовецъ женился на дальней родственницѣ покойной жены, кроткой, прекрасной дѣвушкѣ; онъ думалъ, не замѣнитъ ли она мать его дочери. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, въ самый день смерти первой жены, умираетъ и вторая подруга Алексѣя Андреевича. Единственнымъ сокровищемъ осталась четырехлѣтняя дочь, но Богу угодно было взять и этого, прекраснаго какъ ангелъ, ребенка. Лучаниновъ снова заболѣлъ горячкой, лежалъ болѣе года; доктора опасались за его разсудокъ. Его увезли больнаго въ Петербургъ, гдѣ лѣчилъ его докторъ, знаменитость Александровскаго времени, другъ Алексѣя Андреевича. Лѣтъ черезъ шесть послѣ этихъ трехъ катастрофъ Лучаниновъ снова женился, на крѣпостной дѣвушкѣ, сестрѣ домашняго живописца. Черезъ четыре года примѣрнаго супру-

Digitized by Google

женскаго счастія скончалась и послѣдняя жена, оставивъ двухъ сыновей, двухлѣтняго Владиміра и трехнедѣльнаго его брата.

На этотъ разъ не заболѣлъ Алексѣй Андреевичъ. Онъ плакалъ горькими слезами, идя за гробомъ жены. Можетъ-быть эти слезы и присутствіе друга доктора, пріѣхавшаго было лѣчить больную, спасли его. Докторъ тотчасъ послѣ похоронъ увезъ его съ собой въ Петербургъ. Дѣло, на сей разъ обошлось безъ горячки; но во всю жизнь не могъ онъ произнести двухъ именъ безъ того чтобы на глазахъ его не навернулись слезы: это были имена малютки дочери и послѣдней жены, матери молодыхъ Лучаниновыхъ.

Послѣ этой послѣдней утраты Лучаниновъ измѣнился и наружно, и внутренно; темнорусые волосы его посеребрила сѣдина; онъ задумался о прежней своей жизни. Признавая, можетъ-быть, въ бѣдахъ своихъ поучающую руку, онъ молился иногда часа по три, вечеромъ, въ образной, уставленной прадѣдовскими иконами; въ это же время началъ строить теплую церковь. Несмотря на эту набожность, въ немъ не было суровости аскета; глядя на рѣзвую молодежь, онъ оживалъ; готовъ былъ слушать цѣлые вечера ихъ разказы изъ студенческой жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ сѣдина болѣе и болѣе серебрила старца, онъ дѣлался внутренно чище. Замѣчательною чертой его характера и въ молодости было самоотверженіе съ которымъ онъ бросался въ опасность, для того чтобы спасти человѣка. Имѣя нѣсколько пожарныхъ трубъ, онъ первый являлся на пожары въ сосѣднія деревни и села; однажды онъ опалилъ себѣ волосы и рѣсницы, вынося младенца изъ горѣвшей уже избы. На этотъ случай одинъ изъ друзей, тогдашній поэтъ, прислалъ ему юмористическіе стихи, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

„Хвала, хвала тебѣ герой,
Посадъ Микулина спасенъ тобой!
. . . . . .
Сноровкой ты себя явилъ,
Тотъ руку, ты власы спалилъ."

Послѣднее время онъ жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ. Старикъ не скучалъ, будучи постоянно занятъ: зимою точилъ на токарномъ станкѣ своемъ, рисовалъ, переплеталъ книги; лѣтомъ работалъ въ саду.

Не многіе изъ сосѣдей дворянъ понимали его: одни говорили что онъ скупъ; другіе называли ханжою; въ одномъ

Digitized by Google

никто не могъ упрекнуть его, это въ низкомъ, безчестномъ дѣлѣ; никто не могъ указать даже на слово защиты произнесенное старикомъ въ пользу подлаго дѣла. Всякая несправедливость возмущала его до болѣзненнаго состоянія. Не одинъ разъ выходилъ онъ на явную борьбу со зломъ; раздражительная, нервная натура брала свое въ этихъ случаяхъ: онъ удалялся съ поля побѣдителемъ, но иногда израненный глубоко; близкіе люди поэтому уговорили его не посѣщать общественные съѣзды.

Съ годами стихло горе, какъ стихаетъ расходившаяся волна, но тихая задумчивость не покидала старика до гроба. И еслибы поэту вздумалось сравнить съ чѣмъ-нибудь радость озарявшую по временамъ лицо старика, онъ вѣрно бы сравнилъ ее съ сіяньемъ тихо потухающаго солнца надъ зеркальною гладью рѣки, въ прекрасный и благоуханный лѣтній вечеръ.

Старшій сынъ его, Владиміръ Алексѣевичъ, оставшись двухъ лѣтъ послѣ матери, порученъ былъ, послѣ крестьянки-кормилицы, старушкѣ нянѣ. Онъ родился и до двѣнадцати лѣтъ жилъ почти безвыѣздно въ Васильевскомъ. Этотъ домъ съ мастерскими коніями великихъ, большею частію фламандскихъ живописцевъ, съ десяткомъ оригинальныхъ картинъ Остада, Мириса, Потера, былъ первымъ, безмолвнымъ наставникомъ ребенка, первымъ воспитателемъ любви и чувства къ прекрасному.

Но любимымъ убѣжищемъ пятилѣтняго мальчика была небольшая, по утрамъ озаренная солнцемъ, комнатка. Три большія окна ея выходили въ садъ; на стѣнахъ висѣли два большіе поясные портрета, кисти Тропинина, какихъ-то молодыхъ дамъ въ кисейныхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ старинныхъ живописныхъ куафюрахъ. Между двухъ оконъ стоялъ небольшой, отдѣланный подъ слоновую кость, съ золотомъ, уборный столикъ; на немъ овальное зеркало, задрапированное, по раззолоченной рамѣ, кисеею. По стѣнамъ комнаты стояли два, тоже бѣлые съ золотомъ, коммода и гардеробный шкафъ. У оконъ и противъ стола стояли кресла, обитыя старинным желтымъ штофомъ. Ничѣмъ нельзя было скорѣе утѣшить расплакавшагося мальчика, какъ отвести въ уборную къ „прекраснымъ дамамъ“. „Прекрасныя дамы“ — такъ назывались на дѣтскомъ языкѣ портреты первыхъ двухъ женъ Алексѣя Андреевича. Каждое утро,

Digitized by Google

напившись чаю, мальчикъ отправлялся съ нянею бесѣдовать съ дамами. Алексѣй Андреевичъ давалъ ключъ отъ уборнаго столика, гдѣ хранились альбомы, силуэты, небольшіе портреты на кости, изящные несессеры съ ландшафтами на крышкахъ. Мальчикъ усаживался противъ зеркала, въ которомъ отражались портреты; няня вынимала золотообрѣзные альбомы; ребенокъ принимался пересматривать пронзенныя стрѣлою сердца, геніевъ съ факелами, букеты цвѣтовъ, жертвенники съ пылающими на нихъ сердцами. Порою, оторвавъ случайно взоръ отъ листковъ альбома, мальчикъ встрѣчалъ въ зеркалѣ два привѣтливыя, молодыя лица. „Вотъ онѣ, ваши прекрасныя дамы“, говорила нянька, поправляя свой чепчикъ предъ зеркаломъ. Ребенокъ снова принимался за альбомъ, думая про себя: „какія славныя картинки рисовали эти дамы!“

— Что же ты не поклонишься, батюшка, разъ, пошутивъ надъ мальчикомъ, сказала нянька.—Входишь ты къ дамамъ, а не раскланяешься съ ними. Да пальчикъ-то не надо брать въ ротъ.

— Вѣдь онѣ не живыя, няня? спросилъ было мальчикъ.

— Нужды нѣтъ, а все-таки надо раскланяться, отвѣчала нянька, одернувъ шелковую голубую рубашку мальчика.— Гляди, онѣ какія добрыя; свои картинки тебѣ позволяютъ разсматривать. Раскланяйся. Скажи имъ: „здравствуйте, прекрасныя дамы“.

— Здравствуйте, прекрасныя дамы, смущенно потупивъ глаза и шаркнувъ ножкой, произнесъ ребенокъ.

Портреты, показалось ему, улыбнулись въ отвѣтъ на этотъ вѣжливый поклонъ пятилѣтняго кавалера.

— Вотъ умница, сказала няня.—А то, входишь къ дамамъ и не кланяешься. За то что ты былъ вѣжливъ сегодня, дамы покажутъ тебѣ свои подвѣнечные наряды.

И нянька, отворивъ гардеробъ, стала вынимать оттуда кисейныя платья, токи со страусовыми перьями, разноцвѣтные, радужной дымки, шарфы, атласные башмачки. Мальчикъ глядѣлъ, и образы „прекрасныхъ дамъ“ ожили въ его дѣтскомъ воображеніи. Обоняя легкій запахъ духовъ, летѣвшій отъ платьевъ, онъ думалъ: „ужь не вышли ли изъ рамъ портреты молодыхъ женщинъ?“

Далеко позже, когда дѣтская шелковая рубашонка давно была замѣнена пиджакомъ, Владиміръ Алексѣевичъ любилъ

Digitized by Google

сидѣть, по вечерамъ, въ потемкахъ этой уборной, противъ овальнаго зеркала. Лѣтомъ, отворивъ окно, нерѣдко всматривался онъ въ глубь озареннаго луной сада, и тамъ, во мракѣ липовой аллеи, какъ будто видѣлъ онъ двѣ пролетѣвшія, прозрачныя какъ дымъ и легкія какъ воздухъ, тѣни.

И третья дорогая тѣнь являлась ему тогда; онъ зналъ ее; она жива была въ безчисленныхъ разсказахъ и любви крестьянъ и дворни; она жива была и въ сердцѣ мужа, безъ навернувшихся слезъ не могшаго произнести ея имя. И зачѣмъ рано такъ, зачѣмъ такъ рано отлетѣлъ ты, посланный отъ Бога старику и мнѣ, и многимъ, многимъ, ангелъ? И каждый разъ обильными ручьями слёзъ, горячихъ, благодатныхъ слезъ, провожалъ онъ эту родную, не надолго исчезающую тѣнь, тѣнь матери.

Лѣтъ осьми началъ мальчикъ учиться на скрипкѣ. Отецъ его, самъ музыкантъ, хотѣлъ непремѣнно выучить дѣтей музыкѣ. Уроки давалъ скрипачъ домашняго оркестра; не имѣя ни достаточныхъ музыкальныхъ знаній, ни толковаго метода, скрипачъ выучилъ мальчика почти съ голоса играть двѣ, три піэсы, и этимъ кончилось первоначальное музыкальное образованіе молодаго Лучанинова. Отецъ сердился на сына за плохіе успѣхи, нападалъ иногда на учителя; тотъ и другой, мнѣ кажется, были не виноваты. Мальчикъ любилъ больше всего играть секунду, на своей терцъ-скрипкѣ, въ Гайденскихъ симфоніяхъ; его занимало что онъ стоитъ, какъ большой, на ряду съ прочими музыкантами, въ оркестрѣ; онъ гордо водилъ маленькимъ смычкомъ своимъ по скрипкѣ, чувствуя что и онъ участвуетъ въ этомъ стройномъ и веселомъ громѣ. Играть этюды и вообще играть одного его почти нельзя было заставить. Гайденъ все-таки сдѣлалъ свое; музыкальный языкъ уже былъ свой мальчику; онъ съ дѣтства привыкъ различать краски инструментовъ. Отецъ началъ было учить его на фортепіано; но нетерпѣливый и раздражительный характеръ Алексѣя Андреевича заставилъ скоро прекратить уроки.

Владиміру Алексѣевичу было двѣнадцать лѣтъ, когда впервые пришлось ему разставаться съ Васильевскимъ; его везли въ Москву, въ знаменитый въ то время частный пансіонъ Ч.; отдавалъ его туда отецъ по совѣту одного сверстника своего, профессора Московскаго университета. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ; уже вывезена была, сначала безъ лошадей, народомъ, къ крыльцу, четверомѣ стная карета; прислуга,

Digitized by Google

подъ руководствомъ камердинера и дядьки, смѣнившаго няню, носила и укладывала въ экипажъ вещи; въ домѣ поднялась бѣготня. Старикъ Лучаниновъ, въ дорожномъ пальто, послѣ напутственнаго молебна, толковалъ въ кабинетѣ со священникомъ. Гаврила Алексѣевъ бранился на дворѣ съ прислугой и кучерами закладывавшими лошадей. „Ну, какъ же вы не подлецы, теперича?“ тарантилъ онъ; „какъ на охоту, а они собакъ кормить; бѣги, теперича, къ поварамъ, спроси, готовы ли рябчики на дорогу? Да поживѣй, теперича,“ прибавлялъ онъ, толкая въ шею мальчишку, откомандированнаго за рябчиками. Володя, уже одѣтый въ дорожную куртку, печальный, съ завистью посматривая на брата, остававшагося въ Васильевскомъ, то выходилъ на террасу уставленную цвѣтущими олеандрами и смотрѣлъ на пестрѣющія клумбы цвѣтника, около которыхъ онъ любилъ играть въ лошадки; то поднимался на балконъ въ мезонинѣ и окидывалъ взоромъ синій полукругъ дали съ бѣлѣвшими на немъ колокольнями; то забѣгалъ онъ въ свою любимую уборную „къ прекраснымъ дамамъ“. Дѣтское сердце болѣзненно сжималось и ныло при мысли что со всѣмъ этимъ скоро, вотъ черезъ полчаса, надолго надобно разстаться. Онъ горько зарыдалъ, когда дядька сказалъ ему „пожалуйте“ и поднялъ на руки, чтобы посадить въ карету. Старуха няня, держа за руку его брата, стояла на крыльцѣ, и издали крестила его; Володя былъ ея любимецъ. Отецъ уже сидѣлъ въ каретѣ, рядомъ съ ѣхавшимъ, для компаніи, помѣщикомъ, будущимъ мужемъ Варвары Тимоѳеевны. Камердинеръ захлопнулъ дверцы; „пошелъ“, крикнулъ онъ, взбираясь на козлы, и шестерикъ гнѣдыхъ, заводскихъ коней ровною рысью повезъ мимо рядами избъ карету. „Не плачь“, говорилъ мальчику отецъ, но мальчикъ неутѣшно плакалъ. Природа наконецъ взяла свое; убаюканный качкой экипажа, онъ крѣпко заснулъ, и только утренняя свѣжесть разбудила его. Карета стояла; мальчикъ выглянулъ въ окно; какой-то городъ съ колокольнями, церквами и синимъ тихимъ озеромъ представился его сонному взору; ямщики суетились, закладывая свѣжихъ лошадей. Черезъ нѣсколько минутъ карета снова тронулась; неумолкаемо звенѣлъ почтовый колокольчикъ; раннее утро смѣнилось жаркимъ полднемъ; вечеръ, ночь прошли, и на другое утро путники въѣхали въ заставу бѣлокаменной. „Статскій совѣтникъ Лучаниновъ,“ крикнулъ камердинеръ,

Digitized by Google

показывая подорожную выбѣжавшему унтеръ-офицеру. Алексѣй Андреевичъ остановился въ гостиницѣ на Тверской. Многолюдность столицы поражала мальчика; первые дни онъ не отходилъ отъ окошка, наблюдая снующіе по улицѣ экипажи и бѣгущихъ по троттуару пѣшеходовъ.

Я не буду утомлять читателя разказомъ о воспитаніи молодаго Лучанинова въ модномъ пансіонѣ; онъ былъ тамъ всего годъ. Отецъ, недовольный успѣхами сына, взялъ его и отдалъ въ губернскую гимназію. Владиміръ Алексѣевичъ учился и въ гимназіи плохо; имъ былъ доволенъ одинъ учитель рисованія. Воображеніе заводило гимназиста Богъ знаетъ куда во время разказовъ учителя о томъ какъ на развалинахъ Карѳагена образовалась новая монархія; иногда, вслушавшись въ подобную фразу, онъ думалъ: „какъ же она такъ образовалась? Изъ-подъ земли что ли выросла какъ грибъ?“ Всего труднѣе давалась ему математика; учитель математики, даровитый, многосторонне развитый человѣкъ, полюбилъ мальчика; по просьбѣ старика Лучанинова, занимаясь съ гимназистомъ, кромѣ классовъ, на дому, онъ говаривалъ ему: „нѣтъ, братъ, Володя, тебя надо учить и математикѣ съ картинками“. Въ пятомъ классѣ молодой человѣкъ полюбилъ литературу и началъ писать стихи; это обратило на него вниманіе учителя словесности. Благодаря участію этихъ двухъ наставниковъ, Лучаниновъ дошелъ до шестаго класса.

Это было время вліянія на молодежь Лермонтова и особенно романа его *Герой нашего времени*; едва кинувшіе дѣтскую куртку юноши прикидывались разочарованными, разыгрывали Печориныхъ, говорили что „жизнь есть пустая и глупая шутка“, нѣкоторые даже толковали что не худо бы застрѣлиться. Владиміръ Лучаниновъ написалъ тоже нѣсколько стихотвореній на эту тему, но боялся ихъ показывать учителю; онъ самъ сознавалъ смутно какъ они неестественны.

Не перейдя въ седьмой классъ, Лучаниновъ вышелъ изъ гимназіи и уже дома, при помощи одного кандидата и гувернера Нѣмца, приготовился въ студенты юридическаго факультета; незнаніе греческаго языка помѣшало ему поступить на словесный; это было и его желаніе, и отца, восхищавшагося нѣкоторыми стихотвореніями сына. Разказъ нашъ застаетъ его только что кончившимъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ. Старика не мало огорчали плохіе успѣхи сына,

Digitized by Google

но все прощалъ онъ, все забывалъ, при первой полученной хорошей отмѣткѣ.

Младшій Лучаниновъ, Петръ Алексѣевичъ, цвѣтущій, бѣлокурый юноша, студентъ, былъ совсѣмъ дитя, можетъ-быть потому что былъ воспитанъ дома. Онъ горячо любилъ брата и видѣлъ въ немъ какого-то совершеннѣйшаго человѣка; даже недостатки Владиміра Алексѣевича ему нравились. Позднѣе читатель узнаетъ и его покороче.

— Все спятъ еще; вставайте, Владиміръ Алексѣевичъ; девятый часъ, говорилъ, войдя на мезонинъ, старикъ-камердинеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ заспались. А отецъ всталъ? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ, быстро приподнявшись съ кровати.

— Снисшелъ еси въ преисподняя земли, отвѣчалъ старикъ, открывая круглую свою табатерку. Онъ любилъ церковнославянскую рѣчь и употреблялъ ее кстати и не кстати.

— Это куда же снисшелъ? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ, надѣвая халатъ и туфли.

— Въ оранжерею. Знаете его пристрастіе. Какъ чаю напился, и побрелъ, отвѣчалъ старикъ, понюхавъ табаку и выходя изъ комнаты.—Вставайте, господа.

Молодые люди принялись одѣваться. Барскій былъ готовъ прежде всѣхъ. Петруша принесъ чай. Напившись наскоро чаю, Владиміръ Алексѣевичъ предложилъ гостямъ отправиться въ оранжерею. Одинъ нахмуренный спалъ, завернувъ голову въ одѣяло. „Пошелъ къ чорту“, промычалъ онъ, когда младшій Лучаниновъ потащилъ было съ него одѣяло.

— Пусть его спитъ; пойдемте, сказалъ Владиміръ Алексѣевичъ, спускаясь съ лѣстницы мезонина.

Надѣвъ шубы, молодежь вышла на крыльцо.

Утро было ясное. Съ крышъ капало какъ и вчера; нѣсколько бѣлоносыхъ грачей разгуливали по блестящему насту. Молодые люди вошли въ садовую калитку и пошли по расчищенной тропинкѣ; стекла оранжереи блестѣли издали какъ золотыя; отворивъ низенькую дверь, Владиміръ Алексѣевичъ ввелъ гостей своихъ въ оранжерею; запахъ талой земли и кресъ-салата встрѣтилъ ихъ. Среди расцвѣтшихъ камелій, среди свѣжей зелени ожившихъ съ весною растеній, сидѣлъ на обрубкѣ дерева старикъ Лучаниновъ, въ собольей шубкѣ и низенькой бобровой шапкѣ; въ рукахъ у него былъ садовый ножикъ; подлѣ него стоялъ въ сѣрой суконной

Digitized by Google

курткѣ и бѣломъ фартукѣ садовникъ, бѣлокурый, лѣтъ двадцати двухъ, малый. Поздоровавшись со старикомъ, молодые люди принялись разсматривать цвѣты и растенія.

Все, самый запахъ, говорило здѣсь о свѣжей, пробивающейся жизни, о неустанной вѣковой работѣ силъ земныхъ. Выбившись изъ свѣтлозеленыхъ перьевъ луковицъ, благоухали распустившіеся гіацинты; кресъ-салатъ скромно зеленѣлъ на мокромъ войлокѣ; бѣлыя и красныя камеліи горѣли между темной зелени, мѣстами пронизанной теплыми лучами солнца; блѣдно-лиловая сирень, склонившись своими пахучими кистями, будто нашептывала что-то своей сосѣдкѣ, темнолиственной вишнѣ. Весна, какъ ты похожа, ранняя весна, на юность!

(До слѣд. №.)

Н. ЧАЕВЪ.

Digitized by Google

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

РАЗКАЗЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. БЕСѢДКА.

ГЛАВА I.

Совы.

Весною 1868 года жили въ одномъ сѣверномъ графствѣ Великобританіи двѣ почтенныя бѣлыя совы.

Жили совы въ оставленной, развалившейся бесѣдкѣ. Бесѣдка эта стояла на землѣ принадлежащей къ одному Перт-шейрскому помѣстью, извѣстному подъ именемъ Виндигетсъ.

Помѣстье Виндигетсъ лежало очень счастливо въ той полосѣ гдѣ плодородная низменность начинаетъ переходить въ гористую мѣстность. Господскій домъ былъ умно построенъ и роскошно отдѣланъ. Конюшни могли считаться образцовыми по чистотѣ воздуха и помѣстительности; сады и паркъ достойны были княжеской резиденціи.

При всѣхъ этихъ преимуществахъ Виндигетсъ сдѣлался жертвою разоренія. Домъ и земли подверглись язвѣ процесса.

Digitized by Google

Долѣе десяти лѣтъ нескончаемая тяжба, какъ змѣя, тѣснѣе и тѣснѣе обвивалась вкругъ помѣстья, не допуская никого жить въ немъ, даже вступать въ него. Домъ заперся. Садъ сдѣлался дикою глушью. Бесѣдка заросла вьющимися растеніями, а за ними слѣдомъ появились и ночныя птицы.

Долгіе годы совы жили невозмутимо на участкѣ которымъ завладѣли по древнѣйшему изъ всѣхъ существующихъ правъ, по праву присвоенія. Въ теченіе дня онѣ сидѣли мирно и торжественно, закрывъ глаза, въ свѣжей тѣни, подъ сѣнью плюща. Въ сумерки онѣ неторопливо пробуждались къ житейскому дѣлу. Въ мудромъ и безмолвномъ товариществѣ, онѣ летали не слышно по тихимъ аллеямъ, отыскивая пищи. Иногда онѣ обшаривали поле не хуже сетера и вдругъ опускались на незамѣтившую ихъ мышь. Другой разъ, носясь какъ призраки надъ поверхностью темной воды, онѣ ловили въ озерѣ рыбу такъ же искусно какъ въ полѣ мышей. Ихъ неразборчивое пищевареніе одинаково справлялось и съ крысой, и съ насѣкомымъ. Были минуты, славныя минуты въ ихъ жизни, когда имъ удавалось схватить птичку, дремлющую на вѣткѣ. Въ этихъ случаяхъ сознаніе превосходства, всегда ощущаемое большими птицами надъ малыми, согрѣвало ихъ холодную кровь и вызывало у нихъ радостные крики въ ночной тишинѣ.

Такъ долгіе годы совы сладко дремали днемъ и вкусно питались подъ покровомъ темноты. Онѣ вмѣстѣ со вьющимися растеніями завладѣли бесѣдкой. Слѣдовательно вьющіяся растенія составляли часть господствовавшей въ бесѣдкѣ конституціи. А совы были стражи этой конституціи. Есть и между людьми совы такъ разсуждающія и, въ этомъ отношеніи, а также и въ истребленіи маленькихъ птичекъ на гнѣздѣ, удивительно на нихъ похожія.

Конституція держалась до весны 1868 года, когда преступные шаги нововведеній проникли въ бесѣдку, и права совѣ впервые подверглись нападкамъ извнѣ.

Два безперыя существа явились непрошенно у дверей бесѣдки, осмотрѣли конституціонные плющи и сказали: „эти надо прочь“, оглянулись на ужасный дневной свѣтъ и сказали: „надо его впустить“, потомъ ушли, и уходя говорили другъ другу: „завтра мы это сдѣлаемъ“.

А совы сказали: „Какъ? Мы столько лѣтъ удостоивали эту бесѣдку своимъ присутствіемъ, и теперь хотятъ впустить

Digitized by Google

къ намъ несносный дневной свѣтъ? Лорды и джентльмены, конституція нарушена!"

Онѣ сдѣлали, по своему обыкновенію, заявленіе въ этомъ смыслѣ, и затѣмъ закрыли глаза, чувствуя что исполнили свой долгъ.

Въ тотъ же вечеръ, на пути своемъ къ полю, онѣ съ ужасомъ замѣтили свѣтъ въ окнѣ дома. Что это значитъ?

Это значило, вопервыхъ, что процессъ наконецъ кончился. Вовторыхъ, это значило что владѣлецъ Виндигетса, нуждаясь въ деньгахъ, рѣшился отдать усадьбу внаймы. Втретьихъ, это значило что нашелся наемщикъ рѣшившійся обновить усадьбу. Совы кричали, носясь въ темнотѣ по аллеямъ. Въ эту ночь онѣ упустили мышь.

На слѣдующее утро совы, крѣпко спавшія, храня конституцію, были пробуждены голосами безперыхъ существъ. Онѣ, протестуя, открыли глаза и увидѣли орудія разрушенія, поражавшія плющъ. То съ одной стороны, то съ другой, орудія эти открывали доступъ въ бесѣдку несносному дневному свѣту. Но совы нашлись въ трудномъ положеніи. Онѣ нахохлились и закричали: „Не уступимъ". Безперыя существа бодро продолжали свою работу и отвѣчали: „Реформа". Плющъ падалъ со всѣхъ сторонъ. Несносный свѣтъ дневной врывался ярче и ярче. Совы едва успѣли составить заявленіе: „мы стоимъ за конституцію", когда солнечный лучъ ударилъ имъ въ глаза, и онѣ, испуганныя, полетѣли подъ ближайшую тѣнь. Тамъ сидѣли онѣ, моргая, пока бесѣдка освобождалась отъ зарослей, пока обновлялось сгнившее дерево, и жизнь вливалась съ солнцемъ и свѣжимъ воздухомъ въ заглохшее мѣсто. И когда люди, видя это, сказали: „вотъ теперь хорошо," совы закрыли глаза, вспоминая съ любовью прежнюю темноту, и отвѣчали: „Лорды и джентльмены, конституція разрушена!"

ГЛАВА II.

Гости.

Кто произвелъ реформу въ бесѣдкѣ?
Новый жилецъ Виндигетса произвелъ реформу.
А кто былъ новый жилецъ?
Пожалуйте и посмотрите сами.

Весною 1868 года бесѣдка была мрачною обителью двухъ совъ. Осенью того же года бесѣдка была сборнымъ пунктомъ

Digitized by Google

веселой толпы дамъ и мущинъ съѣхавшихся въ гости къ жильцамъ Виндигетса.

Весело было глядѣть на эту картину, полную свѣта, красоты и движенія.

Во внутренности бесѣдки блескъ дамскихъ лѣтнихъ туалетовъ сіялъ среди мрачности современной одежды мущинъ. Снаружи изъ трехъ стрѣльчатыхъ дверей открывалась свѣжая лужайка, переходящая вдали въ цвѣтники и клумбы кустовъ, а еще далѣе за деревьями виднѣлся величественный каменный домъ, предъ которымъ билъ на солнцѣ фонтанъ. Половина гостей смѣялась, всѣ говорили; оживленно гудѣли голоса, громко раздавались оживленные звуки смѣха, какъ вдругъ одинъ голосъ, рѣзко и звучно возвышаясь надъ всѣми, повелительно потребовалъ молчанія. Молодая дама выступила на свободное мѣсто предъ бесѣдкой и окинула взоромъ толпу гостей, какъ генералъ обозрѣваетъ полкъ на смотру.

Она была молода, миловидна, бѣла и румяна. Она нисколько не смущалась своимъ выдающимся положеніемъ. Она была одѣта по послѣдней модѣ. Шляпка, подобная маленькой тарелкѣ, надвинута была ей на лобъ; шаръ свѣтлорусыхъ волосъ вздувался на затылкѣ. Богатое ожерелье падало ей на грудь. Пара эмалевыхъ жуковъ (ужасно похожихъ на живые оригиналы) висѣли въ ушахъ. Коротkое платье сіяло небесною лазурью. На ногахъ виднѣлись полосатые чулки и башмаки, носящіе названіе Ватто. Каблуки отличались тою высотой при видѣ которой мущины содрогаются и невольно спрашиваютъ себя глядя на женщину, впрочемъ очень милую: „Можетъ ли эта очаровательная особа выпрямить колѣни?“

Молодая дама, представшая такимъ образомъ предъ обществомъ, была миссъ Бланка Лунди, та самая маленькая, румяная Бланка, съ которою прологъ уже познакомилъ читателя. Въ настоящее время лѣтъ ей восьмнадцать. Положеніе прекрасное. Состояніе вѣрное. Нравъ горячій. Характеръ непостоянный. Словомъ, это дитя современности, съ достоинствами и недостатками нашего вѣка, и съ основой искренности, правды и чувства.

— Итакъ, добрые люди, воскликнула Бланка, — замолчите, пожалуста. Составляются партіи въ мячикъ.... За дѣло! За дѣло! За дѣло!

Digitized by Google

Тутъ выступила впередъ другая дама и отвѣчала только-что говорившей дѣвушкѣ взглядомъ благосклоннаго укора и словами добродушнаго упрека.

Это была дама высокая, солидная, тридцатипятилѣтняя. Она представляла взгляду наблюдателя жестокій орлиный носъ, упрямый прямой подбородокъ, великолѣпные темные глаза и волосы, роскошную пышность темноватой одежды и лѣнивую грацію движеній, привлекательную съ перваго взгляда, но невыразимо однообразную и утомительную при болѣе долгомъ знакомствѣ. Это была леди Лунди вторая, теперь вдова (послѣ четырехъ мѣсяцевъ замужества) покойнаго сэръ-Томаса Лунди. Другими словами, мачиха Бланки и достойная зависти особа, взявшая внаймы домъ и земли Виндигетса.

— Другъ мой, сказала леди Лунди,—слова имѣютъ значеніе даже въ устахъ молодой дѣвушки. Вы игру въ мячикъ называете дѣломъ.

— А по-вашему слѣдуетъ называть ее удовольствіемъ? проговорилъ серіозно насмѣшливый голосъ изъ глубины бесѣдки.

Ряды гостей разступились, и посреди современнаго собранія предсталъ джентльменъ былыхъ временъ. Манеры этого джентльмена отличались изящною любезностью, неизвѣстною теперешнему поколѣнію. Одежда его состояла изъ обширнаго бѣлаго галстука, плотно застегнутаго синяго фрака, нанковыхъ панталонъ и гетровъ, смѣшныхъ для людей нынѣшняго поколѣнія. Разговоръ этого джентльмена лился свободно, обличая независимость ума и тщательно развитую способность къ остроумнымъ отвѣтамъ, которой не любитъ и боится нынѣшнее поколѣніе. Съ виду онъ былъ малъ и тонокъ, и худъ, съ сѣдою головой, съ блестящими черными глазами, съ насмѣшливою складкой на углахъ губъ. Онъ былъ хромъ на одну ногу, но бодро несъ этотъ недостатокъ, какъ цвѣта свои. Въ обществѣ онъ извѣстенъ былъ своею тростью изъ слоновой кости, съ искусно вдѣланною въ набалдашникѣ табатеркою, а также внушавшею страхъ ненавистью къ современнымъ порядкамъ, которая выражалась и кстати, и некстати, и всегда поражала неумолимо самыя слабыя стороны. Таковъ былъ сэръ-Патрикъ Лунди, братъ покойнаго баронета сэра-Томаса и наслѣдникъ по его смерти имѣній и титула.

Бланка, не обращая вниманія на упрекъ мачихи и на

Digitized by Google

замѣчаніе дяди, указала на столъ на которомъ лежали биты и мячи, и снова призвала вниманіе общества къ затѣваемой игрѣ.

— Я веду одну сторону, сказала она,—а леди Лунди ведетъ другую. Мы поочередно выбираемъ игроковъ. Маменькѣ принадлежитъ преимущество по старшинству лѣтъ. Поэтому она выбираетъ первая.

Бросивъ на падчерицу взглядъ который говорилъ: „Я отослала бы тебя въ дѣтскую, еслибы могла“, леди Лунди оглянулась на гостей. Она, очевидно, уже напередъ рѣшила кого перваго выбрать.

— Я выбираю миссъ Сильвестеръ, сказала она съ особеннымъ удареніемъ на это имя.

Толпа опять разступилась. Появилась уже знакомая намъ Анна. Чужіе, встрѣтившіе ее въ первый разъ, увидѣли дѣвушку въ цвѣтѣ жизни, скромно одѣтую въ бѣлое платье, которая тихо вышла впередъ и стала предъ хозяйкой дома.

Значительная часть мущинъ были привезены друзьями, получившими позволеніе ихъ представить. Всѣ эти пріѣзжіе, какъ только Анна появилась, сильно заинтересовались ею.

— Это прелестная женщина, шепнулъ одинъ изъ нихъ другу дома.—Кто она?

— Гувернантка миссъ Лунди, не болѣе, отвѣчалъ также шепотомъ другъ дома.

Пока обмѣнивались они вопросомъ и отвѣтомъ, леди Лунди и миссъ Сильвестеръ сошлись лицомъ къ лицу предъ обществомъ. Новопріѣзжій взглянулъ на обѣихъ женщинъ и опять шепнулъ:

— Что-то не ладно между хозяйкой и гувернанткой.

Другъ дома также взглянулъ и отвѣчалъ однимъ выразительнымъ словомъ:

— Очевидно....

Есть нѣкоторыя женщины которыхъ вліяніе на мущинъ непроницаемая тайна для наблюдательницъ ихъ же пола. Гувернантка принадлежала къ числу этихъ женщинъ. Она наслѣдовала прелесть, хотя и не красоту, своей несчастной матери. Судите ее по альбомнымъ картинкамъ, по головамъ выставленнымъ въ окнахъ магазиновъ, и вы должны произнести рѣшеніе: у ней нѣтъ въ лицѣ ни одной красивой черты. Миссъ Сильвестеръ, въ спокойномъ состояніи, не представляла ничего особенно замѣчательнаго. Она была сред-

Digitized by Google

няго роста, сложена также какъ бо́льшая часть женщинъ, ни брюнетка, ни блондинка, ни бѣлолица, ни смугла, ничего рѣшительно особеннаго. Мало того, въ лицѣ ея были положительные недостатки, которые невозможно было отрицать. Какое-то нервное содроганіе въ углу рта кривило губы, когда онѣ двигались. Глазъ на той же сторонѣ чуть не косилъ. И однако, при всѣхъ этихъ неоспоримыхъ недостаткахъ, предъ вами одна изъ тѣхъ немногихъ опасныхъ женщинъ которыя держатъ въ рукахъ своихъ сердца мущинъ и счастіе семействъ. Она движется, и въ движеніи ея какая-то неуловимая прелесть, заставляющая оглянуться и прервать разговоръ съ пріятелемъ, и молча слѣдить за ней. Она подходитъ къ вамъ, говоритъ съ вами, и что-то глубоко нѣжное въ содроганіи губъ и во взглядѣ кроткихъ сѣрыхъ глазъ придаетъ красоту недостаткамъ, очаровываетъ ваши чувства, потрясаетъ нервы при случайномъ прикосновеніи, заставляетъ биться сердце, если вы глядите въ одну книгу съ ней и чувствуете на лицѣ своемъ ея дыханіе. Все это, конечно, испытывали только мущины. Если вы посмотрите на нее глазами женщины, результатъ будетъ совсѣмъ другой. Въ такомъ случаѣ вы только обратитесь къ своей ближайшей подругѣ и скажете съ непритворнымъ сожалѣніемъ: что̀ только находятъ въ ней мущины?

Глаза хозяйки и гувернантки встрѣтились съ явнымъ обоюднымъ недовѣріемъ. Трудно было не замѣтить того что̀ замѣтилъ новопріѣзжій съ пріятелемъ своимъ, что здѣсь что-то не ладно. Миссъ Сильвестеръ заговорила первая.

— Благодарю васъ, леди Лунди, сказала она, — мнѣ бы не хотѣлось играть.

Леди Лунди обнаружила сильное удивленіе, выходящее изъ границъ благовоспитанности.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчала она рѣзко.—Такъ какъ всѣ мы собрались съ цѣлью играть, это нѣсколько странно. Развѣ что̀ случилось, миссъ Сильвестеръ?

Краска выступила на блѣдномъ лицѣ Анны. Но она исполнила обязанность свою какъ женщина и гувернантка; она покорилась и тѣмъ спасла приличія на этотъ разъ.

— Ничего не случилось, отвѣчала она.—Я не совсѣмъ здорова сегодня. Но если вы желаете, я буду играть.

— Я желаю, отозвалась леди Лунди.

Миссъ Сильвестеръ отошла къ одной изъ дверей бесѣдки.

Digitized by Google

Она ждала что̀ будетъ со внутреннимъ волненіемъ, ясно выражавшимся колебаніемъ ея бѣлаго платья на груди.

Очередь выбирать игрока была за Бланкой. Въ нетерпѣливости, она окинула взглядомъ гостей и остановила глаза на одномъ джентльменѣ въ переднихъ рядахъ. Онъ стоялъ рядомъ съ сэръ-Патрикомъ,—разительный типъ настоящаго времени, точно такъ же какъ сэръ-Патрикъ былъ типъ времени прошлаго.

Этотъ представитель современности былъ молодъ, цвѣтущъ, высокъ и силенъ. Его саксонскіе локоны дѣлились проборомъ который начинался на серединѣ лба, шелъ черезъ всю голову и оканчивался въ самомъ центрѣ румянаго затылка. Черты его были такъ правильны и такъ безсмысленны, какъ только могутъ быть черты человѣческія. На лицѣ его выражалось изумительное для глазъ невозмутимое спокойствіе. Мускулы его смуглыхъ рукъ видѣлись подъ рукавами его легкой одежды. Грудь высокая, талія стройная, крѣпкія ноги,—словомъ, великолѣпное животное, доведенное до высшей степени физическаго развитія отъ головы до пятокъ. Таковъ былъ мистеръ Джофри Деламенъ, извѣстный подъ именемъ „достопочтеннаго“ и заслуживавшій это названіе во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ „достопочтенный“, вопервыхъ, какъ второй сынъ лорда Гольчестера, вовторыхъ, какъ человѣкъ заслужившій высшее въ глазахъ публики отличіе какое даетъ современная система воспитанія въ Англіи,—какъ первый гребецъ на университетской гонкѣ лодокъ. Прибавьте къ тому что никто не видалъ его за какимъ-либо чтеніемъ кромѣ газеты, что онъ ни отъ кого не отставалъ въ готовности держать пари, и характеристика этого доблестнаго юноши будетъ покуда полна.

Глаза Бланки естественно остановились на немъ. Голосъ Бланки естественно назвалъ его, какъ перваго игрока.

— Я выбираю мистера Деламена, сказала она.

Только что произнесла она это имя, краска на лицѣ миссъ Сильвестеръ пропала и смѣнилась мертвенною блѣдностью. Она сдѣлала движеніе чтобы выйти изъ бесѣдки, тотчасъ же остановилась, и ухватилась рукою за спинку садовой скамейки, стоявшей подлѣ нея. Одинъ господинъ видѣлъ сзади какъ рука эта сжалась съ такою судорожною силой что перчатка на ней разорвалась. Господинъ этотъ сдѣлалъ про

Digitized by Google

себя замѣчаніе что у миссъ Сильвестеръ „чертовскій характеръ“.

Между тѣмъ мистеръ Деламенъ, по странному совпаденію, точно такъ же какъ прежде миссъ Сильвестеръ, попытался отдѣлаться отъ игры.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ онъ. — Сдѣлайте ужъ милость, выберите кого-нибудь другаго.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ такой отвѣтъ сочли бы непростительно грубымъ. По понятіямъ настоящаго времени въ немъ обнаружилась забавная откровенность. Общество засмѣялось. Бланка разсердилась.

— Неужели васъ ничто не интересуетъ кромѣ упражненій требующихъ силы? спросила она рѣзко.—Неужели вамъ надо постоянно грести въ перегонки или прыгать черезъ высокій барьеръ? Еслибъ у васъ былъ умъ, онъ чувствовалъ бы потребность отдохновенія. У васъ, вмѣсто того, мускулы. Зачѣмъ не дать и имъ отдохнуть?

Стрѣлы язвительнаго остроумія Бланки скользнули съ мистера Деламена какъ съ гуся вода.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ съ упорнымъ добродушіемъ.—Не обижайтесь. Я пришелъ сюда съ дамами. Онѣ не позволили мнѣ курить, а мнѣ курить хочется. Я и думаю убѣжать на минутку. Все равно. Я буду играть.

— О, курите непремѣнно! отозвалась Бланка.—Я выберу кого-нибудь другаго. Я васъ не хочу.

Достопочтенный юноша казался непритворно обрадованнымъ. Горячая дѣвушка повернулась къ нему спиной и окинула взглядомъ гостей на другой сторонѣ бесѣдки.

— Кого мнѣ выбрать? сказала она въ раздумьи.

Смуглый молодой человѣкъ съ загорѣлымъ лицомъ, указывавшимъ на дальнія странствія и, можетъ-быть, на короткое знакомство съ моремъ, выступилъ застѣнчиво и сказалъ тепотомъ:

— Выберите меня.

Лицо Бланки озарилось свѣтлою улыбкой. Повидимому, смуглый молодой человѣкъ занималъ въ умѣ ея особое, ему одному принадлежащее мѣсто.

— Васъ? сказала она кокетливо.—Вы уѣзжаете отъ насъ черезъ часъ.

Онъ подошелъ ближе.

— Я возвращусь послѣ завтра, возразилъ онъ.

Digitized by Google

— Вы очень дурно играете.

— Я выучусь, если вы будете учить меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, хорошо, я буду васъ учить.

Она обратилась съ улыбкой на устахъ и съ краской на лицѣ къ своей мачихѣ.

— Я выбираю мистера Арнольда Бринкворта, сказала она.

Тутъ опять что-то въ имени, неизвѣстномъ молвѣ, произвело особое дѣйствіе уже не на миссъ Сильвестеръ, а на сэръ-Патрика. Онъ взглянулъ на мистера Бринкворта со внезапнымъ участіемъ и любопытствомъ. Еслибы хозяйка дома не отвлекла въ эту минуту его вниманія, онъ, очевидно, сейчасъ заговорилъ бы со смуглымъ молодымъ человѣкомъ.

Но была очередь леди Лунди выбирать втораго игрока. Ея зять былъ человѣкъ довольно важный, и у нея были свои причины искать расположенія главы семейства. Она удивила все общество, выбравъ сэръ-Патрика.

— Маменька! воскликнула Бланка: — что это вы! Сэръ-Патрикъ не станетъ играть. Въ его время еще не знали игры въ мячи.

Сэръ-Петрикъ никогда не допускалъ нападокъ на свое время со стороны молодаго поколѣнія не платя ему тою же монетой.

— Въ мое время, другъ мой, сказалъ онъ племянницѣ,— требовали отъ каждаго чтобъ онъ принесъ съ собою въ общество какое-нибудь пріятное качество. Вы это считаете ненужнымъ. Вотъ, продолжалъ старикъ, взявъ биту со стола,—орудіе успѣха въ современномъ обществѣ; а вотъ, прибавилъ онъ, взявъ мячикъ,—другое орудіе. Прекрасно. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я буду играть, я буду играть.

Леди Лунди, отъ рожденія недоступная пониманію ироніи, улыбнулась любезно.

— Я знаю что сэръ-Патрикъ будетъ играть, сказала она,— чтобы доставить мнѣ удовольствіе.

Сэръ-Патрикъ поклонился съ насмѣшливою учтивостью.

— Леди Лунди, отвѣтилъ онъ,—вы читаете въ моихъ глазахъ какъ въ книгѣ.

Къ удивленію всѣхъ присутствующихъ моложе сорока лѣтъ, онъ въ подкрѣпленіе словъ своихъ приложилъ руку къ сердцу и произнесъ стихи.

— Я могу сказать какъ Дрейденъ, добавилъ сэръ-Патрикъ:

Года развѣяли любовныя мечты,
Но помню я еще всю силу красоты.

Digitized by Google

Леди Лунди была видимо поражена. Мистеръ Деламенъ пошелъ далѣе. Онъ тотчасъ же вступился съ видомъ человѣка чувствующаго себя призваннымъ исполнить общественную обязанность.

— Дрейденъ никогда этого не говорилъ, замѣтилъ онъ.—Я за это ручаюсь.

Сэръ-Патрикъ повернулся съ помощію своей трости и поглядѣлъ прямо въ лицо мистеру Деламену.

— Вы знаете Дрейдена лучше меня? спросилъ онъ.

Достопочтенный Джофри Деламенъ отвѣчалъ скромно:

— Полагаю. Я гребъ съ нимъ три гонки. Мы вмѣстѣ упражнялись.

Сэръ-Патрикъ оглянулся кругомъ съ улыбкой торжества.

— Такъ позвольте же сказать вамъ, возразилъ онъ, — что вы упражнялись съ человѣкомъ который умеръ безъ малаго двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Мистеръ Деламенъ, совершенно потерявшись, обратился ко всему обществу.

— Что это значитъ? спросилъ онъ. — Я говорю о Томѣ Дрейденѣ. Всѣ знаютъ его въ университетѣ.

— Я говорилъ о Джонѣ Дрейденѣ поэтѣ, отозвался сэръ-Патрикъ.—Его, какъ видно, не всѣ знаютъ въ университетѣ.

Мистеръ Деламенъ отвѣчалъ съ весьма забавною теплотой и искренностью.

— Даю вамъ честное слово что я до сихъ поръ ни разу не слыхалъ о немъ. Не сердитесь. Я не сержусь на васъ.— Онъ улыбнулся и вынулъ коротку деревянную трубку.—Есть у васъ огонь? спросилъ онъ самымъ дружескимъ тономъ.

Сэръ-Патрикъ отвѣчалъ безъ малѣйшей теплоты:

— Я не курю.

Мистеръ Деламенъ взглянулъ на него не обидѣвшись нисколько.

— Вы не курите? повторилъ онъ. — Не понимаю какъ же вы проводите свободное время.

Сэръ-Патрикъ покончилъ разговоръ.

— Что вы не понимаете, сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ,—это весьма естественно.

Пока происходила эта стычка, леди Лунди съ падчерицей устроили игру, и все общество, какъ игроки, такъ и зрители, начали двигаться къ лужайкѣ. Сэръ-Патрикъ остановилъ

Digitized by Google

племянницу, когда она выходила изъ бесѣдки со смутнымъ молодымъ человѣкомъ, не покидавшимъ ея.

— Оставьте мистера Бринкворта со мною, сказалъ онъ.— Я хочу поговорить съ нимъ.

Бланка тотчасъ же распорядилась. Мистеру Бринкворту было приказано оставаться съ сэръ-Патрикомъ, пока онъ не понадобится для игры. Мистеръ Бринквортъ удивился и повиновался.

Во время этихъ распоряженій, нѣсколько странный случай произошелъ на другомъ концѣ бесѣдки. Пользуясь безпорядкомъ произведеннымъ общимъ движеніемъ на лужайку, миссъ Сильвестеръ вдругъ подошла къ мистеру Деламену.

— Черезъ десять минутъ, шепнула она, — бесѣдка будетъ пуста. Ждите меня тутъ.

Достопочтенный Джофри дрогнулъ и взглянулъ украдкой на окружающихъ гостей.

— Не опасно ли это? шепнулъ онъ въ отвѣтъ.

Губы гувернантки дрогнули, отъ страха ли, или отъ гнѣва, трудно сказать.

— Я требую, отвѣчала она, и отошла отъ него.

Мистеръ Деламенъ нахмурилъ свои красивыя брови, глядя ей вслѣдъ, и потомъ, въ свою очередь, вышелъ изъ бесѣдки. Цвѣтникъ позади былъ пустъ въ эту минуту. Джофри вынулъ свою трубку и спрятался между розами. Дымъ вылеталъ изо рта его частыми и густыми клубами. Обыкновенно онъ обращался со своею трубкой весьма бережно. Когда онъ понукалъ этого вѣрнаго слугу, это обозначало внутреннее волненіе.

ГЛАВА III.

Открытія.

Только двое остались въ бесѣдкѣ: Арнольдъ Бринквортъ и сэръ-Патрикъ Лунди.

— Мистеръ Бринквортъ, сказалъ старикъ,—я не имѣлъ до сихъ поръ случая говорить съ вами и, можетъ-быть, такъ какъ вы уѣзжаете отъ насъ сегодня, другаго случая не найдется. Позвольте мнѣ представиться вамъ. Отецъ вашъ былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей моихъ, я желалъ бы подружиться и съ сыномъ его.

Онъ протянулъ руку и назвалъ себя по имени. Имя было знакомо Арнольду.

Digitized by Google

— О, сэръ-Патрикъ! сказалъ онъ съ жаромъ:—еслибы бѣдный отецъ мой послушался васъ....

— Онъ не проигралъ бы своего состоянія и, можетъ быть, не умеръ бы изгнанникомъ на чужой сторонѣ, а жилъ бы еще здѣсь съ нами, докончилъ сэръ-Патрикъ. — Оставимъ это. Дѣло не въ этомъ. Леди Лунди на дняхъ писала мнѣ о васъ. Она увѣдомляла меня что ваша тетушка умерла и оставила вамъ въ наслѣдство свое имѣніе въ Шотландіи. Правда ли это? Да? Поздравляю васъ отъ души. Зачѣмъ же вы гостите здѣсь, вмѣсто того чтобы присмотрѣть за своимъ домомъ и имѣніемъ? А, оно только двадцать три мили отсюда, и вы ѣдете туда сегодня же съ первымъ поѣздомъ? Прекрасно. Какъ же, однако? Вы возвращаетесь сюда послѣ завтра? Зачѣмъ вамъ возвращаться? Вѣроятно какая-нибудь особенная причина? Надѣюсь что причина хорошая. Вы очень молоды. Вы подвержены всякимъ соблазнамъ? Есть ли въ васъ прочное основаніе здраваго смысла? Если есть, такъ не отъ отца вы его наслѣдовали? Вы были, должно-быть, еще ребенкомъ, когда онъ разорилъ дѣтей своихъ. Какъ вы жили съ тѣхъ поръ? Что вы дѣлали въ то время какъ завѣщаніе вашей тетки избавило васъ на всю жизнь отъ необходимости что-нибудь дѣлать?

Вопросъ былъ прямой. Арнольдъ отвѣчалъ на него безъ малѣйшаго колебанія, съ непритворною скромностью и простотой, которыя тотчасъ же расположили къ нему сэръ-Патрика.

— Я былъ мальчикомъ въ Итонѣ, когда отецъ разорился. Пришлось оставить школу и добывать средства существованія, я и добывалъ ихъ не совсѣмъ легкимъ способомъ. Словомъ, я ходилъ въ море на торговыхъ судахъ.

— Словомъ, вы бодро переносили невзгоду и честно заслужили выпавшее вамъ на долю счастіе, отозвался сэръ-Патрикъ.—Дайте мнѣ руку. Вы мнѣ нравитесь. Вы не похожи на теперешнихъ молодыхъ людей. Я буду звать васъ просто Арнольдомъ. Только вы, смотрите, не отвѣчайте мнѣ такою же любезностью и не зовите меня Патрикомъ. Я для этого слишкомъ старъ. Ну, что же вы здѣсь подѣлываете? Что такое за женщина моя свояченица? Что такое домъ ея?

Арнольдъ засмѣялся.

— Странные вопросы съ вашей стороны, сказалъ онъ. — Вы говорите какъ будто вы здѣсь чужой.

Digitized by Google

Сэръ-Патрикъ подавилъ пружину въ набалдашникѣ своей трости. Маленькая золотая крышечка поднялась и открыла табатерку спрятанную въ набалдашникѣ. Онъ понюхалъ и усмѣхнулся какой-то промелькнувшей въ головѣ мысли, которую не счелъ нужнымъ сообщить своему юному другу.

— Я говорю какъ будто я здѣсь чужой? началъ онъ снова.— Да оно такъ и есть. Мы съ леди Лунди въ отличныхъ отношеніяхъ, но идемъ разными путями и видимся по возможности рѣдко. Моя исторія, продолжалъ пріятный старикъ съ привлекательною откровенностью, устранившею всякое различіе лѣтъ и положенія между нимъ и Арнольдомъ,—нѣсколько похожа на вашу, хотя я гожусь вамъ въ отцы. Я также добывалъ средства существованія по-своему, зачерствѣлымъ шотландскимъ адвокатомъ, когда братъ мой женился на второй женѣ. Онъ умеръ, не оставивъ сына ни отъ той, ни отъ другой, и положеніе мое перемѣнилось какъ ваше. Вотъ я теперь баронетъ, къ искреннему моему сожалѣнію. Да, къ искреннему моему сожалѣнію. На меня взваливаются разныя обязанности, которыхъ я вовсе не желалъ принимать на себя. Я глава семейства; я опекунъ племянницы; я принужденъ являться на пикники и сельскіе праздники; и, между нами, чувствую себя рѣшительно не на мѣстѣ. Между всѣми этими франтами нѣтъ ни одного знакомаго мнѣ лица. Вы знаете здѣсь кого-нибудь?

— У меня есть одинъ другъ въ Виндигетсѣ, отвѣчалъ Арнольдъ.—Онъ пріѣхалъ сегодня утромъ, какъ и вы. Джофри Деламенъ.

Пока онъ говорилъ, миссъ Сильвестеръ появилась у входа въ бесѣдку. Тѣнь досады пробѣжала по ея лицу, когда она увидѣла что мѣсто занято. Она исчезла незамѣченная и вернулась къ играющимъ.

Серъ-Патрикъ поглядѣлъ на сына своего стараго друга, какъ будто молодой человѣкъ впервые обманулъ его ожиданія.

— Вашъ выборъ пріятеля нѣсколько удивляетъ меня, сказалъ онъ.

Арнольдъ простодушно увидѣлъ въ словахъ этихъ требованіе объясненія.

— Извините меня, отвѣчалъ онъ, — тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. Мы были товарищами въ Итонѣ. Потомъ я встрѣтилъ Джофри въ морѣ на его яхтѣ. Джофри спасъ мнѣ жизнь, серъ-Патрикъ, прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ, и глаза

Digitized by Google

его свѣтились горячею признательностью къ другу.—Еслибъ не онъ, я бы утонулъ. Не достаточная ли это причина считать его другомъ?

— Это зависитъ отъ того на сколько вы цѣните жизнь свою, сказалъ сэръ-Патрикъ.

— На сколько я цѣню жизнь? повторилъ Арнольдъ. — Я, разумѣется, цѣню ее очень высоко.

— Въ такомъ случаѣ вы въ долгу у мистера Деламена.

— Котораго никогда не буду въ состояніи отплатить.

— Который вы отплатите на дняхъ съ лихвою, если я хоть сколько-нибудь знаю природу человѣческую, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.

Онъ произнесъ слова эти съ выраженіемъ твердаго убѣжденія. Едва они были произнесены, какъ мистеръ Деламенъ появился, точно также какъ прежде миссъ Сильвестеръ, у дверей бесѣдки. Онъ также исчезъ, незамѣченный какъ она. Но здѣсь кончалось сходство. Лицо достопочтеннаго Джофри, когда онъ увидѣлъ что бесѣдка занята, несомнѣнно выразило радость.

Арнольдъ на этотъ разъ понялъ настоящее значеніе словъ и тона сэръ-Патрика. Онъ съ жаромъ заступился за друга.

— Вы говорите съ нѣкоторою горечью, замѣтилъ онъ.—Что сдѣлалъ вамъ Джофри?

— Онъ осмѣливается существовать, вотъ и все, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ. — Не удивляйтесь, я говорю вообще. Вашъ другъ образецъ современнаго молодаго Британца. Я не люблю образцоваго молодаго Британца. Я не вижу причины прославлять его какъ великолѣпное національное произведеніе, за то что онъ великъ и силенъ, и пьетъ пиво безнаказанно, и купается въ холодной водѣ круглый годъ. Англія теперь слишкомъ гордится физическими достоинствами, которыя Англичанинъ раздѣляетъ съ дикаремъ и животнымъ. И дурныя послѣдствія начинаютъ уже обнаруживаться. Мы болѣе чѣмъ когда-нибудь склонны держаться всего грубаго въ нашихъ народныхъ обычаяхъ и оправдывать все насильственное и звѣрское въ нашихъ дѣйствіяхъ. Читайте народныя книги, всмотритесь въ народныя увеселенія, и вы увидите вездѣ упадокъ уваженія къ изяществу образованной жизни и возрастающее пристрастіе къ доблестямъ первобытныхъ Британцевъ.

Арнольдъ слушалъ въ изумленіи. Онъ невинно далъ поводъ сэръ-Патрику излить раздраженіе накопившееся въ умѣ его.

Digitized by Google

— Какъ горячо вы говорите! воскликнулъ онъ.

Сэръ-Патрикъ тотчасъ же опомнился.

— Почти такъ же какъ еслибъ я ободрялъ гребцовъ на гонкѣ, или держалъ пари, отозвался онъ. — Когда я былъ молодъ, мы легко горячились. Перемѣнимъ разговоръ. Я ничего не знаю дурнаго о вашемъ другѣ мистерѣ Деламенѣ. Теперь принято думать, продолжалъ онъ, возвращаясь опять къ своему коньку,—что человѣкъ физически здоровый долженъ быть и нравственно здоровъ. Время покажетъ справедливо ли это предположеніе.... Итакъ, вы возвращаетесь къ леди Лунди, едва заглянувъ въ свое имѣніе? Это весьма странно для землевладѣльца какъ вы. Стало-быть есть здѣсь какая-нибудь привлекательная сила, что̀...

Не успѣлъ Арнольдъ отвѣтить, какъ Бланка позвала его съ лужайки. Онъ покраснѣлъ и поспѣшно повернулся къ двери. Сэръ-Патрикъ кивнулъ головой, съ видомъ человѣка получившаго вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

— А! сказалъ онъ: — вотъ она, привлекательная-то сила?

Проживъ бо́льшую часть жизни на морѣ, Арнольдъ не зналъ обычаевъ свѣта. Вмѣсто того чтобы весело принять шутку, онъ смутился. Темныя щеки покраснѣли сильнѣе.

— Я этого не говорилъ, отвѣтилъ онъ нѣсколько раздражительно.

Сэръ-Патрикъ поднялъ два бѣлые, сморщенные пальца и добродушно потрепалъ по щекѣ молодаго моряка.

— Вотъ здѣсь написано, сказалъ онъ,—красными буквами.

Золотая крышечка въ набалдашникѣ опять открылась, и старикъ наградилъ себя за эту выходку щепоточкой табаку. Въ эту минуту появилась Бланка.

— Мистеръ Бринквортъ, сказала она, — вы мнѣ сейчасъ понадобитесь. Дядя, за вами очередь.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ сэръ-Патрикъ:—я забылъ про игру.—Онъ оглянулся и увидѣлъ на столѣ свою биту и мячикъ.—Гдѣ современныя замѣны разговора? А, вотъ онѣ. Онъ толкнулъ ногой мячикъ къ лужайкѣ и сунулъ биту подъ мышку, какъ зонтикъ. — Кто первый выдумалъ будто жизнь есть дѣло серіозное? говорилъ онъ про себя, быстро ковыляя изъ бесѣдки.—Вотъ, я стою одною ногой въ гробу, а самый серіозный вопросъ для меня въ настоящую минуту: попаду ли я въ кольцо.

Арнольдъ и Бланка остались вдвоемъ.

Digitized by Google

Между всѣми преимуществами какими природа надѣлила женщинъ, самое завидное, конечно, хорошѣть глядя на любимаго человѣка. Когда глаза Бланки остановились на Арнольдѣ, ни безобразіе надутаго шиньйона, ни шляпка подобная тарелкѣ не въ силахъ были омрачить тройную прелесть молодости, красоты и нѣжности, сіявшую на ея лицѣ. Арнольдъ взглянулъ на нее, и ему представилось живѣе прежняго что онъ уѣзжаетъ съ первымъ поѣздомъ и оставляетъ съ нею не одного плѣненнаго юношу своихъ лѣтъ. Проживъ двѣ недѣли подъ одною кровлей съ нею, онъ убѣдился что Бланка очаровательнѣйшая дѣвушка въ свѣтѣ. Можетъ-быть, она не обидится смертельно, если онъ это скажетъ ей. Онъ рѣшился сказать въ настоящую благопріятную минуту.

Но кто возьмется измѣрить бездну лежащую между намѣреніемъ и исполненіемъ? Арнольдъ твердо рѣшился высказаться. И что же за тѣмъ послѣдовало? Увы! слабость человѣческая! Не послѣдовало ничего кромѣ молчанія.

— Вы какъ будто не въ духѣ, мистеръ Бринквортъ? сказала Бланка.—Что говорилъ вамъ сэръ-Патрикъ? Дядя надо всѣми упражняетъ свое остроуміе. И надъ вами также?

Арнольду началъ виднѣться путь; правда, неизмѣримо далеко, но все-таки путь виднѣлся.

— Сэръ-Патрикъ ужасный старикъ, отвѣчалъ онъ. — Сейчасъ, предъ тѣмъ какъ вы пришли, онъ угадалъ одну мою тайну, только взглянувъ мнѣ въ лицо.

Онъ остановился, собрался съ духомъ, сдѣлалъ усиліе и бряknулъ прямо:

— Желалъ бы я знать, по дядюшкѣ ли вы пошли?

Бланка тотчасъ же поняла его. Будь у ней время, она поводила бы его и постепенно довела бы до цѣли. Но черезъ двѣ минуты будетъ очередь Арнольда играть.

„Онъ хочетъ сдѣлать мнѣ предложеніе“, подумала Бланка. „У него есть на это около минуты. Пусть же сдѣлаетъ.“

— Какъ! воскликнула она. — Вы думаете что у насъ угадчивость въ семействѣ.

— Хорошо еслибъ было такъ, сказалъ Арнольдъ.

— Почему же? спросила она.

— Еслибы вы могли видѣть въ лицѣ моемъ что видѣлъ сэръ-Патрикъ....

Стоило ему только окончить фразу, и дѣло сдѣлано. Но нѣжная страсть причудливо сама себѣ создаетъ препятствія.

Digitized by Google

Внезапная робость овладѣла Арнольдомъ въ критическую минуту. Онъ остановился самымъ неловкимъ образомъ.

Бланка слышала съ лужайки ударъ биты о мячикъ и смѣхъ возбужденный какимъ-нибудь промахомъ сэръ-Патрика. Драгоцѣнныя секунды уходятъ. Она готова была побить Арнольда за то что онъ такъ безтолково боится ея.

— Ну что же, сказала она нетерпѣливо, — еслибъ я могла читать въ вашемъ лицѣ, что жъ бы я прочла?

Арнольдъ собралъ смѣлость.

— Вы прочли бы что я нуждаюсь въ нѣкоторомъ ободреніи, отвѣчалъ онъ.

— Отъ меня?

— Да.

Бланка оглянулась черезъ плечо. Бесѣдка стояла на возвышенности, къ которой вели ступени. Игроковъ на лужайкѣ внизу было слышно, но не видно. Кто-нибудь изъ нихъ могъ каждую минуту появиться неожиданно. Бланка прислушалась. Не слышно было приближающихся шаговъ. Водворилась тишина. Потомъ опять раздался ударъ биты по мячику и аплодисменты. Сэръ-Патрикъ былъ человѣкъ привилегированный. Ему, вѣроятно, позволили попытаться второй разъ, и вторичная попытка оказывалась удачною. Слѣдовательно, нѣсколько секундъ выиграно. Бланка опять взглянула на Арнольда.

— Считайте себя ободреннымъ, прошептала она, и тотчасъ же прибавила, съ неизмѣннымъ женскимъ инстинктомъ самообороны: — въ извѣстныхъ границахъ.

— Считайте себя любимою безгранично, вырвалось у Арнольда.

Кончено. Слова сказаны. Онъ схватилъ ее за руку. Опять причудливость нѣжной страсти обнаружилась сильнѣе прежняго. Признаніе, котораго Бланка ждала съ замираніемъ сердца, едва вырвалось, какъ она протестовала противъ него. Она старалась высвободить руку; она требовала чтобъ Арнольдъ пустилъ ее.

Арнольдъ только крѣпче ее держалъ.

— Попробуйте полюбить меня хоть немножко, просилъ онъ,—я такъ васъ люблю!

Кто могъ устоять противъ такой просьбы, особенно уже любя его втайнѣ, и зная что чрезъ минуту помѣшаютъ? Бланка перестала противиться и съ улыбкой [подняла глаза на своего моряка.

Digitized by Google

— Вы на торговыхъ судахъ выучились такъ объясняться въ любви? спросила она кокетливо.

Арнольдъ упорно смотрѣлъ на дѣло съ серіозной точки зрѣнія.

— Я опять уйду въ море, если прогнѣвилъ васъ, сказалъ онъ.

Бланка дала еще дозу ободренія.

— Гнѣвъ, мистеръ Бринквортъ, дурное чувство, отвѣчала она съ важнымъ видомъ.—Молодой дѣвушкѣ, порядочно воспитанной, чужды дурныя чувства.

Вдругъ съ лужайки поднялся крикъ: „Мистеръ Бринквортъ!“ Бланка попыталась толкнуть Арнольда въ дверь. Арнольда нельзя было сдвинуть съ мѣста.

— Скажите мнѣ что-нибудь что ободрило бы меня, просилъ онъ.—Тогда я пойду. Довольно одного слова. Скажите: да.

Бланка покачала головой. Теперь, когда дѣло рѣшено, какъ же не помучить его?

— Невозможно, отвѣчала она.—Если вамъ нужно еще ободреніе, такъ переговорите съ дядей.

— Я переговорю съ нимъ нынче же предъ отъѣздомъ, воскликнулъ Арнольдъ.

Опять раздался крикъ: „Мистеръ Бринквортъ!“ Бланка опять попыталась выпроводить его.

— Идите, сказала она.—Да смотрите, попадайте въ цѣль.

Обѣ руки ея лежали у него на плечахъ; лицо ея было у самаго его лица, устоять было невозможно. Арнольдъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Что ему говорить чтобъ онъ попалъ въ цѣль? Развѣ уже не попалъ онъ въ цѣль свою? Бланка смолкла. Отъ послѣдняго подвига Арнольда въ дѣлѣ ухаживанія у нея захватило духъ. Не успѣла она оправиться какъ послышался явственно звукъ приближающихся шаговъ. Арнольдъ еще разъ обнялъ ее и выбѣжалъ вонъ.

Она упала на ближайшій стулъ и закрыла глаза въ упоительномъ смущеніи.

Шаги все приближались. Бланка открыла глаза и увидѣла что предъ ней стоитъ Анна Сильвестеръ, одна, и глядитъ на нее. Она вскочила и порывисто обняла Анну.

— Вы не знаете что случилось, шептала она.—Поздравьте меня, моя милая. Онъ сказалъ рѣшительное слово. Онъ мой на всю жизнь!

Вся долголѣтняя привязанность, все довѣріе сестры выра-

Digitized by Google

зилось въ этомъ поцѣлуѣ и въ тонѣ какимъ сказаны были эти слова. Казалось, эти двѣ дѣвушки были не менѣе близки другъ другу чѣмъ матери ихъ въ былое время. Однако еслибы Бланка взглянула въ лицо Анны въ эту минуту, она увидала бы что мысли подруги далеко отъ незатѣйливой повѣсти ея любви.

— Вы знаете кто? продолжала она, не дождавшись отвѣта.

— Мистеръ Бринквортъ?

— Конечно. Кто же иначе?

— И вы въ самомъ дѣлѣ счастливы, милая моя?

— Счастлива, повторила Бланка.—Я внѣ себя отъ радости. Я люблю его, люблю, люблю его! воскликнула она, находя дѣтское удовольствіе въ повтореніи этихъ словъ.

Тяжкій вздохъ былъ отвѣтомъ на ихъ. Бланка тотчасъ же взглянула въ лицо Анны.

— Что съ вами? спросила она, внезапно мѣняя голосъ.

— Ничего.

Такъ нельзя было отдѣлаться отъ Бланки.

— Что-нибудь да есть, сказала она.—Не деньги ли? прибавила она, подумавъ минуту.—Можетъ-быть надо уплатить по счетамъ? У меня много денегъ, Анна. Я дамъ вамъ взаймы сколько хотите.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой.

Бланка отошла немного обиженная. Анна въ первый разъ въ жизни отдаляла ее отъ себя.

— Я говорю вамъ всѣ мои секреты, сказала она.—Зачѣмъ вы что-то отъ меня скрываете? Вы уже нѣсколько времени видимо встревожены и разстроены. Можетъ-быть, вамъ не нравится мистеръ Бринквортъ? Нѣтъ? Онъ вамъ нравится? Такъ не оттого ли что я выхожу замужъ? Я думаю, отъ этого. Вы воображаете что мы разстанемся, глупенькая? Да развѣ я могу жить безъ васъ? Само собою разумѣется что когда я выйду замужъ за Арнольда, вы поселитесь у насъ. Это рѣшено, не правда ли?

Анна вдругъ, почти рѣзко, отвернулась отъ Бланки и указала на крыльцо.

— Кто-то идетъ, сказала она.—Поглядите.

Шелъ Арнольдъ. Очередь играть была за Бланкой. Онъ вызвался привести ее.

Вниманіе Бланки, легко отвлекаемое обыкновенно, оставалось прикованнымъ къ Аннѣ.

Digitized by Google

— Вы сами на себя не похожи, сказала она.—Я должна знать почему. Я подожду до ночи, тогда вы придете въ мою комнату и скажете мнѣ. Не глядите такъ. Вы должны сказать мнѣ. А пока вотъ вамъ поцѣлуй на прощаніе.

Она пошла къ Арнольду и тотчасъ же развеселилась какъ только взглянула на него.

— Ну, что? Попали вы въ кольцо?

— Не до кольца теперь. Я намекнулъ сэръ-Патрику.

— Какъ? При всемъ обществѣ?

— Конечно нѣтъ. Мы условились переговорить здѣсь.

Они смѣясь сошли съ крыльца и присоединились къ играющимъ.

Оставшись одна, Анна Сильвестеръ тихо перешла во внутреннюю, болѣе темную часть бесѣдки. Зеркало въ рѣзной деревянной рамѣ висѣло на боковой стѣнѣ. Она остановилась и взглянула въ него, взглянула и содрогнулась предъ отраженіемъ своего собственнаго лица.

„Неужели, проговорила она про себя, — наступаетъ время когда даже Бланка увидитъ по лицу моему что я такое?“

Она отвернулась отъ зеркала. Со внезапнымъ крикомъ отчаянія она подняла руки вверхъ, приложила [illegible]къ стѣнѣ и склонила на нихъ голову, обернувшись спиною къ свѣту. Въ ту же минуту въ дверяхъ показалась, чернѣя на солнцѣ, фигура мущины. Мущина этотъ былъ Джофри Деламенъ.

ГЛАВА IV.

Пара.

Онъ приблизился на нѣсколько шаговъ и остановился. Погруженная въ свою думу, Анна не замѣчала его. Она не двигалась.

— Я пришелъ, такъ какъ вы этого требовали, сказалъ онъ глухо.—Но, говорю вамъ опять, это опасно.

На звукъ его голоса Анна обернулась къ нему. Когда она выходила изъ глубины бесѣдки, въ лицѣ ея появилось новое выраженіе, придававшее ей сходство съ матерью, незамѣтное обыкновенно. Какъ мать нѣкогда глядѣла на человѣка бросившаго ее, такъ дочь глядѣла на Джофри Деламена, съ тѣмъ же страшнымъ спокойствіемъ и тѣмъ же страшнымъ презрѣніемъ.

Digitized by Google

— Ну? спросилъ онъ:—что вы хотите сказать мнѣ?

— Мистеръ Деламенъ, отвѣчала она.—Вы одинъ изъ счастливцевъ міра сего. Вы сынъ лорда. Вы красивый мущина. Васъ любятъ товарищи. Васъ принимаютъ радушно въ лучшихъ домахъ Англіи. Не окажетесь ли вы вдобавокъ ко всему этому трусомъ и негодяемъ?

Онъ дрогнулъ, открылъ ротъ, удержался и попытался отдѣлаться смѣхомъ.

— Полноте, сказалъ онъ,—будьте спокойны.

— Быть спокойной! повторила она.—Вы ожидаете отъ меня спокойствія? Какая же память у васъ? Развѣ забыли вы время когда я имѣла глупость вѣрить что вы меня любите? имѣла безуміе предполагать что вы способны сдержать обѣщаніе?

Онъ все старался отдѣлаться смѣхомъ.

— Безуміе сильное слово, миссъ Сильвестеръ.

— Именно безуміе. Я припоминаю свое ослѣпленіе и не могу объяснить себѣ его. Я сама себя не понимаю. Что въ васъ, спросила она съ презрительнымъ удивленіемъ,—могло увлечь такую женщину какъ я?

Его несокрушимое добродушіе устояло даже противъ этого. Онъ опустилъ руки въ карманы и отвѣтилъ:

— Право не знаю.

Она отвернулась отъ него. Грубая откровенность отвѣта не оскорбила ея. Она жестоко напомнила ей что некого осуждать кромѣ себя самой. Она только не хотѣла показать ему какъ тяжело ей воспоминаніе. Печальная исторія, а разказать ее надо. При матери она была кроткимъ, милымъ ребенкомъ. Позднѣе, подъ надзоромъ подруги матери, дѣвичьи годы ея прошли такъ невинно и счастливо; казалось, дремлющія страсти никогда не проснутся. Настало время, роскошно раскрылся цвѣтъ ея женственности, и вотъ въ одну роковую минуту она отдала его безразсудно мущинѣ стоявшему теперь предъ ней.

И никакого нельзя ей найти оправданія? Нѣтъ, нѣкоторое оправданіе можно найти.

Она видѣла его не въ такомъ видѣ какъ теперь. Она видѣла его героемъ лодочной гонки, первымъ въ испытаніи искусства и силы, возбудившимъ восторгъ всей Англіи. Она видѣла его предметомъ сочувствія цѣлаго народа, любимцемъ и кумиромъ толпы. Крѣпость рукъ его прославлялась въ

Digitized by Google

газетахъ. Онъ былъ первый между героями, которыхъ десятки тысячъ голосовъ привѣтствовали какъ славу и надежду Англіи. Дѣвушка, среди атмосферы пропитанной горячимъ энтузіазмомъ, видитъ обоготвореніе физической силы. Разумно ли, справедливо ли требовать чтобъ она хладнокровно спросила себя: какую слѣдуетъ всему этому приписать нравственную цѣну, когда обоготворяемый герой замѣчаетъ ее, знакомится съ ней, даетъ ей почувствовать что она ему нравится, предпочитаетъ ее другимъ? Нѣтъ, пока люди будутъ людьми, этой женщинѣ найдется оправданіе. Не была ли она наказана?

Посмотрите на нее какъ стоитъ она тутъ, мучимая сознаніемъ своей тайны, той страшной тайны которую она скрываетъ отъ невинной дѣвушки, любящей ее сестринскою любовью. Посмотрите какъ подавлена она униженіемъ, невыразимымъ въ словахъ. Теперь, когда уже поздно, она увидѣла что̀ кроется въ немъ подъ внѣшнею оболочкой. Она знаетъ ему настоящую цѣну. Теперь, когда репутація ея въ его рукахъ. Спросите ее: что̀ нашли вы достойнаго любви въ человѣкѣ который способенъ говорить съ вами какъ говоритъ этотъ человѣкъ, который способенъ такъ обращаться съ вами какъ онъ теперь? Вы, умная, образованная, развитая дѣвушка, что̀, Бога ради, нашли вы въ немъ? Спросите ее, и она не найдетъ отвѣта. Она даже не напомнитъ вамъ что онъ былъ когда-то и для васъ образцомъ мужественной силы, что и вы махали платкомъ сколько силъ хватало когда онъ садился съ товарищами въ лодку, что сердце ваше готово было изъ груди выскочить когда онъ на бѣгу опередилъ головой соперниковъ. Мучимая раскаяніемъ, она и въ этомъ не будетъ искать себѣ оправданія. Развѣ не видно въ ней искупляющаго страданія? Неужели вы не можете ей сочувствовать? Неужели вы съ негодованіемъ отворачиваетесь отъ такой личности? Послѣдите за нею, друзья добродѣтели, на тернистомъ пути ведущемъ къ болѣе чистой, болѣе высокой жизни. Ближній вашъ, согрѣшившій и раскаявшійся, очищается и облагораживается. Ангелы радуются ему. Неужели, о, братія и сестры мои на землѣ, изображаемая мною женщина недостойна стать рядомъ съ вами?

Въ бесѣдкѣ на минуту водворилось молчаніе. Веселая суетня гостей на лужайкѣ пріятно слышалась издали. Тамъ слышались живые голоса, дѣвичій смѣхъ, стукъ биты о мячикъ. Здѣсь женщина, съ трудомъ сдерживавшая горькія слезы стыда, стояла одна предъ мущиной которому она наскучила.

Digitized by Google

Она сдѣлала усиліе надъ собой. Въ ней была материнская кровь, была искра материнскаго духа. Жизнь ея зависѣла отъ исхода этого свиданія. У ней не было ни отца, ни брата, которые бы заступились за нее, не слѣдовало терять послѣдней надежды тронуть его. Она отерла слезы. Будетъ еще время плакать. Она отерла слезы и заговорила съ нимъ болѣе ласковымъ голосомъ.

— Вы провели три недѣли, Джофри, въ имѣніи брата вашего Юлія, въ десяти миляхъ отсюда, и ни разу не заѣхали навѣстить меня. Вы не пріѣхали бы и сегодня, еслибъ я не написала вамъ и не потребовала этого. Чѣмъ заслужила я такое обращеніе?

Она остановилась. Отвѣта не было.

— Слышите ли вы меня? спросила она, подходя къ нему ближе и возвышая голосъ.

Онъ все молчалъ. Презрѣніе выказываемое имъ было невыносимо. Признаки грозящей вспышки начинали показываться въ ея лицѣ. Онъ противопоставлялъ ей невозмутимое равнодушіе. Пока ждалъ въ цвѣтникѣ, онъ страшился этого свиданія, но теперь, стоя предъ ней, онъ совершенно владѣлъ собой. Онъ настолько былъ спокоенъ что вспомнилъ про свою трубку, которую не вложилъ въ футляръ, и тутъ же поправилъ эту оплошность.

— Продолжайте, сказалъ онъ, вынимая трубку изъ одного кармана и футляръ изъ другаго.—Продолжайте, я васъ слушаю.

Она вышибла трубку у него изъ рукъ, еслибы хватило силы, она сшибла бы съ ногъ его самого.

— Какъ вы смѣете такъ обращаться со мною? вскричала она внѣ себя. — Ваше поведеніе безстыдно. Чѣмъ оправдаете вы его?

Онъ и не пытался его оправдывать. Онъ поглядѣлъ съ неподдѣльною заботой на упавшую трубку. Она была прекрасно обкурена; онъ заплатилъ за нее десять шиллинговъ.

— Я прежде подниму трубку, сказалъ онъ.

Лицо его прояснилось, онъ даже похорошѣлъ осмотрѣвъ эту драгоцѣнность.—„Ничего“, сказалъ онъ про себя, цѣла“—и вложилъ трубку въ футляръ. Когда онъ опять взглянулъ на Анну, въ наружности его выражалась непринужденная привѣтливость, свойственная спокойной силѣ.

Digitized by Google

— Сообразите сами, сказалъ онъ самымъ разсудительнымъ тономъ, — что за польза кричать на меня? Вѣдь не хотите же вы чтобы васъ услыхали на лужайкѣ? Вы, женщины, всѣ одинаковы. Вамъ въ голову никакъ не вобьешь осторожность, что ни дѣлай.

Онъ остановился, ожидая что она заговоритъ. А она съ своей стороны ждала и принудила его продолжать.

— Намъ не зачѣмъ ссориться, началъ онъ опять. — Я не намѣренъ отступать отъ моего обѣщанія. Но что же мнѣ дѣлать? Я не старшій сынъ. Каждая копѣйка которую я получаю зависитъ отъ доброй воли отца. Я и теперь уже не въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ. Вы хорошаго рода, и прекрасно воспитаны, все это такъ. А все-таки вы гувернантка. Поймите сами. Ваши интересы, точно такъ же какъ и мои, требуютъ подождать пока отецъ обезпечитъ меня. Это ясно какъ дважды-два. Если я женюсь на васъ, я человѣкъ погибшій.

Этотъ разъ она отвѣтила:

— Безсовѣстный! Если вы не женитесь на мнѣ, я погибшая женщина.

— Что вы хотите сказать?

— Вы знаете что я хочу сказать. Не глядите на меня такъ.

— Какъ же хотите вы чтобъ я глядѣлъ на женщину которая въ глаза называетъ меня безсовѣстнымъ?

Она вдругъ перемѣнила тонъ. Звѣрскій элементъ человѣческой природы, — пусть современные оптимисты, отрицающіе его существованіе, посмотрятъ внимательно на любаго необразованнаго человѣка (какъ бы ни былъ онъ развитъ физически), на женщину (какъ бы ни была она красива), на ребенка (какъ бы ни былъ онъ молодъ), — началъ просвѣчивать въ его глазахъ, безсознательно сказываться въ его голосѣ. Осуждать ли его за то какъ глядѣлъ онъ на нее, какъ говорилъ съ ней? Было ли въ его воспитаніи, школьномъ и университетскомъ, что-либо способное смягчить прирожденный ему звѣрскій элементъ? Да столько же почти сколько въ воспитаніи его предковъ, не знавшихъ ни школы, ни университета, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

Очевидно, кто-нибудь долженъ былъ уступить. Положеніе женщины было опаснѣе, она подала примѣръ смиренія.

— Не сердитесь на меня, сказала она просящимъ голосомъ. — Я вѣдь не сержусь на васъ. Я не могу сладить съ

Digitized by Google

моимъ характеромъ. Вы знаете какой у меня характеръ. Я жалѣю что забылась. Джофри! Вся моя будущность въ вашихъ рукахъ. Поступите ли вы со мною по справедливости?

Она подошла къ нему, она прикоснулась рукою къ его рукѣ.

— Вы не отвѣчаете мнѣ? Ни одного слова? Ни одного взгляда? — Она подождала минуту. Вдругъ въ ней произошла перемѣна. Она повернулась къ двери. — Извините что я обезпокоила васъ, мистеръ Деламенъ. Я не стану васъ долѣе задерживать.

Онъ поглядѣлъ на нее. Въ голосѣ ея было что-то чего онъ прежде не слыхивалъ. Въ глазахъ ея былъ блескъ какого онъ прежде не замѣчалъ. Внезапно и рѣзко онъ протянулъ руку и остановилъ ее.

— Куда вы идете? спросилъ онъ.

Она отвѣтила, глядя ему прямо въ лицо:

— Туда куда пошла уже прежде меня не одна несчастная женщина. На тотъ свѣтъ.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и сталъ всматриваться въ нее пристально. Даже онъ понялъ что довелъ ее до крайности, что это съ ея стороны не пустая угроза.

— Вы хотите наложить на себя руки? спросилъ онъ.

— Да, я хочу наложить на себя руки.

Онъ пустилъ ее. „Ей Богу, она это сдѣлаетъ!“ Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, онъ подвинулъ ей ногою стулъ, и далъ ей знакъ чтобъ она сѣла.

— Садитесь! сказалъ онъ рѣзко.

Она испугала его, а страхъ люди подобные ему рѣдко испытываютъ. Когда онъ овладѣваетъ ими, они сердятся, кричатъ и бранятся, и возмущаются противъ непривычнаго чувства.

— Садитесь! повторилъ онъ.

Она повиновалась.

— Что жъ вы не говорите мнѣ ни слова? спросилъ онъ съ ругательствомъ.

Она сидѣла неподвижно, равнодушная къ исходу, какъ можетъ быть равнодушна только женщина, когда она твердо рѣшилась. Онъ протелся по бесѣдкѣ, и вернулся къ ней, и сердито ударилъ рукой по спинкѣ ея стула.

— Чего вы хотите?

— Вы знаете чего я хочу.

Онъ опять протелся по комнатѣ. Дѣлать было нечего. Надо уступить или подвергнуться опасности скандала, который могъ дойти до ушей отца.

Digitized by Google

— Послушайте, Анна, сказалъ онъ отрывисто. — Мнѣ пришла мысль.

Она поглядѣла на него.

— Что вы скажете о тайномъ бракѣ?

Ничего не спрашивая, ничего не возражая, она отвѣтила:

— Я согласна на тайный бракъ.

Онъ тотчасъ же началъ вилять.

— Я, признаюсь, не знаю какъ это сдѣлать.....

Она прервала его.

— Я знаю какъ это сдѣлать.

— Какъ! воскликнулъ онъ подозрительно. — Вы ужь объ этомъ подумали?

— Подумала.

— И все устроили?

— И все устроила.

— Отчего вы мнѣ прежде не сказали?

Она отвѣчала гордо, требуя къ себѣ уваженія, на которое женщина имѣетъ право, особенно въ ея положеніи.

— Потому что вы обязаны были первый заговорить.

— Прекрасно. Я и заговорилъ первый. Согласны вы подождать немного?

— Ни одного дня.

Отвѣтъ былъ положительный. Очевидно, она твердо рѣшилась.

— Къ чему спѣшить?

— Или нѣтъ у васъ глазъ? спросила она порывисто. — Или нѣтъ у васъ ушей? или вы не видите какъ глядитъ на меня леди Лунди? Или вы не слышите какъ леди Лунди говоритъ со мной? Можетъ-быть, не далѣе какъ черезъ нѣсколько часовъ мнѣ предстоитъ быть постыдно выгнанною изъ этого дома.—Она опустила голову на грудь, ломая руки сжатыя на колѣняхъ.—О, Бланка!—простонала она, и слезы опять выступили у ней на глаза и полились этотъ разъ неудержимо.—Бланка уважаетъ меня! Бланка меня любитъ! Бланка еще сейчасъ на этомъ мѣстѣ предлагала мнѣ поселиться у нея, когда она выйдетъ за мужъ!—Она вскочила со стула; слезы вдругъ пропали; блѣдность отчаянія опять разлилась по лицу. — Пустите меня! Что значитъ смерть въ сравненіи съ тою жизнью которая ожидаетъ меня? — Она окинула его презрительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы, голосъ ея прозвучалъ громко и твердо: — Даже у васъ хватило бы силы умереть, еслибы вы были на моемъ мѣстѣ.

Digitized by Google

Джофри оглянулся на лужайку.

— Тише! сказалъ онъ: — васъ услышатъ.

— Пусть слышатъ! Не все ли мнѣ равно когда я ничего уже слышать не буду?

Онъ силою усадилъ ее на стулъ. Еще минуту, голосъ ея долетѣлъ бы до играющихъ сквозь смѣхъ и шумъ игры.

— Скажите чего вы хотите, началъ онъ. — Я все сдѣлаю. Только будьте разсудительны. Не могу я обвѣнчаться съ вами сегодня.

— Можете.

— Что за вздоръ! Домъ и садъ полны гостями. Это не возможно.

— Возможно. Я только объ этомъ и думала, съ тѣхъ поръ какъ мы сюда пріѣхали. Я предложу вамъ способъ. Согласны вы меня выслушать?

— Говорите тише.

— Согласны ли вы выслушать меня?

— Кто-то идетъ.

— Согласны вы меня выслушать, или нѣтъ?

— Чортъ бы взялъ ваше упрямство! Согласенъ!

Отвѣтъ былъ вынужденный. Однако она только и желала этого отвѣта. Впереди виднѣлась надежда. Какъ только онъ согласился ее выслушать, ей тотчасъ же представилась необходимость осторожности чтобы кто-нибудь случайно не засталъ ихъ въ бесѣдкѣ. Она подняла руку чтобъ онъ молчалъ и прислушалась.

Стукъ биты о мячикъ не раздавался болѣе на лужайкѣ. Игра прервалась.

Черезъ минуту Анна услышала что ее зовутъ по имени и знакомый голосъ сказалъ: „Я знаю, гдѣ она. Я ее приведу.“

Она повернулась къ Джофри и указала на заднюю часть бесѣдки.

— Моя очередь играть, сказала она.—Бланка идетъ сюда за мною. Подождите тамъ. Я остановлю ее на крыльцѣ.

Она тотчасъ же вышла. Минута была критическая. Еслибъ ихъ застали здѣсь, это было бы гибельно для обоихъ: для нея въ нравственномъ, для него въ денежномъ отношеніи. Джофри вѣрно передалъ отношенія свои къ отцу. Лордъ Гольчестеръ два раза уплатилъ его долги и съ тѣхъ поръ не пускалъ его къ себѣ на глаза. Оскорби онъ еще разъ чуткое чувство приличій отца, и онъ лишится наслѣдства, какъ

Digitized by Google

лишился уже доступа въ отцовскій домъ. Онъ сталъ искать выхода, чрезъ который можно было бы скрыться, въ случаѣ если нельзя будетъ войти въ переднее крыльцо. У задней стѣнки была дверь сдѣланная для прислуги въ то время какъ въ бесѣдкѣ устраивались пикники. Она отворялась наружу и была заперта. При его силѣ, не трудно было устранить это препятствіе. Онъ налегъ плечомъ на дверь, замокъ слетѣлъ, дверь распахнулась; въ эту минуту кто-то взялъ его за руку. Анна опять стояла подлѣ него, одна.

— Можетъ-быть, этотъ выходъ скоро понадобится вамъ, сказала она, глядя безъ удивленія на отворенную дверь.—Теперь онъ не нуженъ. Кто-нибудь будетъ играть за меня. Я сказала Бланкѣ что я нездорова. Сядьте. Я выиграла пять минутъ. Надо ими воспользоваться. Черезъ пять минутъ, можетъ-быть и скорѣе, леди Лунди придетъ сюда посмотрѣть что со мной дѣлается. А пока затворите дверь.

Она сѣла, и указала ему на другой стулъ. Онъ взялъ его, не сводя глазъ съ затворенной двери.

— Говорите скорѣе, сказалъ онъ. — Въ чемъ дѣло.

— Вы можете тайно обвѣнчаться со мною сегодня же, отвѣчала она. — Слушайте, я скажу вамъ какъ.

ГЛАВА V.

Планъ.

Она взяла его за руку и начала со всею убѣдительностью какою обладала:

— Прежде всего позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ, Джофри. Леди Лунди пригласила васъ погостить въ Виндигетсѣ. Приняли ли вы это приглашеніе, или ѣдете назадъ къ брату сегодня вечеромъ?

— Я не могу ѣхать сегодня. Тамъ отдали мою комнату одному посѣтителю. Я принужденъ оставаться здѣсь. Братъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ. Онъ помогаетъ мнѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а потомъ прижимаетъ меня. Онъ прислалъ меня сюда какъ представителя нашего семейства. Надо быть учтивымъ съ леди Лунди, меня и выбрали въ жертву.

Она ухватилась за послѣднее слово.

— Не приносите этой жертвы, сказала она.—Извинитесь предъ леди Лунди и скажите что вы принуждены ѣхать.

Digitized by Google

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ что мы должны оба отправиться отсюда сегодня. Это предположеніе представляло въ глазахъ Джофри двоякое неудобство. Уѣхавъ отъ леди Лунди, онъ лишитъ себя права требовать отъ брата денежнаго вспоможенія въ случаѣ нужды. И сверхъ того, если онъ уѣдетъ съ Анной, всѣ это замѣтятъ, и толки могутъ дойти до отца.

— Если мы уѣдемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ,—прощай мои надежды, да и ваши также.

— Я и не говорю что мы поѣдемъ вмѣстѣ, отвѣчала она.— Мы отправимся порознь: я прежде, а вы нѣсколько времени спустя.

— Васъ хватятся; поднимется крикъ.

— Послѣ игры въ мячикъ будутъ танцовать. Я не танцую. Меня не хватятся. Я успѣю уйти въ свою комнату. Я оставлю письмо къ леди Лунди, а другое.... (голосъ ея дрогнулъ) а другое къ Бланкѣ. Не прерывайте меня. Я все обдумала. Я представлю дѣло такъ какъ оно будетъ дѣйствительно чрезъ нѣсколько часовъ. Въ письмахъ моихъ будетъ сказано что я тайно обвѣнчана, и что мужъ мой неожиданно отозвалъ меня къ себѣ. Конечно, въ домѣ поднимется тревога, но не будетъ повода посылать меня отыскивать, такъ какъ я съ мужемъ. Ваше имя не будетъ произнесено, вамъ не предстоитъ никакихъ опасностей, никакихъ трудностей. Останьтесь здѣсь съ часъ послѣ того какъ я уйду, чтобы соблюсти приличія, а потомъ отправляйтесь за мной.

— Куда? спросилъ Джофри.

Она подвинулась къ нему и шепнула ему на ухо.

— На уединенный постоялый дворъ въ горахъ, четыре мили отсюда.

— На постоялый дворъ?

— Такъ что же?

— Постоялый дворъ мѣсто публичное.

— Это самое уединенное мѣсто въ околоткѣ. Тамъ нечего опасаться нескромныхъ глазъ. Поэтому я его и выбрала. Онъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, въ сторонѣ отъ шоссе; содержательница честная, почтенная Шотландка....

— Честныя, почтенныя Шотландки содержащія постоялые дворы не любятъ молодыхъ дамъ которыя путешествуютъ однѣ, вступился Джофри:—она васъ не приметъ.

Возраженіе было дѣльное, но не достигло цѣли. Женщина

Digitized by Google

рѣшившаяся обвѣнчаться во что̀ бы то ни стало способна опровергнуть возраженія цѣлаго свѣта.

— Я обо всемъ подумала, сказала она,—я подумала и объ этомъ. Я скажу хозяйкѣ что путешествую съ мужемъ послѣ свадьбы, что мужъ мой заглядѣлся на виды въ горахъ по сосѣдству....

— Она такъ и повѣритъ этому! сказалъ Джофри.

— Она, конечно, этому не повѣритъ. Пусть не вѣритъ. Какъ только вы явитесь и спросите свою жену, окажется справедливость моего разсказа. Пусть она будетъ сама подозрительность пока я одна у нея: какъ только вы появитесь, всѣ подозрѣнія будутъ устранены. Я свою роль выполню; а моя-то роль и трудна. Выполните ли вы свою?

Отвѣчать: „нѣтъ“, было невозможно. Она отрѣзала у него всякій исходъ. Онъ уклонился въ другую сторону. Только бы не сказать: да.

— Вы, вѣроятно, знаете какъ намъ обвѣнчаться? спросилъ онъ.—Что до меня касается, то я рѣшительно не понимаю.

— Нѣтъ, понимаете, отозвалась она.—Вамъ извѣстно что мы въ Шотландіи. Вамъ извѣстно что здѣсь для брака не требуется ни формальностей, ни церемоній. По моему плану, меня примутъ въ гостиницѣ, и вы просто и легко присоединитесь ко мнѣ. Остальное зависитъ отъ насъ. Мущинѣ и женщинѣ желающимъ обвѣнчаться (въ Шотландіи) стóитъ только добыть свидѣтелей, и дѣло сдѣлано. Если хозяйка разсердится потомъ что ее обманули, пусть сердится сколько угодно. Цѣль наша будетъ достигнута наперекоръ ей и, главное, достигнута безъ риска для васъ.

— Что̀ вы все обо мнѣ толкуете? отозвался Джофри.— Вы женщины ни въ чемъ не знаете удержу. Ну, положимъ что мы обвѣнчаны. Вѣдь намъ потомъ придется разъѣхаться, а иначе какъ же скрыть?

— Разумѣется. Вы вернетесь къ брату какъ ни въ чемъ не бывало.

— А что̀ станется съ вами?

— Я поѣду въ Лондонъ.

— Что̀ жь вы въ Лондонѣ будете дѣлать?

— Развѣ не сказала я вамъ что все уже обдумано. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я обращусь къ нѣкоторымъ старымъ друзьямъ моей матери, которые знали ее когда еще она была дѣвицей. Всѣ говорятъ что у меня есть голосъ, что

Digitized by Google

надо только обработать его. Я его обработаю. Я могу жить прилично концертами. У меня хватитъ денегъ на время ученія, да и друзья мои не оставятъ меня.

Итакъ въ планахъ ея для будущаго безсознательно отражалось прошедшее матери. Дочь хотѣла идти по стопамъ матери, сдѣлаться, какъ она, пѣвицей, какія ни принимались нѣкогда мѣры для предупрежденія этого. Какъ мать неправильно обвѣнчалась въ Ирландіи, такъ, при другихъ обстоятельствахъ, по другимъ причинамъ, дочь собиралась обвѣнчаться въ Шотландіи. И человѣкъ, на которомъ лежала отвѣтственность за такой поступокъ, былъ сынъ того человѣка который открылъ погрѣшность въ ирландскомъ бракѣ и по наставленію котораго мать была покинута мужемъ.

„Моя Анна вся въ меня. Она носитъ не отцовское имя, а мое, она, какъ я, Анна Сильвестеръ. Неужели она кончитъ также какъ я?“ Близилось разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса умирающей матери. Рокъ совершался; Анна стояла на порогѣ ожидавшей ее будущности.

— Ну, что же? начала она снова.—Кончили вы свои возраженія? Способны вы, наконецъ, отвѣтить мнѣ прямо?

Нѣтъ. Не успѣла она выговорить, какъ у него уже было готово новое возраженіе.

— А что если свидѣтели на постояломъ дворѣ знаютъ меня въ лицо? Что если отецъ мой узнаетъ черезъ нихъ?

— А что если вы уморите меня? воскликнула Анна вскочивъ со стула.—Даю вамъ слово что въ такомъ случаѣ отецъ вашъ непремѣнно узнаетъ всю правду.

Онъ всталъ въ свою очередь и отошелъ отъ нея. Она пошла за нимъ. Въ эту минуту на лужайкѣ послышались рукоплесканія. Кто-то, очевидно, сдѣлалъ блестящій ударъ, обѣщающій рѣшить игру. Теперь слѣдовало опасаться что Бланка опять придетъ. По окончаніи игры леди Лунди также освободится. Анна рѣшилась покончить разговоръ не медля ни минуты.

—Мистеръ Джофри Деламенъ, сказала она, — вы предложили тайный бракъ, я согласилась. Хотите вы или нѣтъ обвѣнчаться со мной, какъ сами вы предлагали?

— Дайте мнѣ минуту подумать.

— Ни секунды. Говорите: да, или нѣтъ.

Онъ и тутъ не могъ отвѣтить: да. Но отвѣтъ его равнялся согласію.

Digitized by Google

— Гдѣ этотъ постоялый дворъ? спросилъ онъ сердито.

Она взяла его подъ руку и быстро прошептала:

— Минуйте поворотъ вправо, ведущій къ желѣзной дорогѣ. Идите тропинкой черезъ лугъ, потомъ въ гору. Первый домъ который вы увидите и будетъ постоялый дворъ. Вы поняли?

Онъ, нахмурившись, кивнулъ головой и опять вынулъ трубку изъ кармана.

— Не троньте! сказалъ онъ, встрѣтивъ ея взглядъ.—У меня въ головѣ все перевернулось. Надо непремѣнно покурить. Какъ зовутъ этотъ постоялый дворъ?

— Крегъ Ферни.

— Кого же спросить мнѣ?

— Жену вашу.

— А если захотятъ узнать ваше имя, когда вы придете?

— Еслибы мнѣ пришлось назвать себя, такъ я назовусь мистрисъ Сильвестеръ. Но я постараюсь этого избѣгнуть. Вы, чтобы не ошибиться, просто спрашивайте жену-свою. Больше вамъ нечего спрашивать?

— Есть.

— Что же такое? Говорите скорѣе.

— Какъ я узнаю что вы отправились?

— Если черезъ полчаса вы отъ меня ничего не услышите, значитъ я ушла. Тише.

Два голоса слышались у крыльца, голосъ леди Лунди и сэръ-Патрика. Анна указала на дверь въ задней стѣнѣ. Едва успѣла она притворить ее за Джофри, какъ леди Лунди и сэръ-Патрикъ появились у входа.

ГЛАВА VI.

Женихъ.

Леди Лунди многозначительно указала на дверь и сказала вполголоса сэръ-Патрику:

— Замѣтьте, миссъ Сильвестеръ только что выпроводила кого-то.

Сэръ-Петрикъ тщательно глядѣлъ въ другую сторону и самымъ учтивымъ образомъ ничего не замѣтилъ.

Леди Лунди вошла въ бесѣдку. Подозрительная ненависть къ гувернанткѣ написана была въ каждой чертѣ ея лица, подозрительная недовѣрчивость къ болѣзни гувернантки слышалась въ каждомъ звукѣ ея голоса.

Digitized by Google

— Позвольте освѣдомиться, миссъ Сильвестеръ, о состояніи вашего здоровья.

— Все также, леди Лунди.

— Виновата, я не разслышала.

— Я говорю что чувствую себя все также.

— Вы однако, повидимому, можете стоять на ногахъ. Я не такъ счастлива. Когда я больна, я принуждена бываю лечь въ постель.

— Я послѣдую вашему примѣру, леди Лунди. Если вы позволите, я васъ оставлю и лягу въ своей комнатѣ.

Она болѣе не въ состояніи была говорить. Свиданіе съ Джофри изнурило ее. У ней не хватало уже силы вынести мелочную злобу женщины, послѣ того какъ она выдержала грубое равнодушіе мущины. Еще минута, и сдерживаемое страданіе выразилось бы въ истерическихъ слезахъ. Не дожидаясь отвѣта, она вышла изъ бесѣдки.

Великолѣпные черные глаза леди Лунди открылись во всю ширину и засверкали всѣмъ ослѣпительнымъ блескомъ своимъ. Она обратилась къ сэръ-Патрику, который, граціозно опершись на свою палку, глядѣлъ на лужайку съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Послѣ того что̀ я сказала вамъ, сэръ-Патрикъ, о поведеніи миссъ Сильвестеръ, позвольте спросить, удивляетъ ли васъ подобная выходка?...

Старикъ подавилъ пружинку въ набалдашникѣ и отвѣчалъ съ изысканною любезностью старой школы:

— Ничто не удивляетъ меня, леди Лунди, со стороны вашего прекраснаго пола.

Онъ поклонился и понюхалъ; граціознымъ взмахомъ руки сбросилъ съ пальцевъ нѣсколько оставшихся зеренъ табаку, потомъ опять обратился къ окну и внимательнѣе прежняго погрузился въ созерцаніе забавъ молодыхъ пріятелей своихъ на лужайкѣ.

Леди Лунди стояла на своемъ, твердо рѣшившись, какъ видно, принудить свояка высказаться серіозно. Не успѣла она опять заговорить, какъ Арнольдъ и Бланка появились вмѣстѣ у крыльца.

— Когда же начнутъ танцовать? • освѣдомился сэръ-Патрикъ, ковыляя имъ на встрѣчу, какъ будто этотъ вопросъ крайне интересовалъ его.

Digitized by Google

— Я только-что хотѣла спросить маменьку? отозвалась Бланка.—Она вѣдь тутъ, съ Анной? Что, Аннѣ лучше?

Леди Лунди тотчасъ же вышла и сама отвѣтила на этотъ вопросъ.

— Миссъ Сильвестеръ ушла къ себѣ въ комнату. Миссъ Сильвестеръ непремѣнно хочетъ считаться больною. Замѣтили ли вы, сэръ-Патрикъ, что эти полувоспитанные люди всегда становятся грубы, когда нездоровы?

Бланка покраснѣла.

— Если вы считаете Анну полувоспитанною, леди Лунди, такъ вы однѣ такого мнѣнія. Дядя, я увѣрена, несогласенъ съ вами.

Заботливость сэръ-Патрика о началѣ танцевъ возрасла до мучительной степени.

— Прошу васъ, другъ мой, скажите мнѣ, скоро ли наконецъ начнутъ танцовать?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, вступилась леди Лунди,— чтобы Бланка не успѣла еще разъ побраниться со мной за миссъ Сильвестеръ.

Бланка взглянула на дядю.

— Начинайте! Начинайте! Не теряйте времени! вскричалъ пылкій сэръ-Патрикъ указывая на домъ тростью.

— Сейчасъ, дядюшка, *ваши* желанія я всегда готова исполнить.

Съ этою прощальною колкостью мачихѣ Бланка удалилась. Арнольдъ, молча ждавшій до сихъ поръ у крыльца, умильно взглянулъ на сэръ-Патрика. Поѣздъ, который повезетъ его въ новополученное имѣніе, отъѣзжаетъ черезъ часъ, а онъ еще не успѣлъ представиться опекуну Бланки въ качествѣ искателя руки ея. Но сэръ-Патрикъ оставался неприступенъ всѣмъ притязаніямъ какъ ненависти, такъ и любви. Стоитъ онъ себѣ опершись на свою трость, и напѣваетъ старую шотландскую пѣсню. А подлѣ него стоитъ леди Лунди, рѣшившаяся не отставать отъ него, пока не заставитъ его смотрѣть на гувернантку ея глазами, судить гувернантку по ея понятіямъ. Она снова приступила къ нему, не стѣсняясь присутствіемъ Арнольда. (Враги ея говорили: не диво что бѣдный сэръ-Томасъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы! И, увы! враги наши подчасъ бываютъ правы!)

— Не могу еще разъ не замѣтить вамъ, сэръ-Патрикъ, что я имѣю причины считать дружественныя отношенія къ миссъ Сильвестеръ опасными для Бланка. У моей гувернантки что-

Digitized by Google

то на умѣ. Она плачетъ тайкомъ. Она встаетъ и ходитъ по комнатѣ, когда ей слѣдовало бы спать. Она сама носитъ на почту свои письма, и наконецъ она, въ послѣднее время, стала очень грубить мнѣ. Тутъ что-то не такъ. Я вынуждена принять нѣкоторыя мѣры, и считаю долгомъ спросить вашего мнѣнія, какъ главы семейства.

— Я отрекаюсь отъ моей власти въ вашу пользу, леди Лунди.

— Сэръ-Патрикъ, прошу васъ замѣтить что я говорю серіозно и ожидаю серіознаго отвѣта.

— Требуйте чего вамъ угодно, я весь къ вашимъ услугамъ, а серіознаго отвѣта не давалъ я съ тѣхъ поръ какъ оставилъ адвокатуру. Въ мои года, продолжалъ сэръ-Патрикъ, ловко переходя къ общимъ соображеніямъ,—ничто не серіозно кромѣ разстройства желудка. Я говорю, какъ философъ: жизнь комедія для того кто мыслитъ, и трагедія для того кто чувствуетъ. Дорогая леди Лунди, зачѣмъ же чувствовать? докончилъ онъ, цѣлуя руку свояченицы.

Леди Лунди, никогда ничего не чувствовавшая въ жизни, на этотъ разъ непремѣнно хотѣла „чувствовать“. Она обидѣлась и не скрыла этого.

— Когда слѣдующій разъ вамъ придется судить о поведеніи миссъ Сильвестеръ, сэръ-Патрикъ, сказала она,—если я не совсѣмъ ошибаюсь, вы будете вынуждены посмотрѣть на этотъ вопросъ какъ на дѣло не шуточное. Съ этими словами она вышла изъ бесѣдки и оставила сэръ-Патрика одного, къ великой радости Арнольда.

Случай былъ прекрасный. Гости ушли въ домъ. Нечего было опасаться что кто-нибудь помѣшаетъ.

Арнольдъ приблизился. Сэръ-Патрикъ, нисколько не смущенный послѣдними словами леди Лунди, усѣлся въ бесѣдкѣ, не замѣчая своего юнаго друга, и предложилъ самъ себѣ вопросъ, основанный на глубокомъ знаніи женщины:

— Случалось ли когда-нибудь чтобы двѣ женщины ссорящіяся между собою не постарались втянуть въ свою ссору мущину? Пусть попробуютъ втянуть меня.

Арнольдъ подошелъ еще и скромно возвѣстилъ о своемъ присутствіи.

— Надѣюсь что я не мѣшаю вамъ, сэръ-Патрикъ.

— Нисколько! Господа, какой серіозный видъ у этого юноши! Ужь не собираетесь ли и вы обратиться ко мнѣ какъ ко главѣ семейства?

Digitized by Google

Это именно Арнольдъ и собирался сдѣлать. Но еслибъ онъ тутъ же сознался въ своемъ намѣреніи, сэръ-Патрикъ, очевидно, по какимъ-то непонятнымъ причинамъ, не сталъ бы слушать его. Онъ отвѣтилъ осторожно:

— Я просилъ позволенія посовѣтоваться съ вами, и вы были такъ добры что обѣщали удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ до отъѣзда моего изъ Виндигетса.

— Такъ, такъ! Конечно. Помню. Мы оба тогда были заняты серіознымъ дѣломъ — игрою въ мячикъ — и неизвѣстно кто изъ насъ обнаруживалъ въ этомъ дѣлѣ менѣе ловкости. Прекрасно. Теперь время удобное. Я къ вашимъ услугамъ со всею моею опытностью. Только предостерегаю васъ объ одномъ. Не обращайтесь ко мнѣ какъ ко главѣ семейства. Я отрекся въ пользу леди Лунди.

Онъ, по обыкновенію, говорилъ полушутя, полусеріозно. Насмѣшливая складка показалась на углахъ губъ. Арнольдъ не зналъ какъ заговорить съ сэръ-Патрикомъ о его племянницѣ, не упоминая, съ одной стороны, о положеніи его въ семействѣ, а съ другой, не подвергая себя стрѣламъ его остроумія. Въ такомъ затрудненіи, онъ съ самаго начала сдѣлалъ ошибку. Онъ замялся.

— Не торопитесь, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Соберитесь хорошенько съ мыслями. Я подожду. Я подожду.

Арнольдъ собрался съ мыслями и сдѣлалъ вторую ошибку. Онъ рѣшился предварительно осторожно сондировать почву. Въ данныхъ обстоятельствахъ, съ такимъ человѣкомъ какого онъ имѣлъ предъ собою, это былъ чуть ли не самый опасный образъ дѣйствія. Все равно какъ еслибы мышь задумала перехитрить кошку.

— Вы очень добры что позволяете мнѣ воспользоваться вашею опытностью, сказалъ онъ. — Мнѣ нужно спросить у васъ совѣта.

— Не спросить ли вамъ его сидя? предложилъ сэръ-Патрикъ.—Возьмите стулъ.

Зоркіе глаза его слѣдили за Арнольдомъ съ выраженіемъ насмѣшливой веселости. „Ему нужно моего совѣта, думалъ онъ.— Никакого совѣта ему не нужно. Ему нужно мою племянницу.“

Арнольдъ сѣлъ, предчувствуя внутренно что не мало придется ему вытерпѣть отъ языка сэръ-Патрика.

— Я еще молодъ, заговорилъ онъ, тревожно двигая стулъ.— Я начинаю новую жизнь....

Digitized by Google

— Стулъ непокоенъ? спросилъ сэръ-Патрикъ. — Начните новую жизнь удобно. Возьмите другой.

— Стулъ очень покоенъ. Согласились ли бы вы....

— Остаться на этомъ стулѣ, если онъ покоенъ? Конечно.

— Нѣтъ. Согласились ли бы вы посовѣтовать мнѣ....

— Я готовъ совѣтовать вамъ сколько угодно. Рѣшительно, вамъ не покойно на этомъ стулѣ. Зачѣмъ упрямиться? Не лучше ли взять другой?

— Пожалуста, не обращайте вниманія на стулъ, сэръ-Патрикъ; вы меня сбиваете. Я хочу.... словомъ.... можетъ-быть, вопросъ мой страненъ.

— Не могу сказать, пока не услышу. Но допустимъ что вопросъ вашъ страненъ. Употребимъ, если хотите, даже болѣе сильныя выраженія. Скажемъ что это самый необыкновенный вопросъ, который когда-либо, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, одинъ человѣкъ предлагалъ другому.

— Дѣло вотъ въ чемъ! воскликнулъ Арнольдъ съ отчаяніемъ.—Я хочу жениться.

— Это не вопросъ, возразилъ сэръ-Патрикъ.—Это просто заявленіе факта. Вы говорите: я хочу жениться. А я отвѣчаю: такъ. И дѣло кончено.

У Арнольда закружилась голова.

— Посовѣтуете ли вы мнѣ жениться? сказалъ онъ жалобно.—Вотъ что мнѣ хотѣлось бы знать.

— А! Такъ вотъ предметъ нашего совѣщанія? Посовѣтую ли я вамъ жениться? Вотъ что!

Поймавъ мышь, кошка приподняла лапу и дала несчастному созданію перевести духъ. Если были до сихъ поръ нѣкоторыя признаки нетерпѣнія въ тонѣ сэръ-Патрика, они вдругъ пропали и смѣнились самымъ любезнымъ участіемъ. Онъ подавилъ пружину въ своемъ набалдашникѣ и съ великимъ удовольствіемъ понюхалъ табачку.

— Посовѣтую ли я вамъ жениться? повторилъ сэръ-Патрикъ.—Вопросъ этотъ можно разобрать двояко: кратко и обстоятельно. Я полагаю лучше разобрать его кратко. Какъ вы думаете? Прекрасно. Позволите ли вы мнѣ сначала предложить вамъ вопросъ относящійся къ вашей прошлой жизни?

— Безъ сомнѣнія.

— Прекрасно. Когда вы служили на купеческихъ судахъ, случалось ли вамъ когда-нибудь закупать припасы на берегу?

Digitized by Google

Арнольдъ вытаращилъ глаза. Онъ не могъ постигнуть какъ вяжется такой вопросъ съ дѣломъ о которомъ они говорятъ. Онъ отвѣчалъ съ явнымъ изумленіемъ.

— Случалось очень часто.

— Я не отклоняюсь отъ дѣла, продолжалъ сэръ-Патрикъ.— Не удивляйтесь; я отъ дѣла не отклоняюсь. Что вы думали о подмоченномъ сахарѣ, когда покупали его?

— Что я думалъ? повторилъ Арнольдъ.—Я думалъ что это подмоченный сахаръ, больше ничего.

— Женитесь непремѣнно! воскликнулъ сэръ-Патрикъ.—Вы одинъ изъ тѣхъ немногимъ которые могутъ идти на этотъ рискъ съ надеждой на успѣхъ.

У Арнольда духъ захватило отъ неожиданности такого отвѣта. Въ краткихъ изреченіяхъ почтеннаго друга его было что-то поразительное. Онъ вытаращилъ глаза пуще прежняго.

— Вы не понимаете меня? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— Я не понимаю что общаго между подмоченнымъ сахаромъ и вопросомъ который я вамъ предложилъ.

— Вы этого не видите?

— Рѣшительно не вижу.

— Такъ я вамъ растолкую, сказалъ сэръ-Патрикъ, кладя ногу на ногу и усаживаясь покойнѣе съ видомъ человѣка готовящагося побесѣдовать.

— Вы идете въ лавку и покупаете сахаръ. Вы предполагаете что это дѣйствительно сахаръ. А между тѣмъ на дѣлѣ совсѣмъ не то. На дѣлѣ это смѣсь разной дряни, которой придали видъ сахара. Вы не обращаете вниманія на этотъ непріятный фактъ и глотаете свой поддѣльный сахаръ съ различною пищей и чувствуете себя отлично. До сихъ поръ понятно.

Да. До сихъ поръ до нѣкоторой степени понятно было Арнольду.

— Очень хорошо, продолжалъ сэръ-Патрикъ. — Вы идете на рынокъ свѣта и берете жену. Вы предполагаете при этомъ что у ней, положимъ, прекрасные русые волосы, отличный цвѣтъ лица, что она превосходно сложена и именно такого роста какой идетъ къ ея тѣлосложенію. Вы привозите ее домой, и оказывается то же самое что съ сахаромъ. Жена ваша не болѣе какъ поддѣлка. Прекрасные волосы ея крашены, отличный цвѣтъ лица ея—пудра, формы ея—вата; ростъ ея на три дюйма увеличенъ каблуками. Закройте глаза и

Digitized by Google

проглотите поддѣльную жену, какъ глотали поддѣланный сахаръ; если вы способны на это, вы, повторяю, одинъ изъ немногихъ которые могутъ идти на рискъ женитьбы съ надеждой на успѣхъ.

Сказавъ это, онъ выпрямился и пристально поглядѣлъ въ лицо Арнольду. Арнольдъ наконецъ понялъ урокъ. Онъ отказался отъ безнадежной попытки перехитрить сэръ-Патрика, и, будь что будетъ, заговорилъ прямо.

— Все это можетъ быть справедливо относительно нѣкорыхъ дамъ, сказалъ онъ, но есть одна, знакомая мнѣ, близкая ваша родственница, къ которой слова ваши не могутъ быть примѣнены.

Намекъ былъ ясный. Сэръ-Патрикъ выразилъ одобреніе откровенности Арнольда, самъ заговоривъ яснѣе.

— Ужъ не племянница ли моя этотъ феноменъ?

— Именно она, сэръ-Патрикъ.

— Позвольте спросить, почему вы знаете что племянница моя не поддѣлана также какъ другія?

Негодованіе окончательно развязало языкъ Арнольду. У него вырвались три слова, которыя представляютъ собою три тома любой библіотеки для чтенія:

— Я люблю ее.

Сэръ-Патрикъ прислонился къ спинкѣ стула и протянулъ ноги.

— Это самый убѣдительный отвѣтъ какой удавалось мнѣ слышать, сказалъ онъ.

— Я говорю серіозно, вскричалъ Арнольдъ, думая теперь уже только объ одномъ.—Испытайте меня.

— О, прекрасно. Испытать легко. — Онъ поглядѣлъ на Арнольда. Неудержимая насмѣшливость свѣтилась въ глазахъ его и подергивала углы губъ.—У моей племянницы прекрасный цвѣтъ лица. Вѣрите ли вы этому цвѣту лица?

— У насъ надъ головами прекрасное небо, отвѣтилъ Арнольдъ. — Я вѣрю въ существованіе неба.

— Въ самомъ дѣлѣ? отозвался сэръ-Патрикъ. — Васъ, очевидно, никогда не захватывалъ ливень. У моей племянницы необыкновенно густые волосы. Увѣрены ли вы что всѣ они растутъ на ея головѣ?

— Такихъ волосъ нѣтъ ни у одной женщины.

— Любезный Арнольдъ, вы слишкомъ низко цѣните средства какими располагаютъ парикмахеры. Загляните въ окна

Digitized by Google

магазиновъ. Когда будете въ Лондонѣ, пожалуста, загляните въ окна магазиновъ. А пока, что̀ вы думаете о сложеніи моей племянницы.

— Помилуйте! Объ этомъ-то ужь не можетъ быть сомнѣнія! Всякій у кого есть глаза видитъ что она сложена превосходно.

Сэръ-Патрикъ тихо засмѣялся и опять скрестилъ ноги.

— Безъ сомнѣнія. Прекрасное сложеніе дѣло самое обыкновенное. Здѣсь теперь приблизительно сорокъ дамъ. Каждая изъ нихъ сложена превосходно. Тутъ дѣло въ цѣнѣ. Если вы видите особенно изящное тѣлосложеніе, то можете поклясться что оно выписано изъ Парижа. Какъ вы глядите на меня! Итакъ, я васъ спрашиваю, сколько въ наружности племянницы моей купленаго и сколько природнаго? Я не знаю. А вы?

— Я готовъ поклясться что все до мельчайшей черты....

— Купленое?

— Природное.

Сэръ-Патрикъ всталъ. Сатирическое настроеніе его унялось наконецъ. „Если когда-нибудь у меня будетъ сынъ, подумалъ онъ про себя, я пошлю его въ море.“ Онъ взялъ Арнольда за руку. Пора было прекратить томленіе Арнольда.

— Если только я способенъ говорить серіозно, началъ онъ — такъ теперь скажу вамъ серіозно слѣдующее: Я убѣжденъ въ искренности вашего чувства. Все что̀ я знаю о васъ говоритъ въ вашу пользу; вашъ родъ и положеніе извѣстны. Если Бланка согласна, то я согласенъ.

Арнольдъ попытался выразить ему свою благодарность. Сэръ-Патрикъ не далъ ему говорить.

— Только помните, продолжалъ онъ,—въ другой разъ, если вамъ нужно что-нибудь отъ меня, спрашивайте прямо. Не пробуйте меня мистифировать, и я обѣщаю не мистифировать васъ. Это кончено. Теперь поговоримъ о поѣздкѣ вашей въ имѣніе. Состояніе, давая права, налагаетъ и обязанности, мистеръ Арнольдъ. Наступаетъ время, когда пользованіе правами будетъ обусловливаться исполненіемъ обязанностей. Вы теперь стали мнѣ близки. Я намѣренъ смотрѣть за тѣмъ чтобы вы исполняли свои обязанности. Рѣшено что вы уѣзжаете изъ Виндзегета сегодня. Устроено ли все для вашего отъѣзда.

Digitized by Google

— Устроено, сэръ-Патрикъ. Леди Лунди была такъ добра что велѣла довезти меня до станціи въ кабріолетѣ.

— Когда поѣдете вы?

Арнольдъ взглянулъ на часы.

— Черезъ четверть часа.

— Прекрасно. Смотрите же, будьте готовы. Постойте. Еще успѣете поговорить съ Бланкой. Вамъ, кажется, не очень хочется осмотрѣть свое имѣніе?

— Мнѣ не хочется уѣзжать отъ Бланки, вотъ въ чемъ дѣло.

— Оставьте Бланку. Бланка не дѣло. Говорятъ, вашъ домъ одинъ изъ лучшихъ въ этой части Шотландіи. Сколько времени думаете вы прожить въ немъ?

— Я распорядился, какъ уже говорилъ вамъ, чтобы вернуться въ Виндзоретсъ послѣ завтра.

— Какъ! Этого человѣка ожидаетъ дворецъ, а онъ думаетъ остановиться въ немъ только на день!

— Я вовсе не думаю останавливаться въ немъ, сэръ-Патрикъ. Я остановлюсь у управляющаго. Мнѣ надо только завтра присутствовать на обѣдѣ моимъ арендаторамъ, а затѣмъ ничто рѣшительно не помѣшаетъ мнѣ возвратиться сюда. Самъ управляющій такъ пишетъ въ послѣднемъ письмѣ.

— О! Если управляющій такъ пишетъ, такъ, разумѣется, и говорить нечего.

— Не противьтесь моему возвращенію, сэръ-Патрикъ, прошу васъ. Я обѣщаю жить въ моемъ домѣ, когда Бланка будетъ жить въ немъ со мною. Если позволите, я пойду скажу ей что все что у меня есть принадлежитъ ей.

— Постойте! Постойте! Вы говорите какъ будто вы уже женаты на ней.

— Да развѣ не все равно? Гдѣ же теперь препятствіе?

Когда онъ предложилъ этотъ вопросъ, тѣнь человѣка подходящаго къ бесѣдкѣ упала на освѣщенное солнцемъ крыльцо. Черезъ минуту за тѣнью послѣдовало и тѣло, въ видѣ грума въ ливреѣ. Онъ, очевидно, былъ здѣсь чужой. Увидѣвъ двухъ джентльментовъ въ бесѣдкѣ, онъ остановился, приложивъ руку къ фуражкѣ.

— Что вамъ нужно? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— Извините, меня послалъ хозяинъ.

— Кто вашъ хозяинъ?

— Достопочтенный мистеръ Деламенъ.

— Те-есть мистеръ Джофри Деламенъ? спросилъ Арнольдъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ-съ. Братъ мистера Джофри, мистеръ Юлій. Я пріѣхалъ отъ него съ письмомъ къ мистеру Джофри.

— И не можете найти его?

— Мнѣ сказали что онъ гдѣ-то здѣсь. Но я не знаю гдѣ искать его.—Онъ вынулъ изъ кармана визитную карточку.— Хозяинъ велѣлъ непремѣнно передать эту карточку тотчасъ же.—Будьте такъ добры, господа, скажите мнѣ гдѣ мистеръ Джофри.

Арнольдъ обратился къ сэръ-Патрику.

— Я его не видалъ. А вы?

— Я ощущалъ его съ тѣхъ поръ какъ вошелъ сюда, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.—Воздухъ пропитанъ отвратительнымъ табачнымъ запахомъ, свидѣтельствующимъ, по-моему весьма непріятно, о присутствіи вашего друга, мистера Деламена.

Арнольдъ засмѣялся и выглянулъ изъ бесѣдки.

— Если такъ, такъ мы сейчасъ найдемъ его.

Онъ оглянулся кругомъ и закричалъ: — Джофри! — Голосъ изъ цвѣтника отозвался:—Здѣсь!

— Васъ спрашиваютъ. Пойдите сюда.

Джофри появился, лѣниво идя съ трубкой во рту, засунувъ руки въ карманы.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Грумъ отъ вашего брата.

Этотъ отвѣтъ какъ будто придалъ крылья лѣнивому атлету. Джофри поспѣшно бросился къ бесѣдкѣ. Не успѣлъ грумъ слова выговорить, какъ онъ воскликнулъ съ ужасомъ и смущеніемъ на лицѣ:

— Опять припадокъ съ Ратькачеромъ!

Сэръ-Патрикъ и Арнольдъ глядѣли другъ на друга въ нѣмомъ изумленіи.

— Лучшая лошадь на братниной конюшнѣ, кричалъ Джофри, какъ бы въ поясненіе, обращаясь къ нимъ. — Я оставилъ кучеру письменную инструкцію. Я отмѣрилъ ему лѣкарство на три дня. Я пустилъ ему кровь, продолжалъ Джофри дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — я самъ вчера вечеромъ пустилъ ему кровь.

— Извините, сударь, началъ было грумъ.

— Что тутъ извиняться? Всѣ вы безмозглые дураки. Гдѣ ваша лошадь? Я поѣду, всѣ кости кучеру переломаю. Гдѣ ваша лошадь?

— Позвольте сказать, сударь. Ратькачеръ здоровъ.

Digitized by Google

— Ратkачеръ здоровъ? Такъ что̀ жь это за чертовщина?

— Къ вамъ записка.

— О чемъ?

— О лордѣ Гольчестерѣ.

— А! Объ отцѣ? — Онъ вынулъ платокъ и отеръ себѣ лобъ, тяжело переводя духъ.—Я думалъ: Ратkачеръ, сказалъ онъ, взглянувъ съ улыбкой на Арнольда. Онъ взялъ трубку въ ротъ и раскурилъ ее.—Ну, продолжалъ онъ спокойнымъ голосомъ,—что̀ же случилось?

— Телеграмма изъ Лондона. Дурныя вѣсти.

Грумъ подалъ карточку. Джофри прочелъ на ней слѣдующія слова, написанныя рукой брата: „Пишу тебѣ, какъ видишь, второпяхъ. Отецъ опасно заболѣлъ. Посылали за его повѣреннымъ. Поѣзжай со мной въ Лондонъ съ первымъ поѣздомъ. Встрѣть меня на станціи.“

Не сказавъ ни слова присутствующимъ, молча смотрѣвшимъ на него, Джофри поглядѣлъ на часы. Анна сказала ему чтобъ онъ подождалъ полчаса и, если ничего не услышитъ о ней въ это время, то зналъ бы что она отправилась. Срокъ прошелъ, онъ ничего не слыхалъ. Бѣгство изъ дому совершилось благополучно. Анна Сильвестеръ въ эту минуту на дорогѣ къ постоялому двору.

Digitized by Google

ЦАРСКІЙ СОКОЛЬНИКЪ*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XIII.

Дорога.

Дорога старинная, широкая укатилась вдаль; кустиками, лѣсомъ, ровнымъ полемъ—все впередъ бѣжитъ. И вездѣ у Бога люди живутъ. Днемъ ѣдутъ, ночью станомъ стоятъ; гдѣ лошадей покормятъ, а гдѣ готовая подстава, и опять бубенчики на вольной волѣ, среди широкихъ полей, погромыхиваютъ. Вотъ и самъ Владиміръ, Золотыя Ворота! А столбовая дорога и за нимъ съ горы на гору, съ глади на гладь, знай себѣ, переваливаетъ; все впередъ, впередъ.... на востокъ ползетъ.

Ровно въ двадцатый день Обресковы добрались до Нижняго. Мимо Всемилостиваго Спаса, тою самою площадью на которой, тому назадъ лѣтъ тридцать или сорокъ, Козьма Миничъ скликалъ народное ополченіе, прямо на красный воеводскій дворъ, крестясь на здѣшніе соборы, въѣхали наши дорожные.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

Digitized by Google

Тутъ они нашли свой обозъ, который былъ отпущенъ съ Москвы задолго до ихъ отъѣзда. Тутъ надо было распорядить всю поклажу, при себѣ перегрузить ее на барки и отправить внизъ водою.

Родня давно поджидала съ Москвы Обресковыхъ. Княжна Зина теперь ни минуточки не дастъ поскучать своей Софьѣ, всѣхъ нижегородскихъ подругъ ей покажетъ. Но не веселы для боярышни гостины въ Нижнемъ. Всю дорогу, сидя съ своею няней и съ „тетей-мамой“, втроемъ, въ крытой повозкѣ, будто въ татарской кибиткѣ (окольничій ѣхалъ впереди на особой тройкѣ), Софья всю дорогу молчала. Наталья Ивановна только охала и охала, по своему обыкновенію, и крестилась. Одна няня могла видѣть тайныя слезы боярышни, она одна про себя молчкомъ знала что ѣдутъ онѣ съ нею не къ счастію, а отъ счастія. И вотъ княжна Зина устраиваетъ каждый день новые праздники, а у дорожной все одна путаница въ головѣ: ровныя мѣста не веселыя; бубенчики не умолкаютъ въ ушахъ; лавки-палатки рогожныя, калачи и баранки по посадамъ; черный людъ на грязной улицѣ, запахъ дегтю на кормежкахъ, да попавшійся на глаза, при въѣздѣ въ Балахну, у перваго лабаза, шумный свадебный поѣздъ. Въ желтомъ развѣвавшемся не платкѣ, а цѣломъ одѣялѣ, веселая баба, гремя бубномъ надъ головой, стойма приплясывала на телѣгѣ, и весь поѣздъ за ней горланилъ.

Въ Нижнемъ они оставили лошадей, пересѣли на струга и поплыли внизъ по Волгѣ.

А на Москвѣ тѣмъ временемъ, какъ на улицахъ такъ и въ домахъ, попрежнему шумная столичная жизнь текла. Тамъ все на своихъ мѣстахъ стояло: въ Кремлѣ дворцы и соборы, на торгу купеческія лавки; и Спасъ на Болвановкѣ, и церковь Тихвинской Божіей Матери въ ихъ Кривомъ переулкѣ. Только никто бы ужь теперь не сказалъ что тѣ два бѣлые дома, черезъ улицу, смотрятся другъ на друга. Одинъ бѣлый попрежнему весело глядѣлъ на улицу, другой по всѣмъ окнамъ заколоченъ черными досками. Ворота забиты наглухо. Легче было бы Лёвѣ когдабъ на мѣстѣ ихъ оставленныхъ палатъ совсѣмъ голый пустырь стоялъ. Отлетѣла душа, выбыла изъ тѣла: трупу зачѣмъ на глазахъ оставаться? „Пустой домъ“ стали скоро называть домъ Обресковыхъ въ околоткѣ.

Digitized by Google

Чужая сторона, далекая, ужь и правду сказать, глухая! Софья въ ту пору не даромъ про нее молвила: „въ степь! къ Татарамъ!“ Когда они спыли внизъ, по нынѣшнюю Самару, и стали забирать въ сторону за Волгу, мѣста совсѣмъ дикія пошли. Не только красныя мордовскія тапки, которыя было въ Нижнемъ показались Софьѣ за диковинку, предъ ними стали мелькать сплошь да рядомъ,—а вотъ ужь и сама дикая Башкира имъ попадается на глаза. Чудь, глушь.... на тысячу верстъ кругомъ. „Теперь скоро и Тарханскъ, всего триста верстъ отсюда“, услыхала она, подъѣзжая къ одному городишку который будто чудомъ какимъ выросъ изъ земли, среди голой степи. Но эти послѣднія подавляющія пространства были тѣмъ хороши что совсѣмъ разбили усталую боярышню. Они совсѣмъ разогнали бредъ больной души. „Куда бы ни пріѣхать, лишь бы наконецъ на мѣсто!“ молвила тетя-мама сквозь сонъ и мракъ царствовавшіе въ ихъ татарской кибиткѣ.

За то какъ имъ на всю жизнь памятенъ остался поѣздъ къ Тарханску! На утренней зарѣ, только что іюльское солнце выкатилось на матовомъ небѣ, они подошли къ послѣднему стану, всего въ двухъ верстахъ отъ города. На крутомъ берегу Тарханки, или, какъ ее для краткости называли, Тарки, подъ навѣсомъ дубовъ и липъ, въ виду какой-то привѣтливой лачужки, здѣсь воеводу съ его семейнымъ поѣздомъ ожидала цѣлая встрѣча изъ города. Вдали звонили въ колокола.

Тутъ на ихъ глазахъ веселая рѣка Тарка извивъ дала. Мѣстоположеніе открылось свѣтлое и манкое: городокъ о семи церквахъ и о четырехъ стахъ дворахъ, послѣ пустынныхъ степей, казался чуть не столицей. Подъ деревянными крѣпостными стѣнами весело блестѣла рѣка. Бѣлая высокая остроконечная башня, отличаясь на крутомъ утесѣ, висла въ воздухѣ надъ водою. За рѣкой, на другомъ берегу, на луговой сторонѣ, противъ самаго Тарханска, виднѣлось большое русское село; по множеству тесовыхъ кровель и бревенчатыхъ домиковъ, оно само издали глядѣло городочкомъ. Софья услыхала что его зовутъ „Великое“.

Воевода съ этого послѣдняго стана поѣхалъ уже верхомъ на бѣломъ конѣ, перерядившись въ пышное, чуть не царское платье. Цѣлая толпа тарханской чиновной знати окружала его; ближе всѣхъ къ нему ѣхалъ одинъ молодой

Digitized by Google

дворянинъ, и Данило Ивановичъ всю дорогу обращался къ нему съ распросами. Закрытая семейная колымага, увѣшанная теперь голубою камкой, слѣдовала шагомъ. Въ городѣ все громче звонили въ колокола....

Но при подъѣздѣ къ Тарханску, который становился теперь для нихъ своимъ городомъ, что̀ Софью Даниловну больше всего поражаетъ? Не странно ли? Тотъ молодой дворянинъ, какъ она его увидала издали еще на стоянкѣ, будто самого его, Засѣкина-Рындина, напоминаетъ ей. Не вдвойнѣ ли странно еще? На ея распросы о немъ — первое что̀ она слышитъ—милое имя *Левъ* раздается для ея ушей. За выѣздомъ прежняго здѣшняго воеводы, Левъ Гурьевичъ Каравеловъ, старшій дьякъ приказной избы, былъ первымъ лицомъ въ городѣ.

Звонъ колоколовъ гудѣлъ въ лѣтнемъ воздухѣ все веселѣе. Протопопъ въ облаченіи, со крестомъ и святою водой, привѣтствовалъ царева намѣстника у заставы. Однакожь издали Тарханскъ оказывался не въ примѣръ лучше чѣмъ теперь, когда Софья, въ щель полога изъ татарской кибитки, прямо уже предъ своими глазами разбирала его кривыя лачуги и темныя землянки. Грязь на улицѣ; толчется черный народъ; бабы и мальчишки на ихъ кибитку ротъ разѣваютъ; мужики, казаки и стрѣльцы толпятся. Черно̀, грязно̀ куда ни погляди. И все ужь очень невесело.

Воеводскій дворъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ сѣрымъ вылинявшимъ частоколомъ, а со стороны рѣки замыкался такою путаницей надолбъ что трудно было и разобрать всѣ ходы. Для дворни помѣщеніе было огромное. Кромѣ того что тутъ были широко настроены и конюшни, и сѣновалы, и сушилы, и поварни, и голубятни, но даже и такія государевы постройки, какъ напримѣръ пыточная изба, по желанію самихъ воеводъ, можно было повернуть на что̀ угодно.

Домъ былъ не великъ, а все-таки воеводскій. Послѣ ихъ московскихъ палатъ, особенно какъ биткомъ набился всякою съ Москвы привезенною утварью, онъ казался скорлупой грецкаго орѣха. Самъ окольничій помѣстился внизу, рядомъ съ пристройкой, съ приказною избой, такъ что у нихъ было одно общее крылечко. Для „тёти-мамы“ отвели крошечный уголокъ, который, въ видѣ втораго яруса, приходился какъ-то подъ лѣстницей. Софья Даниловна заняла

Digitized by Google

верхнюю горенку. Въ окно своей горенки, за мѣсто красной церкви Тихвинской, она видѣла теперь ту самую остроконечную башню которая замыкала ихъ дворъ на-рѣку; а съ боку направо высовывалась низенькая деревянная церковь Михаила Архангела, строенная въ прошлое царствованіе и по тезоименитству покойнаго государя Михаила Ѳедоровича освященная во имя его ангела.

По праздникамъ и по воскресеньямъ сюда съѣзжалась вся знать Тарханска. Не одна знать, а даже всѣ до послѣдняго изъ „худшихъ людей“ любопытствовали оглянуть воеводино семейство. У праваго клироса заново отдѣлали уголокъ, устлали его алымъ сукномъ и огородили перилами. Тутъ, не на самыхъ первыхъ порахъ, въ одно торжественное служеніе, народъ первый разъ увидалъ воеводину дочку. Но стройная, статная, вся укутанная въ бархатъ и въ атласъ, она только мелькнула для тарханскаго люда. Какъ сюда вошла и какъ отсюда вышла, только ее и видѣли.

Да и какая тутъ знать въ Тарханскѣ? Какіе тутъ царскіе столичные выходы? Съ кѣмъ тутъ о праздникахъ и поздороваться?

Злая боярышня Киндякина, племянница прежняго воеводы, здѣшняя помѣщица, на всемъ Тарханскѣ слыла первою красавицей. Подруги ея, помѣщичьи дочери Звягины, Чебоксаровы и Толстухины такая же все деревенщина! Купецъ Темрюкинъ славится на весь городъ своими „купеческими дочерьми“ и коваными тяжелыми сундуками. Окольныхъ здѣшнихъ дворянишекъ проживаютъ тутъ незамужнія бобылки, выдѣленныя родныя сестры и двоюродныя незамужнія тетки; приказные сѣдовласые старики, которые тутъ и родились въ Тарханскѣ. Три жениха наперечетъ въ цѣломъ городѣ, включая сюда и пятидесяти-лѣтняго Бискадарова, изъ новокрещеновъ.

И все это тутъ въ родствѣ и въ кумовствѣ, а Софья Даниловна всѣмъ чужая. А нынѣшній, къ тому, воевода захотѣлъ еще и держать-то себя совсѣмъ на особую стать.

„Гордецъ!“ рѣшили всѣ кумовья и кумушки. А по праздникамъ, когда къ городскимъ наѣзжала родня изъ деревни, ихъ тутъ собиралось довольно.

„Спесивая!“ изволила выразить злая боярышня Киндякина про воеводину дочку. И всѣ подруги рѣшили хоромъ, чтобы между собой такой завѣтъ положить: никому бы изъ

Digitized by Google

нихъ, изъ настоящихъ тарханскихъ, ни подъ какимъ видомъ къ нимъ въ домъ ни ногою. „Слышите ли? Пусть себѣ московская въ своей свѣтелкѣ одна сама на себя цѣлый день въ зеркало любуется. Насъ бархатами-то, — даромъ что мы тарханскія, въ Москву нейзжалыя,—не удивишь!“

Но хоть таковъ завѣтъ положили, а только и было рѣчей по всему городу что про воеводину дочку. Бѣдному Льву Гурьичу, который по своей обязанности случался поминутно у нихъ въ домѣ, отъ тарханскихъ красавицъ доставалось порядкомъ. „Чего онъ все какъ пень молчитъ? Что онъ ничего новенькаго о пріѣзжихъ не разкажетъ?“

Онъ могъ имъ разказать каковъ суровъ воевода; онъ могъ разказать какая „маменька“ Наталья Ивановна богобоязненная и тихая, съ нимъ обходительная; даже его по вечерамъ къ себѣ Четіи-Минеи читать приглашаетъ. Онъ могъ къ тому прибавить что и самое боярышню Софью Даниловну онъ уже не одинъ разъ видѣлъ въ домѣ; что онъ часто застаетъ ее вмѣстѣ съ отцомъ воеводой въ его покоѣ, и она уже не всякій разъ подымается при его приходѣ, не выходитъ вонъ изъ комнаты... Но—и только.

„Пустой домъ“ въ Москвѣ отъ времени все мрачнѣе глядѣлъ на улицу. Даже птица, черное галочье, летѣла отъ него прочь. Годъ протелъ, другой потелъ. Мало ли всякихъ перемѣнъ случилось на Москвѣ? А главная перемѣна: въ красной церкви, въ невѣстиномъ приходѣ, здѣсь у Тихвинской, въ самый Покровъ, была свадьба Настасьи Григорьевны. Для молодаго князя Львова, для душевнаго Лёвина друга и товарища, она расцвѣла пышною невѣстой. Въ цѣлой Москвѣ и чужіе, и родные говорили: лучшей пары нѣтъ.

Но свѣтла какъ майское утро, „малая китайская куколка“, когда шла подъ вѣнецъ (а братецъ Лёва у ней былъ дружко!), Настасья Григорьевна вдругъ заплакала: „Свѣтикъ мой братецъ!“ поцѣловала она Лёву: „На радости моей пожалуста не печалься. Ну, вотъ увидишь же: въ этой самой церкви, дастъ Богъ, и твоей радости дождемся.“

Такія невнятныя сестрины слова Левъ разгадалъ всѣмъ сердцемъ; но въ церкви, за вѣнчальнымъ обрядомъ, ему вдругъ сдѣлалось дурно.

И женитьба молодаго князя Львова на боярышнѣ Засѣкиной-Рындиной въ тотъ годъ была изъ самыхъ видныхъ.

Digitized by Google

сдѣлалось извѣстно что самъ государь милостиво взглянулъ на этотъ бракъ. Когда на другой день молодые явились во дворецъ къ царю съ царицей съ поклономъ и, по обычаю, поднесли имъ калачи и полотенца, самъ Алексѣй Михайловичъ весело вышелъ къ молодымъ и изволилъ сказать: „Только смотри, княгиня Настасья Григорьевна, ты мнѣ малаго не избалуй; на охотѣ онъ всегда изъ моихъ любимыхъ сокольниковъ былъ!“

И опустѣлъ въ домѣ милый сестринъ уголокъ.

Сама няня Домна Борисовна совсѣмъ перебралась на Покровку, въ домъ князей Львовыхъ. За то Лёва любилъ теперь, чаще прежняго, пріѣзжать въ эти большія деревянныя боярскія хоромы на Покровкѣ. Его лошади то и дѣло заворачивали въ огромныя какой-то вавилонской архитектуры ворота, съ лежащими львами на столбахъ. Онъ подолгу засиживался въ сестриной комнатѣ и находилъ о чемъ-то безъ конца разговаривать съ молодою княгиней.

Пріѣзжалъ откуда-нибудь изъ гостей или съ прогулки его тезка, молодой князь Львовъ (ему и женатому дома не сидится!), тогда брату ужъ было не до разговоровъ. Молодой мужъ весело смѣялся надъ Лёвой; сказать бы, Настеньку обижалъ. На ея глазахъ онъ все похвалялся какою-то прежнею своею красавицей и дразнилъ ею Лёву. „Право, дескать, она тебя, тезка, вылѣчитъ, а мое съ ней время прошло.“

И вотъ съ новыми забавами, а пожалуй, и съ новыми хлопотами, когда можетъ-быть и о колыбельномъ бѣльѣ начинать думать пора.... почему, однако, Настасьѣ Григорьевнѣ не вспомнить о своей дальней подругѣ? Софью Обрескову ужели позабыла она?

Съ дальней глухой стороны, изъ невѣдомаго Тарханска, отъ самой Софьи Даниловны вдругъ пришло къ нимъ такое письмо не письмо, словечко. Разъ рано утромъ, когда старики Львовы, наблюдая Петровскій постъ, распивали сбитень изъ большаго мѣднаго чайника, а молодые князь съ княгиней въ домѣ еще не просыпались,—у воротъ, въ калитку, постучался дальній странникъ. Божьяго человѣка стариковъ посадили за одинъ столъ съ собою. Онъ разсказывалъ про церкви и монастыри которые исходилъ по всему царству. Всѣмъ въ домѣ отъ него былъ привѣтъ и ласка; а молодой княгинѣ Настасьѣ Григорьевнѣ передалъ онъ что-то особо.

Дѣло въ томъ что объ ихъ московскихъ новостяхъ дошли

Digitized by Google

какими-то путями слухи и до Тарханска. Маменька Наталья Ивановна и племянница Софья рады были и отъ себя пожелать счастья молодымъ. Софья велѣла передать только эти простыя слова: „за радостями новыми семейными и за хлопотами, не забывать бы имъ всѣмъ дальнихъ старинныхъ друзей! Всѣмъ!“ Только что молодая княгиня выслушала страннаго, сейчасъ велѣла подавать къ крыльцу своихъ сѣрыхъ въ яблокахъ. И мимо красной церкви „съ бѣлыми выступы“, въ Кривомъ переулкѣ, прямо повернула въ родной дворъ батюшки своего Засѣкина-Рындина.

Левъ потомъ цѣлый день обнималъ и цѣловалъ Настасью Григорьевну какъ никогда еще прежде. Досыта наговорились они. И она сіяла своими розовыми губками и голубыми глазами, и онъ, чего на его лицѣ давно не было видно, совсѣмъ повеселѣлъ этотъ день.

Нѣтъ, еще не наговорились они!

Въ тотъ день онъ съ ней вмѣстѣ и обѣдать уѣхалъ къ нимъ на Покровку; цѣлый день пробылъ въ ихъ большомъ деревянномъ домѣ, и только уже поздно вечеромъ, на ихъ лошадяхъ, вернулся домой къ Тихвинской.

ГЛАВА XIV.

Мысли дѣвичьи.

Два мѣста полюбились Софьѣ Даниловнѣ на новосельѣ; а въ выборѣ себѣ развлеченій и мѣстъ для прогулки боярышня была большая причудница.

Впрочемъ, по жизни самого Данилы Ивановича на холостую ногу, дочь съ раннихъ лѣтъ привыкла жить самостоятельною хозяйкой въ домѣ. Когда въ Тарханскъ пришли ихъ подводы съ неисчислимымъ московскимъ добромъ, и она меньше чѣмъ въ двѣ недѣли распорядила всю рухлядь, убрала здѣшній домъ совершенно по-московски, и все во дворѣ, даже по людскимъ избамъ, привела въ порядокъ: самъ отецъ обнялъ любимую дочь.

— Сонечка!... обратился онъ къ ней, утирая слезу съ длинныхъ усовъ. (Этого не было съ самой Москвы.)

Отецъ радъ былъ видѣть ее веселою; онъ опять съ ней дружески совѣтуется обо всемъ. Не она, молодое дитя, а

Digitized by Google

старая Наталья Ивановна теперь всѣмъ имъ въ тягость на чужой, дальней сторонѣ. Въ своемъ углу, подъ лѣстницей, старуха убивается день и ночь; только что выговоровъ не выговариваетъ своему государю-братцу.

— Батюшка, пожалуста о томъ много не безпокойся, утѣшала Софья отца.—На первыхъ порахъ пусть тётя-мама погруститъ и поплачетъ; старый она человѣкъ; къ Москвѣ она привыкла! Но я тебѣ вѣрно обѣщаюсь: тётя-мама совсѣмъ оправится; опять у насъ въ домѣ всѣмъ довольна и спокойна будетъ.

— Софья! молвилъ взволнованный отецъ.—Ты у меня такое сокровище! Не въ меня-то, знать, а въ мать свою покойницу уродилась.

— Батюшка, пожалуста успокойся! заклинала дочь.

Не привыкла она чтобъ ея родитель при ней поминалъ покойницу.

И такое старичково слово точно его покаяніемъ было предъ дочерью. Все что у нихъ накопилось съ Москвы другъ противъ друга, это одно слово начисто теперь смыло съ души.

Здѣсь, на чужой сторонѣ, казалось, они еще дороже будутъ другъ другу; они еще дружнѣй заживутъ душа въ душу. Отецъ проводилъ все время на государевой службѣ; всѣмъ домашнимъ дѣломъ заправляла дочь. Левъ Гурьичъ Караваловъ, даромъ что былъ дьякомъ на государевой службѣ, а совсѣмъ превратился въ какого-то воеводина домочадца. По своимъ личнымъ домашнимъ дѣламъ, окольничій и его, замѣсто крѣпостнаго холопа, отсылалъ съ докладами прямо къ дочери. Однимъ изъ первыхъ его такихъ докладовъ боярышнѣ было: „какъ угодно будетъ ея милости, Софьѣ Даниловнѣ, приказать насчетъ мельника Захара? Какой она велитъ порядокъ установить на Колотовкѣ?“

Когда въ прошломъ еще столѣтіи строили, по государеву указу, городъ Тарханскъ, присланный воевода доносилъ на Москву что на горномъ берегу рѣки Тарки выглядѣлъ онъ мѣсто съ ключами живой воды „зѣло удобно“ подъ мельницу, да въ томъ мѣстѣ и рыбный ловъ: такъ не велитъ ли государь то мѣсто на себя отписать, и за его черту никакихъ людей селиться не допускать?

Такъ оно, вѣроятно, и было въ началѣ; но въ описываемую пору все урочище просто было приписано къ воеводскому двору. Прежніе государевы мельники, которые тутъ состав-

Digitized by Google

ляли чуть не цѣлое особое сословіе, разбѣжались и перевелись; ихъ нынѣшній послѣдній представитель, Захаръ, у предмѣстника Обрескова числился за крѣпостнаго челядинца. Правда что и отъ прежнихъ баснословныхъ доходовъ этого „зѣло удобна“ мѣста оставалось лишь одно то что вся мука на воеводскій дворъ шла съ этой мельницы, и что Захаръ нѣтъ-нѣтъ доставлялъ рыбы къ воеводскому столу.

Мельникъ Захаръ съ первой же встрѣчи полюбился боярышнѣ.

Кротечный, совершенно курносый старикъ, съ бойкими подвижными глазами, живой и бодрый не по лѣтамъ, съ косматыми бровями, которыя у него торчали какъ зонтики и сходились на переносицѣ какъ у сыча, косицей вверхъ, Захаръ былъ, что-называется, хлопотунъ-торопунъ старичокъ. Каждое утро онъ являлся съ кошелкой на воеводскій дворъ, входилъ въ домъ съ задняго крылечка и весело дожидался выхода самой боярышни.

— Молъ, погляди, сударыня-княгиня, какихъ рыбокъ я твоимъ государынинымъ счастіемъ наловилъ.

— Мало ты носишь. Вѣрно моего счастія нѣтъ! шутила боярышня, и сама бѣлыми руками выкладывала трепетавшихъ налимовъ и стерлядокъ на желѣзный подносъ. — Я въ жизни очень несчастлива. Лучше на мое счастіе ты, Захаръ, не лови.

Боярышня, замѣсто его треухà, новую шапку подарила мельнику; обѣщалась, коли у него будутъ внуки, сама къ нему крестить пойдетъ. Но услыхавъ что Захаръ еще при царѣ Шуйскомъ пришелъ сюда бобылемъ, да такъ съ тѣхъ поръ по свѣту и болтается, воеводина дочка обѣщала ему что сама навѣститъ его Колотовку, придетъ изъ тамошнихъ живыхъ ключей воды напиться.

И первый разъ когда съ двумя, тремя сѣнными дѣвушками и съ неразлучною няней Василисой Пахомовной боярышня въ самомъ дѣлѣ пришла на Колотовку, какъ же она пріятно изумлена была! Это было то самое свѣтлое и манкое мѣстечко которое всѣмъ имъ такъ полюбилось при подходѣ къ Тарханску. Вонъ опять отсюда она видитъ, какъ на ладони, весь ихъ воеводскій дворъ! И вонъ та бѣлая башня!

Живописный оврагъ, самъ развѣтвлявшійся еще на малые поперечные овражки, вотъ и все мѣстечко, прозванное Колотовкой. Оно раскинулось на какую-нибудь полуверсту,

Digitized by Google

образуя на здѣшнемъ нагорномъ берегу крайній уступъ, прямо къ тихимъ и синимъ струямъ полноводной Тарки. Здѣсь-то, на наплывномъ черноземѣ, весело зеленѣлъ липнякъ и красовались широко-развѣсистые дубы; а въ глубинѣ ущелій шумѣли славные Колотовскіе ключи, на которыхъ гнѣздилась мельница „Колотовка“. Рядомъ былъ дворъ Захара. Мельникъ показалъ Софьѣ Даниловнѣ свои сажалки съ рыбой; просилъ ее „липовымъ медкомъ“ своего пчельнаго завода; сорвалъ для нея свѣженькій огурчикъ прямо съ грядки; кореньковымъ ковшичкомъ (который самъ досталъ у Троицы Сергія когда, тому назадъ 50 лѣтъ, еще при царѣ Борисѣ, ходилъ туда по обѣщанію) далъ онъ самой Софьѣ Даниловнѣ зачерпнуть ключевой воды изъ „гремячаго колодца“. Боярышня велѣла мельнику чтобъ этотъ желтенькій ковшичикъ всегда оставался тутъ „для нея и для всѣхъ добрыхъ людей“. Захаръ сейчасъ же привязалъ его лычкомъ къ срубу колодца, и желтый на Софьиныхъ глазахъ заплавалъ по чистой водицѣ.

— Сударыня-боярышня! ахали между тѣмъ сѣнныя дѣвки.— А ягодъ-то что! Алымъ ковромъ укрыто!

И боярышня обѣщала Захару что теперь, какъ узнала мѣсто, будетъ сюда приходить и за земляникой.

— И грибочки, ей-же-ей, моя княгиня, тутъ привольно растутъ! заманивалъ мельникъ.—А вотъ, дай, весна разливная придетъ, то-то сморчковъ здѣсь будетъ, по коренью.

И простымъ ли рѣчамъ торопуна-старика боярышня была рада, рабское ли его усердіе видѣла, а только со старымъ мельникомъ была удивительно ласкова. Даромъ что въ атласной душегрѣйкѣ, въ щегольскихъ дѣвичьихъ сапожкахъ съ каблучками, съ золотыми серьгами въ тонкихъ ушахъ и въ молодецкой боярской шапочкѣ, а захотѣла еще заглянуть и въ мельниковъ шалашъ, въ его курную избу. Въ сѣнцахъ, заваленныхъ цѣлымъ ворохомъ только что надраннаго лыка, боярышня сѣла на дубовый столбокъ, который мельнику служилъ заразъ и стуломъ, и наковальней, и весело-шутливо велѣла старому „все себѣ показывать“.

Курносый показалъ и припасенныя колодки для пчелъ, и верши новаго послѣдняго плетенья, и бредишки, и снасти для птичьей и звѣриной ловли.

— А тамъ дальше что? весело-шутливо указывала боярышня уже на самый верхъ, подъ крышу.

Digitized by Google

— А это весла, красавица! Тамъ у меня весла спрятаны. И онъ снялъ ихъ съ верху, и обѣщалъ, когда милости ея угодно, ее по Таркѣ рѣкѣ на своей бударкѣ покатать.

— Не теперь, въ волну, молвила няня, — а въ тихую погоду почему и на лодкѣ не покататься дитѣ?

— А вотъ это что? молвила вдругъ боярышня, и въ углу, въ конопляной паклѣ, не то грабли, не то какіе-то серпы расправляла.

— А пилы-подпилки, сударыня! хихикалъ курносый, плутовски подмигивая сѣрыми глазами. — Пилы-скоропильчаты, имъ на бѣломъ свѣтѣ супротивника нѣтъ; чугунъ-желѣзо берутъ.

И старикъ скорѣй запрятывалъ свое добро.

Подкову ли старую дорогой найдетъ, гвоздь ли ржавый, онъ все несъ въ свое гнѣздо. А были у него еще и такія диковинки (боярышня добралась до всего!) о которыхъ и въ голову не пришло бы откуда ихъ могъ достать Захаръ.

— Въ смуту, сударыня! Въ смуту, добрый человѣкъ! обыкновенно въ этихъ случаяхъ бормоталъ курносый. — Смута была при царѣ Шуйскомъ, такъ мало ли чего на своемъ вѣку видано; а все кому какъ Богъ дастъ, да.

И его косматыя брови совсѣмъ сдергивались косицей вверхъ.

Любилъ Захаръ похвалиться тѣмъ что смуту пережилъ. И разказы о томъ какъ воры Ярославль взяли, или какъ они патріарха Филарета Никитича, покойнаго государя, дай Богъ ему царство небесное, роднаго батюшку, а нынѣшняго государя, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать, дѣдушку, какъ они его тогда приковали на-цѣпь къ пушкѣ; или еще о томъ какъ всѣмъ народомъ Бориса Годунова въ тѣ поры на Дѣвичьемъ полѣ въ цари выкликали, сестра его, царица-инокиня Ирина, полотна бѣлѣй, не живехонька возлѣ братца своего стояла, все въ полъ слезку ронила. Такіе разказы добраго Захара, поставщика рыбы къ ихъ столу, подъ тумокъ журчавшихъ ключей, въ липовой прохладѣ на паскѣ, не мало украшали для Софьи Даниловны ея уединенныя прогулки.

Бѣлые камни, которые тутъ во множествѣ высовывались по уступамъ берега и замѣсто ступеней вели къ синимъ, тихимъ струямъ Тарки; березовая роща уходившая по берегу къ Тарханску, журчанье ключей и стукъ мельницы,—все это на дальней чужбинѣ, казалось, напоминало боярышнѣ (отда-

Digitized by Google

ленное воспоминаніе дѣтства) ихъ Крутицкое большое подмосковное село. Тамъ на рѣкѣ Сытнѣ такіе же бѣлые камни, а по уступамъ такія же липовыя и березовыя рощи.

— Кто это идетъ? спросила вдругъ Софья въ одну изъ такихъ прогулокъ. Она выбрала мѣстечко сѣсть на самомъ берегу Тарки, гдѣ въ нее шумнымъ потокомъ сливались Колотовскіе ручейки. У ея ногъ, на синихъ струяхъ, качалась Захарова лодка. — Будто сюда шелъ, да насъ посторонился. Развѣ мы ему помѣшали?

— А это дьякъ вашъ, Гурьичъ, отвѣчалъ зоркій мельникъ.—По воскресеньямъ объ эту пору все онъ сюда къ камешкамъ приходитъ пискарей таскать. На самомъ этомъ мѣстѣ гдѣ сидишь, боярышня, съ моей бударки и удитъ. Увидалъ твою милость, знамо спрятался.

— Ахъ, пожалуста, его сюда позови! Я ни чуть не мѣшаю ему, ласково молвила Софья, встала и пошла отъ камешковъ берегомъ домой къ Тарханску.

Когда боярышня въ окруженіи своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ поровнялась со Львомъ Гурьичемъ, который неловко прятался отъ нихъ въ ивовые кусты, она молча поклонилась ему. Дьякъ вдругъ сбросилъ на-земь длинныя удочки, выбѣжалъ напередъ, и обнаживъ голову, закланялся низкими поклонами предъ воеводиною дочкой.

— Говорятъ, ни охотнику на охоту, ни рыбаку на ловъ желать удачи нѣтъ обычая, молвила Софья.—И въ томъ насъ прости, Левъ Гурьичъ, что мы молча мимо прошли, никакого счастья тебѣ не пожелали.

И постояла боярышня предъ дьякомъ, будто на свое слово и отъ него дожидалась находчиваго отвѣта.

Дьякъ оторопѣлъ вдвое....

— Государыня!... Софья Даниловна!... промычалъ онъ нескладно, и неуклюже развелъ руками.

Тихо всѣ тогда прошли мимо. А Левъ Гурьевичъ еще долго слѣдилъ взорами за удалявшеюся толпой, и въ синемъ дальнемъ воздухѣ долго еще статнымъ очеркомъ рисовался образъ воеводиной дочки.

Другимъ любимымъ мѣстомъ Софьи Даниловны былъ уголокъ на ихъ воеводскомъ дворѣ, нарочно для нея усыпанный и укатанный пескомъ, у той самой бѣлой башни которая стояла на обрывѣ утеса. Въ старину, говорятъ, въ нее метали преступниковъ; теперь она стояла пуста; единствен-

Digitized by Google

кое ея верхнее окошко глядѣло на рѣку; самая рѣшетка давно проржавѣла. Софья одинъ разъ заглянула какъ-то внутрь башни: оттуда повѣяло смрадною сыростью; любопытнаго ничего она не нашла. Сидя у ея подошвы, Софья часто тутъ кушала вишни которыя ей приносили прямо съ вѣтокъ изъ ихъ маленькаго сада. Только она зеленый стебелекъ откинетъ рукой или выкинетъ ртомъ косточку, и они съ утеса, прямо на ея глазахъ, падали въ синія волны Тарки.

— Утесъ-отъ, что̀ ни годъ, все его больше въ полую воду подмываетъ, объяснилъ мельникъ Захаръ.—Старые люди сказываютъ: затѣмъ ее и не достроили, Гусыню, что побоялись неравно весной въ воду уйдетъ заодно съ утесомъ. Такою ли ей надо быть? въ два выше. А вотъ, сударыня-княгиня, она и второй вѣкъ стоитъ. И мы-то знать, боярыня, помремъ, а она все на своемъ мѣстѣ будетъ.

За бѣлый ли ея цвѣтъ, ярко отличавшійся въ общей сѣринѣ здѣшнихъ деревянныхъ построекъ, за то ли что она какъ будто пала на воду, въ народѣ ее прозвали „Гусыней“.

По цѣлымъ часамъ Софья Даниловна сиживала тутъ со своею няней. Ей нравилось любоваться отсюда на полноводную Тарку. Если съ ними случался въ это время Левъ Гурьичъ, Софья обыкновенно заставляла его разказывать городскія новости. Но въ Тарханскѣ какія новости? Какъ протопопа Герасима жена рыжики и грузди солить умѣетъ; какъ пятидесятилѣтній Бискадаровъ наконецъ надумался и на комъ-то женится; какъ злая боярыня Киндякина съѣздила къ себѣ въ деревню и оттуда новыхъ гостей цѣлыми подводами навезла. Софья больше любила вывѣдывать отъ дьяка секреты Приказной избы. Левъ Гурьичъ разказывалъ много ли за послѣднее время они въ округѣ воровъ изловили; какъ они усмирили Мордву отказавшуюся было платить дань медомъ и воскомъ; какъ въ Новой Деревнѣ былъ пожаръ, все село до тла сгорѣло; сказывали, молъ, въ крайній дворъ ударила молнія, а по ихъ розыску оказалось что баба кисель варила.

Разъ, наскучивъ такими его новостями, Софья Даниловна вдругъ велѣла чтобъ онъ лучше ей „всю свою прошлую и нынѣшнюю жизнь разказывалъ“. Дьякъ смутился и промычалъ только, ни къ селу, ни къ городу, что „лучше бы ему было, онъ часто объ этомъ думаетъ, вовсе въ монастырь идти“.

Digitized by Google

Вечерѣло; тётя-мама присылала за дьякомъ Макарьевскія Четіи-Минеи дочитывать; они втроемъ садились за чтеніе. Входилъ сюда въ уголокъ „тёти-мамы", случалось, и самъ воевода; временемъ съ дьякомъ тутъ же заговоритъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, и его на всю ночь отошлетъ сидѣть въ Приказную избу, а иногда скажетъ ласково: „Ноньче, слава Богу, дѣлъ мало у насъ", и Льва Гурьича оставитъ ужинать у нихъ въ домѣ. А тамъ, поужинаютъ, и спать пора.

Скучно....

Напрасно было бы Софьѣ еще долѣе себя обманывать: даже до смерти скучно становится ей. Забыться ли она захочетъ у себя въ углу, хоть мыслями повидать свою красную церковь: а тутъ съ боку выглядываетъ въ окно церковь убогая, брусяная, потемнѣлая, Михаила Архангела. Ея жестяная, потускнѣлая крыша сейчасъ Тарханскъ напомнитъ. Цѣлый день она видитъ у себя на глазахъ грязную тарханскую площадь. Приставы погоняютъ метельщиковъ въ спину; метельщики, для выѣзда ея батюшки, грознаго воеводы, общипанными метлами метутъ-метутъ. Пьяный стрѣлецъ стегаетъ нагайкой Мордвина въ красную косматую шапку. Не то стрѣльцы и посадскіе толкутся, не то даже бабы и мужики, а какая-то чудь тарханская: Башкира и Татарва. Въ другое ли окно взглянетъ: и городъ весь невеличекъ предъ ней: почти сейчасъ за площадью дикое поле идетъ. Тарка разстилается въ зеленыхъ берегахъ. Тутъ, подъ самымъ окномъ, рѣка волны катитъ, и потомъ вдали, вдали, въ необозримыхъ поляхъ, ея синева мелькаетъ. И куда ни глянь, за Тарханскомъ одна безконечная степь на тысячу верстъ кругомъ.

Софья не можетъ болѣе однѣми мечтами жить. Душа были живой требуетъ.

Глядя на грязную тарханскую площадь, гдѣ толкутся черные мужики и бабы, и казакъ вѣчно стегаетъ нагайкой Мордвина въ его мохнатую шапку; глядя за-городъ въ поле, въ безконечную степь.... слеза у Софьи Даниловны сбѣжала по щекѣ. „Левъ ли Гурьичъ ей тутъ живою былью на глаза встаетъ?..."

Она смотритъ на свою свѣтелку, на здѣшній уголокъ, гдѣ все убрано такъ чтобы напоминать ей ея московскій теремокъ. Вотъ, здѣсь въ ровень съ углами, во всю длину лежитъ голубой въ бѣлыхъ звѣздахъ коверъ: на немъ

Digitized by Google

вышиты царь съ царицей и король съ королицей. На этомъ самомъ коврѣ тогда Лева передъ нею стоялъ. Другая слеза и третья.... скатилась по блѣдной щекѣ боярышни.

— Неужели все это были однѣ мысли дѣвичьи? Молвила она рыдая.

ГЛАВА XV.

Омутъ житейскій.

Женить своихъ молодыхъ сокольниковъ, съ самой свадьбы князя Львова, сдѣлалось какою-то потребностью царя Алексѣя Михайловича. Ему нравилось это: выборъ невѣсты, потомъ сватовство и говоръ родни, потомъ разныя приготовленія, наконецъ сама свадьба и на другой день поклонъ молодыхъ во дворцѣ.

Онъ то и дѣло повторялъ Матюшкину:

— Кого жь мы еще съ тобой повѣнчаемъ?

— Мало ли у тебя ихъ робятокъ! отвѣчалъ бояринъ, и пухлыя розовыя его щеки дрожали.—Прикажи только: вотъ и оба брата Крупениковы, и Стенка Хомутовъ, и Потапка, и Ларька.

И тѣмъ Аѳанасій Ивановичъ дорогъ былъ царю Алексѣю Михайловичу: только ему царь веселое слово скажи, а онъ ему ихъ съ три короба. Только Аѳанасію Ивановичу по охоту молви, а онъ ужь и соколовъ спускать! Вотъ теперь царь о свадьбѣ молодца заговорилъ, а онъ ужь ихъ десять сокольниковъ притащилъ подъ вѣнецъ.

— Мало ли у насъ робятокъ! опять повторилъ веселый бояринъ, и бриллiантовые боярскіе перстни на пухлыхъ рукахъ въ обѣ стороны блеснули.

— Мишъ и Лёвка еще у насъ, правда, про запасъ берегъ! Я ему, Аѳанасій Ивановичъ, невѣсту хорошую найду.

— Надо и Лёвку повѣнчать, извѣстно! Что жь ему, долго ли будетъ дуракомъ болтаться? на словѣ опять подхватилъ бояринъ.

Но Лёвку, очевидно, государь берегъ про запасъ: то-то онъ потѣшится на его свадьбѣ!...

Давно ли въ тихій вечерній часъ, въ часъ между вечера и свѣта, во дворцѣ шелъ такой келейный разговоръ между царемъ и Матюшкинымъ? А вотъ ужь и Ларька, и Потапка обвѣнчаны; даже обоихъ братьевъ Крупениковыхъ свадьба была; а вотъ теперь и Стенка Хомутовъ на княжнѣ Слуцкой

Digitized by Google

помолвленъ. И теперь заразъ о пяти свадьбахъ.... есть о чемъ досыта наговориться Москвѣ. Широкая родня еще шире по городу разрослась. Въ короткое время сколько новыхъ домовъ породнилось между собой! Въ насиженной Москвѣ, въ боярскомъ старомъ гнѣздѣ, сколько еще новыхъ семейныхъ узловъ для добра и зла, для вражды и для любви напуталось-перепуталось! Теперь, въ послѣднее время, что-то Лопухины въ ходъ пошли.

Людскія тары-да-бары, заодно съ уличною столичною стукотней, у Лёвы мимо ушей идутъ. Изъ чужихъ земель много новыхъ пословъ наѣхало, имъ при дворѣ были пріемы; замиренье, которое было послѣ краткой войны съ Поляками, теперь совсѣмъ повершено вѣчнымъ миромъ, и еще веселѣй при дворѣ и между бояръ и даже въ простомъ народѣ потекла шумная столичная жизнь. У Лёвы все одно на душѣ лежитъ, однимъ душа болитъ.

Разъ, возвращаясь изъ Кремля, гдѣ по обыкновенію онъ провелъ все утро въ сокольничьей избѣ, Лёва свернулъ въ свой кривой переулокъ и.... глазамъ не вѣритъ. Это ли „пустой домъ“? Вчера еще тутъ ничего не было, даже сегодня утромъ стояло пусто; а теперь и каменьщики забрались подъ самую крышу, и плотники вездѣ лѣсовъ нагородили.... Постукиваютъ, подправляютъ.

„Нѣтъ!“ думалъ Лёва, „не можетъ быть чтобъ это ихъ возвратъ означало.“ Но проходя мимо дома Обресковыхъ, онъ не спросилъ: по какому случаю его бѣлятъ-подновляютъ? Вотъ сняли подмостки; плотники и каменьщики убрались. „Пустой домъ“ опять мертвецомъ заглядѣлъ на улицу.

Значитъ до боярина дошли слухи что его палаты отъ долгаго несмотрѣнія могутъ совсѣмъ въ ветхость притти. И онъ, даромъ что живетъ на дальней сторонѣ, велѣлъ своимъ людямъ все починить, „чтобъ его московскимъ палатамъ ни въ чемъ порухи не было“. Сказать ли? Теперешняя подновленная ихъ бѣлизна Лёвѣ еще досаднѣй.

И опять вѣсти о Лопухиныхъ, о выходѣ замужъ дочери князя Трубецкаго, и всѣ людскія тары-да-бары, заодно съ остальнымъ городскимъ шумомъ, мимо Лёвиныхъ ушей идутъ. А имя Обрескова вычеркнуто изъ столичныхъ разговоровъ. У кого ни спроси, всѣ забыли!

Омутъ житейскій! Какихъ онъ теперь на бѣднаго Лёву мрачныхъ мыслей не нагонялъ?

Digitized by Google

ГЛАВА XVI.

Два года.

Неужели это были однѣ мысли дѣвичьи? Задумалась она, и въ раскрытое окно вдаль смотритъ. Тишь да гладь предъ ней, съ небомъ сливаясь, разстилается. Степь, одна степь, на тысячу верстъ вдаль бѣжитъ.

И уже няня ея, старая Василиса Пахомовна, сгорбленная, жалостная, цѣлый часъ стоитъ подлѣ боярышни. На силу-то Софья ея шутунъ разглядѣла.

— Няня, мамушка, куда эта сторона идетъ?

— На востокъ, все на востокъ, моя сударыня.

— А тамъ дальше что?

— А та сторона, мое дитятко, гдѣ солнце, сказываютъ, и на зиму не зайдетъ. Тамъ по гусиному яйцу хрусталь родится.

— Няня, позови Льва Гурьича. Пойдемте на мельницу гулять.

Но на Таркѣ страшно гудятъ помутнѣлыя волны, и отъ встрѣчнаго вѣтра по всей рѣкѣ бѣляки ходятъ. Листъ на половину облетѣлъ съ дуба; липа давно гола стоитъ. Не весело становится на дворѣ; а у себя дома всякій на зиму потеплѣй забирается. Коротокъ день, долги вечера, ночи безконечныя, — а поутру глядь въ окно: вотъ ужь и снѣгъ хлопьями валитъ. И кругомъ саваномъ забѣлѣла, и уже совсѣмъ суровая зима въ окно глядитъ. Теперь тарханская снѣжная пустыня, сливаясь съ небомъ, невѣсть въ какую даль идетъ.

— Мѣца мѣтъ, молвила няня и на печку пошла.

Вблизи и вдали хлопья носятся. Сталъ надвигаться туманный край, и все ближе къ самому окошку приступаетъ. Снѣжинки вдругъ, какъ человѣческія мысли, завихрились, засуетились.

И завыла загудѣла метель!

А здѣсь и метели не такія какъ на Москвѣ: здѣсь ихъ буранами зовутъ. Вой и гулъ по небу и по землѣ носится; снѣговой туманъ косить-крутится; бездны снѣга не внизъ, прямо летятъ; бѣлые столбы стоятъ до неба. Буря стонетъ-надрывается.... будто ихъ домъ, будто весь ихъ городъ съ мѣста сбить хочетъ.... Словно всѣ окраины потрясаются,

Digitized by Google

словно сама бездонная снѣжная глубина отверзается, и весь ихъ Тарханскъ въ вихряхъ съ земли совсѣмъ прочь улетѣлъ, и гдѣ-то вдали-вдали во вселенной одинешенекъ за стихіями стоитъ. Страшные бураны заволжскіе!

Въ эти тяжелые дни, зимнія безконечныя ночи и вечера, одна няня была Софьѣ незамѣнимымъ другомъ, ея ангеломъ-хранителемъ. Но чѣмъ она ей, кромѣ своихъ молитвъ, старая пособить могла? Пусть грозный батюшка мучитъ, пытаетъ ея няню, допрашиваетъ про любимую дочь, и старая безропотно умретъ подъ его желѣзомъ, а про „свои съ боярышней тайныя дѣла“ ему ни слова.

— Мамушка моя! старая ты моя голубка! часто повторяла ей Софья Даниловна. — Ужь очень намъ съ тобой скучно здѣсь на чужой сторонѣ жить. Ужели мы съ тобой свою красную церковь такъ и не увидимъ?

— Тебѣ какъ боярышнѣ не повидать! отвѣчаетъ старуха.— Въ той самой церкви тебѣ и вѣнчаться будетъ... Да.... У самой Тихвинской Божіей Матери, помяни мое слово, тебѣ и подъ вѣнцомъ стоять, да. А вотъ я-то, ужь и Богъ вѣсть, повидаю ли? Ужь ты не плачь, мое дитятко, боярышня моя. Къ тому идетъ, восьмой вѣкъ доживаю. Пора къ родителямъ, пора.

Перемучилась, переболѣла душа боярышни за это время; даже до смертной тоски затосковала. Прошло два года. Такого мертваго существованія, этой несбывающейся, но уже обреченной жизни, цѣлыхъ два года прошло!

Послѣ того какъ здѣшняя зима смѣнилась весною, вотъ ужь и опять другая зима стоитъ....

Миновало то время когда случайное совпаденіе имени *Левъ* могло на первыхъ порахъ забавлять и тѣшить. Тогда, перебирая въ пальцахъ свой финифтяный образочекъ, Софья часто думала: зачѣмъ у нея нѣтъ съ собой такого волшебнаго медальйона, гдѣ бы, на слоновой кости, Лёвины черты были изображены какъ живыя? Теперь она ясно чувствуетъ что будь даже его портретъ предъ ея глазами, онъ ей казался бы за лоскутокъ бумаги. Да и одно ли имя Левъ? На первыхъ порахъ, пока чуткое сердце было живо, Софья во всемъ и вездѣ умѣла находить дорогія примѣты.

Это время безвозвратно прошло теперь.

Теперь Софья Даниловна глядитъ на бѣднаго дьяка приказной избы, и ее занимаютъ мысли совсѣмъ другія. Левъ

Digitized by Google

Гурьичъ уже представляется ей вовсе не такъ грубъ и не такъ аляповатъ какъ прежде. Сказать ли? Она даже находитъ что онъ „ничуть не противенъ ей“.

Неужели, однако, и въ самомъ дѣлѣ молодому въ голову дурь западетъ? Софьиной вины тутъ нѣтъ. Правда, она обращается съ нимъ запросто, по-дружески; но таковъ ея обычай со всѣми. А противъ другихъ она къ нему не измѣнится даже на волосъ. Строга, неумолима. Бѣдному Гурьичу даже досадно. Онъ своими взорами будто умоляетъ воеводину дочку: „Понасилуй себя, измѣнися!... или меня, презрѣннаго червяка, лучше совсѣмъ прочь ногой оттолкни отъ себя!“ Не измѣнится воеводина дочка къ бѣдному дьяку тарханской приказной избы и ногой также не оттолкнетъ его прочь отъ себя. И втайнѣ Софья Даниловна даже сама себя упрекаетъ въ малодушествѣ: „не молодому въ голову дурь западетъ, а только я по своей гордости это вообразила себѣ! Знать-то ее изъ меня ничто не вышибло! Знать-то еще я до сихъ поръ своему превосходству никакъ сама въ себѣ не нарадуюсь.“

Но тутъ не Москва. Самое то что̀ боярышня могла здѣсь гулять одна съ няней и поминутно бывала въ разговорахъ со Львомъ Гурьичемъ, самое это постоянно напоминало ей что Тарханскъ противъ столицы совсѣмъ деревенщина. Они, Обресковы, и весь ихъ домъ отличались отъ всего здѣшняго люда какъ день отъ ночи. Здѣшній міръ—не ихъ міръ. И воспоминанія о томъ иномъ, оставленномъ мірѣ, отблескомъ котораго и являлся для нея всегда Лёвинъ образъ, уже совсѣмъ гасли и замирали въ ея душѣ. Ужь ничему не вѣрится, ничего не ждется.

Затаенныя силы будничной тишины тайно подползали и закрадывались въ душу къ ней.

— Ахъ, няня! няня! терзалась и мучилась Софья за это глухое время.—Сама себя устрашаюсь. Ужь не знаю: до чего и куда я дошла?... Ахъ, для чего я такая еще молодая!...

Она плакала, утиралась платкомъ.

— Христосъ съ тобой! молвила старуха. — Что̀ говоришь такое, Даниловна, не хорошо? Молись, мое дитятко.

„Господи!“ вся въ чудномъ восторгѣ пала она одинъ разъ предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери, и въ глубокую ночь до зари у себя молилась. „Такихъ ли моихъ, другихъ ли своихъ, не дай теперь на Москвѣ бѣдному Лёвѣ страданій знать.“

Digitized by Google

Къ совершенному оправданію боярыни надобно и то сказать: эта вторая Тарханская зима была для нихъ еще тяжеле. Что-то неладное зачиналось кругомъ. По городу пошли ходить какіе-то зловѣщіе толки. Въ народѣ говорили что такой бураной зимы какъ эта еще не видано въ Тарханскѣ, и это не даромъ; что вездѣ высыпало звѣря, противъ прежнихъ лѣтъ, неслыхано много, и это не къ добру. Старожилы на весну ждали небывалаго разлива, и предсказывали большую воду. Мельникъ Захаръ что-то чаще вздергивалъ свои густыя брови косицей вверхъ, когда заговаривалъ съ боярышней о смутѣ что была при Шуйскомъ. Старая няня Василиса Пахомовна все какой-то „бѣды чаяла". Въ одинъ тотъ послѣдній годъ старушка постарѣла за десять.

— Пора мнѣ, боярышня: ой пора! повторяла она все чаще.— Словно я слышу что тутъ на дальней сторонѣ кости свои сложу. И я рада бы тому, лишь бы вы всѣ мои дорогіе живы были. Богъ бы далъ отсюда скорѣй выбрались. А твое, дитятко, счастье и безъ меня, старухи, устроитъ тебѣ Богъ.

Старушка крестила ее дряхлою рукой.

Отъ Льва Гурьича Софья Даниловна услыхала наконецъ такія вѣсти: Казаки вездѣ заворовали, и мужики кругомъ поднялись.

Народная молва накликала на ихъ мѣста бунтовавшаго гдѣ-то на Волгѣ Стеньку Разина. „Всего мы въ Тарханскѣ пережили, думаетъ Софья:—одного этого не доставало!" На святкахъ, въ приказную избу, къ воеводѣ приводили какихъ-то „измѣнныхъ людей", а на Масленицѣ и Великимъ постомъ у нихъ по всему городу проявились „подметныя письма". Казаки въ нихъ хвалились что придутъ по просухѣ, „какъ листъ на деревѣ разметываться станетъ". Изъ уѣзда многіе помѣщики забирались въ городъ; Тарханскъ на ихъ глазахъ какъ-то тѣснѣть и людьми переполняться начиналъ. Прошло мало времени, казаки ужь и вовсе писали: „И не начаетесь какъ скоро придемъ."

И вотъ, что прежде пронеслось глухимъ гуломъ въ народѣ; о чемъ люди, желавшіе казаться умнѣе другихъ, говорили не иначе какъ о розказняхъ старыхъ бабъ; что наконецъ содержалось въ секретѣ отъ всѣхъ даже когда тому вездѣ объявились явные признаки: то въ самомъ недавнемъ времени приняло однакожь такой крутой оборотъ что воевода вынужденъ нашелся отписать на Москву къ государю: къ

Digitized by Google

Тарханску-де воровскіе всякіе люди, казаки, Мордва и мужики подходятъ, и за здѣшними малыми ратными людьми и за всеобщею народною тягостью, не чаетъ онъ какъ имъ отъ воровъ и усидѣть.

На самой Страстной стали казаки къ Тарханску подходить....

ГЛАВА XVII.

Ворожба.

На Москвѣ тѣмъ временемъ Лёва на самые на святки заболѣлъ „огневою“ и шесть недѣль не вставалъ. Напрасно, любя домъ Засѣкиныхъ-Рындиныхъ, государь Алексѣй Михайловичъ присылалъ къ нимъ своего доктора. Старики ясно видѣли что „царскій дохтуръ ничѣмъ не поможетъ больному дитяти: дитя ихъ порченое лежитъ“. Лёвина няня, старушка Домна Борисовна, перебралась на это скорбное время отъ своей сударыни-княгини Львовой опять въ домъ своихъ старыхъ господъ. Дни и ночи сидѣла она надъ больнымъ; она Божьими молитвами и простыми цѣлебными травами лѣчила Лёву.

Произошло чудо. Лёвъ, когда ужь гробовщики толпились у воротъ, выздоровѣлъ. Обрадовались, ожили старики и отслужили благодарственный молебенъ предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери. Это было за двѣ недѣли до Масленой.

Плакала, обнимала его молодая княгиня Львова, Настасья Григорьевна, сестра его, и прошептала своему исхудалому Лёвѣ: „Свѣтикъ мой братецъ! живи-здравствуй! Богъ дастъ, скоро твоей радости дождемся.“ Радость великая была въ домѣ. Радовалась на Москвѣ вся широкая родня Засѣкиныхъ. Но бѣлый домъ черезъ улицу попрежнему глухъ-забитъ стоялъ....

— Право, тезка, говорилъ опять молодой князь Львовъ, — слѣдъ бы тебя къ моей Молдаванкѣ свозить. Она вѣдь и гадальщица!

— А гдѣ, братецъ, она живетъ?

— На Сивцевомъ-Вражкѣ. Болотце знаешь?...

Молодой князь Львовъ похвалялся что онъ совсѣмъ тезку вылѣчитъ; даже пить вино научитъ его. Всю Масленицу они вдвоемъ катались на тройкахъ; вдвоемъ у сорока дядюшекъ

Digitized by Google

и у сорока тетушекъ на блинахъ перебывали. Но разгулъ пуще Лёвѣ на-сердце тяжелымъ свинцомъ легъ.

И Лёва, самъ себѣ не умѣя дать отчета что такое неладное у него творится въ душѣ, все пуще задумывался надъ тѣмъ: „неужели человѣку нельзя будущее знать?“

И вотъ, въ одинъ яркій, весенній день онъ на Сивцевомъ Вражкѣ, самъ того не замѣчая, ужь совсѣмъ подошелъ къ Болотцу. Ничего не помня, онъ ужь стоитъ въ комнатѣ.... Греческими духами сильно пахнетъ, и будто въ дурманѣ какомъ, видитъ онъ предъ собой Молдаванку.

— Молодой бояринъ!—и Маріорица (роскошная женщина лѣтъ тридцати, съ яркими восточными чертами лица, красота которой могла бы и на улицѣ броситься въ глаза) манила-завораживала Лёву. Она смотрѣла ему въ глаза съ участіемъ.— Пригожій мой! Ахъ, твой царскій кафтанчикъ милъ для меня. Въ такомъ точно ко мнѣ всегда *мой* приходилъ. Только у тебя волосы какъ смоль черные; а *мой* — бѣлокурый былъ.

Она томно вздыхала и, своими влажными, страстными взорами, все ближе проникала къ его бѣлому лбу, къ его чернымъ кудрямъ.

— У меня и М** бываетъ! вдругъ совершенно неожиданно молвила Молдаванка.

Лёвъ вздрогнулъ. Имени царскаго боярина, котораго онъ привыкъ встрѣчать только во дворцѣ на торжественныхъ выходахъ, онъ никакъ не ожидалъ у Маріорицы услыхать. А она назвала еще нѣсколько московскихъ именъ; въ молодыхъ сейчасъ же помянула его товарища князя Львова.

— Ты, дѣвушка, я вижу, не гадальщица! грустно сказалъ Левъ, и высвободилъ свою руку отъ нея прочь.

Молдаванка вспыхнула.

— А что жь я такое? разстановочно и гордо спросила она его.

— Знаешь сама что, молвилъ Лёвъ, смѣло взглянувъ ей въ глаза.

— Ахъ молодой, молодой!...

Маріорица укорительно закачала головой.

— У насъ Богъ одинъ съ тобой.

Она тщательно открещивалась на кіотъ съ двумя раскрашенными, раззолоченными вербами вверху.

— Я тебѣ не какая-нибудь Изотка. Это ты не къ Изоткѣ пришелъ. Я думала ты меня Цыганкой назвать хочешь, вотъ что. Такъ я и не Цыганка.

Digitized by Google

Маріорица театрально подступалась къ нему.

— Я-то не ворожейка?! Да я такая ворожейка, противъ меня у васъ въ цѣлой Москвѣ другой нѣтъ. Я самая настоящая ворожейка.

Она заподымала голову и разводила руками. Греческими духами сильно запахло; голова кружилась у Лёвы. Онъ ей опять несмѣло въ глаза глядѣлъ.

— Ну, какая же твоя ворожба?

— И звѣзда подъ которою человѣкъ родился; и цвѣтокъ въ полѣ, и на водѣ живой который его цвѣтокъ; на все своя ворожба. А тебѣ теперь на цвѣтокъ ворожба.

Маріорица совсѣмъ прильнула къ Лёвину лицу и долго, какъ бы выпытывая, глядѣла ему въ глаза.

— Твой желтый цвѣтокъ! воскликнула она въ восторгѣ.— Ахъ, счастливъ бояринъ молодой: его весенній цвѣтокъ, на водѣ, его живой цвѣтокъ!

— Поганый поцѣлуй! почти вслухъ воскликнулъ Лёвъ. Показалось ли ему, такъ ли оно было что Маріорица его поцѣловала.

— А вотъ же я и не поцѣловала его! жалобно вывела Маріорица, протянувъ обѣ руки. — Да и поцѣловать я тебя за что хотѣла?—Она поглядѣла долго ему въ глаза.—За то что ты *бѣлый*. Я такую примѣту знаю; ты до сихъ поръ *бѣлый*. Счастливая твоя невѣста, сказала она, вздохнувши.—Ты съ своею невѣстой, вы оба подъ вѣнцомъ будете бѣлы стоять.

— Скорѣй! Ворожи! крикнулъ Лёвъ, дрожа губами.

— Вотъ тотъ самый цвѣтокъ. На Неглинной сорви, на своей груди изсуши.

Она подала ему сухой образецъ того цвѣтка который онъ долженъ былъ сорвать съ живой воды на Неглинной.

— Можетъ ли цвѣтокъ что дѣлать?

— Ахъ! можетъ, бояринъ. Цвѣтокъ много можетъ! внушительно сказала Маріорица.—Иная звѣзда того не можетъ.... И вотъ тебѣ причина. Самъ ты съ живой воды сорви цвѣтокъ. Ты разломи цвѣтокъ: сокъ изъ него польется. И у тебя душа есть, бояринъ молодой, и у насъ какъ у цвѣтка душа въ крови.

— Что же будетъ?

— Какъ изъ цвѣтка на твоей груди, твоимъ горемъ ссохнувъ, душа изъ него изоймется, то и твоя судьба перемѣ-

Digitized by Google

нится. Ахъ, мотнула она головой,—ничего не понимаетъ молодой.

— Можетъ ли напередъ про мое будущее сказать?

— Какъ это можно, бояринъ! взвизгнула Малдованка, и ея поднятыя руки такъ и замерли въ воздухѣ.—Какъ это можно, бояринъ!

Она укорительно качала головой, молодаго пристыжала.

— А судьба моя перемѣнится?

— Нельзя ей не перемѣниться, бояринъ, отвѣчала Маріорица.—Все равно какъ еслибы твоя звѣзда въ небѣ.... вдругъ скатилась бы....

— Колдовство! сказалъ Лёвъ и отбросилъ цвѣтокъ.

Она его на лету поймала.

— А я тебѣ скажу, бояринъ, колдовства нѣтъ никакого, молвила Маріорица, и по-пріятельски положила свои руки ему на плечи.—Вотъ ты любишь боярышню, а боярышня тебя любитъ. Не такъ ли? Но почему же вы своей судьбы не перемѣните. Судьба не отъ воли. Наша, а не отъ насъ. Такъ что же ты смѣешься на цвѣтокъ?

Мысли въ Лёвиной головѣ путались и мѣшались. Онъ стоялъ какъ полоумный.

— Только въ томъ мое колдовство, бояринъ, продолжала она,—что я твой цвѣтокъ узнала. Но это ужь отъ Бога таланъ. Гдѣ любовь, тутъ и ворожба, бояринъ. Любовь въ насъ отъ сердца.... а сердцу какъ безъ ворожбы?

Маріорица задумчиво и грустно качнула головой.

— И на все свои примѣты. Только не всякій ихъ угадаетъ.

Лёва стоялъ уже ничего не слышалъ. Маріорица его цѣловала.

— Я бы ихъ и рада примѣтъ не знать. Я бы, ихъ не зная, счастлива была! Да вотъ тутъ онѣ у меня....

Она била себя въ грудь, опять заволакивала бѣлками.

— Ужь въ полѣ родясь, о нихъ съ птицами небесными я перекликалася. По зарямъ я ихъ на цвѣтахъ разбирала. Мѣсяцъ мой учитель былъ. Звѣзды мнѣ признавались. Нѣтъ, Маріорица никогда не будетъ покою знать!...

— Мнѣ, проговорилъ Лёвъ, и губы его дрожали,—мнѣ твой желтый цвѣтокъ поможетъ?

— Бояринъ молодой! Жаль мнѣ тебя, право. Отъ души хотѣла бы пособить. А то ужь вотъ что развѣ.... Ступай къ Йонъ Кирыцу. Ты Йонъ Кирыца знаешь?

Digitized by Google

— Йонъ Кирыцъ? дико прозвучало у Лёвы въ ушахъ.

— Нѣтъ, лучше не ходи! Не ходи къ Йонъ Кирыцу, молодой. Йонъ Кирыцъ колдунъ, я тебѣ прямо, боярин, говорю. Ты Йонъ Кирыца знаешь? приставала къ нему Маріорица.

— Маріорка, я бы пошелъ къ нему!

— Я не колдунья, а ворожейка! жалобно лепетала Маріорица, и ластилась къ нему, какъ бы вымаливая себѣ прощеніе.—Богъ мнѣ на роду судилъ ворожейкой быть.... И кому какая звѣзда, кому какой цвѣтокъ, это ужь отъ Бога таланъ.... Я даже по глазамъ примѣты узнаю. Это отъ Бога таланъ такой. А Йонъ Кирыцъ....—И Маріорица вздрагивала, ея губы истерически шевелились. — Йонъ Кирыцъ колдунъ.

— Маріорица, что такое колдовство значитъ?

— А Йонъ Кирыцъ можетъ и будущее знать.

И Лёва, пока бѣжалъ на Неглинную за желтымъ цвѣткомъ, совсѣмъ былъ безъ памяти. Йонъ Кирыцъ, оказалось, дьяконъ, въ Даниловой слободѣ живетъ, въ дальнемъ упраздненномъ приходѣ. Молдаванка, ломая и коверкая многія слова по-своему, и его, Іону Кирыча, назвала не по-русски.

Лёвъ на Неглинной прямо съ живой воды сорвалъ свой желтый цвѣтокъ. На его глазахъ, за рѣчкой, весь Кремль былъ на виду. А онъ ни золотаго Кремля, ни святыхъ соборовъ, ничего уже предъ собой не замѣчалъ.

ГЛАВА XVIII.

Колдунъ.

Лёва въ потемкахъ, въ большой пустой комнатѣ. Два окна на глухо забиты ставнями, а на одномъ разставлена высокими стоячими пучками зеленая чемерика. Хозяинъ въ темномъ дьяконскомъ подрясникѣ и съ волшебною большою книгой въ рукахъ. Онъ разчесываетъ широкую бороду, расправляетъ усы и, сверкая сѣрыми глазами, Лёву будто мертвымъ духомъ съ головы до ногъ обдаетъ.

— Рцы, рцы слово! говорилъ онъ ему грубымъ голосомъ по-мужицки, и прямо повелъ въ темный уголъ къ своему чародѣйству. Лёва, о своемъ желаніи узнать будущую судьбу свою, едва пролепеталъ.

Digitized by Google

— Судьба кладъ, не то свое колдовство начинаетъ, не то ему просто отъ себя колдунъ говоритъ, да еще будто осердился.—Это ты къ облыжнымъ колдунамъ иди, свое говори. А я самъ знаю что; тебя не спрашиваю.

И въ большой книгѣ онъ уже началъ листы поворачивать. Онъ началъ вычитывать и говорилъ разстановочно, совсѣмъ какъ должно дьякону на его дьяконскомъ мѣстѣ стоя, а то вдругъ обернется къ Лёвѣ и опять по-мужицки:

— Какъ заговоръ на кладъ, такъ и на судьбу свой наговоръ есть. Я-те не облыжный колдунъ. Облыжный колдунъ людей морочитъ, даромъ деньги беретъ. Сюда, ко мнѣ становись.

И онъ руки простеръ надъ Лёвой, большую книгу подержалъ мало надъ его головой. Умъ мутился у Лёвы. Видимое дѣло: само колдовство теперь начинается. Колдунъ страшными заклинаніями призывалъ силу, причитывалъ скороговоркой, шепталъ что-то въ сторону и неистово метался въ темномъ углу, будто съ самимъ нечистымъ на полу говорилъ.

Темнѣетъ въ глазахъ у Лёвы.

„Чего хочеши, чего просиши?“ раздается у него въ ушахъ.

„Наша сторона ледящая!“ зыкнулъ ему въ отвѣтъ лавочникъ на посадѣ, когда онъ спрашивалъ гдѣ тутъ живетъ Іонъ Кирычъ. И Левъ думалъ: это онъ самый опять предъ нимъ съ рыжею бородой; онъ, всматривается, никакъ это гробовщикъ?

„Чего хочеши, чего просиши?“ у Лёвы въ ушахъ раздается. „Хочу кладу, прошу яду“, слышатся его чары, и онъ ужь что-то въ чашу кладетъ. „Кладу хочу, яду прошу“, и онъ съ чародѣйскими обрядами что-то расправляетъ у себя на столѣ. „Кладу ли хощеши? Кладу!“ въ помраченіи ума своего возглашаетъ колдунъ. „Яду ли просиши? Яду!“ И онъ къ своему темному чародѣйству припадаетъ. „Се кладъ тебѣ, се ядъ тебѣ!“ причитывалъ онъ скороговоркой. „Не ядъ тебѣ, се кладъ тебѣ!...“

А у больнаго совсѣмъ уже дурно въ головѣ. Отъ чемерики съ окна сизый дымъ шелъ на всю комнату, казалось ему. Опять къ самому темени приливало, опять горячешный бредъ, опять она—огневая.

— Рцы, рцы слово! между тѣмъ говорилъ ему колдунъ, и его, царскаго сокольника, въ бока толкалъ.

— Яду просилъ! кликнулъ въ безпамятствѣ Левъ.

Digitized by Google

— Рцы: слышу! грубо, по-мужицки, перебилъ колдунъ, и велитъ начать сызнова. — Хотѣлъ клады, просилъ яду. Слышишь ли? Рцы: слышу.

— Слышу, сказалъ Левъ.

— Яду просилъ, кладъ получилъ, сверкнулъ на него колдунъ сѣрыми глазами.—Слышишь ли? Паки рцы: слышу.

— Слышу, сказалъ Левъ.

— Не яду просилъ.... въ сторону скороговоркой зашепталъ колдунъ и уже въ совершенномъ изступленіи крикнулъ:— Клады просилъ, кладъ и получилъ! Слышишь ли? И въ третій рцы: слышу.

— Слышу, въ третій разъ сказалъ Левъ.

И тогда сила будто совсѣмъ отступила отъ колдуна.

У Лёвы въ глазахъ чемерика прыгала на окнѣ, у него подъ ногами полъ ходилъ ходенемъ, а Іонъ Кирычъ запросто утиралъ вспотѣлый лобъ, попрежнему расправлялъ усы и бороду, и съ Лёвой опять какъ ни въ чемъ не бывало мужикъ-мужикомъ говорилъ. Онъ только изрѣдка, будто для справокъ, заглядывалъ въ свою книгу.

— Ну, теперь, прекрасный мой бояринъ, уповать надобно, измѣнится къ хорошему концу. Завтрашній день этотъ самый порошокъ, разумѣется на тощее сердце, еще до свѣту проглоти; все равно съ водой можно. А лучше, за часъ до солнца проглотивъ, на самомъ восходѣ, воды испить. Это я тебѣ на-перво даю. Будешь каждую ночь, во снахъ, возлюбленную видѣть. А въ той же ночи, уповательно, и ей сниться будетъ. Если есть злые люди, которые препятствуютъ, уповать надобно измѣнится къ хорошему концу. На-перво довольно. Злые люди и порчены могутъ быть, и изомрутъ. Бываетъ даже издалеча пользую—влюбленные получаютъ желаемое. Пущаю по вѣтру и заглазно, свое дѣйствіе имѣетъ.

Холодный потъ выступилъ у Лёвы на вискахъ. Іонъ Кирычъ потрепалъ его по плечу своею широкою ладонью и съ мужицкою любезностью обернулъ за шею прямо къ себѣ.

— Твои-то, я вижу, гдѣ-далеко живутъ, сказалъ онъ, стараясь добродушливо улыбнуться. — На дальней сторонѣ. А-сь? У тебя на лицѣ *ржа* есть. Ржавая кровь. Такая ржа зовется, изъ сердца на лицо бѣжитъ. Отъ дикой крови заводится; нападаетъ отъ долгой тоски. И она, ржа, на тебѣ есть. Могу и будущее знать. Но твоего будущаго еще предо мной нѣтъ.

Левъ начиналъ на ногахъ шататься.

Digitized by Google

— Предъ очима моима твоя судьба надвое предо мной. Іонъ Кирычъ опять загалдывалъ въ свою большую книгу.

— Всякому человѣку мѣта положена есть, и дондеже не прейдетъ злой мѣты своей — надвое судьба предъ человѣкомъ. Когда же злой прешелъ мѣту—болѣе не властенъ въ судьбѣ своей, и его нудитъ лукавое о будущемъ вопросити. Но твоя судьба еще надвое предо мной. Я те не облыжно говорю. Даромъ съ тебя мзды не хочу. На-перво не возьму и за теперешнее начинанье свое. Но теперь дорогу ко мнѣ узналъ, прекрасный мой боярикъ; такъ и въ другорядь, и въ третій ко мнѣ придешь. Тогда заодно получу. Іонъ Кирычъ, во всемъ околоткѣ спроси, не чтобы людей морочить облыжный колдунъ. Приходящіе желаемое получаютъ отъ меня. Необлыжно и тебѣ говорю.

....Изъ темной комнаты, съ мертвою зеленою травою на окнѣ, вырвавшись на свѣжій воздухъ, сокольникъ самъ не свой толкался по посаду. Рогожныя лавки-прилавки, грязныя не дворянскія лачуги, царскіе кабакъ на кабакѣ онъ скорѣй мимо себя пропускалъ.

Онъ идетъ, спѣшитъ, точно кто гонится за нимъ. Но какъ ни спѣшилъ, и сколько впередъ ни подвигался, а въ испугѣ видитъ что все одинъ и тотъ же пустырь предъ нимъ, и какой-то длинный нескончаемый заборъ тянется предъ его глазами. И то и дѣло сорный ровъ попадаетъ ему на глаза; на днѣ бѣлѣли мертвыя кости. Онъ пустился бѣжать.... Но чѣмъ шибче гонитъ, тѣмъ сильнѣй и колдовскія чары поспѣваютъ за нимъ... Уже они обступаютъ, льнутъ, кружатся, не даютъ ходу. Ему дурно становится.... и вдругъ пошло, пошло. Земля разступается подъ ногами; неудержимая сила валитъ его въ подземную на самое дно, и на очи темный адъ оттуда съ дикимъ хохотомъ встаетъ.

— Силы небесныя! крикнулъ безпамятный Левъ. — Заступите, защитите меня!—И со всего бѣга упалъ на земь. Его било какъ въ порчѣ.—Силы небесныя! стоналъ онъ глухо съ земи.—Заступите, охраните меня!

И силы небесныя заступили, охранили его. Благовѣстъ, какъ бы мысленному слуху, почудился ему вдали. Онъ вперилъ неподвижный взоръ въ синюю даль, и руки у него замерли на груди крестъ-на-крестъ.

Въ тихомъ весеннемъ навечеріи это сама Москва, какъ неземное видѣніе, рѣяла предъ его глазами. Несмѣтными

Digitized by Google

церквами, монастырями, золотыми кремлевскими соборами сіяла ему синяя даль.

Онъ вдругъ бросилъ въ ровъ свой желтый цвѣтокъ; тотъ, упалъ на дно къ лошадинымъ костямъ. Онъ выхватилъ и бумажную закладку, отбросилъ порошокъ прочь отъ себя..

Мощистымъ столбомъ сѣрый въ воздухѣ повернулся и пропалъ.

Лёвъ земно поклонился городу, и навстрѣчу зову колоколовъ веселыми ногами пошелъ.

— Сердце чисто созижди во мнѣ и духъ правъ обнови во утробѣ моей!.. Избави мя отъ кровей, Боже, Боже! слышалось ему чтеніе на клиросѣ, когда онъ входилъ въ первую попавшуюся церковь.—Господи и Владыко живота моего, молился предъ алтаремъ священникъ, и за нимъ вся церковь: духъ же цѣломудрія, смиреномудрія терпѣнія и любве, съ земными поклонами повторяла. Всѣхъ, на отпустѣ, благословилъ священникъ, и—недолга вечерняя служба—говѣльщики, перекрестясь, пошли по домамъ.

Но ему хочется теперь скорѣй красную церковь повидать, хочется туда гдѣ онъ первый разъ *ее* видѣлъ,—на то самое мѣсто стать гдѣ она обыкновенно стаивала за обѣднёй, и тамъ самой Тихвинской Божіей Матери молиться.

Мягко было въ воздухѣ, привольно. Весенняя дорожка, молодая трава, весело зеленѣла на дорогѣ. Уличная грязь бѣжала мутными ручьями. Пѣтухи и куры расхаживали и поклевывали себѣ. Всего этого прежде Левъ не замѣчалъ.

Красная церковь была не заперта. Рѣдко раздававшіеся удары колокола призывали исповѣдниковъ. Вошелъ, — и все здѣшнее узорочье ласково засвѣтило ему.

Онъ сталъ на то самое мѣсто гдѣ *она* обыкновенно стаивала за обѣднёй, — и самой Тихвинской Божіей Матери молился.

— Царица Небесная! говорилъ Левъ.—Сама Ты, Непорочная Дѣва, заступи и защити меня.

А Тихвинская Божія Матерь, съ неизъяснимымъ милосердіемъ взирая на молящагося, будто еще говорила ему: Зачѣмъ ты ко Мнѣ съ самаго начала не обратился?

— Лёвушка мой! въ тотъ же вечеръ говорила ему, обливаясь слезами, боярыня Татьяна Борисовна. — На всю жизнь мнѣ сегодняшнее число будетъ памятно. Вотъ когда: не на

Digitized by Google

Масляной, а только конѣшнее число, на самую Страстную, ты совсѣмъ отъ огневой оправился.

И мать подводила сына къ своей образницѣ, гдѣ опять сіяла Тихвинская Божія Матерь, точный снимокъ, въ величину подлинника, съ ихъ храмовой иконы. Левъ кланялся земно. И Она опять съ неизъяснимымъ милосердіемъ взирала на молящагося, и точно такъ же какъ въ церкви будто еще говорила ему: Зачѣмъ ты ко Мнѣ съ самаго начала не обратился?

ГЛАВА XIX.

Какъ воры подошли къ Тарханску.

Казаки, подойдя къ Тарханску, всѣ лодки по берегу сожгли. Это было именно то время когда прибрежные готовились къ водополью. Вдоль всей Тарки стояли цѣлыя озера воды. По ея берегамъ синѣли и струились рябью широкія окраинцы; ледяная кора по всей рѣкѣ наводенѣла; ледъ съ часу-на-часъ надувался. Село Великое осиротѣло за рѣкой и глядѣло отрѣзаннымъ ломтемъ противъ города.

Это было страшное время для Обресковыхъ на дальней глухой сторонѣ. Послѣднія недѣли воевода проводилъ дни и ночи въ приказной избѣ. Ихъ маленькій домикъ хлопалъ по всѣмъ дверямъ: входили полузнакомыя, чужія лица; ихъ дворовые бѣгали съ ногъ до головы вооруженные. Весь обычай какъ-то нарушился въ домѣ: безъ времени садились за столъ, „обумши“ спать ложились. Левъ Гурьевичъ поминутно передавалъ Софьѣ Даниловнѣ пыточныя рѣчи, однѣ страшнѣе другихъ.

Никто не зналъ навѣрно: кто именно шелъ на ихъ городъ. Говорили розно: Стенька-Разинъ, Сивый Усъ. Еще говорили что дикая Башкира поднялась. Чего хотѣлось сѣрымъ, этого также никто не зналъ. Наконецъ, на чемъ сдумано у нихъ у самихъ въ городѣ: выйдутъ ли воровъ встрѣчать въ поле, будутъ ли отсиживаться отъ нихъ за стѣнами, въ городѣ и про это всякій толковалъ по-своему. У воеводскаго двора толпилось день и ночь все тарханское населеніе. Съ площади народъ, прямо сказать, не расходился даже и по ночамъ. Пробовалъ ли кто потолкаться между площаднымъ людомъ, ни о чемъ не могъ бы онъ допытаться и

Digitized by Google

здѣсь: за государя ли хотятъ стоять вмѣстѣ съ воеводой, воровскую ли сторону уже явно держатъ.

Софья хорошо знала что они въ большой опасности. Воевода все ждалъ сильной рати изъ сосѣдняго Орлова; онъ обчелся всего двумя днями: изъ Орлова ко вторнику не могли придти за полою водой. Тогда воевода распорядился чтобы на дняхъ же изъ села Великаго перевести хоть часть тамошней рати: сотни четыре тамъ было надежныхъ. Но пока еще собирался, а передняя часть бунтовавшей черни уже разсыпалась по всему округу, и поминутно доносили о ея проказахъ. Воевода—это было въ Великій Четвергъ—нарочно послалъ въ село Великое самого Льва Гурьевича. Онъ велѣлъ ему сейчасъ же приводить рать; отдалъ, кромѣ того, приказъ чтобы приготовить тамъ дворъ для своей семьи, и чтобы на обоихъ берегахъ было устроено все что̀ нужно для переправы. Цѣлый день онъ нетерпѣливо ожидалъ возврата Льва Гурьевича.

Софья была весь день занята съ тётей-мамой; она не отходила отъ ея постели; въ комнату отца ей удалось сбѣгать только раза три-четыре, и то на одну минутку. Странно показалось Софьѣ: всякій разъ какъ она входила въ отцовъ покой, Данило Ивановичъ сидѣлъ молча у своего большаго дубоваго стола въ широкомъ креслѣ, задумчивъ и неподвиженъ какъ въ смертной истомѣ. Что̀ такое дѣлается съ ея отцомъ, Софья никакъ не могла разгадать. А только чѣмъ глубже каждый разъ заглядывала ему въ лицо, тѣмъ вѣрнѣе прочитывала: нѣтъ, это никакъ не воровъ побоялся онъ!

Левъ Гурьевичъ вернулся уже поздно. Онъ вбѣжалъ прямо къ воеводѣ въ комнату, блѣдный и разстроенный.

— Тарка сейчасъ прошла! Четыремъ сотнямъ нельзя быть сюда изъ Великаго, кликнулъ дьякъ.

— Тѣмъ лучше, молвилъ воевода, выслушавъ его докладъ совершенно спокойно.

— Въ городѣ одни ненадежные остаются; явно передались разбойникамъ, добавилъ дьякъ.

— Извѣстное дѣло, опять совершенно спокойно возразилъ воевода.

Онъ все сидѣлъ попрежнему молча и насупившись; Левъ Гурьевичъ стоялъ предъ нимъ уже на вытяжку. Передавъ какой-то новый приказъ дьяку, Данило Ивановичъ вдругъ всталъ со своего кресла и ушелъ ко своимъ.

Digitized by Google

Софья сидѣла въ комнатѣ у „тёти-мамы“. Наталья Ивановна, одѣтая совсѣмъ по-дорожному, даже въ высокихъ сапогахъ, лежала распростертая на своемъ, чуть не до потолка, пуховикѣ. Она теперь даже не охала и не ахала по своему обыкновенію. Въ головахъ у ней блестѣлъ золотымъ окладомъ образъ „Всѣхъ Скорбящихъ“, который уже нѣсколько дней тому назадъ былъ ею снятъ изъ угла, и осиротѣлый гвоздь паутинился тамъ заодно съ розовою тесемкой. Заслышавъ приходъ своего государя-братца, Наталья Ивановна замахала рукой....

— Охъ, не говори.... не говори! Ничего не говори.... застонала она ему.

Протопопова жена, которая пришла было просидѣть съ ними вечеръ, молча отвѣсила низкій поклонъ воеводѣ, и удалилась.

Данило Ивановичъ присѣлъ въ ногахъ сестриной кровати. Софья, заложивъ руку на ея спинку, стала возлѣ отца. И боярышня была въ коротенькой мѣховой шубейкѣ; за поясомъ у ней блестѣлъ кинжальчикъ. Подобранный сарафанъ давалъ видѣть ея статныя шаровары, на мужскую стать, и также походные высокіе сапоги.

Долго длилось молчаніе. Наконецъ Данило Ивановичъ сказалъ:

— Мнѣ, воеводѣ, надо завтра на стѣнахъ быть и царскую службу до конца живота нести, а чтобы съ собою и бабъ на вольную смерть тащить того въ законѣ нѣтъ. Какъ ни трудно было, а для васъ все приготовлено. Люди съ вами надежные пойдутъ. Прощай, матушка-сестрица. Софья! сейчасъ же собирайся съ матерью и въ лодку садись. Вы сію же минуту должны ѣхать въ Великое. За-рѣку.

Наталья Ивановна ожила и встрепенулась. Отецъ всталъ съ кровати и молча перекрестилъ дочь.

— Батюшка, я не оставлю тебя одного, сказала Софья.— Сейчасъ я соберу тётю-маму, и пусть тётя-мама одна поѣдетъ. А я какже тебя здѣсь одного брошу?

Окольничій велѣлъ кликнуть Льва Гурьевича. Тотъ явился какъ листъ передъ травой.

— Лёвко! готово что ль?

— Все, какъ велѣлъ, изготовлено. Ледъ идетъ шибко; вода прибывать стала, но прибрежные взялись доставить. Молодцы

Digitized by Google

попались бывалые. Гдѣ, сказываютъ, на доскахъ переѣдутъ, гдѣ на лодкѣ проѣдутъ, обвадеживаютъ.

— И полъ-ста къ нимъ придалъ? допросилъ воевода.

— При мнѣ еще переправились, чай ихъ боярскую милость давно съ подводкой на томъ берегу ждутъ.

— Чекмарь! крикнулъ окольничій.

Въ комнату вошелъ его ровесникъ старикъ-слуга, который весь вѣкъ, еще съ самаго дѣтства, не разставался со своимъ боярином.

— Ты повезешь ихъ, сказалъ ему окольничій.—Слышишь, ли?

Онъ многозначительно помолчалъ.

— Впередъ при нихъ, съ сей минуты, безотлучень будь. Понялъ?

— Слушаю-съ.

Чекмарь палъ ему въ ноги. Окольничій поднялъ слугу, и горячо оба старика поцѣловались между собой.

Данило Ивановичъ началъ прощаться съ сестрой. Наталья Ивановна уже весело двигалась на ногахъ. Онъ самъ ее поддерживалъ и велъ къ дверямъ.

— Батюшка, я право не пойду, остановилась Софья на полъ-дорогѣ.—Позволь еще хоть одинъ денекъ побыть тутъ.

— Это вотъ другое дѣло, молвилъ окольничій въ раздумьи.— Завтра, сказалъ онъ, цѣлуя дочь,—пожалуй и въ самомъ дѣлѣ перевозъ еще лучше будетъ.

Проводивъ сестру, воевода опять ушелъ въ свою комнату. Софья попробовала было войти къ нему: дверь оказалась запертою на ключъ. Она вошла въ опустѣлую спаленку тётимамы, и тамъ припала головой къ стеклу у окна. Ущербленный мѣсяцъ плылъ на синемъ апрѣльскомъ небѣ. Ей показалось что она слышитъ и весенній, ночной, сырой туманъ въ воздухѣ, и даже вой Тарки, какъ на ней ледъ ломается, и какъ вода шумитъ. Михаилъ Архангелъ не весело сіялъ жестяною крышей. „Страстная недѣля, Великій день на улицѣ! Вотъ они какъ ихъ нынѣшній годъ въ Тарханскѣ провожаютъ.“

Софья сбѣгала еще разъ къ отцу, потихоньку попробовала дверь: заперта на ключъ. На дворѣ раздался шумъ людей проводившихъ Наталью Ивановну. Софья вышла на крылечко и сейчасъ поймала Льва Гурьевича. Они очутились вдвоемъ въ большомъ пріемномъ покоѣ. И тутъ, какъ въ цѣломъ

Digitized by Google

домѣ за это послѣднее время, по всѣмъ угламъ былъ безпорядокъ; освѣщенія вовремя также люди не подали. Они оставались впотьмахъ.

— Левъ Гурьичъ, отвела его Софья подальше отъ батюшкиной половины.—Сказывай мнѣ сейчасъ что̀ у васъ такое нынче было въ приказной? Отчего давеча поутру батюшка ни живъ, ни мертвъ отъ васъ воротился?

— Ахъ, Софья Даниловна, какія времена! Живо уѣхалъ бы и самъ отсюда. Разбойники, пожалуй, завтра будутъ.

— Это я слышала. Еще что̀?

— Да еще пытали ночью Мордвина. Ужь какъ издохнуть собакѣ, повинился: вѣдь ихъ тамъ три тысячи въ Новой Деревнѣ въ сборѣ. Всѣ къ нимъ и пригороды наши къ ворамъ пристали.

— Еще ничего развѣ не было?

— Чего тебѣ еще, Софья Даниловна? Ахъ, право бы уѣзжала вмѣстѣ съ маменькой. Чего еще завтраго дожидаться? Сейчасъ меня воевода посылалъ на рѣку: и люди, и лодка, все готово. Теперь, пока воры не подошли, во всей надежности съ „маменькой“ вдвоемъ и переплыли бы. А въ Великомъ селѣ отъ воровъ за теперешнею большою водой какъ у Христа за пазушкой охранно. Опять и нашихъ тамъ людей всѣ четыре сотни, и больше есть.

— Нѣтъ, еще что-нибудь было у васъ, договорила Софья, разсѣянно слушая или вовсе не слушая разказовъ Льва Гурьевича.—Видѣла я его каковъ онъ изъ приказной избы отъ васъ вернулся. Это не воровъ побоялся онъ. Опять, самъ знаешь, нынче же въ ночь изъ Орлова къ намъ двѣ тысячи подойти должны. Батюшка на это вѣрно надѣется.

— Кабы не эти двѣ тысячи, что̀ къ намъ изъ Орлова идутъ, совсѣмъ бы ложись да и умирай тогда. А вотъ нейдутъ что-то, добавилъ дьякъ помолчавъ.

— Батюшка говорилъ придутъ ночью. Ближе завтрашняго дня онъ и съ самаго начала ихъ не надѣялся. Послѣдняя отъ нихъ вѣсть была что непремѣнно будутъ на Великую Пятницу, а вотъ ужь и четвергъ у насъ. Завтра, если не теперь въ ночь, навѣрно придутъ. Нѣтъ, еще чего не было ли у васъ тамъ?

— Да, бишь!... вдругъ молвилъ дьякъ.—Съ Москвы, правда, отъ царя бумага пришла.

— Что̀ жь ты мнѣ этого сразу не сказалъ? крикнула Софья.

Digitized by Google

Батюшка мнѣ объ этомъ ни слова! мелькнуло у ней въ головѣ.—Кто же ее, ты принялъ? Что̀ царь съ Москвы пишетъ?

— Царскихъ бумагъ, Софья Даниловна, мнѣ вскрывать не велѣно; съ самаго пріѣзда такъ мнѣ Данило Ивановичъ заказалъ, отвѣтилъ дьякъ.—Иные потомъ сдаетъ мнѣ на руки, а нынѣшнюю бумагу прочитавъ, да и не сказалъ никому.

— Левъ Гурьичъ! какъ ты самъ замѣтить могъ? Ту бумагу отъ государя прочитавъ, батюшка въ своемъ лицѣ каковъ былъ?

— Софья Даниловна! тебѣ онъ отецъ родной, ты его когда ласковъ, когда грозенъ, разбираешь. А я, презрѣнный червь совсѣмъ ему подвластная душа. Что̀ до царской бумаги, что̀ послѣ нея, со мной онъ весь день одинаково грозенъ былъ. А только прочитавъ, да и за кафтанъ положилъ. Это мы всѣ давеча примѣтили. Знать она и сейчасъ при немъ.

Онъ указалъ головой на покой воеводы.

— Ступай теперь, Левъ Гурьичъ! сказала Софья.—Сѣдлай коня, съѣзди на рѣку: узнай благополучно ли перевезли тётю-маму. Такъ мнѣ и государь велѣлъ передать тебѣ, чтобы раньше, какъ ее на другомъ берегу увидишь, ты бы къ намъ и не ворочался сегодня.

Воевода вышелъ наконецъ изъ своей комнаты ужинать.

— Ноньче въ ночь двѣнадцать евангелій пожалуй у Михаила Архангела и не услышимъ, сказалъ онъ Софьѣ.—Самъ я у себя на сонъ грядущій почитаю. Раньше бы и ты сегодня ложилась спать.

Онъ обласкалъ дочь, объяснилъ ей что на ея просьбу хоть одинъ лишній день остаться съ нимъ онъ согласился на томъ соображеніи что все равно: воры не посмѣютъ сунуться пока не всѣ еще собрались въ Новой Деревнѣ; не ближе какъ дня чрезъ два-три, развѣ, пойдутъ сюда къ Тарханску, а изъ Орлова двѣ тысячи съ минуты на минуту должны быть къ нимъ на помощь. Такъ онъ, одинъ ли день, два ли дня, еще подержитъ ее близь себя, по слухамъ глядя, а тамъ и отпуститъ къ матери. Тогда и сама Наталья Ивановна въ Великомъ Селѣ совсѣмъ приготовитъ для нихъ стоянку, да и отписать успѣетъ къ нимъ: каково тамъ мнѣніе въ людяхъ.

— А кажется, заключилъ воевода, тамъ, въ Великомъ Селѣ, народъ добръ: не воровъ ждетъ, а государеву сторону держитъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

Какъ воры Тарханскъ взяли.

Проснувшись на другое утро, Софья Даниловна совсѣмъ удивлена была.

Прямо подъ ея окномъ рѣка Тарка, во всемъ многоводномъ разливѣ, неслась и шумѣла цѣлымъ моремъ, вода все прибывала и выступала изъ береговъ. А весь ихъ воеводскій дворъ былъ кругомъ обставленъ стрѣльцами и копейщиками. Онъ былъ загроможденъ и запруженъ телѣгами и кибитками съ цѣлаго города со всякою домашнею рухлядью. Ворота, на ея глазахъ, вездѣ запирали и забивали; а вотъ выѣзжаетъ еще новая кибитка.... у воротъ драка. „Пустите, пустите!" кричатъ стрѣльцамъ изъ кибитки, а они забиваютъ ворота, отворачиваютъ лошадей и бьютъ въ морды. Къ нимъ, на воеводскій дворъ, мало не весь Тарханскъ съѣхался теперь. А съ площади все подъѣзжаютъ новыя повозки, и новаго народа все прибываетъ вокругъ двора. Противъ главныхъ Красныхъ воротъ вся улица до самой площади запружена нескончаемыми подводами. Въ городѣ, очевидно, была тревога, били въ набатъ. Софья поглядѣла въ другую сторону, въ поле, и видитъ: тамъ, на краю небосклона, шевелятся какія-то сѣрыя толпы, впрочемъ, не къ нимъ, а прочь отъ города бѣгутъ.

Гдѣ няня? гдѣ Палашка? никого она не найдетъ въ домѣ. Внизу у нихъ всѣ двери отворены настежь; по всѣмъ комнатамъ расхаживаютъ чужіе люди, вооруженные съ ногъ до головы тарханскіе жители. Все оглушительнѣй били въ набатъ. Отца нигдѣ въ домѣ нѣтъ. Она спросила Льва Гурьича— нѣтъ. Сама побѣжала въ приказную избу — тамъ никого. Незнакомецъ, бѣжавшій по двору съ багромъ какъ на пожаръ, не останавливаясь отвѣтилъ ей что воевода на стѣнахъ установляетъ рати.

Софья выбѣжала на улицу.

Ни изъ пушекъ не палили, ни мечами не рубились, но на всей площади и по всему городу народъ метался какъ угорѣлый; изъ оконъ на улицу швыряли всякую рухлядь; пустыя лошади, сорвавшись изъ конюшень, бѣгали и ржали по перекресткамъ; вездѣ сновала кабацкая голь и горланила.

Digitized by Google

Купцы изъ лавокъ второпяхъ складывали товаръ на подводы. Лавки и двери вездѣ запирали. Оглушительнѣй пальбы и сѣчи былъ этотъ людской гамъ по всему городу.

Самъ Михайло-Архангельскій протопопъ остановилъ на улицѣ безпамятную Софью Даниловну и собственноручно привелъ назадъ домой. Няня ея, Василиса Пахомовна, и дѣвушка Палашка, увидавъ свою боярышню, плакали и крестились; по всему городу ея искали онѣ, а она ихъ искала. Въ тотъ день и не одѣлась путемъ: свою соболиную шубку, какъ оставила давеча наверху, такъ ужь и не нашла ея потомъ. Ей подали накинуть на себя что̀ попало. И Палашка, и няня говорили одно: „воры пришли“. „А гдѣ же орловскія рати“ спрашивала Софья. Михайло-Архангельскій протопопъ, потомъ самъ пятидесятилѣтній Бискадаровъ и за нимъ еще другіе, уже вовсе незнакомыя для Софьи лица, каждый объяснялъ по-своему.

Тысяцкій, который велъ орловскія рати, за водоразлитіемъ, какъ ни спѣшилъ, а противъ писаннаго срока на сутки и больше опять задержался въ дорогѣ. Вездѣ на рѣчкахъ снесло мосты, и по разливнымъ грязямъ кругомъ не было проходу. Только въ Великую Субботу, къ полудню или къ вечеру, надѣются быть въ Тарханскѣ, и во всякомъ случаѣ будутъ въ Свѣтлое Воскресенье во что̀ бы то ни стало. Съ такимъ извѣстіемъ онъ отпустилъ два сорока верховыхъ впередъ себя вѣстовыми, и они, вѣстовые, насилу добрались до ихъ города. Въ дорогѣ повстрѣчались съ ворами. А воры нечаянно двинулись въ ту же ночь изъ Новой Деревни, и всею воровскою силой подходили къ Тарханску. Ихъ передовые отряды уже были сейчасъ тутъ.

Вотъ что̀ могла собрать Софья изъ уличныхъ безтолковыхъ разказовъ. Впрочемъ, теперешній видъ цѣлаго города, ихъ воеводскій загроможденный дворъ, и уличный набатъ лучше всякихъ разказовъ показывали въ чемъ дѣло. Ворота уже были всѣ забиты и завалены дровами, скамейками, камнями и чѣмъ попало. Оставались только одни боковыя малыя ворота: ихъ безпрестанно отворяли для новыхъ пріѣзжихъ и опять запирали.

На валу раздался пушечный выстрѣлъ, а въ отвѣтъ ему визгъ и вой по всему городу. На воеводскомъ дворѣ дрогнули стекла. Бабы кинулись къ стѣнамъ, толпа народа побѣжала на городской валъ. Софья Даниловна у себя наверху

Digitized by Google

раскрыла окно, одна его ставенька полетѣла внизъ. Въ дыму, въ дальней толпѣ на валу, между сверкавшими копьями, она отличила своего батюшку верхомъ на бѣломъ конѣ. Онъ былъ въ боярскомъ кафтанѣ, въ ерихонкѣ и въ развѣвавшейся паволокѣ. Тамъ между ратными зачиналось великое движеніе. Валъ сплошь чернѣлъ народомъ.

Вдругъ прискакалъ на ихъ дворъ Левъ Гурьичъ. Изъ двухъ сотенъ стрѣльцовъ, остававшихся въ здѣшнемъ кремлѣ, Левъ Гурьичъ отобралъ половину и велѣлъ имъ идти за собою на валъ. Сдѣлавъ свое дѣло скорѣй чѣмъ можно было объ этомъ написать, онъ тутъ же сорвалъ съ одного изъ дворцовыхъ кожухъ и надѣлъ на себя: его собственный тегиляй весь былъ изодранъ. На Софьины распросы онъ успѣлъ только отвѣтить, не сходя съ лошади: „Ужь идутъ. Вся воровская сила подошла. На переднюю шайку воеводы выслалъ было меня въ поле. Я ихъ прогналъ. Разбойники побѣжали. Тогда и пошелъ трезвонъ по всему городу. Но теперь вся воровская сила подошла. Видимое дѣло, хотятъ городъ взятьемъ взять.“

Софья второй разъ бросилась на улицу и, толкаясь въ народѣ, мало не дошла до самаго вала. Но чѣмъ ближе она подходила къ окраинѣ города, тѣмъ давка становилась тѣснѣе. Тутъ ужь несло смраднымъ пороховымъ дымомъ; то и дѣло пощелкивали пищали. И второй разъ, отъ безпамятства ли, отъ великой ли народной тѣсноты, боярышня не дошла до мѣста, батюшку своего такъ и не повидала. Только дальній видъ поля уходилъ предъ ея взорами скатомъ вверхъ, и на горизонтѣ она очень хорошо отличала красныя башкирскія шапки.

Странно, думаетъ Софья, очутившись въ церкви Михаила Архангела. Неужели это вечерни по всему городу идутъ? Вотъ святая плащаница. Но въ храмѣ никого народу нѣтъ. Только шмыгаютъ какія-то черныя тѣни и потихоньку крадутся по стѣнамъ. Покровы съ плащаницы покосились, апрѣльскимъ солнцемъ онѣ уже совсѣмъ на полу освящены. Ни дьякона, ни попа въ церкви нѣтъ, а ладономъ еще пахнетъ. Царскія врата, какъ комнатныя двери, открыты въ половину, престолъ ободранъ, коверъ съ амвона снятъ. Казалось, она только что встала поутру, а вотъ ужь и весь день прошелъ, на дворѣ апрѣльскими сумерками завечерѣло.

„Какихъ къ чорту проломныхъ пушекъ“, чудится ей, когда

Digitized by Google

она опять уже сидѣла въ своей комнатѣ. Чудится ей родителевъ голосъ: „Нашего плетня руками разберутъ!“ Она бросилась опрометью изъ своей горенки внизъ. У нихъ на дворѣ зачиналась великая суматоха.

— Дыбы-то гдѣ?... невнятно что-то кричалъ на дворѣ самъ ея батюшка, воевода.—Дыбы-то гдѣ?... а, ты здѣсь, Софья!...

Онъ, какъ огонь, властитель, всюду во всѣ стороны поспѣвалъ. Куда народу рукой укажетъ, тамъ по его приказу и дѣло закипитъ. Его воеводскій взоръ молніей изъ-подъ босвой ерихонки сверкалъ. Первый еще разъ въ этотъ день Софья увидала своего отца. „Я,“ говорилъ онъ ей прямо съ коня, подъѣхавъ къ крылечку, „опять сейчасъ на валъ отсюда, хотѣлъ самъ оглядѣть: все ли у васъ тутъ какъ надобно? Небось, ступай къ себѣ въ комнатку, Софья. Богъ дастъ отстоимъ, а не то здѣсь въ кремлѣ отъ воровъ отсидимся.“

И только его и видѣли.

Переживая весь этотъ смутный день въ полузабытьи, какими-то безсвязными отрывочными снами, Софья все пуще дивится одному: неужели и въ самомъ дѣлѣ мгновенія и часы такъ быстро летятъ? Давно ли она, въ самомъ дѣлѣ, поутру встала А вотъ ужь солнце покосилось. И не разберетъ она болѣе: опять ли это набатъ? Къ плащаницѣ ли звонятъ по всему городу? Съ самаго утра въ ея ушахъ нестройный шумъ гудѣлъ и волновался цѣлымъ моремъ; притерпѣвшемуся слуху онъ ужь могъ казаться за тишину.

Но вдругъ раздался въ воздухѣ такой оглушительный гамъ, взрывъ цѣлаго легіона человѣческихъ криковъ, что ужь ни для кого въ городѣ больше не было тайной: это на самыхъ стѣнахъ дерутся. Это казаки пошли на Тарханскъ, его взятьемъ взять. Глупыя шальныя стрѣлы летали по улицамъ, воры не съ огненнымъ, а больше съ однимъ лучнымъ боемъ, подошли къ стѣнамъ. Тарханскіе стрѣльцы не громко постукивали своими пищалями; единственная пушка, изъ часу въ часъ, потрясала всю Тарханскую округу. Степь дрожала.

На верху у Софьи Даниловны собрались теперь боярышни со всего города. Рада ли, не рада ли хозяйка гостямъ, а видитъ что у нихъ въ домѣ, и внизу и на верху, ими битъкомъ набито. Многіе сундуки ужь вынесены изъ чулановъ въ комнаты, раскрытые стоятъ, выбраны и пусты; только на полу валяется возлѣ нихъ всякая оборванная рухлядь. Злая боярышня Кандакина, въ самомъ лучшемъ своемъ шелковомъ

Digitized by Google

платьѣ стоитъ возлѣ Софьи, съ ногъ до головы измѣриваетъ ее, и говоритъ искоса своимъ подругамъ:

— Воеводина дочка все спесивилась. А вотъ какъ Господь привелъ: всѣ теперь, какъ въ одной скорлупкѣ, рядышкомъ стоимъ. Ахъ! страшно будетъ, какъ къ намъ казаки сейчасъ сюда наверхъ придутъ; насъ, молодыхъ дѣвицъ, въ полонъ поберутъ. Сказываютъ: ишь, они все съ боярышнями по Божьимъ церквамъ, холопы, вѣнчаются.

Приходили послѣднія минуты этого страшнаго дня. Отъ городской окраины, съ валу, вдругъ и копѣйщики, и стрѣльцы, и казаки, и два сорока Орловскихъ, и весь народъ тарханскій, мужики и бабы, все моремъ хлынуло на воеводскій дворъ.

Царская сила мятежниками на валу была сбита. Большинство одолѣло.

И кругомъ, куда ни погляди, пошла сѣча и рубка. Звяканье сабель мѣшалось съ дикими человѣческими голосами.

— Дочь моя! Куда ты? кликнулъ отецъ.—Все пропало! Ворвались! Нашъ кремль сейчасъ брать станутъ. Раздался раздирающій крикъ и бабій визгъ кругомъ. Софья больше ничего не слышитъ: въ визгѣ, крикѣ и гамѣ, какая-то сила, противъ воли, ее все впередъ мчитъ. Ударившись въ бѣгство, толпа вынесла ее на своихъ плечахъ назадъ къ тому мѣсту откуда она было двинулась. Вдали запахло пожарнымъ дымомъ. Черный столбъ взвился по небу. Она озиралась какъ полоумная. Ее пробудила ближняя пальба у нихъ во дворѣ, надъ самыми ушами; она кинулась прямо на пальбу; хочетъ сама взобраться лѣстницей на стѣну къ своему отцу. Но гдѣ отецъ? Гдѣ что̀? Толпа хуже прежней хлынула ей навстрѣчу: народъ валилъ къ нимъ во дворъ, сломя голову. Въ самыхъ воротахъ гарцовалъ башкирскій князекъ въ красной шапкѣ, въ полосатомъ халатѣ, и махалъ ногайкой. Безъ чувствъ или въ чувствахъ, но она опять у крылечка. Няня Василиса Пахомовна, въ заячьей шубейкѣ, будто съ холоду, дрожитъ стоитъ; а Палашка плачетъ, стономъ стонетъ, заливается, и руки ломаетъ на крыльцѣ. Софья, какъ полоумная, глазъ не сводитъ со стѣны.

Няня говоритъ ей: „Ты совсѣмъ платьемъ растерялась!“ Софья и сама не знаетъ теперь куда дѣлась ея бархатная малиновая шубка? Только шаровары на мужскую стать опущены въ высокіе сапоги; на поясочкѣ [illegible]итъ ея

Digitized by Google

малый кинжальчикъ; а верхняго платья никакого, и на головѣ ничего тоже нѣтъ. А апрѣльскій весенній воздухъ дышалъ сыростью, на дню нѣсколько разъ накрапывалъ дождикъ: Софья не сводила глазъ со стѣны; ее, какъ безпамятную вдову отъ гроба мужа, оттащили силой отъ перилъ крылечка и на рукахъ поволокли въ домъ.

Звонъ колоколовъ уже раздавался по всему Тарханску: это пьяные мужики праздновали свою побѣду. Но гдѣ жь отецъ? гдѣ воевода?.... спрашиваетъ она очнувшись. Палашка, пуще прежняго, заливается слезами; ея рыжая коса разметалась. „Ахъ! поведутъ они,“ вопитъ Палашка, „потащутъ его теперь на площадь пьяные казаки!“ Во дворѣ у нихъ раздавался народный гулъ и грохотъ: весь ихъ домъ будто рычагами ломали. Софья кинулась внизъ. Василиса Пахомовна за боярышней, не еле живая, а молодцомъ летитъ въ своей заячьей кацавейкѣ. Куда боярышня, туда и няня. Софья Даниловна надѣла простой бараній кожухъ, бабій тулупъ своей служанки; повязала наскоро голову простымъ желтымъ платкомъ съ нея же, и такъ побѣжала изъ дому прямо на улицу.

— Сударыня-боярышня, Софья Даниловна! вопила съ крыльца ея дѣвушка и умоляла вернуться назадъ. Но боярышня уже прокладывала себѣ дорогу сквозь площадную толпу, мѣшаясь съ бабами и мужиками, съ пьяною чернью, бродягами, казаками, въ такихъ же тулупахъ какъ и она.

Вотъ она уже видитъ: пятеро казаковъ волокутъ ея отца на площадь; паволоку съ него пьяные срываютъ. А кругомъ направо и налѣво еще рубятся. Пьяная баба съ чернымъ чугуннымъ лицомъ и разметавшимися волосами, пляшетъ съ казацкою пикой. Кровавыя пятна мелькаютъ предъ Софьей на всѣхъ бараньихъ тулупахъ.

— А, коршунъ, попался! кричитъ одинъ.

Окольничій выхватилъ свой мечъ изъ ноженъ; сверкнуло имъ, и брызнула руда. Направо и налѣво покатились два казака. Онъ бѣшено напиралъ впередъ. Но вотъ уже крики цѣлыхъ тысячъ раздались на площади. Улицей навстрѣчу шла вся казацкая сила. Впереди скакалъ смуглый молодецъ съ черными усами, въ какой-то персидской шапкѣ. Валившая спереди толпа казаковъ, верховыхъ и пѣшихъ, во главѣ съ атаманомъ, воззрилась на красную добычу... Передніе взвизгнули и навалились гурьбой. Попадало всѣ; задніе головой внизъ перескочили черезъ переднихъ. И Софья,

Digitized by Google

преслѣдуемая своею няней, только и видѣла какъ вся орда навалилась на ея роднаго батюшку. Задавятъ, задушатъ они его. Красныя башкирскія шапки подскакивали со всѣхъ сторонъ.

Съ крикомъ, въ безпамятствѣ, какъ помѣшанная, съ раскрытымъ ртомъ, съ разметавшеюся косой, рванулась боярышня на помощь отцу; сѣрые толкали ее въ бока, и она сама всѣхъ толкала. Упала вдругъ оступившись. Безпамятна ли была отъ ушибовъ, обморокъ ли это былъ, только, когда она встала, ужь видитъ: няня далеко опередила ее. Ея отца—онъ живъ!—казаки волокутъ въ изодранномъ кафтанѣ; у него подъ-мышкой кровь бурѣетъ широкимъ пятномъ на суконѣ. А няня, Василиса Пахомовна, въ своей заячьей кацавейкѣ, но уже простоволосая, бросается впередъ къ казакамъ и кричитъ:

— Данило Ивановичъ! Данило Ивановичъ! Пустите его, разбойники! Пустите его!

Одинъ изъ Мордвы ударилъ ее топоромъ въ затылокъ. Замертво покатилась Василиса Пахомовна и на вѣкъ замолкла. Казаки поволокли обезоруженнаго Данилу Ивановича прямо на воеводскій дворъ.

— На судъ его! На судъ его! орала вся площадь.—Казнить, пятерить его! слышались отдѣльные пьяные голоса.—На судъ! На судъ!

Все замерло въ одномъ этомъ крикѣ.

Софью съ двухъ сторонъ держали въ народѣ.

— Пустите! Пустите! кричитъ она, и Льва ли Гурьича въ его простомъ кожухѣ видитъ предъ собой, Палашку ли? Ужь темнота къ ея очамъ приступаетъ.

Толпа сѣрыхъ заворачиваетъ на ея глазахъ въ красныя воеводскія ворота; вотъ за ея батюшкой желѣзныя наглухо запираются.... А прямо на Софью валитъ новая толпа.... Куда дѣлись тѣ двое что ее держали? Свалка тьмочисленныхъ головъ опять понесла ее на своихъ плечахъ въ сторону бѣгомъ.

Ужь не на площади, а на самомъ поверткѣ въ переулокъ она очнулась, и слышитъ, кто-то опять ее удерживаетъ за-руки.

Ради Бога!... говоритъ ей голосъ направо.

— Сударыня-боярышня! говоритъ ей голосъ налѣво.

Она вырвалась и побѣжала. На ея очахъ все одно теперь вживѣ стоитъ: самъ ея сѣдой батюшка отъ нея удаляется, за нимъ позатолпой наглухо желѣзныя ворота запираются.

Уже она никого не слышитъ за собой. Она — на волѣ.... Вотъ она одна, на краю города, на опустѣломъ валу стоитъ....

И пошла куда глаза глядятъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXI.

Ночь въ воеводьѣ.

Занималась вечерняя апрѣльская заря, когда Софья Даниловна очутилась на мельницѣ у Захара.

Мельникъ только что и самъ вернулся изъ города. Онъ обнадеживалъ боярышню что ея отца не убили. Онъ клялся ей что воевода живъ. Казаки захотѣли потѣшиться надъ нимъ: будутъ ужотко судъ творить. Назавтра, противъ воротъ ихъ воеводскаго двора, на площади готовятъ висѣлицы. А теперь воеводу на ночь кинули въ башню, и сударь Данило Ивановичъ въ „Гусынѣ". Казаки,—Захаръ это самъ видѣлъ,—на площади „подуванили" всю добычу; въ Тарханскѣ все пьяно. Бывалый человѣкъ, видалый всего еще въ ту смуту которая была при царѣ Шуйскомъ, мельникъ Захаръ важно похвалялся боярышнѣ что и онъ заодно съ площаднымъ народомъ кричалъ во всю глотку: „На судъ! на судъ его!"

— А то бы его, твоего батюшку, безъ суда тутъ на мѣстѣ и порѣшили; а теперь, Богъ милостивъ, цѣлая ночь впереди: невѣсть и орловскія рати, пожалуй, въ ночь придутъ. Въ народѣ, къ вечеру, на площади слухъ прошелъ что уже орловскіе близко.

Въ безпамятной головѣ засвѣтились проблески сознанія.

Захаръ дивился какъ онъ самъ нигдѣ въ городѣ не повстрѣчалъ Софью Даниловну, и какъ она, боярышня, среди воровъ пробралась на его мельницу? Самъ онъ прокрался березовою рощей. Онъ повелъ ее съ Колотовки въ свою избушку; а тамъ — глядь! и Левъ Гурьичъ — на палатяхъ лежитъ у Захара.

— Умучился за-день: и на стѣнахъ, сколько мочи было, съ разбойниками бился; и по приказу воеводы на нихъ въ поле выходилъ, только сюда пришелъ, и у Захара на палатяхъ заснулъ любо.

Такими рѣчами встрѣтилъ ихъ дьякъ, слѣзая съ палатей.

Заспанный, усталый, онъ даже противъ своего обыкновеннаго вида былъ невзраченъ. Да время ли было и думать о красотѣ? Но увидавъ предъ собой Софью Даниловну въ простомъ бабьемъ тулупѣ, въ простомъ желтомъ платкѣ на головѣ—сказать ли?—приказный дьякъ всю тарханскую смуту

Digitized by Google

забылъ и страстно залюбовался на Софью. Самъ онъ былъ уже въ суконной поддевкѣ и въ куньей шапкѣ, но какъ будто въ Софьиномъ дряномъ уборѣ, который на Палашкѣ сидѣлъ хомутомъ, еще болѣе для него обличались ея молодцоватая стать, ея высокое рожденье. Пока Захаръ шарилъ у себя по углам, пока обглядывалъ все ли цѣло по его мышинымъ норкамъ, Левъ Гурьичъ подхватилъ Софью Даниловну за руку, и вотъ теперь съ ней какія рѣчи заводитъ?

— Ну, Софья Даниловна, какой мы съ тобой денекъ заодно пережили! На весь вѣкъ памятный! Правду говорятъ: общая-то бѣда крѣпче родства людей роднитъ? а? Промолви дьяку словечко, не спесивься.

— Ты меня, Левъ Гурьичъ, въ народѣ на улицѣ, можетъ-быть, не одинъ разъ отъ казаковъ остановилъ, и я тебѣ въ томъ благодарна, отвѣтила Софья.

— Софья Даниловна! кашкнулъ вдругъ Левъ Гурьичъ.—Такъ ли бы я всю жизнь свою готовъ тебя спасать! Ты лучше вели мнѣ вотъ что...—И онъ вынулъ изъ ноженъ свой поясной ножикъ и замахнулъ имъ на себя.—Вели только по рукоятку въ самого себя всадить, глазомъ не моргну. Вотъ какъ! Велишь что ли? Ну? одно слово! и онъ страстно гладѣлъ ей въ глаза.

— Пожалуста мнѣ не говори вздору, съ сердцемъ молвила Софья, и прочь отъ него встала со скамьи.

— Вотъ то-то и оно... осклабясь проворчалъ приказный дьякъ.—Не люди что ли мы?...

Но сейчасъ же опомнился, помутился, даже отвернулся и будто слезу утеръ рукавомъ.

— Прости меня, боярышня, моихъ грубыхъ рѣчей, сказалъ онъ.—Ахъ, Софья Даниловна! Самъ я себя, даромъ что дьякъ, неучемъ, невѣжею предъ тобой зову. Да только ты подумай вотъ о чемъ (онъ всталъ и сурово взялъ ее за руку), лишь бы вотъ гдѣ... (онъ ударилъ себя въ грудь подъ сердце) вотъ гдѣ было бы. А коли тутъ у человѣка про запасъ что Богъ положилъ ему, и съ такимъ человѣкомъ на свѣтѣ еще можно жить, право. Вотъ тутъ было бы: и съ тѣмъ человѣкомъ никогда не пропадешь. А я по совѣсти тебѣ открываюсь: таковъ я, слава Богу. Хочешь, я тебя сейчасъ къ твоей маменькѣ въ село Великое доставлю? Я твою маменьку очень люблю, Софья Даниловна. Давай я тебя къ маменькѣ отвезу. Поѣдемъ къ Натальѣ Ивановнѣ, Софья Даниловна. Я твою маменьку очень люблю, Софья Даниловна.

Digitized by Google

— Время ли говорить объ этомъ? перебила Софья.—Тётя-мама, Богъ дастъ, сохранна и жива будетъ. А гдѣ отецъ? (Она уронила слезу.) Въ тюрьмѣ батюшка, Иванычъ мой!

Софья закрыла лицо руками. Тихо плакала она.

Захаръ вошелъ въ избу. Боярышня не переставала плакать. Мельникъ принесъ холодныхъ щецъ въ горшкѣ, вареныхъ налимовъ, предлагалъ отвѣдать и боярышнѣ. Но только одинъ Левъ Гурьичъ вызвался ему въ товарищи. Вдвоемъ на ея глазахъ они принялись за ужинъ. Софья безъ шума вышла изъ избушки.

Ущербленный мѣсяцъ всплывалъ надъ Таркой. Сизыя облака густѣли. И отъ воды и отъ земли несло сырымъ паромъ... Становилось все темнѣе. Вѣтеръ налеталъ и билъ въ лицо Софьѣ. На ея глазахъ вода все прибывала. Узнать нельзя стало берега, какъ его залило половодьемъ! Тарка подходила прямо къ окраинѣ села Великаго, къ его дальнимъ чуть видимымъ бревенчатымъ домикамъ. А Тарханска уже въ туманѣ едва видать. Только вода блеститъ вдали, и тамъ точно также все выше и выше приступаетъ къ утесу на которомъ стоитъ Тарханскъ. Долго ли, мало ли времени,—ей показалось всего десять минутъ,—она сидѣла тутъ на берегу, на верхнихъ бѣлыхъ своихъ камняхъ; а вотъ уже на ея глазахъ воды прибыло столько что совсѣмъ подступило къ ея ногамъ.

Эти часы, пока она, сидя тутъ въ безпамятствѣ на берегу, все объ одномъ помышляла и для своего батюшки роднаго забывала весь міръ, на Таркѣ небывалое половодье во очію совершилось предъ ней.

Щербатый мѣсяцъ совсѣмъ запалъ въ тучахъ. Темнота становилась все чернѣй, воздухъ ночной все свѣжѣе. Тарка гудѣла и завывала все громче въ ночной тишинѣ; вода у ногъ бурлила и свирѣпѣла, вѣтеръ съ налетавшею изморозью все сильнѣй хлесталъ въ лицо. Она мысленными и тѣлесными очами, заодно съ бѣгущею волной, стремилась внизъ по рѣкѣ; туманную даль и тарханскую бѣлую башню на утесѣ прозирала. Тамъ, тамъ ея батюшка родной. Онъ въ сырой башнѣ. И волны у ея ногъ стонутъ будто заодно съ ея горемъ; онѣ разрываются и плачемъ-привѣтомъ бѣгутъ отъ нея вдаль къ бѣлой башнѣ. А вода съ каждымъ мгновеніемъ все прибываетъ. Волны на утесѣ уже о самую подошву башни разбиваются, грезится ей. Только мѣсяцъ

Digitized by Google

проглянетъ, Софья: не бѣлѣется ли вдали Тарханскъ? спрашиваетъ себя. Но весенній туманъ уже сплошной стоитъ въ ночи, который туманъ всегда бываетъ въ воздухѣ когда и вода и земля отходятъ весной. Во ста шагахъ отъ себя ужъ ничего не видать. Одинъ вѣтеръ въ ночной темнотѣ все оглушительнѣй завываетъ; будто вдаль съ собой по волнамъ манитъ. „Какъ много воды прибываетъ!“ молвила Софья кому-то шепотомъ въ потемкахъ.

— Вонъ она!... Ты здѣсь, Софья Даниловна! слышитъ она голоса возлѣ себя.—А мы тебя не скоро хватились, по всей Колотовкѣ искали. Слышь? ужь пѣтухи поютъ. Чего сидишь тутъ? къ ней на берегъ сошли Захаръ и Левъ Гурьичъ.

— Левъ Гурьичъ! упавъ вдругъ предъ нимъ на колѣни, крикнула Софья.—Пособи отца спасти! Коли ты меня сколько-нибудь любишь, пойдемъ сейчасъ на спасенье.

— Софья Даниловна!

Онъ своимъ широкимъ лицомъ припавъ къ ея бабьему платку на головѣ, принялъ ее подъ локотки и сталъ поднимать съ земли.

— Не губи ты себя. Пока мы оба живы, давай вдвоемъ о томъ думать какъ намъ самимъ спастися? Право, я тебя сейчасъ къ маменькѣ твоей отвезу. У Захара лодка цѣла. Давай поѣдемъ въ Великое къ Натальѣ Ивановнѣ. Тамъ обоимъ намъ теплѣй будетъ.

Софья вдругъ зарыдала.

— Обманулась я въ тебѣ, Левъ Гурьичъ! крикнула она.— Напрасно я на тебя положилась. Или въ тебѣ, Левъ Гурьичъ, Бога нѣтъ: такія жестокія рѣчи дочери говорить? А все еще къ Нему, въ монастырь, идти сулишься. Знать бы вамъ теперь обоимъ: коли вы съ Захаромъ теперь со мной не пойдете, будь что будетъ.... а я, не долго думая, одна безъ васъ пойду.

Захаръ слушалъ молча; только у сыча густыя брови круто сдвигались на переносицѣ. А Левъ Гурьичъ упалъ предъ ней на колѣни.

— Софья Даниловна, матушка! умолялъ онъ ее.—Да мы-то что жь тутъ сдѣлаемъ? Какъ втроемъ противъ цѣлаго города сунемся? Коли на то пойдетъ, и ты бы знала: я, погибель ближняго видя, лучше самъ пропаду, вотъ какъ; а спасти погибающаго всегда готовъ. Мало ли я тутъ, вотъ на самой Таркѣ рѣкѣ, спроси у Захара, мало ли я народа

Digitized by Google

спасалъ! И собой жертвовалъ, да! А отцу твоему, прямо сказать, спасенья нѣтъ. Онъ человѣкъ отпѣтый. Ну какъ приступиться?

— Сейчасъ я пойду къ разбойникамъ для переговоровъ, молвила Софья.—Я ихняго атамана своими рѣчами умилостивлю.

— Да! съ усмѣшкой сказалъ грубый дьякъ: — положатъ спать съ собой!

Софья Даниловна вспыхнула.

— А слышь ты, Левъ Гурьичъ!... отвѣтила она, и загремѣла своимъ поясным кинжальчикомъ.—Бабушка моя родная, батюшкиной матери родная сестра, какъ при царѣ Шуйскомъ воры Ростовъ взяли, и она тогда сама себя Богу въ жертву отдала. Кинжалъ на себя наложила, а, какъ твоя честь молвить изволила, къ разбойникамъ спать не пошла. Вотъ онъ мой! указала она ему, высвободивъ изъ-подъ пояса свой родовой кинжальчикъ. — Ахъ!... всплеснула она вдругъ руками, и къ мельнику Захару обратилась со слезами:—пособите! пособите мнѣ, слабой, роднаго отца спасти.

— Что жь мы тутъ сдѣлаемъ? въ одинъ голосъ отвѣтили оба. — Сама разсуди.

— Только вы мнѣ, Захаръ, обѣщайтесь что вдвоемъ не отступитесь отъ меня! молвила Софья: — а сама я, какъ и что, обо всемъ давно разсудила. Пожалуста, пособите мнѣ!

Она стала на колѣни заразъ предъ обоими, и крестилась на небо.

Снявъ шапки, начали креститься и дьякъ, и Захаръ.

— Сказать ли вамъ мою выдумку?—Софья встала и обоихъ схватила за-руки. — И ты, дѣдъ, и ты, Левъ Гурьичъ, сами вы клялися предо мной что отецъ живъ, и вы оба навѣрно знаете что теперь на всю ночь онъ въ Гусынѣ. Глядите какъ вода прибываетъ; въ ночь она навѣрно, поверхъ нашего утеса, совсѣмъ къ башнѣ подойдетъ; мало что не къ самой рѣшеткѣ приступитъ у окна. И мы давай Захаровы пилы-подпилки возьмемъ! На его лодкѣ прямо къ Гусынѣ подплывемъ, отца въ окно съ собой увеземъ.

Оба слушали внимательно; поглядывали на Тарку; прислушивались къ завыванью ночной бури. Смѣлая мысль дѣвочки поразила обоихъ. Божье внушеніе слышалъ мельникъ Захаръ въ чистотѣ ея помышленій.

— Вода все прибываетъ, увѣщевала Софья,—я тутъ долго сидѣла, съ ней разговаривала; она вѣрно обѣщаетъ что въ ночь еще прибудетъ....

Digitized by Google

И Софья досказывала свой отважный замыселъ до мельчайшихъ подробностей; убѣждала что и самый мѣсяцъ въ тучахъ именно лишь на столько свѣтитъ чтобъ имъ было довольно свѣтло плыть, но чтобъ и ихъ въ потьмахъ нельзя было узрить; и самый вѣтеръ лишь на столько силенъ чтобы шумъ ихъ веселъ не дать услыхать разбойникамъ, и даже ужь по теперешней водѣ, какъ она сейчасъ стоитъ, можно будетъ подъѣхать совсѣмъ къ Гусынѣ, и что все это наконецъ больше только издали кажется страшнымъ, невозможнымъ, а на самомъ дѣлѣ выйдетъ очень просто, да и казакамъ никакъ теперь о нихъ не можетъ придти въ голову. Левъ Гурьичъ все еще слушалъ ея краснорѣчивыхъ словъ, развѣся уши, а толковый Захаръ, сдвинувъ сычемъ свои косматыя брови, откряхнулся по-своему, снялъ шапку, перекрестился и ударилъ съ боярышней по рукамъ.

— Молись Богу, сударыня! сказалъ онъ. — Вотъ тебѣ моя рука. Ей-же-ей мы воеводу изъ бѣды выручимъ, мы твоего батюшку спасемъ.

— Куда же ты, Захаръ?

— А бѣгу за веслами.

— Тихвинская Божія Матерь! кликнула Софья Даниловна:— Сама Тихвинская Божія Матерь поможетъ намъ. Дѣдушка! Захаръ мой родной!

И стараго своего друга, мельника Захара, поцѣловала.

— Софья Даниловна! кликнулъ тогда и дьякъ Левъ Гурьичъ.— Отчаянное дѣло! Не знашь ты Тарки рѣки, а я на ней выросъ. Повидалъ я какъ она, матушка, за одинъ мигъ не то что плоскодонныя бударки, а цѣлые ростивы кверху дномъ ворочаетъ, да по-сороку человѣкъ народа за одинъ разъ топитъ. Отчаянное самое твое рѣшенье! А на такое доброе дѣло чтобы самого батюшку твоего роднаго отъ вѣрной неминучей смерти спасти, и только опять для тебя самой... Слышишь ли, Софья Даниловна? какъ ты сама давеча, *если я люблю тебя*, давеча сказала.... Изволь, я готовъ.

Онъ подалъ ей свою широкую ладонь, и ударился съ боярышней.

— Вотъ тебѣ моя рука, и я отъ васъ не отстану. Была не была—пропадай! Моя жизнь — копѣйка!

Онъ засучилъ рукава.

— Пойдемте, нечего разговаривать, подкряхнулъ Захаръ, и втроемъ въ темнотѣ спѣшатъ въ лощину.

Digitized by Google

ГЛАВА XXII.

На лодкѣ.

На Колотовскихъ ручьяхъ, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ они слились въ рѣку, подъ густыми ивовыми кустами, Захаръ отвязалъ свою лодку, и тутъ же малымъ черпакомъ выплеснулъ воду. Левъ Гурьичъ, пока Захаръ сходитъ за веслами, вызвался одинъ вывести бударку на рѣку. Боярышня пошла съ мельникомъ.

Старикъ теперь ужь подшучивалъ. Полнымъ хозяиномъ предпринимаемаго дѣла, которое онъ по здравомъ размышленіи одобрилъ, онъ дѣлалъ все не спѣша, растановочно, толково и весело, даже съ прибаутками.

— Куда торопиться, сударыня! молвилъ дѣдъ, отворивъ калитку своего двора.—Казаки все равно пьяны проваляются всю ночь. Пока-то еще пожалуй, поди, бражничаютъ; а къ утрышку оно будетъ лучше. Попоздѣй, гляди, и мѣсяцъ яснѣй выглянетъ. Смотри тогда, какъ наше дѣло-то поспѣетъ.

— Ты, Захаръ, и подпилки свои возьми!

А онъ ужь и такъ въ охапку набралъ цѣлый ворохъ; захватилъ и топоръ за поясъ; за пазуху даже хлѣбушка припасъ въ дорогу, и по ломтямъ посыпалъ сольцей.

— Ну-ка, испей, красавица! у тебя отъ этого вдвое силы прибудетъ! подалъ онъ ей въ темнотѣ какую-то стклянницу.

— Нѣтъ, дѣдушка! спасибо тебѣ, молвила Софья. — Я сама дивлюсь, какую теперь силу чувствую. И, словно, я слышу въ себѣ, какъ она, сила, все прибываетъ во мнѣ.

— Что нужды! выпей, красавица, не отставалъ отъ нея мельникъ. — Я тебѣ это не колдовствомъ даю, а самъ Богъ людямъ такія крѣпкія травы далъ чтобы, коли надо, въ нихъ бы силы вдвое прибыло. Я ее, флягу, съ собой и въ походъ возьму. Старый-то бояринъ, твой батюшка, чай онъ теперь совсѣмъ ослабъ и отощалъ въ тюрьмѣ. А не то выпей на дорогу, соколъ-красавица!

— Дай, пожалуй, отхлебну мало, и, перекрестясь, Софья Даниловна выпила изъ горлышка два глоточка.—Чудная, Захаръ, твоя трава и вправду! Такого чистаго вкуса я никакъ не ожидала.

Digitized by Google

— Хорошая трава, сударыня, на что̀ лучше травы! хорошая трава! скороговоркой бормоталъ дѣдъ, подхвативъ подъ мышку свой ворохъ, а въ правую руку забралъ весла.—Пойдемъ, боярышня, чай насъ Гурко совсѣмъ въ лодкѣ заждался теперь.

Софья перекрестилась, и пошли вдвоемъ въ темнотѣ, скользя по мокрымъ тропинкамъ, едва отличая другъ друга и разговаривая вполголоса.

— Тутъ крутенько, крутенько пойдетъ! оборачивался дѣдъ и поддерживалъ боярышню.—Это мои верхнія сажалки тутъ; ты ихъ знаешь, красавица. Обопрись объ весло; на тебѣ! Вотъ такъ!

И они уже спускались къ берегу по откосу.

— А это что̀ жь у тебя, кромѣ веселъ?

— А все, боярышня, что̀ намъ нужно. Все съ собой захватилъ, отвѣчалъ дѣдъ, давая ей по скользкому откосу упираться на весло. — Про всякъ случай и острогу захватилъ, есть чѣмъ оборониться. А пилами-то, неравно придется, мы въ башнѣ и рѣшетку выпилимъ.

— Ахъ, сказала она,—далъ бы теперь Богъ только чтобъ никто не услыхалъ насъ. Не напали бы въ темнотѣ казаки.

— Э, сударыня-княгиня. Пустое совсѣмъ говоришь. Всего на своемъ вѣку видывалъ; насмотрѣлся и казацкихъ обычаевъ. Вѣдь это съ непривычки одной страшно, право такъ. Все не было слуховъ, да вдругъ нагрянули! А въ смуту, что̀ при царѣ Шуйскомъ была, такъ бывалоча на одной недѣлѣ раза по два, по три въ гостяхъ побываютъ. И все опять новые! Между собой-то воры все бунтовали. Такъ также, бывало, на ночь еще ничто, и караулы стоятъ, даромъ что на площади кабатничаютъ. А къ зарѣ подошло, и ни одной тебѣ души живехонькой нѣтъ; что̀ у нихъ хочешь подъ глазами бери. Ну вотъ, сударыня, мы теперь и совсѣмъ пришли. Стой, ни съ мѣста!

И онъ сталъ прислушиваться въ ночной темнотѣ.

— Гдѣ жь твоя сажалка послѣдняя? спросила Софья Даниловна, робко озираясь кругомъ.—Я все ее жду, скоро ли мы подойдемъ къ берегу?

— Сажалка-то? проговорилъ дѣдъ, все прислушиваясь. — О которой сажалкѣ ты, моя княгиня, спрашиваешь, та сажалка ужь теперь совсѣмъ подъ водой давно она. Мы съ тобой,

Digitized by Google

сударыня-боярышня, теперь на самомъ бѣломъ ключѣ стоимъ. Вотъ гдѣ.

— Какъ?! почти вскрикнула Софья. — Ужь мы совсѣмъ у воды стоимъ! и отступила назадъ. Теперь только разглядѣла она въ потемкахъ, что хотя она и стоитъ на своихъ знакомыхъ бѣлыхъ камняхъ, а ужь въ темнотѣ, всего въ двухъ шагахъ отъ нея, бурлитъ весенняя полая вода. Еще бы она не доглядѣла, мало сошла съ мѣста, и водой унесло бы ее теперь. Вода тамъ гдѣ она сбирала бѣлые грибы и осиновики прошлымъ лѣтомъ и гдѣ алѣла земляника.

— Я все слушаю гдѣ жь наша лодка-то стоитъ? сказалъ Захаръ.—Тутъ ея теперь на мели быть не можетъ подъ нами. Тутъ быстрина, знаешь, теперь какая! Мост-отъ цѣлый, не то что бударку снесетъ. Онъ сталъ прислушиваться, приложивъ ладонь къ уху. — Самò такъ! съ увѣренностью вскликнулъ онъ вдругъ.—Пойдемъ на Красную Глину. Гурко, должно, тамъ, на Красной Глинѣ стоитъ. Онъ, должнò, въ острову. Тамъ теперь вода къ самымъ деревамъ подошла; тамъ онъ лодку въ затишьи, въ лѣсу, и поставилъ: небось еще, гляди, ее къ сучкамъ привязалъ.

И пошли внизъ по рѣкѣ къ Тарханску, къ знакомой березовой рощѣ, и Софьѣ Даниловнѣ странно теперь что лодка въ самомъ дѣлѣ стоитъ въ лѣсу противъ Красныхъ Глинъ, и Левъ Гурьичъ привязалъ ее къ толстой березѣ въ полдерева.

— У меня готово! сказалъ дьякъ.—Нигдѣ течи бударка не даетъ; только въ одномъ мѣстѣ.

— Ничего, ничего! скоро говорилъ дѣдъ. — Это я давеча, какъ съ рѣки ее волокъ, за каметекъ на мели зацѣпилъ въ ключахъ. Съ нами, боярышня, теперь и забойникъ есть; и пакли я захватилъ. Коли гдѣ протечетъ, мы дорогой и законопатимъ. Ничего, садись, боярышня.

— Левъ Гурьичъ! умѣешь ли ты весломъ править? спросила Софья Даниловна, передавая ему изъ своихъ рукъ правило что̀ Захаръ ей передалъ на дорогу.

— Софья Даниловна! усаживая ее, сказалъ дьякъ.—На самой на этой рѣкѣ выросъ и родился я. Какъ мнѣ не умѣть лодкой править? Я и на одномъ веслѣ съ ней управлюсь. А коли до того дойдетъ, и я вплавь отсюда до Великаго села доплыву, и тебя на берегъ на своихъ рукахъ вынесу. Бойся казаковъ, да развѣ какой неудачи на мѣстѣ тамъ; а воды,

Digitized by Google

пожалуста, Софья Даниловна, ужь какъ разъ въ лодку вошла, теперь не бойся.

Захаръ крякнулъ одобрительно на всю бударку; поплевалъ себѣ на руки, взялъ весла, кликнулъ что-то Льву Гурьичу на корму; всѣ втроемъ перекрестились, и вотъ, Софья Даниловна впереди на носу, Левъ Гурьичъ на кормѣ, а Захаръ въ веслахъ, понеслись они изъ голой березовой рощи внизъ по рѣкѣ съ быстротой отлетавшаго дубоваго листочка на сильномъ стремени. Испуганныя утки слетѣли отъ нихъ на воду. А высоко надъ ними въ небѣ — еще цѣлая станица прозвенѣла крыломъ.

Щербатый мѣсяцъ сталъ выходить изъ-за тучекъ.

Левъ Гурьичъ молодцомъ правилъ кормиломъ. Онъ сбросилъ съ себя поддевку; засучилъ рукава подъ самыя локти; надрывался и жилился въ борьбѣ съ быстриной. Стоя къ веслямъ спиною, ворочалъ кормиломъ въ волнахъ и не давалъ кружиться бударкѣ; поминутно выгонялъ ее носомъ на рѣку. Съ ревомъ плескали волны, и отъ бурнаго вѣтра бударка, какъ очумѣлая, металась по волнамъ. Софью обрызгивало пѣной. Словно дождикъ поминутно ей брызгалъ въ лицо. Захаръ, затаивъ дыханіе, совсѣмъ захоронился на днѣ лодки и гребъ неутомимо. Верховымъ вѣтромъ и неудержимымъ ходомъ половодья, шибко бударку по вздымавшимся волнамъ все ближе и ближе несло къ Тарханску. Словно въ туманѣ, по апрѣльской ночной зарѣ, было можно ужь и провидѣть дальнихъ очерковъ тарханскаго Кремля.

Благодатная ночь! Софья потомъ всю жизнь припоминала ея мельчайшія подробности; всѣ онѣ знаменьями Божіей милости казались ей. Всю эту ночь не иначе какъ за Божіе чудо она и приняла себѣ.

Только теперь, плывя въ лодкѣ, она разглядѣла что она чуть не босикомъ, сапоги ея всѣ изорваны. „Гдѣ теперь Палашка? Няня, няня убита моя!“ впервые мелькнуло у ней въ мысляхъ. Но вотъ уже и Тарханскъ въ ночной темнотѣ сталъ выступать предъ ними. Тарка, въ своемъ небываломъ разливѣ, была широка на семь верстъ въ этомъ мѣстѣ; вода подъ ихъ лодкой, какъ на морской глубинѣ, ходенемъ-ходила теперь. Софья думала что они приблизились къ самому опасному глубокому мѣсту; но это-то и было знакомъ что вода здѣсь пошла мелѣть. Захаръ нарочно, на глазахъ боярышни, захватилъ весломъ самое дно.

Digitized by Google

Верхушки ивовыхъ кусточковъ едва примѣтно высовывались и торчали изъ воды. Вонъ Гусыня! Вода мало не въ человѣческій ростъ подошла къ ея рѣшеткѣ!... „Ѣдемте скорѣй!“ Софья думала что тутъ въ ивовыхъ кусточкахъ пошло мелко, такъ они и скорѣй поѣдутъ. Но ошиблась вдвойнѣ.

Тутъ-то и завязалась у нихъ борьба на стремени. Русловая вода шибко бѣжала внизъ дальше по рѣкѣ, а вода береговая напирала къ окраинѣ по частому ивняку въ самомъ томъ мѣстѣ гдѣ рѣка давала свой извивъ. Лодкѣ не было хода. Въ этомъ самомъ мѣстѣ гдѣ макушки ивовыхъ кустиковъ торчали изъ воды едва примѣтно, какъ обритые волосы шумѣлъ и спирался цѣлый водоворотъ, будто порываясь опрокинуть къ верху дномъ ихъ бударку.

— Намъ только бы одно это мѣсто взять, чуточку перейти, молвилъ Захаръ,—а тамъ держись какъ выхлеснетъ!

И Левъ Гурьичъ богатырски упиралъ кормиломъ въ землю, толкалъ изо всей силы бударку между частыхъ ивовыхъ кустовъ. Ни на полъ-шага не подвигалась, не шевелилась бударка.

— Силъ нѣтъ! кликнулъ вдругъ дьякъ, и ихъ бударку откинуло назадъ на рѣку легкимъ перышкомъ.

— Только одно это мѣсто взять! повторилъ Захаръ, наговая опять на старое мѣсто.

— Вонъ! вонъ Гусыня! Два ста шаговъ всего! умоляла Софья измученнаго дьяка. Онъ дышалъ какъ запаленая лошадь. Захаръ уперъ веслами въ землю, и не давалъ лодкѣ шевелиться.

Въ Тарханскѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, кричали пѣтухи; гдѣ-то за городомъ, казалось въ полѣ, лаяла одинокая собака. Пролетныя утки и здѣсь высоко въ небѣ прозвенѣли надъ ними крыломъ. Куликъ прокричалъ съ просонья и слетѣлъ внизъ водою.

— Софья Даниловна! подержи весло, да норови имъ тутъ крѣпче упереть въ землю, сказалъ Левъ Гурьичъ, вставая.— А я совсѣмъ за кусты возьмусь.

Софья уперла весломъ въ землю прямо съ кормы; а Левъ Гурьичъ ухватился съ носу за ивовые кусточки. Онъ тянулъ, казалось, съ лошадиною силой. Не шевельнется бударка.

— Нельзя воды взять! крикнулъ дьякъ оторвавшись отъ

Digitized by Google

кустовъ, и ихъ опять откинуло на рѣку. — Ничего не подѣлаешь.

Софья рванулась впередъ. Дьякъ вдругъ загородилъ ей дорогу.

— Не пущу! сказалъ онъ, и сильными руками обхватилъ ея локти. — Не ходи. Ничего не сдѣлаешь. Только стременемъ у нашего дощаника дно выпретъ. Такіе образцы бывали; мы всѣ ко дну пойдемъ. Ты этого не знаешь по своему дѣвичьему разуму, а я навѣрно тебѣ говорю: у нашей бударки по такому стремени дно выпретъ. Всѣ ни за что погибнемъ! Не пущу.

Захаръ-мельникъ молчалъ; обоими веслами уперъ въ землю въ самомъ круговоротѣ.

— Пусти! и отъ дьяка оторвалася.—Левъ Гурьичъ! сказала она ему. — Я сама, слабая дѣвка, хочу идти лодку снимать Сейчасъ давай вмѣстѣ за вербу возьмемся, и потянемъ.

Она повелительно указала ему на дальній кустъ.

Поколебался влюбленный дьякъ. Софья перекрестилась, и съ чудесною рѣшительностью вдругъ молвила:

— Матерь Божія!... Слышишь ли меня теперь-то? Не своею силою, а твоей силой хочу идти роднаго батюшку спасать, и рванулась-свѣсилась грудью на воду, ухватилась за дальній кустъ. Левъ Гурьичъ кинулся за нею. И теперь вдвоемъ за одинъ и тотъ же кустъ потянули. Бударка дрогнула, шатнулась.... и, правъ былъ мельникъ Захаръ, такъ ихъ и выхлеснуло впередъ шаговъ на сто.... Едва опомнились, какъ уже стали подплывать къ самой башнѣ. Гусыня на цѣлую треть была залита водой. Съ лодки можно было взяться руками за самую рѣшетку и вскочить на окошко.

— Бери пилы-подпилки! сказала Льву Гурьичу Софья Даниловна.—Неси веревку, и ступай мнѣ отца спаси!

Она своими собственными руками все что нужно передала дьяку.

Гурьичъ поднялся на кормѣ во весь свой богатырскій ростъ, прыжкомъ схватился въ окнѣ за рѣшетку, потянулся на жилистыхъ рукахъ, и былъ уже съ ногами въ прогалѣ у ржаваго желѣза.

Digitized by Google

ГЛАВА XXIII.

Гусыня.

Все замерло мертвою тишиной.

Шагахъ въ пяти отъ башни, въ затишьи, лодка даже не колебалась. Самъ Захаръ только тихо уравнивалъ веслами, чтобъ ихъ не отнесло далеко отъ башни внизъ бѣгущею водой. А дьякъ, въ пустомъ окнѣ, въ широкомъ башенномъ прогалѣ, у ржавой желѣзной рѣшетки, надъ рѣчною глубиной, совсѣмъ теперь въ безопасности стоялъ. Софья Даниловна вперила свои взоры, сквозь ночной мракъ, во Льва Гурьича: какъ онъ стоитъ, вслушивается будто въ глубину башни, и ржавое желѣзо поколебать хочетъ. И она видитъ: только въ одномъ краюшкѣ завязло! Мало пилой только въ одномъ мѣстѣ подпилить. Но что жъ онъ долго замедлился? Отчего веревку въ башню не кинетъ? Вдругъ будто стонъ роднаго прослышался у Софьи въ ушахъ.... Волна ли это плескаетъ, вѣтеръ ли завываетъ ночной,—не разслыхать о чемъ Левъ Гурьичъ въ башенную глубину говоритъ. И она, не разговоры сквозь плескъ волнъ и завыванье бури, будто стонъ человѣческій въ волнахъ слышитъ. Смертный вздохъ чей-то въ темнотѣ раздался.

— Данило Ивановичъ!... говорю тебѣ: мы. Это мы. Веревку спущать что ль?

Да, это изъ башенной глубины стонъ слышится. Левъ ли Гурьичъ имъ что на лодку сказалъ, или только имъ такъ показалось, или Льву Гурьичу показалось что они его съ лодки кличутъ, или это и имъ и ему изъ башни невнятный отвѣтъ исходилъ,—а уже на яву, не въ мечтаніи, всѣмъ послышался вдругъ человѣческій голосъ въ плескѣ волнъ и въ бурѣ. Софья Даниловна взорами теперь закаменѣла, неподвижно глядитъ въ темнотѣ, а вдвое прислушивается слухомъ.... Вотъ на ея глазахъ рѣшетка съ башни грохнулась въ воду. Левъ Гурьичъ сказалъ такое слово про веревку. И они видятъ, или только догадываются, что онъ уже веревку на дно башни къ боярину опустилъ.

— Теперь, Господи, спаси и помилуй! не спуская въ темнотѣ глазъ съ башни, крестилась Софья.

Странно было положеніе измученнаго, раненаго воеводы,

Digitized by Google

на днѣ темной башни, наканунѣ позорной казни. Старикъ сильно кряхтѣлъ, выбиваясь изъ силъ; тяжело стоналъ и бредилъ, будто въ аду, ворочался на земляномъ полу. Горячечный бредъ уже свинцовымъ гнетомъ давилъ голову; смерть приступала къ груди; въ глазахъ мутнѣло; омрачался умъ. Вспомянулись старому за всю жизнь грѣхи. Срамота, нечистота на душѣ, жизнь себялюбца, одинъ непрерывный грѣхъ.

Вспомянулись ему не слезы вдовицъ, не стоны и вопли преступниковъ осужденныхъ на смертную казнь, которые, корчась и синѣя, и багровѣя на колахъ, въ предсмертныхъ мукахъ изрыгали хулу на Бога и ругали палача-воеводу; не десятки отрубленныхъ головъ, торчащихъ на копьяхъ его солдатъ и рейтаровъ: воевода никогда не былъ къ людямъ жестокъ; даже неся суровую царскую службу, онъ ни единой лишней души не погубилъ, а сказать бы, еще многимъ спасалъ и жизнь, и достояніе.

Вспомянулись ему дальніе годы и далекая польская сторона. Лесть міра осѣтила его тогда. Покойница жена, замученная его ревностью и сведенная имъ въ гробъ сейчасъ же во слѣдъ за первымъ ребенкомъ, спрашивала его: каково-то ему теперь съ ней въ могильной сырости? каково-то сладостно что земляные черви и гады подползаютъ бѣлое тѣло лизать? Въ глазахъ мутная вода; сердце сосетъ капля точащаяся изъ земли; кровь на ранѣ запеклась и прилипла. И въ этомъ подземномъ аду змій выползаетъ со дна изъ трущобы, въ кольца свивается предъ нимъ, огненными глазами сверкаетъ, шевелитъ стрѣльчатымъ языкомъ, хочетъ ему не рану, а внутреннюю душу лизать. Онъ лежалъ въ забытьи, въ бреду.

Страшный сонъ представлялся на яву когда онъ выходилъ изъ забытья. Не въ глазахъ у него мутнѣло что въ дальнемъ окнѣ скрывалось синее небо, а это его послѣдній день проходилъ, послѣдняя вѣчная ночь наступала для него. Волна все сильнѣй и сильнѣй заходила съ рѣки, и все сильнѣй плескала въ рытвину.... Чу! это заплескала вода, выйдя изъ береговъ, ужь въ самую подошву башни. Звѣзда загорѣлась въ рѣшетчатомъ окнѣ.

Дочь! его любимая дочь!... Гдѣ теперь Софья?... Старикъ хотѣлъ молиться, и зарыдалъ. На что онъ ей? Его сестра, у которой онъ, можетъ-быть, отнялъ судьбу для своего „спокоя“, и она нянькой-мамкой холила его затѣмъ чтобъ его

Digitized by Google

косой взглядъ видѣть и всегда одну брань слышать.... Она гдѣ, добрая старуха, теперь? Но развѣ онъ не любилъ свою жену покойницу? Онъ, правда, запиралъ ее на ключъ безъ себя; даже въ церковь не любилъ отпускать. Но развѣ это не ее любя онъ такъ мучилъ? За всякое неосторожное слово она выносила адъ, за одинъ неласковый взоръ душевную пытку.... но и это ли еще не безумная была любовь его къ ней? Развѣ онъ не истерзался, не посѣдѣлъ тогда въ одну ночь надъ ея гробомъ? Онъ отъ нея и сейчасъ на весь вѣкъ вдовецъ. За что жь она и въ могилу теперь приходитъ терзать его? А! меня не любишь!... вскрикивалъ окольничій въ забытьи, а кого жь любить-то, говори! А умирающая только повела глазами, и онъ слышитъ опять эти слова, говоритъ: „Зачѣмъ ты меня до свадьбы о томъ не спросился?“ и умираетъ.

Вздрагивалъ, выходилъ изъ забытья воевода. Не въ могилѣ, все это въ тюремной башнѣ свою послѣднюю темную ночь проводитъ онъ. Радъ бы изъ здѣшней трущобы скорѣй въ народъ, хоть къ висѣлицѣ, хоть на позорную казнь выйти....

— Это мы! Веревку спущать что ль? опять сверху человѣческій голосъ раздается.

Сонъ ли? Явь ли? Въ окно свѣжимъ воздухомъ потянуло. Ужь нѣтъ рѣшетки въ окнѣ. Звѣзды и синее небо засіяли надъ головой. Ангелъ ли это, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ описанный, который вывелъ Петра изъ темницы?

— Дочь!... Софья, ты это? вдругъ кликнулъ окольничій.

Не видѣніе, а явную быль увидѣлъ онъ предъ своими глазами: крученая веревка ползетъ къ нему внизъ изъ окна. Онъ руками осязаетъ ее, крученую веревку.

— Это мы, Данило Ивановичъ, говоритъ ему дьякъ, перевѣшиваясь съ окна. Въ прогалѣ онъ былъ освѣщенъ мѣсяцемъ.—Сама Софья Даниловна тутъ. Въ лодкѣ тебя дожидаетъ.

Окольничій прянулъ во весь свой богатырскій ростъ; рану подъ мышкой забылъ; ястребомъ вцѣпился въ веревку; боярскими сапогами уперъ въ стѣну, и потелъ-потелъ узенькою круглою башней взбираться въ верхъ къ окну. Безпамятнымъ людямъ Богъ вдесятеро силы даетъ.... Лодка будто волшебствомъ подплываетъ къ башнѣ. Оба въ нее спускаются изъ окна. Только уже тутъ, въ самой лодкѣ — силы совсѣмъ оставили старика. Софья Даниловна пала на него и замерла надъ родимымъ безъ чувствъ.... Только Тихвинской

Digitized by Google

Божіей Матери, даже сквозь свой обморокъ, она страстную молитву читаетъ, читаетъ, все читаетъ надъ нимъ.

На прямикъ къ селу Великому взяли гребцы. Вольною здѣшнею водой сама лодка тибко понеслась по теченью. Семиверстная ширина полой воды скоро со всѣхъ сторонъ обняла ихъ. На самой серединѣ они сочли себя совсѣмъ въ безопасности. Захаръ грестъ пріостановился. Радъ былъ и Левъ Гурьичъ „вздохнуть маленько“. Тарханская диковинка, великаны, бабы-птицы, низко пролетѣли надъ ними по серединѣ рѣки.

Когда воевода, оправясь отъ своего забытья, уже сидѣлъ въ лодкѣ упираясь на локоть въ истомѣ, когда и дочь, рядомъ съ нимъ, сама уже была въ полной памяти, — одно ее, Софью Даниловну, удивляетъ: зачѣмъ дьякъ Левъ Гурьичъ молчаливъ и неразговорчивъ, и совсѣмъ не попрежнему себя ведетъ? Зачѣмъ, напротивъ, Захаръ-мельникъ, то было всю дорогу молчалъ, а теперь, хоть шепотомъ про себя, то и дѣло „слава Богу“ повторяетъ? Онъ ихъ поминутно ободряетъ-остерегаетъ отъ рѣчной опасности; даже свои стариковскія прибаутки начинаетъ поминать. Но теперь ужь и Захаръ не съ прежнею вольностью, а тайкомъ отъ воеводы, толкалъ боярышню сзади въ плечо, и такъ чтобы воевода не слыхалъ, шепотомъ говорилъ подавая стклянницу: „дай, дай ему, сударыня, крѣпкихъ травъ водицы испить! увидишь сама: каковъ будетъ. Подай ему закусить и хлѣбушка.“

Едва они стали подъѣзжать къ берегу, ихъ начали окликать стрѣльцы, толпившіеся кучей на пристани противъ Великаго.

— Кто-й-то? раздавался протяжный голосъ съ берегу, когда они еще были шагахъ въ двухстахъ отъ него.—Кто-й-тамъ? все настойчивѣе чередовались голоса чѣмъ ближе они подплывали.

— Воевода! кликнулъ дьякъ Левъ Гурьичъ съ лодки. — Государь Данило Ивановичъ!

На берегу все засуетилось.

Тутъ нашлись и верховыя лошади, и двѣ-три телѣги. Наталья Ивановна, когда вся семья, наконецъ, была опять въ сборѣ подъ одною крышей, обрадовалась имъ какъ пришлецамъ не только съ того берега, а сказать бы: съ того свѣта.

Digitized by Google

ГЛАВА XXIV.

Царская грамота.

Село Великое само глядѣло городочкомъ.

Домикъ, приготовленный для нихъ Львомъ Гурьевичемъ, напоминалъ ихъ тарханскій уголокъ. Тётя-мама, въ коротку̀ю побывку, успѣла тутъ въ верхней горенкѣ приготовить даже постель для Сонюшки. Самого окольничаго она никакъ къ себѣ не ожидала такъ скоро.

Она теперь похвалялась имъ всѣмъ своимъ хозяйствомъ, все ихъ скорѣй осмотрѣть приглашала; велѣла въ мѣдномъ большомъ чайникѣ для нихъ заварить сладкій узварецъ, а того не разсудила старуха что имъ отдыхъ былъ всего нужнѣе.

Но какъ было и уснуть послѣ всѣхъ впечатлѣній за послѣднія сутки? Къ тому же коротка апрѣльская ночь. Того и гляди солнце выплыветъ. Много ли, мало ли они отдохнули съ дороги, а вотъ уже опять сидятъ всѣ вмѣстѣ. Софья батюшкѣ рану его обмыла и перевязала, и Бога благодарила теперь: рана была совсѣмъ легкая, больше страшная по одному виду.

Левъ Гурьичъ поминутно входилъ къ нимъ въ комнату; Наталья Ивановна принимала его теперь за роднаго. И не отецъ, и не дочь, послѣ всего, скоро утомились, а сама Наталья Ивановна, довольно наплакавшись отъ радости, пошла въ свою комнату почивать.

Какою-то потребностью сдѣлалось теперь для старика ни на шагъ не отпускать отъ себя дочери и, не спуская глазъ, все время на нее одну смотрѣть.

— Софья! говорилъ онъ.—Покойница матушка твоя, Варвара Глѣбовна, твоимъ рожденіемъ умирая, послѣдними словами за тебя Богу молила.... ради Бога тебя твоей теткѣ на руки отдала. И ты мнѣ жизнь спасла. Не баловалъ я тебя, себѣ одному угождалъ, тебя любя. И я, помня ея родительское слово, пуще чѣмъ ее, матерь твою родную, нѣжилъ, и лелѣялъ, и холилъ, и рядилъ тебя, и въ томъ во всемъ не тебѣ, а самому себѣ угождая. Любилъ, любилъ я тебя! Да я же и первый твой ненавистникъ былъ. И ты меня въ томъ

Digitized by Google

прости, дочь моя. И во всю твою жизнь ни единымъ словомъ ты не обидѣла меня! Свою власть надо мной зная, ни разу ничѣмъ ты надо мною ничего силой не взяла; и не бранила, и не сердилась на гадкаго старика. А ноньче, онъ повторилъ опять,—и душу свою ты за меня положила.

Онъ весь будто переродился теперь. Кротости всю жизнь не доставало этому лицу. Теперь она самая, эта душевная мягкость, будто голубь слетѣла и осѣнила черты его лица. Даже голосъ старика звучалъ нѣжнѣе. Обычный поворотъ на-кось его головы, утративъ свою прежнюю жесткость, сохранилъ всю первоначальную прелесть свою. Не даромъ и старика Обрескова всѣ почитали красавцемъ.

Онъ рѣшительно не спускалъ глазъ съ Софьи. Она сказала что пойдетъ если не совсѣмъ оправиться съ дороги, такъ хоть причесать голову. Онъ взялъ гребень и всю ея голову расчесалъ и причесалъ самъ. Она просила пойти къ себѣ помолиться; онъ, обрадованный, сказалъ: „помолиться надо и мнѣ, больше тебя;“ и вдвоемъ у образа помолились. Она сказала что пойдетъ провѣдать тётю-маму; они пошли къ ней вдвоемъ, и тамъ онъ сѣлъ съ дочерью рядомъ. Она отъ утомленія сѣла на лавку въ его комнатѣ; онъ самъ подалъ-поднесъ ей подушку; уговорилъ даже прилечь и, когда она легла, онъ, какъ это всегда дѣлывала ея покойная няня Василиса Пахомовна, самъ тихо перебиралъ-шевелилъ ей волосокъ за волосочкомъ. Отдохнувъ мало, она сейчасъ же оправилась, и сказала что ей „теперь совсѣмъ полегчѣло“. Повеселѣлъ отецъ, придвинулъ свое кресло къ лавкѣ, и опять сидѣлъ съ нею рядомъ.

— Какъ хорошо становится на душѣ, сказалъ онъ.—Боже мой! не то что ото всѣхъ послѣднихъ тревогъ, а сказать бы отъ какой долгой болѣзни, за всю свою жизнь, выздоравливаю теперь. Софья! простишь ли гадкаго старика?... Вѣдь ей-же-ей.... Ноньче и душу свою ты за меня положила.

Онъ опять плакалъ; что-то хотѣлъ, очевидно, еще сказать, но силъ не было выговорить; тяжело ему становилось.

— Батюшка! перебила дочь.—У Бога не безъ добрыхъ людей; я тебѣ всегда это говорила. А я одна чѣмъ бы тебѣ пособила?

— Нѣтъ, нѣтъ.... отрицалъ старикъ, и опять судорожно махалъ рукой. Слова еще такого онъ не находилъ, а самъ про себя, очевидно, понималъ что̀ такое онъ ей говорить хочетъ.

Digitized by Google

Левъ Гурьевичъ вдругъ вбѣжалъ съ радостными вѣстями: въ Тарханскѣ пушки палятъ. На башнѣ, съ берегу можно видѣть, царское знамя развѣвается. Видимое дѣло, орловскія рати подошли. Все село заликовало. Для Обресковыхъ, даже и послѣ всѣхъ ихъ домашнихъ радостей, такая царскихъ войскъ надъ мятежниками побѣда была за праздникъ. Больше на радости въ домѣ выздоравливаютъ; истомленные свои усталости забываютъ. И самъ воевода, и Софья Даниловна, и тётя-мама здѣсь въ селѣ Великомъ веселѣй чѣмъ въ Тарханскѣ сидятъ за трапезой, за раннимъ утреннимъ завтракомъ. И Левъ Гурьичъ, такъ случилось, съ воеводиною дочкой за столомъ рядомъ; и дочь, на глазахъ отца, со „спасителемъ“ весело разговариваетъ.

— Софья!... дочь моя! третій разъ обратился окольничій, когда они вновь остались одни.

— Проси чего хочешь меня старика. То быть не можетъ чтобы чего-нибудь весь вѣкъ ты не пожелала тайкомъ отъ меня. Мало ли что и въ шутку, изъ шалости, въ голову могло придти? Хочу, какую ни есть, сейчасъ отъ тебя просьбу слышать. О томъ говорить нечего что все наше имѣніе—твое, дочернее. Отъ сего часу я въ домѣ меньшой; отъ сего часу, не я въ домѣ, а ты всему будь хозяйка. Но не о томъ и говорю; а ты душу мою услади. Слышишь ли?—И онъ ей будто какія-то дальнія, московскія слова напомянулъ теперь. — Моя ноньче воля та чтобъ изъ твоей воли мнѣ по гробъ не выходить.

Софьина грудь тяжело, высоко заколебалась. Не могла она ужь черезъ силу удерживать себя. Сердце у ней закатилось, какъ предъ бѣдой. Блѣдное ея лицо вдругъ помертвѣло. Она предъ родителемъ, со своего кресла, встала на вытяжку.

— Батюшка! и вдругъ упала къ его ногамъ.—Сыми съ меня тяжелое свое отцово слово.

Ожилъ вскочилъ старикъ.

— Софья! о томъ вѣдь и молю тебя, застоналъ онъ глухо. — Коли я ее тогда взялъ у тебя волю, ты сама мнѣ ее отдала. Ее ты сама отъ себя отняла. При тебѣ твоя воля будь. Своя у тебя воля. А моя ноньче воля та, ужь ты слышала, чтобы мнѣ по гробъ изъ твоей воли не выходить.

— Батюшка! стонала Софья Даниловна, не отрываясь отъ его колѣнъ. — Сними съ меня тяжелое твое отцово слово!

Она въ смертной истомѣ обращала къ нему умоляющій

Digitized by Google

взоръ; блѣдно было ея лицо; простертыя руки, тонкіе пальцы дрожали....

Недоумѣвалъ, не понималъ отецъ.

— Софья, о томъ вѣдь и прошу: прости же ты меня старика!

Онъ силой поднялъ ее съ полу; тихо поддерживалъ ея слабую голову съ разметавшеюся косой.

— Дочь моя!.... Вотъ я самъ благословляю тебя. Видишь ли?—и онъ крестилъ дочь,—Господи! Твоя буди воля, а не моя.

— Батюшка! батюшка!... съ дрожью, скороговоркой произносила Софья, и припадала руками къ его груди. — Свѣтъ мой батюшка!... съ короткимъ, перерывистымъ дыханіемъ, все быстрѣй и короче произносила она.

— Ты его любишь? Ну, я такъ и понялъ....

Она судорожно отрицалась головой.

— Сталъ я и самъ послѣднее время замѣчать...

Все судорожнѣй отрицалась она; грудь тяжелѣе дышала; холодныя руки дрожали.

— Не думалъ я, правда, никакъ.... Но онъ понравился тебѣ, и довольно. Да пойми же, Софья. Вѣдь я объ немъ, обо Львѣ Гурьичѣ, и говорю тебѣ.

— Батюшка! простонала она, такъ что, казалось, и потолокъ, и стѣны въ свѣтелкѣ дрогнули отъ боли. — Сними съ меня тяжелое твое отцово слово, и замертво упала къ его ногамъ.

Только теперь все понялъ старикъ.

Такъ это не здѣсь, въ брусяной избѣ, а тогда, на Москвѣ, въ ея терему, на голубомъ коврѣ, еще тамъ угадать ему надо было! Не теперь, а два года и больше тому назадъ, въ самый тотъ Ѳоминъ Понедѣльникъ, воля Божія, а не его грѣшнаго воля, должна была совершиться. Онъ теперь на полу припадалъ къ дочери, согрѣвалъ ее теплымъ дыханіемъ, глаза ей раскрывалъ потихоньку, ея слабую голову поддерживалъ. Самъ передъ ней стоялъ на колѣняхъ, и ея холодную дочернюю руку со слезами цѣловалъ.

— Софья! простишь ли меня? вдругъ вскрикнулъ отецъ.— Нѣтъ, ты не можешь, ты не должна меня простить....

Она тихо повела на него глазами.

— Нѣтъ! ты не должна меня простить!.. застоналъ онъ глухо.—Можетъ-быть, онъ, твой суженый, безъ тебя, съ горя на войну пошелъ, давно въ полѣ убитъ лежитъ.

Digitized by Google

Ужь не можетъ она жить. Ужь не о чемъ ей даже Богу помолиться. Она только смерти молится, а онъ на Москвѣ пируетъ. „Нѣтъ, нѣтъ“, далеко отъ него плача, мучитъ она себя: „и забывая, не забылъ ты меня! и разлюбляя, не разлюбилъ ты меня! хочетъ другую любить, съ той не ласковъ онъ. И ты помнишь какая она такая Софья Даниловна твоя, хоть и повѣнчался съ другою! Но ей для чего теперь жить? Ни перемѣнить, ни поворотить, какъ ни терзайся. Лёва, Лёва!... или вправду княжна Салманова теперь—твоя молодая жена!“

Она чувствовала, въ ея жизни это былъ переломъ.

Въ тотъ же день они опять переѣхали домой въ Тарханскъ. По городу убирали трупы... Мало-по-малу на улицахъ и въ домахъ водворялась прежняя тишина. У самой ограды Михаила Архангела похоронили ея няню. Палашка спаслась, благодаря протопоповой женѣ, у нихъ въ сараѣ, въ пустой кадкѣ. Наталья Ивановна опять помѣстилась подъ лѣстницей, и образъ *Всѣхъ Скорбящихъ* висѣлъ попрежнему въ переднемъ углу на розовой тесемкѣ. Въ ихъ большой передней комнатѣ, попрежнему, накрытъ длинный столъ. Поставленъ ужинъ. Темно въ комнатѣ; свѣчей нѣтъ, и мѣсяцъ не глядитъ въ окно. Но апрѣльскій вечеръ когда же теменъ бываетъ? Долго никто не приходитъ за ужинъ. Одинъ Левъ Гурьичъ похаживаетъ по пустой комнатѣ. Онъ цѣлый день то и дѣло всякому попадался въ домѣ на глаза.

Дьякъ все чего-то ждетъ.

ГЛАВА XXVI.

Объясненіе съ дьякомъ.

Въ тотъ же вечеръ у Софьи Даниловны былъ разговоръ со Львомъ Гурьевичемъ.

Ея сердце было разбито. Чувство, которое много лѣтъ она берегла въ своей душѣ за святыню, которое именно теперь окрѣпло и созрѣло въ ней, оно какъ въ могилѣ. Вся ея жизнь переломлена. „Законъ! Царь неумолимый!“ проносилось еще по временамъ въ ея мысляхъ. Но нѣтъ, сердце не давало себя въ обманъ: Царь только жизнь воленъ отнять.

Итакъ, вечеромъ у нихъ былъ разговоръ.

Левъ Гурьичъ, послѣ всѣхъ тревогъ за послѣднія сутки,

Digitized by Google

видимо, дожидался этого мига побыть съ Софьей наединѣ. Онъ цѣнилъ въ себѣ что жертвовалъ за нее жизнью. Бѣднякъ даже черезчуръ простодушно разчитывалъ на это свиданье. Когда Софья вышла къ нему, наконецъ, молодой Каравеловъ сіялъ такимъ блаженствомъ что ей стало неловко.

— Левъ Гурьичъ, сказала она ему.—Теперь мнѣ тебя благодарить надо. Съ нонѣшняго дня ты мнѣ истинный другъ на всю жизнь. И на всю мою жизнь—я тебѣ по гробъ благодарна.

Она подошла къ нему ближе, обняла за локти и поцѣловала въ щеку.

Онъ налету припалъ губами.

— Софья Даниловна!.. вымолвилъ онъ задыхаясь.

— Левъ Гурьичъ, полно! остановила она его легкимъ движеніемъ.

Онъ схватилъ ея руку и запечатлѣлъ какимъ-то рабскипочтительнымъ поцѣлуемъ.

— Ты меня любишь, Левъ Гурьичъ! сказала вдругъ Софья.— Я тебѣ въ томъ вѣрю. Еслибъ и не привелъ Богъ тебѣ пособить мнѣ въ моемъ великомъ горѣ, я и по прошлымъ твоимъ рѣчамъ и дѣламъ дала бы въ томъ вѣру. А какъ ты ноньче моего роднаго отца спасителемъ сталъ; только меня любя, за него на вѣрную смерть пошелъ (могли мы съ тобой въ рѣкѣ утонуть, и въ руки разбойникамъ попасться)... такъ какъ же мнѣ твоей любви не вѣрить! Но...

Левъ Гурьичъ вздохнулъ.

— Но, повторила Софья,—мнѣ на своемъ вѣку быть замужемъ видно Богъ не судилъ. Напрасно меня всѣ зовутъ красавицей; ужь я дольше всѣхъ своихъ ровесницъ въ дѣвкахъ засидѣлась. Также, видно, и впереди мнѣ счастья нѣтъ. Что ты мнѣ теперь, Левъ Гурьичъ, на то отвѣтишь, если я тебѣ скажу что я въ монастырь пойду?

Лице Льва Гурьича, по временамъ еще оживлявшееся надеждой, вдругъ разразилось горькою усмѣшкой.

— Говоренося! отвѣтилъ дьякъ съ какимъ-то небывалымъ еще озлобленіемъ; черты его лица искривились. Онъ провелъ по волосамъ рукой, отвернулся въ уголъ, и заигралъ въ рукахъ куньею шапкой.

Софья остолбенѣла.

— Удивительно для меня! всплеснула она руками. — Какъ, Левъ Гурьичъ? Да, если ты меня вправду, какъ самъ говоришь, любишь, а я твоею быть не могу, развѣ тебѣ не за

Digitized by Google

счастье теперь услыхать отъ меня что я не кому-нибудь живому человѣку въ руки достанусь, а что я навѣкъ останусь сирота Божья?

Она схватила его за руки, будто еще умоляла скорѣй сказать: такъ ли она это своимъ дѣвичьимъ умомъ разсудила?

Глаза ея горѣли такимъ огнемъ, какого дьякъ за Софьей Даниловной и не чаялъ. Вся она была обворожительна предъ нимъ. Съ ногъ до головы такимъ желаніемъ жизни вѣяло отъ нея! Влюбленный дьякъ обомлѣлъ.

— Софья Даниловна! (Голосъ Льва Гурьича дрожалъ; онъ страстно сжималъ ея руку; онъ дерзко заглядывалъ ей въ лицо.) Софья Даниловна... ты... въ монастырь пойдешь?

— Пойду безо всякихъ переговоровъ, съ достоинствомъ отвѣтила Софья, и отняла свою руку прочь.

— Богъ одинъ вѣдаетъ что говоришь, сказалъ дьякъ, садясь на скамейку, и опять отвернулся въ уголъ. Онъ, очевидно, ждалъ признанія; а ей, повидимому, не хотѣлось больше говорить.—Стало-быть, ты замужъ ни за кого ни пойдешь? прервалъ онъ молчаніе.

— Знать ни за кого, молвила Софья.

— И ты мнѣ въ томъ вѣрно обѣщаешься? крикнулъ дьякъ, вставая, и подставилъ ей свою широкую ладонь.—Ты мнѣ въ томъ вѣрно обѣщаешься что ты замужъ ни за кого, а ты къ Богу, въ монастырь, пойдешь?

— Должно такъ и есть, молвила Софья.

Дьякъ глядѣлъ въ полъ.

— Кому было на мнѣ жениться, тотъ можетъ-быть на войнѣ мертвъ лежитъ, договорила Софья.

— И на тебѣ теперь никто не женится? настойчиво спросилъ дьякъ.

— Больше никто! наотрѣзъ отвѣтила Софья.

Не привыкни еще прежде бѣдный дьякъ въ цѣлые два года считать себя „презрѣннымъ червемъ“ предъ семьей Обресковыхъ, трудно бы ему было теперь устоять на ногахъ предъ воеводиной-дочкой. Сама Софья поспѣшила на помощь.

— Ты развѣ не видишь, сказала она ему,—во мнѣ перемѣну? Я тебя теперь совсѣмъ за своего друга почла, и ты мнѣ сталъ истинный другъ на всю жизнь. Я тебѣ это, Левъ Гурьичъ, не занапрасно сказала. Въ прошлое время когда бы ты отъ меня такихъ рѣчей услыхалъ? Случалось мы съ тобой и очень подолгу разговаривали, а такихъ отъ меня рѣчей ты никогда

Digitized by Google

еще не слыхалъ. Такова я съ тобой и впередъ на всю жизнь буду.

Въ комнату вошелъ воевода.

Двое слугъ несли за нимъ свѣчи. Данило Ивановичъ былъ въ своемъ домашнемъ, на бѣличьемъ мѣху, кафтанѣ; а на ногахъ у него были желтые сапоги бѣлыя кисточки.

— Ты вотъ гдѣ, Сонечка, молвилъ отецъ,—а я всѣ комнаты обошелъ, искалъ тебя.

Левъ Гурьичъ стоялъ уже въ самомъ углу на вытяжку.

— Батюшка, сказала Софья Даниловна,—я тутъ безъ тебя Льва Гурьича благодарила за все что̀ нынѣшній день онъ сдѣлалъ для нашего семейства.

Софья указала отцу на бѣднаго дьяка.

— Левъ Гурьичъ! подойди сюда, и окольничій тяжело вставалъ со своего кресла, опираясь на его ручки.—Поцѣлуемся съ тобой по-христіански. (Окольничій цѣловалъ своего дьяка троекратнымъ поцѣлуемъ, какъ цѣлуются у Христовой заутрени.) Завсегда будешь нашему дому другъ. И дѣтямъ, и внукамъ своимъ закажу твою добродѣтель поминать. Здѣсь ли останемся, въ Москву ли опять переѣдемъ, будешь намъ всегда за родного брата всѣмъ намъ. Благодарствую, Левъ.

И старикъ опять тяжело опускался въ свое кресло.

Только теперь можно было видѣть сколько силъ убыло у старика. Онъ посѣдѣлъ, одряхъ за цѣлые годы. Рана подъ мышкой все еще была перевязана.

— Не на чемъ, сударь Данило Ивановичъ! проговорилъ дьякъ надумавшись и отвѣсилъ низкій поклонъ воеводѣ.

Софья, заложивъ руки за спинку кресла, стояла возлѣ отца.

— Надо будетъ скорѣй обо всемъ государю на Москву отписать, продолжалъ окольничій.—На сію минуту силъ моихъ не стаетъ государевыхъ дѣлъ начинать; а завтра... ты самъ ко мнѣ въ домъ не ходи, Лёвка, самъ я еще до свѣту къ тебѣ въ приказную приду.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ дьякъ, и отвѣсилъ низкій поклонъ воеводѣ.

— Стрѣльцамъ вели очередь блюсти строго. Отъ воровъ, правда, теперь никакой опаски нѣтъ. Къ вечеру еще свѣжій гонецъ былъ: ихъ на сорокъ верстъ кругомъ потоптали. Но чтобы все у насъ съ тобою было по чину. Чай, вода сбывать стала? спросилъ вдругъ воевода.

Digitized by Google

Софья безъ упрека, безъ жалобъ, безъ чуть слышнаго ропота, — это было очевидно для отца, — вспоминала теперь о своемъ минувшемъ счастьи; только одинокая слеза дрожала на ея рѣсницѣ. Она тихо повела на отца глазами, и попрежнему все молчитъ стоитъ.

И онъ оставилъ святыню ея души въ ней почивать; объ имени не спросилъ. Софья видитъ теперь: ему казалось бы уже святотатствомъ до ея тайны прикасаться своими руками. Не случайно, а по своему глубокому и нѣжному разуму, онъ ее объ имени не спросилъ.

— Очень я устала! чуть слышно молвила Софья. Онъ самъ увелъ ее въ верхнюю горенку. Она уснула.

И вновь отецъ объ имени не спросилъ, когда сама Софья пришла къ нему для разговоровъ. И для нея ясно теперь: не спроситъ онъ и впередъ, чтобы самому ничуть ко святынѣ ея души непрошеными руками не прикасаться. Ахъ, давно ли все это было! А вотъ она видитъ теперь: ея отецъ совсѣмъ предъ нею таковъ какимъ она всегда его себѣ воображала. Она всегда страстно любила его; сказать ли? не то любила, а больше жалѣла его. Вотъ, она его теперь попрежнему любитъ, а ужь не о чемъ жалѣть его.

— Право, началъ опять отецъ,—будто отъ какой за всю жизнь болѣзни выздоравливаю. Себя не узнаю. Софья, вѣдь это ты вылѣчила меня.

Онъ какъ-то просьбенно глядѣлъ ей въ лицо.

— А еще тому три-четыре дня, грѣшенъ, ой предъ Богомъ какъ грѣшенъ былъ! Припоминаю вчерашній день, и третевочный, во мысляхъ перебираю. Въ томъ даже что ворамъ въ руки отдался, сказать со всею откровенностью, почесть я самъ виноватъ. Гордыня обуяла. Сказать бы: смерти своей самъ алкалъ. Горестно мнѣ теперь не за себя, а за васъ, за тебя, дочь, да за твою тётушку добрую, а мою сестру родную. Откроюсь предъ тобой во всемъ; только маменькѣ не говори ни слова. Помнишь ли, третьяго дня съ Москвы гонецъ пріѣхалъ, мнѣ государеву грамоту привезъ?

— Ахъ, что такое, батюшка?

Софья вдругъ вспомнила свой разговоръ съ дьякомъ объ этой грамотѣ.

— Мы у царя въ большой опалѣ. Не знаю: захочетъ ли меня впередъ до своихъ очей допустить!

Софья подсѣла ближе къ отцу.

Digitized by Google

— Неправо онъ осерчалъ на меня! съ важностью продолжалъ бояринъ.—Воровъ какъ можно было—съ Москвы имъ легко писать—до нашихъ мѣстъ не допустить? Нечего меня ровнять своимъ прочимъ окаяннымъ воеводишкамъ. Нечего и Бориской Лыковымъ корить. Бориска Лыковъ!... а? (Сѣрые его усы шевелились.) Опалой и подавно грозить нечего. Не опалы его устрашаясь, а то себѣ на душу за срамоту взявъ, я и точно что воровъ поджидалъ, будто на вольную смерть шелъ. Только и не чаялъ, дочь моя, что таково страшно безъ покаянія животъ кончать. Вотъ она голубушка!—вынулъ онъ грамоту изъ-за пазухи.—Со мной вмѣстѣ въ башенной тюрьмѣ у-сердцу была.

— О чемъ же, и что тутъ государь пишетъ? спросила дочь.

— Пишетъ такъ, отвѣтилъ отецъ, тряхнувъ грамотой, и началъ читать, минуя титулъ и многія мѣста, очевидно официальныя, а не тѣ которыя были тягостны для его самолюбія:—„И тебѣ бы знать, Данило Ивановичъ, что ты нонѣшнимъ своимъ нерадѣніемъ себя въ конецъ осрамилъ; а которая твоя прежняя была вѣрность, за что я тебя много и жаловалъ, и ты ей нонѣшнею своею оплошкой злой конецъ положилъ; а которые отъ меня съ Москвы бояре въ другіе города противъ воровъ посыланы, тѣ своего государя, моего царскаго величества Алексѣя Михайловича всея Руси, честь не по твоей глупости оберегали....“ Ну, тутъ Лыкову и всей ихъ братьѣ отъ царя: величаемъ тя! Бориско Лыковъ, а? (Опять его сѣрые усы шевелились.) „.... и мы велимъ вотчины назадъ отписать“.... Ну, всего насъ рѣшить! Такъ, молъ, и того мало!... Извѣстно это: Обресковы въ опалѣ. Да гляди-ко-ка еще что про хорошихъ-то нашихъ, про московскихъ сосѣдей, въ припискѣ пишетъ! Мало имъ того что ихъ отецъ передъ моимъ батюшкой испоконъ вѣка чванился. Вѣдь ты это знаешь ли? Вотъ я тебѣ теперь это первый разъ скажу. Въ нашемъ-то, въ Кривомъ переулкѣ, вѣдь это мой родитель, онъ первый, зачалъ каменны палаты выводить, ну и безъ спору было. А вотъ ихъ-то родитель, Григорія Романовича старикъ, старый Засѣкинъ, не стерпѣлъ: дай, молъ, и я таковы же точно, да еще лучше, насупротивъ Обресковыхъ палатъ и свои бѣлокаменны выведу поставлю!... Слушай-ко. „А Григорій Романовичъ Засѣкинъ, давно ли тебѣ по службѣ за одно мѣсто былъ.... а ноньче мы его и въ бояре пожаловали, да по немъ и сыну его вотчины наддали, и

Digitized by Google

нашею царскою милостью его на своихъ очахъ сосватали, своимъ обиходнымъ женимъ, за него княжну Салманову выдаемъ....“ А, Софья, каково? — и онъ встряхивалъ грамотой, и положивъ ее на столъ, ударялъ по ней кулакомъ. — Сосѣдъ-атъ мой ужь на Москвѣ бояринъ! Въ домъ-то къ нимъ самъ царь: то было жениховъ, а ноньче ужь и невѣстъ засылаетъ!

Это былъ намекъ на свадьбу Настеньки. И глаза его опять сверкали, сѣрые усы шевелились.

Прошло молчанье.

— Ну да Богъ съ ними со всѣми, да и съ царемъ-то! молвилъ окольничій.—Одно ты въ мірѣ мое сокровище. Ты, моя дочь, при мнѣ; я опять съ тобою, а для міра я совсѣмъ отпѣтый человѣкъ.

Вошла маменька Наталья Ивановна съ новыми добрыми вѣстями. Она принесла воеводѣ привезенный изъ Тарханска кафтанъ, а Софьѣ ея любимую душегрѣйку и шелковую сѣтку на голову. Орловскій тысяцкій прислалъ изъ города за ними расшиву: воровъ всѣхъ избили и прогнали. Тарханскъ очищенъ. Воеводу отъ мала до велика всѣмъ народомъ ждутъ въ городъ съ минуты на минуту.

— Что жь, батюшка, потихоньку молвила Софья отцу, вставая.—Вотъ и самъ государь теперь узнаетъ что Тарханскъ очищенъ, изо всего уѣзда воровъ прогнали. Мой совѣтъ тебѣ таковъ: будемъ ждать, впередъ какой отъ государя милости дождемся?

Она поблагодарила тётю-маму за сѣтку и за душегрѣйку, сказала что пойдетъ сейчасъ же передѣться къ себѣ наверхъ.

ГЛАВА XXV.

Плачъ Софьи.

Ни бровью не повела. Какъ въ началѣ, такъ и до самаго конца, за чтеніемъ грамоты пристально слѣдила.

Когда старикъ внятно читалъ строки.... „Да по немъ и сына его царскою нашею милостью пожаловали.... За него княжну Салманову отдаемъ.“ И когда отецъ говорилъ: ну, тутъ пустое пошло! Царь мальчишку приданымъ наградилъ; и какъ въ комнату вошла маменька Наталья Ивановна съ вѣстями, и когда она изъ ея рукъ брала свою любимую атласную душегрѣйку.... Ни бровью не повела, не содрогнулась.

Digitized by Google

Но, Боже мой! Только теперь можно было видѣть, чего Софьѣ надъ собой стоило пережить эти пятьдесять минутъ въ суткахъ исполненныхъ и безъ того всякихъ необычайныхъ волненій. Вбѣжавъ по тесовой лѣстницѣ въ свою свѣтелку, она заложила дверь на задвижку, кинулась-упала на кровать и, забивъ голову въ подушку, зарыдала-зарыдала.

— Левъ на Москвѣ сосватанъ! Царь за него княжну Салманову отдаетъ!!

Не уѣзжать бы тогда имъ изъ Москвы въ дальнюю сторону. Ахъ! два года тому назадъ не бѣжать бы имъ за тысячу верстъ отъ людей, въ чудь, глушь, изъ столицы!

Сердце ея было разбито. И въ какой день? Этотъ весь день былъ громовый. Убита въ ея глазахъ дряхлая голубка, ея Василиса Пахомовна-няня. Воеводу, ея отца, на площадь волокутъ пьяные kazaki. Она цѣлые сутки съ мокрыми ногами, въ бабьемъ тулупѣ. Приказный дьякъ что всегда дрожалъ при видѣ ея отца и стоялъ на вытяжку, хочетъ ее цѣловать, и говоритъ про любовь. Съ нимъ да со старымъ мельникомъ, она спасаетъ отца. До сихъ поръ у ней въ ушахъ стонетъ плескъ волнъ да завыванье ночной бури у башни. До сихъ поръ у ней болятъ руки отъ веселъ, отъ борьбы съ водою на стремени. Она не очувствовалась даже еще и отъ послѣднихъ мукъ, когда кланялась въ ноги отцу и заклинала.

И когда же этому сердцу суждено было разбиться? Наканунѣ.

Это теперь, когда ея отецъ и съ Богомъ, и съ людьми, и съ самимъ собою примирился. Да развѣ, на самомъ дѣлѣ, ужь и не снято съ нея, даже сейчасъ, тяжелое отцово слово? Рѣшительно наканунѣ.

Она плачетъ-мучится, сама себя терзаетъ. „Лёва! Левъ мой Григорьевичъ! зачѣмъ я тебя, дѣвка, полюбила!“ Безропотно, безъ жалобъ на кого другаго, она рыдаетъ, сама себя кругомъ винитъ: можно ли было ей той же любви надѣяться? зачѣмъ-зачѣмъ она его такъ безумно полюбила?

Посмотрѣла бы я его, поглядѣла бы я его: неужели онъ такъ перемѣнился? Левъ Григорьевичъ!... Лёвка ты мой! какая она такая твоя невѣста? Бѣлый вашъ домъ, наша церковь красная—ахъ, ты помнишь ли что въ терему у меня говорилъ ты? Твои дѣтскіе кудри; твоя бѣлая рука; живые твои соколиные глаза.... Подай, гдѣ у тебя мое колечко?

Она плачетъ, терзаетъ себя: „зачѣмъ я безумно полюбила?“

Digitized by Google

„Тогда какъ въ настоящее время, благодаря могучей силѣ естествознанія, мы видимъ уже и въ Россіи появленіе женщины-естествоиспытательницы, во второмъ послѣ-Петровскомъ поколѣніи женщины русскія еще презрительно отрицали естественныя науки (ахъ, какія глупыя!) нисколько не сознавая естествопознавательнаго призванія и достоинства своего разума, а чувствуя только одну чувственную обаятельность своей физической, плотской красоты."

— И о женскомъ трудѣ есть, Иванъ Тарасовичъ?

Иванъ Тарасовичъ. Обо всемъ есть. То-есть спеціально нѣтъ о женскомъ трудѣ: объ этомъ въ „обширномъ". Тутъ вообще о молодыхъ рабочихъ поколѣніяхъ.

Коля. Рабочій вопросъ?

Иванъ Тарасовичъ. Шире. Мы всѣ кто трудится — молодое рабочее поколѣніе. Народъ непосредственно, реально касающійся природы; дѣвица сознающая естествопознательное призваніе своего разума; все что̀ есть чернорабочаго отъ сохи до микроскопа, отъ сенсуально-реальнаго отношенія къ природѣ, чрезъ чувственное воспріятіе, и до высшихъ рефлекторныхъ движеній мозга, установляющихъ раціональное, естественно-историческое міросозерцаніе, выработанное въ горнилѣ отрицанія, чуждое византійской доктрины и классико-юридико-археологической реакціи послѣдняго времени. Я уловилъ, кажется, хорошо мысль и выраженія автора. Послушайте какъ онъ великолѣпно начинаетъ (*читаетъ*):

....Въ Россіи, „много вѣковъ вовсе не работала и не развивалась раціональная, философско-естествоиспытательная „мысль, не проявлялась высшая логическая способность отвлеченія, сравненія, индукціи и обобщенія элементарно-конкретныхъ фактовъ, сообщаемыхъ непосредственно-натуральною „наблюдательностію и воспріимчивостію внѣшнихъ чувствъ. „Вслѣдствіе этого самъ рабочій русскій народъ, какъ ни наклоненъ былъ натурально къ естественно-научному сенсуализму и реализму всѣми своими внѣшними чувствами, всѣми „своими физическими, реальными работами въ сферѣ природы, всѣмъ своимъ непосредственно-натуральнымъ рабочимъ „сенсуализмомъ и реализмомъ, но все-таки, по неразвитости „теоретической силы мышленія, онъ самъ собою никакъ не „могъ дойти до научно-раціональнаго, индуктивно-теоретическаго естествознанія."

— Да-съ, это не легкое чтеніе, не поэзія-съ, не мистико-идеалистическая ерунда, но положительное, реальное, есте-

Digitized by Google

ственно-историческое изученіе, глубокое знакомство съ вѣковыми пріобрѣтеніями естествоиспытательной мысли....

Сергѣй Петровичъ (*перебивая*). Ну, въ этомъ отношеніи позвольте съ вами не согласиться, почтеннѣйшій Иванъ Тарасовичъ. Мнѣ случилось прочесть книгу о которой вы такъ восторженно говорите. Въ физическихъ наукахъ свѣдѣнія мои небольшія, но, признаюсь вамъ, очень меня удивило одно обстоятельство. Нѣтъ страницы въ книгѣ г. Щапова, гдѣ бы двадцать разъ, и кстати и не кстати, не было упомянуто о естествознаніи и его великомъ значеніи: просто гимнъ естествознанію. Но въ то же время авторъ плохой, повидимому, жрецъ своего божества, такъ какъ очевидно что въ естествознаніи онъ аза въ глаза не смыслитъ....

Иванъ Тарасовичъ вздрогнулъ.

Сергѣй Петровичъ. А знаете, какъ говоришь о томъ чего совсѣмъ не разумѣешь, то выходитъ....

Иванъ Тарасовичъ (*сдержанно*). Шутить всѣмъ можно, Сергѣй Петровичъ! Продолжайте, скажите что и вдохновители нашего, смѣло говорю, перваго реалиста Аѳанасія Щапова, Ньютонъ, Лавуазье, Ламаркъ, Дарвинъ, Вирховъ ничего не смыслятъ. Реалисты, молъ, не классической школы....

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, эти-то классической школы, а вотъ г. Щаповъ....

Иванъ Тарасовичъ. Щаповъ идетъ за ними, цитуетъ ихъ творенія. Вотъ *Principia mathematica* Ньютона. Плохая, должно-быть, книжка? А *Philosophie chimique* Лавуазье, о которой десять, двадцать разъ упоминаетъ Щаповъ, тоже, должно-быть, никуда не годится? Я, признаюсь, Щаповскими свѣдѣніями не обладаю, но достану, непремѣнно достану и изучу это великое твореніе. Вамъ оно, можетъ-быть, знакомо?

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, не знакомо.

Иванъ Тарасовичъ (*съ торжествомъ*). А! Изволите видѣть.

Сергѣй Петровичъ. И по простой причинѣ. Такого творенія не существуетъ.

Иванъ Тарасовичъ. Нѣтъ, ужь позвольте. Щаповъ говоритъ на 21 страницѣ (*читаетъ*):... „общечеловѣческому училищу запада, западнаго реализма, естествоиспытанія“.... Вотъ: „открыты были уже новыя, всемірныя умственно-образовательныя средства, напримѣръ, въ *Principia mathematica* Ньютона, въ *Philosophie chimique* Лавуазье“.... Изволите слышать? А вотъ еще на 175 страницѣ. Прислушайтесь: „естествознаніе

Digitized by Google

въ XVIII вѣкѣ, благодаря „напору философско-натуралисти-„ческихъ идей.... тѣмъ болѣе дѣйствовало возбудительно на „умы что оно отпечатлѣвало на себѣ общій философскій „типъ времени, именовалось натуральной философіей. По „примѣру *Principia mathematica philosophiae naturalis* Ньюто-„на, Ламаркъ свои зоологическія изслѣдованія озаглавилъ „*Philosophie zoologique*, Сентъ-Илеръ свою анатомію *Philosophie* „*anatomique*, Лавуазье свою химію *Philosophie chimique*....“ Изволите видѣть.

Сергѣй Петровичъ. Да, господинъ-то Щаповъ говоритъ, но мало ли что̀ онъ говоритъ! Онъ, повидимому, запамятовалъ какое значеніе въ Англіи имѣетъ и имѣлъ терминъ „натуральная философія“, запамятовалъ также что сочиненія Ламарка и Сентъ-Илера не принадлежатъ къ XVIII вѣку, и что Лавуазье ни одного изъ своихъ сочиненій не озаглавливалъ *Philosophie chimique*, а химія его зовется скромно *Traité élémentaire de chimie.*

Иванъ Тарасовичъ. Важное дѣло! Мы-съ предъ авторитетами не преклоняемся. Очень намъ нужно какъ Лавуазье писалъ на заглавномъ листикѣ. Щаповъ прочелъ, изучилъ. Это, говоритъ, „philosophie chimique“. Вотъ и все.

Сергѣй Петровичъ. Ваша правда. Г. Щаповъ не очень церемонится со своими героями и почему-то сажаетъ ихъ всѣхъ въ XVIII вѣкъ. Говоря, напримѣръ, о московскихъ масонахъ конца прошлаго вѣка *(отыскиваетъ страницу)*, онъ сожалѣетъ что они были не въ силахъ идти „въ уровень съ тѣмъ великимъ „умственнымъ движеніемъ и переворотомъ какой *въ то время* „произвели въ Европѣ *Ньютонъ*, Лапласъ, Лавуазье—эти вели-„кіе отцы новаго европейскаго поколѣнія, основоположители „новыхъ началъ умственной и матеріальной цивилизаціи Евро-„пы“. А чрезъ нѣсколько строкъ къ „отцамъ XVIII вѣка“ причислены вмѣстѣ съ Вольтеромъ, Руссо и Уаттомъ,—*Кювье*, котораго первый ученый трудъ появился въ 1798 году, и *Пуассонъ*, только въ 1800 году выпущенный изъ Политехнической школы! Эта страничка цѣлый букетъ куріозовъ. Поговоривъ о времени московскихъ масоновъ, „Лопухинѣ, Новиковѣ и его компаніи“, желавшихъ-де „пытать природу по примѣру средневѣковыхъ алхимиковъ“, вашъ авторъ продолжаетъ:

„Нельзя безъ печали, безъ глубокой грусти вспоминать это „тяжелое, мрачное, патологическое настроеніе русскихъ умовъ „*въ то время* когда на западѣ геніи Лавуазье, Лапласа, *Кювье*,

Digitized by Google

„*Пуассона*, Уатта, Вольтера, Руссо, *Фурье* и многихъ другихъ, „развивали въ высокоразвитомъ западномъ умственномъ типѣ „новыя интеллектуальныя качества и силы и передавали ихъ „въ генеративное наслѣдство *новымъ могучимъ естествоиспы-* „*тательнымъ генераціямъ* — геніямъ *Гумбольдтовъ*, Либи- „ховъ, Дарвиновъ, Контовъ и т. п.“

Увы! Гумбольдтъ родился въ одномъ году съ Кювье, началъ ученую дѣятельность прежде Кювье и, значитъ, не принадлежитъ къ генераціи послѣдовавшей за генераціей Кювье. Слѣдующая затѣмъ фраза имѣетъ не совсѣмъ понятный смыслъ:

„Тамъ, на западѣ, какая страшная наступила реакція, по- „слѣ великаго революціоннаго движенія разума! Геній же, „выразившій глубокое уваженіе генію Лапласа, Лагранжа, „Монжа и Бертоле, геній Наполеона I съ громомъ и молніею „Марса пронесъ по Европѣ императиву реакціи противъ „идей Разума 1793 года. А палъ ли, остановился ли разумъ „въ своемъ всемірно-историческомъ движеніи? Нисколько!“

Полагать должно что въ воображеніи г. Щапова „идеи Разума 1793 года“, уничтожившія было дѣло просвѣщенія во Франціи и отправившія Лавуазье на эшафотъ, съ замѣчаніемъ: „Франціи не нужно химиковъ,“—представляются великимъ толчкомъ въ исторіи человѣческаго разумѣнія вообще и естествознанія въ особенности. Но теперь не о томъ рѣчь. Вернемся къ „отцамъ“ XVIII вѣка. Къ нимъ, какъ я уже сказалъ, причтены и Сентъ-Илеръ и Ламаркъ, конечно, за его зоологическія идеи.

Иванъ Тарасовичъ. Великій Ламаркъ предшественникъ въ прошломъ вѣкѣ Дарвина!

Сергѣй Петровичъ. Къ сожалѣнію не въ прошломъ вѣкѣ, такъ какъ зоологическіе труды Ламарка принадлежатъ нынѣшнему столѣтію. А г. Щаповъ на страницѣ.... (*перелистываетъ книгу*) на страницѣ 178 сожалѣетъ что Брянцевъ, въ 1799 году, не вдохновился идеями Ламарка, тогда еще не высказанными. Въ Китаѣ, говорятъ, даются титулы назадъ по восходящей линіи. Такъ и г. Щаповъ жалуетъ кого любитъ изъ ученыхъ XIX столѣтія въ ученые осьмнадцатаго вѣка. А кстати ужь изслѣдованія Бюффона считаетъ новинкой для 1799 года.... А о Русскихъ-то? Прочтите на той же страницѣ:

„На русскомъ языкѣ до *первыхъ годовъ XIX столѣтія* не „было самыхъ капитальныхъ естественно-научныхъ произве- „деній западныхъ естествоиспытателей, какъ-то: химіи Ла- „вуазье, Небесной механики Лапласа, „Principia mathematica“

Digitized by Google

— За день вся сошла, отвѣтилъ дьякъ. — Подъ горой у башни, сказываютъ, ужь въ бродъ опять переходить начали. Дружная вода была.

И Софья, и отецъ, молча, перекрестились.

Въ комнату вошла Наталья Ивановна.

— Я: гдѣ братецъ? А вы всѣ тутъ! сказала старуха. Отъ отца она перешла къ дочери; опять горячо ихъ перецѣловала, и въ заключеніе, заливщись слезами, повалилась прямо на шею ко Льву Гурьичу.—Дай же, спаситель нашъ, тебя-то отблагодарить теперь! Великъ Богъ своею милостью, сотворилъ чудо не по нашему маловѣрію; а и добрымъ людямъ спасибо на вѣкъ.

Она плакала и рыдала. Дьякъ горячо обнимался съ маменькой Натальей Ивановной. По обычаю всего дома, и онъ ее кликалъ маменькой.

— Гдѣ послѣ такого страха здѣсь на чужой сторонѣ оставаться! заголосила Наталья Ивановна.—Ой, въ Москву, братецъ! скорѣй въ Москву просись у государя. Няня-то наша, добрая моя старуха Василиса Пахомовна, царство ей небесное! знать за всѣхъ насъ она тутъ одна свои кости сложила на чужой сторонѣ. (Наталья Ивановна крестилась на образъ.) А тебѣ, Левъ Гурьичъ, обратилась она на прощаньи опять къ дьяку, пошли тебѣ тутъ Богъ, безъ насъ, на Тарханскѣ первую что ни самую лучшую невѣсту.

Дьякъ даже своего „не на чемъ“ не отвѣтилъ Натальѣ Ивановнѣ.

— Прощай, Левъ Гурьичъ! поклонилась Софья Даниловна дьяку съ порога, поведя своего больнаго отца укладывать спать; Наталья Ивановна понесла за ними обѣ свѣчки.

Такъ тутъ и заночевалъ на столѣ ужинъ никѣмъ не тронутый.

ГЛАВА XXVII.

Христосъ Воскресъ!

И вотъ, торопится утренняя заря.... Ранній бѣлый день апрѣльскую ночь смѣняетъ. Послѣдки снѣговъ стаяли кругомъ; вездѣ вода побѣжала. И въ воздухѣ, и на землѣ, во всемъ — явно себя сказываетъ весна. Въ воздухѣ свѣжѣетъ запахомъ полей. Жаворонки вездѣ запѣли. На небѣ журавли летятъ, гуси тянутъ вереницами. Торопятся сѣрые на

Digitized by Google

лѣтнюю сторону — за Москву, за Смоленскіе лѣса, за грязи Новогородскія. Тянутъ дикіе къ Бѣлому морю, за Архангельскъ, къ самому Океану. На всей Руси колокола въ тотъ день за одно гудятъ. Великая Суббота на улицѣ; а завтра— праздникамъ Праздникъ. Само, какъ весна животворящая, Свѣтлое Христово Воскресенье подошло.

Христосъ Воскресъ! грянетъ изъ края въ край по всей Русской землѣ.

И какъ на Москвѣ, при полночномъ гулѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ, по церквамъ по приходамъ, великое торжество свѣтло праздновалось, такъ и тутъ на чужой дальней сторонѣ, въ Тарханскѣ, въ самую полночь ударилъ колоколъ близь воеводскаго двора у Михаила Архангела. Пять-шесть здѣшнихъ церквей откликалось ему съ разныхъ сторонъ, и весь здѣшній тарханскій людъ заспѣшилъ къ Пасхѣ.

Тамъ на Москвѣ, въ красной церкви, стоя предъ самымъ образомъ Тихвинской Божіей Матери, было ли кому дальнихъ Тарханскихъ вспоминать? И здѣсь, въ глухомъ Тарханскѣ, за тою же великою утреней, было ли кому о дальнихъ московскихъ вспоминать? Разлученные друзья христосовались ли мысленно въ эту ночь между собою.

А то что же?

Чѣмъ для нихъ Свѣтлый Праздникъ не свѣтелъ былъ? Оба на Тихвинскую Божію Матерь во всемъ положились. Тутъ оба сказали въ сердцѣ своемъ: какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ.

Н. ВИЦЫНЪ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

СОБЫТІЕ ВЪ НИГИЛИСТИЧЕСКОМЪ МІРѢ

ДОМАШНІЙ РАЗГОВОРЪ.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ переулковъ прилегающихъ къ старой московской улицѣ, Арбату, въ уютномъ домикѣ, молодая дѣвушка, въ ожиданіи своего учителя, о чемъ-то живо спорила съ гимназистомъ братомъ, возбуждая по временамъ улыбку въ старшемъ братѣ, мировомъ судьѣ одной изъ подмосковныхъ губерній, пріѣхавшемъ повидаться съ родными. Громкій звонокъ возвѣстилъ о прибытіи наставника, бывшаго семинариста, не успѣвшаго окончить курсъ въ университетѣ по случаю участія въ одной изъ такъ-называемыхъ „университетскихъ исторій“, Ивана Тарасовича Добромыслова. Иванъ Тарасовичъ имѣлъ необычайно торжественный видъ и держалъ въ рукахъ книгу страницъ въ четыреста, въ зеленоватой оберткѣ, носившей слѣды пальцевъ усерднаго чтеца. Раскланявшись съ ученицей, Иванъ Тарасовичъ довольно сухо поздоровался съ молодымъ судьею, и крѣпко сжалъ руку гимназиста, который съ любопытствомъ всматривался въ заглавіе принесеннаго Иваномъ Тарасовичемъ трактата.

— Что̀ я принесъ, какую книгу! провозгласилъ Иванъ Тарасовичъ.—Извините меня, Лизавета Петровна, давать урока не въ состояніи. Скажу одно, и вы поймете: мы имѣемъ своего Бокля. Есть, барынька, и у насъ, наконецъ, своя исторія цивилизаціи. Вчера досталъ, легъ на диванъ, и какъ есть

Digitized by Google

всю ночь читалъ, не раздѣваясь. До конца прочелъ, опять началъ читать. Да-съ, есть чѣмъ пошевелить мозгами.

Всѣ съ любопытствомъ обратились къ трактату, который Иванъ Тарасовичъ торжественно выложилъ на столъ.

Лизавета Петровна прочла: *„Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа*, сочиненіе Аѳанасія Щапова. Петербургъ. 1870 года."

— И замѣтьте, продолжалъ Иванъ Тарасовичъ, указывая на примѣчаніе къ первой страницѣ:—это еще только „отрывокъ изъ обширнаго изслѣдованія объ умственномъ развитіи русскаго народа". Но и тутъ все прослѣжено отъ самаго курганнаго племени съ суб-долихоцефалическимъ черепомъ, у котораго развитіе задней затылочной части черепа преобладало надъ развитіемъ передней,—знаете, того что̀ вырыто изъ московскихъ кургановъ трудами молодыхъ естествоиспытателей. Дальше, конечно, жаль, до бабушки-обезьянки ниточки порываются. Извините, Сергѣй Петровичъ, забылъ что вы не жалуете напоминанія о нашемъ не очень аристократическомъ происхожденіи: это лишь намъ плебеямъ съ руки. Да не о томъ рѣчь. Впрочемъ въ „обширномъ", не посѣтуйте, можетъ-быть и этого коснется.

— Ахъ! мерси, мерси, Иванъ Тарасовичъ, говорилъ гимназистъ, успѣвшій схватить книгу и съ жадностью ее перелистывавшій. — Ахъ, какъ интересно! Лиза, послушай, какой былъ мозгъ у древне-русскаго человѣка. (*Читаетъ:*)

„Мозгъ древне-русскаго человѣка, совершенно какъ у ребенка, былъ такъ устроенъ что, напримѣръ, свѣтъ чѣмъ ярче тѣмъ больше на него дѣйствовалъ; звукъ чѣмъ громче тѣмъ сильнѣе его поражалъ.... Видъ необычайной звѣзды, поражая зрѣніе, производилъ путемъ рефлекторнаго дѣйствія на всѣ чувствующія мышцы организма чувство страха и тревожнаго движенія...."

— Какъ, Коля, *чувствующія мышцы?* спросилъ Сергѣй Петровичъ.—Не нервы ли?

— Нѣтъ, видишь написано: „рефлекторнаго дѣйствія на всѣ чувствующія мышцы"... Иванъ Тарасовичъ, вѣдь это, значитъ, соціальная физіологія!

— Конечно, процѣдилъ Иванъ Тарасовичъ, не обратившій вниманія на замѣчаніе Сергѣя Петровича.

Лизавета Петровна (просматривая книгу). А вотъ и о женщинахъ говорится:

Digitized by Google

„Ньютона, *астрономіи и геометріи Біо*, геометріи Монжа и „многихъ другихъ."

Отсюда читатель въ правѣ заключать что съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія мы имѣемъ переводы и Ньютона, и Лапласа, и Лавуазье (они, вѣроятно, есть въ библіотекѣ г. Щапова), и что упоминаемыя здѣсь учебныя руководства Біо принадлежатъ къ числу „самыхъ капитальныхъ естественно-научныхъ произведеній западныхъ естествоиспытателей". Дѣло въ томъ что г. Щаповъ въ *Исторіи Московскаго Университета* Шевырева прочелъ, что въ 1805 году Муравьевъ, попечитель Московскаго университета, *поручилъ* нѣсколькимъ молодымъ людямъ заняться переводомъ ученыхъ сочиненій. Въ другомъ мѣстѣ г. Щаповъ цитуетъ изъ книги Шевырева отрывокъ изъ письма Муравьева (*ищетъ*). Вотъ онъ: „Поручилъ я, писалъ Муравьевъ, магистру Загорскому—переводъ Монжевой представительной геометріи, Жукову — Біотову геометрію, Николаеву — Біотову астрономію, Воинову — начала философическія Невтона, Озерову—Функову технологію и пр." Отдаю справедливость г. Щапову, онъ тутъ оказалъ нѣкоторое благоразуміе. Не разумѣя, повидимому, о какой такой „представительной" геометріи Монжа идетъ рѣчь и не зная что геометрія эта называется начертательною, поставилъ просто „геометрія Монжа"....

Иванъ Тарасовичъ (*съ ироніей*). А вы, Сергѣй Петровичъ, сильны,—не зналъ я этого,—въ ярлыкахъ и терминахъ. Уступаю, охотно уступаю и имена, и года, и заглавія. Оставьте намъ только естественно-историческія идеи и факты....

Сергѣй Петровичъ. Ну, ужъ въ фактахъ вашъ авторъ бѣденъ до жалости. Припоминаю мѣсто.... Вотъ оно на страницѣ 297. Посмотрите что бѣдненькій пишетъ объ успѣхахъ науки, пріобрѣтенныхъ „трудами *фонъ*-Гельмонта „*открывшаго газы въ воздухѣ*, опытами Бойля и Гука, „многими наблюденіями Галеса, послѣдовательными откры„тіями угольной кислоты Блэкомъ, гидрогена Кавенди„шемъ, *кислоты селитряной, кислоты соляной и аммоніака* „*Пристлеемъ, кислорода Лавуазье*, а потомъ разложеніемъ во„ды Варлтиромъ, Кавендишемъ, Уаттомъ и Лавуазье." Взялъ, если не ошибаюсь, изъ *Біографіи Уатта* Араго и перепуталъ колико могъ. Пристлей, оказывается, открылъ селитряную кислоту, то-есть крѣпкую водку, которая была извѣстна еще до алхимиковъ; также соляную кислоту. Напрасно не

Digitized by Google

прибавилъ кстати и купоросное масло: у Араго вѣдь сказано: *acide nitreux, acide sulfureux.* Упоминается даже, для вящаго доказанія учености, о неизвѣстномъ почти Варлтирѣ, воды *не разлагавшемъ*, а сдѣлавшемъ въ металлическомъ сосудѣ взрывъ водорода смѣшаннаго съ воздухомъ. Наконецъ Лавуазье открылъ кислородъ! Фанъ-Гельмонтъ (указавшій существованіе различнаго рода воздуховъ, которые онъ назвалъ газами) открылъ, видите-ли, *газы въ воздухѣ*! Что скажете? Вѣдь все это круглое невѣжество. Вѣдь это въ родѣ того какъ еслибы сказать: Америка открыта Коперникомъ, Бунзенъ открылъ планету Нептунъ, а Леверрье спектральный анализъ.

Иванъ Тарасовичъ. Довольно, довольно, Сергѣй Петровичъ. Я долго, хладнокровно слушалъ васъ. Послушайте же и мою отповѣдь. Я не пойду за вами въ разборъ мизерныхъ фактовъ. Предо мной одинъ капитальный фактъ: онъ сѣлъ въ мозгу, и не вы его вытащите. Но я вамъ благодаренъ. Нашъ споръ укрѣпилъ меня еще болѣе. Я вижу до какой степени во всемъ правъ Щаповъ, и сколько истины въ желчью-писанныхъ словахъ его, обращенныхъ къ нашему бездушному, реально не развитому, психопатически ржавому обществу.

Сергѣй Петровичъ. Но позвольте, Иванъ Тарасовичъ, чѣмъ же виновато общество что г. Щаповъ берется просвѣщать его относительно предмета о которомъ самъ не имѣетъ понятія.

Иванъ Тарасовичъ. Побирайся кто хочетъ по книжкамъ, когда просѣкаются новые пути, смазываются рычаги и колеса молодыхъ рабочихъ поколѣній. Общество! Государственно-идеалистическое и мистико-галлюнаціонное общество! Является человѣкъ, просвѣтляетъ умы, для каждаго тупоумнаго дѣлаетъ понятнымъ, бьетъ по лбу великою истиной, указываетъ наконецъ тотъ вопросъ который послѣ, какъ онъ самъ выражается, „вопроса объ освобожденіи крестьянъ“ первымъ и главнымъ выдвигается на очередь: вопросъ „о реформѣ соціальной организаціи народнаго труда и о всеобщемъ естественно-научномъ ученіи и воспитаніи всѣхъ молодыхъ рабочихъ поколѣній, или вопросъ о естественно-научномъ рационализированіи народнаго міросозерцанія и труда“. Не забудьте что въ рѣшеніи этого вопроса „ключъ всей будущности русскаго народа“. И вы думаете этого человѣка примутъ съ восторгомъ, рукоплесканіями; общество

Digitized by Google

пробудится отъ сна, стряхнетъ гниль? Извините-съ. Ему скажутъ: съ книжками молъ не вѣрно, кислородъ не туда пустили. Этому ли обществу *(раскрываетъ книгу)* не бросить въ глаза Щаповскія правдивыя, золотыя слова:

„Бездушная, безпечная общественная мысль наша, несмо„тря на то, можно сказать, преступно-равнодушна къ этимъ „роковымъ, вопіющимъ вопросамъ времени, заключающимъ „въ себѣ ключъ къ осуществленію величайшей раціональной „истины."

А кто всего равнодушнѣе, всего преступнѣе? „Тѣ обще„ственные классы, отвѣчаетъ Щаповъ, которые зиждутъ свое „благосостояніе на эксплуатаціи народнаго труда, на невѣже„ствѣ массъ;" тупые, равнодушные классы въ которыхъ притуплено чувство природы, разорвана „живая умственная связь съ нею," въ которыхъ только и есть что *(читаетъ)*—

„буржуазно-корыстолюбивое, аршинно-ограниченное, мѣ„щанско-купецкое тяготѣніе къ магазинамъ, лавкамъ, погре„бамъ, подваламъ, дышущимъ неестественнымъ воздухомъ „буржуазнаго обмана, проникнутымъ филистерскимъ буржу„азно-спекуляторскимъ міросозерцаніемъ; затѣмъ архивно„умственное, бумажно-дѣловое чиновничье тяготѣніе съ порт„фелями бюрократическаго міросозерцанія къ департамен„тамъ, къ палатамъ уголовнымъ, къ губернскимъ правленіі„ямъ и т. п., наконецъ великосвѣтское, салонное, идеали„стически-эстетическое міросозерцаніе, господствующее въ „этихъ каменныхъ дворцахъ и палатахъ, театрахъ и пр."

И вы хотите чтобъ мы со Щаповымъ не повторяли: „Сколько разъ страшно-скорбно, мучительно-печально, скажешь вмѣстѣ съ Шевченкой: „и день иде, и ночь иде, — и голову „схопивши въ руки дивуешься, — чему же не иде апостолъ „правды и науки." Да! *(съ усиленнымъ малороссійскимъ акцентомъ)* голову схопивши, не иде.

Сергѣй Петровичъ. Апостолъ не апостолъ, а хорошихъ учителей не мѣшало бы. Боюсь разсердить васъ, Иванъ Тарасовичъ, а не могу не сказать что на мой взглядъ всѣ эти золотыя фразы, которыя вы приводили, чистѣйшая галиматья.

Иванъ Тарасовичъ. Не бойтесь, не разсердите. Догадываюсь, какъ дико должна звучать для юридико-классическаго уха съ эстетическими прелестями грубая правда раціональнаго реализма. Кора-то, батюшка, толста, изъ предразсудковъ и суевѣрій сколочена, на византійской подкладкѣ. Мощнаго

Digitized by Google

отрицанія не чуемъ. Все-отрицающему передовому слову свободы и разума не внемлемъ; слышимъ и не разумѣемъ.

Сергѣй Петровичъ. Все-отрицающее слово можетъ-быть; но чтобъ оно было свободное, безъ предразсудковъ и суевѣрій, съ этимъ позвольте не согласиться.

Иванъ Тарасовичъ. Такъ, по-вашему, слово Щапова еще не свободное, Щаповъ съ предразсудками! Далеконько метнули. Любопытно послушать.

Сергѣй Петровичъ. Скажу болѣе. Г. Щаповъ кажется мнѣ до крайности суевѣрнымъ.

Иванъ Тарасовичъ. Щаповъ суевѣренъ! Ха-ха! Какъ же-съ! Каждодневно святою водицей отъ діавольскаго навожденія отпрыскивается.

Сергѣй Петровичъ. Ну, этого не знаю, хотя и имѣю серіозныя подозрѣнія что г. Щаповъ боится святой воды. Но пока не объ этомъ рѣчь. Вѣрно вы помните комедію Островскаго *Тяжелые дни* и суевѣрную старуху-купчиху говорящую что есть на свѣтѣ такія слова что упаси Богъ ихъ слышать, а тѣмъ болѣе произнесть. Особенно слово *жупелъ* наводило на нее безотчетный ужасъ.

Иванъ Тарасовичъ. Куда же это вы рѣчь ведете?

Сергѣй Петровичъ. Сейчасъ увидите. Дай, Коля, книгу, которая у меня тамъ на столѣ. Согласитесь что нельзя не назвать суевѣріемъ, когда слово не оказываетъ дѣйствія по тому смыслу какой оно имѣетъ, а кажется обладающимъ таинственною силой безотчетно пробуждающею при его произношеніи темные инстинкты страха или иныхъ чувствъ.

Иванъ Тарасовичъ. Какое же это вы нашли у насъ кабалистическое словечко?

Сергѣй Петровичъ. И не одно. Обратите, напримѣръ, вниманіе на слѣдующій куріозъ. *(Беретъ у Коли книгу.)* Случайно, когда я читалъ книгу вашего автора, у меня подъ руками было *Путешествіе* Лепехина, прошлаго столѣтія. Вотъ оно. Тамъ, въ IV части (423 стр.), приведено письмо архангельскаго жителя Крестинина къ академику Озерецковскому. Сожалѣя о недостаткѣ грамотности и религіознаго образованія въ нашемъ сѣверномъ крестьянствѣ, онъ говоритъ, указывая на примѣръ Норвежцевъ: „Каждый норвеж„скій поселянинъ знаетъ грамоту своего языка, *знаетъ катихизисъ*, а многіе знаютъ и ариѳметику.... Каждую обручен„ную дѣвку въ замужество, въ Норвегіи, не вѣнчаетъ брач-

Digitized by Google

„нымъ благословеніемъ тамошній священникъ, если она преж„де не обучена катихизису; затѣмъ всѣ почти тамошнія жен„щины грамотныя и т. д.“ И что же? Г. Щаповъ перепечатываетъ эту страницу письма Крестинина, но знаете ли что дѣлаетъ съ приведенными мною двумя фразами? Послѣднюю выпускаетъ, вѣроятно, какъ не подходящую къ общему строю и тону своего творенія, а въ первой скрываетъ слова „знаетъ катихизисъ“ и печатаетъ ее такъ: „Каждый норвежскій „поселянинъ знаетъ грамоту своего языка, а многіе знаютъ „и ариѳметику.“

Иванъ Тарасовичъ. Ха-ха-ха! Вотъ жалость-то: катихизисъ норвежскій пропустилъ. Ему бы еще изъ своихъ Читей-Миней прибавить. Ужъ не взыщите, батюшка Сергѣй Петровичъ; мы послѣдовательны, въ сторону не сворачиваемъ. Можетъ, кому и не нравится.

Сергѣй Петровичъ. Не въ томъ дѣло, Иванъ Тарасовичъ. Я, напротивъ, не хочу допускать мысли что г. Щаповъ умышленно исказилъ текстъ и сдѣлалъ это для того чтобы не подумалъ кто-нибудь что религіозное образованіе приноситъ свою долю пользу и можетъ не мѣшать развитію грамотности и даже естественно-историческому образованію, какимъ г. Щаповъ имѣетъ въ виду великодушно надѣлить наше сельское населеніе, причемъ доставитъ, конечно, и достаточное количество надлежащихъ учителей. Я не думаю чтобъ и во всей горячности пропаганды онъ счелъ это позволительнымъ. Да въ этомъ случаѣ не было и надобности прибѣгать къ такому средству, въ которомъ всегда могутъ уличить. Для меня дѣло проще. Есть слова которыхъ не выдерживаютъ ухо и перо г. Щапова, на которыя не отзывается его сознаніе иначе какъ безотчетнымъ непріятнымъ ощущеніемъ. Это *жупелы* г. Щапова. Это одно изъ тѣхъ словъ по отношенію къ которымъ въ умѣ г. Щапова, по моему мнѣнію, происходитъ работа совершенно того же рода какъ въ умѣ старухи боящейся жупела. А возглашается свобода отъ предразсудковъ, вольная мысль. Помилуйте! Чистое суевѣріе! Только въ другой одеждѣ. А вотъ еще два кабалистическія, какъ вы ихъ называете, слова: *реализмъ и классицизмъ.* Не знакомый съ нашими чудесами подумаетъ что это наименованіе извѣстныхъ понятій. Ничуть. Это символы, значки выкидываемые для аплодисментовъ или свиста. Произнесено: *реальный.* Ротъ расширяется въ улыбку, чувствуется нѣчто

Digitized by Google

пріятное, понимается нѣчто хорошее; на горнило сомнѣнія накладывается вьюшка, вѣрится и плачется. Хотите вы имѣть успѣхъ въ извѣстномъ кружкѣ: скажите, кстати ли, не кстати ли: реальный, и одобреніе послѣдуетъ. Посмотрите какъ орудуетъ этимъ словечкомъ г. Щаповъ. Все радужное именуется реальнымъ и все способное принять наименованіе реальнаго представляется радужнымъ. Посмотрите, *реальныя* такъ и мелькаютъ (*перелистываетъ книгу*). Русскій народъ,—рабочій конечно,—„по самому сензуалистическому (?) умственному складу своему преимущественно *реалистическій*“; физическій трудъ есть „непосредственно чувственный *реализмъ*“; наука „реализмъ физико-математическій“; народной мысли при ея „сверхчувственномъ, супранатурально - пневматологическомъ настроеніи“, недоставало „*реальнаго* индуктивно-логическаго саморазвитія“, „отчего и не развилась *реально*-теоретическая сила мышленія“ и т. д., реальный изъ двухъ словъ въ третье. Что сдѣлалъ Петръ? „Ввелъ въ Россіи систему *реальнаго* умственнаго развитія молодыхъ поколѣній“, съ цѣлію „возбудить въ Россіи *реальную* естествопознавательную мыслительность!“ Дѣло шло съ перемежками не дурно до эпохи Священнаго Союза, когда „юная естественнонаучная мысль русская“ принуждена-де была уступить „антинатуралистической реакціи“. Съ мракомъ и реакціей появляется темная сила...

Иванъ Тарасовичъ. Классицизмъ!

Сергѣй Петровичъ. Разумѣется. Магницкій, Руничъ, система *классическаго* и филолого-археологическаго образованія, система развивавшая-де „память и археолого-историческое умонастроеніе“, отвлекавшая умы молодыхъ поколѣній „отъ свѣтлаго горизонта естественно-научнаго міросозерцанія“, отъ „положительнаго, физико-математическаго реальнаго мышленія“, уносившая ихъ въ темную, безжизненную, мертвую область, замыкавшая ихъ „въ душную, мертвящую темницу“, порождавшая „*мертвыя души*, негодныя для живаго современнаго дѣла, для животрепещущей реальной современности“. Г. Щапову нѣтъ дѣла о томъ что на самомъ дѣлѣ во всемъ свѣтѣ разумѣется подъ именемъ классическаго образованія, классической или общеевропейской школы. Для него все что не реализмъ въ его смыслѣ—то классицизмъ. Истребляются послѣдніе зачатки никогда серіозно не усвоеннаго нашими несчастными школами общеевропейскаго характера и, во имя утилитарнаго направленія, вводится законовѣдѣніе: г. Щаповъ вопіетъ

Digitized by Google

объ усиленіи элемента классицизма и толкуетъ о „классико-юридическомъ“ направленіи. Реализмъ, классицизмъ—это просто божества новой миѳологіи, или, выражаясь языкомъ г. Щапова, „мистико-галлюнаціонныя“ порожденія куріозной вѣры всеобщаго отрицанія; Ормуздъ и Ариманъ, полоса бѣлая и полоса черная, одесную и ошую. Туда цвѣты, сюда волчцы и терніи. Для украшенія свѣтлой полосы не забыты на стр. 106 даже Грановскій и Кудрявцевъ. За то ботаникъ Максимовичъ исключенъ въ темную: не занимайся словесностью. Полагаю, по крайней мѣрѣ, что о немъ, а не о мексиканскомъ императорѣ идетъ дѣло въ куріозной фразѣ:

„уча дѣйствовать, какъ дѣйствовали Периклы, Демосѳены, „Пзатоны, перипатетики, классицизмъ разучаетъ быть совре„менными гражданами-дѣятелями, создаетъ только *Максими„міановъ*, Юрьевичей (?), Якубовичей и Катковыхъ, а не „Уаттовъ и Аркрайтовъ, не Лассалей и Шульце-Деличей, „внушаетъ идеи не реальныхъ политехническихъ школъ, а „идеи классическихъ Пританеевъ и Ликеевъ.“

Назовите это слѣпымъ увлеченіемъ, предразсудкомъ, суевѣріемъ или наконецъ не очень чистымъ разчетомъ на незнаніе, неразуміе и предразсудки: но не говорите о свободѣ мысли, безпристрастномъ-де научномъ изслѣдованіи, методахъ естествознанія, урокахъ Клода Бернара и другихъ хорошихъ вещахъ.

Иванъ Тарасовичъ. Поучаюсь, Сергѣй Петровичъ, умными рѣчами и похваляю. А знаете ли, вы отчасти попали на точку. Бываютъ словечки, дѣйствительно бываютъ, широкаго смысла, и смысла этого въ вашихъ карманныхъ лексиконахъ, по полупуду вѣсомъ со всѣми греко-латинскими прелестями, вы не отыщите. Да что словечки, бываютъ и пѣсенки.... Естествовѣдѣніе! Вы такъ и думаете что это значитъ кротовъ копать, бабочекъ сажать на булавочку, кислороды раздувать, а дѣло-то идетъ о живомъ, реальномъ, соціальномъ естествовѣдѣніи противъ классическихъ реакціонныхъ, византійско-опекунскихъ порядковъ.

Сергѣй Петровичъ. Позвольте, Иванъ Тарасовичъ; значитъ и естествовѣдѣніе ваше не то точное, скромное и вмѣстѣ великое дѣло, какое всѣми понимается подъ этимъ словомъ.

Иванъ Тарасовичъ (съ нѣкоторымъ раздраженіемъ). Разумѣется не то.... Классицизмъ не такъ понимается! А мы думаемъ что *такъ* понимается. Вы полагаете что дѣло идетъ

Digitized by Google

о томъ какая грамматика лучше, что̀ заставляете мальчишекъ въ школѣ долбить. А дѣло идетъ о соціальномъ вопросѣ, движеніи общественной мысли. Посмотрите-ка страницу 235 *(читаетъ)*: „Мы всѣ свидѣтели какъ.... интересъ къ „естественнымъ наукамъ живо проявился къ концу 50хъ и въ „началѣ 60хъ годовъ.“ Помните времечко? Я-то больше по разказамъ, а вы чай сами видѣли. Да, прогрессъ начинался. Что̀ же-съ? Прислушайтесь *(читаетъ)*:

„Старая боязнь этого естественно-реальнаго направленія и „оживленія русской мысли, неизбѣжно вытекавшаго какъ есте„ственное требованіе сенсуально-реалистическаго умственна„го склада Русской націи, боязнь естественно-научнаго реа„лизма, какъ нигилизма или матеріализма, потомъ опять ста„ла туманить и морочить классицизмомъ.“

Порастаяло, распустило-было немножко. Нѣтъ, поворачивай, замораживай. Держи крѣпче, ползетъ. Не давай развиваться вольному труду рабочей молодежи, мѣшай ея самостоятельнымъ, реальнымъ занятіямъ послѣдними задачами естествознанія (не равно рѣшитъ). Умственная дисциплина, видите, надобна; попросту полиція, доносы. Караулъ, батюшки, растатываютъ! Солнышко свѣтитъ, отецъ квартальный, бери его за-воротъ! Единство Россіи, видите, требуется, обрусеніе понадобилось. Живи не такъ какъ хочется. Страхъ Господень съ нагайкою. Россійскій патріотизмъ выдумали. Се росская нерукотворная громада! Стишокъ классическій какъ видите. Вотъ оно съ чѣмъ въ союзѣ классицизмъ-то вашъ обрѣтается. Не радуйтесь, впрочемъ: сила валитъ и свое возьметъ. Исторія теперь, послѣ Щапова, какъ на ладонкѣ, и вотъ ея послѣднее слово:

„Сила вещей, сила реальная, при помощи сенсуально-реали„стическаго умственнаго склада русскаго народа, рано или „поздно проявитъ законъ природы и естественной исторіи „народа,—законъ *реальнаго* развитія“.

Реальнаго, на основаніи космополитической естествоиспытательной мысли западной Европы и пріобрѣтеній раціональнаго естествовѣдѣнія въ трудахъ великихъ реалистовъ запада, Ньютона, Лапласа, Вариѣира, Ламарка, Гумбольдта, Дарвина....

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, Иванъ Тарасовичъ; на Европу вы напрасно ссылаетесь. Полагаю, и вы спорить не станете что школа, которую вы считаете такъ для насъ

Digitized by Google

непригодною есть именно общая европейская школа, и всѣ эти великіе, какъ вы называете, реалисты вышли изъ этой школы, которая, повидимому, не притупила ихъ естествоиспытательную мысль.

Иванъ Тарасовичъ. Слышали, слышали! Было да сплыло. Этимъ насъ не обморочите. Мы знаемъ, и Щаповъ указываетъ, какое въ свое время имѣлъ значеніе классицизмъ какъ историческое начало интеллектуальнаго возрожденія и развитія. То былъ, говоритъ Щаповъ, „ветхій завѣтъ“, а русскому народу и суждено импульсироваться къ умственной жизни уже *новымъ западно-европейскимъ завѣтомъ* великихъ міровыхъ идей и открытій“. Былъ и классицизмъ силою, да насъ эта сила миновала, а теперь это гниль.

Сергѣй Петровичъ. Но теперь-то какъ же учатся въ образованномъ мірѣ? Вѣдь учатся именно такъ какъ вы не совѣтуете, хотя и восхваляете плоды западной науки. Въ вашей книжкѣ указывается на Максимиліановъ, Юрьевичей, Якубовичей, Катковыхъ какъ на плоды классицизма въ нашей школѣ. Гдѣ и какъ учились эти Юрьевичи и Якубовичи мы не знаемъ. Вѣроятно, въ нашихъ же плохихъ школахъ. Но гдѣ и какъ учились Гумбольдты, Дарвины, Бокли, Гельмгольтцы, Тиндали, какъ учатся въ образованныхъ странахъ и новыя поколѣнія, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, не мало выдетъ естествоиспытателей, это очень хорошо извѣстно....

Иванъ Тарасовичъ. Европа! Европейская школа! А кѣмъ эта школа устроена? Устроена правительствами, съ помощію „клерикально-педагогическаго класса“. Такой намъ не надо. Плевать хотѣли. Да знаете ли что такое теперь Европа? Не знаете, такъ загляните вотъ на эту страничку *(читаетъ)*:

„Въ настоящее время еще и во всей Европѣ гражданскія об„щества состоятъ изъ двухъ діаметрально-противуположныхъ „интеллектуальныхъ классовъ или разрядовъ, характеризую„щихся своимъ существенно-отличительнымъ образомъ мыш„ленія, своимъ міросозерцаніемъ, именно: одни схоластики или „систематики-метафизики, другіе—экспериментаторы. И вез„дѣ классъ схоластиковъ и метафизиковъ численно преобла„даетъ надъ классомъ экспериментаторовъ.... А по-настоя„щему каждый гражданинъ долженъ быть экспериментато„ромъ.“

На Европу, значитъ, надо оглядываясь указывать.

Сергѣй Петровичъ. Но во всякомъ случаѣ, кажется и вы

Digitized by Google

и т. д. Щаповъ желаете чтобъ у насъ процвѣтало естествовѣдѣніе, чтобъ и у насъ были такіе ученые какіе выходятъ изъ европейскихъ школъ.

Иванъ Тарасовичъ (*снова раздражаясь*). Нѣтъ, мы не этого желаемъ. Мы *своихъ* желаемъ. Пообезьянничали, довольно. Не указъ намъ Европа. Наше дѣло особое дѣло.

Сергѣй Петровичъ. Но вѣдь вы же взываете къ именамъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, значитъ, вы хотите чтобъ и у насъ были свои Бюффоны....

Иванъ Тарасовичъ. Въ манишкахъ, красивымъ слогомъ царя звѣрей описывать?...

Сергѣй Петровичъ. Свои Лапласы, Кювье....

Иванъ Тарасовичъ. Графы, сенаторы, въ мундирахъ и регаліяхъ; генералы отъ науки, академики?

Сергѣй Петровичъ. И академіи долой?

Иванъ Тарасовичъ. И академіи долой! Всякую офиціальность долой! Аристократіи ученой не желаемъ.

Сергѣй Петровичъ. Конечно, въ *Дѣлѣ* обличали же, какъ-де парижскія муміи до сихъ поръ даже произвольнаго зарожденія не признаютъ. И ученыхъ долой?

Иванъ Тарасовичъ. И ученыхъ долой!...

Сергѣй Петровичъ. И науку долой?

Иванъ Тарасовичъ (*прохаживаясь съ волненіемъ*). И науку долой!

Сергѣй Петровичъ. Ну, а какъ же естествовѣдѣніе-то съ его лабораторіями и кабинетами, медленными трудами, кропотливыми изслѣдованіями, съ его открытіями.

Иванъ Тарасовичъ (*нѣсколько успокоившись*). Есть естествовѣдѣніе и естествовѣдѣніе, наука и наука. Объ офиціальной наукѣ рѣчь. А открытій на нашъ съ вами вѣкъ хватитъ. Насущный вопросъ въ распространеніи, популяризаціи выработанныхъ истинъ; въ томъ чтобъ ихъ въ рабочую, черноземную почву пустить. Вотъ что на потребу. Стѣнъ китайскія потрясти, поле расчистить, молодыя силы отъ сна пробудить, узы всякія порастянуть....

Сергѣй Петровичъ. Я начинаю уразумѣвать. Дѣло, значитъ, не въ свободномъ исканіи истины, не въ изученіи, не въ естествовѣдѣніи съ его методами и фактами. Факты намъ, мы видѣли, ни почемъ. И естествовѣдѣніе и многократно призываемыя великія имена—все это, значитъ, своего рода *абракадабра* новаго ученія, темныя силы, вызываемыя когда нужно,

Digitized by Google

но не подлежащія ясному представленію. Зачѣмъ же морочить людей? Иной подумаетъ что и въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о преуспѣяніи въ Россіи науки вообще и естествознанія въ особенности, тогда какъ объ этомъ и мысли нѣтъ, а идетъ дѣло о пропагандѣ нѣкоего новаго ученія.

Иванъ Тарасовичъ. Строя новаго, всего умственнаго и соціальнаго строя.

Сергѣй Петровичъ. Строя пока не замѣтно. Для строя нужно что-нибудь положительное, а мы пока пробиваемся однимъ отрицаніемъ.

Иванъ Тарасовичъ. Будетъ и положительное. Книжку-то, должно-быть, не одолѣли до конца.

Сергѣй Петровичъ. Нѣтъ, одолѣлъ. Могу разказать ея содержаніе. Знаю какъ предки наши, проводя время „въ страдной борьбѣ за существованіе", „безсмысленно видѣли, слышали, осязали и ощущали разные предметы и явленія природы и жизни", но „не способны были еще путемъ высшихъ, *сложнѣйшихъ рефлексовъ головнаго мозга*" (по ученію г. Сѣченова, конечно) „обработывать въ „головахъ своихъ даннаго внѣшними чувствами запаса простыхъ, элементарно-конкретныхъ или непосредственно предметныхъ впечатлѣній." Знаю какъ рабочій „русскій народъ всецѣло подчинился вліянію византійской доктрины", а затѣмъ „всецѣло предался государственной системѣ опеки и воспитанія". Основная тема—показать что русскій народъ и по природѣ, и по исторіи, какой-то особенный народъ, *реалистическій*, для котораго классицизмъ (то-есть общее европейское образованіе) не пригоденъ. Масса, рабочія поколѣнія, непосредственно прикасающіяся къ природѣ — классъ *сенсуально-реальный*. Классъ сей требуется преобразовать въ *раціонально-реальный*, помощію реформы соціальной организаціи народнаго труда, и при посредствѣ мыслящаго молодаго рабочаго поколѣнія естествоиспытателей, вступающаго въ общую рабочую массу и сливающагося съ ней. Всѣ остальные элементы улетучиваются какъ несущественные. Тема подтверждается выписками и цитатами изъ вторыхъ рукъ, изъ книгъ Шеварева, Лавровскаго, Чистовича, Пекарскаго, и пр. Выписки эти побѣдоносно свидѣтельствуютъ объ одномъ: что образованіе было у насъ слабо встарь, слабо и теперь, и что мы болѣе всего, прежде всего нуждаемся въ общемъ образованіи и хорошей школѣ, которой, къ несчастію, у насъ до

Digitized by Google

сихъ поръ нѣтъ. Между выписками вставлены удивительныя фразы и тирады, которыми мы, кажется, довольно съ вами насладились.

Иванъ Тарасовичъ. А проектъ-то, великій проектъ-то народнаго обученія молодыхъ поколѣній проглядѣли? А кажется ужь это очень положительно.

Сергѣй Петровичъ. Неужели кажется вамъ возможнымъ видѣть нѣчто серіозное въ этой куріозной фантазіи о „естественно-научныхъ" школахъ въ каждомъ селѣ, каждой деревушкѣ, школахъ, гдѣ будетъ преподаваться „*высшее* естествознаніе", ибо-де „всякій человѣкъ, всякій парень деревенскій, какого только природа производитъ на свѣтъ Божій, естественно, такъ сказать физико-физіологически обязанъ раціонально учиться, воспитываться у матери природы, долженъ „изучать, познавать какъ физическіе силы и законы дѣйствуютъ въ немъ и на него." И это будутъ, по проекту г. Щапова, не только школы въ тѣсномъ смыслѣ, но и лабораторіи и кабинеты, гдѣ будутъ дѣлаться открытія и изслѣдованія, которыя будутъ публиковаться „въ земскихъ журналахъ и газетахъ новыхъ естественно-научныхъ истинъ и теорій". Рабочія общины городскія и сельскія (то-есть вся земля) тогда преобразуются въ „раціональныя, естественно-научно-экономическія общины". Эти общины, „естественно-исторически основавшіяся для коллективнаго познанія и покоренія культурѣ и цивилизаціи силъ естественной экономіи", доселѣ „бѣдныя и рабскія", будутъ тогда, въ то счастливое время, „безъ инціативы правительства сами изслѣдовать, познавать и покорять „естественную экономію русской земли, хотя бы такъ какъ „изслѣдовали ее правительственныя естественно-научныя экспедиціи Мессершмидта, Палласа, Миддендорфа, Бэра и др." Не дурно это *хотя бы такъ.* Маленькаго требуется! Авторъ самъ чувствуетъ что хватилъ далеко и въ позѣ пророка, не признаваемаго въ отечествѣ своемъ восклицаетъ:

„Химерой кажется нашему общественному смыслу.... что запастись и вооружившись такимъ образомъ основательнымъ „естествознаніемъ, *каждый русскій человѣкъ*, всякій житель „городской и сельскій долженъ потомъ жить, развиваться, „просвѣщаться и раціональной работой въ сферѣ природы „возвышать свое благосостояніе.... Дикой химерой кажется „нашему общественному смыслу та простая истина, что по „естественному праву и по естественной физико-физіологической обязанности, каждый деревенскій парень долженъ въ

Digitized by Google

„молодости изучать естественныя науки чтобы быть потомъ „раціональнымъ земледѣльцемъ - экспериментаторомъ.... что „естествознаніе также жизненно, практически необходимо зем„ледѣльцу, бабѣ деревенской, воздѣлывающей огородъ, пасту„ху стадъ, скотоводу, производителю и продавцу жизненныхъ „продуктовъ, фабричному рабочему и пр., какъ теперь необ„ходимо оно записнымъ химикамъ, физикамъ, механикамъ, „вообще натуралистамъ."

Это ли не шутовство? И все это возглашается человѣкомъ, какъ и вы должны согласиться, абсолютно невѣжественнымъ въ естествознаніи. Не напоминаетъ ли это того офицера въ *Женитьбѣ* Гоголя, который требовалъ отъ невѣсты непремѣннаго знанія французскаго языка, хотя самъ и не зналъ по-французски, и который говорилъ что зналъ бы: стоило только посѣчь въ юности.

Иванъ Тарасовичъ. Видите какъ вы подтверждаете слова Щапова. Для васъ эта реальная мысль—невозможность, химера, дичь.

Сергѣй Петровичъ. Но пока еще не принято мѣръ чтобы каждый парень обязательно былъ естествоиспытателемъ, думаете ли вы что авторъ съ сочувствіемъ отнесется ко всякой мѣрѣ въ дѣйствительности содѣйствующей народному образованію? Нимало. Припомните, какъ относится онъ, напримѣръ, къ мѣрамъ тамъ и сямъ принимаемымъ земскими собраніями. Онъ говоритъ съ замѣтнымъ презрѣніемъ: „Изъ 33хъ губерній самимъ земствомъ признана необхо„димость поддержать крайне неудовлетворительныя сель„скія школы, основанныя на византійской системѣ", школы-которыя, очевидно, требовалось разрушить въ ожиданіи всенародныхъ школъ, гдѣ будутъ „простонародныя молодыя поколѣнія учиться *высшимъ* естественнымъ наукамъ". Тогда съ другой стороны свершится „выступленіе.... въ темную массу рабочаго народа людей естественно - научной интеллигенціи, разума, знанія — химиковъ, физиковъ, ботаниковъ, зоологовъ, минералоговъ, агрономовъ, техниковъ, механиковъ, словомъ—натуралистовъ, естествоиспытателей". И будетъ едино стадо! Взойдетъ солнышко и освѣтитъ братскую федерацію естественно-испытательныхъ общинъ, не знающихъ иной заботы кромѣ познанія природы и сбросившихъ съ себя весь хламъ государственной жизни. Вглядитесь ближе въ этотъ, какъ вы называете, „проектъ" и вы усмотрите, что это либо благодушная идиллія на розовой водѣ,

Digitized by Google

рѣшительно ничѣмъ не отличающаяся отъ смѣшной, конечно, для вашего реальнаго взгляда сельской картины: „Пляшутъ дѣвушки россійски подъ свирѣлью пастушка“; либо это Аракчеевскія поселенія въ новомъ видѣ, для реально-національной естественно-научной дисциплины русскаго люда....

Иванъ Тарасовичъ. Пора намъ прекратить споръ. Мы стоимъ на разныхъ полюсахъ и намъ не сойтись. За тонкостями вашими гоняться не будемъ, у насъ правда грубая, не въ мелкахъ, голая, иной разъ корявая ходитъ. На этомъ не взыщите. А ужь книжку позвольте. Вамъ она не по-сердцу. Не для того писана чтобы сигарочку закурить, да радоваться какія хорошія вещи на свѣтѣ бываютъ. Ничего утѣшительнаго не содержитъ, а кислоты-то разъѣдающей вы не любите. Для васъ тутъ учености мало, химеры много, а для насъ это серіозное дѣло, крупное явленіе, знаменіе времени....

Сергѣй Петровичъ. О, съ этимъ я согласенъ! Это дѣйствительно знаменіе времени; явленіе, не скажу крупное, но по истинѣ печальное, свидѣтельствующее съ какою нелѣпостью можно безцеремонно выйти предъ публику, какой лепетъ неразвитой мысли и невѣжественнаго самообольщенія можно выдать чуть не за ученый трактатъ въ обществѣ лишенномъ благъ серіознаго ученія. Еще печальнѣе то что найдутся молодые умы которые примутъ эту мишуру за чистую монету и поддадутся разъѣдающимъ кислотамъ изъ болота безсмысленнаго отрицанія, окунуться въ которое со всѣхъ сторонъ приглашаютъ нашу бѣдную молодежь. Возглашается новое будто бы ученіе, обѣщается счастливое обновленіе міра чрезъ *новыхъ* людей. Но въ чемъ же сущность этого ученія? Ограничьте вашу мысль самымъ тѣснымъ, низменнымъ кругомъ, въ которомъ сложена кучка ярлыковъ: реализмъ, молодыя силы, положительное знаніе, послѣднее слово науки, соціально-экономическая реформа и пр. и пр. При появленіи этихъ ярлыковъ требуется безусловно восторгаться; съ другой стороны требуется дѣйствовать такъ чтобъ и въ другихъ возбудить подобное же темное состояніе, не требующее работы мысли, но немедленно отзывающееся на эти символическіе знаки. Поддерживать это состояніе въ себѣ и возбуждать въ другихъ значитъ *работать*, быть единицей въ рядахъ молодыхъ рабочихъ поколѣній и имѣть право восхвалять трудъ,—особенно самостоятельный, естественно-испытательный трудъ,—къ настоящему труду пальца не прикладывая. Отъ этого

Digitized by Google

крошечнаго, гниленькаго кружка идутъ радіусы во всѣ стороны, и все что они встрѣтятъ подлежитъ отрицанію, разрушенію или растатыванію. Тамъ, внѣ кружка, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Надо оставаться глухимъ ко всѣмъ въ безконечность идущимъ интересамъ, надо подсмѣиваться, порицать, гнать и губить духъ. Пребывая въ безсмысленномъ идеализмѣ нелѣпостей, оставаться равнодушнымъ ко всему дѣйствительно серіозному, къ вопросамъ въ самомъ дѣлѣ живымъ и практическимъ, не понимать и не видѣть того что совершается предъ глазами, потерять способность различать худо и добро, извѣстное и неизвѣстное. Отрицать великое чтобъ оправдать свое ничтожество. Въ низшихъ чинахъ нигилистическаго воинства быть отупѣлымъ неучемъ. въ высшихъ—ученымъ дикаремъ. Разъѣдающими кислотами лишать себя и другихъ энергіи, энтузіазма, свободной мысли, растлѣвать умъ, отнимать энергію, забыть....

Иванъ Тарасовичъ. Что страхъ Господень начало премудрости?

Сергѣй Петровичъ. Да, что страхъ Господень начало премудрости. Вашъ авторъ говоритъ о научномъ сомнѣніи и его великомъ значеніи. Но развѣ научное сомнѣніе есть безсмысленное отрицаніе? Вѣдь это есть исканіе истины съ тревожною надеждой найти ее и трепетною радостію когда внезапно сверкнувшій во мракѣ свѣтъ мгновенно освѣщаетъ сокрытое и указываетъ новый путь. Мефистофель, насмѣшкой преслѣдуя Фауста въ его порывахъ къ высшему, старался указать что неотразимыя силы низшаго порядка всегда возьмутъ свое. Нашимъ молодцамъ и Мефистофеля не надо. У нихъ и сомнѣній-то нѣтъ, а одно шутовское отрицаніе не требующее чтобъ имѣлось ясное представленіе о томъ что отрицается Первымъ параграфомъ постановляется, что никакихъ силъ высшаго порядка и не существуетъ; что пребываніе на заднемъ дворѣ есть и начало, и конецъ нашего бытія. Но тутъ же произносятся слова на заднемъ дворѣ смысла не имѣющія: свобода, разумъ, познаніе природы, истина. Не трудно догадаться какой мизерный видъ принимаютъ всѣ эти хорошія вещи, прилаженныя къ потребленію въ этомъ пріятномъ мѣстѣ.

Иванъ Тарасовичъ. Увольте, Сергѣй Петровичъ. Отвѣтилъ бы вамъ, да боюсь, отвѣтъ-то мой очень вамъ не понравится. Да и некогда: человѣкъ я рабочій; для проповѣдей и

Digitized by Google

поэзіи времени удѣлять не смѣю. Полагаю также что и уроки мои едвали могутъ служить къ возвышенію ума и сердца вашей сестрицы. Позвольте мнѣ ужь откланяться. Прощайте, Лизавета Петровна!

Иванъ Тарасовичъ обернулся, но Лизаветы Петровны давно уже не было въ комнатѣ. Она еще на половинѣ разговора покинула споривших. Коля, жадно слушавшій преніе, находился видимо въ смущеніи и не зналъ чему вѣрить и что дѣлать. Медленно протянулъ онъ руку въ отверстую десницу Ивана Тарасовича, но крѣпко, со слезами на глазахъ, отвѣтилъ на его пожатіе. Иванъ Тарасовичъ свернулъ книгу и мрачно удалился.

— Знаешь, Сережа, сказалъ Коля, оставшись вдвоемъ съ братомъ.—Можетъ-быть, ты и правъ. Но Иванъ Тарасовичъ всегда за молодежь, а ты, кажется, противъ молодежи....

Сергѣй Петровичъ. Это такъ *кажется*, мой другъ.

ВАРѲОЛЮМЕЙ КОЧНЕВЪ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Между описаніями путешествій, появившихся въ послѣднее время, большое вниманіе обратила на себя вышедшая въ Парижѣ книга графа Роже де-Бовуара подъ заглавіемъ *Iava, Siam, Canton*. Авторъ, сопровождавшій молодаго герцога Пентьевркаго (сына принца Жуанвильскаго и внука покойнаго короля Французовъ Лудовика-Филиппа) въ его кругосвѣтномъ путешествіи, продолжавшемся болѣе двухъ лѣтъ, издаетъ по частямъ свои путевыя впечатлѣнія. Первый томъ его путешествія, вышедшій въ прошедшемъ году, посвященъ былъ Австраліи; нынѣ изданный имѣетъ предметомъ, какъ показываетъ самое заглавіе, отдаленный Востокъ Азіи. Г. де-Бовуаръ посѣтилъ Яву въ то самое время когда тамъ происходила уже борьба между промышленнымъ прогрессомъ, готовящимся преобразовать островъ съ помощію желѣзныхъ дорогъ, и между патріархальною рутиной, господствовавшею тамъ безраздѣльно въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Лучше всего изображаютъ прошедшее и будущее этой страны способы передвиженія: васъ то перевозятъ средствами первобытныхъ временъ, то вдругъ вы садитесь въ вагонъ желѣзной дороги, и быстро перелетаете пространство, какъ бы въ самомъ центрѣ цивилизованнаго міра. Тамъ гдѣ

Digitized by Google

существуютъ проѣзжія дороги посреди лѣсовъ, переѣзды совершаются въ индѣйскихъ почтовыхъ повозкахъ, большихъ корзинахъ съ натянутымъ сверху полотномъ, съ мѣстами спереди и сзади, запряженныхъ крѣпкими пони, которыми правитъ Малаецъ. Трудныя мѣста проѣзжаютъ слѣдующимъ образомъ. Если нужно спуститься и подняться въ оврагъ между двумя горами, то созываютъ цѣлое туземное племя, которое выпрягаетъ лошадей и привязываетъ сзади повозки канатъ изъ буйволовой кожи и плетенаго тростника. Болѣе двухсотъ туземцевъ схватываются за канатъ, конецъ коего несетъ цѣлая толпа мальчиковъ и дѣвочекъ, совершенно голыхъ. „Увлекаемая своею тяжестью, говоритъ г. де-Бомаръ, повозка спускается по отвѣсной крутизнѣ, между тѣмъ какъ длинная змѣя, составившаяся изъ людей, старается удержать ее; одни держатся крѣпко, другіе падаютъ; всѣ кричатъ во все горло; жгучее солнце покрываетъ крупнымъ потомъ мускулистыя, мѣдноцвѣтныя тѣла туземцевъ. Вы спустились въ глубину оврага; другое племя приводитъ буйволовъ, которые втаскиваютъ повозку на верхъ съ помощью туземцевъ, подталкивающихъ ее сзади, а въ это время путешественники забавляются, стрѣляя въ разноцвѣтныхъ птицъ. Послѣ такой экскурсіи по первобытному способу, какъ-то странно садиться въ вагонъ запряженный локомотивомъ; картина представляется менѣе привлекательною, лѣса мелькаютъ какъ зеленыя тѣни безъ всякихъ подробностей; деревни, люди, животныя, являются смѣшанными массами, лишенными жизни и индивидуальности."

Построеніе желѣзной дороги на протяженіи 200 километровъ, долженствующей соединить три провинціи, Самарангъ, Кадду и Сурукарту, встрѣчаетъ серіозныя препятствія со стороны почвы по которой ей слѣдуетъ проходить. Прибрежная станція расположена посреди болотъ; для устройства ея необходимо было положить фундаментъ изъ бетона, стоившій значительныхъ суммъ. Часть дороги, уже готовая, далеко не надежна: рыхлая почва неоднократно поглощала сваи поддерживающія полотно. Въ 1866 году расходы простирались уже до 10 милліоновъ, и тогда же предполагалось перерѣзать горы, что должно было стоить не менѣе 30 милліоновъ. Одною изъ линій предполагается соединить морской берегъ съ крѣпостью Амбарровой, центромъ и ключомъ оборонительной линіи, покрывающей островъ. Крѣпость

Digitized by Google

расположена въ болотистомъ ущеліи, надъ которымъ господствуетъ волканъ Мерапу. Фортъ Банжу-Биру, начатый въ 1857 году, есть гигантская постройка, требовавшая крайней настойчивости. Когда клали сваи, то вода нерѣдко заливала ночью все что сдѣлано было въ теченіе дня. Связки бамбука погружались на шесть метровъ прежде чѣмъ можно было утвердить фундаментъ. Когда же, наконецъ, послѣ такихъ усилій, стѣны и бастіоны были окончены, вдругъ одною ночью (16го іюля 1865) раздался глухой грохотъ, столбы запатались, стѣны треснули и начали разваливаться: то волканъ Мерапу подкопалъ основанія этихъ гранитныхъ сооруженій.

Ненадежность положенія, происходящая отъ этой безпрерывной борьбы со стихіями, вознаграждается плодородіемъ почвы, и несомнѣнно что постройка желѣзныхъ дорогъ на островѣ Явѣ сообщитъ мѣстной промышленности громадное развитіе. „Когда вы видите, говоритъ г. де-Бовуаръ, эти караваны въ 700 и 800 пуліевъ, переносящіе мѣшки съ кофе на двухъ оконечностяхъ бамбуковаго шеста, впивающагося имъ въ плечи, почти рядомъ съ этими носильщиками предъ вами двигается до 400 вьючныхъ животныхъ, сгибающихся подъ тяжестью своей ноши, и за ними слѣдуетъ до двухсотъ телѣгъ запряженныхъ буйволами и наполненныхъ кокосовымъ масломъ, ванилью, корицей, чаемъ, то вы не можете не удивляться какимъ образомъ эта медленная и трудная перевозка до сихъ поръ не замѣнилась паромъ.“ Вообразите же себѣ что постройка желѣзныхъ дорогъ встрѣтила сильное сопротивленіе не со стороны туземцевъ, но между европейскими колонистами. Они боятся свободнаго труда, боятся ниспроверженія экономической системы которая сдѣлала 14 милліоновъ туземцевъ данниками и рабами 25.000 Голландцевъ. охранивъ туземныя учрежденія и дани, заступивъ Столько мѣсто султановъ въ качествѣ владѣльца территоріи, и направляя дѣйствія князей чрезъ посредство резидентовъ состоящихъ при ихъ особахъ, Голландцы сумѣли эксплуатировать въ свою пользу феодальныя привилегіи старинныхъ владѣтелей этихъ странъ. Плантаціи принадлежатъ правительству; и туземцы принуждены ихъ обрабатывать. Вслѣдствіе этого метрополія получаетъ съ острова Явы ежегодно 60 милл. чистаго дохода. Если, съ одной стороны, несомнѣнно что владычество Голландцевъ надѣлило колонію обширною культурой и обезпечило ей матеріальное благосостояніе, то, съ другой, также

Digitized by Google

несомнѣнно что наступило уже время подумать о нравственномъ улучшеніи туземцевъ. Либеральные умы въ Голландіи и даже на островѣ Явѣ начинаютъ предлагать себѣ вопросъ, справедливо ли чтобы цѣлое племя было такимъ образомъ угнетаемо въ пользу отдаленной метрополіи и чтобъ оно находилось въ такомъ крайнемъ угнетеніи. „Какъ только показывается бѣлый, говоритъ г. де-Вовуаръ, всѣ туземцы тотчасъ же садятся на корточки въ знакъ уваженія. По дорогѣ гдѣ мы ѣхали, ни одинъ не оставался стоя; они какъ будто падали направо и налѣво, по мѣрѣ того какъ наши лошади поднимали пыль, какъ бы карточные солдатики разставленные на нашемъ пути.“ Внутри острова рабство еще сильнѣе тамъ туземцы присѣдаютъ на разстояніи двухсотъ шаговъ при появленіи бѣлаго; мало этого, они сгибаются, поворачиваются спиной къ бѣлымъ и не отводятъ глазъ отъ земли

Пребываніе въ Сіамѣ не прошло безплодно для нашего путешественника; онъ сообщаетъ о немъ много интересныхъ подробностей и въ числѣ прочихъ описываетъ какимъ образомъ Сіамцы обращаютъ въ муміи королевскіе трупы. Покойнаго сажаютъ на тронъ изъ желѣзнаго дерева съ отверстіемъ внизу; потомъ посредствомъ воронки, вставленной ему въ горло, въ него вливаютъ до тридцати литровъ ртути; операція эта быстро его изсушаетъ. Тяжелая жидкость, къ которой присоединяются различныя смѣси, по мѣрѣ паденія своего собирается въ бронзовый рѣзной сосудъ, поставленный подъ тропомъ. Каждое утро знатнѣйшіе государственные сановники, въ торжественной процессіи, приходятъ за сосудомъ и отправляются опоражнивать его въ рѣкѣ. Когда трупъ высыхаетъ какъ щепка, то его складываютъ вдвое, придвигая ноги къ головѣ, потомъ стягиваютъ проволокой, кладутъ въ золотую урну, и ставятъ на великолѣпный катафалкъ. При этомъ заключенномъ въ урну королѣ остается въ теченіе года весь его штатъ, какъ будто бы онъ былъ въ живыхъ. Подъ колоннадой его дворца расхаживаютъ сотни мандариновъ, одѣтыхъ въ бѣлое въ знакъ траура. Ежедневно, при восходѣ и закатѣ солнца, гаремъ покойнаго въ полномъ составѣ является къ алтарю, гдѣ находится его повелитель, и жены считаются вдовами только по прошествіи года, когда трупъ предается сожженію. Большая золотая корзина поставленная на первой ступенькѣ мавзолея заклю-

Digitized by Google

чаетъ въ себѣ письма и просьбы адресованныя королю послѣ его кончины и ожидающія отъ него отвѣта.

Въ Макао г. де-Бовуаръ посѣтилъ *барроконы*, извѣстныя депо торговли Китайцами, которую изъ приличія называютъ „переселеніемъ куліевъ“. Возникшая двадцать лѣтъ тому назадъ, эта странная торговля имѣетъ уже свою исторію, ознаменованную неслыханными жестокостями. Военноплѣнные приводимые изъ внутренности страны, рыбаки захваченные пиратами, наконецъ тысячи бѣдняковъ привлеченныхъ лживыми обѣщаніями, были сажаемы на суда въ Макао и отвозимы на острова изобилующіе гуано, или на американскія плантаціи. Съ 1856 года португальское правительство приняло подъ свой надзоръ эту торговлю и постановило для нея правила. Говорятъ что куліи выселяются добровольно. Это правда въ томъ смыслѣ что имъ предоставляется на выборъ или ѣхать, или оставаться въ рукахъ кредиторовъ, которые подвергаютъ ихъ всяческимъ истязаніямъ. Владѣтель баррокона платитъ 350 франковъ за человѣка и перепродаетъ по 750 испанскому навигаціонному агентству, а на рынкѣ въ Кубѣ за каждаго кулія даютъ по 1.750 фр. Контрактомъ, подписаннымъ въ Макао, кулій обязывается работать по 12ти часовъ въ день въ теченіе восьми лѣтъ на службѣ владѣльца этого контракта, и на все это время отказаться отъ свободы; хозяинъ кормитъ его, одѣваетъ и платитъ по 20 фр. въ мѣсяцъ; но участь этихъ несчастныхъ хуже чѣмъ негровъ-невольниковъ, ибо послѣднихъ плантаторъ считалъ своимъ достояніемъ и берегъ ихъ въ видахъ собственнаго интереса, между тѣмъ какъ изъ Китайца онъ старается извлечь какъ можно болѣе выгоды за то время когда послѣдній находится у него въ услуженіи. Несмотря на все это, эмиграція куліевъ, по мнѣнію путешественниковъ, могла бы сдѣлаться благодѣяніемъ для этихъ странъ, страдающихъ избыткомъ населенія, но для этого необходимы совершенно иныя правила чѣмъ тѣ коими руководствуются нынѣшніе агенты; теперь же выселеніе куліевъ есть та же торговля невольниками, только подъ болѣе приличнымъ названіемъ.

Профессоръ Гарвардова университета въ Нью-Кембриджѣ, въ Америкѣ, Рафаэль Помпелли, издалъ въ Нью-Йоркѣ любопытное описаніе своихъ путешествій по Азіи и въ

Digitized by Google

особенности по Китаю, необыкновенно обильное новыми свѣдѣніями и наблюденіями. Сочиненіе это (*Across America and Asia.* Notes of a five years journey around the world, and a residence in Arizona, Japan and China, 1869) вызвано убѣжденіемъ, вкоренившимся въ авторѣ, что свѣдѣнія о Китаѣ, распространяемыя живущими тамъ иностранцами, оставляютъ доселѣ много пробѣловъ, не позволяющихъ Европейцу составить себѣ истинное понятіе о настоящемъ положеніи Китая и его цивилизаціи, и потому не могутъ способствовать пріисканію способовъ ко сближенію стараго міра съ Китайскимъ государствомъ. Помпелли съ большимъ пренебреженіемъ отзывается о европейской колоніи въ китайскихъ городахъ: въ общей сложности, говоритъ онъ, иностранцы вовсе не знаютъ Китая, относятся къ народу какъ къ громадному стаду животныхъ, признавая за Китайцами развѣ одно достоинство хорошихъ воздѣлывателей чая и покупателей опіума; на устахъ Европейца постоянная насмѣшка надъ суевѣріемъ китайской религіи, а въ обхожденіи съ туземцами онъ выказываетъ презрѣніе и полное самовластіе. Авторъ приводитъ рядъ примѣровъ и отталкивающихъ сценъ изъ отношеній Англичанъ и Американцевъ къ Китайцамъ: такъ въ Шанхаѣ бываетъ нерѣдко что иностранцы, самовольно взявъ на себя обязанности полицейскихъ, разгоняютъ гдавѣющую на нихъ толпу палочными ударами, часто по головѣ, съ тою лишь цѣлью чтобы проложить себѣ путь. Авторъ старается доказать что Китайцы, столько же какъ и всякій другой народъ, способны къ цивилизаціи, и что главнѣйшею причиной ихъ отсталости была разрозненность ихъ съ остальнымъ міромъ, которая исключила вовсе благодѣтельное для развитія сильной и стойкой національности сближеніе съ нравами и идеями другихъ племенъ. Разрозненность эта тѣсно связана съ суевѣрною преданностью старинѣ и невѣдѣніемъ иной жизни. Авторъ настаиваетъ на томъ что, завязавъ сношенія цивилизованныхъ государствъ съ Китаемъ, но сношенія основанныя на гуманныхъ началахъ, можно возродить одряхлѣвшее государство къ новой жизни. Помпелли можетъ служить авторитетомъ въ дѣлѣ знанія китайской жизни: онъ даже состоялъ одно время на государственной китайской службѣ, имѣя порученіе наслѣдовать каменноугольныя копи, что дало ему поводъ объѣздить многія провинціи, мало изслѣдованныя путешественниками. Сообщая

Digitized by Google

въ новомъ своемъ трудѣ различныя свои наблюденія надъ жизнью и нравами, авторъ изложилъ свои ученыя замѣчанія въ другомъ сочиненіи: *Geological Researches in China, Mongolia and Japan*, изданномъ Смитсоновскимъ институтомъ. Въ его поѣздкахъ ему сопутствовалъ чиновникъ русскаго посольства, г. Погожевъ, принесшій ему много пользы своимъ знаніемъ мѣстнаго языка. Предъ своимъ пріѣздомъ въ Китай, авторъ посѣтилъ также и Японію, гдѣ ему посчастливилось вступить на службу по инженерной части; лишь въ 1863 году, когда враждебная къ иностранцамъ партія овладѣла японскимъ правительствомъ, онъ принужденъ былъ покинуть эту оригинальную страну, очерку нравовъ и вѣрованій коей онъ посвятилъ одну изъ любопытнѣйшихъ главъ своего сочиненія.

II.

Изъ историческихъ изслѣдованій послѣдняго времени можно указать на появившуюся въ началѣ нынѣшняго года книгу подъ заглавіемъ: *L'Homme au Masque de Fer, par* M. Marius Topin. Авторъ ея рѣшился начать снова изслѣдованіе проблемы которая въ продолженіе двухъ столѣтій возбуждала любопытство европейской публики и занимала ученый міръ; по этому предмету высказано было множество гипотезъ, подавшихъ поводъ къ романамъ, драмамъ и пр., но до сихъ поръ исторія еще не произнесла своего послѣдняго слова о загадочномъ человѣкѣ извѣстномъ подъ названіемъ Желѣзной Маски, и г. Топенъ съ жаромъ и трудолюбіемъ принялся за разработку матеріаловъ относящихся къ этому туманному эпизоду царствованія Людовика XIV. „Я задумалъ, говоритъ онъ, по поводу знаменитаго плѣнника, жизнь котораго повела ко столькимъ легендамъ, написать исторію главныхъ лицъ которыхъ подозрѣвали подъ Желѣзною Маской. Съ одними мнѣ приходилось проникать въ домашнюю жизнь Людовика XIII и Анны Австрійской; и для уничтоженія обвиненій которыми запятнали память этой королевы, я не поколебался коснуться нѣкоторыхъ щекотливыхъ пунктовъ и послѣдовать за обвинителями на ту почву куда они перенесли свое обсужденіе. Я послѣдовалъ за другими лицами въ ихъ жизни исполненной приключеній и тревогъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ въ ихъ заключеніе, которое

Digitized by Google

они переносили весьма различно, то въ однообразномъ бездѣйствіи, то съ самоотверженіемъ мудрецовъ, или же въ смѣлыхъ попыткахъ къ бѣгству, которыя всегда предупреждала неусыпная бдительность самаго дѣятельнаго изъ тюремщиковъ. Такимъ образомъ въ книгѣ моей появляются вмѣстѣ Лудовикъ XIII и Анна Австрійская, плѣнительный Бокингемъ, нѣжный Вермандуа, хитрый Монмаутъ, авантюристъ Бофоръ, смѣльчакъ Лозенъ, Фуке славный своимъ самоотверженіемъ и христіанскими добродѣтелями, злополучный Маттіоли и Сенъ-Маръ, память котораго и бытіе неразлучны съ его узниками."

Вольтеръ первый придумалъ что подъ Желѣзною Маской скрывался братъ Лудовика XIV; но эта гипотеза отрицается со всѣми ея варіантами, представляютъ ли его сыномъ Бокингема и Анны Австрійской, или плодомъ неизвѣстной любви этой королевы, которая желала во что бы то ни стало имѣть сына въ ту минуту когда здоровье Лудовика XIII такъ разстроилось что ожидали его скорой кончины, дабы сохранить за собою регентство, или наконецъ братомъ-близнецомъ Лудовика XIV, котораго королева вздумала удалить, чтобъ онъ не надѣлалъ хлопотъ своему старшему брату. Г. Топенъ доказываетъ что время въ которое таинственный узникъ былъ переданъ Сенъ-Мару не совпадаетъ ни съ однимъ изъ чиселъ отправленія заключенныхъ къ этому офицеру; сверхъ того онъ доказываетъ самыми убѣдительными фактами и съ замѣчательнымъ искусствомъ что побочнаго сына невозможно приписать Аннѣ Австрійской.

Затѣмъ слѣдуетъ графъ Вермандуа, побочный сынъ Лудовика XIV и г-жи де-Лавальеръ, котораго король пожелалъ удалить для устраненія опаснаго соперничества съ законнымъ наслѣдникомъ престола. Но смерть графа послѣдовала публично, и болѣзнь его была слишкомъ продолжительна чтобы хотя малѣйшее сомнѣніе было возможно въ этомъ отношеніи.

Сенъ-Фуа предполагалъ что знаменитый узникъ былъ герцогъ Монмаутъ, основывая свою гипотезу на современныхъ сплетняхъ, но Монмаутъ публично возведенъ былъ на эшафотъ, и смерть его пріобрѣла особую извѣстность тѣмъ что по неловкости палача этотъ несчастный умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Не болѣе основаній представляетъ гипотеза о герцогѣ де-

Digitized by Google

Бофорѣ, который, по увѣренію Лагранжа-Канселя, внушалъ королю опасенія вліяніемъ своимъ на народъ. Исчезновеніе во время тягостной экспедиціи въ Кандіи могло подать поводъ къ слухамъ о таинственномъ заключеніи, но нѣтъ никакихъ данныхъ которыя заставили бы усомниться въ смерти постигшей этого адмирала на чужбинѣ.

Затѣмъ г. Топенъ подробно разсматриваетъ преданіе гласящее что узникомъ г. де-Сенъ-Мара былъ іезуитъ Аведикъ, патріархъ Арменіи; онъ доказываетъ лживость этого предположенія, приводя подробности о смерти этого лица въ Парижѣ, въ улицѣ Феронъ, и по этому поводу представляетъ полное и весьма интересное изслѣдованіе о сношеніяхъ Франціи съ Востокомъ, съ указаніемъ роли которую разыгрывали при этомъ іезуиты.

Предположеніе о Фуке не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; ни въ процессѣ его, ни въ смерти не было ничего таинственнаго, и множество офиціальныхъ документовъ могутъ разубѣдить самыхъ недовѣрчивыхъ.

Наконецъ мы находимъ рѣшеніе загадки предлагаемое г. Топеномъ. Подъ Желѣзною Маской скрывается графъ Маттіоли, какъ предполагали уже нѣкоторые писатели, не приводя однако документовъ обнародуемыхъ нынѣ.

Туринскій дворъ хотѣлъ уступить Казале Франціи. Маттіоли, агентъ герцога Мантуанскаго, сообщилъ объ этомъ врагамъ Людовика XIV, который, получивъ извѣщеніе отъ герцогини Савойской, поручилъ генералу Катина схватить опаснаго дипломата и убрать его куда-нибудь, чтобъ о немъ и слуха не было. Повелѣніе было исполнено: Маттіоли былъ заключенъ сначала въ Пиньероль, потомъ на острова Св. Маргариты, наконецъ въ Бастилію, гдѣ умеръ въ ноябрѣ 1703 года и схороненъ подъ именемъ Маркіали.

Г. Топенъ открылъ множество депешъ исполненныхъ интересныхъ подробностей; нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ самыя мелочныя указанія: такъ, напримѣръ, та которую Сенъ-Маръ отправилъ къ аббату д'Эстраду 25го іюня 1681 года, съ извѣщеніемъ его что онъ назначается губернаторомъ въ другое мѣсто и оставляетъ Маттіоли въ Пиньеролѣ, или та въ которой его преемникъ въ Пиньеролѣ предписываетъ, отъ 28го іюля 1692 года, „сжечь все что остается отъ мелкихъ лоскутковъ полотна на которыхъ Маттіоли и его служитель написали нѣчто, и которые найдены были

Digitized by Google

въ подкладкѣ ихъ камзоловъ". Но самая замѣчательная изъ депешъ этой коллекціи адресована отъ имени короля аббату д'Эстраду, представителю Франціи въ Туринѣ; вотъ текстъ ея:

„Версаль, 28го апрѣля 1679.

„Изъ письма вашего король узналъ о сообщеніи которое вамъ сдѣлала герцогиня Савойская относительно вѣроломства графа Маттіоли. Довольно странно что, чувствуя себя до такой степени виновнымъ предъ его величествомъ, онъ осмѣливается довѣриться вамъ. Вслѣдствіе этого король полагаетъ что онъ не долженъ поступать такъ безнаказанно. Такъ какъ вы находите возможнымъ захватить его безъ всякой огласки, то его величество желаетъ чтобы вы исполнили вашу мысль и велѣли тайно отвезти его въ Пиньероль. Туда отправляется предписаніе принять его и содержать такъ чтобы никто не имѣлъ о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія. Вашей ловкости предоставляется назначить ему свиданіе въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ, за городомъ; но во всякомъ случаѣ, если у него имѣется ратификація герцога Мантуанскаго, то полезно было бы отнять у него оную и припрятать. Нѣтъ надобности извѣщать герцогиню Савойскую объ этомъ повелѣніи его величества, и необходимо чтобы никто не зналъ что сталось съ этимъ человѣкомъ."

Документы эти, вполнѣ достовѣрные, даютъ возможность предполагать что г. Топенъ дѣйствительно попалъ на настоящее рѣшеніе таинственной загадки, надъ которою трудилось столько изслѣдователей. Возраженія не замедлятъ, конечно, появиться въ печати, и послужатъ къ болѣе подробному разъясненію дѣла, но вотъ пунктъ который долженъ возбудить нѣкоторое сомнѣніе съ перваго взгляда: ужели нужны были такія тщательныя мелочныя подробности чтобы скрывать лицо простаго дипломатическаго агента, и зачѣмъ оказывались ему знаки такого вниманія и почтенія предметомъ которыхъ былъ, по всѣмъ извѣстіямъ, человѣкъ скрывавшійся подъ Желѣзною Маской?

Одинъ изъ профессоровъ парижской нормальной школы, Жюль Жираръ, издалъ книгу, увѣнчанную премiей Французскою Академіей, и представляющую изслѣдованіе о развитіи религіознаго чувства въ древней Греціи, отъ Гомера до Эсхила (*Le sentiment religieux en Grèce, d'Homère à Eschyle.* Paris. Hachette). Трудъ этотъ, собственно говоря, посвященъ изученію вѣры въ судьбу и предопредѣленіе, по

Digitized by Google

сколько она выражается въ произведеніяхъ лучшихъ писателей древности. Греки, по замѣчанію автора, много размышляли о судьбѣ человѣческой; глубоки и трогательны рѣчи ихъ, когда они вспоминаютъ о тщетѣ всего мірскаго и сѣтуютъ на судьбу, разбивающую всѣ человѣческія надежды. Религіозное чувство было связано въ нихъ съ убѣжденіемъ что вся жизнь міра покоится на извѣстныхъ незыблемыхъ законахъ, управляющихъ жизнью и смертью, счастіемъ и несчастіемъ людей! Подобно міру физическому, гдѣ дѣйствуютъ три основныя начала: жизнь, смерть и возрожденіе, въ мірѣ нравственномъ все основывалось на началахъ добра, зла и исправленія. Символическіе образы высказываютъ намъ это во всевозможныхъ случаяхъ. Два величайшія преступленія противъ вѣчнаго міроваго порядка суть безбожіе и убійство. Человѣкъ, существо слабое, долженъ чувствовать глубокое благоговѣніе къ богамъ и не раздражать небесъ своею гордынею; въ этомъ лежитъ основа добродѣтели по пониманію Грековъ. Изображая адъ древнихъ вслѣдъ за Гомеромъ, авторъ замѣчаетъ что адъ Данта слабъ и ничтоженъ въ сравненіи съ адомъ Грековъ. Если для существъ подобныхъ Менедаю есть облегченія даже и за гробомъ и пребываніе его у Радаманта, гдѣ никакія бури и тревоги природы не нарушаютъ его покоя, то это лишь слѣдствіе того что онъ супругъ Елены и зять Юпитера. Лишь достоинство происхожденія и милость боговъ даютъ право на счастіе за гробомъ. Пиндаръ, пѣвецъ величайшей поры исторіи греческой, присоединяетъ къ тому еще и славу.

У Гашетта въ Парижѣ вышелъ второй томъ начатаго за годъ предъ симъ сочиненія Максима дю-Кана *Paris dans la seconde moitié du dix-neuvième siècle.* Трудъ этотъ имѣетъ цѣлью представить полную картину парижской жизни съ общественной и экономической стороны; многіе годы работъ и справокъ предшествовали изданію его; какъ историческія изслѣдованія о прежнихъ временахъ парижскаго городскаго хозяйства, такъ и собранныя въ настоящее время статистическія свѣдѣнія, составляютъ богатый матеріалъ, которымъ авторъ овладѣлъ съ большимъ умѣньемъ. Въ вышедшемъ нынѣ томѣ онъ касается продовольствія французской столицы, потребленія и производства хлѣба, торговли мясомъ и виномъ, устройства и оборотовъ знаменитыхъ *Hal-*

Digitized by Google

les centrales табачнаго и монетнаго дѣла и наконецъ устройства и настоящаго состоянія Французскаго Банка. Къ числу наиболѣе удачныхъ страницъ вышедшаго нынѣ тома принадлежитъ очеркъ продовольствія столицы въ пору первой революціи, волненій вызванныхъ въ парижской толпѣ часто возобновлявшимся въ тѣ годы голодомъ и прекращеніемъ подвоза съѣстныхъ припасовъ, и тѣхъ мѣръ которыми республиканское правительство старалось отвратить бѣдствія голода. Авторъ описываетъ какъ въ 1793 году Бареръ настоялъ на томъ чтобы государственное казначейство постоянно держало наготовѣ 100 милл. для закупки хлѣба; какъ въ томъ же году сдѣлано было распоряженіе чтобы прекращена была неравномѣрность въ качествѣ печенаго хлѣба, а чтобы впредь изготовлялся какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ хлѣбъ изъ лучшей муки одинаковаго достоинства, подъ названіемъ хлѣба равенства, *pain de l'égalite.*

24го сентября 1868 года исполнилось одиннадцать вѣковъ съ того дня какъ императоръ Карлъ Великій наслѣдовалъ своему отцу Пипину въ правленіи государствомъ. Эта годовщина нигдѣ не была отпразднована кромѣ Цюриха, гдѣ въ городской ратушѣ, 7го января 1869 года, собралась многочисленная толпа, и профессоръ Фридрихъ фонъ-Висъ прочелъ интересную лекцію о Карлѣ Великомъ какъ о законодателѣ (*Karl der Grosze als Gesetzgeber.* 1869), въ настоящее время изданную особо. „Кто изъ насъ,—началъ онъ свою рѣчь,—проходя по Мюнстерскому мосту и видя величавую фигуру Карла, взирающаго строгимъ взоромъ съ высоты башни на кипящее внизу и чуждое ему волненіе, не испытывалъ страннаго ощущенія благоговѣнія? Сегодня миновало уже одиннадцать вѣковъ съ той поры когда великій императоръ вступилъ на престолъ, и мы все еще видимъ предъ собою его, положившаго мечъ воина и верховнаго судьи на мощныя колѣна и охраняющаго съ отеческою заботливостью нашъ добрый Цюрихъ, который при немъ впервые получилъ значеніе въ церковной и научной сферѣ." Не походы или великія политическія дѣянія Карла, но его законодательные труды составляютъ предметъ указываемаго сочиненія. Главною основой этой законодательной дѣятельности служатъ такъ-называемыя капитуляціи, заключающія въ себѣ рядъ законовъ и различные наказы чиновникамъ. Преобразуя существующія

Digitized by Google

учрежденія, онъ устраняетъ излишнія посредствующія инстанціи, посылаетъ своихъ пословъ для повѣрки дѣйствій чиновниковъ, ослабляетъ власть графовъ и герцоговъ. Войско составлялось помощію набора всѣхъ свободныхъ людей обязанныхъ нести военную службу. По отношенію къ церкви, Карлъ заботился не только о внѣшнемъ ея порядкѣ, но и о томъ чтобъ она исполняла свое внутреннее призваніе; онъ требовалъ долгаго подготовленія къ духовной дѣятельности и образа жизни достойнаго пастырей церкви. Главнымъ средствомъ поднять народную нравственность онъ считалъ народное образованіе; онъ издалъ законъ повелѣвавшій каждому гражданину посылать своихъ сыновей въ школы и оставлять ихъ тамъ до той поры пока они будутъ научены всѣмъ преподающимся тамъ предметамъ.

III.

Знаменитый физикъ Тиндаль читалъ 21го января въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ любопытную лекцію о мелкихъ частицахъ носящихся въ воздухѣ и служащихъ причиною многихъ болѣзней. Замѣчательное чтеніе привлекло большое стеченіе избранной публики. Предсѣдалъ въ этотъ вечеръ президентъ Королевскаго Института сэръ-Генри Голландъ, и близъ него помѣщались присутствовавшіе на лекціи британскій премьеръ г. Гладстонъ, графъ Гранвиль, деканъ Вестминстерскаго аббатства, докторъ Станлей, сэръ-Эдвинъ Ландсиръ, профессоръ Гёкли, докторъ Бенсъ Джонсъ, г. Гассіотъ, г. Варренъ де-Ларю, и многія другія знаменитости. Въ числѣ публики было также весьма большое число дамъ. Изслѣдованія съ которыми Тиндаль познакомилъ въ этотъ вечеръ публику составляютъ продолженіе въ высшей степени любопытныхъ опытовъ надъ химическимъ дѣйствіемъ яркихъ свѣтовыхъ лучей на смѣшанные съ воздухомъ пары различныхъ веществъ.

Тиндаль бралъ широкую стеклянную цилиндрическую трубку около метра длины, концы которой были задѣланы стеклянными стѣнками. Изъ трубки чрезъ особое отверстіе вытягивался воздухъ; затѣмъ чрезъ другое отверстіе въ нее впускался наружный воздухъ напитанный паромъ изслѣдуемаго вещества. Воздухъ этотъ предварительно осушался, проходя чрезъ трубку съ веществомъ поглощающимъ влагу,

Digitized by Google

профильтровывался чрезъ трубку съ ватой, оставляя взвѣшенныя въ немъ пылинки, проходилъ чрезъ сосудъ съ изслѣдуемымъ веществомъ, и затѣмъ уже вступалъ въ большую трубку. Трубка помѣщалась предъ фонаремъ электрическаго свѣта, и въ нее, по направленію оси, впускался яркій пучекъ свѣтовыхъ лучей. Двояковыпуклое стекло расположено было предъ лампой такимъ образомъ чтобы лучи сходились, и чтобы фокусъ ихъ былъ среди пара, около середины трубки. Мгновеніе спустя послѣ того какъ въ трубку вошли лучи, она остается темною; но химическое дѣйствіе иногда, напримѣръ въ случаѣ пара азотисто-кислаго амила или бутила, такъ быстро что необходимо все вниманіе чтобы замѣтить это мгновеніе мрака. Появляется бѣлое свѣтящееся облако, разгоняющее мракъ. Лучъ свѣта раздѣлилъ атомы азотистокислаго амила и выдѣлилъ массу жидкихъ, обнаруживающихъ себя, частицъ, которыя придаютъ пучку лучей сіяніе, какъ бы онъ былъ раскаленное твердое тѣло. Этотъ опытъ очевидно обнаруживаетъ что свѣтлый лучъ, какую бы силу онъ ни имѣлъ, остается невидимымъ до тѣхъ поръ пока онъ не падаетъ на что-нибудь. *Пространство*, хотя пересѣкаемое лучами всѣхъ солнцъ и всѣхъ звѣздъ, невидимо. Самый воздухъ наполняющій пространство, колебанія коего и образуютъ всякій свѣтъ, невидимъ.

Изучая свѣтящіяся облачка появляющіяся въ трубкѣ, Тиндаль пришелъ къ удовлетворительному объясненію происхожденія голубаго цвѣта неба. Этотъ цвѣтъ имѣетъ иное происхожденіе чѣмъ цвѣтъ обыкновенныхъ красящихъ веществъ. Эти послѣднія поглощаютъ нѣкоторыя части бѣлаго солнечнаго свѣта, и цвѣтъ вещества есть цвѣтъ остающейся части. Цвѣтокъ гераніума красный, потому что его внутреннее устройство дозволяетъ ему поглощать всѣ лучи кромѣ краснаго. Такіе цвѣта называются цвѣтами поглощенія, но цвѣтъ неба не принадлежитъ къ этой категоріи. Синій свѣтъ его, который мы видимъ, есть свѣтъ *отраженный*; и еслибы въ нашей атмосферѣ не было ничего что могло бы отражать къ намъ солнечные лучи, то вмѣсто синяго небосклона мы видѣли бы надъ нашими головами глубокій мракъ безконечнаго пространства. Синій цвѣтъ отражается частицами совершенно безцвѣтными; крайняя малость этихъ частицъ есть единственное условіе для отдѣленія этого цвѣта отъ другихъ и его отраженія. Изъ всѣхъ волнъ свѣта выпускаемыхъ

Digitized by Google

солнцемъ самыя короткія тѣ которыя соотвѣтствуютъ синему цвѣту. Маленькія частицы оказываютъ большее дѣйствіе на эти волны чѣмъ на болѣе длинныя; вотъ отчего синій цвѣтъ преобладаетъ во всякомъ свѣтѣ отраженномъ необыкновенно тонкими частицами. Красноватый блескъ Альпъ, утромъ и вечеромъ, зависитъ, напротивъ, отъ свѣта *пропущеннаго*, то-есть отъ такого свѣта который, пройдя чрезъ густые слои атмосферы, рядомъ послѣдовательныхъ отраженій, лишился своихъ составныхъ синихъ лучей. Тиндаль наполнилъ свою трубку весьма разрѣженнымъ воздухомъ, пропитаннымъ паромъ азотистокислаго бутила съ прибавленіемъ небольшаго количества газа водохлорной кислоты. Въ эту сложную и весьма разрѣженную атмосферу направляется пучокъ лучей электрическаго свѣта. Дѣйствіе происходитъ медленно, но мало-по-малу въ трубкѣ появляется великолѣпный лазуревый цвѣтъ, который становится гуще и гуще, достигаетъ крайней степени напряженности и чистоты, и потомъ, по мѣрѣ того какъ частицы увеличиваются, переходитъ въ голубоватый. Для опыта могутъ быть употреблены многія другія безцвѣтныя вещества одаренныя самыми разнообразными оптическими и химическими свойствами. Во всѣхъ случаяхъ облачко въ началѣ являетъ прекрасный синій цвѣтъ. Ясно что безконечно малыя частицы матеріи,—не имѣющія никакого собственно имъ принадлежащаго цвѣта, и независимо отъ оптическихъ свойствъ которыя онѣ могутъ представлять, будучи соединены въ замѣтныя массы, — способны производить синій цвѣтъ неба. Свѣтъ сіянія наполняющаго трубку представляетъ явленія поляризаціи какъ и свѣтъ неба.

Новѣйшія изслѣдованія Тиндаля, о которыхъ онъ сообщилъ на лекціи 21 января, касаются вопроса объ атмосферной пыли и ея вліяніи на происхожденіе болѣзней. Сдѣлаемъ извлеченіе изъ этой лекціи въ томъ видѣ какъ она сообщена въ газетѣ *Times*.

„Солнечный свѣтъ, проходя чрезъ темную комнату, обозначаетъ свой свѣтъ освѣщая пыль плавающую въ воздухѣ. „Солнце“, говоритъ Даніэль Кульвервелъ, „открываетъ намъ „атомы, хотя они невидимы при свѣтѣ свѣчъ, и заставляетъ „ихъ дрожать въ своихъ лучахъ“. Производя изслѣдованія надъ разложеніемъ паровъ при помощи свѣта, я былъ принужденъ удалить эти „атомы“ и эту пыль. Для опыта было существенно чтобы въ пространствѣ заключающемъ пары не было

Digitized by Google

никакого видимаго предмета, чтобы никакое вещество способное разсѣивать свѣтъ въ малѣйшей осязательной степени не находилось въ началѣ опыта въ „экспериментальной трубкѣ“ чрезъ которую пропускались свѣтовые лучи. Долгое время меня смущало появленіе тамъ плавающей пыли, которая, хотя и была невидима при разлитомъ дневномъ свѣтѣ, тотчасъ же открывалась посредствомъ сильно сгущенныхъ лучей. Двѣ трубки были помѣщены одна за другою на пути пыли: въ одной были куски стекла смоченные концентрированною сѣрною кислотой; въ другой—куски мрамора смоченные крѣпкимъ растворомъ ѣдкаго поташа. Къ моему удивленію, пыль прошла чрезъ обѣ трубки. Воздухъ въ комнатѣ Королевскаго Института, пропускаемый чрезъ эти трубки со скоростью достаточною чтобъ его осушить и удалить изъ него угольную кислоту, приносилъ въ экспериментальную трубку достаточное количество механически взвѣшенныхъ въ немъ веществъ, которыя освѣщались когда чрезъ трубку пропускались лучи. Дѣйствіе было то же самое когда воздухъ пропускался и сквозь жидкую кислоту и растворъ ѣдкаго поташа. Такъ, 5го октября 1868 года, воздухъ въ нѣсколько пріемовъ былъ пущенъ сквозь поташъ и сѣрную кислоту въ безвоздушную экспериментальную трубку. До того трубка была оптически пуста; она не заключала въ себѣ ничего способнаго разсѣивать свѣтъ. Послѣ того какъ воздухъ входилъ въ трубку, во всѣхъ случаяхъ ясно обозначался конической слѣдъ пучка электрическаго свѣта. Это случалось мнѣ ежедневно наблюдать въ то время о которомъ я говорю. Я пытался перехватить плавающія въ воздухѣ вещества различными способами; и въ упомянутый день, прежде чѣмъ прогонять воздухъ чрезъ осушающій аппаратъ, тщательно пропустилъ его пройти надъ оконечностью пламени спиртовой лампы. Пылинки не появлялись болѣе, будучи сожжены пламенемъ. Слѣдовательно, это были органическія вещества. Когда воздухъ пропускался слишкомъ быстро надъ пламенемъ, то тонкое синее облачко было замѣчаемо въ экспериментальной трубкѣ. Это былъ дымъ отъ органическихъ частицъ. Я нисколько не былъ приготовленъ къ этому результату, ибо я думалъ, вмѣстѣ со всѣми, что пыль нашего воздуха была, по большей части, неорганическая и несгараемая. Г. Валентинъ былъ такъ добръ что доставилъ мнѣ небольшую газовую печь заключавшую платиновую трубку, которая могла быть нагрѣта до краснаго каленія. Въ трубкѣ находился также свертокъ платиновой сѣтки, которая, пропуская воздухъ, обезпечивала прикосновеніе пыли съ раскаленнымъ металломъ. Воздухъ лабораторіи пропускался въ экспериментальную трубку то чрезъ холодную, то чрезъ нагрѣтую платиновую трубку. Быстрота прохожденія воздуха также мѣнялась.

„Опытъ показалъ что при условіяхъ полнаго горѣнія носящіяся въ воздухѣ вещества исчезали совершенно. Они совершенно сгарали, не оставляя никакого слѣда остатковъ.

Digitized by Google

Изъ спектральнаго анализа, однако, мы знаемъ что въ воздухѣ носится сода. Этими частицами органической пыли, я полагаю, она поддерживается и, по удаленіи ихъ, падаетъ и исчезаетъ. Когда прохожденіе воздуха было на столько быстро что горѣніе носящихся веществъ было неполное, то вмѣсто оптической пустоты въ экспериментальной трубкѣ появлялось тонкое синее облачко....

Когда такимъ образомъ было доказано что частицы носящіяся въ воздухѣ Лондона суть органическія, я постарался сжечь ихъ въ фокусѣ вогнутаго рефлектора. Для сей цѣли было мной взято одно изъ сильныхъ собирающихъ свѣтъ зеркалъ употребленныхъ мной при опытахъ надъ сожиганіемъ темными лучами, но опытъ мнѣ не удался. Безъ сомнѣнія, носящіяся частицы отчасти прозрачны для лучистой теплоты и потому не сожигаются ею. Ихъ быстрое движеніе сквозь фокусъ также помогаетъ имъ ускользнуть отъ сгоранія. Онѣ не довольно долго остаются тамъ чтобы сгорѣть. Пламя, нѣтъ сомнѣнія, сожгло бы ихъ, но я полагалъ что присутствіе пламени будетъ маскировать его собственное дѣйствіе на частицы. Въ цилиндрическій пучекъ лучей, сильно освѣщавшихъ пылинки носившіяся въ воздухѣ лабораторіи, была помѣщена зажженная спиртовая лампа. Я увидалъ около пламени темныя гирлянды похожія на густой черный дымъ. Съ пониженіемъ пламени такъ чтобъ оно было подъ лучомъ, тѣ же самыя темныя массы устремились наверхъ. По временамъ онѣ были чернѣе самаго чернаго дыма который я видѣлъ исходящимъ изъ трубы парохода, и ихъ сходство съ дымомъ было такъ полно что самаго опытнаго наблюдателя приводило къ заключенію что повидимому чистое пламя спиртовой лампы требовало только луча свѣта достаточной силы чтобъ обозначить облака освобожденнаго углерода. Но тотчасъ представился вопросъ: есть ли эта чернота дымъ? Подъ лучомъ былъ помѣщенъ раскаленный до-красна металлическій прутъ, и отъ него также восходили черныя гирлянды. Затѣмъ было употреблено большее пламя водорода, и оно производило эти кружащіяся темныя массы еще гораздо обильнѣе чѣмъ пламя спиртовой лампы или металлическій прутъ. Слѣдовательно, о дымѣ тутъ не могло быть рѣчи. Что же это была за темнота? Это просто былъ мракъ звѣзднаго пространства, то-есть темнота происходящая отъ отсутствія на пути луча всякаго вещества способнаго разсѣивать его свѣтъ. Когда пламя было помѣщаемо подъ лучомъ, то носящіяся вещества разрушались *in situ*, и воздухъ, свободный отъ этихъ веществъ, поднимался въ пучекъ, вытѣснялъ въ стороны освѣщенныя частицы и замѣнялъ ихъ свѣтъ мракомъ зависящимъ отъ его собственной полной прозрачности. Нельзя было болѣе наглядно обнаружить невидимость агента который дѣлаетъ видимыми всѣ предметы. Лучъ проходитъ незримымъ

Digitized by Google

мрачную бездну образованную прозрачнымъ воздухомъ, между тѣмъ какъ по обѣимъ сторонамъ этого пробѣла густо разсѣянныя частицы сіяли подобно свѣтлому тѣлу при сильномъ освѣщеніи.... Воздухъ нашихъ лондонскихъ комнатъ переполненъ этою органическою пылью, да и сельскій воздухъ не свободенъ отъ ея заразы. Хотя при обыкновенномъ дневномъ свѣтѣ она можетъ скрываться, но достаточно сильный лучъ даетъ воздуху въ которомъ растворена пыль видъ скорѣе полутвердаго тѣла чѣмъ газа. Никто не могъ бы, напримѣръ, безъ отвращенія подставить ротъ къ освѣщенному фокусу электрическаго луча и вдыхать обнаруживающуюся тамъ грязь. Отвращеніе нисколько не ослабляется размышленіемъ что, хотя мы не видимъ этой трязи, но забираемъ ее въ наши легкія каждый часъ и каждую минуту нашей жизни. Нѣтъ перерыва въ этомъ соприкосновеніи съ грязью, и удивительно не то что мы отъ времени до времени страдаемъ отъ ея присутствія, но что столь небольшая часть ея, повидимому, бываетъ смертельна для человѣка. А какова эта часть? Нѣкоторое время тому назадъ было въ ходу мнѣніе что эпидемическія болѣзни обыкновенно распространяются посредствомъ особаго рода маларіи состоящей изъ органической матеріи въ состояніи разложенія, что когда такая матерія вступаетъ въ тѣло черезъ легкія или кожу, то она имѣетъ свойство распространять въ немъ разрушительный процессъ ея коснувшійся. Такое распространяющее свойство видимо обнаруживалось въ дрожжахъ. Видно было какъ небольшой кусокъ ихъ приводилъ въ броженіе всю массу, такъ какъ, повидимому, одна частица матеріи, предполагавшаяся въ этомъ состояніи разложенія, имѣла свойство распространять до безконечности свое собственное распаденіе. Почему бы частица испорченнаго воздуха не могла дѣйствовать такимъ же образомъ внутри человѣческаго организма? Въ 1836 году былъ данъ поразительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ этомъ году Каньяръ де-Латуръ открылъ растеніе дрожжей, живой организмъ, который, попавъ въ свойственную среду, питается, растетъ и воспроизводится, и такимъ образомъ производитъ процессъ который мы называемъ броженіемъ. Такимъ образомъ было доказано что броженіе есть процессъ жизни, а не процессъ разрушенія. Растеніе дрожжей было независимо отъ того открыто Шваномъ въ Берлинѣ. Въ февралѣ 1837 года онъ сдѣлалъ важное наблюденіе, что если отваръ мяса тщательно охранять отъ обыкновеннаго воздуха и допускать къ нему только воздухъ нагрѣтый до высокой температуры, то гніеніе никогда не начинается. Слѣдовательно, утверждалъ онъ, гніеніе производится чѣмъ-то происходящимъ изъ воздуха, и это нѣчто можетъ быть разрушено достаточно высокою температурой. Опыты Шванна были повторены и подтверждены Гельмгольцемъ и другими. Но относительно броженія взгляды химиковъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, великаго авторитета Гей-Люссака, приписывавшаго

Digitized by Google

гніеніе дѣйствію кислорода, возвратились къ прежнему понятію о матеріи въ состояніи разложенія. Не живое растеніе дрожжей, а мертвыя или умирающія части его, при дѣйствіи кислорода, производятъ-де броженіе. Этотъ взглядъ былъ, наконецъ, окончательно опровергнутъ Пастёромъ. Онъ доказалъ что такъ называемые ферменты не суть таковые, что дѣйствительные ферменты суть организмы находящіе себѣ въ предполагаемыхъ ферментахъ наибольшую пищу. На ряду съ этими изысканіями и открытіями, и находя въ нихъ подтвержденіе, образовалась зародышевая теорія заразительныхъ болѣзней. Кирхеромъ было выражено мнѣніе, за которое стоялъ и Линней, что эпидемическія болѣзни происходятъ отъ зародышей носящихся въ воздухѣ, вступающихъ въ тѣло и производящихъ разстройство развитіемъ внутри тѣла паразитной жизни. Въ пользу этой теоріи сильно говоритъ полный параллелизмъ явленій заразительныхъ болѣзней съ явленіями жизни. Какъ посаженный въ землю желудь даетъ жизнь дубу способному производить множество желудей, изъ коихъ каждый одаренъ свойствомъ воспроизводить такое же дерево, и какъ такимъ образомъ изъ одного сѣмени можетъ возникнуть цѣлый лѣсъ, такъ и эти эпидемическія болѣзни буквально сажаютъ свои сѣмена, растутъ и бросаютъ одаль новые зародыши, которые, встрѣчая въ человѣческомъ тѣлѣ свойственную себѣ пищу и температуру, окончательно завладѣваютъ цѣлыми населеніями. Такъ, азіятская холера, начавшись въ небольшой степени въ дельтѣ Ганга, въ 17 лѣтъ могла распространиться почти по всему обитаемому свѣту. Другой примѣръ представляетъ развитіе отъ безконечно малой точки оспеннаго яда цѣлой жатвы гнойниковъ, изъ коихъ каждый наполненъ первоначальнымъ ядомъ. Хирургамъ давно была извѣстна опасность отъ допущенія воздуха къ открытымъ абсцессамъ. Для предотвращенія доступа воздуха они употребляютъ трубочку въ которой помѣщается острая стальная палочка называемая трокаромъ. Они прокалываютъ нарывъ стальнымъ остріемъ и затѣмъ легкимъ давленіемъ выгоняютъ гной чрезъ трубочку. Необходимо соблюдать крайнюю тщательность въ очисткѣ инструмента, и трудно себѣ представить какъ онъ можетъ быть очищенъ обыкновенными способами въ воздухѣ наполненномъ органическими нечистотами, какъ было нами доказано относительно нашего воздуха. По-настоящему, инструментъ долженъ быть нагрѣваемъ до температуры которую онъ можетъ выдержать. Но этого не дѣлается, и вотъ почему, несмотря на всю заботливость хирурга, часто послѣ первой операціи появляется воспаленіе и заставляетъ прибѣгать ко второй и третьей. Извѣстно что быстрое гніеніе сопровождаетъ это новое воспаленіе. Сверхъ того гной, который былъ въ началѣ свѣжимъ и не указывалъ никакихъ слѣдовъ животной жизни, теперь становится

Digitized by Google

вонючимъ, и въ немъ кишатъ маленькіе организмы низываемые вибріонами. Профессоръ Листеръ, въ письмѣ коего недавно былъ указанъ этотъ фактъ, утверждаетъ, повидимому вполнѣ основательно, что это быстрое гніеніе и это удивительное развитіе животной жизни зависятъ отъ зародышей попадающихъ въ абсцессъ во время первой операціи и отъ ихъ послѣдовательнаго питанія и развитія при благопріятныхъ условіяхъ пищи и температуры. Знаменитаго физіолога и физика Гельмгольца ежегодно поражаетъ сѣнная лихорадка. * Съ 20го мая до конца іюня онъ страдаетъ отъ катарра верхнихъ воздушныхъ путей, и онъ нашелъ что въ теченіе этого времени, а не въ какое другое, въ его носовой мокротѣ попадаются эти вибріоны. Они, повидимому, гнѣздятся въ полостяхъ и уступахъ носовой полости, потому что необходимо сильное чиханіе чтобы удалить ихъ. Свѣдѣнія эти покажутся непріятными, но открывая нашего врага, мы получаемъ возможность бороться противъ него. Орелъ, обозрѣвая поле съ высоты своего полета, удваиваетъ свою силу и дѣлаетъ болѣе вѣрнымъ свое нападеніе. Если зародышевая теорія окажется вѣрною, то она дастъ опредѣленность нашимъ усиліямъ къ искорененію зла, какой эти усилія прежде не имѣли. Но возратимся къ нашей пыли... Нѣтъ надобности замѣчать что ее можно выдуть изъ даннаго пространства обыкновенными мѣхами, но въ этомъ случаѣ мѣсто выдутыхъ частицъ занимается другими выброшенными изъ мѣховъ, такъ что слѣдъ луча остается неизмѣненнымъ. Но если отверстіе хорошихъ мѣховъ наполнить ватой не слишкомъ туго сжомканною, то воздухъ проталкиваемый сквозь вату фильтруется отъ носящихся въ немъ частицъ, и тогда образуетъ чистую полосу мрака въ освѣщенной пыли. Этотъ фильтръ употреблялъ Шредеръ въ своихъ опытахъ о произвольномъ зарожденіи; онъ же въ послѣдствіи оказалъ пользу въ превосходныхъ изслѣдованіяхъ Пастёра. Съ 1868 года я самъ употреблялъ его постоянно. Но самый интересный и важный примѣръ этого фильтрующаго процесса представляетъ человѣческое дыханіе. Я наполняю мои легкія обыкновеннымъ воздухомъ и дышу чрезъ стеклянную трубку поперекъ свѣта электрическаго пучка. Сгущеніе водяныхъ паровъ дыханія обнаруживается образованіемъ свѣтлаго бѣлаго облачка тонкаго строенія. Необходимо устранить это облачко, что можно сдѣлать осушая выдыхаемый воздухъ прежде чѣмъ его впускать въ трубку, или, еще проще, нагрѣвая стеклянную трубку. Когда это сдѣлано, то свѣтлый слѣдъ луча на нѣкоторое время не прерывается. Дыханіе пересѣкаетъ носящіяся въ воздухѣ вещества попереч-

* Подъ этимъ названіемъ профессоръ Тиндаль, очевидно, разумѣетъ катарръ носовой полости и верхнихъ дыхательныхъ путей, часто происходящій лѣтомъ отъ сѣнной пыли разносящейся въ воздухѣ при уборкѣ сѣна.

Digitized by Google

нымъ движеніемъ, но смѣщенныя частицы замѣняются пылью изъ легкихъ. Но, послѣ нѣкотораго времени, на лучѣ появляется темный дискъ, темнота коего усиливается, пока наконецъ, къ концу выдыханія, лучъ какъ бы пересѣкается весьма темнымъ пятномъ, въ которомъ нельзя различить никакихъ частицъ. Въ дѣйствительности, воздухъ такъ размѣстилъ свою пыль внутри легкихъ что въ послѣднія минуты выдыханія онъ бываетъ абсолютно свободенъ отъ носящихся въ немъ частицъ. Этотъ опытъ можно повторять сколько угодно разъ съ тѣмъ же самымъ результатомъ. Онъ обнаруживаетъ распредѣленіе пыли внутри легкихъ такъ же очевидно какъ еслибы грудная клѣтка была прозрачною. Теперь я опорожняю мои легкія на сколько возможно, и приложивъ ко рту и ноздрямъ кусокъ ваты, вдыхаю чрезъ нее. Нѣтъ никакого труда наполнить легкія воздухомъ такимъ образомъ. При выдыханіи этого воздуха чрезъ стеклянную трубочку тотчасъ же обнаруживается что онъ свободенъ отъ носящихся частицъ. Съ самаго начала выдыханія лучъ пересѣкается чернымъ перерывомъ. Первое же дуновеніе изъ легкихъ устраняетъ освѣщенную пыль и замѣщаетъ ее темнымъ пространствомъ, и эта темнота продолжается во все время выдыханія. Если помѣстить стеклянную трубочку подъ лучомъ и двигать ее къ лучу и отъ него, то появляется такое же подобіе дыма какое наблюдалось съ пламенемъ лампы. Однимъ словомъ, вата употребляемая въ достаточномъ количествѣ совершенно задерживаетъ всѣ носящіяся вещества въ воздухѣ на ихъ пути къ легкимъ. И такимъ образомъ открывается намъ истинно философское объясненіе практики которой слѣдуютъ врачи болѣе, можетъ-быть, по инстинкту чѣмъ вслѣдствіе истиннаго знанія. Въ заразительной атмосферѣ врачъ прикладываетъ ко рту платокъ и дышетъ сквозь него. Дѣлая такъ онъ безсознательно задерживаетъ на пути зародыши носящіеся въ воздухѣ. Еслибы ядъ былъ газомъ, то его нельзя бы задержать такимъ образомъ. Когда этотъ опытъ былъ показанъ доктору Бенсу Джонсу, онъ тотчасъ же повторилъ его съ носовымъ платкомъ. Результатъ былъ существенно тотъ же самый, хотя, какъ и можно было ожидать, вата служитъ гораздо болѣе вѣрнымъ фильтромъ. Примѣненіе этихъ опытовъ очевидно. Если врачъ желаетъ не допускать въ легкія своего больнаго, или въ свои собственныя, зародыши коими, какъ говорятъ, распространяются заразительныя болѣзни, то пусть онъ употребляетъ респираторъ съ ватой. Послѣ объясненій сегодняшняго вечера такіе респираторы должны, я полагаю, войти во всеобщее употребленіе, какъ защита противъ заразы. Въ тѣсныхъ и переполненныхъ жилищахъ лондонскихъ бѣдняковъ, гдѣ изолированіе больнаго трудно, чтобы не сказать невозможно, этимъ простымъ способомъ вредный воздухъ вокругъ больнаго можетъ быть возстановленъ въ практически чистомъ видѣ. Фильтруя его такимъ образомъ, присутствующіе

Digitized by Google

могутъ дышать обезоруженнымъ воздухомъ. По всей вѣроятности, охраненіе легкихъ будетъ охраненіемъ и всей системы, ибо въ высшей степени вѣроятно что зародыши которые проникаютъ въ воздушные пути и которые свободно могутъ находить себѣ путь сквозь слизистую перепонку суть тѣ самые что сѣютъ въ нашемъ тѣлѣ заразительныя болѣзни. Если это такъ, то конечно болѣзнь можетъ быть отстранена фильтрами изъ ваты. Я вполнѣ готовъ буду испытать ихъ дѣйствительность на себѣ самомъ, и время покажетъ, нельзя ли также при помощи ватнаго респиратора и въ болѣзняхъ легкихъ ослаблять раздраженіе, или даже останавливать разстройство. При его помощи, на сколько дѣло касается зародышей, въ комнату больнаго можетъ быть доставленъ воздухъ съ вершины Альпъ."

IV.

Въ англійскомъ литературномъ мірѣ вотъ уже болѣе полугода продолжается весьма странная полемика о томъ по какой причинѣ разошелся со своею женой лордъ Байронъ. На первый взглядъ не можетъ не показаться страннымъ, чтобы не сказать неумѣстнымъ, что теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ и когда уже нѣтъ въ живыхъ самыхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, возобновляются разсказы о событіи въ свое время возбудившемъ не малый скандалъ.

Поводъ къ полемикѣ былъ, впрочемъ, достаточный. Въ прошедшемъ году извѣстная американская писательница г-жа Бичеръ Стоу, авторъ надѣлавшаго въ свое время такъ много шума романа: *Хижина дяди Тома*, написала статью объ истинныхъ причинахъ разлуки леди Байронъ съ ея мужемъ, напечатанную въ англійскомъ журналѣ *Macmillan's Magazine* и въ американскомъ *Altantic Monthly*. Если предположить что г-жа Бичеръ Стоу имѣла въ виду напомнить публикѣ, скоро забывающей своихъ кумировъ, о своемъ существованіи и о своемъ страстно-восторженномъ темпераментѣ, побуждающемъ ее выступить горячею защитницей угнетенной невинности, то она вполнѣ достигла своей цѣли. Завязалась самая жаркая полемика. Немного не доходило до взаимныхъ обвиненій во лжи. Дѣло получило интересъ скандальной хроники. Иначе, впрочемъ, едва ли могло и быть. Г-жа Бичеръ Стоу оповѣстила по свѣту то что и прежде иногда проскальзывало какъ сплетня, какъ клевета, какъ плодъ досужей

Digitized by Google

фантазіи. Она была знакома и дружна съ леди Байронъ. Въ 1856 году леди Байронъ, находясь почти при смерти, пригласила къ себѣ г-жу Бичеръ Стоу и на торжественномъ свиданіи, похожемъ на исповѣдь умирающаго, сообщила ей страшную тайну, бывшую истинною причиной ея разлуки съ мужемъ. Причина эта была будто бы преступная любовь Байрона къ его сестрѣ, извѣстной Августѣ Лей (Leigh), къ которой имъ было написано такъ много стиховъ. Леди Байронъ передала г-жѣ Бичеръ Стоу и рукопись, въ которой было изложено все что она ей разказала, и просила совѣта какъ ей поступить. Г-жа Бичеръ совѣтовала обнародовать тайну лишь послѣ смерти и для сего передать всѣ факты въ подробностяхъ довѣреннымъ лицамъ. Леди Байронъ умерла въ 1860 году, и американская писательница молчала девять лѣтъ. Зачѣмъ же такъ долго спустя она прервала его? А потому что лишь въ 1868 году вышли *Воспоминанія о лордѣ Байронѣ* извѣстной подруги его сердца, графини Гвиччіоли въ превратномъ-де видѣ изображавшія характеръ леди Байронъ и ея отношенія къ мужу. Г-жа Бичеръ Стоу ждала что повѣренные леди Байронъ вступятся за честь своей довѣрительницы, но не дождавшись, рѣшилась выступить сама на защиту друга, „ангела“, какъ она называетъ леди Байронъ въ своей статьѣ.

Столь поразительное открытіе не могло, конечно, не произвести сильнаго впечатлѣнія на англійскую публику. Прежде всего раздался общій голосъ негодованія противъ писательницы разоблачившей грязное дѣло, но на половину это негодованіе было притворное. Образовалось нѣсколько лагерей различныхъ мнѣній. Были и такіе что прямо подозрѣвали правдивость г-жи Бичеръ Стоу, но это мнѣніе поддерживалось вообще слабо. Дѣйствительно, прямо заподозрить г-жу Бичеръ просто въ сочиненіи сенсаціоннаго романа, на подобіе *Хижины дяди Тома*, едва ли возможно, хотя такого мнѣнія до сихъ поръ придерживается газета *Standard*. Другая теорія, болѣе распространенная, была теорія галлюцинаціи, которой долго держалась газета *Times*, измѣнившая потомъ, однако, мнѣніе, и которая объясняла все тѣмъ что леди Байронъ въ полупомѣшательствѣ сама убѣдила себя въ существованіи небывалой страсти Байрона къ сестрѣ и разказывала о ней многимъ лицамъ. Этого мнѣнія до сихъ поръ держится газета *Spectator*. Третье, нѣсколько позднѣе

Digitized by Google

никшее мнѣніе, раздѣляемое теперь и газетой *Times*, утверждаетъ что самъ лордъ Байронъ, извѣстный своею болѣзненною наклонностью къ мистификаціи и бывшій не прочь драпироваться въ трагическую тогу исключительныхъ пороковъ, наговорилъ на себя небылицъ. Есть, напротивъ того, партія, главнымъ представителемъ коей въ печати выступилъ журналъ *Quarterly Review*, которая, обходя вопросъ о правдивости разказа г-жи Бичеръ Стоу и даже самой леди Байронъ, главною задачей поставила себѣ критическій разборъ фактовъ и опровергала ихъ различными доводами и свидѣтельствами. Наконецъ, не было недостатка и въ такихъ органахъ печати которые, осуждая г-жу Бичеръ Стоу за ея неумѣстныя разоблаченія, тѣмъ не менѣе склоняются къ убѣжденію въ вѣроятной справедливости обвиненія выставленнаго ею противъ лорда Байрона. Такимъ образомъ между самозванными присяжными взявшими на себя произнести приговоръ надъ прошлымъ поэта вовсе нѣтъ единодушія и, по теоріи права признаваемой въ законодательствѣ, сомнѣніе должно бы служить въ пользу подсудимаго; но, увы! въ сужденіяхъ объ историческихъ личностяхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто оказывается вѣрною пословица: *il n'y pas de calomnie dont il ne reste quelque chose*, и сплошь да рядомъ *onus probandi* возлагается не на обвинителя, а на обвиняемаго. Посмотримъ, однако, что̀ же говорятъ факты противъ лорда Байрона.

Прежде всего должно замѣтить что теперь эта прискорбная полемика вступила во вторую и, должно надѣяться, послѣднюю фазу развитія. Въ отвѣтъ на всѣ возраженія, г-жа Бичеръ Стоу въ настоящемъ году издала въ Бостонѣ новую книгу, подъ заглавіемъ: *Защита леди Байронъ (Lady Byron vindicated; a History of the Byron Controversy, from its beginning in 1816 to the Present Time.* By Harriet Beecher Stowe. Boston. 1870), въ которой она подробнѣе и настойчивѣе развиваетъ свои прежнія увѣренія высказанныя въ журнальныхъ статьяхъ. На эту книгу опять посыпались съ разныхъ сторонъ возраженія, и такимъ образомъ теперь имѣется для посторонняго читателя болѣе обильный матеріалъ для сужденія чѣмъ въ прошедшемъ году. Особеннаго вниманія въ настоящей фазѣ спора заслуживаютъ статьи въ *Saturday Review*, отъ 29го января, и въ январской книжкѣ *Quarterly*

Digitized by Google

Review, то-есть отзывы двухъ органовъ придерживающихся противоположныхъ взглядовъ.

Г-жа Бичеръ Стоу утверждаетъ что незаконная страсть Байрона обнаружилась въ промежуткѣ времени между двумя предложеніями которыя имъ были сдѣланы миссъ Мильбанкъ. Въ первый разъ онъ получилъ отказъ (это было въ 1813 г.), а во второй, годъ спустя, согласіе. Вскорѣ послѣ свадьбы, однако, несчастная леди Байронъ убѣдилась что ей не суждено счастіе въ замужней жизни. Еще въ каретѣ, на пути изъ церкви домой, Байронъ будто бы закричалъ на свою молодую жену что она могла бы избавить его отъ этого (?) несчастія, еслибы съ перваго же раза дала ему согласіе, ибо тогда-де все было въ ея рукахъ. Съ этой минуты несчастная женщина не знала покоя. Лордъ Байронъ вскорѣ же попрежнему сталъ вести самую безпутную жизнь. По временамъ онъ раскаивался или, по крайней мѣрѣ, притворялся кающимся. Бывали и минуты счастія. Но потомъ опять начиналась прежняя исторія, и Байронъ велъ себя съ женой такъ что она по временамъ подозрѣвала въ немъ безуміе. Но этого мало. „Наступилъ часъ откровенія," говоритъ г-жа Бичеръ Стоу, „когда леди Байронъ самымъ несомнѣннымъ образомъ увидѣла всю глубину той бездны позора которую имѣлось въ виду прикрыть ея бракомъ, и поняла что въ ней желали имѣть покровъ и сообщницу сего позора." Еще прежде того Байронъ старался будто бы просвѣтить свою жену насчетъ своихъ понятій о супружескихъ отношеніяхъ, доказывалъ ей право человѣка слѣдовать влеченіямъ природы, указывалъ на удобства обычая на материкѣ Европы, гдѣ мужъ и жена дозволяютъ другъ другу вольности и взаимно прикрываютъ увлеченія, и говорилъ что только такимъ образомъ супружеская жизнь можетъ быть покойна. О страшномъ же открытіи г-жа Бичеръ Стоу говоритъ:

„Она (леди Байронъ) сказала что она не понимала къ чему все это клонилось пока они не пріѣхали въ Лондонъ и не остановилась у нихъ его сестра. Въ какое именно время въ первый разъ появилась у нея мысль о незаконной любви ея мужа къ сестрѣ, она не говорила, но она разсказала мнѣ *какъ* это было. Она сказала что разъ вечеромъ, въ ея присутствіи, онъ обращался съ сестрой такъ вольно, что это возмутило и изумило ее. Видя ея изумленіе и тревогу, онъ подошелъ къ ней и сказалъ насмѣшливымъ тономъ: „Я полагаю, вы видите что вы здѣсь лишняя.

Digitized by Google

„Ступайте къ себѣ въ комнату и оставьте насъ однихъ. Мы „можемъ лучше забавляться безъ васъ.“ Она сказала мнѣ: „Я „ушла, дрожа, въ свою комнату. Я упала на колѣни и моли„ла Небеснаго Отца помиловать ихъ. Я думала: что мнѣ дѣ„лать?“

Изъ разказа г-жи Бичеръ Стоу, однако, не видно чтобы послѣ такой сцены отношенія леди Байронъ къ ея золовкѣ въ чемъ-нибудь измѣнились, и даже чтобы между ними былъ разговоръ по этому поводу. Что касается до ея мужа, то съ нимъ она имѣла послѣ того разговоры, и онъ смѣло признавался-де что его незаконная любовь существовала и прежде и будетъ продолжаться и впредь. Онъ утверждалъ-де что въ этомъ нѣтъ грѣха. Когда же она указывала ему на „общее чувство ужаса всего человѣчества къ преступленію“, и выставила предъ нимъ страшную возможность открытія тайны, то онъ пришелъ въ ярость и сказалъ что чрезъ *нее* это никогда не узнается. Она должна-де оставить его: *такъ* рѣшено, но пятно разлуки падаетъ на нее, ибо свѣтъ повѣритъ ему, и *не повѣритъ* ей.

Послѣ того Байронъ продолжалъ обращаться съ женой въ высшей степени грубо, даже во время родовъ его дочери Ады, и наконецъ дошелъ до того что приказалъ ей выѣхать изъ дому. Леди Байронъ, давно начинавшая подозрѣвать что ея мужъ помѣшанный и даже совѣтовавшаяся по сему поводу съ докторомъ, который посовѣтовалъ временную разлуку, теперь и сама рѣшилась уѣхать. Наканунѣ отъѣзда она вошла къ мужу, протянула ему руку и сказала: „Байронъ, я пришла проститься!“ Тутъ была и сестра Байрона, и онъ съ обычною насмѣшкой спросилъ у жены: „Когда же мы снова всѣ трое встрѣтимся?“—„Вѣроятно на небѣ,“ отвѣчала леди Байронъ. Болѣе они не видались. Послѣ того, при-помощи родителей леди Байронъ, былъ улаженъ семейнымъ образомъ не формальный разводъ, а нѣчто въ родѣ договора о разлукѣ, такъ называемая *separation*, на что самъ Байронъ весьма неохотно соглашался, по временамъ грозя даже обратиться къ суду, если ему не укажутъ спеціальнаго повода къ окончательному отдѣленію его отъ жены. Таковы въ главныхъ чертахъ, опуская многія подробности, факты выставляемые противъ лорда Байрона. Въ подтвержденіе ихъ приводятъ еще косвенныя доказательства его нравственной испорченности въ томъ что онъ постоянно какъ бы хвастался

Digitized by Google

своими пороками, что всѣ герои его поэмъ, отъ Чайльдъ-Гарольда до Донъ-Жуана, прославляются имъ какъ-бы именно за ихъ порочныя свойства, а не за случайныя добродѣтели, что содержаніе этихъ поэмъ постоянно основано на незаконной любви, а въ Манфредѣ и Каинѣ прямо на кровосмѣшеніи. Наконецъ, указываютъ на его скандальную жизнь въ Венеціи, и изо всего этого выводятъ что вся его жизнь была систематическимъ выраженіемъ его превратныхъ принциповъ. Этимъ косвеннымъ доказательствамъ придаетъ особенную силу *Saturday Review*, называя ихъ физіологическими аргументами.

Но еще въ первой журнальной статьѣ г-жи Бичеръ Стоу были замѣчены нѣкоторыя противорѣчія, и ихъ обнаружилось еще болѣе по изданіи ею вышеназванной книги. Возгорѣвшаяся въ прошедшемъ году полемика не дала существенныхъ подтвержденій разказа г-жи Бичеръ Стоу. Тотчасъ многими лицами были обнародованы въ газетахъ разныя письма и свидѣтельства, но всѣ доводы какіе изъ этой корреспонденціи ни приводились противъ лорда Байрона, оставляли фактъ его обвиненія не болѣе какъ вѣроятнымъ предположеніемъ, къ тому же стало извѣстнымъ и много такого что̀ положительно говорило противъ такой вѣроятности. Къ этой другой сторонѣ вопроса мы теперь и перейдемъ, то-есть къ свидѣтельствамъ противниковъ леди Байронъ. Общая группировка фактовъ и доводовъ на этой сторонѣ очень сильна. Такъ, въ *Times* еще въ прошломъ году лордомъ Лонгзеемъ были напечатаны замѣтки его бабки Анны Бернардъ, которая была весьма дружна съ леди Байронъ и, слѣдовательно, могла бы что-нибудь отъ нея слышать о настоящей причинѣ ея размолвки съ мужемъ. Въ нихъ подтверждаются жестокое, по временамъ, обращеніе Байрона съ его женой, его дикія выходки, его нелѣпыя мистификаціи, но нѣтъ ни слова, ни намека на его незаконныя отношенія къ сестрѣ. Напротивъ того въ нихъ сообщается разказъ леди Байронъ что мужъ ея хотѣлъ было развратить и её самое, и что въ такой опасности она приблизила къ себѣ сестру Байрона для своей собственной защиты. Было напечатано также въ газетахъ письмо лорда Вентворта, внука лорда Байрона, объявившаго что онъ еще за три года до сего нашелъ въ бумагахъ собственную записку леди Байронъ совершенно несогласную съ разказомъ г-жи Бичеръ Стоу, но въ

Digitized by Google

которой сказано что обнародовать оную можно не прежде какъ показавъ ее одному лицу читавшему сожженные мемуары леди Байронъ. Но самый сильный аргументъ противъ справедливости обвиненія представляютъ письма леди Байронъ къ Августѣ Лей, писанныя какъ до размолвки съ мужемъ, такъ и послѣ того. Письма эти были обнародованы въ журналѣ *Quarterly Review*, въ январской книжкѣ коего приведено много дѣльныхъ возраженій противъ послѣдней книжки г-жи Бичеръ Стоу, какъ напримѣръ то что Августа Лей была самымъ главнымъ повѣреннымъ лицомъ изъ всѣхъ окружавшихъ леди Байронъ, что по отъѣздѣ послѣдней изъ дома мужа она постоянно въ подробности извѣщала свою невѣстку о всемъ что дѣлалось въ Пиккадилли (гдѣ жилъ Байронъ), и что употребляла въ то же время свое вліяніе чтобы не допустить дѣла до крайности. Этими услугами, по замѣчанію *Quarterly Review*, и объясняется почему леди Байронъ въ письмахъ къ золовкѣ постоянно высказывала горячую признательность и полное довѣріе, и почему она окрестила свою дочь именами Августа Ада. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ письмахъ леди Байронъ постоянно называетъ свою золовку „милѣйшею Августой“, говоритъ въ нихъ весьма подробно и съ полною откровенностью о всѣхъ своихъ душевныхъ волненіяхъ и тревогахъ, о частыхъ отлучкахъ Байрона изъ дома, о его отчаяніи, о томъ какъ онъ напивается, и выражаетъ, напримѣръ, искреннее желаніе чтобъ ея милѣйшая Августа не могла и подумать изъ дружбы къ ней навлекать на себя неудовольствіе Байрона, такъ какъ она, леди Байронъ, во-первыхъ, будетъ-де *очень* огорчена, если онъ и Августа поссорятся, а во-вторыхъ, она не думаетъ чтобы для *нея* было полезно когда берутъ *ея* сторону. Къ теткѣ своей, леди Мельборнъ, леди Байронъ писала 4го января 1816 года (до разлуки съ мужемъ) что во время родовъ она была обязана удобствами добротѣ и вниманію мистрисъ Лей. Переписка продолжалась и по выѣздѣ леди Байронъ изъ дома мужа (15го января 1816 года), и она въ тѣхъ же нѣжныхъ выраженіяхъ проситъ золовку извѣщать ее о всемъ что дѣлается въ домѣ мужа, заявляя въ то же время о своей готовности въ самомалѣйшихъ вещахъ согласоваться по возможности съ ея желаніями. Мистрисъ Лей, по словамъ *Quarterly Review*, писала ежедневно отвѣты и даже

Digitized by Google

съ неосторожною откровенностью, описывала всѣ худшія припадки безумія своего брата, очевидно не думая что сообщаемыми ею свѣдѣніями леди Байронъ можетъ воспользоваться чтобы требовать полной разлуки съ мужемъ. Когда же Байронъ уѣхалъ изъ Англіи, то до самой смерти его сестра его была признанною посредницей сообщеній между нимъ и женой, и всѣ письма его къ сестрѣ передавались леди Байронъ которая брала съ нихъ копіи, хотя и неизвѣстно, дѣлалось ли это съ его вѣдома. Въ этихъ письмахъ Байрона его чувства къ сестрѣ всегда выражались искренно и серіозно.

До сихъ поръ, слѣдовательно, нѣтъ ни малѣйшаго намека чтобы леди Байронъ было что-либо извѣстно объ ужасномъ грѣхѣ ея мужа. Но вотъ два документа указывающіе что слухи объ этой клеветѣ (которая и должна остаться клеветой пока не будетъ доказана) возникли весьма рано. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ леди Байронъ, въ февралѣ 1816 года, мистрисъ Лей извѣщаетъ что какая-то клевета дошла до слуха ея брата, послѣ чего онъ объявилъ существованіе невыносимымъ. На это леди Байронъ отвѣчала 19го февраля:

„Милѣйшая Августа, — я получила ваше очень грустное письмо, и право очень огорчена что вы такъ сильно тревожитесь, хотя, полагаю, безъ основанія. О таинственномъ предметѣ, который мнѣ неизвѣстенъ, могу только сказать что если слухъ относится къ чему-либо что̀ мнѣ извѣстно за ложное, то я готова засвидѣтельствовать его лживость."

Слухъ о преступной любви брата къ сестрѣ возникъ въ это самое время, въ числѣ разной другой клеветы, и леди Виллирзъ, бывшая въ тѣсной дружбѣ съ мистрисъ Лей, обратилась по этому поводу къ леди Байронъ, которая отвѣчала слѣдующимъ письмомъ, отъ 20го февраля:

„Моя милая мистрисъ Виллирзъ,—я вижу въ вашемъ письмѣ лучшее доказательство вашей справедливости къ моимъ чувствамъ которыя не до такой степени поглощены моимъ собственнымъ горемъ чтобы забывать другихъ которые, можетъ-быть, страдаютъ еще болѣе. Я глубоко сожалѣю о распущенныхъ слухахъ касательно причины разлуки моей съ лордомъ Байрономъ, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ огорчить меня сильнѣе чѣмъ упоминаемый вами слухъ, такъ какъ онъ бросаетъ тѣнь на характеръ мистрисъ Лей; но такъ какъ я могу положительно увѣрить что *ни одинъ* изъ многихъ теперь ходящихъ слуховъ не былъ пущенъ съ разрѣшенія или одобренія моего собственнаго, моего семейства или моихъ друзей, то я не могу считать себя нисколько за нихъ отвѣтственною. Во время моего пребыванія въ одномъ домѣ съ

Digitized by Google

мистрисъ Лей, всѣ мои друзья слышали какъ я выражала самую нѣжную признательность за ея добрыя услуги мнѣ; и прежде чѣмъ я выѣхала изъ дому, я писала и говорила о ней въ такихъ же выраженіяхъ всѣмъ и каждому кто былъ ко мнѣ близокъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, вы должны знать что обнародованіе дѣйствительныхъ поводовъ къ несогласіямъ между мной и лордомъ Байрономъ было бы крайне неумѣстно, и, согласно съ даннымъ мнѣ совѣтомъ, я *должна* воздержаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Мнѣ очень прискорбно быть принужденною, поэтому, казаться менѣе откровенною въ отношеніи къ вамъ чѣмъ я желаю."

Это письмо имѣетъ большую важность, и мы къ нему еще возвратимся, но прежде надо упомянуть еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Дружескія отношенія между леди Байронъ и мистрисъ Лей продолжались до 1830 года, когда онѣ поссорились, и когда въ первый разъ леди Байронъ взвела на свою золовку будто она была въ заговорѣ съ братомъ чтобы послѣднему раздѣлаться съ женой. Леди Байронъ ссылалась на то что мистрисъ Лей совѣтовала ей не доводить дѣла до суда, такъ какъ безъ свидѣтелей ея показанія не будутъ имѣть никакого вѣса. Уже это одно противорѣчитъ разказу г-жи Бичеръ Стоу, которая, выставляя леди Байронъ ангеломъ кротости и доброты, говоритъ что она *въ послѣдствіи* примирилась съ сестрой Байрона, виновницей своихъ несчастій, и что, подъ ея благодѣтельнымъ вліяніемъ, Августа Лей возвратилась на путь истины. Напротивъ, какъ извѣстно, леди Байронъ *въ началѣ* долго оставалась дружна съ мистрисъ Лей, а въ послѣдствіи съ нею поссорилась.

Изъ всего вышеприведеннаго видно какъ слабы доводы для обвиненія лорда Байрона и его сестры. Порочныя наклонности самого Байрона еще не доказываютъ что онъ былъ виновенъ именно въ этомъ грѣхѣ. Что̀ касается до мистрисъ Лей, то ея репутація всегда пользовалась доброю славой; она была очень любима своимъ мужемъ и очень счастлива съ нимъ. У нея было семь человѣкъ дѣтей, и Медора,—плодъ, по словамъ г-жи Бичеръ Стоу, порочной любви Байрона, — была, какъ говорила сама мистрисъ Лей, любимицей отца, который былъ глубоко пораженъ ея паденіемъ и позорною жизнію. Эта несчастная дѣвушка рано была развращена, при самыхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, и вела жизнь позорную. Леди Байронъ знала о ней, но не была съ ней въ сношеніяхъ до 1840 года, когда она вдругъ послала за ней, привезла

Digitized by Google

ее въ Парижъ и тамъ будто бы разказала ей возмутительную исторію о ея происхожденіи. Она держала Медору нѣкоторое время при себѣ, потомъ устранила ее отъ себя и никогда не простила ей что въ послѣдніе четыре года своей жизни Медора получала пособіе отъ родственниковъ со стороны матери. Наконецъ, вдова Шелли, друга Байрона, въ письмѣ, напечатанномъ въ *Times*, удостовѣрила что отношенія мистрисъ Лей къ Байрону были похожи на отношенія матери къ сыну, потому что она была гораздо старше его, и наружность ея была вовсе не замѣчательна. Итакъ, нѣтъ никакого рѣшительно повода подозрѣвать чтобы лордъ Байронъ имѣлъ странную фантазію къ своей сестрѣ, и чтобъ эта преступная фантазія нашла отвѣтъ и съ ея стороны, кромѣ разказа г-жи Бичеръ Стоу объ исповѣди слышанной ею отъ леди Байронъ. *Saturday Review* ставитъ вопросъ такимъ образомъ: или обвиненіе справедливо, или же, либо г-жа Бичеръ Стоу, либо леди Байронъ, не будучи помѣшанными, умышленно говорили неправду. По разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, такъ вопросъ ставить нельзя, ибо одно вовсе не исключаетъ другаго. Что г-жа Бичеръ Стоу вообще наклонна къ преувеличеніямъ, *qu'elle a surchargé la cause*, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, какъ это видно изъ ея разказа о послѣдующемъ прощеніи леди Байронъ виновницѣ ея несчастій. Но что она могла слышать разказъ отъ леди Байронъ, это также вѣрно, ибо послѣдняя передавала его также Медорѣ Лей и другимъ лицамъ. Но говорила ли сама леди Байронъ неправду? Возможно ли это допустить? Вопросъ этотъ старались обойти предположеніемъ что въ послѣдствіи леди Байронъ впала въ родъ полупомѣшательства и свои галлюцинаціи принимала за дѣйствительность. Это мнѣніе было осмѣяно многими на томъ основаніи что про помѣшательство леди Байронъ никому никогда не было извѣстно. Это правда, но нѣтъ надобности признать ее помѣшанною для объясненія ея заблужденія. Какъ было выше показано, слухъ о клеветѣ возникъ уже чрезъ мѣсяцъ послѣ выѣзда леди Байронъ изъ дома мужа и былъ ей извѣстенъ. Предъ разлукой она была наклонна считать своего мужа безумнымъ, не будучи въ состояніи объяснить себѣ его безпутное поведеніе и его капризныя причуды. Она жаловалась на нихъ въ письмѣ къ Августѣ и приписывала ихъ страсти къ возбужденію, скукѣ и однообразной жизни,

Digitized by Google

и даже испорченному пищеваренію отъ постоянныхъ излишествъ. Она опасалась у своего мужа умственнаго разстройства и совѣтовалась на этотъ счетъ съ докторомъ. Послѣ оказалось, однако, что Байронъ не былъ помѣшаннымъ, и что если и было безуміе въ его поступкахъ съ женой, то оно было притворное. Поэтому, когда, много лѣтъ спустя, леди Байронъ, тѣмъ временемъ поссорившаяся съ мистрисъ Лей, стала вспоминать о прошедшемъ и стараться объяснить поступки своего мужа помимо сумашествія, то нѣтъ ничего мудренаго и ничего противнаго человѣческой природѣ что смутный слухъ о клеветѣ всплылъ на поверхность воспоминаній и постепенно получалъ надъ ея мыслями бо́льшую силу. Извѣстно, что если человѣкъ постоянно даетъ своимъ мыслямъ одно направленіе, то эти мысли до такой степени овладѣютъ его умомъ что становятся неискоренимымъ убѣжденіемъ. Такія мономаніи весьма легко могутъ быть незамѣченными и не возбуждать сомнѣній въ здравости ума пораженнаго ими субъекта, особенно если предметъ мономаніи не есть мысль рѣзко поражающая своею нелѣпостью. Правда, разказы леди Байронъ о любви ея мужа къ сестрѣ выходили изъ ряда обыкновенныхъ, но она ихъ сообщала немногимъ и, по преимуществу, такимъ лицамъ какъ Медора Лей и г-жа Бичеръ Стоу, которыя, не зная всѣхъ прежнихъ обстоятельствъ, могли ей вѣрить на слово, не имѣя повода считать ее не въ здравомъ разсудкѣ. Разказъ г-жи Бичеръ Стоу, какъ переданный со словъ леди Байронъ, имѣлъ бы тогда только настоящую силу, еслибы могло быть доказано что въ минуту разлуки съ мужемъ леди Байронъ была убѣждена въ его преступной любви. А это допустить почти невозможно. Мы указывали выше на физіологическій аргументъ *Saturday Review* противъ лорда Байрона, но гораздо болѣе силы имѣетъ психологическій аргументъ *Quarterly Review* противъ леди Байронъ. Согласно ли съ природой человѣческаго сердца чтобы женщина глубоко оскорбленная своимъ мужемъ, видя несомнѣнное доказательство невѣрности его, безропотно и безъ возраженія удалилась въ свою комнату по его приказанію, оставляя его съ сообщницей, и потомъ продолжала быть съ ними обоими въ прежнихъ отношеніяхъ, какъ будто ничего не случилось? *Quarterly Review* совершенно справедливо замѣчаетъ, что еслибы леди Байронъ въ то время вѣрила въ преступную связь,

Digitized by Google

то вмѣсто того чтобы пугать своего мужа негодованіемъ свѣта, ей не мѣшало бы сколько-нибудь выразить свое собственное негодованіе, на что нѣтъ никакихъ указаній. На этотъ аргументъ возражаютъ что леди Байронъ, по ея особенному религіозному, отчасти фаталистическому, направленію, могла простить грѣхъ. Простить — да, но ни одна высоко нравственная, религіозная женщина не могла бы сохранить неизмѣнными прежнихъ дружескихъ отношеній къ своей разлучницѣ, быть съ нею вполнѣ откровенною и просить ея совѣта въ самомалѣйшихъ вещахъ. Она могла не бросить въ нее камня осужденія, но не могла бы высказывать всѣмъ постороннимъ о своей искренней признательности къ ея добротѣ. Къ тому же, еслибы леди Байронъ отличалась такимъ высоко-христіанскимъ качествомъ всепрощенія, то она должна бы дѣйствовать послѣдовательнѣе и не брать своего прощенія назадъ, по истеченіи многихъ лѣтъ. Если она хранила тайну первое время, то, очевидно, не для огражденія своей собственной репутаціи. Гораздо согласнѣе съ человѣческою природой чувствовать невольное негодованіе въ первую минуту смертельной обиды и потомъ простить ее, когда впечатлѣніе боли начнетъ стихать. По словамъ же г-жи Бичеръ Стоу и *Saturday Review*, леди Байронъ сдѣлала наоборотъ: сперва прощала, покрывала, хранила въ тайнѣ грѣхъ, а потомъ стала о немъ разказывать. Остается еще возвратиться на мгновеніе къ вышеприведенному письму леди Байронъ къ леди Виллирзъ. *Saturday Review* съ торжествомъ указываетъ что въ немъ нѣтъ прямаго и категорическаго опроверженія сплетни. Но это плохая услуга для леди Байронъ, приписывающая ей самое іезуитское лицемѣріе. Изъ письма видно что она отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за всѣ распущенные слухи, но это вовсе не значитъ чтобъ она считала ихъ истинными. Печатно высказанный пасквиль можетъ вызвать категорическое отрицаніе при всей его гнусности и нелѣпости. Въ частной же перепискѣ между людьми близкими можетъ казаться иногда излишнимъ оправданіе отъ нѣкоторыхъ обвиненій слишкомъ возмутительныхъ, лживость коихъ разумѣется сама собой. Съ такой точки зрѣнія письмо леди Байронъ къ леди Виллирзъ должно считать вполнѣ достаточнымъ опроверженіемъ. Точно также несправедливъ и неблаговиденъ аргументъ что мистрисъ Лей не протестовала противъ клеветы.

Digitized by Google

Но развѣ нѣтъ случаевъ въ которыхъ честь женщины должна стоять выше подозрѣнія? Во всякомъ случаѣ, на сторонѣ обвиненія должны быть прежде всего положительныя, а не отрицательныя доказательства, чего въ настоящемъ случаѣ нѣтъ. Нельзя потому не повторить словъ Бекона, приведенныхъ въ *Quarterly Review*, что нѣтъ болѣе сильнаго увеличительнаго стекла какъ предубѣжденіе.

V.

Съ главными и наиболѣе выдающимися произведеніями новѣйшей беллетристики русская публика знакомится изъ переводовъ и, конечно, трудно указать на какое-нибудь новое произведеніе Диккенса, Вильки Коллинза, Троллопа или Ауэрбаха и другихъ извѣстныхъ писателей, которое бы тотчасъ по появленіи его не переводилось въ одномъ изъ русскихъ журналовъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы укажемъ нѣсколько явленій беллетрестической литературы за послѣднее время, которыя, можетъ-быть, не появятся въ переводѣ, хотя не лишены достоинствъ и потому заслуживаютъ чтобы на нихъ обратить вниманіе.

Въ настоящее время едва ли какая другая литература для легкаго чтенія можетъ сравниться съ англійскою по плодовитости. Эта плодовитость имѣетъ свою невыгодную сторону, и въ произведеніяхъ многихъ писателей сопровождается упадкомъ школы. Излишнее соревнованіе и желаніе привлечь бо́льшій кругъ читателей новизной предмета нерѣдко побуждаетъ писателей увлекаться сенсаціоннымъ направленіемъ и стараться поразить читателя невозможностью характеровъ дѣйствующихъ лицъ и совершаемыхъ ими дѣяній. Убійства, отравленія, подлоги, двоеженство сплошь да рядомъ служатъ теперь канвой романовъ. Съ другой стороны, тѣ авторы которые еще желаютъ поддержать славу такъ-называемыхъ нравственныхъ романовъ часто, не имѣя дарованія и теплоты неподдѣльнаго чувства, просто впадаютъ въ сухой дидактическій тонъ и только наводятъ скуку. Образцомъ романовъ перваго рода, основанныхъ исключительно на необыкновенныхъ, возмутительныхъ преступленіяхъ и не оживляемыхъ никакими характеристическими чертами подмѣченными въ человѣческой природѣ, можетъ служить, напримѣръ,

Digitized by Google

романъ *Семейство Гаррисовъ*, анонимнаго автора. Пріятное же исключеніе изъ ряда скучныхъ нравственныхъ романовъ представляетъ повѣсть Эммы Маршаллъ: *Кристабель Кингскотъ*. Это одно изъ тѣхъ немногихъ произведеній въ которыхъ религіозное направленіе весьма удачно проникаетъ вымыселъ, нисколько не лишая его занимательности.

Изъ романовъ нѣсколько выдающихся изъ общаго ряда укажемъ на произведеніе анонимнаго автора: „Лѣтописи жизни богатой событіями“ (*Annals of an eventfull Life.* 3 vols. 1870). Въ немъ многое обличаетъ еще неопытность автора, но въ то же время онъ не слѣдуетъ избитымъ путемъ. Первая часть романа, повидимому, написана авторомъ чтобъ имѣть случай изложить воспоминанія своего дѣтства, и въ особенности годы проведенные имъ въ это время своей жизни въ Вестъ-Индіи. Впрочемъ, онъ удачно сумѣлъ этимъ воспользоваться для нѣкоторыхъ прекрасныхъ описаній вестъ-индской природы и очерковъ жизни негровъ-невольниковъ до ихъ освобожденія. Затѣмъ не лишено юмора описаніе пребыванія героя, Эдварда Гельфикра, въ различныхъ школахъ и въ коллегіи. Завязка же разказа въ томъ что герой влюбляется въ молодую леди которой нравится называть себя Аретузой. Но, къ несчастью, герою никакъ не приходится оказать какія-нибудь услуги своей возлюбленной. Напримѣръ, на кораблѣ ему приходится спасать не блестящую, впечатлительную и своенравную Аретузу, а спокойную Мери Гарбери, признательность коей становится послѣ того обременительною. Все что онъ ни дѣлаетъ и ни желаетъ дѣлать для Аретузы, выходитъ такъ что какъ будто предназначено для Мери, и, наконецъ, онъ впадаетъ въ такое затруднительное положеніе что рѣшается бѣжать въ Грецію отыскать мѣсто фонтана той нимфы, имя коей носитъ его героиня. Въ Корфу его окружаетъ соблазнами страстная греческая красавица Сафо, которая открывается ему въ любви, но онъ вспоминаетъ Аретузу и возвращается домой, но поздно: его тетка умерла, оставивъ состояніе по завѣщанію другому, и затѣмъ героя постигаетъ другой ударъ,—отставка которую ему присылаетъ Аретуза. Въ послѣдней главѣ онъ, однако, возвращается къ бодрости и живетъ довольно счастливо, утѣшаясь мыслью что онъ всегда былъ вѣренъ своей любви. Этотъ романъ, во многомъ уклоняющійся отъ обыкновенныхъ формъ вымышленныхъ разказовъ, тѣмъ не менѣе отличается

Digitized by Google

живостью изложенія, многими прекрасными описаніями природы и вѣрностью многихъ характеровъ.

Другой англійскій романъ на который можно указать какъ на заслуживающій вниманія, по свѣжести и оригинальности, носитъ названіе *The Hôtel du Petit St.-Jean; a Gascon Story.* Англійскій онъ, впрочемъ, потому только что написанъ на англійскомъ языкѣ, но назвавъ его гасконскимъ разказомъ, авторъ весьма характеристично изобразилъ дѣйствительно французскіе типы и характеры и вообще всю обстановку французской провинціальной жизни. Кромѣ того, романъ отличается простотой артистическаго изложенія. *Hôtel du Petit St.-Jean* есть не болѣе какъ исторія четырехъ лѣтъ въ жизни женщины—дочери содержателя гостиницы. У нея двое поклонниковъ: чиновникъ—*employé* и офицеръ. Она отдаетъ свое сердце первому, Леонсу Дювалю, но онъ ее обманываетъ и разрушаетъ ея счастье. Второй поклонникъ, Ипполитъ, женился бы на ней, но она не можетъ уже болѣе любить. Она поступаетъ въ сестры милосердія и, наконецъ, невѣрный Леонсъ умираетъ на ея рукахъ. Кромѣ этой завязки, есть еще двѣ другія, второстепенныя, поддерживающія еще болѣе интересъ разказа. Вообще изображенія характеровъ и жизни, также какъ и описанія мѣстности, весьма живы и хороши. Весь строй провинціальной жизни намѣченъ ярко. Напримѣръ, г. и г-жа Надаръ, отецъ и мать героини, подаютъ голосъ (г. Надаръ ничего не дѣлаетъ безъ своей жены) въ пользу, какъ они говорятъ, администраціи, во всѣхъ нужныхъ и не нужныхъ случаяхъ. Они удивляются префекту, и меру, и его помощнику, если понадобится, они удивляются городовымъ сержантамъ, однимъ словомъ, всѣмъ лицамъ и чиновникамъ назначаемымъ императоромъ, маленькимъ и большимъ, начиная отъ высокихъ жандармовъ на станціи и до собаки префекта, лохматаго пуделя по имени Мусташъ. Главный интересъ книги сосредоточивается въ развитіи характера Маріи Надаръ, въ которомъ авторъ обнаружилъ весь свой талантъ. Она изображена веселою, впечатлительною, безстрашною дѣвушкой 18 лѣтъ, которая отдаетъ все свое женское сердце вполнѣ своему возлюбленному. „Да," говоритъ она по его смерти, „я отдала ему лучшую часть моей жизни, и я его прокляла за то что онъ у меня все похитилъ и ничего мнѣ не далъ взамѣнъ. А теперь *merci*, довольно и этого."

Digitized by Google

Изъ произведеній французскихъ романистовъ мы укажемъ только на одно слѣдующее: *Autour d'une source*, Густава Дроза, въ которомъ весьма ѣдко изображается настоящее французское общество. Содержаніе его слѣдующее. Разбогатѣвшій и выдвинувшійся изъ ничтожества промышленникъ *le père* Ларро имѣетъ дочь которую онъ хочетъ сдѣлать важною дамой и потому выдаетъ ее замужъ за развратнаго и промотавшагося, ничтожнаго графа де-Мантенье, наслѣдника феодальнаго замка. Въ этомъ контрастѣ положенія людей древнихъ фамилій, расточившихъ свое состояніе, съ людьми новыми, возникшими изъ ничтожества, обладающими всемогущимъ капиталомъ и одаренными способностями для исполненія обширныхъ замысловъ, выгодныхъ предпріятій и матеріальныхъ улучшеній, авторъ проводитъ мысль что при всемъ кажущемся различіи, тѣ и другіе имѣютъ большое сходство въ своихъ душевныхъ качествахъ, будучи проникнуты рѣшительно во всемъ самымъ полнымъ эгоизмомъ и не вѣря ни въ какое чувство кромѣ удовлетворенія собственнаго интереса и своихъ страстей. Способный капиталистъ, купивъ себѣ зятя, возстановляетъ замокъ въ прежнемъ величіи; выкупаетъ его помѣстья и дѣлаетъ ихъ болѣе выгодными чѣмъ прежде, но все это кажущееся благодѣяніе изображаетъ лишь эгоизмъ капитала и матеріальнаго интереса. Главное же лицо разсказа есть аббатъ Рошъ, сельскій приходскій священникъ, человѣкъ одаренный высокими качествами. Лишенный съ колыбели всѣхъ семейныхъ и родственныхъ связей, онъ поступилъ въ духовное званіе и жилъ, довольный, своимъ трудомъ въ отдаленномъ приходѣ около замка де-Мантенье, но прибытіе графа съ его прекрасною женой и вся роскошная обстановка богатой жизни смущаютъ тишину уединенія аббата. Его положеніе не вяжется съ этою мірскою суетой, и въ его любви къ графинѣ и заключается драматическій интересъ разсказа.

Остановимъ вниманіе еще на одной книгѣ, хотя она, собственно говоря, принадлежитъ не къ разряду романовъ, а къ дѣтской литературѣ. Всѣхъ кто дорожитъ этимъ отдѣломъ литературы должно порадовать появленіе такой книги какъ: *Непонятые*, написанной миссъ Флоренсой Монгомери (*Misunderstood*. By Florence Montgomery). Въ этой небольшой книжкѣ горе и радости дѣтскаго возраста разсказаны съ артистическою простотой. Инымъ, можетъ-быть,

Digitized by Google

покажется что чувства и мысли влагаемыя авторомъ дѣтямъ семи и четырехъ лѣтъ немного преувеличены для столь нѣжнаго возраста; но съ другой стороны, кому не извѣстно какъ часто и въ книгахъ, и въ жизни отказывается дѣтямъ во всякой способности думать и разсуждать. Книга миссъ Монгомери, кромѣ того, очевидно написана съ желаніемъ сообщить многіе полезные намеки и для родителей, хотя она написана такъ что можетъ быть понятна и семилѣтнему ребенку. Цѣль миссъ Монгомери была изобразить какой вредъ приносится простымъ непониманіемъ ребенка и вслѣдствіе того необдуманнымъ и поспѣшнымъ осужденіемъ порывовъ которые могутъ зависѣть отъ благородныхъ качествъ. Основаніе разказа то что у вдовца, сэръ-Эверарда Денкомба двое дѣтей: живой, впечатлительный и, пожалуй, вѣтреный, старшій Гомфри, и младшій Майльзъ, болѣе тихаго и мягкаго нрава. Сами дѣти нѣжно любятъ другъ друга, но младшій любимецъ отца, который, не понимая что поверхностная безпечность Гомфри соотвѣтствуетъ пылкому и нетерпѣливому желанію всего что можетъ дать жизнь, заключаетъ, на основаніи его безпокойнаго характера, что у него нѣтъ сердца. Мы не станемъ передавать нить всего разсказа: изложеніе содержанія, весьма незатѣйливаго, не можетъ дать полнаго понятія о достоинствахъ книги. Единственнымъ ея недостаткомъ кажется намъ грустное окончаніе, котораго вообще лучше избѣгать въ книгахъ для дѣтскаго чтенія. Желательно бы появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ, такъ какъ наша дѣтская литература положительно бѣдствуетъ отъ неурожая.

Въ Лейпцигѣ вышли два любопытныя собранія народныхъ италіянскихъ сказокъ, записанныхъ въ Сициліи нѣмецкою путешественницей Лаурой Гонценбахъ и изданныхъ съ примѣчаніями извѣстнаго знатока романской старины, Рейнгольда Кёлера (*Sicilianische Märchen, aus dem Volksmunde gesammelt.* Leipzig.) Эта книга, по отзывамъ знатоковъ, есть столь же драгоцѣнное для ученыхъ изслѣдователей обогащеніе литературы народныхъ сказокъ, сколько и желанное явленіе для обширной массы читающей публики. Изъ собственнаго заявленія собирательницы видно что 92 сказки, изданныя нынѣ, собраны были ею на сѣверной окраинѣ Сициліи, у Этны и въ Мессинѣ и ея окрестностях; такимъ образомъ еще далеко не исчерпанъ весь богатый

Digitized by Google

матеріалъ представляемый сказочнымъ міромъ этой, всегда жившей своеобразною жизнью италіянской области. Skazki переданы въ нѣмецкомъ переводѣ, буквально вѣрномъ по словамъ издателей и выполненномъ необыкновенно безыскусственно и просто, безъ тѣхъ украшеній и добавокъ отъ себя которыя такъ часто позволяютъ себѣ дѣлать издатели произведеній народной поэзіи. Составитель предисловія предлагаетъ общій обзоръ исторіи сицилійскаго народа, развитія въ немъ національнаго самосознанія, тѣхъ вліяній которымъ подпадала народная жизнь. Затѣмъ онъ переходитъ къ изложенію ряда выводовъ извлекаемыхъ изъ изданныхъ нынѣ сказокъ; онъ, повидимому, почти вовсе не допускаетъ заимствованія многихъ сказаній изъ восточныхъ источниковъ, тогда какъ примѣчанія Кёлера въ нѣкоторыхъ случаяхъ положительно подтверждаютъ фактъ этого заимствованія, которое можно было бы прослѣдить и въ большемъ еще количествѣ случаевъ. Весьма любопытный отдѣлъ собранія составляютъ skazki обязанныя своимъ происхожденіемъ новелламъ, какъ равно и нѣсколько другихъ передающихъ въ повѣствовательной формѣ отдѣльные эпизоды Ветхаго Завѣта, какъ напримѣръ исторію Товія и Іосифа; послѣднее вполнѣ естественно у народа который, при своемъ ревностномъ католицизмѣ, никогда не былъ особенно пріученъ къ чтенію Библіи. При всемъ разнообразіи новыхъ данныхъ представляемыхъ сицилійскими skazkami, нельзя не замѣтить что въ нихъ чрезвычайно слабо развито италіянское національное чувство, вытѣсняемое преобладаніемъ античныхъ мифовъ; лишь изрѣдка встрѣтится національный оттѣнокъ, но почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ оказывается плодомъ позднѣйшей, чуть не современной приставки. Это отсутствіе или слабость національнаго элемента въ skazkахъ общаго многимъ романскимъ народамъ: возникнувъ на развалинахъ и изъ смѣшенія разнообразнѣйшихъ народностей, они восприняли всю массу чуждыхъ, уже сложившихся и привлекательныхъ сказаній, какъ будто не имѣя досуга при взволнованной смѣнѣ событій, отличающей ихъ ранніе годы, перерабатывать заимствованное въ новыя, свои формы.

Престарѣлый Жюль Жаненъ, неутомимо подвизаясь еще на литературномъ поприщѣ, издалъ недавно большую книгу

Digitized by Google

въ своемъ обычномъ родѣ, подъ весьма оригинальнымъ названіемъ (*Le livre*, par Jules Janin). Эта книга—пространный и изящно написанный фельетонъ, достойный стать наряду съ лучшими изъ прежнихъ произведеній г. Жанена въ этомъ родѣ. Она составилась изъ ряда публичныхъ чтеній устроенныхъ авторомъ на виллѣ его въ Пасси, во время послѣдней всемірной выставки. Цѣлью этихъ лекцій было набросать рядъ очерковъ изъ исторіи *книги*, то-есть изъ всего громаднаго періода печатной литературы. Книга является тутъ не съ технической только стороны ея выполненія: исторія развитія типографскаго искусства остается почти чужда изслѣдователю. Онъ разсматриваетъ книгу по преимуществу какъ проводникъ цивилизаціи, разума, свободы, и съ этой стороны его трудъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общій обзоръ развитія человѣческой мысли, тѣхъ преслѣдованій которымъ она подвергалась, тѣхъ волненій которыя она испытывала. Чтенія Жанена не имѣютъ строгой послѣдовательности и, хотя его новая книга раздѣлена на пятнадцать *дней* или лекцій, онъ съ обычною легкостью группируетъ въ отдѣльныхъ этюдахъ лица, событія и произведенія самыхъ различныхъ временъ и народовъ. Во всемъ этомъ мало особенно новыхъ фактовъ или соображеній, многое было и до Жанена уже высказано другими писателями; но обширная начитанность въ связи съ изящнымъ изложеніемъ, рѣдкимъ даже во французской беллетристикѣ, дѣлаютъ новое произведеніе знаменитаго фельетониста привлекательнымъ, убѣждая читателя еще разъ въ завидной живучести его таланта.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Гл. I—VI. *Барона Ѳ. А. Бюлера.* 5

Общее благо. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. *И. Н. Манна.* 60

Алексисъ и Дора. Стихотвореніе. *А. Н. Майкова.* . . . 166

Судебная реформа по отношенію къ преподавателямъ юридическихъ наукъ. *Н. К. Реннекампфа.* . . . 171

Турція и ея реформы по отношенію къ Россіи. *П. К. Щебальскаго.* 201

Мюнхенская международная художественная выставка. Гл. IX—XI. *А. М. Матушинскаго.* 236

Польскіе агенты въ Царѣградѣ. (Окончаніе.) *В. И. Кельсіева.* 260

Гродненскій сеймъ 1793 года. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Гл. I—II. *Д. И. Иловайскаго.* 274

Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Прологъ. 314

Царскій сокольникъ. Историческая повѣсть. Часть первая. *Н. Бицына.* 347

Очерки иностранной литературы. 394

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Булгамптонскій викарій. Романъ Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXX—XXXII.

Двадцать тысячъ льё подъ водой. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. I—V.

Digitized by Google

ФЕВРАЛЬ.

Стр.

Самостоятельное начало душевныхъ явленій. Психо-физіологическое изслѣдованіе. *Г. Ѳ. Струве.* 435
Мюнхенская международная художественная выставка. (Окончаніе.) *А. М. Матушинскаго.* 514
Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Гл. VII—IX. *Барона Ѳ. А. Бюлера* 549
Тюремный міръ. Гл. II—III. *Н. Реутскаго.* 591
Подспудныя силы. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая. Гл. I—VII. *И. А. Чаева.* 622
Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Сцена первая. Гл. I—VI. 696
Царскій сокольникъ. Историческая повѣсть. Часть вторая. *Н. Бицына.* 740
Событіе въ нигилистическомъ мірѣ. Домашній разговоръ. *Варѳоломѣя Кочнева.* 813
Очерки иностранной литературы. 835

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Двадцать тысячъ льё подъ водой. Разказъ Жюля Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. VI—X.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ:

I.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный по современнымъ словарямъ Ананьевымъ, Ясенецкимъ и Лебединскимъ, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Въ этомъ словарѣ помѣщены всѣ слова, находящіяся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей, начиная съ древнѣйшихъ амятниковъ римской письменности до конца шестаго столѣтія по Р. Х., а равно всѣ собственныя имена (миѳологическія, историческія и географическія) изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія.

II.

СОКРАЩЕННЫЙ ЛАТИНСКІЙ СЛОВАРЬ

Ананьева, Ясенецкаго и Лебединскаго, изданный

П. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Этотъ словарь есть сокращеніе предыдущаго словаря. Слова и обороты, находящіеся въ сочиненіяхъ латинскихъ писателей такъ-называемыхъ золотаго и серебрянаго вѣка, за исключеніемъ лишь сочиненій спеціальнаго содержанія (какъ напримѣръ Varronis de re rustica, Vitruvii de architectura, Celsii de medicina, Plinii Naturalis Historia), а равно собственныя имена изъ сочиненій Цицерона, Цезаря, Саллюстія, Непота, Ливія, Виргилія, Горація и Овидія, объяснены въ сокращенномъ словарѣ столь же подробно какъ и въ полномъ. Кромѣ того, для употребленія книги въ духовныхъ училищахъ, въ сокращенномъ словарѣ удержаны слова, встрѣчающіяся у отцовъ западной церкви или такъ-называемыхъ церковныхъ писателей.

Полный словарь заключаетъ въ себѣ 910 страницъ въ четвертку, въ три столбца, по 78 строчекъ въ столбцѣ. Сокращенный 1.130 страницъ въ восьмушку, въ два столбца, по 65 строчекъ въ столбцѣ.

Digitized by Google

Цѣна Полнаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга четыре руб. сер. Въ конторѣ можно получать Полный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за пять экземпляровъ получаетъ одинъ экземпляръ безплатно; платящій за восемь экземпл. получаетъ два экземпляра безплатно; платящій за семьдесятъ пять экземпляровъ получаетъ двадцать пять экземпл. безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соотвѣтственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому на шесть и на семь оплаченныхъ экземпляровъ выдается по одному экземпляру безплатно; на девять, десять, одиннадцать и двѣнадцать—по два; на тринадцать, четырнадцать и пятнадцать—по три и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экземпляръ Полнаго Словаря за пять фунтовъ. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать экземпляровъ прилагаетъ за шестнадцать экземпляровъ шестьдесятъ четыре рубля, и сверхъ того вѣсовыхъ за сто фунтовъ.

Цѣна Сокращеннаго Латинскаго Словаря у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга три руб. сер. Въ конторѣ можно получать Сокращенный Латинскій Словарь на слѣдующихъ условіяхъ: платящій за десять экз. получаетъ два экз. безплатно; платящій за двадцать экз. получаетъ пять экз. безплатно; платящій за двадцать пять экз. получаетъ семь экз. безплатно; платящій за сто пятьдесятъ экз. получаетъ пятьдесятъ экз. безплатно; платящій за четыреста экз. получаетъ двѣсти экз. безплатно.

Безплатные экземпляры отпускаются лишь на полное соотвѣтственное число оплаченныхъ экземпляровъ. Поэтому оплатившій отъ десяти до девятнадцати экземпляровъ получаетъ два экземпляра безплатно; оплатившій отъ двадцати до двадцати четырехъ—пять экз.; оплатившій отъ двадцати пяти до тридцати четырехъ—семь экз.; оплатившій отъ тридцати пяти до сорока четырехъ—девять экз.; оплатившій отъ сорока пяти до сорока девяти—двѣнадцать экз. и т. д.

За пересылку прилагается на каждый отпускаемый экз. Сокращеннаго Словаря за четыре фунта. Такъ, напримѣръ, выписывающій двадцать пять экз. прилагаетъ за двадцать экз. шестьдесятъ рублей, и сверхъ того вѣсовыхъ за 400 фунтовъ.

Менѣе шести экземпляровъ Полнаго и двѣнадцати экз. Сокращеннаго Словаря получать отъ конторы нельзя; отпуска въ кредитъ или на коммиссію нѣтъ.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 k., съ перес. 50 k.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ае. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 k., съ пер. 1 р. 50 k.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 k., съ пересылкой 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 k. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 k., съ перес. 2 р.

Digitized by Google

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюля Верна. М. 1870. Ц. 75 k., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 k., съ пер. 85 k.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 k., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

Digitized by Google

ступилъ вечеръ 4го ноября, а подводная тайна по-прежнему оставалась тайной.

На слѣдующій день, 5го ноября, въ полдень, оканчивался назначенный срокъ. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ капитанъ Фаррагутъ, вѣрный своему обѣщанію, долженъ былъ отдать приказаніе повернуть къ юго-востоку и покинуть сѣверныя области Тихаго океана.

Фрегатъ находился подъ 31° 15′ сѣверной широты и подъ 136° 42′ долготы. Японскіе острова лежали подъ вѣтромъ на разстояніи отъ насъ менѣе двухсотъ миль. Ночь приближалась. Пробило восемь часовъ. Большія облака скрывали дискъ луны, стоявшей тогда на первой четверти. Волны равномѣрно плескали и разбивались о форъ-штевень фрегата.

Въ эту минуту я стоялъ на носу, опираясь на сѣти по бокамъ штирборда. Консель расположился возлѣ меня и смотрѣлъ впередъ. Экипажъ, забравшись на ванты, вглядывался въ горизонтъ, который постепенно суживался и темнѣлъ. Офицеры, вооружившись своими ночными подзорными трубками, силились различить что-либо въ сгущавшейся темнотѣ. По временамъ море вдругъ озолотится лучомъ луны который мелькнетъ изъ-за тонкихъ изсѣченныхъ краевъ двухъ сосѣднихъ облаковъ. Потомъ всякій слѣдъ огня потонетъ въ сумракѣ.

Наблюдая за выраженіемъ лица Конселя, я замѣтилъ что добрый малый до нѣкоторой степени подчинялся общему настроенію. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. Можетъ-быть, и вѣроятно въ первый разъ въ жизни, нервы его напрягались подъ вліяніемъ любопытства.

— Вотъ, Консель, заговорилъ я,—намъ въ послѣдній разъ представляется случай положить въ карманъ двѣ тысячи долларовъ.

— Съ позволенія ихъ милости, отвѣчалъ Консель, — я никогда не разчитывалъ на эту премію; правительство Союза могло обѣщать сто тысячъ и не сдѣлалось бы отъ того бѣднѣе.

— Правда, Консель. Дѣло вышло глупое, и мы слишкомъ легкомысленно впутались въ него. Сколько потеряннаго времени, напрасныхъ волненій! Мы бы еще шесть мѣсяцевъ назадъ пріѣхали уже во Францію....

— И жили бы въ маленькой квартиркѣ ихъ милости, въ Музеѣ. И я распредѣлилъ бы по классамъ ископаемыхъ

Digitized by Google

ихъ милости! И индѣйская свинка ихъ милости была бы помѣщена въ своей клѣткѣ въ Ботаническомъ саду и привлекла бы всѣхъ любопытныхъ столицы!

— Все это правда, Консель, уже не говоря о томъ что надъ нами вѣроятно будутъ смѣяться.

— Да, отвѣчалъ спокойно Консель,—я думаю что надъ ихъ милостью будутъ смѣяться. И не знаю, говорить ли....

— Надо все говорить, Консель.

— Ну такъ, я думаю что ихъ милость это заслужили.

— Право?

— Когда имѣешь честь быть такимъ ученымъ какъ ихъ милость, то не слѣдуетъ подвергать себя....

Консель не кончилъ своей любезности. Среди общей тишины раздался голосъ. Это былъ голосъ Недъ-Ланда, и онъ кричалъ:

— Ого! наше-то искомое подъ вѣтромъ, насупротивъ насъ!

ГЛАВА VI.

На всѣхъ парахъ.

При этомъ крикѣ весь экипажъ бросился къ китолову: капитанъ, офицеры, боцманы, матросы, юнги; даже инженеры оставили машину и кочегары свои печи. Былъ отданъ приказъ остановиться, и фрегатъ шелъ лишь вслѣдствіе сообщеннаго ему прежде движенія.

Насъ окружалъ непроницаемый мракъ, и несмотря на все превосходство зрѣнія Канадца, я невольно спрашивалъ себя какъ онъ могъ видѣть и что онъ могъ видѣть. Сердце мое билось, какъ будто хотѣло разорваться на части.

Но Недъ-Ландъ не ошибался, и мы всѣ увидали предметъ на который онъ указывалъ рукой.

На разстояніи двухъ кабельтовыхъ отъ кормы штирборда *Авраама Линкольна* море казалось освѣщеннымъ снизу. Свѣтъ этотъ нельзя было принять за простое фосфорическое явленіе. Чудовище лежало нѣсколькими саженями ниже поверхности моря и распространяло вокругъ то весьма яркое, необъяснимое сіяніе, о которомъ многіе капитаны упоминали въ своихъ отчетахъ. Это великолѣпное лучеиспусканіе было произведено, безъ сомнѣнія, дѣятелемъ необыкновенной

Digitized by Google

силы. Свѣтящееся пространство представляло форму огромнаго, очень удлиненнаго овала; въ серединѣ его, какъ въ фокусѣ, сосредоточивался необыкновенно яркій блескъ, невыносимое сіяніе котораго къ окружности постепенно ослабѣвало.

— Это огромное скопленіе фосфорическихъ животныхъ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ,—и ничего болѣе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я рѣшительно. — Никогда фолады и сальпы не производятъ такого сильнаго сіянія. Свѣтъ этотъ чисто электрическій. Притомъ же.... Смотрите, смотрите! Онъ перемѣщается, онъ движется впередъ.... назадъ! Онъ устремляется на насъ!

Общій крикъ раздался на палубѣ.

— Молчать! скомандовалъ капитанъ Фаррагутъ. — Руль на вѣтеръ и на бортъ! машина, задній ходъ!

Матросы бросились къ рулю, инженеры къ машинѣ. Машинѣ данъ задній ходъ, и *Авраамъ Линкольнъ*, повернувшись на бакбортѣ, описалъ полукругъ.

— Прямо руль! Передній ходъ! командовалъ капитанъ Фаррагутъ.

Приказанія эти были исполнены, и *Авраамъ Линкольнъ* поспѣшно удалялся отъ сіявшаго круга.

Я ошибаюсь. Онъ хотѣлъ удалиться, но непостижимое животное приближалось съ двойною скоростью.

Мы стояли нѣмы и неподвижны, задыхаясь отъ изумленія болѣе чѣмъ отъ страха. Животное приближалось къ намъ какъ бы играя. Оно обогнуло фрегатъ двигавшійся съ быстротой четырнадцати узловъ, обдавая его своими электрическими волнами какъ сіяющею пылью. Потомъ удалилось на разстояніе двухъ или трехъ миль, оставляя за собой фосфорическій слѣдъ, похожій на клубы пара, которые выбрасываетъ локомотивъ экстреннаго поѣзда. Вдругъ отъ темныхъ краевъ горизонта, куда оно отодвинулось чтобъ имѣть мѣсто разбѣжаться, чудовище внезапно, со страшною быстротой, устремилось къ *Аврааму Линкольну*, остановилось неожиданно на разстояніи футовъ двадцати и погасло, и притомъ вдругъ, какъ будто источникъ разсыпавшій эти лучи мгновенно изсякъ. Потомъ оно появилось по другую сторону корабля, — обошло ли оно его, или проскользнуло подъ нимъ. Каждую минуту могло случиться гибельное для насъ столкновеніе.

Между тѣмъ маневры фрегата изумляли меня. Онъ бѣжалъ

Digitized by Google

и не думалъ нападать. Фрегатъ долженъ былъ преслѣдовать, а оказалось что его преслѣдовали, и я замѣтилъ это капитану. Лицо его, обыкновенно безстрастное, выражало въ эту минуту глубочайшее изумленіе.

— Господинъ Аронаксъ, отвѣчалъ онъ, — я не знаю съ какимъ страшнымъ существомъ имѣю дѣло, и не могу въ такую темноту подвергать опасности свой фрегатъ. Да и какъ нападать на то чего не знаешь, противъ чего не можешь защищаться. Подождемъ разсвѣта, и тогда роли перемѣнятся.

— Теперь вы не сомнѣваетесь больше насчетъ породы этого животнаго, капитанъ?

— Да, это очевидно огромный нарвалъ, но нарвалъ электрическій.

— Можетъ-быть, сказалъ я, — къ нему также нельзя приближаться какъ къ электрическому угрю!

— Дѣйствительно, отвѣчалъ капитанъ, — и если оно обладаетъ еще разрушающею силой, то это, безъ сомнѣнія, самое страшное животное когда-либо выходившее изъ рукъ Творца. Потому я и долженъ остерегаться.

Всю ночь экипажъ былъ на ногахъ. Никто не думалъ о снѣ. *Авраамъ Линкольнъ*, не будучи въ состояніи соперничать съ нарваломъ въ быстротѣ, умѣрилъ ходъ и не прибавлялъ паровъ. Въ свою очередь нарвалъ, подражая фрегату, лѣниво качался на волнахъ и, повидимому, не располагалъ оставлять поле сраженія.

Около полуночи однако онъ исчезъ или, вѣрнѣе, угасъ, какъ огромный свѣтящійся червякъ. Не скрылся ли онъ? Мы не смѣли желать этого. Но въ часъ безъ семи минутъ послышался оглушительный свистъ, похожій на шумъ производимый столбомъ воды бьющей съ необыкновенною силой.

Капитанъ Фаррагутъ, Недъ и я, мы находились въ это время на ютѣ, съ жадностью вглядываясь въ глубокій мракъ ночи.

— Недъ-Ландъ, спросилъ капитанъ,—часто ли вамъ случалось слышать ревъ китовъ?

— Часто, капитанъ, но никогда еще такихъ, появленіе которыхъ приносило бы мнѣ двѣ тысячи долларовъ.

— Да, вы имѣете право на премію. Но скажите, вѣдь шумъ этотъ похожъ на тотъ который производятъ киты выбрасывая воду изъ носовыхъ отверстій.

Digitized by Google

— Очень похожъ, но только несравненно сильнѣе. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, предъ нами китъ. Съ вашего позволенія, прибавилъ Недъ, — завтра на восходѣ солнца мы скажемъ ему слова два.

— Если только онъ пожелаетъ васъ слушать, Недъ, сказалъ я нерѣшительно.

— Только бы мнѣ удалось подойти къ нему на разстояніе четырехъ остротъ, возразилъ Канадецъ, — онъ долженъ будетъ меня выслушать.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ придется дать въ ваше распоряженіе вельботъ, замѣтилъ капитанъ.

— Конечно.

— Но вѣдь это значитъ рисковать жизнію моихъ людей?

— И моею также! спокойно отвѣтилъ китоловъ.

Часа въ два утра, въ пяти миляхъ подъ вѣтромъ отъ *Авраама Линкольна*, снова появился свѣтящійся кругъ, столь же яркій какъ и прежде. Несмотря на разстояніе, на шумъ вѣтра и моря, ясно были слышны страшные удары хвоста животнаго и даже его прерывистое дыханіе. Казалось что въ ту минуту какъ этотъ огромный нарвалъ переводилъ дыханіе на поверхности океана, воздухъ сгущался въ его легкихъ, какъ паръ въ обширныхъ цилиндрахъ машины въ двѣ тысячи лошадиныхъ силъ.

„Ну! думалъ я: — хорошъ китъ обладающій силою цѣлаго кавалерійскаго полка!“

Всѣ были на сторожѣ до самаго утра и готовились къ бою. Вдоль бортовъ разставлены были всѣ орудія для рыбной ловли. Подшкиперъ велѣлъ приготовить мушкетоны бросающіе остроту на разстояніи цѣлой мили и зарядить длинныя ружья разрывными пулями, ударъ которыхъ смертеленъ даже для самыхъ сильныхъ животныхъ. Недъ-Ландъ ограничился тѣмъ что наточилъ свою остроту—оружіе страшное въ его рукѣ.

Въ шесть часовъ заря начала заниматься и, при появленіи первыхъ лучей утренняго солнца, исчезъ электрическій свѣтъ нарвала. Въ семь часовъ было довольно свѣтло, но густой туманъ окутывалъ горизонтъ, и предъ нимъ оставались безсильными лучшія подзорныя трубы Отсюда разочарованіе и досада.

Я взобрался на бизань. Нѣкоторые офицеры уже торчали на верхушкахъ мачтъ.

Digitized by Google

Въ восемь часовъ туманъ медленно разорвался надъ волнами, и широкія полосы его постепенно поднимались. Горизонтъ сталъ шире и въ то же время чище. Вдругъ, какъ наканунѣ, раздался голосъ Недъ-Ланда.

— Оно лежитъ влѣво позади корабля! кричалъ китоловъ.

Всѣ взгляды обратились къ указанной точкѣ. Тамъ, на разстояніи полуторы мили отъ фрегата, длинное черное тѣло выставлялось на одинъ метръ надъ поверхностью моря. Его хвостъ быстро работалъ въ водѣ и производилъ водоворотъ. Никогда еще этотъ органъ не разбивалъ волнъ съ такою силой. Огромная струя ослѣпительной бѣлизны обозначала путь животнаго и описывала продолговатую изогнутую линію.

Фрегатъ приблизился къ киту. Я смотрѣлъ на него совершенно свободно. Донесенія *Шаннона* и *Гельвеціи* нѣсколько преувеличили его размѣры. По моему вычисленію, длина его не превышала двухсотъ пятидесяти футовъ. Что же касается до его толщины, то трудно было опредѣлить ее; но мнѣ вообще казалось, что животное необыкновенно пропорціонально во всѣхъ своихъ частяхъ.

Въ то время какъ я разсматривалъ это замѣчательное существо, изъ его носовыхъ отверстій брызнули два столба воды и поднялись на высоту сорока метровъ. Теперь я составилъ себѣ понятіе объ образѣ его дыханія, и заключилъ что животное, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ подъ-классу чревосумчатыхъ, къ группѣ рыбовидныхъ, къ отряду китовъ, къ семейству.... но здѣсь я еще не могъ рѣшить. Отрядъ китовидныхъ имѣетъ три семьи: киты, кашелоты и дельфины, и къ этимъ послѣднимъ относятся нарвалы. Каждая изъ этихъ семей раздѣляется на роды, каждый родъ на виды, а виды на разновидности. Мнѣ еще не доставало разновидности, вида, рода и семьи, но я былъ увѣренъ что пополню этотъ пробѣлъ, съ помощью Неба и капитана Фаррагута.

Экипажъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ приказаній своего начальника. Послѣдній наблюдалъ внимательно за животнымъ, и наконецъ велѣлъ позвать инженера. Инженеръ явился.

— Готовы ли вы? спросилъ капитанъ.

— Совершенно, отвѣчалъ инженеръ.

— Хорошо. Усильте огни и—на всѣхъ парахъ!

Троекратное *ура* привѣтствовало это приказаніе. Часъ борьбы наступилъ. Нѣсколько минутъ спустя обѣ трубы фрегата

Digitized by Google

извергали потоки чернаго дыма, и палуба потрясалась отъ клокотанія въ котлахъ. Повинуясь движеніямъ своего винта, *Авраамъ Линкольнъ* устремился прямо на животное. Оно равнодушно лежало, и фрегатъ подошелъ къ нему на разстояніе полу-кабельтова; потомъ, не погружаясь даже въ воду, животное начало тихонько подвигаться впередъ, держась въ прежнемъ разстояніи отъ фрегата. Преслѣдованіе продолжалось по крайней мѣрѣ три четверти часа, но фрегатъ не выигралъ ни одной сажени. Было очевидно что при такой скорости его не догонишь.

Капитанъ Фаррагутъ съ бѣшенствомъ теребилъ густую бородку украшавшую его подбородокъ.

— Недъ-Ландъ! крикнулъ онъ.

Канадецъ явился.

— Ну, мистеръ Ландъ, сказалъ капитанъ,—посовѣтуете ли вы мнѣ теперь спустить шлюпки?

— Нѣтъ, капитанъ, отвѣчалъ Недъ.—Къ нему не подойдемъ, если оно не захочетъ подпустить. Усильте пары, если можно, капитанъ. Что до меня, то я, съ вашего позволенія разумѣется, помѣщусь на ватерштагѣ, и если мы приблизимся на длину остроги, то я пущу ее.

— Ступайте, отвѣчалъ капитанъ Фаррагутъ.—Инженеръ, скомандовалъ онъ,—усильте давленіе!

Недъ-Ландъ отправился на свое мѣсто. Огни были пущены сильнѣе. Винтъ дѣлалъ сорокъ три оборота въ минуту, и паръ устремился черезъ клапаны. Бросили лагъ и убѣдились что фрегатъ дѣлаетъ осьмнадцать миль и пять десятыхъ въ часъ.

Но проклятое животное въ свою очередь шло по осьмнадцати миль пяти десятыхъ.

Цѣлый часъ фрегатъ шелъ такимъ ходомъ и не выигралъ ни одной сажени. Это было оскорбительно для одного изъ лучшихъ судовъ американскаго флота. Экипажъ злился. Матросы осыпали чудовище бранью, но оно не удостоивало ихъ отвѣтомъ. Капитанъ Фаррагутъ уже не теребилъ свою бородку: онъ кусалъ ее.

Опять позвали инженера.

— Вы достигли высшей точки давленія? спросилъ капитанъ.

— Да, отвѣчалъ инженеръ.

— А ваши клапаны нажаты?

— До шести съ половиной атмосферъ.

Digitized by Google

— Доведите до десяти.

Вотъ чисто американское приказаніе. Даже на Миссисипи, чтобъ опередить соперника, не могли бы сдѣлать лучше.

— Консель, сказалъ я своему вѣрному слугѣ, стоявшему возлѣ меня,—знаешь ли ты что мы, по всей вѣроятности, взлетимъ на воздухъ?

— Какъ будетъ угодно ихъ милости! отвѣчалъ Консель.

А я долженъ признаться что мнѣ до нѣкоторой степени было пріятно рискнуть на это.

Запасные клапаны были нажаты. Уголь накиданъ въ печи. Вентиляторы посылали цѣлые потоки воздуха въ жаровни. Быстрота *Авраама Линкольна* возрастала. Мачты дрожали до самаго основанія, и клубы дыма едва могли найти проходъ въ слишкомъ узкихъ трубахъ.

Лагъ бросили еще разъ.

— Ну, рулевой? спросилъ капитанъ.

— Девятнадцать миль и три десятыхъ.

— Усилить огни.

Инженеръ повиновался. Манометръ показывалъ десять атмосферъ. Но китъ, должно-быть, тоже „топилъ", потому что безъ малѣйшаго усилія дѣлалъ девятнадцать миль и три десятыхъ въ часъ.

Какая гонка! Нѣтъ, я не могу описать волненія потрясавшаго все мое существо. Недъ-Ландъ стоялъ на своемъ посту съ острогой въ рукѣ. Нѣсколько разъ животное допускало фрегатъ приблизиться къ себѣ.

— Мы догоняемъ! Мы догоняемъ! кричалъ Канадецъ.

Но въ ту минуту какъ онъ готовился метнуть острогу, животное исчезало съ быстротой по крайней мѣрѣ тридцати миль въ часъ. Мало того, когда фрегатъ летѣлъ на всѣхъ парахъ, китъ, какъ бы издѣваясь надъ нимъ, обошелъ его кругомъ. Со всѣхъ сторонъ раздались крики бѣшенства!

Въ полдень мы были въ сущности не далѣе чѣмъ въ восемь часовъ утра.

Капитанъ Фаррагутъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ.

— А, сказалъ онъ,—это животное плыветъ скорѣй *Авраама Линкольна*! Хорошо, мы посмотримъ опередитъ ли оно его коническую картечь. Боцманъ! Людей къ передней пушкѣ!

Пушку на бакѣ немедленно зарядили и навели. Выстрѣлъ

Digitized by Google

раздался, но ядро пролетѣло нѣсколькими футами выше кита, который находился на разстояніи полумили.

— Другой, болѣе ловкій, крикнулъ капитанъ,—и пятьсотъ долларовъ тому кто пробьетъ это адское животное.

Старый канонеръ съ сѣдою бородой, — я какъ сейчасъ вижу его, — со спокойнымъ взглядомъ, безстрастнымъ лицомъ, подошелъ къ орудію, уставилъ его, и долго цѣлился. Раздался громкій взрывъ сопровождаемый криками экипажа. Ядро достигло своей цѣли. Оно ударило въ животное, но не прямо, а скользнувъ по его выпуклой поверхности, и скрылось мили за двѣ въ морѣ.

— Чортъ возьми, сказалъ съ бѣшенствомъ старый канонеръ,—этотъ негодяй окованъ шестидюймовымъ желѣзомъ!

— Проклятіе! крикнулъ капитанъ Фаррагутъ.

Гонка началась снова, и капитанъ, наклонясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я буду преслѣдовать, пока флегатъ не взлетитъ.

— Такъ и надо, отвѣчалъ я.

Можно было надѣяться что животное утомится, что оно не будетъ такъ нечувствительно къ усталости какъ паровая машина. Но ничего не бывало. Часы проходили, и оно не выказывало ни малѣйшаго признака утомленія.

Однако къ чести *Авраама Линкольна* надо сказать что онъ боролся съ неустанною стойкостью. Я полагаю что въ этотъ злополучный день 6-го ноября онъ прошелъ не менѣе пятисотъ километровъ. Но ночь настала и одѣла мракомъ взволнованный океанъ.

Въ эту минуту мнѣ казалось что наша экспедиція окончена, что мы никогда больше не увидимъ загадочное животное. Я ошибался. Въ десять часовъ пятьдесятъ минутъ вечера электрическій свѣтъ появился снова въ трехъ миляхъ подъ вѣтромъ отъ фрегата, такой же чистый и сильный какъ и наканунѣ.

Нарвалъ былъ неподвиженъ. Можетъ-быть, утомленный дневною погоней, онъ спалъ теперь, качаясь на волнахъ. Представлялся удобный случай, и капитанъ Фаррагутъ рѣшился имъ воспользоваться.

Онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія. *Авраамъ Линкольнъ* не разводилъ большихъ паровъ, а подвигался впередъ очень осторожно, чтобы не разбудить своего противника. Нерѣдко случается встрѣчать въ открытомъ океанѣ крѣпко

Digitized by Google

заснувшихъ китовъ, которыхъ можно тогда съ успѣхомъ атаковать, и самъ Недъ прикололъ своею острогой не одного изъ нихъ во снѣ. Канадецъ снова занялъ свой постъ на-терштагѣ.

Фрегатъ приближался осторожно. Машину остановили на разстояніи двухъ кабельтовыхъ отъ животнаго, и судно шло только вслѣдствіе сообщеннаго ему прежде движенія. На бортѣ не дышали. Глубокая тишина царствовала на палубѣ. Мы находились менѣе чѣмъ на разстояніи ста футовъ отъ пылавшаго круга, свѣтъ котораго все усиливался и ослѣплялъ насъ.

Въ эту минуту, склонившись надъ перилами бака, я видѣлъ подъ собой Недъ-Ланда уцѣпившагося одною рукой за мартингалъ, другою потрясавшаго свою острогу. Только двадцать футовъ отдѣляло его отъ неподвижно лежащаго животнаго.

Вдругъ рука Неда быстро разогнулась, и острога была брошена. Раздался металлическій звукъ, какъ будто оружіе ударилось въ твердое тѣло.

Электрическій свѣтъ внезапно угасъ, и два огромные столба воды обрушились на палубу фрегата, со стремительностью потока, опрокидывая людей, ломая найтовы и мачты. Корабль былъ потрясенъ со страшною силой и, перекинутый черезъ перила, не успѣвъ во-время удержаться, я упалъ въ море.

ГЛАВА VII.

Китъ неизвѣстной породы.

Это неожиданное паденіе застало меня врасплохъ, тѣмъ не менѣе я совершенно ясно помню всѣ мои тогдашнія ощущенія.

Меня сначала увлекло на глубину приблизительно въ двадцать футовъ. Я хорошо плаваю, — хотя не имѣю притязанія сравняться съ такими мастерами какъ лордъ Байронъ и Эдгаръ Поэ,—и не потерялъ головы. Два сильные удара ногами помогли мнѣ подняться на поверхность воды.

Первою моею мыслію было отыскать глазами фрегатъ. Замѣтилъ ли экипажъ мое исчезновеніе? Повернулъ ли *Авраамъ Линкольнъ*? Спускалъ ли шлюпку капитанъ Фаррагутъ? Могу ли я надѣяться на спасеніе?

Digitized by Google

Темнота кругомъ была полнѣйшая. Я различалъ исчезавшую на востокѣ черную массу, сторожевые огни которой постепенно гасли въ отдаленіи. Это былъ фрегатъ. Гибель моя казалась неизбѣжною.

— Помогите, помогите! кричалъ я, стараясь всѣми силами плыть по направленію къ *Аврааму Линкольну*.

Платье меня стѣсняло; оно намокло, пристало къ тѣлу и затрудняло всѣ мои движенія. Меня тянуло ко дну. Я задыхался.

— Помогите!

Я не могъ больше кричать. Ротъ мой наполнился водой. Я бился, увлекаемый въ бездну....

Вдругъ сильная рука схватила меня за платье; я почувствовалъ что меня поспѣшно вытаскиваютъ на поверхность воды и услыхалъ — да, услыхалъ — слова раздавшіяся надъ моимъ ухомъ:

— Ихъ милости будетъ гораздо удобнѣе плыть, если имъ будетъ угодно сдѣлать мнѣ честь опереться на мое плечо.

Я схватилъ одною рукой руку моего вѣрнаго Конселя.

— Это ты! сказалъ я:—ты!

— Я самый, отвѣчалъ Консель,—къ услугамъ ихъ милости.

— Ты упалъ въ море въ одно время со мной?

— Нѣтъ, я не падалъ. Но такъ какъ я служу ихъ милости, то счелъ своею обязанностью слѣдовать за ними....

Честный малый находилъ это совершенно естественнымъ!

— А фрегатъ? спросилъ я.

— Фрегатъ! отвѣчалъ Консель, поворачиваясь на спину:— я посовѣтовалъ бы ихъ милости не разчитывать на него.

— Что ты?

— А то что кидаясь въ море я слышалъ какъ кричали: „винтъ и руль сломаны!“

— Сломаны?

— Да, сломаны зубомъ чудовища. Я думаю что *Авраамъ Линкольнъ* отдѣлался однимъ этимъ поврежденіемъ. Но для насъ это обстоятельство очень непріятно. Онъ не можетъ болѣе править.

— Тогда мы погибли!

— Можетъ-быть, спокойно отвѣчалъ Консель. — Однако предъ нами еще нѣсколько часовъ, а въ нѣсколько часовъ можно многое сдѣлать.

Невозмутимое хладнокровіе Конселя ободрило меня. Я

Digitized by Google

вопльлъ съ новою силой; но платье, отяжелѣвшее какъ свинецъ, отѣсняло всѣ мои движенія, и я съ большимъ трудомъ держался на водѣ. Консель это замѣтилъ.

— Позволитъ ли мнѣ ихъ милость сдѣлать имъ маленькій надрѣзъ? сказалъ онъ.

И пропустивъ открытый ножъ подъ мое платье, онъ, однимъ взмахомъ распоровъ его сверху до низу, поспѣшно освободилъ меня отъ него, а я между тѣмъ плавалъ за обоихъ.

Въ свою очередь, я оказалъ Конселю такую же услугу, и мы продолжали наше плаваніе рядомъ.

Положеніе наше, однако, было ужасно. Быть-можетъ, наше отсутствіе не было никѣмъ замѣчено, да еслибъ и замѣтили его, то фрегатъ, лишенный руля, не могъ идти къ намъ противъ вѣтра. Мы могли разчитывать только на шлюпки.

Консель обсудилъ спокойно эту гипотезу, и на этомъ основаніи составилъ планъ дѣйствія. Удивительная натура! Онъ былъ невозмутимъ какъ у себя дома.

Такъ какъ спасеніе наше зависѣло единственно отъ встрѣчи со шлюпками *Авраама Линкольна*, то мы должны были устроиться такъ чтобы быть въ состояніи держаться въ ожиданіи ихъ возможно долѣе. Мы и вздумали раздѣлить наши силы, дабы не истощить ихъ одновременно, и вотъ какъ между нами было условлено: пока одинъ лежалъ неподвижно на спинѣ, скрестивъ руки и вытянувъ ноги, другой въ это время плылъ и толкалъ его впередъ. Мы чередовались чрезъ каждыя десять минутъ и, имѣя возможность переводить духъ, надѣялись плавать въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и, можетъ-быть, до разсвѣта.

Слабая надежда! Но она такъ срослась съ человѣческимъ сердцемъ! Притомъ же насъ было двое. Наконецъ я утверждаю,—хотя это кажется невѣроятнымъ,—что еслибъ я даже захотѣлъ покончить со всякимъ самообольщеніемъ, еслибы захотѣлъ „отчаяться“, то я бы не могъ это сдѣлать!

Столкновеніе фрегата съ животнымъ произошло около одиннадцати часовъ вечера. Я разчитывалъ, слѣдовательно, что мы будемъ въ состояніи проплыть часовъ восемь, до восхода солнца. Съ роздыхами, операція эта, пожалуй, исполнима. Море было спокойно, и мы мало уставали. По временамъ я старался проникнуть взглядомъ въ глубокій мракъ, нарушаемый лишь фосфорическимъ блескомъ который производили наши движенія. Я смотрѣлъ на лучезарныя волны

Digitized by Google

разбивавшіяся о мою руку, свѣтлая поверхность которыхъ отливала синеватыми пятнами. Мы какъ будто купались въ ртутной банѣ.

Около часу по полуночи я почувствовалъ крайнюю усталость. Всѣ члены мои сводило отъ сильныхъ судорогъ. Консель долженъ былъ поддерживать меня и одинъ заботиться о нашемъ общемъ спасеніи. Скоро я услышалъ что бѣдный малый началъ тяжело дышать: ясно что онъ не въ силахъ былъ еще долго выдерживать.

— Оставь меня! оставь меня! сказалъ я.

— Покинуть ихъ милость? Никогда! отвѣчалъ онъ.—Я надѣюсь утонуть первый.

Въ эту минуту луна выглянула изъ-за темнаго облака, которое вѣтеръ уносилъ къ востоку. Поверхность моря заискрилась подъ ея лучами. Этотъ благодѣтельный свѣтъ оживилъ наши силы. Я поднялъ голову и окинулъ взглядомъ всѣ стороны горизонта. Я увидалъ фрегатъ. Онъ находился на разстояніи пяти миль отъ насъ, и представлялъ собою темную массу, которую съ трудомъ можно было различить. Но ни одной шлюпки!

Я хотѣлъ кричать, но въ виду такого разстоянія это было совершенно безполезно. Притомъ же мои распухшія губы не могли издать ни малѣйшаго звука. Консель еще могъ проговорить кое-какія слова, и я слышалъ какъ онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Къ намъ, къ намъ!

Мы остановились на одну секунду и стали прислушиваться. И что же? Шумѣло ли у меня въ ушахъ отъ сильнаго напряженія, но только мнѣ показалось что на крикъ Конселя отвѣчалъ другой крикъ.

— Ты слышалъ? проговорилъ я.

— Да, да.

И Консель испустилъ новый отчаянный крикъ.

На этотъ разъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія. Намъ отвѣчалъ человѣческій голосъ. Былъ ли это голосъ другаго несчастливца покинутаго среди океана, другой жертвы удара постигшаго корабль? А можетъ-быть, среди общаго мрака насъ окликала шлюпка посланная фрегатомъ?

Собравъ послѣднія силы и опершись на мое плечо, между тѣмъ какъ я съ крайнимъ напряженіемъ старался

Digitized by Google

удержаться, Консель до половины выставился изъ воды и тотчасъ же упалъ обезсиленный.

— Что ты видѣлъ?

— Я видѣлъ.... прошепталъ онъ,—я видѣлъ.... но не будемте говорить.... побережемъ наши силы....

Что увидѣлъ онъ? Въ эту минуту, самъ не знаю почему, я въ первый разъ вспомнилъ про чудовище! Но этотъ голосъ!... Давно миновало то время когда Іоны находили убѣжище во чревѣ китовъ.

Консель однако продолжалъ подвигать меня впередъ. По временамъ онъ поднималъ голову, смотрѣлъ впередъ и вскрикивалъ. Ему отвѣчалъ другой голосъ, все болѣе къ намъ приближавшійся. Я съ трудомъ могъ различать его. Силы мои истощились; пальцы расходились; рука отказывалась служить опорой; ротъ, судорожно открытый, захлебывался соленой водой; мнѣ становилось холодно. Я поднялъ голову въ послѣдній разъ и затѣмъ сталъ погружаться....

Въ эту минуту меня толкнуло что-то твердое; я уцѣпился за него. Потомъ почувствовалъ что меня вытаскиваютъ на поверхность воды, что грудь моя облегчается, и я потерялъ сознаніе....

Меня стали усердно растирать; и я скоро опомнился и открылъ глаза.

— Консель! прошепталъ я.

— Ихъ милость изволили звать? отвѣчалъ Консель.

Тутъ, при послѣднихъ лучахъ заходившей луны, я увидалъ фигуру которая не походила на Конселя и которую я тотчасъ узналъ.

— Недъ! вскрикнулъ я.

— Онъ самый, господинъ профессоръ, и преслѣдуетъ свою добычу, отвѣчалъ Канадецъ.

— Вы упали въ море при потрясеніи фрегата?

— Да, господинъ профессоръ, но я былъ счастливѣе васъ, и могъ тотчасъ же пристать къ плавающему острову.

— Острову?

— Да; говоря точнѣе, къ вашему огромному нарвалу.

— Объяснитесь, Недъ.

— И я тотчасъ понялъ почему моя острога не проколола его, а притупилась ударившись о его кожу.

— Почему, Недъ, почему?

Digitized by Google

— Потому что это животное, господинъ профессоръ, покрыто листовымъ желѣзомъ.

Послѣднія слова Канадца произвели внезапный переворотъ въ моихъ мысляхъ. Я поспѣшно выпрямился и сталъ на этомъ существѣ или предметѣ полу-погруженномъ въ воду и служившемъ намъ убѣжищемъ. Я попробовалъ ногой. Это было, очевидно, что-то твердое, жесткое, а не мягкая, рыхлая масса, образующая тѣло большихъ морскихъ млекопитающихъ.

Но это могъ быть твердый, костяной черепъ, въ родѣ тѣхъ что были у допотопныхъ животныхъ, и въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы только отнести чудовище къ разряду земноводныхъ пресмыкающихся, каковы черепахи и крокодилы.

И этого нѣтъ! Черноватая поверхность на которой я стоялъ была гладка, выполирована, но не черепицеобразна. При ударѣ она издавала металлическій звукъ, и какъ это ни было невѣроятно, но она казалось — да что я говорю? — она дѣйствительно была сдѣлана изъ листоваго желѣза.

Сомнѣнія не было! Животное, чудовище, естественное явленіе поставившее въ тупикъ весь ученый міръ, взволновавшее и напугавшее воображеніе моряковъ обоихъ полушарій, оказывалось такимъ образомъ явленіемъ еще болѣе удивительнымъ, произведеніемъ рукъ человѣческихъ. Открытіе самаго баснословнаго, самаго загадочнаго существа не удивило бы меня въ такой степени. Естественно что чудесное исходитъ отъ Создателя. Но увидать вдругъ, собственными глазами, невозможное, таинственно осуществленное человѣческими силами, — это хоть кого собьетъ съ толку.

Однако, долго раздумывать было нечего. Мы лежали на поверхности огромнаго подводнаго судна, имѣющаго, сколько я могъ судить, форму огромной стальной рыбы. Мнѣніе Недъ-Ланда на этотъ счетъ уже установилось. Намъ съ Конселемъ оставалось только принять его.

— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ я,—это судно заключаетъ въ себѣ машину приводящую его въ движеніе и экипажъ который имъ управляетъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ китоловъ,— но вотъ уже три часа какъ я обитаю этотъ плавучій островъ и не замѣчаю никакого признака жизни.

— Какъ! судно это не двигалось?

Digitized by Google

— Нѣтъ, господинъ Аронаксъ,—оно качается на волнахъ но стоитъ все на томъ же мѣстѣ.

— Но вѣдь мы знаемъ какъ нельзя лучше что оно двигается съ необычайною быстротой. И такъ какъ для того чтобы двигать его необходима машина, а машиной долженъ управлять механикъ, то я отсюда заключаю.... что мы спасены.

— Гм!... сказалъ Недъ нерѣшительно.

Въ эту минуту, какъ будто въ подтвержденіе справедливости моей аргументаціи, послышалось кипѣніе на заднемъ концѣ этого удивительнаго судна, и оно пришло въ движеніе, очевидно направляемое винтомъ. Мы едва успѣли уцѣпиться за верхнюю часть, выдававшуюся изъ воды приблизительно на восемьдесятъ сантиметровъ. Къ счастію, судно двигалось не очень быстро.

— Пока оно идетъ горизонтально, еще ничего, проговорилъ Недъ-Лендъ. — Но если ему вздумается нырнуть, то я не дамъ двухъ долларовъ за свою кожу.

Канадецъ могъ бы назначить еще менѣе. Становилось необходимымъ вступить въ сношеніе съ тѣми существами которыя обитали во внутренности этой машины. Я искалъ на ея поверхности какого-либо отверстія, какой-либо подъемной доски, какого-нибудь входа и выхода для людей; но ряды болтовъ скрѣпляли плотно листы желѣза между собой и были расположены правильно и однообразно. Къ тому же луна скоро исчезла, и мы остались въ глубокой темнотѣ. Надо было дождаться дня чтобы пріискать средства проникнуть въ подводное судно. Итакъ наше спасеніе вполнѣ зависѣло отъ прихоти таинственныхъ мореплавателей управлявшихъ судномъ, и еслибъ имъ пришла охота нырнуть, мы бы пропали. Но помимо этого, я не сомнѣвался въ возможности вступить съ ними въ сношеніе. И въ самомъ дѣлѣ, если они не сами приготовляли себѣ воздухъ, то имъ необходимо было возвращаться отъ времени до времени на поверхность Океана, дабы возобновить свой запасъ потребнаго для дыханія вещества. Отсюда необходимость отверстія посредствомъ котораго внутренность судна могла бы сообщаться съ атмосферой.

Что же касается до надежды на помощь со стороны капитана Фаррагута, то на это пришлось окончательно махнуть рукой. Насъ увлекало къ западу, а мы подвигались съ

Digitized by Google

быстротой, полагаю, двѣнадцати миль въ часъ. Винтъ разбивалъ волны съ математическою вѣрностію, по временамъ высоко взбрасывая воду, сіявшую фосфорическимъ блескомъ.

Около четырехъ часовъ утра судно пошло скорѣе. Мы съ трудомъ могли удерживаться, и волны хлестали насъ со всѣхъ сторонъ. Къ счастію, Недъ ощупалъ рукой широкое якорное кольцо, вдѣланное на поверхности листоваго желѣза, и мы постарались крѣпко за него уцѣпиться.

Миновала наконецъ эта долгая ночь. Не могу съ точностью припомнить всѣ мои тогдашнія впечатлѣнія. Только одно обстоятельство приходитъ мнѣ теперь на память. Въ тѣ минуты когда на морѣ водворялось непродолжительное спокойствіе, и вѣтеръ стихалъ, мнѣ казалось что до меня доносились какіе-то неопредѣленные звуки, что-то въ родѣ мимолетной гармоніи производимой отдаленными аккордами. Какую тайну заключало въ себѣ это подводное судно, разгадки которой всѣ доискивались безуспѣшно? Какіе странныя существа населяли его?

Окружавшій насъ утренній туманъ не замедлилъ разсѣяться. Я готовился уже приступить къ тщательному изслѣдованію корпуса, на верхней части котораго виднѣлось нѣчто въ родѣ горизонтальной платформы, какъ вдругъ почувствовалъ что мы постепенно погружаемся.

— А, тысячу чертей! закричалъ Недъ-Ландъ, топая ногой по звонкому желѣзу:—отворите же наконецъ, негостепріимные мореплаватели!

Но было трудно что-нибудь разслышать, при оглушительномъ шумѣ который производилъ винтъ. Къ счастію, судно перестало погружаться.

Вдругъ изнутри раздался шумъ засововъ, поспѣшно отодвигаемыхъ. Одна плита поднялась, показался человѣкъ, издалъ какое-то странное восклицаніе и тотчасъ исчезъ.

Нѣсколько минутъ спустя появились восемь здоровыхъ молодцовъ, съ закрытыми лицами, и молча увлекли насъ во внутренность страшнаго судна.

ГЛАВА VIII.

Mobilis in Mobile.

Это безцеремонное похищеніе совершилось съ быстротой молніи. Мы не успѣли опомниться. Не знаю что̀ чувствовали мои товарищи, когда ихъ тащили въ эту плавающую тюрьму;

Digitized by Google

что до меня, то холодная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Съ кѣмъ имѣли мы дѣло? Безъ сомнѣнія, съ какими-нибудь пиратами новаго рода, которые по-своему эксплуатировали море.

Едва узкая дверь опустилась за мной, какъ меня окружила совершенная темнота. Глаза привыкшіе къ дневному свѣту не могли ничего различать. Я чувствовалъ желѣзныя ступени подъ своими голыми ногами. Недъ-Ландъ и Консель, которыхъ тоже крѣпко держали, слѣдовали за мной. Вотъ у лѣстницы отворилась дверь и тотчасъ же захлопнулась за нами съ металлическимъ стукомъ.

Мы остались одни. Гдѣ? Я не могъ понять, даже представить себѣ этого не могъ. Кругомъ все было темно, такъ что даже черезъ нѣсколько минутъ глаза мои не могли поймать ни одного изъ тѣхъ неопредѣленныхъ лучей которые мерцаютъ въ самыя темныя ночи.

Между тѣмъ Недъ-Ландъ, взбѣшенный подобнымъ обхожденіемъ, давалъ волю своему негодованію.

— Тысячу чертей! кричалъ онъ:—вотъ народъ который въ гостепріимствѣ могъ бы поучать жителей Каледоніи! Имъ не достаетъ только одного: быть людоѣдами. Это не удивитъ меня, но я объявляю что не отдамся на съѣденіе безъ протеста!

— Успокойтесь, другъ Недъ, успокойтесь, говорилъ тихо Консель.—Не раздражайтесь прежде времени, насъ еще не жарятъ!

— Не жарятъ, это правда, возразилъ Канадецъ, — но не подлежитъ сомнѣнію что мы въ тюрьмѣ. Здѣсь темно какъ въ печи. Къ счастію, мой ножъ * со мной, а я достаточно вижу для того чтобъ имъ пользоваться! Первый изъ этихъ бандитовъ которому вздумается поднять на меня руку....

— Не горячитесь, Недъ, сказалъ я китолову,—и не усложняйте нашего положенія безполезнымъ насиліемъ. Какъ знать, можетъ-быть насъ подслушиваютъ. Постараемся лучше разузнать гдѣ мы?

Я пошелъ ощупью и, сдѣлавъ пять шаговъ, встрѣтилъ стѣну обитую листовымъ желѣзомъ. Обернувшись, я наткнулся на деревянный столъ, возлѣ котораго стояло нѣсколько скамеекъ. Полъ этой тюрьмы былъ покрытъ толстою цыновкой.

---

* *Bowie-knif*—ножъ съ широкимъ лезвеемъ который Американцы всегда носятъ съ собой.

Digitized by Google

заглушавшею шумъ шаговъ. Голыя стѣны не представляли ни малѣйшаго признака дверей и оконъ. Консель, обходившій стѣны съ противоположной стороны, встрѣтился со мной, и мы возвратились на середину каюты, имѣвшей, по всей вѣроятности, двадцать футовъ въ длину и десять въ ширину. Что до высоты, то, несмотря на свой большой ростъ, Недъ-Ландъ не могъ ее измѣрить.

Прошло полчаса, а положеніе наше нисколько не измѣнялось. Вдругъ отъ совершенной темноты мы внезапно перешли къ самому яркому свѣту. Тюрьма наша неожиданно освѣтилась, то-есть наполнилась свѣтозарной матеріей съ такимъ сильнымъ блескомъ что я сначала не могъ выносить его. По его бѣлизнѣ, по яркости, я тотчасъ узналъ этотъ электрическій свѣтъ который производилъ вокругъ подводнаго судна такую великолѣпную фосфоризацію. Я на минуту невольно закрылъ глаза, и открывъ ихъ, увидѣлъ что свѣтъ лился изъ прозрачнаго полушара, выдававшагося въ верхней части каюты.

— Наконецъ-то! Теперь можно видѣть ясно! вскричалъ Недъ-Ландъ, стоявшій съ ножомъ въ рукахъ въ оборонительномъ положеніи.

— Да, отвѣчалъ я, отваживаясь на антитезу,—но положеніе наше тѣмъ не менѣе темно.

— Пусть ихъ милость вооружится терпѣніемъ, замѣтилъ невозмутимый Консель.

Неожиданный свѣтъ, озарившій каюту, позволилъ мнѣ разглядѣть ее во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. Въ ней не было никакой мебели, за исключеніемъ стола и пяти лавокъ. Двери не было видно и, по всей вѣроятности, она закрывалась герметически. Ни малѣйшаго звука не долетало до насъ. Все точно умерло въ этомъ суднѣ. Шло ли оно, оставалось ли на поверхности моря, или погружалось въ глубину? Я не могъ этого постигнуть.

Однако, каюту нашу не безъ причины же освѣтили. Я надѣялся что кто-нибудь изъ экипажа не замедлитъ показаться. Когда хотятъ забыть людей, то не освѣщаютъ ихъ тюрьму.

Я не ошибался. Послышался стукъ запоровъ, дверь отворилась, и на порогѣ ея появились два человѣка. Одинъ былъ небольшаго роста, съ сильно развитыми мускулами, широкими плечами, здоровыми членами, большою головой, густыми черными волосами и бородой, съ живымъ, проницательнымъ взглядомъ. Вся фигура его носила отпечатокъ той

Digitized by Google

подвижности которою отличается во Франціи народонаселеніе Прованса. Дидро справедливо сказалъ что характеръ человѣка выражается въ его движеніяхъ. Этотъ маленькій человѣчекъ могъ служить тому живымъ доказательствомъ. Видно было что онъ долженъ пересыпать свою рѣчь прозопопеями и метоніміями. Впрочемъ, я ни разу не имѣлъ случая убѣдиться въ истинѣ своего предположенія; при мнѣ онъ постоянно употреблялъ особенное, совершенно непонятное для меня нарѣчіе.

Второй незнакомецъ заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Ученикъ Гратіоле, или Эйгеля могъ бы читать въ его лицѣ какъ въ открытой книгѣ. Я тотчасъ отличилъ преобладающія въ немъ качества: самоувѣренность, ибо голова его красиво и свободно поднималась надъ линіей плечъ, и черные глаза смотрѣли съ холодною твердостью; спокойствіе, ибо блѣдноватый цвѣтъ его кожи служилъ доказательствомъ правильнаго обращенія крови; энергію, выражавшуюся въ быстромъ сокращеніи мускуловъ надъ бровями; наконецъ отвагу, ибо его свободное дыханіе обличало большое развитіе жизненной силы.

Прибавлю что человѣкъ этотъ казался гордымъ, что въ его спокойномъ и твердомъ взглядѣ отражалось, повидимому, благородство мысли, и все это въ совокупности, равно какъ соотвѣтственность движеній съ выраженіемъ лица, обличало, согласно ученію физіономистовъ, несомнѣнную искренность.

Присутствіе его невольно ободряло меня, и я предвѣщалъ себѣ отъ нашего свиданія только хорошее.

Нельзя было точно опредѣлить сколько ему лѣтъ, — тридцать пять или пятьдесятъ. Онъ былъ высокъ, съ широкимъ лбомъ, прямымъ носомъ, правильно очерченнымъ ртомъ, превосходными зубами, тонкими длинными руками, въ высшей степени „психическими“, употребляя выраженіе хирогномонистовъ, то-есть достойными служить возвышенной душѣ. Безъ сомнѣнія, мнѣ никогда не случалось видѣть болѣе замѣчательный типъ. Еще одна особенность: глаза его, довольно далеко отстоявшіе одинъ отъ другаго, могли одновременно обнимать цѣлую четверть горизонта. Способность эта,— какъ я въ послѣдствіи удостовѣрился,—соединялась съ зоркостью, превосходившею зоркость Недъ-Ланда. Когда этотъ незнакомецъ устремлялъ взоръ на какой-нибудь предметъ, брови его сжимались, широкія вѣки сближались, окружая

Digitized by Google

зрачокъ и сокращая такимъ образомъ поле зрѣнія, и онъ смотрѣлъ! Какой взглядъ! какъ онъ увеличивалъ отдаленные, уменьшенные разстояніемъ предметы! Какъ онъ читалъ въ вашей душѣ! Какъ онъ проникалъ въ жидкіе слои, столь непрозрачные на нашъ взглядъ, и какъ онъ ясно видѣлъ въ глубинѣ морей!

Оба незнакомца были въ шапкахъ изъ мѣха морской выдры и въ сапогахъ изъ кожи тюленя. Одежда ихъ изъ какой-то особенной ткани обрисовывала станъ и не стѣсняла движеній.

Высокій,—очевидно начальникъ судна,—смотрѣлъ на насъ съ величайшимъ вниманіемъ, не произнося ни слова. Потомъ, обращаясь къ своему товарищу, онъ заговорилъ съ нимъ на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Этотъ діалектъ былъ звученъ, пѣвучъ, гибокъ, и гласныя его, повидимому, имѣли разнообразныя ударенія.

Другой отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и прибавилъ два, три слова совершенно для меня непонятныя. Потомъ онъ обратилъ прямо ко мнѣ вопросительный взглядъ.

Я отвѣчалъ на чистомъ французскомъ языкѣ что не понимаю его нарѣчія; но онъ въ свою очередь не понялъ меня, и положеніе становилось довольно затруднительно.

— Пусть ихъ милость все-таки попробуетъ разказать нашу исторію, замѣтилъ Консель.—Быть-можетъ, этимъ господамъ и удастся понять изъ нея хоть что-нибудь!

Я принялся разказывать наши приключенія, стараясь выговаривать какъ можно яснѣе каждое слово и не пропуская ни малѣйшей подробности. Я просклонялъ наши имена и званія и торжественно представилъ нашимъ хозяевамъ профессора Аронакса, его слугу Конселя и Недъ-Ланда, китолова.

Человѣкъ съ прекрасными, спокойными глазами слушалъ меня спокойно, даже вѣжливо и необыкновенно внимательно. Но ничто въ лицѣ его не показывало чтобъ онъ понялъ мою исторію. Когда я кончилъ, онъ не отвѣтилъ ни слова.

Оставалось еще послѣднее средство—заговоритъ по-англійски. Быть-можетъ, они понимаютъ этотъ языкъ, который сдѣлался почти всемірнымъ. Я зналъ его, такъ же какъ и нѣмецкій языкъ, на столько чтобы бѣгло читать, но правильно объясняться не могъ. А здѣсь необходимо было говорить какъ можно понятнѣе.

Digitized by Google

— Теперь, другъ Ландъ, ваша очередь, сказалъ я китолову.—Раскошельтесь-ка и давайте намъ самый лучшій англійскій языкъ какимъ когда-либо говорилъ Англо-Саксонецъ, да постарайтесь быть счастливѣе меня.

Недъ не заставилъ себя просить и принялся перезказывать мой разказъ. Сущность была та же, только форма другая. Пылкій Канадецъ говорилъ съ увлеченіемъ. Онъ въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на то что его заключили вопреки международному праву, спрашивалъ на основаніи какого закона его здѣсь держатъ, призывалъ *habeas corpus*, грозилъ преслѣдовать тѣхъ кто самовольно арестовалъ его, суетился, махалъ руками, кричалъ и наконецъ сдѣлалъ выразительный жестъ, показывавшій что мы умираемъ съ голоду.

Это было совершенно справедливо, но мы почти забыли объ этомъ.

Къ своему величайшему изумленію, китоловъ имѣлъ, повидимому, такъ же мало успѣха какъ и я. Наши посѣтители не моргнули ни однимъ глазомъ. Было ясно что они не понимали ни языка Араго, ни языка Фарадея.

Мы были въ большомъ затрудненіи. Всѣ наши филологическія познанія оказывались недостаточными, и я не зналъ какъ намъ быть, когда Консель сказалъ мнѣ:

— Если ихъ милость позволитъ, то я разкажу исторію понѣмецки.

— Ты знаешь нѣмецкій языкъ? вскричалъ я.

— Какъ настоящій Фламандецъ, если угодно ихъ милости.

— Мнѣ какъ нельзя болѣе угодно. Начинай, мой другъ, начинай!

И Консель, своимъ ровнымъ голосомъ, изложилъ въ третій разъ всѣ наши разнообразныя приключенія. Но не взирая на изящные обороты и на пріятное произношеніе разкащика, нѣмецкій языкъ не имѣлъ никакого успѣха.

Наконецъ, въ крайности, я попытался освѣжить въ памяти свои юношескія познанія и разказать нашу исторію полатыни. Цицеронъ зажалъ бы себѣ уши и отослалъ бы меня на кухню. Но я все-таки исполнилъ свое дѣло. Результатъ былъ такой же, отрицательный. Послѣ этой послѣдней неудачи, незнакомцы обмѣнялись нѣсколькими словами на своемъ непонятномъ языкѣ и удалились, не ободривъ насъ даже однимъ изъ тѣхъ успокоительныхъ жестовъ которые приняты во всѣхъ странахъ свѣта. Дверь снова заперлась.

Digitized by Google

— Это подло! опять заволновался Недъ-Ландъ. Каково! съ ними говорятъ по-французски, по-англійски, по-нѣмецки, полатыни, а эти негодяи не удостоиваютъ отвѣтомъ!

— Успокойтесь, сказалъ я кипятившемуся китолову.—Гнѣвъ ни къ чему не поведетъ.

— Но знаете ли, господинъ профессоръ, возразилъ нашъ раздражительный товарищъ,—что въ этой желѣзной клѣткѣ можно положительно умереть съ голоду?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Консель,—съ помощью философіи можно еще долго выдержать.

— Друзья мои, сказалъ я,—не слѣдуетъ отчаиваться. Мы находились и въ худшихъ обстоятельствахъ. Такъ ужь лучше подождемъ прежде чѣмъ составимъ себѣ мнѣніе о начальникѣ и экипажѣ этого судна.

— Мое мнѣніе готово, возразилъ Недъ-Ландъ.—Это негодяи....

— Хорошо. Изъ какой страны?

— Изъ страны негодяевъ.

— Ну, любезный Недъ, сколько мнѣ извѣстно, положеніе этой страны еще не совсѣмъ точно обозначено на картѣ, и я признаюсь что трудно опредѣлить къ какой національности принадлежатъ эти незнакомцы. Не Англичане, не Французы, не Нѣмцы—вотъ все что можно сказать утвердительно. Однако я готовъ допустить что капитанъ и его помощникъ родились подъ низкими широтами. Въ нихъ есть что-то южное. Но я не могу рѣшить, Испанцы ли они, Турки, Арабы или Индійцы. Языкъ же ихъ совершенно непонятенъ.

— Вотъ въ чемъ неудобство не знать всѣхъ языковъ, отвѣчалъ Консель,—или скорѣе неудобство не имѣть одного общаго языка.

— Все это ни къ чему не повело бы! отвѣчалъ Недъ-Ландъ.— Развѣ вы не видите что у нихъ есть свой собственный языкъ, нарочно выдуманный для того чтобы приводить въ отчаяніе честныхъ людей которые хотятъ ѣсть! Вѣдь во всѣхъ странахъ свѣта открывать ротъ, шевелить челюстями, щелкать зубами и двигать губами вещи очень понятныя. Въ Квебекѣ и въ Помоту, въ Парижѣ и у антиподовъ, вездѣ это означаетъ: я голоденъ, дайте мнѣ ѣсть....

— О, вставилъ Консель,—встрѣчаются такія невосприимчивыя натуры....

Въ эту минуту дверь отворилась. Появился слуга. Онъ

Digitized by Google

принесъ намъ платье, куртки и штаны, сдѣланныя изъ матеріала котораго я не могъ разобрать. Я поспѣшилъ одѣться, и товарищи мои послѣдовали моему примѣру.

Между тѣмъ слуга,—нѣмой, а можетъ-быть и глухой,—накрывалъ на столъ и поставилъ три прибора.

— Вотъ это благоразумно, сказалъ Консель,—и внушаетъ пріятныя надежды.

— Ба, отвѣтилъ сердитый китоловъ,—какого чорта вамъ тутъ дадутъ поѣсть? Приготовятъ развѣ печень черепахи, филей и бифстексъ изъ акулы?

— Посмотримъ, отвѣчалъ Консель.

Блюда, покрытыя серебряными колпаками, стояли въ порядкѣ на скатерти, и мы сѣли за столъ. Право, мы имѣли дѣло съ людьми образованными, и еслибы не освѣщавшій насъ электрическій свѣтъ, я подумалъ бы что нахожусь въ столовой гостиницы Адельфи въ Ливерпулѣ, или въ *Grand Hôtel* въ Парижѣ. Должно однако сказать что на столѣ не было ни хлѣба, ни вина. Вода была свѣжа и чиста, но это была все-таки вода, что̀ было очень не по вкусу Недъ-Ланду. Между поданными намъ кушаньями я узналъ различныхъ рыбъ, искусно приготовленныхъ; но нѣкоторыя блюда, весьма впрочемъ вкусныя, поставили меня въ тупикъ. Я даже не могъ сказать къ какому царству принадлежитъ ихъ содержимое,—къ растительному или животному. Столъ былъ сервированъ богато и со вкусомъ. Каждая вещь,—ложка, вилка, ножикъ, тарелка,—имѣла клеймо: букву окруженную надписью, которую я воспроизвожу въ точности:

Mobilis

N.

in Mobile.

Подвижный въ подвижномъ элементѣ! Этотъ девизъ очевидно относился къ подводному судну, слѣдовало только предлогъ *in* перевести словомъ *въ*, а не *на*. Литера *N* была, по всей вѣроятности, заглавная буква имени таинственной личности начальствовавшей въ глубинѣ моря.

Недъ и Консель не предавались такимъ размышленіямъ. Они съ жадностью ѣли, и я скоро послѣдовалъ ихъ примѣру.

Digitized by Google

Къ тому же я успокоился насчетъ нашей участи, и мнѣ казалось яснымъ что наши хозяева не имѣли намѣренія уморить насъ голодомъ.

Но всему бываетъ конецъ на свѣтѣ, все проходитъ, даже голодъ людей не ѣвшихъ пятнадцать часовъ. Послѣ обѣда мы почувствовали что насъ страшно клонитъ ко сну. Это было весьма естественно послѣ безконечной ночи, въ продолженіе которой мы боролись со смертью.

— Право, я отлично сосну, замѣтилъ Консель.

— А я уже сплю, отвѣчалъ Недъ-Ландъ.

Мои товарищи растянулись на циновкѣ покрывавшей полъ каюты и скоро погрузились въ крѣпкій сонъ.

Съ своей стороны, я не такъ легко поддавался этой сильной потребности спать. Множество мыслей толпилось въ моемъ умѣ, множество неразрѣшимыхъ вопросовъ тѣснилось въ немъ, множество образовъ носилось предъ моими глазами, и все это не давало мнѣ покою. Гдѣ мы? Какая непонятная сила увлекаетъ насъ? Я чувствовалъ или, скорѣе, мнѣ казалось что я чувствую какъ судно постепенно погружается въ самые отдаленные слои моря.

Грозныя видѣнія мучили меня. Мнѣ представлялся въ этихъ таинственныхъ убѣжищахъ цѣлый міръ невѣдомыхъ животныхъ, однородныхъ съ этимъ подводнымъ судномъ, одаренныхъ жизнью и движеніемъ и столь же страшнымъ какъ они! Затѣмъ мало-по-малу мозгъ мой успокоился, воображеніемъ овладѣла неопредѣленная дремота, и я забылся наконецъ тяжелымъ сномъ.

ГЛАВА IX.

Гнѣвъ Недъ-Ланда.

Не знаю, долго ли мы спали. Вѣроятно долго, потому что успѣли совершенно отдохнуть. Я проснулся первый. Товарищи мои еще не трогались и лежали въ углу какъ мертвые.

Когда я поднялся со своего довольно жесткаго ложа, я почувствовалъ себя вполнѣ свѣжимъ и бодрымъ, и принялся снова внимательно осматривать нашу келью.

Въ ея внутреннемъ убранствѣ не произошло никакой перемѣны. Тюрьма оставалась тюрьмой и плѣнники плѣнниками. Только слуга, пользуясь нашимъ сномъ, убралъ со

Digitized by Google

стола остатки обѣда. Ничто такимъ образомъ не предвѣщало скорой перемѣны нашего положенія, и я со страхомъ спрашивалъ себя, ужь не суждено ли намъ жить въ этой клѣткѣ неопредѣленное время.

Перспектива эта казалась мнѣ тѣмъ болѣе непріятною что я начиналъ чувствовать сильное стѣсненіе въ груди, хотя умъ мой и освободился отъ всѣхъ тревожныхъ ощущеній вчерашней ночи. Мнѣ было трудно дышать. Сгустившійся воздухъ не освѣжалъ моихъ легкихъ. Хотя каюта была довольно просторна, но мы, очевидно, поглотили бо́льшую часть находившагося въ ней кислорода. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ въ теченіе одного часа потребляетъ количество кислорода содержащееся во ста литрахъ воздуха, и этотъ воздухъ, насытившійся почти такимъ же количествомъ углекислоты, становится негоднымъ для дыханія.

Необходимо было возобновить атмосферу въ нашей тюрьмѣ и, безъ сомнѣнія, также на всемъ суднѣ.

Здѣсь мнѣ представлялся трудный вопросъ; какъ поступалъ начальникъ этого пловучаго судна? Быть-можетъ, онъ для полученія воздуха прибѣгалъ къ химическимъ средствамъ, выдѣляя помощью теплоты кислородъ содержащійся въ хлорнокисломъ кали и уничтожая угольную кислоту ѣдкимъ кали? Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ имѣть сношеніе съ материкомъ чтобы добывать необходимыя для этой операціи вещества. Можетъ-быть также, онъ ограничивался тѣмъ что скоплялъ воздухъ, подверженный сильному давленію, въ особыхъ резервуарахъ, потомъ его выпускалъ, смотря по надобностямъ экипажа? И это возможно. Или,—что̀ еще легче, дешевле и слѣдовательно вѣроятнѣе,—онъ, быть-можетъ, отправлялся дышать на поверхность моря, какъ китообразныя млекопитающія, и каждые двадцать четыре часа возобновлялъ свой запасъ воздуха. Какъ бы то ни было, и какого бы способа ни придерживались здѣсь, мнѣ казалось что слѣдовало прибѣгнуть къ нему немедленно.

Мнѣ пришлось все болѣе и болѣе учащать вдыханія дабы вытягивать изъ каюты то небольшое количество кислорода какое въ ней еще находилось. Вдругъ меня освѣжилъ токъ чистаго воздуха, пропитаннаго соленными испареніями. Въ ту же минуту я почувствовалъ колебаніе, небольшую качку, впрочемъ довольно чувствительную. Судно, чудовище крытое листовымъ желѣзомъ, поднялось, очевидно, на поверх-

Digitized by Google

ность Океана чтобы дышать тамъ, какъ дѣлаютъ киты. Теперь я узналъ какимъ способомъ возобновлялся воздухъ въ подводномъ суднѣ.

Вдохнувъ полною грудью этотъ чистый воздухъ, я сталъ искать отверстія, вентилятора, если хотите, посредствомъ котораго благотворный токъ доходилъ до насъ, и скоро нашелъ его. Надъ дверью открывалось отверстіе, пропускавшее свѣжую струю воздуха, которою возобновлялась обѣднѣвшая атмосфера каюты.

Едва я успѣлъ сдѣлать это набюденіе, какъ Недъ и Консель проснулись, почти въ одно время, подъ вліяніемъ оживляющаго тока. Они протерли глаза, потянулись и тотчасъ вскочили на ноги.

— Ихъ милость изволили хорошо почивать? спросилъ Консель со своею обычною вѣжливостью.

— Очень хорошо, мой другъ, отвѣтилъ я. — А вы, Недъ-Ландъ?

— Очень krѣnko, господинъ профессоръ.—Не знаю, быть-можетъ я и ошибаюсь, но мнѣ кажется что я чувствую свѣжесть морскаго вѣтра?

Морякъ не могъ тутъ ошибиться, и я тотчасъ разказалъ Недъ-Ланду что произошло во время его сна.

— Хорошо, сказалъ онъ.—Этимъ объясняется конечно то рычаніе которое мы слышали когда мнимый нарвалъ находился въ виду *Авраама Линкольна*.

— Разумѣется, мистеръ Ландъ, онъ дышалъ!

— Только, господинъ Арронаксъ, я никакъ не могу придумать который бы теперь могъ быть часъ. Неужели обѣденный?

— Обѣденный? Нѣтъ, мой почтенный китоловъ, скажите лучше часъ завтрака, потому что мы, по всей вѣроятности, легли спать наканунѣ сегодняшняго утра.

— Изъ чего слѣдуетъ, отвѣчалъ Консель,—что мы спали двадцать четыре часа.

— Именно, сказалъ я.

— Не спорю, возразилъ Недъ-Ландъ,—обѣдъ или завтракъ, но слуга сдѣлаетъ отлично если принесетъ то или другое.

— И то, и другое, поправилъ Консель.

— Именно, отвѣчалъ Канадецъ. — Мы имѣемъ право на оба, и я съ своей стороны сдѣлаю честь всему.

— А теперь, Недъ, подождите, отвѣчалъ я. — Очевидно,

Digitized by Google

хозяева не имѣютъ намѣренія уморить насъ съ голоду, иначе они не прислали бы намъ вчерашняго обѣда.

— Пожалуй, насъ вздумаютъ откармливать на убой, возразилъ Недъ.

— Быть не можетъ, отвѣчалъ я.—Ручаюсь что мы не въ рукахъ людоѣдовъ.

— Одинъ разъ не въ счетъ, отвѣчалъ серіозно Канадецъ.—Почему знать, можетъ, эти люди давно не вкушали свѣжаго мяса, и въ такомъ случаѣ три здоровые и хорошо сложенные экземпляра, какъ господинъ профессоръ, его слуга и я....

— Прогоните такія мысли, Недъ, сказалъ я китолову,—и особенно постарайтесь не раздражаться противъ нашихъ хозяевъ. Это только ухудшитъ наше положеніе.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ китоловъ,—я голоденъ какъ тысяча чертей, а ни обѣдъ, ни завтракъ не показываются.

— Любезный Недъ, возразилъ я,—надо сообразоваться съ правилами корабля, а я полагаю что нашъ желудокъ опередилъ здѣшніе часы.

— Въ такомъ случаѣ его надо пріостановить, спокойно отвѣчалъ Консель.

— Узнаю васъ, другъ Консель, возразилъ нетерпѣливый Канадецъ.—Вы не тратите даромъ желчи и бережете нервы! Всегда покойны. Вы способны прочесть послѣобѣденную молитву не пообѣдавъ, и скорѣй умрете съ голоду чѣмъ станете жаловаться.

— Что въ томъ пользы? спросилъ Консель.

— А то что все-таки пожалуешься! Все какъ-то легче! Если эти пираты,—я говорю „пираты“ изъ уваженія къ господину профессору, который запрещаетъ называть ихъ людоѣдами,—если эти пираты воображаютъ что удержатъ меня въ этой клѣткѣ гдѣ я задыхаюсь, и не узнаютъ какими проклятіями я приправляю свою досаду, они ошибаются. Послушайте, господинъ Аронаксъ, скажите откровенно, какъ вы думаете, долго ли они продержатъ насъ въ этомъ желѣзномъ ящикѣ?

— Какъ вамъ сказать, другъ Ландъ? я въ этомъ дѣлѣ знаю не болѣе вашего.

— Ну, все-таки, какъ вы полагаете?

— Я думаю что случай открылъ намъ важную тайну. Если экипажъ этого подвижнаго судна желаетъ сохранить ее, и если эта тайна ему дороже жизни трехъ людей, то я думаю

Digitized by Google

что намъ не сдобровать. Въ противномъ случаѣ чудовище, поглотившее насъ, при первой же возможности возвратитъ насъ въ общество намъ подобныхъ.

— Только бы насъ не завербовали въ число экипажа, сказалъ Консель,—и оставили бы такъ....

— До той поры, перебилъ Недъ-Ландъ,—пока какой-нибудь фрегатъ, болѣе искусный или быстрый чѣмъ *Авраамъ Линкольнъ*, овладѣетъ этимъ гнѣздомъ разбойниковъ и отправитъ насъ вмѣстѣ съ его экипажемъ испустить духъ на верхушкѣ своей большой мачты.

— Хорошо сказано, мистеръ Ландъ, отвѣтилъ я. — Но, сколько мнѣ извѣстно, намъ не дѣлали на этотъ счетъ еще никакихъ предложеній. Нечего, стало-быть, и разсуждать о томъ что мы въ какомъ случаѣ предпримемъ. Повторяю вамъ, подождемте лучше, будемте сообразоваться съ обстоятельствами и не станемъ дѣлать ничего, ибо вѣдь ничего и не подѣлаешь.

— Напротивъ, господинъ профессоръ, отвѣчалъ китоловъ, который никакъ не хотѣлъ сдаться,—нужно что-нибудь дѣлать.

— А что бы такое, Недъ?

— Спастись.

— Бѣжать и изъ „земной“ тюрьмы довольно трудно, изъ тюрьмы же подводной, мнѣ это кажется совершенно неисполнимо.

— Ну, другъ Ландъ, спросилъ Консель,—что-то вы отвѣтите на возраженіе ихъ милости? Я не повѣрю чтобъ Американецъ когда-либо полѣзъ въ карманъ за словомъ!

Китоловъ смѣшался и умолкъ. Побѣгъ при такихъ обстоятельствахъ былъ очевидно невозможенъ. Но вѣдь Канадецъ на половину Французъ, и Недъ-Ландъ доказалъ это своимъ отвѣтомъ.

— Итакъ, господинъ Аронаксъ, сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія,—вы не догадываетесь что должны дѣлать люди которые не могутъ бѣжать изъ своей тюрьмы?

— Нѣтъ, мой другъ.

— Это очень просто; они должны устроиться такъ чтобы въ ней скрыться.

— Еще бы, замѣтилъ Консель,—лучше остаться въ тюрьмѣ чѣмъ очутиться подъ ней или надъ ней!

— Да, но только наперед надо вышвырнуть вонъ привратниковъ, тюремщиковъ и сторожей, прибавилъ Недъ.

Digitized by Google

— Какъ, Недъ, вы серіозно думаете овладѣть этимъ судномъ?

— Очень серіозно, отвѣчалъ Канадецъ.

— Это невозможно!

— Почему же нѣтъ? Можетъ представиться удобный случай, и я право не вижу отчего бы намъ имъ не воспользоваться. Если ихъ не болѣе какихъ-нибудь двадцати человѣкъ на этой машинѣ, то они не заставятъ же отступить двухъ Французовъ и одного Канадца.

Было благоразумнѣе пропустить такъ это предложеніе китолова нежели опровергать оное, и я ограничился отвѣтомъ:

— Когда случай представится, Недъ, мы посмотримъ. Но до тѣхъ поръ, прошу васъ, будьте терпѣливы. Мы должны дѣйствовать осторожно, и своею вспыльчивостью вы никакъ не поправите дѣла. Обѣщайте мнѣ поменьше сердиться.

— Обѣщаю, господинъ профессоръ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ далеко не успокоивающимъ тономъ.—Ни одно грубое слово, ни одно неосторожное движеніе не вырвутся у меня, хотя бы кушанье и не подавалось съ желаемою точностью.

— Вы дали слово, Недъ, сказалъ я Канадцу.

Разговоръ на этомъ прекратился, и каждый изъ насъ предался своимъ размышленіямъ. Несмотря на увѣренность китолова, я съ своей стороны, признаюсь, не питалъ никакихъ иллюзій. Я не допускалъ возможности тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ о коихъ говорилъ Недъ-Ландъ. Для того чтобы такъ ловко управлять подводнымъ судномъ требовался многочисленный экипажъ и, въ случаѣ схватки, намъ пришлось бы, слѣдовательно, имѣть дѣло съ противникомъ слишкомъ для насъ сильнымъ. Притомъ же мы прежде всего должны были быть свободны, а между тѣмъ сидѣли въ тюрьмѣ. Уйти же изъ этой желѣзной клѣтки, герметически закупоренной, я не видѣлъ ни малѣйшаго средства. И если только странный начальникъ этого судна имѣетъ какую-либо тайну которую онъ желаетъ сохранить,—что казалось довольно вѣроятнымъ, — то онъ конечно не позволитъ намъ хозяйничать здѣсь на свободѣ. Затѣмъ невольно возникалъ вопросъ о томъ какъ онъ избавится отъ насъ? Прибѣгнетъ къ насилію, или просто высадитъ на какой-нибудь клочокъ земли? Всѣ эти предположенія имѣли большую долю вѣроятности, и надо было быть китоловомъ чтобы надѣяться снова добыть себѣ свободу.

Между тѣмъ мысли Недъ-Ланда, какъ я замѣчалъ, болѣе

Digitized by Google

и болѣе ожесточались. Я видѣлъ какъ онъ насилу сдерживалъ себя, и какъ движенія его становились все грознѣе. Онъ вставалъ, обходилъ каюту какъ дикій звѣрь свою клѣтку, и колотилъ въ стѣну то ногой, то кулакомъ. Между тѣмъ время проходило, голодъ мучилъ насъ, а слуга на этотъ разъ не показывался. Если хозяева наши дѣйствительно имѣли хорошія относительно насъ намѣренія, то имъ не слѣдовало, казалось, такъ долго забывать наше положеніе.

Недъ-Ландъ, терзаемый судорогами своего здороваго желудка, все болѣе и болѣе выходилъ изъ себя и, несмотря на данное имъ слово, я въ самомъ дѣлѣ опасался какого-либо взрыва съ его стороны при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ экипажа.

Прошло еще часа два. Гнѣвъ Неда все усиливался. Онъ звалъ и кричалъ. Отвѣта не было. Желѣзныя стѣны были глухи. Я даже не слыхалъ ни малѣйшаго шума внутри судна, точно все тамъ умерло. Оно стояло на мѣстѣ, ибо иначе чувствовалось бы сотрясеніе корпуса подъ ударами винта. Спустившись, безъ сомнѣнія, въ глубину водъ, судно не принадлежало болѣе землѣ. Эта мрачная тишина наводила страхъ. Я боялся и думать о томъ какъ долго можетъ продолжаться наше заключеніе въ этой одинокой каютѣ. Надежды зародившіяся во мнѣ при свиданіи съ капитаномъ мало-по-малу изглаживались. Мягкость его взгляда, выраженіе великодушія на его лицѣ, благородство осанки, все исчезало изъ моей памяти. Этотъ загадочный человѣкъ представлялся мнѣ теперь неумолимымъ, жестокимъ. Я вообразилъ себѣ его удалившимся отъ людей, недоступнымъ никакому чувству состраданія, безжалостнымъ врагомъ себѣ подобныхъ, къ которымъ поклялся непримиримою ненавистью!

Неужели же онъ рѣшится уморить насъ, заточенныхъ въ этой тѣсной тюрьмѣ, предоставленныхъ всѣмъ страшнымъ искушеніямъ до какихъ только можетъ доводить мучительный голодъ? Эта ужасная мысль овладѣвала мною все сильнѣе; меня все болѣе и болѣе охватывалъ безумный, непреодолимый страхъ. Консель оставался спокоенъ, Недъ-Ландъ рычалъ.

Въ эту минуту снаружи раздался шумъ. Раздались шаги по желѣзнымъ плитамъ. Запоры отодвинулись, дверь отворилась, и слуга явился на порогѣ.

Не успѣлъ я шевельнуться какъ Канадецъ уже кинулся на несчастнаго, повалилъ его и держалъ за горло. Слуга задыхался подъ его сильною рукой.

Digitized by Google

Консель старался освободить изъ рукъ Неда его жертву, и я готовился присоединить къ его усиліямъ и свои, какъ вдругъ я былъ приглашенъ къ своему мѣсту, слѣдующими словами, сказанными по-французски:

„Успокойтесь, мистеръ Ландъ, а вы, господинъ профессоръ, потрудитесь меня выслушать.“

ГЛАВА X.

Обитатель морей.

Это былъ начальникъ судна.

Недъ-Ландъ мгновенно выпрямился. Слуга, едва не задохнувшійся, вышелъ по знаку своего господина, и такова была власть командира на его суднѣ что человѣкъ этотъ ни однимъ движеніемъ не обнаружилъ досады которую долженъ былъ чувствовать противъ китолова. Консель былъ также изумленъ невольно, и мы молча ожидали развязки этой сцены.

Капитанъ стоялъ опираясь на уголъ стола, скрестивъ руки, и смотрѣлъ на насъ съ глубокимъ вниманіемъ. Можетъ-быть, онъ не рѣшался говорить, или жалѣлъ о томъ что произнесъ нѣсколько французскихъ словъ. Это было очень возможно.

Прошло нѣсколько минутъ, но никто изъ насъ не думалъ прерывать молчанія.

— Господа, началъ онъ спокойнымъ и звучнымъ голосомъ,— я говорю по-французски, по-англійски, по-нѣмецки и по-латыни. Я могъ бы, слѣдовательно, отвѣчать вамъ при нашемъ первомъ свиданіи, но я хотѣлъ сперва узнать васъ и потомъ обдумать наши отношенія. Вашъ четверной разказъ, въ сущности совершенно сходный, убѣдилъ меня. Я знаю теперь что случай свелъ меня съ господиномъ Аронаксомъ, профессоромъ естественной исторіи въ парижскомъ Музеумѣ, отправленнымъ за границу съ научною цѣлью, съ Конселемъ, его слугой, и Недъ-Ландомъ, уроженцемъ Канады, китоловомъ на бортѣ фрегата *Авраама Линкольна*, изъ флота Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Я поклонился въ знакъ согласія. Но такъ какъ капитанъ не предлагалъ мнѣ вопроса, то и отвѣта не требовалось. Онъ говорилъ по-французски совершенно свободно, безъ всякаго акцента. Фраза его была отчетлива, слова точны, легкость

Digitized by Google

Digitized by Google

не
говор
акцента.

Digitized by Google

Digitized by Google